ЗИМНЯЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СНО

Интеграционные процессы в современных МО: проблемы и вызовы

СБОРНИК СТАТЕЙ

2025 г.

Издательство Скифия-принт, Санкт-Петербург, 2026

ББК 66.49
УДК 327
З-62

Редакторы: *Апарина А.В., Балавина Е.К., Давыдов Д.А., Дробышева А.Д., Ивлева Е.П., Карпушева В.А., Козлова К.В., Кольтяпина В.В., Кузнецов Т.Д., Кулагина Ю.В., Макаревич П.А., Машенин А.В., Никифорова А.М., Нитецкий В.М., Перова П.С., Пешкова С.А., Смирнов А.А., Шутукова Н.Х.*

Рецензенты:
Акимов Ю.Г., д.и.н., профессор кафедры американских исследований СПбГУ
Боголюбова Н.М., к.и.н., доцент кафедры международных гуманитарных связей СПбГУ
Заславская Н.Г., к.и.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ
Колотаев Ю.Ю., к.полит.н, старший преподаватель кафедры европейских исследований СПбГУ
Коновалова - Алхименкова К.А., к.и.н., старший преподаватель кафедры мировой политики СПбГУ
Коцур Г.В., к.полит.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ
Малыгина А.А., к.полит.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ
Матвеевская А.С., к.географ.н., доцент кафедры мировой политики СПбГУ
Ткаченко С.Л., д.э.н., профессор кафедры европейских исследований СПбГУ
Чихачев А.Ю., к.полит.н, доцент кафедры европейских исследований СПбГУ

З-62 **Зимняя конференция СНО: Интеграционные процессы в современных международных отношениях: проблемы и вызовы:** сборник статей V Международной студенческой научной конференции 6 декабря 2025 г. / Апарина А.В. и др. [ред.].— СПб.: Издательство Скифия-принт, 2026.— 568 с.

ISBN 978-5-00197-209-9

Сборник содержит статьи участников V Международной студенческой научной конференции «Зимняя конференция СНО. Интеграционные процессы в современных международных отношениях: проблемы и вызовы», проведенной на базе факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета 4–6 декабря 2025 г. Представлены результаты работы 10 секций, сформированных по региональному и проблемному принципу и объединённых глубинным анализом интеграционных и дезинтеграционных тенденций как в глобальном, так и региональном контексте.

ISBN 978-5-00197-209-9
© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА»

Герасимов Иван Владимирович
Межгосударственное сотрудничество и роль интеграционных механизмов группы БРИКС в решении продовольственных проблем 10

Гриненко Богдан Евгеньевич
Мьянма в евразийских форматах после 1 февраля 2021 года 19

Давыдов Денис Александрович
Роль Южной Африки в региональной интеграции на Юге Африки: кейсы Южноафриканского таможенного союза (ЮАТС) и Сообщества развития Юга Африки (САДК) 29

Данильцева Ульяна Павловна
Роль региональных организаций (на примере УНАСУР, ОАГ и Группы Лимы) в урегулировании политического кризиса в Венесуэле в 2019-2024 гг. 39

Демьянова Елена Александровна
БРИКС+ как гибкая параинституциональная структура Глобального Юга: эффективность неформальных механизмов интеграции 49

Иванова Анастасия Дмитриевна
Эволюция роли региональных организаций (АС, АСЕАН, САДК) в урегулировании конфликтов 56

Ишина Полина Николаевна
СЕЛАК и ОАГ в условиях американо-китайской конкуренции в Латинской Америке 64

Кольтяпина Виктория Вячеславовна
В поисках утраченного единства: дезинтегрирующие тенденции в Латинской Америке. 73

Перова Полина Станиславовна
Фактор Малайзии в интеграционных процессах в АСЕАН 80

Приходько Максим Алексеевич
Современные интеграционные процессы в Латинской Америке: проблемы и перспективы 89

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ»

Алешкович Александр Сергеевич
Акторность интеграционных структур в многополярной системе международных отношений 98

Денисова Виктория Тимофеевна
Механизмы адаптации мусульман-иммигрантов в Великобритании: проблемы и вызовы. 105

Куликова Дария Андриановна
Проблемы адаптации и интеграции алжирских иммигрантов в многонациональное французское общество 114

Лотокова Лина Исламовна
Последствия усиления внутренней иммиграционной рейдовой практики для интеграции мигрантов в многонациональном обществе: опыт США. 124

Полева Дарья Олеговна
Спорт как инструмент интеграции мигрантов в странах Европейского Союза на примере Германии, Франции и Италии. . . 132

СЕКЦИЯ «ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Кузнецов Тимофей Дмитриевич
Ядерная стратегия Великобритании в контексте Брексита и усиления военной интеграции НАТО и АУКУС. 140

Лаврентьев Олег Игоревич
Эволюция военно-технического сотрудничества стран Северной Европы после вступления Финляндии и Швеции в НАТО. 149

Литовченко Иван Александрович
Юго-Восточная Азия в стратегии военно-технического сотрудничества России: тенденции ассиметричного влияния в Таиланде и Малайзии 155

Сечин Иван Олегович
Иранская модель военно-технического сотрудничества с негосударственными акторами на Ближнем Востоке 162

Шестаков Игорь Александрович
«Проактивный пацифизм в новую эпоху»: военно-политическое сотрудничество США и Японии в контексте «новой холодной войны» с Китаем 171

СЕКЦИЯ «ИНТЕГРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ И ВЫЗОВЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Гунько Алексей Максимович
Международные корпорации как инструмент региональной интеграции: композитная оценка влияния на примере Яндекса и Сбербанка в Казахстане и Беларуси 179

Казакова Мария Алексеевна
Технологическая асимметрия в ядерной кооперации России и Китая: обмен опытом или утрата преимуществ? 188

Люй Вэньюй
Конфуцианство как ресурс «мягкой силы» Китая в Евразийской интеграции 197

Ольта Юлия Константиновна
От внутренней к внешней интеграции: историческая политика и идентичность в интеграционной стратегии Казахстана. 207

Пантюхина Виолетта Дмитриевна
Сотрудничество ЕАЭС и Вьетнама как стратегический потенциал межрегиональной интеграции 218

Солохина Анна Ивановна
Правовые и организационные вызовы интермодальных перевозок как барьер евразийской экономической интеграции и пути их преодоления 224

Топучканов Дмитрий Сергеевич
Роль диаспор как «неформальных» акторов в интеграционных процессах (на примере ЕАЭС) 233

СЕКЦИЯ «ИНТЕГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ МЕДИА: РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ»

Дробышевский Дмитрий Александрович
Информационная безопасность цифровых платформ как фактор защиты экономического суверенитета 239

Коломейцева Ксения Алексеевна, Черненок Дарина Максимовна
«Цифровой разрыв» и культурная интеграция:
как китайские медиа преодолевают барьеры в глобальном
информационном пространстве 247

Макаревич Полина Александровна
Дезинформация и феномен фейковых новостей: комплексный
вызов для устойчивости интеграционных процессов в ЕС. 254

Метлицкая Анна Ивановна
Slavic core как социальная практика цифровых платформ:
влияние на глобальное восприятие славянской идентичности 265

СЕКЦИЯ «РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ В АРХИТЕКТУРЕ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ»

Данилова Евгения Вячеславовна
Роль БРИКС в регулировании глобальных цен
на сырьевые товары 273

Игнатьева Ксения Вадимовна
Международно-правовая ответственность государств
за деятельность в космическом пространстве 280

СЕКЦИЯ «ПАРАДИПЛОМАТИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ГЛОБАЛЬНЫХ (ДЕЗ)ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Абаев Алексей Романович, Троценко Артем Владимирович
Парадипломатия республики Татарстан:
особенности сотрудничества с Исламским миром
(на примере отношений с Афганистаном). 290

Воякина Мария Сергеевна
Цифровая парадипломатия и продвижение экономических
и культурных интересов китайской провинции Чжэцзян
на международной арене 299

Корякина Софья Юрьевна, Силантьев Евгений Алексеевич
Парадипломатические тенденции в индийско-японских
отношениях, правовые основы и методы организации
сотрудничества 308

Машенин Андрей Владиславович
Парадипломатия священных городов ислама
на Ближнем Востоке 315

Селицкий Арсений Дмитриевич, Шутукова Наргиза Хусиновна
Парадипломатическое измерение
российско-японских отношений 323

Чупина Юлия Александровна, Шампаров Андрей Игоревич
Сравнительный анализ опыта парадипломатии трех канадских
провинций на современном этапе: Квебек, Альберта,
Британская Колумбия 336

СЕКЦИЯ «ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ (ДЕЗ)ИНТЕГРАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ»

Апарина Анастасия Викторовна
От прифронтовых государств к архитекторам политики:
как страны Южной Европы влияют на интеграцию ЕС
в сфере миграции 344

Ашикбаева Ильдана Адильевна, Антипина Анна Сергеевна
Формирование единого европейского медиадискурса:
интеграция через цифровое взаимодействие 353

Бардаковский Алексей Игоревич
Союз для Средиземноморья: роль в развитии
евро-средиземноморской интеграции 361

Никифорова Анна Максимовна
Швейцарская модель отношений с ЕС:
эталон дезинтеграции или альтернативная форма интеграции. . . . 369

Опарин Виталий Алексеевич
От маргинализации к мейнстриму: эволюция «Шведских
демократов» как отражение кризисов европейской идентичности 377

Павлова Ирина Витальевна
Перспективы изменения процесса принятия
внешнеполитических решений в рамках ОВПБ
в Европейском союзе. 387

Субботин Илья Александрович
«Уверенный в себе» и «суверенный»: Европейский союз
в системе основополагающих внешнеполитических убеждений
правительства ФРГ на современном этапе (2011 – начало 2025 гг.) 394

СЕКЦИЯ «СУВЕРЕНИТЕТ И ИНТЕГРАЦИЯ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ»

Анискевич Ксения Валерьевна
Прагматический нейтралитет Таиланда в условиях политического кризиса в Мьянме 403

Безбах Анастасия Дмитриевна, Замяткина Екатерина Николаевна, Лупу Елизавета
Парадокс интеграции и фрагментации: почему несмотря на общие цели, уровень интеграции внутри АСЕАН остается неравномерным 412

Куцин Андрей Андреевич
Макрон и европейский суверенитет: эволюция риторики и стратегического видения (2017–2025) 422

Медведева Екатерина Михайловна
Влияние энергетической политики государств ССАГПЗ на экономический суверенитет стран-участников 434

Пешкова Софья Антоновна
Зависимость или взаимозависимость: Переосмысление суверенитета Южной Кореи в контексте альянса с США 442

Привалов Александр Сергеевич
Хеджирование, не дезинтеграция — стратегия Венгрии в условиях нарастающей международной нестабильности 449

СЕКЦИЯ «МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ И ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ»

Алдашина Дарья Александровна, Грабарева Екатерина Юрьевна
Символический капитал «липких мест» как механизм гуманитарной интеграции в условиях глобальной мобильности . . 458

Аникина Алина Алексеевна, Бирюкова Елизавета Игоревна
Креативные индустрии как инструмент межкультурной интеграции на примере БРИКС 466

Зверева Антонина Алексеевна
Сравнительно-правовой анализ механизмов культурной интеграции от наднациональных моделей к инструментам гибкой кооперации 475

Куликова Ольга Михайловна
Культурная дипломатия Австрии как инструмент межкультурной интеграции в Альпийском регионе. 481

Лайнберри Сидней Ранкин
Роль советской эстрадной песни в становлении и развитии культурного сотрудничества СССР и социалистических стран Европы в 1950-е — 1980-е годы. 489

Ненашева Ксения Евгеньевна
Культурная дипломатия Южной Кореи: институт имени короля Седжона как инструмент «мягкой силы» и гуманитарной интеграции 497

Сацерадзе Тенгиз Годердзиевич
ТЮРКСОЙ как инструмент культурной дипломатии Турецкой Республики и средство сохранения тюркской идентичности в странах Центральной Азии 506

Чирков Матвей Андреевич
Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: взаимодействие на площадках международных организаций 516

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА СНО ФМО: ЛУЧШИЕ РАБОТЫ

Алешкович Александр Сергеевич
Глобальный Юг как инструмент мобилизации в процессе формирования многополярности 525

Габдулина Алсу Илдусовна
Инвестиционное и инфраструктурное влияние Китая на страны Глобального Юга: анализ долговой стратегии КНР в Африке на примере Кении. 533

Мирзоев Эмин Эльчинович
Международные банки развития как продолжение дискуссии между Глобальным Югом и Глобальным Севером 541

Полушкина Вероника Алексеевна
Миграция как инструмент внешней политики Марокко в отношении Европейского Союза и его стран-членов 550

Семак Валерия Максимовна
Иран в контексте Глобального Юга: дипломатия противостояния и солидарности 559

СЕКЦИЯ «ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА»

Герасимов Иван Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистр

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И РОЛЬ ИНТЕГРАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ ГРУППЫ БРИКС В РЕШЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ

INTERSTATE COOPERATION AND THE ROLE OF BRICS INTEGRATION MECHANISMS IN ADDRESSING FOOD SECURITY CHALLENGES

Аннотация. *Целью статьи* является анализ продовольственной безопасности в странах БРИКС в условиях интеграционных и дезинтеграционных процессов современного мира. Исследование опирается на системный подход, рассматривающий продовольственную безопасность как комплексную систему. *Методология* включает сравнительный, ретроспективный, сценарный и прогностический анализ, что позволяет выявить общие вызовы и оценить механизмы сотрудничества внутри союза БРИКС. *Результаты исследования* показывают ключевую роль интеграционных инициатив и международного сотрудничества в обеспечении устойчивого развития агропродовольственного комплекса.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, БРИКС, международное сотрудничество, агропродовольственный комплекс, глобальные риски.

Abstract. The article aims to analyze food security in BRICS countries within the context of ongoing integrational and disintegrational global processes. The study employs a systemic approach viewing food security as a complex system that includes production, distribution, accessibility, and quality of food resources. Methodologies such as comparative, retrospective, scenario, and forecasting analyses are utilized to identify common challenges and assess cooperation mechanisms within the BRICS bloc. The results highlight the pivotal role of integrational initiatives and international cooperation in sustaining agrifood complex development.

Keywords: food security, BRICS, international cooperation, agrifood complex, global risks.

Введение

Современная система международных отношений проводит параллельные процессы интеграции и фрагментации, которые напрямую определяют устойчивость глобальных продовольственных цепочек. С одной стороны, усиливаются интеграционные инициативы, такие как БРИКС, направленные на формирование альтернативных механизмов глобального управления, развитие сотрудничество и обмен технологий в агропромышленном комплексе. С другой стороны, мировая экономика сталкивается с процессами дезинтеграции — ростом протекционизма, санкционных ограничений, геоэкономической конкуренции и региональных конфликтов, подрывающих стабильность продовольственных систем. Для стран БРИКС данный аспект приобретает особое значение в силу их роли как крупнейших производителей и потребителей продовольствия, а также в контексте их стремления реформировать глобальные экономические институты.

Эволюция продовольственной безопасности в БРИКС. Продовольственная безопасность продолжает оставаться ключевой темой в деятельности группы БРИКС, которая прошла долгий путь эволюции подходов от декларативных заявлений к конкретным практическим мерам. Начальным этапом послужило Совместное министерское заявление стран БРИК (до присоединения ЮАР) по глобальной продовольственной безопасности, принятое на саммите в Екатеринбурге в 2009 году [1]. В рамках российского председательства в БРИКС проблематика ПБ акцентировалась как одна из приоритетных, о чём свидетельствовала встреча министров сельского хозяйства стран в Уфе в 2015 году [2].

Как значимый этап следует выделить 2020 год, когда на Санкт-Петербургском саммите была утверждена Стратегия экономического партнёрства БРИКС до 2025 года [3]. Этот документ заложил основу для системного и последовательного сотрудничества по продовольственной безопасности, качеству питания и развитию сельского хозяйства, выдвинув пять ключевых приоритетов: стратегии доступа к продовольствию для наиболее уязвимых слоёв, торговля и инвестиции, обмен информацией, технологические инновации и экологическая тематика.

В Декларации Рио-де-Жанейро БРИКС 2025 года продовольственная безопасность признана приоритетной темой, отражая ключевую роль стран БРИКС в мировом производстве продовольствия и устойчивом сельском хозяйстве [4, с. 66–72]. Особое внимание уделяется поддержке семейных фермерских хозяйств и развитию технологий для повышения производительно-

сти, активно продвигаются инициативы по снижению потерь продовольствия, развитию систем национальных резервов и международным координациям в сфере безопасности питания, а также поддерживается Партнерство по восстановлению земель и борьбе с голодом как важные глобальные механизмы совместной работы.

В сотрудничестве стран БРИКС по продовольственной безопасности и развитию сельского хозяйства выделяются ключевые направления, включающие разработку единой стратегии обеспечения доступа к продовольствию для наиболее уязвимых слоёв населения и обмен опытом в области государственной политики и программ поддержки семейного фермерства.

Россия, Китай, Индия и Бразилия выстраивают взаимодополняемые аграрные цепочки. Россия укрепляет лидерство на рынке зерна (26% мирового экспорта пшеницы), Бразилия — в поставках сои, сахара и мяса, Китай и Индия в производстве и переработке ключевых культур [4]. Эти связи формируют основу продовольственного взаимодействия Юг–Юг.

Ключевым интеграционным инструментом может стать инициатива России по созданию Зерновой биржи БРИКС, способной консолидировать до 40% мировых поставок зерновых и снизить зависимость от западных финансово-логистических механизмов [5]. Биржа позволит формировать справедливое ценообразование, проводить расчёты в национальных валютах и обеспечить устойчивость поставок для членов объединения и стран-партнёров.

Межгосударственная координация внутри БРИКС усиливается через механизмы совместных деклараций и аграрных советов, направленных на гармонизацию фитосанитарных стандартов, поддержку агроэкологии, развитие технологий орошения и повышение доступности продовольствия. Особое внимание уделяется поддержке уязвимых стран Глобального Юга: Эфиопии, Египта, Ирана, ЮАР.

БРИКС выступает платформой для формирования независимой инфраструктуры продовольственного рынка: от логистических хабов и портовых мощностей до цифровых каналов торговли. Консолидация усилий в области устойчивого земледелия, институциональные инновации (биржа, фонд продовольственного импорта) и общие подходы к цифровой трансформации торговли позволяют рассматривать БРИКС как основу новой модели глобальной продовольственной безопасности — справедливой, суверенной и ориентированной на развитие.

Обратимся к межгосударственному сотрудничеству стран БРИКС в рамках продовольственной безопасности. В секторальном разрезе деятельности стран БРИКС и их партнёров отмечается активное развитие сотрудничества в области производства агропромышленной продукции. Примеры включают совместные проекты Египта и Китая по выведению

засухоустойчивых сельскохозяйственных культур [6], а также инициативы Индии и Египта, направленные на модернизацию сельского хозяйства, совершенствование ирригационных систем и обеспечение продовольственной безопасности [7, с. 2]. Экономическая кооперация реализуется через прямые и инновационные торговые формы. К ним относятся развитие бартерной торговли между Россией и Китаем сельскохозяйственной продукцией [8], а также функционирование электронной торговой платформы Agriota, объединяющей ОАЭ и Индию для эффективного обмена аграрными товарами [9, с. 1–2].

В связи с расширением объединения, страны БРИКС+ также продвигают цели устойчивого развития как важную цель национальной и глобальной безопасности. Обратимся к проектам Эфиопии, которая с вступлением в БРИКС успешно демонстрирует внедрение и реализацию программы и стратегии устойчивого развития. В апреле 2024 года была запущена инициатива TSEDU Ethiopia — Clean Ethiopia — 2030, направленная на развитие инфраструктуры [10, с. 1–2]. Россия и Эфиопия существенно укрепляют двусторонние связи, включая масштабное развитие логистики и электронной торговли. Касательно развитие логистической инфраструктуры, то российская компания Wildberries подписала соглашение с Ethiopian Investment Holdings в ноябре 2025 года [11, с. 1]. Это сотрудничество направлено на развитие электронной торговли и инфраструктуры в Эфиопии.

Кроме того, Эфиопия активно борется с потерями после сбора урожая. Так, в стране реализована комплексная стратегия по сокращению этих потерь, что значительно повышает эффективность продовольственной системы [12, с. 4–5]. Потери составляют до 12 млн. тонн продовольствия ежегодно, что экономически тяжело сказывается на стране [13, с. 2–3]. Благодаря мерам по улучшению хранения, транспортировки и переработки продовольствия Эфиопия приближается к повышению продовольственной безопасности и устойчивости сельского хозяйства.

Помимо всего вышеперечисленного, страны БРИКС инициируют создание специализированных центров и лабораторий для формирования кадрового потенциала и развития научно-технического сотрудничества в Эфиопии и Египте. В частности, действует Центр передового опыта Китай–Африка–ЮНИДО в Аддис-Абебе, задачами которой является развитие технологий в области сельского хозяйства, упрощение процесса передачи технологий и знаний между государствами, а также подготовка кадров в Эфиопии и других странах [14, с. 2–3]. Также существуют лаборатории умного сельского хозяйства на базе НИИ Египта и Китая [15, с. 4–5], а также реализуются совместные климатические и агротехнологические исследования между FAPESP (Бразилия) и NSFC (Китай) [16, с. 2–4].

Упрощение торговых процедур, снижение нетарифных барьеров и оптимизация стандартов сертификации формируют новые условия для расширения экспорта. Такие меры представлены снижением барьеров для мясной и молочной продукции из ЮАР в ОАЭ [17, с. 23–24] и упрощением доступа египетских аграрных товаров на российский рынок [14].

В сферах трансграничного внедрения инноваций выделяются программы по обмену агротехнологиями между Индией и Бразилией [8, с. 2–3], пилотные технологические проекты по отслеживанию перемещений сельхозпродукции между Китаем и Бразилией [15, с. 5–6], а также инициативы по созданию инновационных центров на университетской базе России и Китая [18, с. 14–16].

Развитие транспортной инфраструктуры в странах БРИКС является ключевым фактором обеспечения продовольственной безопасности, поскольку оно напрямую влияет на эффективность и устойчивость продовольственных систем. Транспортные коммуникации выступают не только как технологический, но и как социально-экономический ресурс, обеспечивающий продовольственную стабильность и безопасность населения в современных условиях.

В целях формирования устойчивых логистических маршрутов осуществляются масштабные проекты, такие как «Евразийский агроэкспресс» [12, с. 2–8]. Организуются взаимные железнодорожные поставки агропродукции между Россией и Китаем, включая «сухие» и «холодные» поезда с рефрижераторными контейнерами. Проект обеспечивает экспорт продукции стран ЕАЭС в Китай, а также другие страны Центральной и Юго-Восточной Азии, включая Узбекистан, Азербайджан и Вьетнам. В нем участвуют ведущие логистические операторы России, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, что способствует интеграции транспортных систем и развитию торгово-логистической инфраструктуры ЕАЭС.

Помимо этого запускаются прямые судоходные линии между ключевыми портами ОАЭ, Египта и Саудовской Аравии, формируется новый сухопутный зерновой коридор Россия–Китай [8, с. 2–4], а также открывается морская линия FESCO Egypt Direct Line между Египтом и Россией [17].

Расширение торговли и партнерских связей реализуется посредством создания платформ для поиска партнеров по линии программы «Один пояс, один путь», увеличения экспорта агропромышленной продукции, заключения всеобъемлющих соглашений (например, между Индией и ОАЭ), а также двустороннего сотрудничества в ключевых агарных дисциплинах между Россией и ЮАР [14, с. 44–48], и создания зон свободной торговли между ЕАЭС и Ираном. Особое внимание уделяется обмену инновациями, образовательному и техническому партнёрству, а также сотрудничеству между карантинными центрами Ирана и Индии [15]. Также Россия предлагает другим странам-участницам возможную альтернативу: взаимно признавать национальные

таксономии, в том числе системы верификации и отчетности, или разработать единую таксономию БРИКС.

Общие вызовы объединения БРИКС на современном этапе

Национальные системы АПК стран-членов БРИКС находятся на различных стадиях эволюции. Это создаёт ситуацию, когда многие участники БРИКС находятся в стадии «догоняющих» по отношению к другим партнёрам. С присоединением новых участников, этот дисбаланс только усиливается. В новых условиях проведение общей, согласованной политики на глобальных площадках представляется затруднительным, с учётом различных национальных приоритетов. Страны БРИКС объективно имеют довольно разные, не согласующиеся ключевые сферы, с точки зрения финансирования, субсидирования и иных форм государственной поддержки АПК. Отмечаются также существенные различия по структуре АПК. Если в Китае основу аграрного сектора составляют малые и средние фермерские хозяйства, то в России и Бразилии, например, производство контролируется крупным агробизнесом.[17, с. 4–6]

Кроме того, скрытые издержки на продовольствие, влияющие на формирование внутренней ценовой политики также значительно разнятся. Для стран с менее развитой моделью, включая Египет, Иран, Эфиопию, а также Индию, большая часть скрытых издержек приходится на социальную поддержку. Например, правительства этих стран вынуждены предусматривать выделение больших субсидий. на производство хлеба, а также топлива на транспортировку продовольствия с тем, чтобы сохранить базовой продовольственной номенклатуры для большей части бедного, социально уязвимого населения[16, с. 343–348]. Эти же страны вынуждены нести высокие экологические издержки, связанные с климатическими катаклизмами, поскольку их аграрные системы являются более уязвимыми и имеют низкий порог резистентности к засухам, наводнениям, инфекционным заболеваниям, нашествиям насекомых-вредителей. В частности, Индия, с учётом масштабов её экономики, несёт наиболее высокие в мире расходы по борьбе с недоеданием и по поддержке бедных фермеров в сельских районах, что является основными издержками скрытой стоимости продовольствия в этой стране.

Среди ключевых проблем экспорта агропромышленной продукции в странах БРИКС отмечается низкая диверсификация экспортных партнёров, что ведёт к профициту в пользу ведущих игроков, таких как Китай, Индия и Бразилия. Дополнительно наблюдается узкая специализация поставок: около 90% экспорта приходится на 2–3 товарные категории [17, с. 34–38]. Отсутствие согласованной экспортной стратегии, несоответствие стандартов и недостаточная гармонизация сертификационных процедур, а также широкое исполь-

зование тарифных и нетарифных барьеров на уровне отдельных государств затрудняют развитие интегрированных экспортных практик.

Логистическая интеграция в рамках сотрудничества стран БРИКС осложняется значительной территориальной удалённостью участников, включая такие государства, как Бразилия, ЮАР, ОАЭ, Россия и Индия [18, с. 8–10]. Ограниченная пропускная способность транспортной и складской инфраструктуры негативно влияет на сбалансированность экспортно-импортных потоков, что приводит к увеличению логистических издержек. Кроме того, отсутствие единой транспортно-логистической инфраструктуры с равноправным доступом и отсутствия логистических механизмов, таких как ускоренное таможенное оформление и цифровое сопровождение грузов, существенно увеличивает время транзита и снижает общую эффективность международных перевозок. Эти барьеры требуют разработки интегрированных решений, направленных на создание унифицированной логистической системы и оптимизацию процедур трансграничного управления грузами.

Финансовые барьеры представлены низким уровнем доверия к национальным валютам и преобладанием расчётов в валютах третьих стран, а также дефицитом общих финансовых институтов, способных обеспечить коллективное финансирование аграрных проектов в БРИКС. Недостаток единой платёжной системы осложняет оперативное проведение финансовых операций в рамках объединения [16, с. 44–48]. Наряду с этим влияние валютной политики вне зоны БРИКС создаёт дополнительную ценовую нестабильность. Отсутствие эффективных стимулирующих институтов, в том числе совместных специальных экономических зон, препятствует обеспечению полного цикла экспортно-импортных операций.

Многостороннее взаимодействие в рамках БРИКС сталкивается с высокими транзакционными издержками, обусловленными несогласованностью ключевых операторов логистики и финансовых структур. Дополнительным препятствием выступает фрагментация мировой торговли, проявляющаяся в переходе к преимущественно двусторонним соглашениям. Растущий спрос на продовольствие, вызванный увеличением численности населения и доходов, требует адаптации к различным национальным правовым и регуляторным системам. Важной проблемой остаётся зависимость развития торговли и экономик БРИКС от внешних государств, не входящих в объединение.

В заключении необходимо подчеркнуть, что интеграционные механизмы БРИКС активно развиваются в обеспечении продовольственной безопасности на фоне современных процессов глобализации и регионализации. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития комплексных интеграционных подходов, которые будут направлены на гармонизацию экспортных стратегий, стандартизацию и упрощение серти-

фикационных процедур, формирование единой транспортно-логистической инфраструктуры и создание эффективных финансовых механизмов.

Список источников и литературы

1. Совместное заявление лидеров стран БРИК. Екатеринбург, 16 июня 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/209 (дата обращения: 17.11.2025).
2. Встреча лидеров БРИКС с главами приглашённых государств. Уфа, 9 июля 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/49901 (дата обращения: 17.11.2025).
3. Стратегия экономического партнёрства БРИКС до 2025 года: утверждена на саммите БРИКС 17 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIZjOpIuAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
4. Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления». Рио-де-Жанейро, Бразилия, 6 июля 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
5. Зерновая биржа БРИКС: шаг вперёд в укреплении зерновых рынков [Электронный ресурс] // TV BRICS. 05.07.2025. URL: https://tvbrics.com/news/zernovaya-birzha-briks-shag-vpered-v-ukreplenii-zernovykh-rynkov/ (дата обращения: 17.11.2025).
6. China invests 7 billion US dollars in Egyptian economy [Электронный ресурс] // Elbalad. 2025. URL: https://www.elbalad.news/6744383 (дата обращения: 17.11.2025).
7. Бочаров М., Бочаров И. Зелёное солнце пустыни [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 31.10.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zelenoe-solntse-pustyni/ (дата обращения: 17.11.2025).
8. Ethiopia's PM Abiy Ahmed launches 'Clean Ethiopia' digital telethon [Электронный ресурс] // Africa Facts Zone. 28.04.2024. URL: https://africafactszone.com/clean-ethiopia/ (дата обращения: 17.11.2025).
9. Ethiopia's Food Security in the New Era [Электронный ресурс] // Ethiopian News Agency (ENA). 10.06.2025. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/eng_6743987 (дата обращения: 17.11.2025).
10. ООН: более 10 млн жителей Эфиопии страдают от острой нехватки продовольствия [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. 24.10.2023. URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/оон-более-10-млн-жителей-эфиопии-страдают-от-острой-нехватки-продовольствия-/3545413 (дата обращения: 17.11.2025).
11. В Эфиопии открылся Центр передового опыта Китай–Африка–ЮНИДО [Электронный ресурс] // TV BRICS. 2024. URL: https://tvbrics.com/news/v-efiopii-otkrylsya-tsentr-peredovogo-opyta-kitay-afrika-yunido/ (дата обращения: 17.11.2025).
12. Концепция развития торговли продукцией АПК со странами объединения БРИКС [Электронный ресурс]. М.: ФГБУ «Агроэкспорт», 2025. 84 с. URL: https://

aemcx.ru/wp-content/uploads/2025/05/konczepcziya_razvitiya_torgovli-produkcziej_apk-so-stranami_obedineniya-briks.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
13. *Иванова С. В., Александров И. О.* Развитие китайско-бразильской торговли агропродовольственной продукцией [Электронный ресурс] // Международная торговля и торговая политика. 2023. № 1 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kitaysko-brazilskoy-torgovli-agroprodovolstvennoy-produktsiey (дата обращения: 17.11.2025).
14. Евразийский Агроэкспресс [Электронный ресурс]. Официальный сайт проекта. URL: https://evrazlog.com (дата обращения: 17.11.2025).
15. БРИКС в мировой экономике и финансах: монография / под науч. ред. И. З. Ярыгиной, В. И. Герасимова. М.: НКИ БРИКС, 2024. 432 с. URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/6600/a099/6272/6906/c162/0000/original/Монография_БРИКС.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
16. Индия и Иран расширят сотрудничество в рамках БРИКС и ШОС [Электронный ресурс] // Myseldon News. 2025. URL: https://myseldon.com/ru/news/index/306202979 (дата обращения: 17.11.2025).
17. *Растопчина Ю. Л., Ковалева Е. И., Ваганова О. В.* Взаимодействие стран БРИКС в сфере АПК: обзор и анализ экспортной деятельности [Электронный ресурс] // Научный результат. Экономические исследования. 2025. Т. 11. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-stran-briks-v-sfere-apk-obzor-i-analiz-eksportnoy-dey

Гриненко Богдан Евгеньевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Факультет мировой экономики и мировой политики
Магистратура

МЬЯНМА В ЕВРАЗИЙСКИХ ФОРМАТАХ ПОСЛЕ 1 ФЕВРАЛЯ 2021 ГОДА

MYANMAR IN EURASIAN FORMATS AFTER FEBRUARY 1, 2021

Аннотация: После событий 1 февраля 2021 г. Мьянма оказалась в условиях стремительного пересмотра своего внешнеполитического позиционирования. На фоне политической изоляции, санкционного давления и утраты доступа к традиционным механизмам многосторонней дипломатии страна стала активно искать альтернативные форматы международного взаимодействия. В статье рассматривается, как трансформация международной среды и усложнение отношений Мьянмы с АСЕАН и ООН стимулировали её сближение с ключевыми евразийскими объединениями – БРИКС, ШОС и ЕАЭС. Через анализ динамики внешнеполитического курса и эволюции подходов военных властей Нейпьидо выявляются основные мотивы обращения Мьянмы к формирующейся архитектуре многополярности. Особое внимание уделено стремлению обеспечить международную легитимацию режима, укрепить экономическую устойчивость и задействовать потенциал евразийских институтов для решения внутренних вызовов безопасности.

Ключевые слова: Мьянма, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, международные организации, Глобальный Юг.

Abstract. After the events of 1 February 2021, Myanmar entered a phase of profound foreign-policy reorientation. Confronted with political isolation, sanctions and restricted access to traditional mechanisms, the country began to actively explore alternative avenues of international engagement. This article examines how the evolving international environment and the deterioration of Myanmar's relations with ASEAN and the United Nations have accelerated its rapprochement with major Eurasian formats – BRICS, the SCO and the EAEU. By analysing the dynamics of Naypyidaw's foreign-policy adjustments, the study identifies the key drivers behind Myanmar's pivot toward the emerging architecture of multipolarity. Special attention is paid to the pursuit of international legitimacy for the ruling authorities, efforts to strengthen economic resilience, and the strategic use of Eurasian institutions to address internal security challenges.

Keywords: Myanmar, BRICS, SCO, EAEU, international organizations, the Global South.

Введение

1 февраля 2021 г. разделило участие Мьянмы в жизни международного сообщества на «до» и «после». Арест государственного советника и де-факто главы государства Аун Сан Су Чжи, президента Вин Мьина и других представителей руководства правящей партии «Национальная лига за демократию» ознаменовал собой откат от процесса демократизации к уже хорошо знакомому Мьянме военному правлению и спровоцировал разнородную реакцию в международном сообществе. С одной стороны, на действия генералов во главе с Мин Аун Хлайном США[1], Великобритания, ЕС и Канада ответили санкциями[2]. С другой, Россия и Китай спустя несколько дней после переворота отказались поддержать резолюцию Совета по правам человека ООН (СПЧ ООН), отметив её политизированный характер[3], и продолжили наращивать связи с военными властями в Нейпьидо по целому ряду направлений.

Отторжение режима Мин Аун Хлайна государствами Запада подтолкнуло Мьянму к ещё более глубокому сближению с Россией и Китаем. Это закономерно повлекло за собой начало включения бывшей Бирмы в конструирующуюся архитектуру многополярного мира, в которой Москва и Пекин занимают лидирующие позиции. Важнейшими частями этой архитектуры являются межгосударственные форматы, такие как БРИКС, ШОС и ЕАЭС, сближению с которыми Нейпьидо уделяет первостепенное внимание.

Тема исследования является актуальной в связи с колоссальными изменениями современной системы международных отношений, которые, помимо прочего, провоцируют поляризацию международного сообщества. Это создаёт необходимость оперативного и многоаспектного осмысления данного процесса, включающего в себя развитие альтернативных институтов и увеличение степени их влияния на мировую экономику и региональные системы безопасности. В этом свете кейс Мьянмы представляется особенно актуальным: после 1 февраля 2021 г. военные власти в Нейпьидо столкнулись с дипломатическим и экономическим давлением, из-за которого представителям режима Мин Аун Хлайна был закрыт доступ к традиционным международным и региональным форматам, в первую очередь — к ООН

---

1 США ввели санкции против госкомпаний Мьянмы по добыче полезных ископаемых // ТАСС. 31.01.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/16930775 (дата обращения: 05.12.2025).

2 Британия, ЕС и Канада ввели санкции против связанных с руководством Мьянмы компаний // ТАСС. 29.10.2024. URL: https://tass.ru/ekonomika/22262299 (дата обращения: 05.12.2025).

3 Россия и Китай отказались присоединиться к консенсусу по резолюции СПЧ ООН по Мьянме // ТАСС. 12.02.2021. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10691531 (дата обращения: 05.12.2025).

и АСЕАН. Ограничения подтолкнули Мьянму к поиску альтернатив, став одной из важных причин сближения государства с БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

Научная новизна. На момент написания этой статьи, в российской и зарубежной научной литературе отсутствуют комплексные исследования, посвящённые интеграции постпереворотной Мьянмы в евразийские форматы, что позволяет оценить научную новизну данной работы как высокую.

Методологически данное исследование опирается на теорию структурного реализма (неореализма), согласно которой государства являются важным, но не единственным актором международных отношений. В отличие от классического реализма, считающего государство едиственным главным актором МО, неореализм говорит и о значимости наднациональных структур.

Принимая во внимание кризис международной легитимности действующего политического режима в Нейпьидо, изучение опыта взаимодействия Мьянмы с наднациональными структурами (особенно с евразийскими) после 1 февраля 2021 г. позволит оценить текущее положение азиатского государства на международной арене, выявить сильные и слабые стороны, а также проанализировать возможности и вызовы, с которыми Мьянма сталкивается на глобальном уровне.

Осложнение отношений с традиционными международными институтами

Сближение Мьянмы с евразийскими форматами, которое мы наблюдаем на текущий момент, невозможно было бы представить без ухудшения отношений с традиционными для Мьянмы площадками регионального и международного сотрудничества — АСЕАН и ООН.

АСЕАН, членом которой Мьянма является с 1997 г., заняла настороженную позицию в отношении генералов в Нейпьидо. С 2021 г. Ассоциация не допускает представителей военного правительства до участия в мероприятиях, однако с момента обострения мьянманского кризиса ежегодно сменяющиеся председательствующие страны предлагали Мьянме отправлять на заседания неполитического представителя — секретаря министерства иностранных дел. На это предложение военные согласились только в 2024 г.[4]

Истоки такой позиции кроются в Хартии АСЕАН, которая, с одной стороны, закрепляет стремление укреплять демократию и защищать права

[4] Strangio S. Myanmar Junta Sends Representative to ASEAN Foreign Ministers' Meeting // The Diplomat. 29.01.2024. URL: https://thediplomat.com/2024/01/myanmar-junta-sends-representative-to-asean-foreign-ministers-meeting/ (accessed: 07.12.2025).

человека (ст. 1.7)[1], с другой — провозглашает приверженность принципам невмешательства и уважения суверенитета стран-участниц (преамбула)[2]. Оглядываясь на обозначенные пункты Хартии, можно сделать вывод, что приглашение секретаря МИД Мьянмы является попыткой одновременно не нарушать принципы невмешательства и уважения суверенитета и оградить себя от сотрудничества с неудобным режимом Мин Аун Хлайна, прямые контакты с которым могут осложнить отношения с западными партнерами АСЕАН.

Однако такой подход не позволяет Ассоциации избежать очевидного несоответствия обозначенных идеологических ориентиров и реальных действий. В своей политике в отношении постпереворотной Мьянмы АСЕАН отходит от следования некоторым концептуальным основам, предпочитая политико-дипломатическое балансирование, направленное на сохранение своего международного имиджа.

Переходя от регионального на глобальный уровень, нельзя не отметить позицию ООН, которая отличается непоследовательностью и хаотичностью. За четыре года после переворота Организация так и не выработала единой стратегии в отношении новых властей Мьянмы.

Кресло Мьянмы в Генеральной Ассамблее ООН (ГА ООН) все еще занимает представитель мьянманского правительства в изгнании Кьо Мо Тун, назначенный еще до событий 1 февраля 2021 г. Комитет по проверке полномочий при ГА ООН, призванный разрешать подобные ситуации, откладывает окончательное решение, позволяя Кьо Мо Туну представлять интересы изгнанного Правительства национального единства (NUG) на международной арене[3].

Неопределённость с представительством Мьянмы перекинулась и на специализированные учреждения ООН. Например, в мае 2021 г. на Всемирной ассамблее здравоохранения (высший орган Всемирной организации здравоохранения) кресло Мьянмы пустовало: страну решили не представлять никем до разъяснения ситуации Генассамблеей[4]. Международная организация

---

1 ASEAN Charter // ASEAN. 2008. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf (accessed: 07.12.2025).

2 Ibid

3 Who represents Myanmar? UN faces credentials pressure at assembly // Al Jazeera. 16.09.2022. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/9/16/who-represents-myanmar-un-faces-credentials-pressure-at-assembly (accessed: 07.12.2025).

4 Currie K. Beyond the Coup: Can the United Nations Escape Its History in Myanmar? // Just Security. 27.05.2021. URL: https://www.justsecurity.org/76641/beyond-the-coup-can-the-united-nations-escape-its-history-in-myanmar/#:~: text=activities%20more%20effectively, mission%20in%20the%20NUG's%20hands (accessed: 05.12.2025).

труда в свою очередь предпочла закрепить места представителей Нейпьидо за профсоюзами, поддерживаемыми NUG[5].

Эти примеры показывают, как проблема международного статуса военных властей Мьянмы создаёт организационный хаос внутри ООН, при котором спецучреждения либо допускают к заседаниям представителей правительства в изгнании, либо не допускают никого. Хотя режим Мин Аун Хлайна настаивает на замене постпреда, он вместе с этим осознаёт, что признание со стороны ООН не является панацеей в международных делах. В нынешних условиях Мьянма скорее занята переориентированием внешнеполитической активности на альтернативные международные форматы.

Говоря о позициях АСЕАН и ООН, важно отдельно проанализировать, как может измениться восприятие властей Мьянмы после проведения всеобщих выборов в декабре 2025 г. — январе 2026 г.

Главной целью выборов является легитимация режима Мин Аун Хлайна в глазах международного сообщества. По этому вопросу так или иначе вовлеченные стороны можно условно разделить на три категории:

- те, кто открыто поддерживают проведение выборов (например, Россия[6], Китай[7], Индия[8]);
- те, кто сохранили нейтралитет, выразив пожелания, чтобы выборы прошли «свободно и открыто» (например, АСЕАН[9]);
- те, кто не считают выборы свободными и не готовы признавать их итоги (например, ООН[10], Европейский союз[11], и др.).

Отталкиваясь от приведенного выше разделения, можно предположить, что АСЕАН после выборов продолжит поддерживать неформальные

---

5 ILO invokes Article 33 on Myanmar; ITUC-Asia Pacific hails decision and calls for global action // ITUC-Asia Pacific. 05.06.2025. URL: https://www.ituc-ap.org/news-and-updates/breaking-ilo-invokes-article-33-on-myanmar-ituc-asia-pacific-hails-decision-and-calls-for-global-action (accessed: 05.12.2025).

6 Russia to support Myanmar elections // The Global New Light of Myanmar. 05.03.2025. URL: https://www.gnlm.com.mm/russia-to-support-myanmars-election/ (accessed: 07.12.2025).

7 China and India Support Myanmar's Military Junta in Elections // Kompas. 01.09.2025. URL: https://www.kompas.id/artikel/en-china-india-dukung-junta-militer-gelar-pemilu-myanmar (accessed: 07.12.2025).

8 Там же.

9 ASEAN calls for peace over elections in Myanmar // Head Post. 19.01.2025. URL: https://head-post.com/asean-calls-for-peace-over-lections-in-myanmar/ (accessed: 07.12.2025).

10 UN warns Myanmar's planned elections will deepen repression and instability // United Nations. 28.11.2025. URL: https://news.un.org/en/story/2025/11/1166472 (accessed: 09.12.2025).

11 EU Blasts Myanmar's 'Sham Elections': No Credibility Under Military Rule // Modern Diplomacy. 16.10.2025. URL: https://moderndiplomacy.eu/2025/10/16/eu-blasts-myanmars-sham-elections-no-credibility-under-military-rule/ (accessed: 09.12.2025).

контакты с Нейпьидо, на больших мероприятиях «прикрываясь» неполитическим представителем. Вместе с тем, в случае, если после выборов центральное правительство сумеет достичь прогресса в урегулировании внутреннего вооруженного конфликта и освободит хотя бы некоторых политических заключенных, Ассоциация может пойти на сближение с Мин Аун Хлайном.

ООН, судя по последним заявлениям, итоги выборов признавать не намерена — Организация будет всеми силами стремиться сохранить статус-кво, в рамках которого правительство NUG продолжит продвигать свои интересы на международной арене, а в Нейпьидо уже не так заинтересованы в контактах с ООН, как в первый год после переворота.

Мьянма в новой глобальной архитектуре: БРИКС, ШОС, ЕАЭС

БРИКС

В сентябре 2024 г. министр информации Мьянмы Маун Маун Он озвучил намерение его страны присоединиться к БРИКС в статусе наблюдателя[1]. В декабре 2024 г. глава мьянманского МИД Тан Све выступил с более развёрнутым и содержательным заявлением, отметив стремление Нейпьидо к полноформатному членству в БРИКС[2].

Такая трансформация риторики, от осторожного, упомянутого вскользь интереса, к провозглашению курса на вступление в объединение на уровне МИД, позволяет сформулировать один важных внешнеполитических интересов Мьянмы: не только добиться легитимности в глазах как можно большей части международного сообщества, а оформить себя как полноправного члена Глобального Юга. Мьянманские генералы осознают кардинальные изменения в устройстве современной системы международных отношений, что сподвигает их проводить внешнеполитический курс, направленный на сближение с новыми центрами силы, многие из которых уже присоединились к БРИКС. Своевременное встраивание в формирующуюся архитектуру многополярного мира позволяет Мьянме использовать трансформацию глобального порядка как окно возможностей для полноформатного закрепления в новой системе координат.

---

[1] Мьянма хотела бы стать страной-наблюдателем при БРИКС // ТАСС. 15.09.2024. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21868125 (дата обращения: 06.12.2025).

[2] В Мьянме заявили о стремлении страны стать членом БРИКС // Известия. 03.12.2024. URL: https://iz.ru/1800670/2024–12–03/v-manme-zaavili-o-stremlenii-strany-stat-clenom-briks (дата обращения: 06.12.2025).

ШОС

В мае 2023 г. Мьянма получила статус партнёра по диалогу ШОС[3]. В общем и целом, это направление интеграции преследует те же долгосрочные стратегические цели, что и курс на укрепление связей с БРИКС: международная легитимация режима Мин Аун Хлайна, углубление контактов с ведущими державами Глобального Юга и формирование внешнеполитических альянсов вне рамок западноцентричных институтов.

Стоит отдельно отметить: ШОС, в отличие от БРИКС, является международной организацией с институционализированной структурой и чётко сформулированными целями и принципами, среди которых — «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией»[4]. В условиях затяжного внутреннего военного конфликта, в рамках которого режим Мин Аун Хлайна противостоит ряду этнических группировок, вовлечённых в производство и распространение наркотиков и торговлю оружием, кооперация с государствами ШОС, обладающими богатым опытом в противостоянии этим угрозам, представляется для Нейпьидо не только политически целесообразной, но и функционально значимой.

Из этого следует, что сближение Мьянмы с ШОС отражает стремление ГАС одновременно укрепить связи с ключевыми внешнеполитическими партнёрами в лице России и Китая, а также задействовать потенциал организации для решения актуальных проблем внутренней безопасности.

ЕАЭС

В условиях колоссального санкционного давления, Мьянма вынуждена оперативно искать форматы для сохранения и развития своего внешнеэкономического потенциала. На сегодняшний день Нейпьидо имеет амбиции стать наблюдателем при ЕАЭС, о чём Мин Аун Хлайн сообщил на IV Евразийском экономическом форуме[5]. Данное стремление имеет под собой прочные осно-

---

[3] Кувейт, Мальдивы, Мьянма и ОАЭ получили статус партнёра по диалогу ШОС // Международное информационное агенство «Казинформ». 07.05.2023. URL: https://www.inform.kz/ru/kuveyt-mal-divy-m-yanma-i-oae-poluchili-status-partnera-po-dialogu-shos_a4064855 (дата обращения: 06.12.2025).

[4] Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 06.12.2025).

[5] Мьянма выразила желание присоединиться к работе ЕАЭС в качестве наблюдателя // РИА Новости. 26.06.2025. URL: https://ria.ru/20250626/myanma-2025661444.html (дата обращения: 06.12.2025).

вания: за последние годы стороны заметно развили контакты по различным направлениям. Так, 19 июня 2025 г. министр интеграции ЕЭК Эльдар Алишеров и министр инвестиций Мьянмы Кан Зау обсудили прогресс, достигнутый в сферах торговли, сельского хозяйства, цифровизации, электронной коммерции и др. Алишеров отдельно отметил, что товарооборот с Мьянмой вырос более чем в три раза с 2019 г. и сегодня превышает $1,5 млрд[1]..

Стремление Мьянмы к сближению с ЕАЭС является попыткой адаптации к новым условиям функционирования мировой экономики, характеризуемой фрагментацией торговых связей и ростом санкционного давления по политическим мотивам. В условиях затяжного внутреннего кризиса и ограниченного доступа к западным рынкам, участие в евразийских интеграционных форматах представляется для Нейпьидо одним из инструментов поддержания внешнеэкономической активности, привлечения инвестиций и восстановления национальной экономики.

Заключение

После событий 1 февраля 2021 г. Мьянма оказалась в принципиально новом положении на международной арене. Резкий разрыв с курсом предыдущего правительства, ориентированного в том числе на налаживание отношений с Западом, стал неизбежен после однозначного осуждения военного переворота странами ЕС, США и их союзниками. Столкнувшись с политической изоляцией и экономическим давлением, новые власти Мьянмы осознали невозможность возвращения к прежней модели международной интеграции и приступил к оперативной переориентации внешнеполитического вектора.

Приняв во внимание предвзятость АСЕАН и политизированную позицию ООН, Мьянма отдала предпочтение объединениям, где сотрудничество выстраивается без оглядки на внутриполитические проблемы государств. На текущий момент режим Мин Аун Хлайна стремится адаптироваться к изменяющимся реалиям международной среды, выбирая форматы, позволяющие компенсировать издержки изоляции и повысить престиж в глазах международного сообщества.

Важно отдельно подчеркнуть: каждая площадка, с которой постпереворотная Мьянма активно углубляет связи, имеет для Нейпьидо чёткую функциональную роль. БРИКС рассматривается как инструмент дипломатической

---

[1] Eldar Alisherov: "Our dialogue is designed to promote further growth of trade turnover between the EAEU countries and Myanmar" // EEC. 19.06.2025. URL: https://eec.eaeunion.org/en/news/eldar-alisherov-nash-dialog-prizvan-sodeystvovat-dalneyshemu-rostu-tovarooborota-stran-eaes-i-myanmy/ (accessed: 06.12.2025).

легитимации через контакты со странами Глобального Юга, участие в ШОС способствует решению внутренних проблем безопасности в условиях внутреннего военного конфликта, взаимодействие с ЕАЭС создаёт возможности для диверсификации внешних связей на фоне санкционного давления.

Таким образом, сближение Мьянмы с евразийскими форматами после 2021 г. имеет главной целью оперативную адаптацию к многополярной реальности, где альтернативные интеграционные форматы становятся ключевыми опорами для поддержания международной субъектности. Выбор в пользу БРИКС, ШОС и ЕАЭС отражает прагматичное стратегическое стремление Нейпьидо пересобрать свой образ на международной арене и встать вровень с набирающими силу акторами кардинально изменяющейся глобальной реальности.

Список источников и литературы

1. ASEAN calls for peace over elections in Myanmar // Head Post. 19.01.2025. URL: https://head-post.com/asean-calls-for-peace-over-lections-in-myanmar/ (accessed: 07.12.2025).
2. ASEAN Charter // ASEAN. 2008. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf (accessed: 07.12.2025).
3. China and India Support Myanmar's Military Junta in Elections // Kompas. 01.09.2025. URL: https://www.kompas.id/artikel/en-china-india-dukung-junta-militer-gelar-pemilu-myanmar (accessed: 07.12.2025).
4. Currie K. Beyond the Coup: Can the United Nations Escape Its History in Myanmar? // Just Security. 27.05.2021. URL: https://www.justsecurity.org/76641/beyond-the-coup-can-the-united-nations-escape-its-history-in-myanmar/#:~:text=activities%20more%20effectively,mission%20in%20the%20NUG's%20hands (accessed: 05.12.2025).
5. Eldar Alisherov: «Our dialogue is designed to promote further growth of trade turnover between the EAEU countries and Myanmar» // EEC. 19.06.2025. URL: https://eec.eaeunion.org/en/news/eldar-alisherov-nash-dialog-prizvan-sodeystvovat-dalneyshemu-rostu-tovarooborota-stran-eaes-i-myanmy/ (accessed: 06.12.2025).
6. EU Blasts Myanmar's 'Sham Elections': No Credibility Under Military Rule // Modern Diplomacy. 16.10.2025. URL: https://moderndiplomacy.eu/2025/10/16/eu-blasts-myanmars-sham-elections-no-credibility-under-military-rule/ (accessed: 09.12.2025).
7. ILO invokes Article 33 on Myanmar; ITUC-Asia Pacific hails decision and calls for global action // ITUC-Asia Pacific. 05.06.2025. URL: https://www.ituc-ap.org/news-and-updates/breaking-ilo-invokes-article-33-on-myanmar-ituc-asia-pacific-hails-decision-and-calls-for-global-action (accessed: 05.12.2025).
8. Russia to support Myanmar elections // The Global New Light of Myanmar. 05.03.2025. URL: https://www.gnlm.com.mm/russia-to-support-myanmars-election/ (accessed: 07.12.2025).
9. *Strangio S.* Myanmar Junta Sends Representative to ASEAN Foreign Ministers' Meeting // The Diplomat. 29.01.2024. URL: https://thediplomat.com/2024/01/myanmar-junta-sends-representative-to-asean-foreign-ministers-meeting/ (accessed: 07.12.2025).

10. UN warns Myanmar's planned elections will deepen repression and instability // United Nations. 28.11.2025. URL: https://news.un.org/en/story/2025/11/1166472 (accessed: 09.12.2025).
11. Who represents Myanmar? UN faces credentials pressure at assembly // Al Jazeera. 16.09.2022. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/9/16/who-represents-myanmar-un-faces-credentials-pressure-at-assembly (accessed: 07.12.2025).
12. Британия, ЕС и Канада ввели санкции против связанных с руководством Мьянмы компаний // ТАСС. 29.10.2024. URL: https://tass.ru/ekonomika/22262299 (дата обращения: 05.12.2025).
13. В Мьянме заявили о стремлении страны стать членом БРИКС // Известия. 03.12.2024. URL: https://iz.ru/1800670/2024-12-03/v-manme-zaavili-o-stremlenii-strany-stat-clenom-briks (дата обращения: 06.12.2025).
14. Кувейт, Мальдивы, Мьянма и ОАЭ получили статус партнёра по диалогу ШОС // Международное информационное агенство «Казинформ». 07.05.2023. URL: https://www.inform.kz/ru/kuveyt-mal-divy-m-yanma-i-oae-poluchili-status-partnera-po-dialogu-shos_a4064855 (дата обращения: 06.12.2025).
15. Мьянма выразила желание присоединиться к работе ЕАЭС в качестве наблюдателя // РИА Новости. 26.06.2025. URL: https://ria.ru/20250626/myanma-2025661444.html (дата обращения: 06.12.2025).
16. Мьянма хотела бы стать страной-наблюдателем при БРИКС // ТАСС. 15.09.2024. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21868125 (дата обращения: 06.12.2025).
17. Россия и Китай отказились присоединиться к консенсусу по резолюции СПЧ ООН по Мьянме // ТАСС. 12.02.2021. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10691531 (дата обращения: 05.12.2025).
18. США ввели санкции против госкомпаний Мьянмы по добыче полезных ископаемых // ТАСС. 31.01.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/16930775 (дата обращения: 05.12.2025).
19. Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 06.12.2025).

Давыдов Денис Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

РОЛЬ ЮЖНОЙ АФРИКИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ЮГЕ АФРИКИ: КЕЙСЫ ЮЖНОАФРИКАНСКОГО ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА (ЮАТС) И СООБЩЕСТВА РАЗВИТИЯ ЮГА АФРИКИ (САДК)

SOUTH AFRICA'S ROLE IN SOUTHERN AFRICA'S REGIONAL INTEGRATION: THE CASES OF THE SOUTHERN AFRICAN CUSTOMS UNION (SACU) AND THE SOUTHERN AFRICAN DEVELOPMENT COMMUNITY (SADC)

Аннотация: В данной статье представлено исследование роли Южной Африки на развитие региональной интеграции в регионе Юга Африки. Стремительное углубление интеграционных процессов двух ведущих блоков региона, Южноафриканского таможенного союза и Сообщества развития Юга Африки, обусловлено ростом экономики ЮАР и расширением торговли внутри государств-членов двух блоков. Изучение статистических данных и исторической ретроспективы, а также оценка влияния ЮАР на оба блока позволяют сделать выводы о зависимости ЮАТС и САДК от Претории.

Ключевые слова: Южная Африка, региональная интеграция, ЮАТС, САДК.

Abstract: This article presents a study of the role of South Africa in the development of regional integration in the Southern African region. The rapid deepening of the integration processes of the two leading blocs of the region, the Southern African Customs Union and the Southern African Development Community, is due to the growth of the South African economy and the expansion of trade within the member states of the two blocs. The study of statistical data and historical retrospective, as well as an assessment of the influence of South Africa on both blocs, allow us to draw conclusions about the dependence of the SACU and SADC on Pretoria.

Keywords: South Africa, regional integration, SACU, SADC.

Введение

Завершение в 1994 г. демонтажа апартеида (с африк. *apartheid* — «раздельность»), расово-дискриминационной политики, проводимой в Южно-Африканском Союзе и Южно-Африканской Республике (ЮАР) с 1948 по

1994 г., позволило изменить Претории не только внутреннюю, но и внешнюю политику. Транзит к демократии и провозглашение полного равноправия южноафриканских граждан в независимости от цвета кожи позволило сгладить прежде натянутые отношения ЮАР и государств Африки, что способствовало развитию региональной интеграции и вовлечению Претории в этот процесс.

Существующие на Юге Африки два объединения, Южноафриканский таможенный союз и Сообщество государств Юга Африки, вносят активный вклад как в развитие своих членов, так и в дело общеафриканской интеграции. Первый блок существует еще с 1910 г. и позволял Претории расширять рынок сбыта своих товаров даже в годы апартеида, несмотря на объективное непринятие такой политики. Второе объединение, напротив, было создано для противостояния режиму апартеида и поддержке антирасистских сил в южной части континента. Демонтаж расистской системы в ЮАР способствовал изменению принципов региональных взаимоотношений и сменил вектор связей с сопротивления на сотрудничество, что продолжается и по сей день.

Актуальность темы исследования обусловлена углублением процессов интеграции в Африке, а также росту значимости ЮАР как государства-региональной державы, старающейся активно участвовать в жизни стран Глобального Юга. Несмотря на то, что ЮАР после демонтажа апартеида декларирует приверженность принципам демократии, прав человека и равенства государств, заметна значительная роль Претории во многих форматах региональной интеграции, что используется Южной Африкой в собственных интересах.

Целью настоящего исследования является обоснование зависимости региональных интеграционных объединений от ЮАР. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

1) Проанализировать роль Претории в региональной интеграции на Юге Африки;
2) Изучить эволюцию региональной интеграции на примерах ЮАТС и САДК;
3) Оценить зависимость двух интеграционных объединений от ЮАР.

Методологическая база исследования основана на проблемно-хронологическом и историко-системном методах. Это позволяет нам изучить эволюцию вклада ЮАР в региональную интеграцию на фоне внутриполитических изменений в стране, учитывая историческую обстановку и исторического контекста в регионе. Анализ эволюции двух региональных интеграционных объединений демонстрирует более полное понимание интеграции государств в регионе Юга Африки.

Роль ЮАР в Южноафриканском таможенном союзе

Южноафриканский таможенный союз — торгово-экономический блок стран региона Юга Африки, в состав которого входят Ботсвана, Лесото, Намибия, Эсватини и Южная Африка. Созданный в 1910 г. Южно-Африканским Союзом, британскими протекторатами Басутоленд, Бечуаналенд и Свазиленд, ЮАТС является старейшим в мире действующим торговым блоком [6]. Работа Союза основывается на подписанном в 2002 г. Соглашении о Южноафриканском таможенном союзе [11].

Главным принципом ЮАТС является распределение поступлений от пошлин и прочих таможенных операций через Общий фонд доходов (англ. *Common Revenue Pool*), в который все государства-члены Союза уплачивают таможенные пошлины, акцизы и сборы. Фонд управляется ЮАР от имени государств-членов ЮАТС. Более того, именно Претория формально должна возглавлять Совет по тарифам Союза, но поскольку он так и не был создан, то вопросы введения общесоюзных тарифов возложены на Комиссию по управлению международной торговлей ЮАР на основании Временного соглашения 2006 г. Как отмечается в докладе Всемирной торговой организации (ВТО), вводимые общесоюзные внешние импортные тарифы изменяются в ходе саммитов государств-членов ЮАТС, но ведущую роль в их определении играет Претория в силу значительной мощи своей национальной экономики. Более того, национальные системы таможенного управления всех государств-членов Союза подключены к южноафриканской, что позволяет ей усиливать свой контроль над таможенными операциями своих партнёров по блоку. Не менее важно, что валюты Ботсваны, Лесото, Намибии и Эсватини так или иначе привязаны к курсу южноафриканского ранда, валюта ЮАР используется в качестве резерва Банка Ботсваны, а в остальных трёх государствах блока ранд имеет равный с их национальными валютами статус с курсом обмена 1:1. Такое положение валютной зоны ставит курс валют Ботсваны, Лесото, Намибии и Эсватини в прямую зависимость от изменений курса ранда. ВТО отмечает, что данные факторы и зависимость от Претории по вопросу экспортно-импортных операций ещё больше вводят четыре государства в сферу влияния ЮАР, которая использует ЮАТС в собственных торгово-экономических интересах. При этом, в отличие от остальных государств-членов ЮАТС, для Претории государства Черного континента занимают лишь третье место по объему торговли, поскольку ЮАР делает ставку на торговлю с Китаем, Индией и государствами-членами Европейского союза [13].

Наиважнейшим принципом ЮАТС является распределение поступлений Союза через Общий фонд доходов. Формула зачислений в Фонд, установленная межгосударственными соглашениями, является показателем

влияния Претории. По оценкам Южно-Африканского Резервного банка основные зачисления в Фонд идут со стороны южноафриканцев, причём с 2010 по 2023 г. общий пул поступлений вырос с 51,1 млрд до 134,6 млрд рандов. Вклад ЮАР также вырос с 49,9 млрд до 131,1 млрд рандов, составляя около 97% от общего объёма. Поскольку именно Претория возглавляет Фонд, то именно на неё возложено распределение доходов, однако, несмотря на своё почти абсолютное доминирование, Южная Африка является государством-донором, получая лишь 44% доходов. Оставшиеся 56% доходов распределены между остальными членами блока: Ботсвана — 23,3% (18,2 млрд рандов), Намибия — 18,1% (14,1 млрд рандов), Эсватини — 7,4% (5,8 млрд рандов), Лесото — 6,9% (5,3 млрд рандов) [8, pp. 90-103].

Л. Энгстром и Ж. Вердье называют ЮАТС является наиболее развитым и работающим региональным интеграционным объединением континента. Благодаря ЮАТС, торговые показатели пяти государств лишь растут, наращиваются торговые связи между государствами-членами Союза, при этом, Ботсвана, Лесото, Намибия и Эсватини стали ещё больше зависимы от ЮАР по вопросу импорта южноафриканских товаров. Эксперты считают, что действительно, ЮАТС куда более выгоден Претории в целях расширения рынка сбыта своей продукции, но нельзя не видеть и преференции для остальных членов Союза. При этом, поскольку большая часть импортных пошлин ЮАТС взимается с производителей автомобилей, большинство из которых находятся в ЮАР, то остальные государства-члены Союза могут обоснованно требовать компенсации за сверхприбыль, полученную южноафриканскими производителями автомобилей в результате общего внешнего тарифа [4, pp. 7-9].

Основу экономического роста государств-членов ЮАТС составляют их внутренние инвестиции, но они видят необходимость в привлечении большего числа прямых иностранных инвестиций ради развития торговли и экономики государств ЮАТС. Исследование экспертов показывает, что Союз должен расширять внутренние инвестиции со стороны государств блока, при этом, улучшая одновременно и условия ведения бизнеса для иностранных компаний путём разработки законов и прочих нормативно-правовых актов, регулирующие иностранные инвестиции и официальную помощь в целях развития. Эксперты признают, что эти меры уже применяются Преторией, которая делает упор на привлечение большего объёма инвестиций и создание рабочих мест в качестве основных факторов роста. Тем не менее, исследование четырёх ученых показывает, что внутренние инвестиции являются наиболее важным фактором развития экономик государств-членов ЮАТС, но проблемой становится сопутствующий этому рост госдолга [1, с. 892-896].

Таким образом, пример ЮАТС демонстрирует асимметрию влияния, поскольку ЮАР доминирует в таможенной политике, распределении доходов и контроле за финансами, используя это в своих интересах. Интеграция в Союзе стимулирует торговлю государств-членов, превышающую среднемировые и африканские показатели, способствуя росту экономик Ботсваны, Лесото, Намибии и Эсватини, но усиливая их зависимость от южноафриканского импорта. Для устойчивого развития ЮАТС необходимо нарастить внутренние и привлекать иностранные инвестиции для диверсификации экономики и снижения зависимости от Претории. Способствовать этому будут также совершенствование нормативно-правовой базы для иностранных инвестиций и создание новых рабочих мест.

Роль ЮАР в Сообществе развития Юга Африки

Сообщество развития Юга Африки — торгово-экономический и политический союз центрально-, восточно- и южноафриканских государств, в состав которого входят Ангола, Ботсвана, Демократическая Республика Конго (ДР Конго), Замбия, Зимбабве, Коморские острова, Лесото, Маврикий, Мадагаскар, Малави, Мозамбик, Намибия, Сейшельские острова, Танзания, Эсватини и Южная Африка. САДК была основано 10 государствами 17 августа 1992 г. на встрече в намибийском Виндхуке. Тем не менее, основой Сообщества стала Конференция по координации развития Юга Африки (САДКК; англ. *Southern African Development Cooperation Conference, SADCC*), которая была создана 1 апреля 1980 г. на основе Лусакской декларации по объединению усилий ради экономического процветания и региональной интеграции, однако важнейшей целью САДКК стало противостояние с ЮАР из-за проводимой Преторией политики апартеида [5].

Договор 1992 г. предполагал создание Сообщества, чьими целями являются поддержка развития и экономического роста, устранение неравенства, совершенствование стандартов и качества жизни, защита социально незащищённых лиц, развитие общих ценностей в политике, продвижение общей безопасности и мира в регионе, поддержка устойчивого развития, гармонизация региональных и национальных стратегий развития, продвижение и максимизация трудоустройства. ЮАР вошла в состав САДК 29 августа 1994 г., когда соответствующий договор о вступлении страны в блок был подписан вице-президентом страны Т. Мбеки [2].

Можно утверждать, что именно апартеид и противостояние ему стали основополагающей причиной объединения государств столь большого числа государств континента. Важным является тот факт, что в САДКК и коалиции «Прифронтовых государств» участвовали одни и те же страны, но, если целью последнего объединения была военная поддержка южноафриканских

антирасистских сил и повстанцев в Намибии, то САДКК нацелился на сокращение экономической зависимости своих членов от Претории. Однако, как считает А. Сауромбе, в попытке противостоять ЮАР, объединение не смогло выработать форму сотрудничества и координации между государствами-членами, провалив свою основную миссию преодоления фундаментальной экономической зависимости своих членов от ЮАР. Более того, перерождение САДКК в САДК также было связано со внутренней политикой Претории, поскольку проходящий в ней процесс демократического транзита и отказа от политики апартеида в начале 1990-х гг. лишал САДКК основного смысла своего существования. Поэтому, как пишет Сауромбе, государствам-членам пришлось в ограниченный срок перерабатывать свой устав, что и позволило создать САДК в 1992 г. Более того, по мнению Сауромбе, вхождение ЮАР в состав Сообщества ещё больше усилило зависимость САДК от Претории, поскольку противостоять её экономической мощи достаточно сложно. Успех всей региональной интеграции САДК зависит исключительно от желания Претории поддерживать данное объединение. Южно-Африканская Республика, как наиболее развитая экономика континента, привлекает достаточно много мигрантов для поддержания роста своей экономики, причём упор делается на граждан государств-членов САДК всех квалификаций. Миграция из САДК позволяет нивелировать «утечку мозгов» из ЮАР, происходящая из-за эмиграции белых южноафриканцев после демонтажа апартеида и обострения социально-экономического положения в стране. Однако, миграция из государств-членов САДК вызывает серьезные противоречия в ЮАР, поскольку её влиятельные профсоюзы требуют от правительства принимать на работу собственных граждан, а действующее законодательство предполагает отдавать приоритет чернокожим южноафриканцам при приёме на работу. Тем не менее, ни южноафриканские профсоюзы, ни новые законы по регулированию вопросов трудоустройства не останавливают незаконное трудоустройство граждан из стран САДК: например, известно, что иностранные рабочие работают усерднее в сельском хозяйстве, чем южноафриканцы, и, при этом, согласны на меньшую оплату за ту же проделанную работу. Это, в свою очередь, создаёт почву для роста ксенофобских настроений внутри ЮАР, поэтому, как считает Сауромбе, Претория должна развивать интеграцию в рамках САДК, не забывая о проблемах своих граждан [9, pp. 124-131].

При этом, в рамках САДК ЮАР проводит достаточно агрессивную политику, используя мощь своей экономики при ведении переговоров с государствами-членами и САДК, и ЮАТС. Это проявляется, в основном, в том, как некоторые официальные лица Южной Африки относятся к своим региональным партнерам, например, в ответ на вопросы о последствиях

негативного воздействия, которое окажет соглашение о свободной торговле между ЕС и ЮАР. В. Босман, бывший директор Управления региональных экономических организаций Министерства международных отношений и сотрудничества ЮАР в 1998 г. заявлял о необходимости в «шоковой терапии» для государств-членов ЮАТС, подчеркнув, что «теперь вы сами по себе, ЮАР больше не может обеспечивать вас 50% вашего бюджета. Теперь вам придется облагать налогом своих собственных людей; вам придется работать в соответствии со структурами свободной независимой страны». По мнению А. Сауромбе, ирония заявления Босмана заключается в том, что ЮАТС в любом случае остается пережитком эпохи апартеида, гарантирующий, что только Претория будет иметь доступ к крайне закрытому рынку, на котором она сможет реализовывать свою промышленную и сельскохозяйственную продукцию [9, pp. 124-131]. Южная Африка ведёт себя точно также и в рамках САДК, например, ведя переговоры о создании зоны свободной торговли Сообщества не только от своего имени, но и от лица ЮАТС, при этом, не получив публичного одобрения членов Союза, которые, по понятным причинам, не могли и отказать Претории. Участие ЮАР в САДК позволяет расширять её доминирование в торгово-экономических связях со странами блока, особенно, в случае проведения миротворческих операций; например, показательна роль инвестиций южноафриканских промышленников в горнодобывающий сектор экономики ДР Конго [7, pp. 128-132].

По мнению Я. Ванхеукелома, участие ЮАР в САДК лишь больше привязывает экономики государств-членов Сообщества к южноафриканской, но Претория использует рычаги влияния и в политических целях. Она пыталась сделать Торговый протокол САДК независимым от экономического положения Зимбабве и других государств, а поскольку Хараре является важным направлением для экспорта ЮАР, то чиновники государств-членов САДК боялись, что Претория уступит позиции другим странам, пока Зимбабве медлило с преференциальным доступом на свой рынок для стран САДК. При этом, Ванхеукелом считает, что истинные мотивы южноафриканского участия в Сообществе достаточно неизвестны, поскольку экспорт ЮАР и без участия в САДК успешно проникает на рынки африканских государств даже при отсутствии преференциального доступа [14, pp. 9-11]. Однако, М. П. Себола считает, что ЮАР, напротив, является слабым звеном в САДК, поскольку она абсолютно игнорирует мнение своего населения, что, в целом, является правдой, особенно, по вопросу миграции, что вызывает недовольство обычных южноафриканцев. Как пишет Себола, южноафриканское правительство должно расширять участие своих граждан в развитии региональной интеграции в рамках Сообщества, иначе продолжающаяся миграция из САДК приведет к ещё большему недовольству жителей

ЮАР [10]. Э. Энаифоге признает, что Претория сохраняет свое лидерство в Сообществе на основе экономической мощи и отсутствия возможностей какой-либо конкуренции со стороны остальных государств САДК, тем не менее, он подчёркивает необходимость скорейшего решения внутренних проблем ЮАР, которые сохраняются в стране после демонтажа апартеида, например, вопрос с земельной реформой и наличие колоссального социального неравенства. Поэтому, как считает Энаифоге, расширение интеграции в рамках САДК будет грозить Претории углублением собственных проблем [3, pp. 98-101].

Директор Управления по двусторонним экономическим отношениям в Африке Министерства торговли, промышленности и конкуренции ЮАР К. Фьюм в апреле 2025 г. заявил, что САДК является регионом колоссальных возможностей по расширению торговых связей и промышленного роста, поскольку общий ВВП Сообщества превышает $720 млрд долл., а потребительский рынок составляет почти 360 млн человек. Фьюм отметил важность соглашений в рамках САДК, особенно его Торгового протокола, в расширении связей Претории с государствами Сообщества. В 2023 г. на Преторию приходилось 55% экспорта и 17% импорта САДК, торговля ЮАР с государствами Сообщества выросла с $26 млрд долл. в 2019 г. до $32 млрд долл. в 2023 г. Основу роста составило расширение поставок топлива, продукции машиностроения, полезных ископаемых, стали и электрооборудования [12].

На основании вышеизложенного можно говорить об эволюции САДК от инструмента борьбы с апартеидом до крупного торгово-экономического блока, где доминирует ЮАР. Претория, стремясь к лидерству, иногда использует методы давления, вызывая недовольство, как внутри страны, так и за её пределами. Внутренние проблемы ЮАР, такие как социальное неравенство и сопротивление нелегальной миграции, осложняют интеграцию. Несмотря на противоречия, САДК остается важным игроком с большим экономическим потенциалом. Лишь готовность ЮАР учитывать интересы партнеров, справедливо распределять выгоды и решать внутренние проблемы, влияющие на стабильность региона, позволит развивать интеграцию в рамках Сообщества.

Вывод

Изучение исторической, экономической, внутри- и внешнеполитической составляющих региональной интеграции на Юге Африки позволяет придти к выводу, что развитие Южноафриканского таможенного союза и Сообщества развития Юга Африки напрямую взаимосвязаны с вкладом ЮАР. Колоссальное влияние Претории на два региональных интеграционных объединения позволяет использовать их в своих собственных эконо-

мических, политических и торговых интересах. Однако нельзя не отметить различие в восприятии Южной Африкой собственного видения двух блоков — ЮАТС, по сути, позволяет Претории держать четыре государства Союза в подчинении своей экономической мощи, а САДК, напротив, позволяет расширять политическое влияние ЮАР в регионе не только Юга Африки, но, также, Восточной и Центральной. Можно утверждать, что доминирование ЮАР в двух блоках является бесспорным, при этом, расширение интеграции в рамках САДК и ЮАТС отвечает поставленным Преторией целям развития торговли с иностранными партнёрами и достижению экономического роста.

Список источников и литература

1. *Ли Х., Черников С. Ю., Мосейкин Ю. Н., Барри Дж.* Влияние членства в таможенном союзе на экономический рост стран: эмпирические данные Южноафриканского таможенного союза. // Экономика региона. 2024. №3 (20). С. 884-898.
2. Declaration and Treaty of the Southern African Development Community. Gaborone: SADC Secretariat, 1993. 30 p. URL: https://www.sadc.int/sites/default/files/2021-11/Declaration__Treaty_of_SADC_0.pdf (дата обращения: 06.12.2025).
3. *Enaifoghe, A. O.* South Africa's Politics of Regional Integration in SADC and its Socio-economic Implications. // Journal of African Foreign Affairs, Vol. 6, No. 1. 2019. Pp. 85–106.
4. *Engsrom L, Verdier G.* Chapter 2: The Benefits of Trade Integration in the Southern African Customs Union. // In: Building a Common Future in Southern Africa. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2013. Pp. 7-34.
5. History and Treaty. // Southern African Development Community. URL: https://www.sadc.int/pages/history-and-treaty (дата обращения: 06.12.2025).
6. History of SACU. // Southern African Customs Union. URL: https://www.sacu.int/about-sacu/history-of-sacu (дата обращения: 02.12.2025).
7. *Lee M. C.* The Political Economy of Regionalism in Southern Africa. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2003. 314 p.
8. Quarterly Bulletin, September 2024. Pretoria: South African Reserve Bank, 2024. 300 p. URL: https://www.resbank.co.za/content/dam/sarb/publications/quarterly-bulletins/quarterly-bulletin-publications/2024/september/Quarterly%20Bulletin%20September%202024.pdf (дата обращения: 03.12.2025).
9. *Saurombe A.* The role of South Africa in SADC regional integration: the making or braking of the organization. // Journal of International Commercial Law and Technology, Vol. 5, Issue 3. 2010. Pp. 124-131.
10. *Sebola M. P.* The Role of the South African Government in the Southern African Development Community (SADC) Region since 1994: The Public Left Behind. // Journal of African Union Studies, Vol. 12, No. 2. 2023. Pp. 105-119.
11. Southern African Customs Union Agreement, 2002 (As amended on 12 April 2013). Windhoek: The Southern African Customs Union Secretariat, 2013. 40 p. URL: https://www.sacu.int/uploads/documents/6a7ae39b41cba945b083e93a2e1a103d7cee629c.pdf (дата обращения: 02.12.2025).

12. The SADC Region Presents a Wealth of Opportunities for Trade Expansion. // Department of Trade, Industry and Competition, Republic of South Africa. April 2, 2025. URL: https://www.thedtic.gov.za/the-sadc-region-presents-a-wealth-of-opportunities-for-trade-expansion/ (дата обращения: 06.12.2025).
13. Trade Policy Review. Report by the Southern African Customs Union (SACU). // World Trade Organization. September 20, 2023. 63 p. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/g447_e.pdf (дата обращения: 02.12.2025).
14. *Vanheukelom J.* Understanding the Southern African Development Community: Living with a Powerful Neighbour. Maastricht: European Centre for Development Policy Management, 2017. 21 p. URL: https://ecdpm.org/application/files/4916/6133/9639/SADC-Background-Paper-PEDRO-Political-Economy-Dynamics-Regional-Organisations-Africa-ECDPM-2017.pdf (дата обращения: 06.12.2025).

Данильцева Ульяна Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ УНАСУР, ОАГ И ГРУППЫ ЛИМЫ) В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ВЕНЕСУЭЛЕ В 2019-2024 ГГ.

THE ROLE OF REGIONAL ORGANIZATIONS (USING THE EXAMPLE OF UNASUR, OAS AND THE LIMA GROUP) IN RESOLVING THE POLITICAL CRISIS IN VENEZUELA IN 2019-2024.

Аннотация. В исследовании предпринимается попытка выявления особенностей подходов региональных организаций и объединений (ОАГ, УНАСУР и Группа Лимы) к урегулированию политического кризиса в Венесуэле между исполнительной и законодательной ветвями власти с 2019 года по 2024 год. Для осуществления поставленной цели были определены официальные позиции и основные действия данных региональных организаций для урегулирования кризиса, рассмотрены причины провала организаций в урегулировании конфликта, а также проанализировано влияние кризиса на деятельность ОАГ, УНАСУР и Группы Лимы. Автор приходит к выводу, что данные объединения только заявляли о поддержке оппозиции, однако реальные рычаги давления на правительство Венесуэлы имели определенные страны.

Ключевые слова: Венесуэла, ОАГ, УНАСУР, Группа Лимы, оппозиция.

Abstract. The study is aimed at identifying the specific approaches of regional organizations and associations (OAS, UNASUR and the Lima Group) to resolving the political crisis in Venezuela between the executive and legislative branches of government from 2019 to 2024. To achieve this goal, the official positions and main actions of these regional organizations to resolve the crisis were identified, the reasons for the organizations' failure to resolve the conflict were considered, and the impact of the crisis on the activities of the OAS, UNASUR and the Lima Group was analyzed. The author concludes that these associations only claimed to support the opposition, but certain countries had more real leverage over the Venezuelan government.

Keywords: Venezuela, OAS, UNASUR, Lima Group, opposition.

Введение

Политический кризис в Венесуэле, который начал разрастаться после смерти Уго Чавеса в 2013 году и достиг своего пика в 2019 году, когда на

президентских выборах снова одержал победу Николас Мадуро и оппозиция отказалась признавать результаты выборов и провозгласила исполняющим обязанности президента спикера Национальной Ассамблеи Хуана Гуайдо, стал не только глубоким внутренним гуманитарным и социально-экономическим коллапсом, но и масштабным вызовом для региональной безопасности и интеграции латиноамериканских государств.

Затянувшийся кризис, который обострился в 2024 году также после очередных президентских выборов, приковывает внимание многих стран по всему миру и разделяет их на сторонников действующего президента (как Россия, Китай, Боливия, Мексика и т.д.) и сторонников оппозиции (США, Австралия, страны ЕС и т.д.). Региональные организации, такие как УНАСУР, ОАГ и созданная Группа Лимы не смогли урегулировать политический кризис в Венесуэле, что привело к большей разобщенности государств и стало симптомом кризиса латиноамериканской интеграции.

Поэтому анализ провала действий региональных организаций и объединений в урегулировании внутрирегионального кризиса и противоречивых ролей, которые в нем сыграли ключевые организации, представляется важным и актуальным для понимания современной динамики интеграции в Латинской Америке.

Целью исследования является выявить особенности подходов региональных организаций в разрешении венесуэльского политического кризиса.

Для осуществления данной цели, были выделены следующие задачи:

1. Выявить особенности политического кризиса Венесуэлы в 2019–2024 гг.;
2. Определить официальную позицию и действия данных региональных организаций по отношению к кризису в Венесуэле;
3. Рассмотреть причины, почему данным организациям не удалось разрешить кризис;
4. Проанализировать влияние венесуэльского политического кризиса на деятельность данных организаций.

Зарождение, развитие и смерть: политический кризис в Венесуэле 2019–2024 гг.

Конфликт, разразившийся между законодательной и исполнительной ветвями власти, берет свои истоки в первой половине 2010-х гг., когда на выборах 2013 года в первый раз одерживает последователь Уго Чавеса — Николас Мадуро, что вызывает первую волну протестов, поскольку страна находилась в состоянии глубокого экономического кризиса, что и провоцировало критику в сторону президента. Ситуация усугубилась в 2015 году, когда на выборах в Национальную ассамблею (однопалатный парламент) большинство мест

получила оппозиционная коалиция «Круглый стол демократического единства», которая критиковала политику Н. Мадуро и в 2016 году предложила провести референдум об отставке главы государства. В мае 2017 г. борьба между парламентом и правительством обострилась, что привело к изданию указа о созыве Конституционной ассамблеи и проведении выборов. Так как оппозиция отказалась участвовать в выборах, Конституционная ассамблея стала проправительственным органом и приняла на себя функции законодательной власти, фактически заменив Национальную ассамблею, которую тогда контролировала оппозиция [8]. В условиях противостояния оппозиции и правительства прошли президентские выборы, на которых победу снова одержал Н. Мадуро, что не приняла оппозиция, а позже на переизбранного президента было совершено покушение, в которое, по версии Каракаса, вмешались США, Мексика и Чили [8].

Данный кризис перешел в острую стадию в январе 2019 года, когда на президентских выборах снова одержал победу Николас Мадуро, и оппозиция отказалась признавать результаты голосования и провозгласила исполняющим обязанности спикера Национальной ассамблеи Хуана Гуайдо, которого в итоге признало более 40 государств. В ответ на это, Верховный суд признал Национальную ассамблею неконституционным органом, что снова вызвало беспорядки и протесты населения. Таким образом, на 2019 год фактически сложилась система двоевластия [3, с. 24], которая поддерживалась разными государствами (США, европейские страны, ряд латиноамериканских государств поддержали оппозицию, Китай, Россия, Турция фактически выразили поддержку Н. Мадуро). В течение 2019–2020-х гг. политический кризис усугублялся экономическим, что было вызвано пандемией COVID-19, санкционным давлением на Венесуэлу, и привело к гуманитарной катастрофе в Венесуэле. На данном этапе конфликт стал интернационализированным, что проявилось и в активной поддержке Х. Гуайдо, и во введении санкций против Венесуэлы. Например, США в 2019 г. вводили блокирующие санкции в отношении правительственных активов Венесуэлы, к числу которых относилась главная нефтегазовая компания PdVSA, что также нанесло вред венесуэльской экономике [9]. Стоит отметить и непримиримость сторон, которые отказывались от переговоров и не были готовы идти на уступки. Так, когда США предложили создать переходное правительство без Н. Мадуро и Х. Гуайдо, однако данная идея не нашла отклика среди противоборствующих сторон [10]. Такое сильное давление на администрацию Н. Мадуро должно было привести, по мнению оппозиции, к его уходу, однако после 2020 года ситуация начала меняться. Правительство президента показало устойчивость к такому колоссальному внешнему влиянию и начало укреплять свои позиции. В 2021–2022 гг. наметился кризис оппозиции, поддержка Х. Гуайдо как внешняя, так и внутренняя

начала заметно ослабевать. В связи с этим, на уступки пошли обе стороны, и в 2021 году состоялись первые переговоры между правительством и оппозицией в Мехико [12]. Также в 2021 г. произошло назначение 2 представителей оппозиции в электоральный совет, продолжался диалог с ЕС по приглашению технической комиссии и наблюдателей на предстоящие в ноябре этого года региональные выборы [11]. Подписанное в 2022 году частичное соглашение о создании фонда для управления 3 млрд. долл. замороженных средств, было заключено при поддержке ООН и Норвегии, которая выступала посредником в переговорах [18]. Тем временем, позиции Н. Мадуро начали укрепляться, и на очередных выборах большинство голосов уже получила правительственную партия. Уже в 2022 единая оппозиция во главе с Х. Гуайдо потерпела поражение, заявив о роспуске временного правительства [16]. В отношении правительства намечалось потепление от США, которые начали облегчает санкционный режим.

В 2023 году продолжается увеличение макроэкономических показателей Венесуэлы, однако от противостояния оппозиции и правительства отвлекал гайано-венесуэльский кризис из-за спорной территории. Это помогло Н. Мадуро мобилизовать силы и заручиться поддержкой населения. Также в 2023 году были подписаны важные Барбадосские соглашения, которые подразумевали неприятие любой формы политического насилия против республики и ее институтов [5]. Также стороны договорились фактически о содействии проведению честных справедливых выборов. Однако к моменту выборов произошла снова кризисная ситуация, когда главного кандидата от оппозиции Марии Корине Мочада запретили занимать любые государственные должности в течение 15 лет, что вызвало шквал критики в сторону Н. Мадуро и активизировало деятельность сторонников оппозиции [4]. Тем не менее, выборы прошли, и на них снова одержал победу Н. Мадуро. Хотя это и вызвало критику со стороны европейских государств и США, а также привело к демонстрациям на улицах, однако такого большого масштаба протестов не наблюдалось, и недовольство быстро сошло на нет. На данный момент, Н. Мадуро продолжает исполнять обязанности президента, несмотря на активные действия США, направленные на его дискредитацию.

Таким образом, политический кризис в Венесуэле, достигший пика в фазе острого двоевластия в 2019 году, к настоящему моменту эволюционировал в сторону укрепления позиций действующего президента Николаса Мадуро. Несмотря на масштабное международное давление и санкции, правительство продемонстрировало устойчивость, в то время как единая оппозиция утратила влияние, а её стратегия “максимального давления” оказалась несостоятельной. Хотя внутреннее и внешнее противостояние сохраняется, баланс сил сместился в пользу легитимации и консолидации власти Мадуро.

ОАГ как инструмент легитимации давления и арена дипломатической войны

ОАГ является старейшей организацией в Западном полушарии, чья история уходит в середину XX века. Прежде всего, стоит отметить, что ОАГ занял жесткую конфронтационную позицию по отношению к кризису в Венесуэле, что было продиктовано позицией Генерального секретаря — бывшего министра иностранных дел Уругвая — Луиса Альмагро. Интерес вызывает то, что до вступления в должность Генсека ОАГ, Л. Альмагро поддерживал левые идеи президента Уругвая (2010–2015 гг.), однако это не повлияло на его позицию по отношению к Н. Мадуро, поэтому одним из его первых заявлений стало то, что нельзя исключать возможности проведения военной интервенции в отношении Венесуэлы для разрешения кризиса в стране [15]. Также Генсек официально в социальных сетях выразил поддержку Х. Гуайдо: «Наши поздравления Хуану Гуайдо в качестве исполняющего обязанности президента Венесуэлы. Он может рассчитывать на наше полное признание для возвращения страны к демократии». Затем ОАГ признала Х. Гуайдо исполняющим обязанности президента и предоставляла ему дипломатическую поддержку.

Одной из особенностей данной организации является высокая роль США, которые не раз продвигали исключительно свои интересы, проводила вмешательство во внутреннюю политику государств Латинской Америки и Карибского бассейна, нарушая принцип невмешательства, который прописан в Уставе ОАГ.

Однако стоит отметить, что ОАГ, несмотря на свою авторитетность, не смогла разрешить конфликт. Одним из механизмов которым пользовалась ОАГ, стали резолюции, где не признавалась легитимность Н. Мадуро, но признавался Х. Гуайдо. С резолюцией выступила организация и во время того, как одного из кандидатов от оппозиции на президентский выборах 2024 г. Марию Корину Мочада отстранили о участия [4].

Также мерой реагирования на кризис стали лишь отчёты о постоянном нарушении прав человека [16]. Важным шагом в поддержке оппозиции также стало признание назначения Спецпредставителем страны при ОАГ Густаво Тарре Брисеньо, который и был выдвинут оппозиционным парламентом. В ответ на данные враждебные действия, официальное правительство заявило в апреле 2019 г. о выходе из ОАГ [17]. На данный момент, положение Венесуэлы в ОАГ остаётся спорным, так как представители оппозиции не признают выход государства из организации.

Важно отметить, что одной из причин провала в урегулировании кризиса стала ставка только на оппозицию, и организация не была нейтральной в данном кризисе. Тем самым, ОАГ стала стороной конфликта, а не нейтральный посредником или арбитром, что привело к потере легитимности

и падению авторитета. Другой причиной стало то, что реальную инициативу урегулирования конфликта на себя перехватили другие страны. Так, в ноябре 2019 года Мексика, Уругвай и страны Карибского сообщества (КАРИКОМ) подготовили дорожную карту для мирного решения кризиса в Венесуэле, что было реальным предложением для разрешения конфликта, а не просто резолюциями, которые были направлены на легитимацию оппозиции и свержение Н. Мадуро [13]. Кроме того, разговоры относительно кризиса и реальных действий перешли на двусторонние контакты, и попыток вводить меры посредством организации не предпринималось. Например, Венесуэла и США, где последние вводили санкции на импорт энергоносителей, предлагали меры по урегулированию (переходное правительство) [12]. Основной причиной провала урегулирования стала частое явление — смена политического ландшафта Латинской Америки. Это привело к раскол внутри самой организации, так как если в 2019–2020 гг. во многих государствах у власти были правоконсервативные политики, то потом пришли лидеры левого толка, которые начали высказывать противоположное мнение и говорили о необходимости восстанавливать диалог с руководством Венесуэлы, из-за чего возник раскол в ОАГ, поэтому решения не могли приниматься единогласно и многие государства выступали против Резолюции ОАГ.

Таким образом, роль ОАГ в разрешении конфликта привела не к разрешению, а к углублению раскола и ускорила поиск альтернативных региональных механизмов, менее зависимых от односторонней повестки. Провал ОАГ был обусловлен не внешними обстоятельствами, а внутренними изъянами её подхода: предвзятостью и утратой нейтралитета, нарушением собственных уставных принципов, отсутствием комплексной дипломатической стратегии и ставкой на силовое решение через смену режима. Этот случай показал кризис легитимности и эффективности ОАГ как главного межамериканского института в условиях поляризованных политических ландшафтов.

Кризис в Венесуэле как катализатор распада УНАСУР

Не стоит отрицать, что политический кризис в Венесуэле по сути привел к параличу деятельности УНАСУР. Если изначально данная организация образовалась на идеологической основе [2, с. 33], чьим главным инициатором был тогдашний президент Венесуэлы — Уго Чавес, то во второй половине 2010-х гг. наблюдался идеологический раскол среди государств. К власти начали приходить правые силы (например, Ж. Болсонару в Бразилии, И. Дуке в Колумбии, Л. Поу в Уругвае), что начало подрывать идеологически основу организации.

Уже в 2018 году 6 членов — Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Парагвай и Перу приостановили свое членство, а затем заявили о выходе из организации. При этом, уже правые силы выдвинули инициативу о создании

новой структуры — ПРОСУР. Как раз на это и повлиял кризис в Венесуэле, поскольку часть представителей начала поддерживать оппозицию, присоединилась к Группе Лимы, следовательно, нарушался главный принцип консенсуса, с помощью которого принимались решения. Ранее УНАСУР часто удавалось разрешать региональные конфликты. Так, именно вмешательство УНАСУР сыграло значительную роль во время внутренних политических кризисов в Боливии (2008 г.) и Парагвае (2012 г.), дипломатических кризисов между Колумбией и Эквадором (2008 г.), а также Колумбией и Венесуэлой (2010 г.) [6, с. 63]. Но в отношении венесуэльского кризиса УНАСУР оказался бессилен. В 2015–2016 гг. были попытки выступить в качестве посредника на переговорах между правительством и оппозиционным блоком, но оба раза переговорный процесс был заморожен. С 2019 года не наблюдается деятельность данной организации, что говорит о фактическом распаде и остановок деятельности [1, с. 44]. В данном случае, в венесуэльском кризисе в странах, являвшихся членами УНАСУР, появились разные точки зрения на этот конфликт: кто-то вступил в Группу Лимы, кто-то продолжал поддерживать Н. Мадуро, что подорвало ключевой принцип консенсуса в данной организации. Также сама организация строилась на идеологическом единстве, левых идеях, поэтому в случае, когда пришли другие правительства, в самой организации начался раскол.

Таким образом, УНАСУР вырабатывала предложения до того момента, как сменились левые правительства правыми, когда нарушилось единодушие в мнениях. Организация не выдержала таких изменений, поэтому фактически ушла со сцены. Такой уход активного игрока стал одновременно и причиной, и следствием углубления венесуэльского кризиса, который теперь решался либо через прямое осуждение, либо через двусторонние переговоры с помощью посредников, минуя региональные структуры Южной Америки.

Группа Лимы: от единой коалиция к идеологическому расколу

Группа Лимы была создана в 2017 году сторонниками оппозиции Н. Мадуро (Канада, Аргентина, Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Гватемала, Гондурас, Мексика, Панама, Парагвай, Перу и Чили, затем Гайана и Сент-Люсия), что предопределило её отношение к конфликту и сторону поддержки. Изначально у данного объединения была общая цель — разрешить конфликт в пользу оппозиции. В 2019 году после выборов представители Группы Лимы сразу признали временным президентом Хуана Гуайдо [7, с. 86]. В целом, саму активную поддержку оппозиции объединение осуществляло в 2019–2020 гг. Так, одним из действий, которые предпринимала Группа Лимы, стало обращение в МУС по поводу гуманитарной ситуации в Венесуэле [20], а также Группа призывала страны, которые сотрудничают с Н. Мадуро помочь в раз-

работке предложений, которые привели бы к демократическому переходу и проведению свободных, справедливых, прозрачных выборов. Также члены объединения обращались к России, Турции и Кубе, чтобы они способствовали разрешению конфликта. Помимо этого, объединение тесно сотрудничало в Международной контактной группой по Венесуэле в сфере гуманитарной помощи. Еще одной мерой для давления на Н. Мадуро стали санкции, введенные членами Группы Лимы.

Казалось бы, что данная организация имеет больше всего влияния из-за своей представительности и поддержки по всему миру, однако и на это объединение повлияли электоральные процессы в Латинской Америке. В 2019 году к власти в Аргентине пришел Альберто Фернандес, который заявил о необходимости диалога с правительством Венесуэлы и нормализации отношений, а уже в 2021 году Аргентина вышла из Группы Лимы [19]. За ней последовали и другие страны, где к власти пришли политики левого толка, что в итоге привело к роспуску и прекращению работы в 2021 году. Как заявил представитель Перу в ОАГ Харольд Форсит, Группа Лимы «выполнила свою функцию».

Таким образом, можно выделить несколько причин, по которым данному объединению не удалось разрешить конфликт оппозиции и правительства. Во-первых, Группа Лимы сделала ставку на полную изоляцию Н. Мадуро, что привело к отсуствию контактов с одной из сторон конфликта, без которой урегулирование не могло бы произойти. Во-вторых, вся стратегия была завязана на успех Х. Гуайдо, однако он не смог заручиться поддержкой населения и мировой общественности настолько, чтобы свергнуть Н. Мадуро, а после того, как оппозиционер заявил о роспуске своего правительства, Группа фактически потеряла смысл существования. В-третьих, санкции, которые вводили члены Группы нанесли серьезный ущерб экономике Венесуэлы, однако таким давлением воспользовался сам Н. Мадуро, который смог сплотить население и переложить вину за гуманитарную катастрофу на внешних врагов. Наконец, идейный раскол, который произошел в 2019–2020 гг. также сильно повлиял на эффективность объединения и привел к непосредственному распаду. Значит, жесткая, негибкая позиция Группы Лимы исключила ее из процессов реальных переговоров, и превратила объединение из главного координационного органа по Венесуэле в маргинальную структуру, в то время как центр тяжести перешел к другим форматам и прямым переговорам между ключевыми игроками.

Заключение

Исходя из выше перечисленных событий, можно определить влияние венесуэльского политического кризиса на интеграцию в Латинской Америке. Важным аспектом стало то, что противостояние политических лидеров наметило кризис интеграции, показал, что у стран может быть противопо-

ложное отношение к ситуации, а механизм консенсуса не является гарантом эффективности организации и способность выработать единую стратегию в условиях политических разногласий. Кроме того, результатом кризиса стал фактический распад УНАСУР, а также прекращение функционирования Группы Лимы после того, как в ряде стран сменились правительства. ОАГ также не смогла урегулировать кризис из-за неэффективного механизма принуждения, учитывая, что большее давление сыграли санкции, введенные США. Организации действовали как платформы для легитимации и делегитимации, политического давления и дипломатических инициатив, а не предлагали реальные меры по урегулированию конфликта, что в итоге привело к активизации двустороннего диалога между оппозицией и правительством с помощью посредников. Также организации были зависимы от внутрирегиональной динамики, поскольку их позиции менялись вслед за сменой правительств в странах-участницах. Региональные организации продемонстрировали, что они эффективны больше как барометры политического климата и инструменты легитимации уже сложившихся позиций. Однако они оказались неспособными как архитекторы урегулирования, поэтому по сути кризис в Венесуэле был разрешен не посредством деятельности данных организаций, а вопреки им и вне их, что задало тревожный прецедент на будущее для других конфликтов в регионе.

Список источников и литературы

1. *Яковлев, П. Я.* Венесуэла: кризис эпохи конфликтной многополярности// Перспективы. Электронный журнал. 2019. №1 (17).
2. *Пятаков, А. Н.* Незамеченный юбилей / А. Н. Пятаков // Латинская Америка. – 2018. – № 2. – С. 29-45.
3. Розенталь, Д. М. Анатомия политического кризиса в Венесуэле // ИМЭМО РАН. 2019. №1 (56).
4. OAS: Statement from the Office of the Secretary General on the Electoral Process in Venezuela and Report from the Secretariat for the Strengthening of Democracy/ Department of Electoral Cooperation and Observation // OAS. 30.07.2025 URL: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-046/24 (дата обращения: 04.11.2025)
5. *Кряжев, И.* Венесуэльский кризис 2.0 // РСМД. 30.09.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/venesuelskiy-krizis-2-0/ (дата обращения: 04.11.2025)
6. *Посашкова, А. В.* Венесуэльский кризис как угроза региональной интеграции в Латинской Америке // Латинская Америка. 2018. Выпуск №3. - с. 56-66
7. *Ивановский, З.В., Розенталь Д. М.* Венесуэла: политическое противостояние и мировое сообщество. Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2020;12(2):71-111.
8. История политического кризиса в Венесуэле // ТАСС. 23. 11. 2019. URL: https://tass.ru/info/6031159 (дата обращения: 15.11.2025)

9. *Тимофеев, И. Н.* Санкции США против Венесуэлы: временное смягчение? // РСМД. 03.11.2023 URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsii-ssha-protiv-venesuely-vremennoe-smyagchenie/ (дата обращения: 15.11.2025)
10. U.S. proposes transitional government for Venezuela, without Maduro or Guaidó | The Seattle Times. URL: https://www.seattletimes.com/nation-world/u-s-proposes-transitional-government-for-venezuela-without-maduro-or-guaido/ (дата обращения: 15.11.2025)
11. *Разумовский, Д. В.* Венесуэла: наметившийся выход из тупика? // Клуб «Валдай». 09.07.2021 URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/venesuela-nametivshiysya-vykhod-iz-tupika/ (дата обращения: 15.11.2025)
12. В Мехико начались переговоры между правительством и оппозицией Венесуэлы // Интерфакс. 14.08.2021 URL: https://www.interfax.ru/world/784380 (дата обращения: 15.11.2025)
13. Уругвай и Мексика подготовили новое предложение по установлению диалога в Венесуэле // ТАСС. 18.11.2025 URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7146685 (дата обращения: 15.11.2025)
14. Падение Хуана Гуайдо показало цену “американской дружбы” // РЕН ТВ. 23.12.2022 URL: https://ren.tv/longread/1059631-padenie-khuana-guaido-v-chem-glavnaia-oshibka-prezidenta-samozvantsa (дата обращения: 15.11.2025)
15. Глава ОАГ не исключил возможности военного вмешательства в Венесуэлу // ТАСС. 15.09.2018 URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5568185 (дата обращения: 15.11.2025)
16. OAS: VENEZUELA 2020 HUMAN RIGHTS REPORT URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/03/VENEZUELA-2020-HUMAN-RIGHTS-REPORT.pdf (дата обращения: 15.11.2025)
17. Венесуэла вышла из Организации американских государств из-за США // РБК. 28.04.2019 URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc4c4ac9a794769d772b4b7 (дата обращения: 15.11.2025)
18. Венесуэла призвала ООН создать фонд управления заблокированными активами // РИА Новости, 26.11.2022 (дата обращения: 04.12.2025)
19. Argentina leaves Lima Group, says bloc’s Venezuela policies have ‘led to nothing’ | Reuters 24.03.2021 URL: https://www.reuters.com/world/americas/argentina-leaves-lima-group-says-blocs-venezuela-policies-have-led-nothing-2021-03-24/ (дата обращения: 06.12.2025)
20. Группа Лимы обратилась в Международный уголовный суд по гуманитарной ситуации в Венесуэле // ТАСС. 26.02.2019 URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6157844 (дата обращения: 06.12.2025)

Демьянова Елена Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Высшая школа юриспруденции и администрирования
Магистратура

БРИКС+ КАК ГИБКАЯ ПАРАИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ИНТЕГРАЦИИ

BRICS+ AS A FLEXIBLE PARAINSTITUTIONAL STRUCTURE OF THE GLOBAL SOUTH: THE EFFECTIVENESS OF INFORMAL INTEGRATION MECHANISMS

Аннотация. В статье анализируется статус БРИКС - новой модели организации с гибкой параинституциональной структурой, выделены отличительные черты БРИКС, делающие ее привлекательной для стран Глобального Юга. Делается вывод о том, что неформальные механизмы координации интересов участников объединения обеспечивают эффективную интеграцию развивающихся стран в БРИКС+ в условиях кризиса традиционных моделей глобального управления.

Ключевые слова: БРИКС, параинституциональная структура, Глобальный Юг, неформальные механизмы интеграции, сотрудничество Юг-Юг.

Abstract. The article analyzes the status of BRICS as a new model of organization with a flexible parainstitutional structure and highlights the distinctive features that make it attractive to the countries of the Global South. It concludes that the informal mechanisms for coordinating the interests of the member states ensure the effective integration of developing countries into BRICS+ amid the crisis of traditional models of global governance.

Keywords: BRICS, parainstitutional structure, Global South, informal integration mechanisms, South – South cooperation.

Введение

Сегодня страны Глобального Юга в условиях кризиса традиционных моделей глобального управления находятся в активном поиске альтернативных форматов интеграции. Решением этого вопроса могут стать гибкие параинституциональные структуры, характеризующиеся низким уровнем формализации и приверженностью принципу суверенного равенства. Расширяющийся формат БРИКС+ является наиболее репрезентативным примером такой модели, что определило актуальность данного исследования.

Целью данной работы явилось выявление неформальных механизмов координации действий стран-участниц в параинституциональной структуре БРИКС, обеспечивающих эффективную интеграцию государств Глобального Юга в объединение нового типа.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Определить понятие «параинституциональная структура», сравнив разные подходы к описанию организации нового типа.
2. Выявить характерные черты параинституональной структуры — новой модели организации — БРИКС, показать ее отличие от традиционных моделей глобального управления.
3. Описать неформальные механизмы координации действий стран-участниц БРИКС, способствующие эффективной интеграции стран Глобального Юга.
4. Выявить проблемы и перспективы развития новой модели объединения — БРИКС+.
5. Обосновать доказательные выводы, полученные в результате исследования рассматриваемой проблемы.

Научная новизна работы заключается в том, что в отличие от подходов, оценивающих объединение через призму эффективности классических международных организаций, данный концепт позволяет выявить преимущества БРИКС+ в качестве новой институциональной гибкой и добровольной для вступления структуры. Исследование показало, что неформальные механизмы координации явились ключевым фактором, обеспечивающим жизнеспособность и динамику БРИКС+ в текущих геополитических условиях, в том числе и в регионе Глобального Юга.

Использование аналитического метода, методов институционального и сравнительного анализа, анализа количественных данных, опора на документы международной межправительственной организации БРИКС+, данные официального сайта БРИКС+, обращение к научным статьям специалистов в области изучения организации, позволили прийти к доказательным выводам.

Теоретические подходы к определению статуса БРИКС и необходимость нового концепта

С возникновением БРИКС не раз предпринималась попытка осуществить международно-правовое измерение организации при помощи сравнительного анализа с существующими структурами [1]. Так, по мнению д.ю.н., профессора Абашидзе Х. А. и к.ю.н. Солнцева А. М., БРИКС можно считать квазиорганизацией, так как в ее основе не лежит учредительный договор, у объединения нет штаб-квартиры, секретариата, бюджета [2].

В ходе нашего исследования возникла необходимость использования термина «параинституциональная структура» для описания BRICS+, который подчеркивает её отличие от классических международных организаций с жесткой бюрократией и обязывающими решениями. Параинституциональная структура предполагает такие ключевые характеристики, как неформальность, основанную на неофициальных правилах, взаимном доверии; легитимность, предполагающую добровольное признание решений членами организации; адаптивность, способность приспосабливаться к новым условиям и требованиям времени.

Вместо оценивания БРИКС+ по критериям эффективности западных институтов для новой модели организации более уместна оценка эффективности собственных, гибких механизмов объединения, а именно: наличие консенсуса, который позволяет прийти к общему согласию, учитывая мнение каждого участника, а не только большинства; отсутствие наднациональности, (как, например, в ЕС), что заключается в невозможности принятия решения без учетов национальных интересов отдельных стран; способности реализации конкретных проектов для достижения целей стран-участниц.

Следует отметить, что такие качества, как гибкость и неформальность организации не делают БРИКС+ слабой структурой, а, напротив, демонстрируют адаптивную и эффективную форму интеграции, более подходящую для разнородного Глобального Юга в текущих геополитических условиях.

Фундаментальной чертой объединения БРИКС+ следует признать целенаправленное дистанцирование от жесткой наднациональной интеграции, что привлекает разные страны мира. Многие из них стали странами-партнерами с 1 января 2025 г. и желают вступить в БРИКС, чтобы стать полноправными членами организации. Большую часть желающих составляют страны Глобального Юга: Боливия, Уганда, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд [3]. Параинституциональная структура БРИКС+ интересна странам Глобального Юга благодаря таким ее характерным чертам, как:

1. Сетевая структура и принцип консенсуса

В отличие от иерархических структур, БРИКС+ функционирует как сетевая платформа, на которой решения принимаются на основе консенсуса. Это позволяет сохранять национальный суверенитет в качестве неприкосновенного принципа, что особенно ценно для разнородных стран Глобального Юга с их различными политическими системами и интересами, как например, у новых участников организации — ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии, находящимися на разной стадии экономического развития. Путь в БРИКС+ открыт и другим странам Глобального Юга, которые разделяют цели объединения, стремящегося к миру, безопасности, устойчивому

развитию, усилению экономической интеграции развивающихся стран, предоставлении им большой роли на мировой арене.

2. Эволюционная институционализация

Объединение БРИКС+ не отвергает институционализацию полностью, но подходит к ней эволюционно и выборочно. Приоритет отдается созданию функциональных институтов, создающихся для решения конкретных задач. Так, Новый банк развития (НБР), который обрел штаб-квартиру в Шанхае в 2021 году [4], и Пул валютных резервов в размере 100 млрд. долларов [5], который вступил в силу 30 июля 2015 г., были созданы для оказания финансовой помощи и сохранения финансовой стабильности стран-участников БРИКС [6]. Такой подход позволяет избежать избыточной бюрократизации, сохраняя способность стран-участниц к быстрой адаптации.

3. «Интеграция интеграций» как ключевой механизм

Выступая на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г., президент России Владимир Владимирович Путин уделил особое внимание необходимости «гармонизации региональных экономических проектов» [7]. Президентом РФ было использовано понятие «интеграции интеграций», суть которой заключается в использовании универсальных прозрачных принципов международной торговли», направленной на предотвращение разбалансировки существующей системы товарно-денежных отношений [8].

Наиболее эффективной неформальной практикой в рамках БРИКС+ становится модель интеграции региональных объединений. Эта концепция подразумевает создание платформы для взаимодействия таких структур, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), МЕРКОСУР, Африканский союз (АС) и других [9]. Данный подход позволяет умножить эффект интеграции, связывая между собой целые регионы, создавая основу для сотрудничество Юг-Юг.

4. Экономическая эффективность и прагматизм

Неформальность не означает низкую результативность. Это подтверждается следующими фактами. Доля БРИКС+ в мировом ВВП в 2024 году составила около 39%. Это превысило показатели «Большой семерки». Причем, в 2025 г. доля БРИКС+ в мировой экономике продолжает расти, а доля «Большой семерки» снижается [10]. Кроме того, значительный экономический вес объединения, подтверждается тем, что БРИКС+ включает в свой состав около 42% населения планеты [11]. Торговля внутри организации демонстрирует опережающие темпы роста, а объем взаимных инвестиций с каждым годом

увеличивается. Больше внимания уделяется конкретным, осязаемым проектам в области инфраструктуры, безопасности энергетических поставок и развития цифровой экономики, что подтверждает прагматичную ориентацию формата. Например, в 2024 г. в Казани, на очередном XVI саммите БРИКС, обсуждались вопросы о повышении транспортной взаимосвязанности между странами для роста взаимной торговли, о формировании постоянной логистической платформы БРИКС [12], открытии электронной коммуникационной площадки по транспорту [13].

Проблемы и перспективы развития модели БРИКС+

Но все же в организации нового типа — БРИКС — существуют проблемы. К недостаткам БРИКС+ можно отнести разнообразие финансовых систем и разный уровень экономического развития стран-участниц, что создает трудности для создания единого рынка и может привести к неравному распределению выгоды. Зависимость от внешних рынков пока остается высокой, что тормозит реализацию глобальных проектов по изменению международной экономической системы. Так, во многих странах Глобального Юга, например в Бразилии, ЮАР, Эфиопии, экономика остается зависимой от экспорта сырья, отмечается низкий уровень инноваций, образования, что препятствует эффективному развитию стран. Кроме того, новая модель объединения БРИКС+ сталкивается со сложностью достижения консенсуса в расширившемся составе, существуют риски «размывания» повестки дня и потенциальная неэффективность в условиях острых кризисов, требующих оперативных решений [14]. Сохраняется и структурная проблема дефицита общей финансовой и правовой инфраструктуры [15]. Решить эти проблемы смогут укрепление политического доверия и солидарность между странами-участницами БРИКС+, углубление экономической и финансовой интеграции, продвижение расчетов в национальных валютах, разработка четких критериев членства в организации, а также дорожной карты для новых участников [16]. Не следует забывать и о повышении роли «мягкой силы», формировании единой позиции по глобальным вопросам, координации позиций в области международных отношений.

Выводы

Таким образом, в результате исследования проблемы можно сделать следующие выводы:

1. Параинституциональная модель БРИКС+ доказала свою жизнеспособность и эффективность как альтернативный путь интеграции стран Глобального Юга.

2. Эффективность механизмов BRICS+ следует измерять не степенью унификации, а способностью обеспечивать координацию и продвигать общие интересы стран Глобального Юга на мировой арене, сохраняя их суверенитет.
3. Данная модель организации будет становиться все более распространенной в будущем, так как гибкость структуры, ориентация на суверенитет и сетевой принцип построения взаимодействия являются адекватным ответом на вызовы многополярного мира, что важно для стран Глобального Юга.
4. Дальнейшая эволюция объединения БРИКС+ будет заключаться в поиске баланса между укреплением функциональных институтов и сохранением той самой гибкости, которая составляет его основное конкурентное преимущество, а также в борьбе с недостатками структуры, которые тормозят развитие новой модели управления.

В заключение хочется отметить, что БРИКС+ не стремится стать аналогом «Большой семерки», цель объединения — создать инклюзивную и справедливую платформу для координации интересов развивающихся экономик, и в этом качестве ее роль будет только возрастать, так как эффективность неформальных механизмов интеграции в БРИКС+ для стран Глобального Юга и для других потенциальных участников становится все более привлекательной.

Список источников и литературы

1. *Абашидзе А. Х.* БРИКС: международно-правовое измерение //Обозреватель-Observer. — 2024. — № . 4. — С. 115–123.
2. *Абашидзе А.Х., Солнцев А. М.* БРИКС — международная квазиорганизация? // Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве. Материалы научного семинара. Москва, 9 октября 2012 г. / отв. ред. К. М. Беликова. М.: Сенат Пресс. 2012. С. 9–15.
3. Новые страны присоединятся к БРИКС в качестве партнеров с 1 января // ТАСС URL: https://tass.ru/politika/22803095 (дата обращения: 01.12.2025).
4. Соглашение о Новом банке развития от 15 июля 2014 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507070019?index=1 (дата обращения: 01.12.2025).
5. БРИКС и «долговые ловушки» МВФ. Что может сделать Пул условных валютных резервов БРИКС для стран Глобального Юга? // Валдай. 06.08.2024 URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-i-dolgovye-lovushki-mvf/ (дата обращения: 01.12.2025).
6. Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС от 15 июля 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003170021?index=15 (дата обращения: 01.12.2025).

7. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. 28.09.2015 // Президент России URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50385 (дата обращения: 01.11.2025).
8. *Арапова Е. Я.* «Интеграция интеграций»: почему необходимо гармонизировать региональные экономические проект // МГИМО URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/integratsiya-integratsiy/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 01.12.2025).
9. Интеграция интеграций // Дипломатический словарь URL: https://clck.ru/3QgJwG (дата обращения: 01.12.2025).
10. BRICS Data // BRICS Brasil 2025 URL: https://clck.ru/3QgJuw (дата обращения: 01.12.2025).
11. БРИКС / Многостороннее экономическое сотрудничество / Внешнеэкономическая деятельность / Приоритетные направления // Министерство экономического развития Российской Федерации URL: https://clck.ru/3QgJxu (дата обращения: 01.12.2025).
12. В БРИКС изучат создание единой логистической платформы для стран объединения // ТАСС URL: https://tass.ru/ekonomika/22202307 (дата обращения: 01.12.2025).
13. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности: Казанская декларация XVI Саммита БРИКС Казань, Российская Федерация 23 октября 2024 года. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
14. *Лавров С.* Не упустить главное: о плюсах и минусах расширения БРИКС // Россия в глобальной политике URL: https://globalaffairs.ru/articles/ne-upustit-glavnoe-briks/ (дата обращения: 01.12.2025).
15. *Patrick S.* et al. BRICS Expansion and the Future of World Order: Perspectives from Member States, Partners, and Aspirants // The Carnegie Endowment for International Peace. 31.03.2025. URL: https://carnegieendowment.org/research/2025/03/brics-expansion-and-the-future-of-world-order-perspectives-from-member-states-partners-and-aspirants?lang=en (дата обращения: 01.12.2025).
16. *Nach M., Ncwadi R.* BRICS economic integration: Prospects and challenges //South African Journal of International Affairs. – 2024. – Т. 31. – №. 2. – С. 151-166.

Иванова Анастасия Дмитриевна

Южный федеральный университет
Юридический факультет
Бакалавриат

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (АС, АСЕАН, САДК) В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ

THE EVOLUTION OF THE ROLE OF REGIONAL ORGANIZATIONS (AU, ASEAN, SADC) IN CONFLICT RESOLUTION

Аннотация. В работе рассматривается эволюция роли региональных организаций Глобального Юга (Африканского Союза, АСЕАН, САДК) в контексте меняющейся геополитической реальности и усиления вызовов региональной безопасности. Анализируется трансформация их функций: от изначальной ориентации на экономическую интеграцию и сотрудничество — к активному участию в урегулировании внутренних конфликтов и миротворческих операциях. На примерах конкретных инициатив показано, как организации адаптируют принцип невмешательства к новым угрозам, сохраняя при этом базовые принципы. Особое внимание уделено стратегическим документам, задающим долгосрочные ориентиры устойчивости и сотрудничества.

Ключевые слова: региональные организации, Глобальный Юг, Африканский Союз (АС), АСЕАН, САДК, урегулирование конфликтов, региональная безопасность.

Abstract. The article examines the evolution of the role of regional organizations in the Global South (the African Union, ASEAN, and SADC) in the context of the changing geopolitical reality and the growing challenges to regional security. It analyzes the transformation of their functions, from their initial focus on economic integration and cooperation to their active involvement in resolving internal conflicts and peacekeeping operations. The article uses specific initiatives to demonstrate how these organizations adapt the principle of non-interference to new threats while maintaining their core principles. Special attention is given to strategic documents that set long-term guidelines for sustainability and cooperation.

Keywords: regional organizations, the Global South, the African Union (AU), ASEAN, SADC, conflict resolution, regional security.

Введение

В условиях новой и быстро меняющейся геополитической реальности, когда устоявшиеся механизмы глобального управления сталкиваются с новыми угрозами и вызовами, заметно повышение значимости регио-

нальных организаций в поддержании мира и стабильности. Актуальность заключается в том, что с усилением глобальной интеграции, ростом взаимодействия и возникновением центров силы нового мироустройства, Глобальный Юг играет новую роль на международной арене и все активнее берет на себя ответственность за обеспечение региональной безопасности. Данное явление предполагает не замену направлений деятельности, а скорее адаптацию с учетом региональной специфики.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе эволюции роли региональных организаций Глобального Юга в обеспечении безопасности и урегулировании внутренних конфликтов, выявлении ключевых тенденций, механизмов и ограничений их деятельности.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Проследить историческую динамику развития региональных организаций: от экономической интеграции к комплексному управлению безопасностью.
2. Проанализировать трансформацию принципов деятельности региональных организаций на примере: Африканского союза, АСЕАН, САДК.
3. Оценить эффективность миротворческих операций региональных организаций.
4. Исследовать новые стратегические инициативы, направленные на укрепление региональной устойчивости.

Региональные организации: сущность, эволюция и концептуальные основы

Региональные организации представляют собой институциональные структуры, объединяющие государства определённого географического региона на основе общих интересов, целей и договорённостей. Их ключевыми критериями выступают: территориальная ограниченность (членство открыто только для стран конкретного макрорегиона); наличие уставных документов, фиксирующих цели, принципы и механизмы взаимодействия; постоянные органы управления (секретариаты, советы, комитеты); регулярный формат взаимодействия (саммиты, заседания, рабочие группы).

В отличие от универсальных организаций (таких как ООН), охватывающих практически все государства мира и ориентированных на глобальные проблемы, региональные структуры фокусируются на специфике локального контекста — от торгово-экономических связей до урегулирования внутрирегиональных конфликтов.

Историческая динамика развития региональных организаций демонстрирует эволюцию от узко экономических задач к комплексному управле-

нию безопасностью. В 1960–1980-е годы доминировала модель экономической интеграции: создавались зоны свободной торговли, таможенные союзы и общие рынки (например, ЕЭС в Европе, ЛАИ в Латинской Америке). Регионализм воспринимался как инструмент ускоренного развития через кооперацию ресурсов и рынков [1].

С 1990-х годов на фоне распада биполярной системы и роста трансграничных угроз (терроризм, нелегальная миграция, пандемии) региональные организации начали расширять повестку. К началу 2000-х они активно включились в миротворчество, кризисное регулирование и обеспечение коллективной безопасности.

Эта трансформация отражена в теории «нового регионализма» (new regionalism), разработанной Б. Хеттне. В отличие от «старого регионализма» Холодной войны, ориентированного на защиту от внешних угроз, новый регионализм характеризуется: многомерностью (охват экономики, безопасности, экологии, прав человека); включением негосударственных акторов (НПО, бизнес, города); гибкостью форматов (от жестких союзов до сетевых инициатив) [2].

Дополняет эту парадигму концепция «безопасности через сотрудничество» (cooperative security), предложенная А. Ачарией. Она подчёркивает, что региональные организации формируют уникальные модели безопасности, основанные на диалоге, доверии и общих нормах, а не на балансе сил. Например, АСЕАН выстроила «режим безопасности» через неформальные консультации и превентивную дипломатию, избегая военных альянсов [3].

Африканский Союз: от невмешательства к активной миротворческой роли

Африканский Союз (АС), учреждённый в 2002 году как правопреемник Организации африканского единства (ОАЕ, 1963–2002), унаследовал от предшественницы ключевой принцип невмешательства во внутренние дела государств-членов. В Уставе ОАЕ (ст. 3(II)) [4] прямо закреплялось уважение суверенитета и территориальной целостности, что фактически блокировало коллективные действия в ответ на внутренние кризисы — даже в условиях геноцида или гражданских войн. Эта позиция отражала исторический контекст деколонизации: молодые африканские государства стремились оградить себя от внешнего диктата, воспринимая любое вмешательство как угрозу обретённой независимости.

Принцип невмешательства, закреплённый в Уставе ОАЕ, не был случайным выбором: он вытекал из общего опыта деколонизации и панафриканской солидарности 1960–1970-х. На конференциях в Аккре (1958) и Аддис-Абебе (1963) лидеры молодых государств сознательно отвергли модель

«интервенционизма», ассоциировавшуюся с колониальным прошлым. Вместо этого утвердилась доктрина «африканского решения африканских проблем» — идея, что конфликты должны урегулироваться внутри континента без внешнего диктата.

Однако уже в 1970–1980-е эта модель дала трещины: бездействие ОАЕ во время геноцида в Бурунди (1972); ограниченная роль в ангольском конфликте, где региональные игроки (ЮАР, Заир) действовали вопреки позиции ОАЕ; неспособность предотвратить эскалацию в Великих озёрах в 1990-е. Эти недостатки показали: абсолютизация суверенитета может оборачиваться молчаливым согласием на преступления против человечности. Именно этот опыт подтолкнул к пересмотру норм в Учредительном акте АС.

Также к концу 1990-х — началу 2000-х годов нарастание гуманитарных катастроф (Руанда-1994, Конго-1998) и критика бездействия ОАЕ заставили африканские элиты пересмотреть подходы. В Учредительном акте АС (2000) [5] появился революционный для континента пункт: право Союза вмешиваться в дела государства-члена в случаях «военных преступлений, геноцида и преступлений против человечности» (ст. 4(h)). Это стало юридическим фундаментом для перехода от пассивного невмешательства к активной ответственности за поддержание мира.

В настоящее время АС стало принимать более активное участие в поддержании мира и стабильности: изначально была создана Миротворческая региональная миссия под мандатом АС (AMISOM), целями которой выступали поддержка переходного правительства страны, нейтрализация экстремистской группировки «Аш-Шабааб» и восстановление государственной инфраструктуры. В своей работе миссия придерживалась многомерного подхода, сочетая активные военные операции с масштабными гуманитарными инициативами и программами по разоружению и реинтеграции бывших боевиков. Такой комбинированный формат позволял не только вести борьбу с вооружёнными формированиями, но и создавать условия для устойчивого восстановления мирной жизни.

В результате действий АМИСОМ удалось добиться заметной стабилизации обстановки в Могадишо и ряде ключевых регионов Сомали: были освобождены значительные территории, восстановлено функционирование ряда государственных учреждений, налажена работа базовых социальных служб. Однако полностью ликвидировать угрозу со стороны «Аш-Шабааб» миссия не смогла. Основными причинами этого стали хроническая нехватка ресурсов — как финансовых, так и материально-технических, — а также недостаточная координация между различными компонентами миссии и партнёрами по международному содействию.

Позднее AMISOM была реорганизована в Миссию Африканского союза по поддержке переходного периода в Сомали (ATMIS). Организация взяла на себя основную ответственность за миротворческие операции, часто в тесном сотрудничестве с ООН. С 2025 года Советом Безопасности ООН Резолюцией 2767 (2024) [6] было одобрено решение о замене ATMIS на Миссию Африканского союза по поддержке и стабилизации в Сомали (AUSSOM), которая занимается поддержкой сил безопасности Сомали в стабилизации страны и борьбе с группировкой «Аш-Шабааб».

АСЕАН: баланс принципа невмешательства и поиска диалога

Что касается Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), организация исторически придерживалась основополагающего принципа невмешательства, который закреплен в Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии [7] являющимся основным документом организации. На протяжении 1970–1990-х годов АСЕАН последовательно придерживалась «метода АСЕАН» (ASEAN Way) — неформального консенсусного диалога, избегающего публичного осуждения или принудительных мер. Например, Камбоджийский кризис (1979–1991): АСЕАН выступала посредником между Вьетнамом и коалицией оппозиционных сил, но не вмешивалась напрямую во внутренние дела Камбоджи, а также индонезийско-восточнотиморский конфликт (1999) – Ассоциация ограничилась дипломатическими призывами, не применяя санкций против Индонезии. Такая сдержанность объяснялась страхом раскола внутри АСЕАН из-за разнонаправленных интересов членов (например, Таиланд и Малайзия имели разные взгляды на кризис в Мьянме).

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии демонстрирует следующее: она играет роль помощника в урегулировании конфликтов [8]. Ярким примером выступает «Консенсус из пяти пунктов» [9], принятый организацией в 2021 году на саммите лидеров Ассоциации в Джакарте в ответ на военный переворот в Мьянме в 2021 году. Консенсус предусматривал проведение конструктивного диалога между сторонами, призыв немедленного прекращения насилия, назначение специального посланника с его дальнейшим визитом в Мьянму и гуманитарную помощь. Важно отметить, что АСЕАН остается площадкой для поиска диалога по Мьянме, о чем свидетельствуют продолжающиеся обсуждения ситуации в 2025 году на 47 саммите АСЕАН. Даже несмотря на возникшие сложности в реализации всех пунктов, страны АСЕАН продолжают считать помощь в разрешении кризиса соседней стране задачей первой и принципиальной важности, что закрепляется в документе “Обзор и решение лидеров АСЕАН по реализации “Консенсуса АСЕАН из 5 пунктов” [10].

Также стоит отметить, что в мае 2025 года государства-члены АСЕАН подписали Куала-Лумпурскую "Декларацию о видении АСЕАН до 2045 года: Укрепление устойчивости и возрастающая глобальная роль" [11]. Благодаря саммиту и утвержденной Декларации был задан новый вектор, направленный на укрепление триады: единство, устойчивость и открытое сотрудничество. Этот документ является стратегическим ориентиром, который напрямую затрагивает роль АСЕАН в поддержании региональной стабильности. Декларация нацелена на создание более сплоченного и устойчивого АСЕАН, где взгляды и интересы членов Ассоциации будут переосмыслены в свете необходимости действовать сообща для противодействия угрозам. В течение предстоящих 20 лет, на которые направлена концепция развития региона, не стоит забывать о необходимости адаптивности к меняющимся геополитическим условиям, что может означать готовность применять эффективные подходы к урегулированию конфликтов. Также Декларация затрагивает и другие сферы общественной жизни: использование местной валюты при трансграничных операциях, финансирование рисков стихийных бедствий и другие важные вопросы членов организации.

САДК: адаптация к новым угрозам

Помимо АС и АСЕАН, Сообщество развития Юга Африки (САДК) также вносит свой вклад в региональную безопасность. САДК, официально учрежденное в 1992 году, изначально было нацелено на экономическую интеграцию: устранение торговых барьеров, развитие инфраструктуры, координация политик в энергетике и транспорте. Устав САДК подчёркивал принципы суверенитета, невмешательства и консенсусного принятия решений, что отражало общий для региональных организаций Африки осторожный подход к вопросам безопасности [12]. В 2010-х годах САДК столкнулось с новыми угрозами, вынудившими расширить повестку: например, активность группировки «Аш-Шабаб» в Мозамбике и Сомали, нестабильность в ДРК, а также трансграничные вызовы, заключающиеся в нелегальной торговле оружием, контрабанде ресурсов, миграционных кризисах. Эти факторы подтолкнули САДК к институционализации механизмов коллективной безопасности. В 2008 году был принят Протокол о политике обороны и безопасности, создавший правовую основу для миротворческих операций и совместных контртеррористических действий [13].

В июле 2021 года Миссия САДК в Мозамбике (SAMIM) была развёрнута из-за ухудшения ситуации с безопасностью в Кабо-Дельгадо. Ключевыми причинами вмешательства стали: захват населённых пунктов вооружённой группировкой «Ансар аль-Сунна», аффилированной с ИГИЛ; масштабная гуманитарная катастрофа, затронувшая свыше 900 тысяч вынужденных

переселенцев; а также прямая угроза энергетической безопасности региона — в частности, атаки на стратегические газодобывающие проекты компании Total E&P. Перед SAMIM был поставлен комплекс взаимосвязанных задач, нацеленных на стабилизацию обстановки. Прежде всего, миссия призвана оказывать поддержку мозамбикским вооружённым силам в проведении контртеррористических операций — от разведки и блокирования баз боевиков до освобождения захваченных территорий. Не менее важным направлением стало обеспечение безопасности ключевых объектов инфраструктуры, включая энергетические установки, транспортные узлы и гуманитарные коридоры, без которых невозможно устойчивое восстановление региона.

Гуманитарный компонент миссии предполагает не только координацию поставок продовольствия и медикаментов для пострадавшего населения, но и создание условий для безопасного возвращения беженцев. Это требует тесного взаимодействия с международными агентствами и местными властями для развёртывания временных лагерей, медицинских пунктов и образовательных учреждений.

В результате Миссия посодействовала правительству Мозамбика в налаживании контртеррористических операций и оказала гуманитарную помощь населению. В 2025 году САДК совместно с Восточноафриканским сообществом (ВАС) на встрече стран-членов организаций рассматривались особо важные вопросы по конфликту в Демократической Республике Конго, и по результатам встречи организациями было принято решение создать дорожную карту для урегулирования конфликта, включающую прекращение огня и диалог с вооружёнными группировками; реформу сектора безопасности ДРК; программы экономического восстановления восточных провинций.

Выводы

Эволюция роли региональных организаций Глобального Юга, в частности АС, АСЕАН, САДК, в урегулировании внутренних конфликтов демонстрирует их растущую роль как в регионах, так и на мировой арене. Действия организаций все чаще направлены на прямое участие в стабилизации обстановки в своих регионах. При этом организации не отказываются от своих основополагающих принципов, а адаптируют их к новым вызовам. Региональные организации проявляют стратегическую инициативу в переосмыслении своей роли. Новые документы нацелены на укрепление единства, устойчивости и открытого сотрудничества. Они охватывают не только вопросы безопасности, но и экономическую интеграцию, управление рисками стихийных бедствий и другие аспекты, важные для долгосрочного развития регионов. В перспективе их роль будет зависеть от способности

углублять внутрирегиональное сотрудничество, развивать механизмы раннего предупреждения конфликтов и находить баланс между принципами суверенитета и коллективной ответственности. Несмотря на существующие вызовы, эти региональные организации, находясь ближе к истокам конфликтов, обладают потенциалом для предложения разрешений проблем.

Список источников и литературы

1. *Balassa, B.* The Theory of Economic Integration / B. Balassa. — London: Allen & Unwin, 1961.
2. Hettne, B., Söderbaum, F. The New Regionalism Paradigm // Politeia. — 2000. — Vol. 19, No. 3. — p. 5–25.
3. *Acharya, A.* Constructing a Security Community in Southeast Asia / A. Acharya. — London: Routledge, 2001.
4. Устав Организации Африканского Единства (1963) // История Африки в документах, 1870–2000. М.: [Издательство], 2007.
5. Учредительный акт Африканского союза от 12 июня 2000 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов.
6. Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/2767 (2024), 27.12.2024 г.
7. Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia, Indonesia, 24 February 1976.
8. *Рогожина Н. Г.* Роль АСЕАН в урегулировании политического конфликта в Мьянме. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2021, № 2, сс. 28–37.
9. Chairman's Statement on the ASEAN Leaders' Meeting, Five-Point Consensus, 24 April 2021.
10. ASEAN LEADERS' REVIEW AND DECISION ON THE IMPLEMENTATION OF THE FIVE-POINT CONSENSUS, Indonesia, on 5 September 2023.
11. ASEAN COMMUNITY VISION 2045 "Resilient, Innovative, Dynamic, and People-Centred ASEAN", adopted by the 46th ASEAN Summit, 26 May 2025.
12. *Тейлор, И.* Международные отношения в странах Африки к югу от Сахары (The International Relations of Sub-Saharan Africa) / И. Тейлор. — Лондон: Continuum, 2010.
13. Протокол о политическом, оборонном и безопасном сотрудничестве (Protocol on Politics, Defence and Security Cooperation) / Южноафриканский региональный экономический сообщество (SADC). — Габороне : Секретариат SADC, 2008.

Ишина Полина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

СЕЛАК И ОАГ В УСЛОВИЯХ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

CELAC AND THE OAS IN THE CONTEXT OF U.S.-CHINA COMPETITION IN LATIN AMERICA

Аннотация. В настоящей статье анализируется влияние американо-китайской конкуренции в Латинской Америке на эффективность функционирования двух ключевых интеграционных объединений в Западном полушарии. Для осуществления поставленной цели автором было рассмотрено противопоставление моделей «панамериканизма» и «латиноамериканизма» на примере ОАГ и СЕЛАК. Изучив стратегии США и КНР в данном регионе, автор приходит к выводу, что «китайский фактор» усилил роль СЕЛАК как центральной платформы, способствующей ослаблению гегемонии США и формированию плюралистичного регионального порядка.

Ключевые слова: Латинская Америка; СЕЛАК; ОАГ; Форум «Китай-СЕЛАК»; американо-китайская конкуренция

Abstract. This article aims at analyzing the impact of U.S.-China competition in Latin America on the effectiveness of two key integration blocs in the Western Hemisphere. To achieve that, the author has scrutinized the confrontation between the models of Pan-Americanism and Latin Americanism as exemplified by the OAS and CELAC. Having studied the strategies employed by the United States and China in the region, the author concludes that the Chinese factor has strengthened the role of CELAC as a central platform facilitating the weakening of U.S. hegemony and the formation of a pluralistic regional order.

Keywords: Latin America; CELAC; the OAS; China-CELAC Forum; U.S.-China competition

Введение

В современной действительности архитектура международных отношений в Западном полушарии переживает глубокую трансформацию, характеризуемую кризисом традиционных институтов панамериканского сотрудничества, возвышением альтернативных проектов латиноамериканской регионализации и усилением влияния внерегиональных держав. Основными акторами этого процесса выступают Организация американских

государств (ОАГ) как исторический инструмент влияния США, созданная в 1948 г., и Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) как отражение потребности государств в выстраивании регионального сотрудничества вне зависимости от экономического потенциала, политического веса или идеологии, созданная в 2011 г. В связи с этим, растущее экономическое и политическое присутствие КНР вносит жесткие коррективы в традиционную динамику взаимодействий по линии «Север-Юг» и формирует новую конфигурацию сил, при которой восстановление американской гегемонии в ее прежнем виде представляется невозможным.

Актуальность данной работы обусловлена кризисом модели «панамериканизма», характеризующейся международным взаимодействием исключительно в интересах США, укреплением альтернативной модели «латиноамериканизма», заключающейся в идее объединения региона в одно геополитическое и геоэкономическое целое, а также растущей активностью КНР в странах Латинской Америки и Карибского Бассейна (ЛАКБ), которая также порождает опасения относительно риска формирования новой односторонней зависимости.

Настоящее исследование ставит **целью** рассмотрение деятельности СЕЛАК и ОАГ сквозь призму американо-китайского соперничества, тем самым выводя анализ за рамки их изучения как изолированных региональных феноменов. В работе доказывается, что именно «китайский фактор» придал СЕЛАК практическое значение, способствуя его становлению востребованной площадкой для сотрудничества с внерегиональными акторами.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие **задачи**:

1. Обосновать выбор взаимодействия ОАГ и СЕЛАК в качестве исследуемого кейса: а) подтвердить кризис легитимности ОАГ, обусловленный ее восприятием как инструмента гегемонии США; б) подтвердить «недоинституционализацию» СЕЛАК как отражение стремления стран ЛАКБ к большей автономии и прагматичной координации.
2. Исследовать эволюцию стратегий США и КНР в ЛАКБ: а) изучить меры, предпринятые КНР по институционализации влияния через Форум «Китай-СЕЛАК»; б) изучить меры, направленные на сдерживание Штатами китайского влияния.
3. Оценить роль ОАГ и СЕЛАК как инструментов реализации интересов стран ЛАКБ и великих держав.

Использованная **методология** (сопоставительный анализ, системный подход, общенаучные методы), подкрепленная положениями неореализма и неолиберализма, позволила сформулировать выводы исследования.

Кризис легитимности ОАГ vs. «недоинституционализация» СЕЛАК

Сравнительная эффективность и легитимность данных организаций определяются формальной институционализацией и политической целесообразностью. Так, среди главных преимуществ ОАГ необходимо отметить ее разветвленную организационную структуру [1, p. 149], включающую различные департаменты, секретариаты, постоянные комиссии, рабочие группы и советы. ОАГ взаимодействует с институтами, функционирующими в рамках межамериканской системы, а решения принимаются в соответствии с ее Уставом.

Однако, можно констатировать, что кризис легитимности ОАГ носит как территориальный, так и функциональный характер. Во-первых, она объединяет две противоположные группы стран: с одной стороны, занимающих ключевые позиции в глобальных многосторонних форумах США и Канаду, в приоритете которых находится рассмотрение вопросов безопасности и продвижении своих стандартов демократии, а с другой — представляющих отдельную региональную подсистему с собственной культурно-исторической спецификой стран ЛАКБ, озабоченных прежде всего социально-экономическими проблемами и нацеленных на большую внешнеполитическую автономию. По своей сути ОАГ не может служить примером подлинного единства, что подтверждается ее хроническими кризисами легитимности и внутренними расколами, связанными с Кубой, Никарагуа и Венесуэлой.

Во-вторых, организация служит для США элементом глобальной стратегии, направленной на поддержание институционального строительства в выгодном для себя ключе. Напротив, для государств ЛАКБ она подразумевалась как механизм, способствующий равноправному сотрудничеству ради всеобщего благосостояния. Такое разнонаправленное видение приводит к недовольству государствами ЛАКБ результатами ее деятельности в совокупности с гегемонистскими амбициями Вашингтона. Более того, стремление к большей внешнеполитической автономии парализует деятельность ОАГ: отмечается ее медлительность в принятии коллективных решений и воздержание от активных действий, особенно когда речь заходит об острых и идеологизированных вопросах [2, p. 96].

Иная ситуация характерна для СЕЛАК: благодаря отсутствию в своем составе США и Канады, а также его ориентированности на внутреннюю солидарность и коллективные действия на международной арене, данное объединение явилось перспективной альтернативой для ОАГ. Главным образом, оно преследовало целью ускорение устойчивого развития стран ЛАКБ через углубление политического сотрудничества и межправительственную координацию государственной политики.

Тем не менее, СЕЛАК отличается сознательной организационной аморфностью, или же «недоинституционализацией» [3, p. 11], поскольку она не приобрела постоянного секретариата, разветвленного административного аппарата или системы принятия обязывающих решений. Основной формой деятельности СЕЛАК остаются ежегодные саммиты глав государств и правительств, а также встречи министров иностранных дел, итогов которых становятся совместные декларации, заявления и планы действий, которые зачастую носят декларативный характер и лишены конкретных механизмов принуждения, мониторинга и реализации.

Необходимо отметить, что такая модель в каком-то смысле не является признаком организационной слабости, а проистекает из объективных особенностей самого региона и сути проекта СЕЛАК. Относительное равенство экономических, демографических и политических потенциалов крупнейших стран ЛАКБ создает эгалитарную, но крайне громоздкую среду для принятия решений, где достижение консенсуса по сложным вопросам требует усилий. Более того, объединение было создано в условиях крайней насыщенности региона сетью интеграционных объединений, каждое из которых имеет свою специфическую повестку, институты и обязательства: стремясь сохранить многовекторность и свободу маневра, формирование жесткой наднациональной организации представляется избыточным.

Укрепление взаимодействия по линии «Юг-Юг»: форум «Китай-СЕЛАК»

Несмотря на то, что Латинская Америка, ранее не входившая в приоритетные направления внешней политики КНР, в последние десятилетия политический и экономический интерес Пекина к ней заметно вырос, что напрямую связано с усилением собственной значимости на международной арене. Стремительный рост китайской экономики создал потребность в гарантированных поставках сырья, энергоносителей, а также в новых рынках сбыта для промышленной продукции, а страны ЛАКБ, обладающие значительными запасами минеральных ресурсов, сельскохозяйственной продукции и углеводородов, вполне соответствовали этим запросам. Одновременно решалась и такая важнейшая задача, как сокращение дипломатического пространства Тайваня, и экономическое завоевание региона стало эффективным инструментом для переманивания этих стран на сторону «единого Китая». Так, к 2025 г. всего семь стран ЛАКБ сохранили дипломатические отношения с Тайванем, что демонстрирует успешность этой стратегии [4].

Тем не менее, интересы КНР все отчетливее приобретали геополитическую составляющую, что стало ответом на однополярную модель во главе с США и частью стратегии по созданию многополярного мира.

Безусловно, китайское присутствие в регионе, который исторически считался «задним двором» Вашингтона, подрывает монополию своего основного конкурента.

Вместе с этим, китайская экспансия создает непростую дилемму и для стран ЛАКБ. С одной стороны, она способствовала диверсификации экономических связей, доступу к альтернативным источникам финансирования и технологиям, а также укреплению собственных позиций в переговорном процессе. С другой стороны, она выявила такие риски, как закрепление сырьевой модели экспорта в отношениях с КНР, потенциальная долговая нагрузка от масштабных инфраструктурных проектов. Более того, перед странами ЛАКБ возникла задача избежать попадания в новую периферийную зависимость и не спровоцировать конфронтацию с США.

На сегодняшний день наиболее удобным контрагентом для КНР как для внерегионального актора служит СЕЛАК, в частности, созданный в 2014 г. Форум «Китай-СЕЛАК», который возник на пересечении внутренних потребностей стран ЛАКБ и глобальных амбиций Китая. В целом, четыре проведенные министерские встречи на полях форума закономерно отражают создание полноценного механизма политического и экономического диалога: по словам китайского лидера Си Цзиньпина, приветствовавшего стремление стран ЛАКБ вместе с КНР преодолевать трудности и совместно строить сообщество единой судьбы для глобального развития, обе стороны превратили форум в важную платформу для взаимодействия и способствовали равенству, взаимной выгоде, большей открытости в отношениях [5].

Переход к конкретным экономическим механизмам был осуществлен через введение проекта «1+3+6», согласно которому приоритетными отраслями для китайских инвестиций являются инновационные и информационные технологии, инфраструктура, промышленность, сельское хозяйство, природные ресурсы и энергетика, а также модели сотрудничества «3х3» в сферах логистики, энергетики и информации в ЛАКБ, создании благоприятных условий для взаимодействия бизнеса, общества и правительства, расширения каналов финансирования и повышения эффективности партнерства. Создание же специализированных структур дробило громоздкий диалог «33+1» на управляемые сегменты, создавало устойчивые лобби внутри стран ЛАКБ в лице отраслевых министерств и связанного с ними бизнеса, заинтересованных в продолжении сотрудничества, а также позволяло Китаю эффективнее распределять свои ресурсы [6, p. 34–35]. Как результат, в 2024 г. объем торговли между КНР и странами СЕЛАК впервые превысил 500 млрд. долларов США, что более чем в 40 раз больше, чем в начале XXI в. [7]

Партнерство с Пекином или ультиматум Вашингтона?

Сложившаяся конъюнктура, несомненно, подталкивает США к стремлению предотвратить утрату своего влияния в регионе, однако результаты мероприятий, осуществленных предыдущими администрациями, свидетельствуют об обратном.

Так, во времена первого президентского срока Дональда Трампа (2017–2021) линия Белого дома в отношении ЛАКБ характеризовалась ультимативным тоном: администрация требовала от стран региона политической лояльности и односторонних уступок, выдвигая санкционные угрозы в ответ на укрепление ими экономических связей с Пекином. Не подверглось ревизии и сохранение за самими Штатами их главенствующей роли во внешнеэкономических отношениях, актуальной во времена Барака Обамы (2009–2017). Президентство Джо Байдена (2021–2025), в свою очередь, было ознаменовано стремлением закрепить стратегический приоритет ЛАКБ посредством рассмотрения в 2023 г. законопроекта под названием «Акт о стратегии безопасности для Западного полушария», опускающего меры по расширению социально-экономической и финансовой поддержки [8]. Более того, попытка найти альтернативу китайской программе «Один пояс — один путь», к которой присоединилось 21 государство ЛАКБ, выразилась в анонсировании в 2022 г. на саммите «Большой семерки» инициативы «Партнерство ради глобальной инфраструктуры и инвестиций», которая, однако, пострадала от недостатка финансирования [9]. Показательно и то, что во второй срок Трампа (2025 — н.в.) сохраняется апелляция к архаичной Доктрине Монро 1823 г., о чем свидетельствуют положения новой Стратегии национальной безопасности 2025 г., провозглашающей ее «утверждение и применение для восстановления американского превосходства в Западном полушарии» [10].

Одновременно США активизировали работу через ОАГ, используя ее для продвижения своих взглядов. Пожалуй, ярким примером могут послужить и проблемы, возникшие с проведением под эгидой организации Саммита Америк. В 2022 г. администрация Байдена отказалась пригласить на него лидеров Кубы, Никарагуа и Венесуэлы, что выразилось в отсутствии на нем одиннадцати глав государств. Дипломатическим поражением Байдена стало и отсутствие существенной повестки дня, которая позволила бы упрочить лидерство США на фоне конкуренции с КНР в Западном полушарии, что выразилось в представлении «Американского партнерства ради экономического процветания», встреченную со скепсисом из-за недостаточного объема финансирования, а также «Лос-Анджелесской декларации по миграции и безопасности», которую подписали лишь 20 стран [11]. В 2025 г. три вышеупомянутых государства вновь не были приглашены на саммит, после чего от участия отказались Мексика и Колумбия. В результате, его проведе-

ние было перенесено на 2026 г. и, как заявляет доцент департамента международных отношений колумбийского Университета Хавериана Эдуардо Велоса, данное решение преследовало цель избежать обсуждения невыгодных для США вопросов [12].

Теоретическое обоснование

Анализ трансформации региональной архитектуры Западного полушария, американо-китайской конкуренции в Латинской Америке, а также взаимодействия ОАГ и СЕЛАК находит свое объяснение в рамках двух ведущих парадигм в теории международных отношений.

Согласно положениям неореализма, Западное полушарие можно представить как иерархическую систему с гегемонией США, стремящихся сохранить статус-кво в своей сфере влияния. Появление КНР с его экономической и политической экспансией в качестве мощного внерегионального игрока заставляет воспринимать их взаимодействия следующим образом: СЕЛАК выступает как форма коллективного «мягкого балансирования» стран ЛАКБ и инструмент для диверсификации внешнеполитических связей в противовес доминированию США, в то время как ОАГ как институт их легитимности переживает кризис из-за неспособности гегемона адаптировать механизмы своего влияния к новым условиям растущего плюрализма.

С точки зрения неолиберализма, организационная аморфность СЕЛАК рассматривается как адаптивное преимущество, позволяющее ей функционировать в условиях разнородности 33 стран ЛАКБ, а также сделавшее Форум «Китай-СЕЛАК» привлекательной платформой для диалога с внерегиональным актором. В свою очередь, кризис ОАГ объясняется ее неэффективностью в предоставлении востребованных благ, а не исключительно ассоциацией с гегемонистской политикой. Вероятно, данные организации можно рассматривать как комплементарные элементы многоуровневой системы регионального управления, обслуживающие разные функциональные ниши.

Выводы

Таким образом, политическая динамика в Западном полушарии свидетельствует о формировании плюралистической системы отношений между странами. Попытки найти общие подходы к региональным вызовам в формате СЕЛАК демонстрируют прагматичный поворот в латиноамериканской интеграции, где совместные действия рассматриваются как желание и готовность оказывать большее влияние на международные процессы. Диалог с КНР как пример сотрудничества по линии «Юг-Юг», отвечает интересам стран ЛАКБ, ищущих альтернативы ввиду растущего американского про-

текционизма. В то же время ОАГ при формальной прочности демонстрирует меньшую эффективность из-за доминирования в ней США. СЕЛАК как единственная всеохватывающая площадка для латиноамериканского региона обладает значительным потенциалом стать ядром новой региональной архитектуры, основанной на консенсусе. Будущее ОАГ, в свою очередь, зависит от ее способности трансформироваться из инструмента гегемонии в механизм диалога между неравными, но суверенными партнерами. Дальнейшее развитие региона будет определяться способностью Вашингтона, Пекина и самих стран ЛАКБ адаптироваться к новой действительности, где переговоры и поиск консенсуса начинают преобладать над директивами, спущенными из одного центра силы.

Список источников и литературы

1. От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / отв. ред. В. Л. Хейфец. — М.: Политическая энциклопедия, 2019. — 494 с.
2. *Хейфец В., Хадорич Л.* Латинская Америка между ОАГ и СЕЛАК. // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4. С. 90–100.
3. *Чеботарев Ю. А.* Недоинституционализация СЕЛАК как закономерность интеграции в Латинской Америке // Международное право и международные организации. 2018. № 2. С. С. 9–16.
4. Latin America's role in Taiwan's existential struggle // GIS Reports. 16.09.2024. URL: https://www.gisreportsonline.com/r/latin-america-taiwan/#:~:text=When%20examining%20Taiwan's%20diplomatic%20strategy,%C2%A9%20GIS (дата обращения: 06.12.2025).
5. Xi hails new phase in relations with LAC states // China Daily. 11.04.2025. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202504/11/WS67f84f9ba3104d9fd381ea45.html (дата обращения: 06.12.2025).
6. *Борзова А. Ю., Агаев Ю. И., Торкунова Ю. А.* Китай — CELAC: новые тенденции в экономическом сотрудничестве // Латинская Америка. 2018. №7. С. 32-46.
7. China y los países de la CELAC presentan un plan para profundizar los lazos en áreas clave // TV BRICS. 14.05.25. URL: https://tvbrics.com/es/news/china-y-los-pa-ses-de-la-celac-presentan-un-plan-para-profundizar-los-lazos-en-reas-clave/ (дата обращения: 06.12.2025).
8. *Кадомцев А.* Латинская Америка – США предлагают новую конфронтацию // Международная жизнь. 23.02.2022. URL: https://interaffairs.ru/news/show/33935 (дата обращения: 31.10.2025).
9. Страх США: однажды уступить Латинскую Америку Китаю // ТАСС. 05.02.2025. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23061019 (дата обращения: 06.12.2025).
10. National Security Strategy // The White House. 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения: 06.12.2025).

11. *Разумовский Д.* Итоги IX Саммита Америк 2022 в Лос-Анджелесе // РСМД. 15.06.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-ix-sammita-amerik-2022-v-los-andzhelese/ (дата обращения: 06.12.2025).
12. Эксперт рассказал о причине переноса даты Саммита Америк // РИА Новости. 10.11.2025. URL: https://ria.ru/20251110/sammit-2053874676.html?ysclid=miw1u4uq3e932261979 (дата обращения: 06.12.2025).

Кольтяпина Виктория Вячеславовна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЕДИНСТВА: ДЕЗИНТЕГРИРУЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

IN SEARCH OF A LOST UNITY: DISINTEGRATING TENDENCIES IN LATIN AMERICA

Аннотация. В исследовании автор рассматривает дезинтегрирующие процессы, происходящие в Латинской Америке, которые влияют на дальнейшее существование структур. Особый акцент сделан на анализе деятельности некоторых объединений, чтобы более четко отследить нынешние тренды. Должное внимание уделялось сравнению ОАГ и СЕЛАК и возможному выдвижению СЕЛАК в качестве гаранта интересов региона. Автор статьи приходит к выводу, что создание нового объединения, основанного на общих ценностях государств Латинской Америки, в ближайшей перспективе не будет осуществлено.

Ключевые слова: дезинтеграционные процессы, Латинская Америка, УНАСУР, ПРОСУР, противостояние СЕЛАК и ОАГ.

Abstract. In the research the author considers the disintegration processes taking place in Latin America, which affect the further existence of structures. Special accent is given to analyzing the activities of certain associations in order to more clearly track current trends. Due attention was paid to the comparison of the OAS and CELAC and the possible nomination of CELAC as guarantor of the interests of the region. The author of the article concludes that the creation of a new association based on common values of Latin American states it will not be implemented in the near future.

Key words: disintegration processes, Latin America, UNASUR, PROSUR, confrontation between the OAS and CELAC.

Введение

Для Латинской Америки вопросы объединения стояли остро еще со времен Симона Боливара. Попытки выступить против общего врага уступали место противоречиям, складывающимся во время обсуждения проблем. Латинская Америка выделяется как регион с существованием немалого количества объединений и организаций, по большому счету нерасформиро-

ванных, но переставших функционировать. Вместо того, чтобы возродить ту или иную структуру, создается новая с дублированием функций и повесток.

Актуальность исследования объясняется тем, что дезинтеграционные процессы в Латинской Америке все больше влияют на взаимодействие государств региона. Подобная тенденция ведет к затруднению формирования общей повестки и продвижения схожих интересов на международной арене, с чем пытаются справиться лидеры стран.

Теоретико-методологическая база исследования включает в себя такие методы как сравнительный анализ, системный анализ, прогнозирование.

Основной ***целью*** исследования является выявление дезинтегрирующих тенденций, распространяющихся в регионе, и то, как они влияют на объединение государств на современном этапе.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи:

1. Проанализировать деятельность интеграционных объединений и учреждений в регионе
2. Выделить ведущие государства и объединения, влияющие на интеграционные процессы
3. Обозначить причины возникновения дезинтегрирующих тенденций

Научная новизна исследования заключается в системном анализе взаимодействия государств в рамках таких объединений как УНАСУР, ПРОСУР, СЕЛАК и ОАГ, что способствует выявлению дезинтегрирующих тенденций. Теоретический анализ документов и литературы, относящихся к латиноамериканским организациям и структурам, позволяет более грамотно подойти к вопросу для его разбора и дальнейшего изучения.

Как произошел «закат» УНАСУР

Идея о формировании нового интеграционного объединения в 2000-х гг. стояла на повестке дня и обращала на себя внимание многих государств Латинской Америки. Прежде чем дойти до создания Союза южноамериканских наций (УНАСУР) в качестве международной организации, предстояло подписание деклараций в Куско (2004) [1], Бразилиа (2005), Кочабамбе (2006). В 2008 г. был подписан учредительный договор УНАСУР, вступивший в силу лишь в 2011 году [2]. В состав вошли 12 независимых стран Южной Америки. Несмотря на долгий период вступления договора в силу, это подтверждает, что страны Латинской Америки все еще были привержены идеи создания нового механизма для взаимодействия.

У УНАСУР существовало немало планов, структура организации являлась сложной и разветвленной. Кроме встреч на уровне глав государств и министров иностранных дел, также были учреждены Советы по линии министров различных отраслей, представителей; рабочие группы для реше-

ния актуальных проблем региона, таких как безопасность, энергетика и многих других [2]. Выдвигался замысел создать парламент [2], что так и удалось реализовать.

К 2018–2019 гг. УНАСУР находился в кризисе. Связано это с «правым поворотом» в регионе, когда к власти начали приходить лидеры с правоцентристскими и консервативными взглядами, такие как Жаир Болсонару в Бразилии, Иван Дуке в Колумбии. Внутри организации возникало все больше противоречий и исходили они из идеологических представлений каждой стороны. Крайней точкой стал кризис в Венесуэле в январе 2019 года, когда Хуан Гуайдо заявил, что он является временным президентом страны и не признает результаты выборов 2018 года [3]. Колумбия, Бразилия, Парагвай, Чили, Перу, Аргентина, Эквадор признали власть Х.Гуайдо несмотря на то, что эти государства являются членами УНАСУР [4]. Раскол стал более очевиден, чуть позже данные страны один за другим стали покидать организацию [5]. На данный момент в УНАСУР находятся 4 государства — Венесуэла, Суринам, Гайана и Боливия [5]. После событий 2019 года объединение не функционировало.

ПРОСУР как альтернатива «левому взгляду» УНАСУР

Страны, признавшие Хуана Гуайдо, по инициативе президентов Чили и Колумбии пришли к созданию новой площадки для диалога — форум по вопросам прогресса и интеграции Южной Америки (ПРОСУР) [6]. Гайана, не выходя из УНАСУР, также присоединилась к объединению. Можно было наблюдать положительные тенденции в рамках активной работы площадки, хотя официально она не являлась организацией. До 2022 года проводились встречи президентов стран-участниц ПРОСУР, даже в период активной фазы COVID-19 проводились онлайн-конференции [7]. У ПРОСУР было свое новостное издание, на сайте форума можно найти проекты, которые хотели реализовать в ближайшем будущем. В феврале 2022 года Суринам присоединился к структуре, при этом не выходя из УНАСУР [8]. Казалось бы, можно говорить о дальнейшей работе объединения, но, как и прошлые интеграционные механизмы, ПРОСУР резко и спонтанно прекратил функционирование. Первым кризисным моментом стала приостановка участия Чили в деятельности форума [9]. Президент страны Габриэль Борич заявил, что Латинская Америка должна говорить одним голосом и концентрировать внимание на сильных сторонах и потребностях, а не пытаться достичь этих целей через многочисленные организации и объединения, продвигающиеся на политическом сродстве [9]. Иронично, что одним из инициаторов создания ПРОСУР была Чили при администрации Себастьяна Пиньеры [10], так как политик придерживался более правых взглядов, в то время как Габри-

эль Борич — представитель от левой партии. Последняя встреча глав государств ПРОСУР состоялась в июле 2022 года [11], а обновление новостей на официальном сайте форума датируется августом [12]. Работа объединения затихла. Подобное происходило как со структурами «старого регионализма» (КАРИКОМ, Андское сообщество и др.), так и с вышеупомянутым Союзом южноамериканских наций. Интересно, что паралич в системе начинался еще в периоды функционирования организаций и объединений. Это свойственно любому механизму, однако в латиноамериканской призме тенденция ведет к постепенному спаду деятельности и самому существованию учреждений.

ОАГ и СЕЛАК: борьба за господство

Из всех существующих структур пытаются удержаться ОАГ и СЕЛАК, борющиеся за господство в регионе. Организация американских государств (ОАГ) была создана в 1948 году [13], а встречи и форумы в рамках объединения проходят ежегодно. В декабре этого года должен был состояться «саммит Америк», созываемый под эгидой ОАГ и призванный обсуждать общую стратегию для решения возникающих проблем Западного полушария. Мероприятие перенесли на год позже, так как представительность латиноамериканских стран оказалась бы низкой [14]. Густаво Петро, президент Колумбии, открыто заявил о том, что не поедет на данный саммит, выразив протест, что на мероприятие не позвали представителей из Никарагуа, Кубы и Венесуэлы [15]. Мексика также отказалась от участия [16]. Одним из главных минусов организации является огромная роль США в нем. Соединенные Штаты с помощью ОАГ продвигают выгодные для себя установки, проводят собственный политический курс, поэтому государства Латинской Америки стали задумываться о «своих» структурах, в которых нет США, но есть голос людей, проживающих в регионе.

СЕЛАК — это яркий пример объединения, которое ставят в противовес ОАГ в рамках борьбы с проникновением американских интересов. В СЕЛАК входят исключительно государства Латинской Америки и Карибского бассейна, что ограничивает США в рамках этого единого пространства. Так ли оно едино? Очевидно, что нет. С возвращением Дональда Трампа некоторые правительства стали уважительно относится к данной личности, из-за чего взаимодействие между некоторыми странами Латинской Америки минимизировалось. В связи с обострением ситуации в Карибском бассейне из-за борьбы американского президента с наркотрафиком, государства с правительствами левого толка продвигают установку на невмешательство США в регион. Колумбийский президент Густаво Петро смог воспользоваться случаем и стал распространять мысль о решении всех противоречий через СЕЛАК, причем через формат СЕЛАК-США [15]. На данное заявление лидер

Колумбии не получил ответа, но услышал обвинения от Дональда Трампа, что он сам является наркоторговцем. С заявлением колумбийский президент не согласился и назвал подобные нападки, как «агрессия против всей Латинской Америки и Карибского бассейна» [17].

Такая вовлеченность Густаво Петро может быть связана как с председательством Колумбии в СЕЛАК, так и с той точки зрения, что в следующем году в Колумбии пройдут президентские выборы, а это способ заработать политические очки в пользу левых сил в стране.

Не только Петро прибегает к подобным тактикам, но и Лула да Силва в середине этого года твердо отстаивал экономические интересы Бразилии, из-за чего бразильская сторона пострадала и получила от американского соседа 50% тариф на экспорт товаров из Бразилии [18]. Вопросы суверенитета остро воспринимаются странами Латинской Америки, поэтому левые силы стараются повлиять в своих государствах на окончательное формирование образа «плохого соседа» в лице США и отразить благую деятельность собственного правительства. Происходит оно в том числе через продвижение СЕЛАК.

Что же не так с СЕЛАК? Эта организация имеет слабую структуру. Руководящим органом является «тройка», в которую входят действующая, предыдущая и последующая страна-председатель, и назначается временный представитель Карибского бассейна [19]. Генеральный секретариат отсутствует. Многие решения часто остаются на бумаге, а активное участие сторон зависит от нынешнего правительства, находящегося у власти. У ОАГ при этом есть Генеральная Ассамблея и Постоянный Совет, Генеральный секретариат следит за исполнением принятых решений [13]. Организация оставляет за собой право вмешиваться в дела стран, если там происходит отход от демократии. В СЕЛАК такое недопустимо, идет акцент на развитие регионального сотрудничества с взаимоуважением сторон друг к другу [19]. Говоря о председательстве, в ОАГ председателем в основном становился представитель из США, не было случая, чтобы маленькая страна Карибского бассейна смогла занять такой пост. В СЕЛАК Сент-Винсент и Гренадины являлись страной-председателем в период 2023-2024 гг. [20], что говорит о возможности малым странам заявить о себе в организации.

Так, проведя сравнение, можно сказать, что отсутствие структуры у СЕЛАК, невыполнение тех или иных обязательств значительно снижают работоспособность организации и делают ее более уязвимой в контексте сегодняшних реалий. При этом фактор личности Дональда Трампа и его давление на Латинскую Америку дает импульс некоторым странам пересмотреть свое отношение к СЕЛАК, что вполне себе может дать надежду на переход к новому этапу развития. Многие ученые также считают, что на сегодняшний день альтернативой ОАГ выступает СЕЛАК.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование показывает, что Латинская Америка все чаще сталкивается с дезинтеграционными процессами, имея на то ряд причин. Вопрос сохранения суверенитета всегда затрагивается государствами региона, что связано с их колониальным прошлым. Этим объясняется, почему в годы работы УНАСУР так и не был создан общий парламент государств-членов. На примере нескольких объединений удалось рассмотреть, как идеологические установки влияют на участие сторон и приводят к прекращению действия организаций. Создавая новые платформы для диалога, дублируя функции и повестки, государства не начинают взаимодействовать качественнее. Отсюда исходит и другая проблема, что страны, идя на создание новых структур, иной раз не хотят связывать себя лишними обязательствами, поэтому они перестают действовать в одной организации, чтобы начать работу в другой, при этом не получая никаких санкций за подобный отказ от обязательств. По такому принципу лидеры стран правого толка создали ПРОСУР.

Рассматривая возможность СЕЛАК взять на себя ведущую роль в сотрудничестве между государствами, не стоит забывать, что организация не имеет четкой структуры для реализации многих вопросов. Противостояние США дается с трудом, из-за чего страны-участницы терпят нападки от американского соседа. Одновременно из этого следует, что к СЕЛАК будут обращаться государства региона, так как будут видеть в нем гарант прав и интересов. Однако создание нового объединения, включавшего бы все страны региона, в ближайшем будущем не осуществится, поэтому альтернативу СЕЛАК представить сложно.

Список источников и литературы:

1. La Declaración de Cusco puso en marcha la Comunidad Sudamericana // Clarín. 8.12.2004. URL: https://www.clarin.com/ediciones-anteriores/declaracion-cusco-puso-marcha-comunidad-sudamericana_0_rJ_Mp9yAtg.html (дата обращения: 05.12.2025).
2. Tratado Constitutivo de la Unión de Naciones Suramericanas. г. Кито. 11.03.2011. URL: https://www.unasursg.org/images/descargas/DOCUMENTOS%20CONSTITUTIVOS%20DE%20UNASUR/Tratado-UNASUR-solo.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
3. Venezuela: Juan Guaidó se declara presidente interino // Deutsche Welle (DW). 21.01.2019. URL: https://www.dw.com/es/juan-guaidó-presidente-de-asamblea-nacional-se-declara-presidente-interino-de-venezuela/a-47204058 (дата обращения: 05.12.2025)
4. Qué países han reconocido a Juan Guaidó y cuáles no como presidente interino de Venezuela // El Mundo. 24.01.2019. URL: https://www.elmundo.es/internacional/2019/01/24/5c496cfdfc6c83b3358b469b.html (дата обращения: 05.12.2025).
5. Hacia una nueva Unasur: Vías de reactivación para una integración suramericana permanente // Center for Economic and Policy Research. 18.10.2022. URL: https://cepr.net/es/publications/hacia-una-nueva-unasur-vias-de-reactivacion-para-una-integracion-suramericana-permanente/ (дата обращения: 05.12.2025).

6. Sobre PROSUR // PROSUR. URL: https://foroprosur.org/sobre-prosur/ (дата обращения: 06.12.2025).
7. Reuniones de presidentes // PROSUR. URL: https://foroprosur.org/reuniones-de-presidentes/ (дата обращения: 06.12.2025).
8. Suriname officieel lid PROSUR // Gov Suriname. URL: https://gov.sr/suriname-officieel-lid-prosur-2/ (дата обращения: 06.12.2025).
9. Chile abandona Prosur, organización abanderada por Piñera y Duque // SWI swissinfo.ch. 04.04.2022. URL: https://www.swissinfo.ch/spa/chile-abandona-prosur-organización-abanderada-por-piñera-y-duque/47488376 (дата обращения: 06.12.2025).
10. Prosur: la arriesgada apuesta de Sebastián Piñera e Iván Duque // France 24. 20.03.2019. URL: https://www.france24.com/es/20190320-prosur-apuesta-sebastian-pinera-duque (дата обращения: 06.12.2025).
11. Declaración de países integrantes de Prosur sobre Seguridad Regional // PROSUR. 27.07.2022. URL: https://foroprosur.org/declaracion-de-paises-integrantes-de-prosur-sobre-seguridad-regional/ (дата обращения: 06.12.2025).
12. Noticias y Prensa // PROSUR. URL: https://foroprosur.org/prensa/ (дата обращения: 06.12.2025).
13. Charter of the Organization of American States (A-41). г. Богота, 30.04.1948. URL: https://www.oas.org/en/sla/dil/docs/inter_american_treaties_A-41_charter_OAS.pdf (дата обращения: 07.12.2025).
14. República Dominicana anuncia que la Cumbre de las Américas se pospone hasta 2026 debido a la «situación en la región» // CNN en español. 3.11.2025. URL: https://cnnespanol.cnn.com/2025/11/03/latinoamerica/cumbre-americas-pospone-2026-dominicana-orix (дата обращения: 07.12.2025).
15. Gustavo Petro [@petrogustavo]. Le propuse a los EEUU una reunión CELAC/ EEUU para estudiar la integración económica de una gran América. 15.10.2025 URL: https://x.com/petrogustavo/status/1978468002984276094?s=20 (дата обращения: 08.12.2025).
16. La presidenta de México no asistirá a la Cumbre de las Américas de República Dominicana // EFE. 13.10.2025. URL: https://efe.com/mundo/2025-10-13/mexico-presidenta-sheinbaum-cumbre-americas-republica-dominicana/ (дата обращения: 08.12.2025).
17. Trump llama «narcotraficante» al presidente de Colombia y dice que EE.UU. cortará los subsidios a ese país // Noticias Telemundo. 19.10.2025. URL: https://www.telemundo.com/noticias/noticias-telemundo/internacional/trump-llama-narcotraficante-al-presidente-de-colombia-y-dice-que-eeuu-rcna238436 (дата обращения: 09.12.2025).
18. Fact Sheet: President Donald J. Trump Addresses Threats to the United States from the Government of Brazil // The White House. 31.07.2025. URL: https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/07/fact-sheet-president-donald-j-trump-addresses-threats-to-the-united-states-from-the-government-of-brazil/ (дата обращения: 09.12.2025).
19. От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / отв. ред. В. Л. Хейфец. — М.: Политическая энциклопедия, 2018. — 494 с.
20. St. Vincent and the Grenadines assumes the Pro Tempore Presidency of CELAC // Organisation of Eastern Caribbean States. 25.01.2023. URL: https://pressroom.oecs.int/st-vincent-and-the-grenadines-assumes-the-pro-tempore-presidency-of-celac (дата обращения: 09.12.2025).

Перова Полина Станиславовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
бакалавриат

ФАКТОР МАЛАЙЗИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В АСЕАН

MALAYSIA'S ROLE IN ASEAN INTEGRATION

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать отличительные черты Малайзии как председателя Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 2025 году. Автор приходит к выводу, что как лидер региональной организации Куала-Лумпур отдает приоритет интеграции в сфере энергетики, цифрового пространства, а также внедряет свои внешнеполитические характеристики в стиль руководства АСЕАН.

Ключевые слова: АСЕАН, Малайзия, ASEAN Power Grid, Юго-Восточная Азия.

Abstract. This article attempts to analyze the distinctive features of Malaysia's chairmanship of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in 2025. The author concludes that, as the leader of the regional organization, Kuala Lumpur prioritizes integration in the spheres of energy and digital space, while also incorporating its foreign policy characteristics into the style of ASEAN leadership.

Keywords: ASEAN, Malaysia, ASEAN Power Grid, Southeast Asia.

На сегодняшний день Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) сталкивается с рядом трудностей, которые нередко вызывают угрозу дезинтеграции. Сложности, которые переживает региональная организация, связаны не только с пестрым этнорелигиозным составом стран-участниц с сильной национальной идентичностью и нередко историческими противоречиями, но и с затруднением достижения консенсуса по ряду важнейших вопросов. Взаимодействие глобальных держав друг с другом, а также со странами АСЕАН проецируют вызовы на систему региональной безопасности. Разные подходы к выстраиванию отношений с США и КНР наряду с несовпадением мнений по решению кризиса в Мьянме и споров в Южно-Китайском море также затрудняют интеграционные процессы в АСЕАН. В 2025 году пост председателя Ассоциации в непростой период заняла Малайзия. Выбрав девизом пару «инклюзивность и стабильность», Куала-Лумпур как лидер сделал упор на интеграцию как внутри организа-

ции, так и на динамичное сближение во многих сферах со странами Индо-Тихоокеанского региона и прочих акторов мировой системы.

Дорожной картой, которой Куала-Лумпур руководствовался в вопросах интеграции в АСЕАН, стал документ *ASEAN Connectivity Strategic Plan*. Данный документ тесным образом связан с другим документом стратегической важности — *ASEAN Community Vision 2045*, где определены основные сферы интеграции внутри Ассоциации. В обоих изданиях наиболее часто упоминается развитие инфраструктуры в регионе, торговля, а также интеграция в информационной и цифровой области. В документах, принятых Куала-Лумпурской декларацией, приоритетом обозначена АСЕАН-центричность: институты АСЕАН должны играть первостепенную роль при обсуждении вопросов региональной безопасности, а члены Ассоциации должны выступать единым фронтом в решении как региональных, так и глобальных проблем [8].

Цель настоящей работы — определить влияние политики Малайзии как председателя АСЕАН на интеграционные процессы в региональной организации.

Данная постановка цели обусловила решение следующих **задач**:

1) Выявить характерные черты Малайзии как лидера АСЕАН;
2) Определить ключевые цели и стратегию Путраджайи на время председательства в региональной организации;
3) Оценить, как и в каком количестве Куала-Лумпуру удалось выполнить обозначенные в стратегических документах цели.

Исследование является **актуальным** ввиду ряда факторов. Во-первых, регион Юго-Восточной Азии (ЮВА) на сегодняшний день является одним из приоритетных в области сотрудничества для России, что обозначено в Концепции внешней политики РФ от 2023 года. Динамичное развитие двусторонних отношений с Малайзией свидетельствует о реализации этого направления на практике. Тем не менее несмотря на сближение Москвы и Куала-Лумпура в российском академическом сообществе остается место для продолжения дискуссии: наблюдается нехватка исследований, посвященных внешней и внутренней политике Малайзии на русском языке. Во-вторых, в 2025 году впервые за 26 лет к АСЕАН присоединилось новое государство — Восточный Тимор. Следовательно, как председатель Куала-Лумпур предпринимает всевозможные меры для гладкой интеграции Дили, что обеспечивает достаточное количество материалов для исследования. Подобные процессы развиваются поступательно, следовательно, нуждаются в подробном изучении.

Исследование опирается на теоретическую рамку неоклассического реализма. Согласно данному учению, на внешнюю политику государства оказы-

вает влияние не только системные факторы, но и отличительные черты внутреннего устройства. Безусловно, АСЕАН сталкивается с вызовами извне: системные факторы влияют на необходимость Малайзии наладить интеграционные процессы внутри организации. Релевантным примером видится реновация Куала-Лумпуром договора о ликвидации тарифов на торговлю внутри Ассоциации после того как президент США Дональд Трамп принял решение о повышении таможенных пошлин в начале 2025 года. Тем не менее специфика Путраджайи как лидера очевидна: Малайзия имплементировала свойственные ей принципы, сформированные Движением неприсоединения, тем самым обеспечив равноудаленность АСЕАН от глобальных держав и видных акторов в Индо-Пацифике. Следуя стратегии хеджирования, а также реализуя инклюзивную политику, Малайзия вовлекает третьи стороны в политические и экономические процессы региона Юго-Восточной Азии. Об этом свидетельствует наращивание сотрудничества по линии энергетики с Россией.

В настоящем исследовании автор использует качественный контент-анализ первичных источников, а именно выступлений и речей официальных лиц Малайзии, документов, принятых по итогам мероприятий Организации, материалов, представленных на ведущих информационных порталах Малайзии *(New Straits Times, Bernama, The Star, Malay Mail)*, а также официального сайта АСЕАН и официальных сайтов правительственных учреждений Малайзии. Автор также использует аналитический подход, рассматривая влияние внутренних особенностей Малайзии на руководство в организации. Вторичными источниками для анализа являются статьи ведущих аналитических центров региона ЮВА *(ISEAS Yusuf Ishak Institute; Institute of Strategic&International Studies)*.

Особенности Малайзии как председателя АСЕАН

Заняв пост председателя АСЕАН, Куала-Лумпур начал проводить политику под эгидой девиза «инклюзивность и стабильность». Важно отметить, что как лидер региональной организации, Малайзия руководствовалась принципами, характерными для ее внешней политики. Премьер-министр Анвар Ибрагим неоднократно подчеркивал АСЕАН-центричные институты как приоритет, а также стратегию равноудаленности АСЕАН в контексте конкретного взаимодействия глобальных держав в регионе Юго-Восточной Азии. Для Малайзии подобная стратегия в качестве председателя является естественной, так как она отвечает принципам хеджирования, подразумевающего минимизацию рисков. Хеджирование — магистральная стратегия во внешнеполитическом векторе Куала-Лумпура. Понимая свое положение как средней державы в мировой системе, Малайзия стремится

к взаимовыгодному сотрудничеству с различными акторами, разделяя приоритеты. К примеру, если сотрудничество с КНР Куала-Лумпур строит по линии торгово-инвестиционной, то приоритетной сферой для кооперации с США будет военно-политический аспект. Как следствие, свой паттерн поведения Малайзия переносит на АСЕАН: региональная организация, по мнению Куала-Лумпура, должна выступать как равноудаленный от глобальных держав полюс силы, выступающий как доминантный игрок в регионе ЮВА. Характерным примером имплементации данной политики является приглашение Малайзией Соединенных Штатов к участию в урегулировании конфликта на границе Таиланда и Камбоджи. На 47 саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре при посредничестве Дональда Трампа и Анвара Ибрагима Пномпень и Бангкок подписали мирное соглашение [12]. На протяжении своего председательского срока Куала-Лумпур стремился развивать экономическое сотрудничество Ассоциации с Пекином, что как нельзя лучше коррелирует со стратегией хеджирования, свойственной поведению Малайзии на международной арене. Как лидер организации, Малайзия максимизировала усилия по расширению соглашения о зоне свободной торговли АСЕАН и КНР [1]. На саммите в Куала-Лумпуре страны Ассоциации с одной стороны и Поднебесной с другой подписали третье издание соглашения о зоне свободной торговли, включив туда пункты о наукоемких отраслях, а также региональной экономической интеграции.

Анализируя проблематику интеграции в контексте председательства Малайзии, необходимо отметить взаимосвязь между внутренними особенностями Малайзии и диверсифицированных интеграционных мер, предпринятых председателем, как внутри региона ЮВА, так и за его пределами. Уже упомянутая стратегия хеджирования берет свое начало в постулатах Движения неприсоединения, членом которого Малайзия была в XX веке. Большая часть государств, входивших в прошлом столетии в Движение неприсоединения, сегодня на уровне дискурса относят себя к Глобальному Югу. Малайзийское правительство выступает с заявлениями в защиту интересов этого сообщества. Характерным примером является интеграция мусульманских стран АСЕАН под эгидой Малайзии с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива. Помимо прочего, премьер-министр Анвар Ибрагим неоднократно подчеркивал релевантность связей АСЕАН с диалоговым пространством БРИКС, которое члены Ассоциации рассматривают как возможность быть услышанными на международной арене [10].

Таким образом, в имплементацию решений как председателя региональной организации Малайзия вносит свою специфику, отдавая приоритет АСЕАН-центричности и наращиванию сотрудничества со странами Глобального Юга.

Меры, предпринятые Куала-Лумпуром для интеграции в АСЕАН

Дорожной картой, которой Куала-Лумпур руководствуется в вопросах интеграции в АСЕАН, стал документ *ASEAN Connectivity Strategic Plan*. Данный документ тесным образом связан с другим документом стратегической важности — *ASEAN Community Vision 2045*, где определены основные сферы интеграции внутри Ассоциации. В обоих изданиях наиболее часто упоминается развитие инфраструктуры в регионе, торговля, декарбонизация, а также интеграция в информационной и цифровой области [3]. В документах, принятых Куала-Лумпурской декларацией, приоритетом также обозначена АСЕАН-центричность.

В период своего председательства в АСЕАН Малайзия сфокусировалась на углублении внутрирегиональной интеграции. Принятие стратегических документов, направленных на стимулирование интеграционных процессов, является устойчивым приоритетом Куала-Лумпура в рамках этой роли на протяжении нескольких сроков подряд. Ключевыми векторами данной политики выступают экономическая и энергетическая интеграция, а также развитие логистических связей между государствами Юго-Восточной Азии. Так, в экономическом измерении Куала-Лумпур ещё в 2015 году инициировал принятие документа, нацеленного на построение интегрированного экономического сообщества АСЕАН *(ASEAN Economic Community)*. В 2025 году проект не потерял свою актуальность, а на замену выполненным пунктам под эгидой малайзийского руководства были имплементированы новые задачи — в большей степени акцент сместился на устойчивое развитие, зеленую энергетику и цифровизацию [5]. Тем не менее реализация взаимодополняющего единого экономического сообщества в ЮВА сталкивается с рядом сложностей. В 2025 году в АСЕАН вошел Восточный Тимор, который по уровню ВВП является одной из беднейших стран в Азии. Необходимость интеграции Дили в АСЕАН может притормозить построение экономического сообщества Ассоциации из-за слишком большого разрыва в доходах между новым членом и ведущими экономиками организации — Сингапуром, Малайзией и Индонезией. Важно подчеркнуть, что несмотря на вызовы, ряд соглашений свидетельствует о постепенном росте экономической взаимосвязанности. Одним из релевантных примеров внутренней интеграции в торгово-инвестиционном измерении является специальная экономическая зона между штатом Малайзии Джохор и Сингапуром [15].

Малайзия, которая является видным игроком на международном рынке углеводородов, стремится создать благоприятную инфраструктуру для транспортировки энергоресурсов как внутри региона ЮВА, так и за его пределами. На данный момент Куала-Лумпур особенно активно развивает

сферу возобновляемых ресурсов, диверсифицируя партнеров по линии торговли сжиженным природным газом (СПГ). Для привлечения инвестиций извне в ЮВА Малайзия поставила задачу — развить инфраструктуру для транспортировки нефтегазовых ресурсов, а также наладить взаимосвязанность по линии чистой энергетики в странах АСЕАН. В 2015 году Куала-Лумпур, также занимая пост председателя в Ассоциации, выступил с проектом «Энергетическая сеть АСЕАН» *(ASEAN Power Grid),* нацеленным на интеграцию стран АСЕАН в сфере энергетики. С привлечением инвестиций извне в страны ЮВА, в том числе и российских, Малайзия вновь актуализировала инициативу [7]. Под эгидой «Сети» был создан проект, в который вошли Таиланд, Малайзия и Сингапур. В построении единой энергетической сети активное участие принимает и Лаос, экспортируя энергию, выработанную гидроэлектростанциями [4].

Энергетика служит ключом для интеграции в глобальные евразийские проекты, такие как ЕАЭС. На 47 саммите АСЕАН Алексей Оверчук отметил совместные усилия Ассоциации государств ЮВА и участников ЕАЭС в развитии энергетического сотрудничества [15]. Интерес российской государственной корпорации «Росатом» к рынкам стран Юго-Восточной Азии создает предпосылки для использования института диалога АСЕАН–ЕАЭС в целях укрепления ее позиций и реализации проектов по строительству атомных электростанций в регионе. ЕАЭС уже заключил соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом, как следствие, политика Малайзии как председателя способствует дальнейшему сближению двух организаций и готовит почву для совместных проектов.

Роль Малайзии также показательна в контексте цифровой интеграции АСЕАН. Добившись значительных успехов в развитии наукоемких секторов (например, в сфере производства полупроводников), Куала-Лумпур активно продвигает инициативы по обеспечению беспрепятственного обмена данными между всеми государствами-членами. Важным стимулом для этого служит задача содействия Восточному Тимору во включении в общее информационное пространство Ассоциации. Как отмечает Министерство цифровых коммуникаций Малайзии, соглашение об отмене роуминга между Малайзией и Восточным Тимором соответствует ключевым целям, заявленным Куала-Лумпуром в начале своего председательства [14]. Реализация таких мер способствует формированию инклюзивного и стабильного сообщества АСЕАН, ориентированного прежде всего на безопасность и удобство пользователя в цифровой среде.

Таким образом, Малайзия уверенными шагами движется к реализации заявленных в стратегических документах организации целей, особое внимание уделяя устойчивому развитию, логистической и цифровой связанности.

Вызовы на пути к интеграции

Важно отметить, что Малайзия как председатель на пути к построению интегрированного сообщества АСЕАН сталкивалась с рядом сложностей, вызванных как историческими особенностями развития государств-членов Ассоциации, так и системными факторами.

Летом 2025 года в активную фазу перешел пограничный конфликт Таиланда и Камбоджи. Малайзия и США выступили в качестве посредников, и на 47 саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре было подписано мирное соглашение. Тем не менее декабрь этого же года ознаменовался новой эскалацией. Обстрелы приграничных территорий возобновились, а степень вовлеченности военного контингента выросла — Таиланд применил авиационные удары [8]. Подобное развитие событий поставило под сомнение эффективность Куала-Лумпура и Вашингтона как медиаторов. Более того, активное сближение Малайзии и США как на уровне двусторонних отношений, так и в контексте вовлечения Соединенных Штатов в процессы в АСЕАН, вызвали недовольство среди малайцев. Мусульманская часть населения стран Ассоциации выступает с позиции в защиту Палестины, следовательно, сближение с основным стратегическим союзником Израиля не нашло поддержки у широких масс [10].

Одним из наиболее релевантных вопросов безопасности в Юго-Восточной Азии остается политический кризис в Мьянме. В начале срока Малайзия искала альтернативные варианты для разрешения мьянманской дилеммы. Анвар Ибрагим приглашал к диалогу Нейпьидо, а также формировал временные консультативные органы, привлекая видных политиков региона. Тем не менее к концу председательства Куала-Лумпура в АСЕАН малайзийские официальные лица заявили, что говорить об улучшении ситуации в Мьянме сложно [5]. В Уставе АСЕАН закреплен принцип невмешательства во внутренние дела членов организации, следовательно, страна-председатель не может существенно повлиять на внутренний политический уклад Мьянмы.

Заключение

На посту председателя АСЕАН Куала-Лумпур сделал упор на экономические интеграционные процессы и политику связанности в цифровом измерении. Под эгидой председательства Малайзии АСЕАН получила новый импульс к внутренней интеграции. Актуализация проекта о создании единой энергетической сети *(ASEAN Power Grid)*, закрепление дискурса об АСЕАН-центричной системе безопасности и приоритизация АСЕАН-центричных институтов наряду с созданием условий для развития экономической взаимозависимости членов Ассоциации свидетельствуют о грамотной

реализации принятых Куала-Лумпуром стратегических документов. Однако несмотря на поступательное воплощение заявленных целей, интеграция по большей части строится по линии двусторонних соглашений. Как следствие, появляется необходимость в увеличении числа инициатив, где количество участников превысит две страны. Характерной чертой Малайзии как лидера региональной организации является усиление интеграционных процессов внутри АСЕАН за счет расширения сети сотрудничества за пределами Юго-Восточной Азии, где особое предпочтение Путраджайя отдает энергетической сфере и высокотехнологичным проектам.

Список источников и литературы

1. **ASEAN boosting efforts for regional connectivity, economic integration: Malaysia** [Электронный ресурс] // Daily Excelsior. – 2025. – 23 Oct. – Режим доступа: https://www.dailyexcelsior.com/asean-boosting-efforts-for-regional-connectivity-economic-integration-malaysia/ (дата обращения: 01.12.2025).
2. **ASEAN Community Vision 2045: "Resilient, Innovative, Dynamic, and People-Centred ASEAN"**[Электронный ресурс] : adopted by the 46th ASEAN Summit, 26 May 2025 // **Association of Southeast Asian Nations (ASEAN).** – 2025. – Режим доступа: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/05.-ASEAN-Community-Vision-2045_adopted.pdf (дата обращения: 10.12.2025).
3. **ASEAN Connectivity Strategic Plan** [Электронный ресурс] // **Association of Southeast Asian Nations (ASEAN).** – 2025. – May. – 19 p. – Режим доступа: https://asean.org/wp-content/uploads/2025/05/09.-ASEAN-Connectivity-Strategic-Plan_adopted.pdf (дата обращения: 28.11.2025).
4. **ASEAN Must Deepen Intra-regional Trade To Stay Competitive - Singapore Foreign Minister**[Электронный ресурс] // **BERNAMA (ASEAN News).** – 2025. – 29 Nov. – Режим доступа: https://asean.bernama.com//news.php?id=2496997 (дата обращения: 08.12.2025).
5. **ASEAN Economic Community Blueprint 2025** [Электронный ресурс] : strategic plan / **Ministry of Investment, Trade and Industry (MITI), Malaysia.** – 2023. – 428 p. – Режим доступа: https://www.miti.gov.my/miti/resources/AEC_Blueprint_2025.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
6. **ASEAN Foreign Ministers Voice 'Concern' About Ongoing Myanmar Conflict** [Электронный ресурс] // **The Diplomat.** – 2025. – 28 Oct. – Режим доступа: https://thediplomat.com/2025/10/asean-foreign-ministers-voice-concern-about-ongoing-myanmar-conflict/ (дата обращения: 28.11.2025).
7. **ASEAN Renewable Energy Long-term Roadmap** [Электронный ресурс] / **ASEAN Centre for Energy (ACE).** – 2025. – 13 Oct. – Режим доступа: https://aseanenergy.org/publications/asean-renewable-energy-long-term-roadmap/ (дата обращения: 03.12.2025).
8. **ASEAN Vision 2045: What does it hold for our shared future?** [Электронный ресурс] // **Fulcrum (ISEAS – Yusof Ishak Institute).** – 2025. – Режим доступа: https://fulcrum.sg/aseanfocus/asean-vision-2045-what-does-it-hold-for-our-shared-future/ (дата обращения: 08.12.2025).

9. **Cheang S., Audjarint W., Lee M.** Cambodia vows fierce fight against Thailand in their escalating border conflict [Электронный ресурс] // **Associated Press (AP).** – 2025. – 9 Dec. – Режим доступа: https://apnews.com/article/thailand-cambodia-combat-border-dispute-142145d84a217ad6c6f208769c447615 (дата обращения: 10.12.2025).
10. **Han D. G. X.** IP25103 | Malaysia's Chairmanship of ASEAN and Anwar Ibrahim's Foreign Policy [Электронный ресурс] // **S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS).** – 2025. – Режим доступа: https://rsis.edu.sg/rsis-publication/idss/ip25103-malaysias-chairmanship-of-asean-and-anwar-ibrahims-foreign-policy/ (дата обращения: 28.11.2025).
11. **Hundreds in KL protest Trump's attendance at ASEAN Summit** [Электронный ресурс] // **Channel News Asia.** – 2025. – 24 Oct. – Режим доступа: https://www.channelnewsasia.com/asia/malaysia-asean-summit-pas-protest-donald-trump-5422411 (дата обращения: 08.12.2025).
12. **In Malaysia, Trump Presides Over 'Peace Accord' Between Cambodia and Thailand** [Электронный ресурс] // **The Diplomat.** – 2025. – 25 Oct. – Режим доступа: https://thediplomat.com/2025/10/in-malaysia-trump-presides-over-peace-accord-between-cambodia-and-thailand/ (дата обращения: 10.12.2025).
13. **Lin J., Martinus M., Fong K. S. L.** Malaysia's ASEAN Chairmanship: Laying the Groundwork for Vision 2045 [Электронный ресурс] // **ASEANFocus+, Fulcrum (ISEAS – Yusof Ishak Institute).** – 2025. – 29 May. – Режим доступа: https://fulcrum.sg/aseanfocus/malaysias-asean-chairmanship-laying-the-groundwork-for-vision-2045/ (дата обращения: 08.12.2025).
14. **Malaysians can now enjoy seamless data roaming in Timor-Leste, boosting Asean digital connectivity** [Электронный ресурс] // **Malay Mail.** – 2025. – 25 Oct. – Режим доступа: https://www.malaymail.com/news/malaysia/2025/10/25/malaysians-can-now-enjoy-seamless-data-roaming-in-timor-leste-boosting-asean-digital-connectivity/195893 (дата обращения: 10.12.2025).
15. **Moscow eyes stronger Asean links to deepen trade and regional connectivity** [Электронный ресурс] // **New Straits Times.** – 2025. – 27 Oct. – Режим доступа: https://www.nst.com.my/news/nation/2025/10/1303199/moscow-eyes-stronger-asean-links-deepen-trade-and-regional-connectivity (дата обращения: 10.12.2025).
16. **Vietnam-Malaysia-Singapore offshore wind project to complete first phase by 2034, Malaysia DPM says** [Электронный ресурс] // **The Straits Times.** – 2025. – 22 Oct. – Режим доступа: https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/vietnam-malaysia-singapore-offshore-wind-project-to-complete-first-phase-by-2034-malaysia-dpm (дата обращения: 10.12.2025).

Приходько Максим Алексеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

CONTEMPORARY INTEGRATION PROCESSES IN LATIN AMERICA: CHALLENGES AND PROSPECTS

Аннотация. Латинская Америка имеет долгую историю поисков регионального единства и сотрудничества - от идей Симона Боливара о «Великой Родине» до многочисленных интеграционных проектов второй половины XX - начала XXI века. Сегодня в регионе действует целый «клубок» организаций, нацеленных на интеграцию. Далее автор рассмотрит ключевые интеграционные объединения Латинской Америки - их политические и социокультурные аспекты развития, а также основные проблемы и перспективы.

Ключевые слова: Латинская Америка, интеграция, МЕРКОСУР, Тихоокеанский альянс, СЕЛАК.

Abstract. Latin America has a long history of pursuing regional unity and cooperation - from Simón Bolívar's vision of a "Great Homeland" to the numerous integration initiatives of the late 20th and early 21st centuries. Today, the region hosts an entire "network" of organizations aimed at integration. This paper examines the key integration blocs of Latin America, focusing on their political and sociocultural dimensions, as well as the main challenges and prospects they face.

Keywords: Latin America, integration, MERCOSUR, Pacific Alliance, CELAC.

Введение

Интеграция в Латинской Америке и Карибском бассейне развивается неравномерно: смена правительств, поляризация и различие экономических стратегий нередко превращают объединения в конкурирующие площадки, становясь факторами дезинтеграции. Проблема исследования состоит в том, что при множественности интеграционных форматов региональная интеграция остаётся фрагментированной и политически нестабильной, нередко порождая эффекты дезинтеграции.

Научная новизна исследования состоит в сравнительном анализе трёх ключевых форматов интеграции с выделением сквозных факторов устойчивости и дезинтеграции и обоснование наиболее вероятных направлений их эволюции.

Методологическую основу исследования составил комплекс методов: институционально-политический подход: сопоставляются модели принятия решений, степень институционализации и устойчивость к политической конъюнктуре, а также внешние факторы влияния. Эмпирическую базу составляют материалы организаций и вторичные источники, после чего выполняется синтез общих проблем и перспектив региональной интеграции.

Целью настоящей статью является выявление ограничений и перспективных траекторий интеграции на пример МЕРКОСУР, Тихоокеанского альянса и СЕЛАК.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи** исследования:

— Охарактеризовать институциональные модели организаций
— Сравнить уровень их экономической и политической связности
— Выявить факторы устойчивости и точки дезинтеграции

МЕРКОСУР: интеграция Юга Латинской Америки

За более чем 30-летнюю историю МЕРКОСУР стал площадкой для регулярного диалога лидеров южноамериканских стран и инструментом сближения позиций по ряду международных вопросов [1]. Блок придерживается демократического принципа: в 1990-х была введена «клаузула о демократии», допускающая приостановление членства стран в случае антидемократических действий [2]. МЕРКОСУР также позволил укрепить региональную автономию: коллективно страны блока более уверенно отстаивают свои интересы в переговорах с внешними центрами силы. Например, блок в целом отказался поддержать проект Всеамериканской зоны свободной торговли под эгидой США (FTAA) в 2000-х, что фактически сорвало реализацию этой инициативы [2] Вместе с тем политическая координация внутри МЕРКОСУР остаётся ограниченной рамками межправительственных переговоров — наднациональных органов с полномочиями принимать обязательные решения нет. Отсутствие наднациональности зачастую затрудняет “углубление” интеграции: страны не всегда готовы подчинять национальные интересы общим, и даже конституции некоторых членов прямо запрещают передачу суверенных полномочий на наднациональный уровень [1]. Тем не менее, в целом МЕРКОСУР сыграл значимую роль в стабилизации отношений между его членами. Так, Бразилия и Аргентина перешли от исторической конкуренции к партнёрству, а военный конфликт между ними сегодня немыслим.

Несмотря на успехи, МЕРКОСУР сталкивается с серьёзными проблемами, которые сдерживают его развитие. Во-первых, сохраняется экономическая асимметрия между странами-членами: Бразилия значительно превосходит остальных по масштабам экономики, тогда как Парагвай и Уругвай гораздо меньше — это ведёт к дисбалансу выгод от интеграции. Во-вторых, налицо

политическая нестабильность и разногласия внутри блока. Периодически правительства стран МЕРКОСУР занимают разнонаправленные идеологические позиции, что затрудняет выработку общих стратегий. Так, в 2019–2022 гг. при правлении правых лидеров в Бразилии и Уругвае наблюдалось охлаждение интеграционных инициатив, тогда как левоцентристские правительства Аргентины и других соседей были настроены на активизацию сотрудничества. На рубеже 2023–2024 гг. наметился новый раскол: Бразилия под руководством Лулы да Силвы выступает за модернизацию МЕРКОСУР и гибкий подход тогда как лидер Аргентины А. Фернандес возражал против такого шага [2]. Новый президент Аргентины, правый либертарианец Хавьер Милей, и вовсе заявлял о намерении добиться большей автономии страны от МЕРКОСУР вплоть до выхода из блока [2]. Свою долю напряжённости внесли и односторонние шаги Уругвая, который пытался начать переговоры о свободной торговле с Китаем в обход партнеров по блоку [2]. Эти противоречия указывают на отсутствие единства в видении будущего МЕРКОСУР. Нет у МЕРКОСУР и соглашения с США, а китайское экономическое влияние растёт при отсутствии формального договора с Пекином [2].

Несмотря на сложности, МЕРКОСУР остаётся центральным интеграционным ядром в Южной Америке и продолжает адаптироваться к новым реалиям. Руководство блока декларирует стремление расширять внешние связи. Одновременно ведётся работа по обновлению внутренних правил блока, чтобы учесть интересы всех членов.

В политической плоскости многое будет зависеть от способности лидеров преодолеть идеологические разногласия ради общей выгоды. Примером служит прецедент 2014 г., когда на волне стремления к латиномериканскому единству президенты Альянса и МЕРКОСУР выразили готовность к постепенному сближению двух объединений [3]. Хотя существенно разные модели интеграции не позволяют мгновенно объединить МЕРКОСУР и Тихоокеанский альянс, сама тенденция к диалогу между ними говорит об ослаблении прежней конкуренции и росте взаимопонимания [3]. В целом эксперты отмечают, что у МЕРКОСУР есть прочный фундамент достижений (мирное сотрудничество, созданные институты, положительное отношение населения), и при наличии политической воли блок способен перейти на следующий этап — от декларируемого сотрудничества к реально более эффективной интеграции на благо граждан [1].

Альянс Тихоокеанского региона: прагматическая интеграция на базе общих интересов

Появление Тихоокеанского альянса изначально вызвало смешанную реакцию в регионе. Ряд наблюдателей и левых политиков в других странах усмотрели

в нём «проводник курса США» и конкурента МЕРКОСУР [3]. Президенты Боливии и Эквадора прямо обвиняли инициаторов Альянса в попытке реанимировать провалившийся панамериканский проект FTAA и ослабить такие структуры, как УНАСУР и МЕРКОСУР [3]. Эти подозрения, как отмечают эксперты, были преувеличены — хотя доля истины в них присутствовала [3]. Действительно, все члены Альянса долгое время имели тесные связи с США и придерживались схожих либеральных взглядов, однако главной мотивацией их объединения стало стремление диверсифицировать внешнеэкономические связи и укрепить интеграцию с динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом, уменьшая при этом зависимость от традиционных рынков [3]. Иными словами, экономические цели превалируют над политическими и идеологическими. Страны-участницы продолжают состоять и в других региональных организациях видят в Альянсе не противопоставление им, а дополнение. Однако в рамках крупных пан-региональных проектов эти государства не смогли добиться сопоставимой глубины интеграции, наталкиваясь на слишком большие различия в целях и моделях развития остальных участников. Отсюда и возникла идея создать «альянс единомышленников» для продвижения вперёд в узком кругу, не дожидаясь всего континента.

В последние годы первоначальная идеологическая напряжённость между Тихоокеанским альянсом и проамериканскими структурами, с одной стороны, и МЕРКОСУР — с другой, заметно спала. Все члены Альянса декларируют готовность сотрудничать с МЕРКОСУР и сближать модели интеграции [4]. Уже в июне 2014 г. на саммите Альянса президент Чили Мишель Бачелет предложила наращивать координацию двух блоков — эту идею поддержали как страны Альянса, так и государства МЕРКОСУР [5]. Хотя организационное слияние им ещё не грозит, подобные шаги говорят о стремлении преодолеть прежние расколы. Кроме того, смена политического ландшафта в самих странах-участницах отразилась на деятельности Альянса: если изначально его ядро составляли правоцентристские правительства, то с 2018–2022 гг. в Мексике, Чили, Колумбии к власти пришли левоцентристы. Тем не менее никаких призывов покинуть Альянс от них не последовало — новый формат доказал свою гибкость и полезность даже для идеологически иных режимов. Это подтверждает репутацию Альянса как аполитичного, прагматичного клуба.

Основные достижения Альянса Тихоокеанского — впечатляющий рост взаимной торговли и инвестиций, заметное упрощение деловых процедур — налицо. Однако в последние годы темпы интеграции несколько замедлились из-за внутренних и внешних факторов. Внутри блока сказываются политические кризисы: к примеру, в 2022–2023 гг. из-за смены власти и турбулентности в Перу возникли разногласия по председательству в Альянсе. Эти споры на время парализовали работу объединения на высшем уровне. С внешней сто-

роны появился фактор конкуренции со стороны других блоков и соглашений: так, вступление в силу всеобъемлющих транстихоокеанских соглашений несколько снизило уникальность Альянса в глазах инвесторов. Тем не менее ожидается расширение Альянса — на вступление претендуют Коста-Рика и Эквадор; интерес выражали Панама, Гватемала и другие страны региона [6]. Смена правительств в странах-участницах пока не привела к дезинтеграции: новый президенты Колумбии и Мексики, несмотря на левую риторику, подтвердили приверженность целям Альянса. Таким образом, можно прогнозировать поступательное развитие Тихоокеанского альянса как гибкой и открытой платформы региональной интеграции, дополняющей другие механизмы. В долгосрочной перспективе усиление диалога Альянса с МЕРКОСУР и СЕЛАК может связать его более тесно с общерегиональными процессами и сгладить былое деление Латинской Америки на «тихоокеанский» и «атлантический» лагеря.

СЕЛАК: политическое объединение всего континента

СЕЛАК стала важным символическим шагом к консолидации региональной идентичности. Её создание многие рассматривают как «вторую попытку латиноамериканской эмансипации» — на этот раз коллективной, через сплочение всех стран южнее Рио-Гранде без участия внешних держав [7]. СЕЛАК выступает как коллективный голос региона в диалоге с другими центрами силы. Проводятся регулярные саммиты «СЕЛАК — ЕС» и встречи с Китаем, где 33 страны действуют более согласованно [8]. Внутри региона в рамках СЕЛАК созданы рабочие группы по различным направлениям — от борьбы с изменением климата и бедностью до развития науки, технологий и культуры. Активно обсуждается координация региональных интеграционных механизмов: одна из целей СЕЛАК — наладить комплементарность между субрегиональными объединениями, чтобы преодолеть раздробленность латиноамериканского интеграционного ландшафта. И хотя эти усилия находятся лишь в начальной стадии, уже сам факт совместного стола переговоров всех блоков — существенное достижение. СЕЛАК также сумела выступить посредником в некоторых региональных конфликтах и кризисах: например, предпринимались попытки при поддержке СЕЛАК урегулировать диалог между правительством и оппозицией Венесуэлы, обсуждалось совместное реагирование на пандемию COVID-19 и закупки вакцин. Эти примеры показывают потенциал организации как инструмента региональной солидарности. Важным достижением стало и то, что СЕЛАК объединила на единой платформе очень разных лидеров, продемонстрировав политическую терпимость и многообразие — на саммитах рядом сидят представители стран с противоположными идеологиями, что ранее было редкостью.

Однако СЕЛАК остаётся хрупким механизмом, зависящим от политической конъюнктуры. В середине 2010-х организация практически пришла в застой: волна правых и правоцентристских правительств привела к тому, что интерес к «боливарианским» инициативам спал. Бразилия при президенте Болсонару в 2020 г. и вовсе вышла из СЕЛАК, назвав её инструментом «левых режимов». В эти годы проведение саммитов было приостановлено. Только в 2021–2022 гг., с возвращением в ряде стран левоцентристов, деятельность СЕЛАК оживилась: вновь состоялись встречи на высшем уровне, Мексика и Аргентина взяли на себя лидерство в реанимации организации, а в 2023 г. Бразилия при Луле официально восстановила членство [9]. Однако разногласия внутри остались. Отсутствие институциональной преемственности — нет постоянного секретариата, меняющиеся каждый год председатели — приводит к тому, что многие инициатива не доводятся до конца при смене председательства. Консенсусный принцип принятия решений, с одной стороны, гарантирует учет интересов всех, с другой — позволяет любой стране блокировать резолюции. В итоге часто принимаются обтекаемые декларации, удовлетворяющие минимальный знаменатель. Ещё один фактор риска — внутренние конфликты между странами-членами. Например, территориальный спор между Венесуэлой и Гайаной вокруг Эссекибо ставит под угрозу единство СЕЛАК, ведь организация не имеет механизма урегулирования споров, а прямое столкновение двух членов подорвало бы её основы [9]. Пока что СЕЛАК удавалось обходить острые углы, но подобные кризисы выявляют отсутствие у неё действенных инструментов реагирования. Кроме того, некоторые проекты СЕЛАК требуют финансирования, а стабильного бюджета организация не имеет.

В обозримом будущем СЕЛАК, вероятно, продолжит быть для диалога и координации, не превращаясь в жёстко интегрированную организацию. Её судьба во многом зависит от баланса политических сил: если в ключевых странах региона сохранятся правительства, настроенные на регионализм, то СЕЛАК будут поддерживать. На начало 2025 г. условия относительно благоприятны — после возвращения Бразилии все крупнейшие латиноамериканские державы вновь за одним столом. Европейский Союз и Китай проявляют большой интерес к взаимодействию с СЕЛАК, что стимулирует страны региона держать организацию активной ради внешнеполитических дивидендов. В долгосрочной перспективе возможна институциональная эволюция СЕЛАК: например, обсуждается идея создания постоянного секретариата или комиссии, которая занималась бы реализацией принятых планов, не ожидая ежегодного саммита. Также на повестке — более тесное вовлечение СЕЛАК в решение практических задач (обмен опытом борьбы с бедностью, стихийными бедствиями, развитие инфраструктуры и т.д.),

что может придать ей конкретную полезность в глазах граждан. Главное же предназначение СЕЛАК — символическое и политическое — останется актуальным: организация воплощает идею единства Латинской Америки, её стремление говорить миру от имени сообщества наций с общей историей и культурой. Даже если интеграция в рамках СЕЛАК остаётся мягкой, сам факт её существования считается большим шагом вперёд для региональной идентичности.

Общие проблемы и перспективы латиноамериканской интеграции

Рассмотренные интеграционные процессы демонстрируют разнообразие подходов и масштабов — от узких торговых блоков до всеохватных политических форумов. Тем не менее можно выделить ряд общих проблем, с которыми сталкивается региональная интеграция в Латинской Америке, а также наметить общие перспективы её развития.

Первая проблема — политическая фрагментация и «маятниковость» курсов. Смена левых и правых правительств часто ведёт к пересмотру отношения к региональным проектам, выходу или заморозке участия. Организациям не хватает устойчивой, надпартийной поддержки. Перспектива здесь — постепенное формирование консенсуса элит о том, что интеграция — не идеологическая опция, а инструмент повышения конкурентоспособности и безопасности.

Вторая проблема — слабость институтов. Многие организации — это по сути клубы для встреч и деклараций. Без более сильных секретариатов, судов, механизмов разрешения споров интеграция буксует. В то же время переход к жёсткой наднациональности пока нереалистичен. Поэтому ближайшая задача — точечное укрепление институтов там, где уже есть доверие: например, в МЕРКОСУР и Тихоокеанском альянсе, а также создание хотя бы минимального постоянного механизма координации в СЕЛАК.

Третья проблема — экономические асимметрии и различие моделей развития. Интеграция между крупными и малыми, более и менее развитыми странами требует специальных механизмов выравнивания, иначе растёт недовольство и страх «поглощения». Частичное решение — фонды структурной конвергенции, преференции для слабых, акцент на инфраструктурных и социальных проектах, от которых выигрывают все. Важный вызов — уход от роли «сырьевого придатка» и превращение интеграции в инструмент диверсификации экономик.

Четвёртая проблема — внешнее давление и конкурирующие влияния США, ЕС и Китая. Одни страны ближе к Вашингтону, другие к Пекину, что иногда раскалывает регион. Но одновременно внешние партнёры создают стимул интегрироваться: с объединённым блоком проще заключать крупные соглашения. Автору кажется перспективной политика стратегической

автономии: Латинская Америка стремится не примкнуть к одному центру, а выстраивать отношения со всеми, опираясь на региональное единство.

И, наконец, социально-культурный аспект. Объективно у Латинской Америки есть мощная основа для интеграции: общие языки, религия, колониальное прошлое, культ героев независимости и интеграции. Опросы показывают, что большинство граждан в целом поддерживает идею региональной интеграции, особенно молодёжь [10]. Но пока интеграция остаётся преимущественно делом элит. Чтобы она стала устойчивой, нужен дальнейший рост академических и молодёжных обменов, внутрирегионального туризма, совместных культурных проектов, то есть «интеграция снизу».

Таким образом, интеграционные процессы в Латинской Америке — явление сложное и противоречивое. Регион богат организациями, иногда дублирующими друг друга, и не избежал разочарований на этом пути. Тем не менее общая тенденция остаётся в силе: курс на единство периодически переосмысляется, но не исчезает. Современный этап характеризуется поиском новой модели интеграции — более гибкой, прагматичной, отвечающей вызовам глобализации и учитывающей многообразие региона. Проблемы на этом пути реальны, — но в каждом кризисе интеграционные проекты учатся и перерождаются в новом виде. Перспектива заключается в постепенном формировании общерегионального пространства сотрудничества, где субрегиональные блоки связаны общими принципами через СЕЛАК и другие форумы, а конфликты решаются за столом переговоров, а не конфронтацией. Если латиноамериканским странам удастся преодолеть разногласия и найти баланс интересов, региональная интеграция может стать одним из столпов их будущего развития — с политической стабильностью, культурным сближением и устойчивым экономическим ростом на благо всех народов Латинской Америки.

Список источников и литературы

1. *Notaro J.* Mercosur: It is time to consolidate effective integration // Latinoamérica21. URL: https://latinoamerica21.com/en/mercosur-it-is-time-to-consolidate-effective-integration/ (дата обращения: 11.11.2025).
2. «МЕРКОСУР: что это, какие страны входят и зачем он нужен» // РБК. 19 авг. 2025. URL: https://www.rbc.ru/base/19/08/2025/6895e8ca9a79474b5c33ff2b (дата обращения: 11.11.2025).
3. *Лавут, А.* Тихоокеанский альянс: новая звезда среди интеграционных группировок // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tikhookeanskiy-alyans-novaya-zvezda-sredi-integratsionnykh-g/ (дата обращения: 11.11.2025).
4. Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL). La convergencia entre la Alianza del Pacífico y MERCOSUR: enfrentando juntos un escenario global desafiante.

URL: https://www.cepal.org/es/publicaciones/43614-la-convergencia-la-alianza-pacifico-mercosur-enfrentando-juntos-un-escenario (дата обращения: 14.11.2025).
5. The Pacific Alliance: Nation Branding Through Regional Organizations // GIGA Focus Latin America.URL: https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/the-pacific-alliance-nation-branding-through-regional-organisations/ (дата обращения: 14.11.2025).
6. New potential member emerges as Pacific Alliance expands // Biz Latin Hub.URL: https://www.bizlatinhub.com/pacific-alliance-expansion/ (дата обращения: 14.11.2025).
7. *Хейфец В. Л., Хадорич Л. М.* Латинская Америка между ОАГ и СЕЛАК // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4. С. 90–100.
8. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. The Fourth Ministerial Meeting of the China-CELAC Forum. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/wjbz/jh/202505/t20250513_11622018.html (дата обращения: 01.12.2025).
9. *Ayuso A., Gratius S.* El proyecto internacional del Brasil de Lula: un juego de equilibrios entre el Sur Global y el Norte Atlántico // CIDOB Notes Internacionals 301. URL: https://www.cidob.org/publicaciones/proyecto-internacional-del-brasil-lula-juego-equilibrios-entre-sur-global-norte (дата обращения: 01.12.2025).
10. United Nations survey on Latin American and Caribbean youth within the context of the COVID-19 pandemic. URL: https://www.cepal.org/en/publications/46981-united-nations-survey-latin-american-and-caribbean-youth-within-context-covid-19 (дата обращения: 01.12.2025).

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ»

Алешкович Александр Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

АКТОРНОСТЬ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР В МНОГОПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

INTEGRATION STRUCTURES AS ACTORS IN A MULTIPOLAR INTERNATIONAL SYSTEM

Аннотация. В статье предпринимается попытка исследовать интеграционные структуры как центры силы в многополярном мире. Отмечается, что они являются производными участниками международных отношений и направлены на обслуживание национальных интересов государств-членов, которые ограничивают сферу компетенций объединения для защиты своего суверенитета. Ограничение сферы полномочий структуры рассматривается как препятствие для становления интеграционной структуры как полноценного центра силы. Делается вывод, что только государство способно быть центром силы, так как оно является наиболее гибким институтом, действующим в условиях международной анархии.

Ключевые слова: интеграция, многополярность, государство, суверенитет, центры силы

Abstract. This article attempts to examine integration structures as poles in a multipolar world. It notes that they are derivative actors in international relations, designed to serve the national interests of their member states. These states, in turn, constrain the organization's scope of authority to protect their own sovereignty. This limitation is viewed as an obstacle to an integration structure becoming a full-fledged center of power. The article concludes that only the nation-state can be a center of power, as it is the most flexible institution operating under conditions of international anarchy.

Keywords: integration, multipolarity, state, sovereign, center of power

В современных условиях формирования многополярного мира актуальным является вопрос о критериях определения центров силы. Так как участники современных международных отношений разнообразны, возникает необходимость выявления характеристик, обладание которыми позволяет актору включится в борьбу за роль центра силы. Одной из важнейших характеристик центра силы является его существование в форме политического института. Ключевыми, но не единственными, политическими институтами являются государства; в данной работе рассматривается другой вид политических институтов, действующих на международной арене — интеграционные структуры. Несмотря на то, что они получили широкое распространение в современных международных отношениях, вопрос об их влиянии на систему остается дискуссионным. В данной статье предпринимается попытка проанализировать перспективы становления интеграционных структур в качестве центров силы.

Главными теоретическими подходами к объяснению процессов интеграции являются либерализм и неолиберализм. Не отрицая их эффективности к объяснению внутренней сути интеграционных процессов, отметим главный недостаток либерального подхода — уверенность в возможности более строгой систематизации н гармонизации международных отношений посредством развития интеграционных процессов. Более актуальный взгляд на суть интеграционных процессов предлагается в рамках реалистического подхода. Так, А. Уолферс рассматривает сотрудничество между государствами как одну из их основных целей наряду с развитием (self-extension, саморасширение) и безопасностью (self-preservation, самосохранение). При этом сотрудничество, понимаемое как самоотреченность (self-abnegation), т.е. отказ от части своего суверенитета, рассматривается как создание условий для достижения целей развития и безопасности, т.е. как подчиненное реализации национальных интересов, основу которых составляют эти две группы целей [1, p. 73–74]. Поскольку существуют сферы, в которых государства эффективнее реализуют свои национальные интересы, действуя сообща, возникают интеграционные структуры, которые затем должны быть встроены в существующую систему международных отношений.

Интеграционные структуры в современных международных отношениях играют роль акторов, но не устраняют присущую им анархию. Более того, интеграционные структуры усложняют процессы межгосударственного взаимодействия, разбивая их на два уровня: на уровне объединения анархия устраняется или сокращается, в то время как на уровне международной системы в целом анархия сохраняется. Как отмечает К. Уолтц, институты в условиях анархии сталкиваются со значительным риском своему существованию, вследствие чего у них возникает потребность в координации своей деятельности [2, p. 111]. Интеграционные структуры предлагают механизм

защиты государств от анархии. Устранение анархии на уровне объединения связано с функционирующими в его рамках правовыми и институциональными регуляторами, которые упорядочивают взаимодействие государств. При этом эти регуляторы обладают строго ограниченной сферой действия: они оказывают влияние только на участников объединения и только в заранее обозначенных областях. Эта сфера полномочий становится объектом борьбы между государствами и объединением.

Существование двух обозначенных уровней также обусловлено спецификой интеграционных структур как производных участников международных отношений. Основными участниками остаются государства, учреждающие эти объединения. В этой связи необходимо отметить одну очевидную, но вместе с тем важную, черту учредительных договоров интеграционных структур: они содержат указание на подписавшие их государства как на главных бенефициаров объединения. Например, в преамбуле Устава СНГ прописано: «Государства, добровольно объединившиеся в Содружество Независимых Государств, <…> стремясь обеспечить общими усилиями экономический и социальный прогресс своих народов, <…> развивая сотрудничество между собой в обеспечении международного мира и безопасности, а равно в целях поддержания гражданского мира и межнационального согласия, желая создать условия для сохранения и развития культур всех народов государств-членов, <…> решили принять устав Содружества и договорились о нижеследующем» [3]. Схожие положения присутствуют и в других договорах, учреждающих интеграционные структуры.

Это позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, деятельность интеграционных объединений полностью ориентирована на защиту интересов государств. Отказ от рассмотрения государства при анализе деятельности интеграционной структуры равносилен отказу от рассмотрения самой интеграционной структуры, так как без государств-участников она не существует. Во-вторых, правовая база деятельности интеграционных структур чётко ограничивает состав участников и пределы полномочий структуры. В этом она резко контрастирует с государствами, которые способны быть полноценными участниками международных отношений вследствие своей способности осуществлять деятельность в различных сферах международного взаимодействия, представляя при этом довольно широкий круг лиц. Это указывает на другое важное отличие, которое позволяет государствам быть более эффективными участниками международных отношений, чем интеграционные структуры. Государство является социальным институтом, что позволяет ему вовлекаться в разнообразные сферы социального взаимодействия, в то время как интеграционные структуры являются политическими институтами (хотя сфера их действия не всегда ограничена политическими проблемами).

Разграничение между социальным и политическим можно провести с опорой на акторно-сетевую теорию Б. Латура. Социальное в ней рассматривается как процесс «создания и пересоздания групп», постоянно осуществляемый индивидами [4, С. 43]. Несмотря на то, что интеграционные структуры также можно рассматривать как социальную группу, они имеют важную особенность: составляющие их индивиды выступают не от собственного имени, а от «имени политической единицы, которую они представляют». Следовательно, в данном случае конкретные индивиды используют социальное для формирования политических отношений, а для интеграционной структуры политическое является основой существования. Государство, напротив, представляет собой группу, в которой социальное имеет первоочередное значение, хотя характер отношений внутри него приобретает политическую форму.

Важно отметить, что социальная природа государств стала переноситься в международные отношения с появлением государств-наций. В данном случае процесс «создания и пересоздания» социальных групп (в терминах Б. Латура) привёл к формированию национальных идентичностей, которые в совокупности с общенациональными политическими процессами (например, выборами или военной мобилизацией) обеспечили массовое вовлечение в международные отношения. Характерной чертой этой массовости стала возможность выступления от собственного имени, минуя политические принадлежности, чему в значительной степени способствовало технологическое развитие и упрощение возможностей передачи информации. На современном этапе развития ни одна интеграционная структура не способна быть полноценным участником международных отношений, так как не формирует необходимой массовости вовлечения (отношения внутри неё осуществляются между государствами посредством индивидов, а не между индивидами) и соответствующей ей наднациональной идентичности, которая является связующим звеном в политических институтах, конструирующих систему международных отношений. Важно отметить, что указанные два фактора должны играть роль одновременно. Например, Европейский Союз обеспечивает относительную массовость вовлечения через выборы в Европарламент, но при этом не создал европейской наднациональной идентичности, которая смогла бы заменить национальную. Примеров наличия общей идентичности без вовлечения в общие политические процессы значительно больше и все они касаются наций, проживающих на территориях разных государств. Таким образом, в случае приобретения интеграционной структурой полноценной международной акторности, она превращается в государство, что можно подтвердить на примере СССР.

Согласно Договору об образовании СССР, четыре республики (т.е. формально независимых государства) объединились в одно союзное государство

[5]. Союзный характер нового государства был отражен не только в договоре о его образовании, но и названии — Союз Советских Социалистических Республик, в котором главным словом в рассматриваемом контексте является «Союз». Схожей природой обладают США, которые были образованы в результате объединения колоний, которые провозгласили себя государствами (states), что нашло свое отражение в Декларации независимости [6]. По сути, такой союз и является наивысшей и наиболее продвинутой формой интеграции, в которой образованный государствами институт получает верховную власть над всеми сферами, оказывающими непосредственное влияние на международные отношения, а её делегирование происходит с согласия или по воле союзного центра. В интеграционных структурах, не являющихся наиболее продвинутыми, это неизбежно порождает проблему соотношения суверенитета и интеграции.

Как отмечает К. Шмитт, пространство политического существует только при разграничении друзей и врагов [7, с. 301]. Государства, создающие интеграционные структуры, несомненно, определяют друг друга как друзей. При этом сама интеграционная структура определяется ими, скорее, как враг, с которым они вынуждены идти на компромисс для достижения какой-либо собственной и общей выгоды. Главная сфера пересечения интересов объединения и государств — власть и суверенитет. Во избежание чрезмерных ограничений своего суверенитета государства чётко оговаривают пределы полномочий объединения. Однако объединение, будучи политическим институтом, стремится к усилению собственной власти, чего можно достичь расширением полномочий как вглубь (усиление контроля над сферами, входящими в полномочия структуры), так и вширь (расширение сферы полномочий объединения). Как следствие, возникает борьба внутри объединения, что доказывается примером Европейского Союза, в истории которого были попытки расширения сферы его полномочий, окончившейся неудачей из-за опасений по поводу ограничения суверенитета.

Так как суверенитет является неотъемлимой характеристикой государства, без которой оно неспособно осуществлять свои властные полномочия, его ограничение воспринимается как крайняя мера. При этом для принятия подобных ограничений недостаточно наличия проблемы, которую государствам проще решать сообща. Другое необходимое условие — социально-экономическая и политическая подготовленность. История знает множество примеров попыток интеграции, не оправдавших ожиданий или не получивших реализации вследствие политической или экономической неготовности стран-участников (в качестве примеров могут быть рассмотрены попытки создания интеграционных структур странами ЛАКБ или Африки). При этом в условиях отсутствия готовности к передачи части суверенитета государства также имеют

возможности координировать свою деятельность. В таком случае координация осуществляется на основании двусторонних или многосторонних соглашений, а также путём создания международных режимов или каких-либо форматов, не предполагающих жесткой институционализации.

В условиях многополярности важной особенностью, отличающей интеграционные структуры от подобных форматов координации, является их способность становится центрами силами. Интеграционные структуры способны не только создавать условия для координации усилий государств-участников, но и аккумулировать ресурсы и выступать на международной арене от собственного имени.

Тем не менее, само существование интеграционной структуры не гарантирует, что она станет центром силы. Для достижения такого статуса объединение должно быть способно конкурировать с главными участниками международных отношений — государствами — в условиях международной анархии. Эффективность деятельности в условиях анархии обеспечивается характеристиками, присущими государству. Во-первых, способностью выступать в качестве внутренне единого субъекта. Для интеграционных структур это возможно только при принятии решений консенсусом, так как составляющие их акторы немногочисленны и имеют слишком значимое влияние на деятельность структуры, что значительно отличает интеграционную структуру от государств. На уровне государства особую роль в этом играет согласие политически значимых слоёв населения, которые могут варьироваться в зависимости от политического устройства государств-членов (например, важным инструментом легитимации в условиях либерально-демократического режима является народное участие; в рамках ЕС это обеспечивается через Европарламент), так как именно они вовлечены в политические процессы непосредственно. Политическое участие, в свою очередь, является более значимым для интеграционной структуры, чем все другие формы социального. Во-вторых, осуществлением контроля или координации над принятием решений в значимой сфере международного взаимодействия (например, НАТО имеет возможность командования национальными вооруженными силами стран-членов). При этом следует отметить, что центр силы должен иметь возможность влиять на различные сферы межгосударственного взаимодействия. На данный момент не существует ни одной интеграционной структуры, обладающей такими широкими полномочиями. Например, претендующий на роль центра силы в международных отношениях Европейский Союз, является структурой, для которой преобладающей сферой деятельности является экономика, а военно-политические проблемы во многом находятся в сфере компетенций НАТО. Подобное распределение ролей снижает возможности ЕС выступать в качестве полноценного центра силы, так как вне сферы его

полномочий оказывается одна из наиболее важных областей международного взаимодействия. Более того, как было отмечено ранее, расширение полномочий интеграционной структуры до уровня, необходимого для становления в качестве центра силы, фактически превращает её в государство.

Таким образом, интеграционные структуры могут быть значимыми участниками международных отношений, но имеют мало шансов стать полноценным центром силы в многополярном мире.

Список источников и литературы

1. *Wolfers A.* Discord and collaboration. Essays on international politics. — Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. — 283 p.
2. *Waltz K. N.* Theory of international politics. — Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company. — 251 p.
3. Устав Содружества Независимых Государств от 22.01.1993 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://docs.cntd.ru/document/1901995 (дата обращения: 01.11.2025).
4. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. — Москва: изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
5. Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. 30 декабря 1922 г. // Съезды Советов в документах. 1917–1936: сб. Документов. — М.: Госюриздат, 1960. — С. 18–22.
6. U. S. Declaration of Independence. (1776) // National Archives URL: https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript (дата обращения: 01.11.2025).
7. *Шмитт К.* Понятие политического / Пер. с нем. под. ред. А. Ф. Филиппова — СПб.: «Наука», 2016. 568 с.

Денисова Виктория Тимофеевна

МГИМО МИД России
Факультет управления и политики
Магистрантка 1 курса

МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ МУСУЛЬМАН-ИММИГРАНТОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

ADAPTATION MECHANISMS OF MUSLIM IMMIGRANTS IN THE UNITED KINGDOM: PROBLEMS AND CHALLENGES

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ механизмов социокультурной и политической адаптации мусульманских общин в Великобритании. Исследование выявляет парадокс британской модели мультикультурализма: высокая степень институционализации ислама (развитие сети мечетей, общественных организаций и шариатских советов) обеспечивает эффективную внутреннюю поддержку общины, но одновременно создает барьеры для выхода на общесоциальный уровень. Особое внимание уделено новым политическим реалиям 2024–2025 годов: публикации правительственного плана по защите границ, росту секьюритизации миграции и ответной политической мобилизации мусульман через платформу «The Muslim Vote» и участие в высших эшелонах власти. Автор приходит к выводу, что адаптация мусульман сегодня — это конкуренция между ригидными государственными институтами и гибкими структурами самоорганизации общины.

Ключевые слова: Великобритания, мусульманские общины, институционализация, адаптация, миграционная политика, политическая субъектность, секьюритизация.

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the mechanisms of sociocultural and political adaptation of Muslim communities in the United Kingdom. The study reveals the paradox of the British model of multiculturalism: a high degree of institutionalization of Islam (the development of a network of mosques, civil society organizations, and Sharia councils) provides effective internal community support but simultaneously creates barriers to wider social engagement. Particular attention is paid to the new political realities of 2024–2025: the publication of the government's border protection plan, the rising securitization of migration, and the reciprocal political mobilization of Muslims through "The Muslim Vote" platform and participation in the higher echelons of power. The author concludes that Muslim adaptation today represents a competition between rigid state institutions and flexible community self-organization structures.

Keywords: United Kingdom, Muslim communities, institutionalization, adaptation, migration policy, political subjectivity, securitization.

Введение

Повсеместная миграция мусульманских общин в условиях глобализации перестала быть исключительно демографическим фактором, превратившись в центральный вопрос политической повестки западноевропейских государств. Для Великобритании эта проблема приобрела особую остроту на фоне обострения миграционных кризисов и качественной трансформации взаимодействия между государством и религиозными меньшинствами.

Актуальность исследования обусловлена усиливающимся противоречием между декларируемыми принципами инклюзивности и реальными практиками административного контроля. С начала XXI века, и особенно в период 2023–2025 годов, в стране наблюдается ужесточение миграционного режима. Публикация обновлённых планов по усилению пограничной безопасности и реформированию процедур предоставления убежища стала маркером нового этапа государственной политики. Эти меры, направленные на борьбу с нелегальной миграцией и совершенствование контроля за перемещением людей через Ла-Манш, вновь актуализировали вопросы границ адаптации: где заканчивается интеграция и начинается ассимиляция или, наоборот, сегрегация? События последних лет, включая массовые общественные протесты, дискуссии об исламофобии и рост политической активности меньшинств, демонстрируют, что интеграция мусульман в британское общество остаётся незавершённым и политически чувствительным процессом.

Объектом настоящего исследования выступает адаптация мусульманских общин и институты, сформированные с целью оказания поддержки их развитию. Предметом исследования является функционирование этих институтов и изменение правового и политического статуса мусульман. Ключевая исследовательская проблема заключается в дилемме институционального развития: структуры, созданные общиной для выживания, стали настолько эффективными, что начали подменять собой государственные институты, создавая эффект «параллельного общества». Научная новизна работы заключается в переосмыслении роли институционализации мусульманской общины, а также в анализе новых форм политической субъектности, появившихся в ответ на дисфункции традиционных механизмов интеграции.

Теоретико-методологическая база исследования опирается на неоинституциональный подход, позволяющий выявить механизмы институциональной интеграции исламских общин через взаимодействие формальных норм (законы, правовой статус) и неформальных институтов (общественные организации, религиозные практики). Для анализа стратегий межкультурного взаимодействия используется концепция аккультурации Дж. Берри, характеризующая британских мусульман как группу, ориентированную на инте-

грацию при сохранении идентичности. Политический контекст ужесточения миграционного режима рассматривается через призму теории секьюритизации и концепции социетальной безопасности Б. Бузана. Данный подход позволяет объяснить, почему вопросы миграции переходят в сферу национальной безопасности, а государство усиливает контроль, воспринимая культурные различия как угрозу общественному порядку. Динамика политического поведения общины анализируется с помощью теории идентичности М. Кастельса. Категории «идентичность сопротивления» и «проектная идентичность» применяются для объяснения качественной трансформации стратегий мусульман: от защитной реакции на стигматизацию («виктимизация») к активному конструированию новой гражданской субъектности и демократическому лоббизму. Такой междисциплинарный синтез обеспечивает возможность комплексно оценить адаптационные стратегии с точки зрения институциональных, социокультурных и политических факторов.

Социальный портрет мусульман в Великобритании

Процесс формирования мусульманского населения Великобритании носил волнообразный характер. Первый этап начался с середины XIX в. в связи с развитием морской торговли и точечным расселением моряков из Йемена и Индии в портовых городах (Ливерпуль, Кардифф). В 1889 году была построена первая мечеть в Уокинге (графство Суррей), что свидетельствует о начале институционального закрепления ислама. Второй, наиболее массовый этап, начавшийся после Второй мировой войны, был обусловлен экономическими потребностями метрополии в дешевой рабочей силе. В промышленные центры (Бирмингем, Брэдфорд, Манчестер) массово прибывали трудовые мигранты из Южной Азии. Третий этап (1970–1990-е гг.) добавил в эту картину беженцев из зон конфликтов (Восточная Африка, Ближний Восток, Балканы) [1]. На сегодняшний день в стране сложилась крайне гетерогенная община, численность которой, согласно переписи 2021 года, достигает порядка 3,9 млн. человек [2]. При этом она остается разделенной не только по этническому, но и по религиозному признаку. Доминирующими группами являются традиционалисты-барелви (выходцы из Южной Азии, контролирующие треть мечетей), которым оппонируют модернисты-деобанди (индийцы-гуджаратцы, малайцы, пуштуны), часто настроенные скептически к западной интеграции. Существенное влияние также оказывают представители суфизма и Ахмадийской общины [3, с. 214].

Несмотря на демографический рост и «молодость» общины, средний возраст которой составляет 27 лет (против 40 лет у населения в целом), её социальный портрет остается неоднозначным. Для значительной части мусульман характерна маргинализация и социально-экономическое небла-

гополучие. Уровень экономической неактивности составляет 45% (против 36% в среднем по стране) [4]. В Лондоне наблюдается высокая безработица, особенно среди сомалийцев и бангладешцев. Тревожным маркером проблем с адаптацией является диспропорция в пенитенциарной системе: доля заключенных-мусульман выросла до 17%, что почти в три раза превышает их долю в общей структуре населения [5]. Эти данные свидетельствуют о неэффективности традиционных лифтов социальной мобильности для определенных этнических групп, что вынуждает их искать опору внутри собственных общинных структур.

Институционализация мусульманской общины в исторической ретроспективе

Ответом общины на социальные вызовы и необходимость сохранения идентичности стала мощная институционализация. Великобритания сегодня обладает одной из самых развитых сетей исламских организаций в Европе. Этот процесс, начавшийся в 1950-х годах с создания локальных ассоциаций взаимопомощи, прошел путь до формирования общенациональных зонтичных структур. Ключевым актором выступает Мусульманский совет Великобритании (Muslim Council of Britain, MCB), основанный в 1997 году и объединяющий порядка 500 аффилированных организаций. Наряду с ним функционируют профильные структуры: Ассоциация мусульманских школ (AMS), Федерация студенческих исламских обществ (FOSIS) и многочисленные благотворительные фонды. Всего в стране действует более 2000 мечетей и 1000 организаций [6, с. 238].

Однако феномен институционализации мусульманских общин имеет двойственную природу, которая влияет на современную ситуацию. С одной стороны, институты выступают инструментом интеграции. Так, например, мечети в Великобритании наряду с функцией мест культового назначения играют роль многофункциональных общественных центров. В период кризиса стоимости жизни, начавшегося в 2022 году, именно при мечетях массово открывались продовольственные банки и центры консультаций, обслуживающие граждан вне зависимости от вероисповедания. Такая деятельность способствует «низовой» интеграции и снижению межконфессионального напряжения [7, p. 12].

С другой стороны, институционализация несет за собой риски сегрегации. Развитая инфраструктура позволяет членам общины замыкаться внутри «своих», минимизируя контакты с внешней средой. Особое место в дискурсе о «параллельных обществах» занимают шариатские советы. Действуя в рамках Закона об арбитраже 1996 года [8], они выполняют функции религиозного арбитража, преимущественно в сфере семейного права. Хотя

де-юре их решения не обладают силой государственных судов, де-факто для верующих они имеют приоритетное моральное значение. Это создает нормативную коллизию, консервирующую традиционные патриархальные уклады и затрудняющую правовую эмансипацию, особенно для женщин. Таким образом, высокая степень самоорганизации, с одной стороны, обеспечивает мусульманам коллективную защиту прав, а с другой — институционально закрепляет их дистанцированность от основной части британского населения [9, p. 5–7].

Трансформация правового поля: курс на секьюритизацию

Динамика отношений между государством и общиной во многом определяется эволюцией законодательства. Ретроспективный анализ выявляет четкий тренд: от либерального подхода к последовательному ужесточению контроля, которое в последние годы воспринимается мусульманами как институциональная агрессия. Если миграционные акты 1960–1970-х годов регулировали преимущественно первичный въезд, то реформы XXI века сфокусировались на вопросах безопасности и лояльности. Законы 2002, 2006 и 2014 годов последовательно расширяли основания для депортации и лишения гражданства, вводя критерии «ущерба общественному благу». Переломным моментом стало принятие «Закона о гражданстве и границах» (Nationality and Borders Act 2022). Наибольший резонанс вызвала 9-я статья закона, наделившая правительство правом лишать гражданства без предварительного уведомления, если это продиктовано интересами национальной безопасности. Для мусульманской общины, значительная часть которой имеет двойное гражданство (или право на него через происхождение родителей), это стало сигналом о шаткости их положения. Возникло устойчивое ощущение существования «двухуровневого гражданства», где права меньшинств носят условный характер и могут быть аннулированы административным решением [10].

Ситуация усугубилась в 2023–2025 годах. Реализация положений Закона о незаконной миграции (Illegal Migration Act 2023), попытки (а затем отмена) плана по высылке мигрантов в Руанду, а также новые инициативы лейбористского правительства по созданию Командования пограничной безопасности (Border Security Command) поддерживают высокий градус напряжения. В общественном дискурсе эти меры часто сопровождаются риторикой о «защите британских ценностей», однако для британских мусульман эти меры считываются как сигнал о том, что их гражданство является «условным» (conditional citizenship). Государство, не справляясь с социальной интеграцией, пытается компенсировать это усилением полицейского контроля, что вызывает недоверие даже у лояльных слоев общины и подрывает дове-

рие к институтам власти, заставляя людей еще сильнее консолидироваться вокруг организаций, созданных общиной [11, p. 1].

Лакмусовой бумажкой состояния британского общества стали события лета 2024 года. Дезинформация после трагедии в Саутпорте спровоцировала волну насилия со стороны ультраправых группировок. Нападения на мечети в Ливерпуле, Сандерленде и других городах, попытки поджога отелей с просителями убежища продемонстрировали высокий уровень скрытой агрессии в обществе [12, p. 1]. Однако реакция мусульманской общины на эти события качественно отличалась от паттернов предыдущих десятилетий. Если ранее доминировала стратегия виктимизации и пассивного ожидания защиты, то в последнее время община демонстрирует переход к активной мобилизации и политическому участию, в частности через НКО. Ключевым инструментом этой трансформации стала организация The Muslim Vote (TMV), основанная в 2023 году. Это не просто группа давления, а профессиональная политическая структура, использующая анализ больших данных для координации голосования общины [13]. TMV возникла как реакция на отказ ведущих партий (Консерваторов и Лейбористов) поддержать прекращение огня в Газе, но быстро расширила повестку до вопросов внутренней политики (борьба с исламофобией, защита гражданских прав). Стратегия организации заключалась в поддержке независимых кандидатов в округах с высокой концентрацией мусульман. Успех этой стратегии на выборах 2024 года, когда в ряде округов с высокой долей мусульманского населения (Бирмингем, Лестер, отдельные районы Лондона) победу одержали независимые кандидаты, потеснив партийных тяжеловесов, что привело к увеличению числа депутатов-мусульман в Палате общин до рекордных 25 человек. Это пример того, как «мусульманский коллективизм» трансформируется в демократический лоббизм [14, p. 4].

Политическая адаптация происходит не только через низовую мобилизацию, но и через интеграцию в высшие эшелоны власти, что свидетельствует о качественной трансформации самосознания общины. Если ранее (по М. Кастельсу) для части мусульман была характерна «идентичность сопротивления» (resistance identity), выражающаяся в отчуждении от государственных институтов, то современные процессы указывают на формирование «проектной идентичности» (project identity). Субъекты не просто реагируют на внешнее давление, а стремятся переопределить свое положение в обществе и трансформировать саму социальную структуру [15, p. 8].

Ярким примером этой эволюции служит деятельность Садика Хана, переизбранного мэром Лондона в 2024 году. Его фигура символизирует модель «космополитического мусульманина», демонстрирующего возможность органичного синтеза исламской культурной базы и либеральных

западных ценностей в управлении мегаполисом [16]. Еще более показательным стало назначение в 2025 году Шабаны Махмуд на пост Министра внутренних дел. Занятие мусульманкой ключевой должности в кабинете министров, отвечающей за национальную безопасность и правопорядок, знаменует собой завершение этапа «условного гражданства». Это событие демонстрирует, что британские мусульмане переходят от роли пассивного объекта миграционной политики к роли активного субъекта государственного управления [17]. В данном контексте «проектная идентичность» реализуется через способность представителей общины брать на себя ответственность за функционирование государственных институтов, переопределяя тем самым понятие «британскости» и делая его инклюзивным по отношению к исламской традиции.

Заключение

Адаптация мусульманских иммигрантов в Великобритании представляет собой сложный и противоречивый процесс, развивающийся в условиях структурного конфликта между культурой британского индивидуализма и традиционным мусульманским коллективизмом. Проведенное исследование позволяет сделать конкретные выводы. Во-первых, подтверждена научная гипотеза о том, что высокая степень институционализации общин имеет двойственный эффект. С одной стороны, разветвленная сеть мечетей, общественных организаций и шариатских советов обеспечивает эффективную социальную защиту и сохранение культурной идентичности. С другой стороны, эта самодостаточная институциональная экосистема создает предпосылки для сегрегации, снижая мотивацию членов общины к интеграции в широкое общество и консервируя параллельные нормативные практики. Во-вторых, анализ трансформации правового поля показал, что государственная политика секьюритизации и ужесточения контроля границ привела к росту отчуждения. Ощущение «условности» гражданского статуса подталкивает мусульман к еще большей консолидации внутри общины, усиливая «идентичность сопротивления» — защитную реакцию на восприятие государства как источника угрозы. В-третьих, события 2024–2025 годов, включая реакцию на социальные протесты и миграционные реформы, продемонстрировали качественный сдвиг в стратегиях адаптации. Наблюдается переход от пассивной самоизоляции к формированию «проектной идентичности» (по М. Кастельсу). Британские мусульмане стремятся переопределить свое положение в обществе, трансформируя социальную структуру изнутри.

Это подтверждается ростом политической субъектности на всех уровнях: от низовой мобилизации через платформу The Muslim Vote до интеграции в высшие эшелоны власти. Назначение в 2025 году Шабаны Махмуд на

пост Министра внутренних дел (Home Secretary) стало маркером того, что представители общины переходят от роли объектов миграционной политики к роли активных субъектов государственного управления. Тем самым они конструируют новую модель гражданственности, в которой исламская традиция не противоречит британской государственности, а участвует в её укреплении. Таким образом, будущее межобщинных отношений в Великобритании зависит от способности государственных институтов признать эту новую субъектность. Переход от стратегии контроля к стратегии институционального партнерства позволит трансформировать «мусульманский коллективизм» из фактора потенциальной изоляции в ресурс развития гражданского общества.

Список источников и литературы

1. *Siddiqui A.* Muslims In Britain: Past and Present // Muslim Population. URL: https://muslimpopulation.com/library/History/Muslims%20In%20Britain.pdf (дата обращения: 07.10.2025).
2. Religion, England and Wales: Census 2021 // Office for National Statistics. 29.11.2022. URL: https://census.gov.uk/ (дата обращения: 07.10.2025).
3. *Пинюгина Е. В.* Политические риски институционализации ислама в Европе // Политическая наука. 2018. № 8. С. 200–219.
4. Poverty in the UK: statistics // House of Commons Library. 12.04.2024. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN07096/SN07096.pdf (дата обращения: 03.09.2025).
5. UK Prison Population Statistics // House of Commons Library. 27.07.2023. URL: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN04334/SN04334.pdf (дата обращения: 03.09.2025).
6. *Повразнюк К. В.* Роль мусульманских организаций в сообществах Великобритании, Германии, Франции и Италии // ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4. С. 238–251.
7. The British Muslim Civil Society Report 2023 // Mercy Mission UK. 24.01.2023. URL: https://britishmuslim.org/wp-content/uploads/2023/01/BMCS-Report-2023.pdf (дата обращения: 13.10.2025).
8. Arbitration Act 1996 // Legislation.gov.uk. 17.06.1996. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/23/data.pdf (дата обращения: 20.10.2025).
9. The independent review into the application of Sharia Law in England and Wales // Gov.uk. 01.02.2018. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/678478/6.4152_HO_CPFG_Siddiqui_Review_WEB.pdf (дата обращения: 17.10.2025).
10. *Webber F.* Citizenship: from right to privilege // Institute of Race Relations. 18.09.2022. URL: https://irr.org.uk/article/citizenship-from-right-to-privilege/ (дата обращения: 20.10.2025).
11. MCB Briefing: Illegal Migration Bill // Muslim Council of Britain. 13.03.2023. URL: https://mcb.org.uk/wp-content/uploads/2023/03/MCB-Briefing-Illegal-Migration-Bill.pdf (дата обращения: 21.10.2025).

12. MCB Briefing: Far-Right Riots and Islamophobia // Muslim Council of Britain. 05.08.2024. URL: https://mcb.org.uk/press-releases/far-right-riots-briefing/ (дата обращения: 21.10.2025).
13. The Muslim Vote: Who we are and what we stand for // The Muslim Vote. 2024. URL: https://themuslimvote.co.uk/about-us/ (дата обращения: 21.10.2025).
14. *Katwala S.* Ethnic diversity in the 2024 Parliament // British Future. 08.07.2024. URL: https://www.britishfuture.org/ethnic-diversity-parliament-2024/ (дата обращения: 21.10.2025).
15. *Castells M.* The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. II — Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 585 p.
16. London mayor election 2024: Sadiq Khan wins historic third term // BBC News. 04.05.2024. URL: https://www.bbc.com/news/uk-england-london-68950626 (дата обращения: 22.10.2025).
17. The new Starmer cabinet: background and demographics // Institute for Government. 05.07.2024. URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/explainer/new-starmer-cabinet (дата обращения: 22.10.2025).

Куликова Дария Андриановна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Институт иностранных языков
Магистратура

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ АЛЖИРСКИХ ИММИГРАНТОВ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО

PROBLEMS OF ADAPTATION AND INTEGRATION OF ALGERIAN IMMIGRANTS INTO FRANCE'S MULTICULTURAL SOCIETY

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов иммиграции населения из Алжира и его интеграции во французское общество. Актуальность темы обусловлена возникновением во Франции раскола, вызванном текущей миграционной политикой, а также стремлением Алжира найти новых союзников на смену Республике. Цель работы — изучение современной политики Франции и интеграционных механизмов, применяемых для адаптации алжирцев. Изучив последствия войны за независимость Алжира и её влияние, а также приоритеты миграционной политики Франции, последствия её осуществления, автор приходит к выводу о том, почему нынешнее правительство не может найти путь решения миграционного кризиса, удовлетворяющий все слои многонационального общества.

Ключевые слова: интеграция, миграционная политика, миграционный кризис, алжирская диаспора во Франции, война за независимость Алжира

Abstract. The article examines the processes of immigration from Algeria and the integration of Algerian immigrants into French society. The relevance of the topic is related to the aggravating fragmentation in France caused by the current migration policy, as well as Algeria's desire to find new allies to replace the Republic. The aim of the study is to analyse France's current policy, and the integration mechanisms used to adapt Algerians. Having considered the consequences of the Algerian War and its impact, as well as the priorities of France's migration policy and the consequences of its implementation, the author concludes that the current government is unable to find a solution to the migration crisis that would satisfy all segments of the multinational society.

Key words: integration, migration policy, migration crisis, Algerian diaspora in France, Algerian War

Введение

Государства, входящие в регион Северной Африки, такие как Алжир, обладают культурной и исторической идентичностью, неотъемлемой частью

которых является тесная взаимосвязь с Францией, проявляющаяся во всех сферах жизни.

Актуальность данной статьи заключается в разделении французского общества, вызванным проводимой миграционной политикой, в том числе в отношении алжирских иммигрантов. При этом необходимо учитывать политическую, экономическую и культурную важность сохранения крепких двухсторонних отношений с Алжиром, который, напротив, стремится снизить французское влияние и обрести новых союзников.

Проблематика заключается в том, что существование миграционных проблем, в том числе относящихся к франко-алжирским отношениям, провоцирует углубление всестороннего кризиса, затрагивающего различные сферы жизни общества.

Объектом данного исследования являются проблемы двусторонних отношений Франции и Алжира в XXI в., а предметом — миграционный фактор в процессах, протекающих во Франции в XXI в.

Цель настоящего исследования заключается в изучении миграционной политики Франции в XXI в. и механизмов адаптации и интеграции алжирских иммигрантов в общество.

При написании работы были поставлены следующие задачи:

— определить степень влияния борьбы за независимость Алжира на иммиграцию населения во Францию;
— установить особенности миграционной политики Франции;
— выявить последствия проведения миграционной политики и причины, по которым возможные пути решения миграционного кризиса не могут быть применены на практике.

В работе использовались общенаучные методы, такие как: описание, исторический анализ, сравнительный анализ, синтез, обобщение.

Исходя из изучения широкого спектра источников, можно выдвинуть гипотезу о том, что предлагаемые меры для решения миграционного кризиса не сопоставимы с историческим наследием Франции и не удовлетворяют интересы как французского общества, так и Алжира.

Новизна исследования заключается в изучении ассимиляционной модели интеграции мигрантов, в которой знание языка и культурных особенностей в совокупности с получением гражданства позволяла считать иммигрантов французами, во время её нарастающей неэффективности, в связи с чем статья раскрывает проблемы используемых во Франции методов интеграции.

Итоги войны за независимость Алжира

Начать анализ миграционной политики Франции следует с её истоков — процессов деколонизации. Следует сказать, что Франция следовала сразу

двум типам дарования независимости: «сверху», т.е. путём принятия конституции и проведения реформ, а также «снизу», т.е. путём военных столкновений метрополии с местными националистическими движениями, как это было в Алжире. Сочетание двух типов деколонизации в рамках одной империи — отличительная особенность французской модели [5, с. 12–16].

Война за независимость Алжира (1954–1962 гг.), изначально вызванная дискриминацией коренного населения, неудачными экономическими реформами и эксплуатацией ресурсов, подъёмом националистических сил, а также влиянием международного движения за независимость под эгидой ООН, фактически завершилась подписанием Эвианских соглашений.

Текст данных соглашений делился на две части, в первой из которых описывались основы франко-алжирских отношений до референдума, проведения которого добился Алжир в результате военных столкновений. Вторая глава непосредственно касалась аспектов двустороннего взаимодействия после референдума. Помимо форматов политических, экономических и военных связей, стороны договорились способствовать культурному сотрудничеству: Франция взяла на себя обязательство предоставлять специалистов для обучения алжирских кадров, а также открывать учебные заведения на территории страны [17]. Данный тип мягкой силы применяется Францией в Африке и по сей день, входя в приоритеты и нынешнего правительства и создавая почву для проведения актуальной миграционной политики, аспекты которой будут раскрыты далее.

Отдельно следует упомянуть проблему пье-нуаров, которая возникла в результате войны за независимость. «Pieds-noirs» (дословно — «черноногие») — французские белые переселенцы, проживавшие в Алжире. Пье-нуары сталкивались с жестоким отношением в Алжире из-за своего происхождения, а в метрополии обвинялись в поражениях Франции в войне [16].

Война за независимость Алжира повлекла за собой экономический упадок, в результате чего Алжир охватила политическая и социальная нестабильность, проявляющаяся в частых военных переворотах. Это, наряду с сохранившимися культурными связями с Парижем и гонениями на различные социальные группы (харки — военные арабского происхождения, служившие во французских подразделениях, пье-нуары), побудило алжирцев к переезду во Францию и возникновению целого феномена «алжирских беженцев».

К последствиям войны можно так же отнести разницу в исторической памяти конфликта: Алжир воспринимает борьбу за независимость, как войну, а Франция — как революцию. Потеря Алжира также сказалась на модели французского колониализма и формировании миграционной политики.

Франция оставила след в формировании алжирской идентичности, политической и законодательной системе, не говоря уже о культурном вли-

янии и пока безуспешной политики арабизации (хотя бы в научной сфере, поскольку в Алжире французский остаётся языком науки). В свою очередь, в Республике укрепилась президентская власть, а потомки послевоенных алжирских переселенцев решительно осуждают современный французский империализм, что выливается в рост социального напряжения [10]. Дискриминационные традиции колониализма сейчас выливаются в поддержании «mission civilizatrice», а именно в убеждённости французов в собственном превосходстве и желанием контролировать иностранцев и прививать им французский ход мыслей и культуру. Более того в эпоху колониализма коренное население не обладало теми же правами, что и французы, а на данный момент иммигранты ограничены в политических правах, праве на передвижение по стране (точно так же, как это право отсутствовало у алжирцев до войны за независимость). Наконец, период 1960-х гг. ознаменовался перестройкой в рядах чиновников и изменениях в бюрократической системе, куда входили преимущественно носители колониального опыта [15], в прошлом относившимся к жителям подконтрольных территорий как к «туземцам» («Code de l'indigénat» — представлял собой свод законов, по сути действовавший на территории Французского Алжира с 1881 г.), а значит, изначально негативно настроенным к алжирцам.

Аспекты современной миграционной политики Франции

Система французского права, касающегося мигрантов, основывается не только на исключительно французском законодательстве, но и на международных конвенциях, договорах и даже двусторонних соглашениях. Так, например, существует Европейский пакт об иммиграции и предоставлении убежища (2008 г.), согласно которому страны-члены ЕС должны согласовывать миграционную политику [2].

В период с 2014 по 2020 гг. Республика вошла в ряд самых крупных бенефициариев Фонда предоставления убежища, миграции и интеграции (FAMI) и Фонда по обеспечению внутренней безопасности (FSI). Франции было выделено 177 млн. евро на содержание Фонда внутренней безопасности. Эти средства были потрачены на модернизацию визовой системы, поддержание контактов с европейской системой контроля над границами, усиление борьбы с преступностью и радикализацией граждан и т.д. Республике также была оказана помощь на ликвидацию последствий террористических атак 2015 г. [2].

Сейчас у власти во Франции центристский президент Э. Макрон, чья программа выделяет интеграцию, соответствующую национальным интересам, в качестве приоритета. При этом Франция Макрона выступает за увеличение числа КПП на границах и борьбу с контрабандистами, не говоря уже

о давней проблеме борьбы с нелегальной иммиграцией. В 2018 г. был издан закон «Для контролируемой иммиграции, эффективного права на убежище и успешной интеграции», который предполагает углубление взаимодействия на международном уровне по управлению миграционными потоками. В данном контексте политика Республики с одной стороны, предполагает гуманный подход, а с другой, отбор кандидатов с каждым изменением становится все строже и строже. Например, закон 2018 г. увеличил требования к знанию французского языка до уровня B1, а также увеличил количество часов обучения до 400–600 часов. Курсы гражданского воспитания стали включать в себя знакомство с работой государственных учреждений, а также обязательную профориентацию с активным включением мигранток в трудовой рынок. При этом кандидаты отныне были обязаны проходить собеседование, которое включало бы вопросы об основных республиканских ценностях. Также, например, в 2019 г. были ужесточены правила бесплатного получения медицинской помощи [3].

Миграционная политика Макрона покровительствует науке, что подтверждается большим притоком студентов-беженцев. В 2016 г. был введен закон о визе «паспорт талантов», который позднее распространился на исследователей и студентов, прибывающих на территорию Республики по программе ERASMUS и т.д.: обладатели французских дипломов магистров стали получать преимущества при найме на работу и открытии бизнеса. Помимо этого, президентское видение миграционной политики основывается и на введении системы квот, что продолжает линию Н. Саркози. Система квот была представлена в 2019 г. для введения в проблемные сектора экономики с нехваткой трудовых ресурсов. При этом наличие свободных мест в данных секторах не подразумевало доминирование мигрантов над коренным населением, ведь предпочтение все еще отдавалось французам. Квоты начали вводить в 2021 г. в сферах строительства, торговли, гостиничного бизнеса, реставрационных работ и информационных технологий [3].

Последствия проведения миграционной политики Франции

Выше было упомянуто, что алжирцы обладают рядом привилегий по прибытии во Францию. Например, они проходят через упрощённую процедуру получения ВНЖ, могут открывать свой бизнес. Алжирцы с французским гражданством имеют право голосовать на выборах, а при наличии двойного гражданства выбирать, в какой армии проходить службу. Это во многом связано с многочисленностью алжирской диаспоры, начавшей формироваться еще в конце XIX в. Далее, во время Первой мировой войны и интербеллума число переселенцев увеличивалось: алжирцы формировали пролетариат, восстанавливавший страну после ожесточенных военных

столкновений. Сразу стоит сказать, что уже тогда наибольшее влияние диаспора имела в Марселе [7].

В стране, где алжирцы изначально воспринимались исключительно в качестве дешевой рабочей силы, стали появляться уничижительные термины, такие как «сабир» (дети первых алжирских переселенцев), «бёр» (маргинализированные потомки алжирских мигрантов), «сите» (места проживания неблагополучных алжирцев). Наличие таких терминов подтверждает изолированность общин и их стремление преодолеть трудности социально-культурной адаптации, вызванной коренной разницей в традициях и обычаях (в т.ч. религиозных) путём протестов и террора [13].

Перед непосредственным анализом последствий миграционной политики следует кратко упомянуть статистику. Численность алжирской диаспоры составляет около 2,5 млн. чел, при том, что население Франции в 2024 г. составила 68,3 млн. В 2022 г. было установлено, что алжирцы составляют около 12% от всех приезжих, в то время как Марокко — 11,9%, а Тунис — 4,7% [11]. В 2017 г. было установлено, что больше 40% совершенных алжирцев были безработными, что в три раза больше, чем показатель среди коренных французов [9].

Отдельно следует отметить, что высшее образование во Франции получали 24,6% выходцев из стран Магреба и 24,2% выходцев из других стран Африки (2022–2023 гг.) [14], что соотносится с рассмотренными ранее приоритетами французской миграционной политики.

Наконец, в 2024 г. 34 тыс. алжирцев подверглись арестам по обвинениям в нелегальной иммиграции (из 150 тыс.). Алжирцы также составляют 20% заключенных во французских тюрьмах [8].

Этому можно найти объяснение, обратившись к ряду журналистских исследований. Одно из таких, касающееся деятельности ОПГ, проводилось ведущими французскими издательствами (Le Monde, Les Echos, 20 Minutes) с 2011 по 2013 гг. при поддержке МВД Франции. Было выявлено, что этнические ОПГ активны во всех регионах метрополии. Например, Запад Франции — наркотрафик (марокканские группы); Юг Франции — подделка денег, нелегальный бизнес. Особую опасность представляют АКИМ (Аль-Каиды Исламского Магриба), признанные террористическими в России и неуклонно набирающие популярность в Марселе, где едва ли не четверть населения составляют мусульмане, что объясняется отчасти Африканской политикой Франции (например, вторжением в Ливию в 2011 г.) [1].

Результат деятельности террористических организаций и второе последствие миграционной политики — терракты, стабильно происходящие во Франции с 2010-х гг. Тут можно вспомнить и события 2012 г., когда нападения радикализированного выходца из Алжира унесли жизни 7 человек. В 2015 г. атаке подверглась редакция Шарли Эбдо в Париже, произошли

взрывы на Стад-де-Франс и стрельба в театре Батаклан. В 2016 г. выходец из Туниса совершил нападение на жителей Ниццы, убив 86 человек в День взятия Бастилии. В 2018 г. на Рождественской ярмарке в Страсбурге погибли еще 5 человек. В 2020 г. выходец из Судана набросился с ножом на прохожих в городе Роман-Сюр-Изер [6].

Это лишь несколько случаев, но можно представить, сколько ещё нападений не удалось уместить в рамки этой работы или скольким случаям не уделяется должное внимание. Естественно, подобный ход событий не может не послужить причиной для социальных волнений. Французы регулярно выступают не только против принятия такого большого количества беженцев, но зачастую и руководствуются уже родными для себя принципами, тем самым организуя митинги, нацеленные на искоренение дискриминации по отношению к иммигрантам. Например, беспорядки в 2023 г. были вызваны убийством подростка арабского происхождения в пригороде Парижа — он был застрелен полицейскими в процессе задержания. Протесты охватили крупные города, поставили под угрозу начало учебного года из-за ущерба, нанесённого учебным заведениям, и даже нашли отголоски в Брюсселе, где Э. Макрон находился с официальным визитом. В 2024 г. протесты спровоцировало принятие закона о сокращении выплат для беженцев. Важно отметить, что в подобных волнениях участвуют и коренные французы.

Они также влияют на результаты выборов и политическую жизнь в стране. Тут стоит сказать и о том, что с 2010-х гг. популярность продолжает набирать правая партия «Национальный фронт», образованная в том числе лицами, которые в годы войны с Алжиром выступали на стороне Франции. Логично предположить, что реакция на скандал с лидером партии, Марин Ле Пен, а также наложением запрета на её дальнейшее участие в выборах, была ошеломительно негативной не только среди французов, но и мировых лидеров, таких как Д. Трамп.

При упоминании французских политиков отдельное внимание следует уделить фигуре Э. Земмура [12], лидера ультраправой «Реконкисты», который помимо того, что позиционирует себя в качестве противника Ле Пен, так еще и является потомком алжирских евреев. Он негативно высказывался о проблемах харки, рассуждал об исламизации Франции и даже был осуждён за расовую дискриминацию.

Возможные решения миграционного кризиса

Все упомянутые в ходе научной работы проблемы, решения и ситуации, приводят к мысли о том, что миграционная политика Франции ввергает страну в кризис. Этот факт толкает правительство и независимые организации, включая аналитиков, предлагать пути решения проблемы.

Самый простой способ — проводить более жесткую политику, а значит, в список решений кризиса безусловно войдет ограничение потоков мигрантов. Франция, будучи суверенным государством, имеет право выбирать, кому выплачивать пособия, а кому нет, но ратифицировав ряд международных договоров, она автоматически согласилась принимать всех, кому необходимо убежище [4]. Исходя из этого, правительству нужно, например, ограничивать выплаты, но как только власти ужесточают законодательство, то встречают реакцию в виде массовых протестов.

Отсюда вытекает следующий вариант решения кризиса — налаживание работы правоохранительных органов и усиления контроля в местах проживания мигрантов. Безусловно, организация террористических актов во Франции карается законом, но высылать правонарушителей страна не может. Это приравнивается к тому, что тогда Франция перестала бы жить по принципу «свободы, равенства и братства». По такому же принципу Франция не может запретить деятельность мусульманских общин, что в противном случае будет не соответствовать принципу невмешательства светского государства в религиозные дела граждан [4].

Выводы

Во время изучения последствий деколонизации Алжира было выявлено, что к ряду причин, побудивших алжирцев продолжить иммиграцию во Францию всесторонний кризис и нестабильность (включая проблемы адаптации отдельных социальных групп), а также сохранившиеся культурные и экономические связи, несмотря на различия в восприятии результатов и событий войны за независимость.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что миграционная политика является совокупностью наследия Республики. Париж видит цель в интеграции иностранцев в социум и опирается на механизмы и структуры ЕС для поддержания безопасности и возможного внесения изменений в миграционную политику (включая её возможное ужесточение). Однако во Франции иммигранты распределяются неравномерно, т.е. большинство из них остается либо в Париже, либо в южных регионах, например в Марселе.

Это касается и алжирской диаспоры, которая начала формироваться с самого начала установления французского суверенитета в Африке и на данный момент считается одной из самых многочисленных в стране. С одной стороны, совместное франко-алжирское наследие помогает приезжим преодолеть трудности интеграции в общество, но с другой стороны, оно же и подчёркивает социальные и культурные различия между алжирцами и французами.

Было установлено, что присутствие большого количества иммигрантов на таких маленьких территориях ведет к медленному размытию понятия «безо-

пасность», что также подтверждают проанализированные статистические данные. Рост социальной напряжённости и отношение французов к проводимой политике отражаются на результатах выборов и в росте популярности политиков, представляющих правое крыло французской политической системы.

В результате рассмотрения возможных путей выхода из миграционного кризиса было выявлено, что ввиду сложившихся политических и нравственных традиций, Франция не может полностью взять под контроль поведение мигрантов. Без решительно жестких мер Республика не имеет должного авторитета, чтобы способствовать успешной интеграции беженцев в общество.

Таким образом, можно предположить, что единственным вариантом, при котором могут произойти глобальные изменения «сверху», является переход контроля над политикой к правым партиями, а также победа кандидата от правой партии на президентских выборах. В другом случае, изменения может потребовать само общество, организовав масштабные протесты, но успех такого варианта маловероятен, учитывая современные методы борьбы с гражданскими волнениями.

Список источников и литературы

1. *Комиссарова, Ж. Н., Глушков, П. А.* Иммиграция и иммиграционная политика во Франции // Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации. 2017. URL: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/immigration (дата обращения: 10.10.2025)
2. *Новоженова, И. С.* Алжирская диаспора во Франции // Научная электронная библиотека "КиберЛенинка". 2009.URL:https://cyberleninka.ru/article/n/alzhirskaya-diaspora-vo-frantsii (Дата обращения: 29.03.2025)
3. *Орехова, С. В.* Миграционная политика Франции: история и современность // Научная электронная библиотека "КиберЛенинка". 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-frantsii-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 09.11.2025)
4. *Шмелёва, Н. В.* Права человека и национальная безопасность: Франция в поисках решения миграционного кризиса. // Научная электронная библиотека "КиберЛеника". 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-i-natsionalnaya-bezopasnost-frantsiya-v-poiskah-resheniya-migratsionnogo-krizisa (дата обращения: 11.10.2025)
5. *Фурсов, К. А.* Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. — 2015. — №2. С. 12–16.
6. Attentats terroristes en France : la chronologie des attaques depuis 2012 // La Croix. 2023. URL: https://www.la-croix.com/france/Attentats (дата обращения: 03.04.2024)
7. *House, J.* The colonial and post-colonial dimensions of Algerian migration to France. // Institute of Historical Research. 2006. URL: https://archives.history.ac.uk/history-in-focus/Migration/articles/house.html (дата обращения: 25.10.2025)

8. Immigration algérienne en France : les vrais chiffres dévoilés en pleine crise diplomatique // Le Journal du Dimanche. 05.02.2025. URL: https://www.lejdd.fr/Societe/154619 (дата обращения: 31.03.2025)
9. Immigrés et descendants d'immigrés: Affiliations et pratiques religieuses // INSEE. 30.03.2023.URL:https://www.insee.fr/fr/statistiques/6793296?sommaire=6793391 (дата обращения: 29.10.2025)
10. Khalfoune, T. France-Algérie : l'impact de l'histoire commune // OpenEdition Journals. 2018. URL:https://journals.openedition.org/anneemaghreb/4180 (дата обращения: 30.10.2025)
11. L'immigration des Algériens // Observatoire de l'Immigration et de la Démographie. 06.03.2025. URL: https://observatoire-immigration.fr/l-immigration-des-algeriens/ (дата обращения: 31.03.2025)
12. Présidentielle : comment la mémoire des pieds-noirs ressurgit dans la campagne // Europe 1. 18.03.2022. URL: https://www.europe1.fr/politique/4100349 (дата обращения: 24.04.2025)
13. Petsimeri, N. F. The Algerian Diaspora in France // Academia.edu. 2015. URL: https://www.academia.edu/30864027/ (дата обращения: 28.10.2025)
14. Répartition des étudiants étrangers dans l'enseignement supérieur en France pendant l'année universitaire 2022 à 2023, en fonction de leur région d'origine // Statista. 2024. URL: https://fr.statista.com/statistiques/474965/ (дата обращения: 05.04.2024)
15. Spire, A. The weight of France's colonial past on immigration policy // HAL Science. 2020. URL: https://hal.science/hal-02867003v1 (дата обращения: 01.04.2025)
16. The History of the Pied-Noirs // Algeria.com. 2020. URL: https://www.algeria.com/blog/the-history-of-the-pied-noirs/ (дата обращения: 17.10.2025)
17. Treaty Series. Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations // United Nations Treaty Collection. – URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/ (дата обращения: 04.04.2025)

Лотокова Лина Исламовна

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина
Институт частного права
Магистратура

ПОСЛЕДСТВИЯ УСИЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ИММИГРАЦИОННОЙ РЕЙДОВОЙ ПРАКТИКИ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: ОПЫТ США

THE CONSEQUENCES OF INTENSIFIED INTERNAL IMMIGRATION RAIDS FOR THE INTEGRATION OF MIGRANTS IN A MULTINATIONAL SOCIETY: THE UNITED STATES

Аннотация: Статья рассматривает последствия усиления внутренней иммиграционной рейдовой практики в США в период 2017–2025 гг. и анализирует влияние политики секьюритизации миграции на интеграцию мигрантов в многонациональное общество. Выявлено, что смещение приоритетов ICE в сторону расширенного контроля приводит к ограничению процессуальных гарантий due process, росту уязвимости мигрантов и снижению доверия к государственным институтам. Усиление миграционного контроля способствует экономической нестабильности секторов, зависящих от иностранной рабочей силы, и усиливает маргинализацию мигрантских сообществ. Делается вывод о необходимости перехода к миграционной политике, приоритетом которой является интеграция.

Ключевые слова: миграционная политика США, интеграция, надлежащая правовая процедура, депортация, социальная адаптация, социальные последствия

Abstract: This article examines the consequences of intensified internal immigration raids in the United States between 2017 and 2025 and analyzes the impact of migration securitization on the integration of migrants in a multinational society. The study shows that the shift of ICE priorities toward enhanced enforcement compromises due process, increases vulnerability of migrant population, and undermines migrants' trust in public institutions. Tightened immigration control negatively affects sectors of economy dependent on foreign labor force and contributes to marginalization within migrant communities. The article concludes that sustainable societal development requires prioritizing an integration-oriented migration policy.

Keywords: U.S. migration policy, integration, due process, deportation, social adaptation, social consequences

Введение

После прихода к власти в США нового федерального руководства фокус деятельности Службы миграционного контроля (U. S. Immigration and Customs Enforcement (ICE) заметно сместился в сторону жёсткого пресечения любой нелегальной иммиграции. Антиимиграционная риторика администрации президента нашла особенный отклик среди настороженной перед лицом глобализации и растущей культурной интеграции части населения. Зародившаяся в 2017 году стратегия Дональда Трампа, связывающая миграцию преимущественно с негативными явлениями, такими как преступность, нелегальное трудоустройство, наркоторговля, позволила закрепить образ мигранта как источника экономических и социальных трудностей для коренного населения. [1] В этой парадигме иммиграционные рейды, ранее преимущественно направленные на арест лиц с судимостью, приобрели иной характер. Теперь они всё чаще приводят к депортации мигрантов, не имеющих криминального прошлого. Рейды ICE демонстрируют новое отношение руководства страны к миграции как к вопросу национальной безопасности. Теперь приоритет отдан снижению миграционного потока и усилению контроля. В результате мигранты и их семьи сталкиваются с рядом новых трудностей наряду со старыми. Страх перед властями, снижение обращения за услугами, ослабление межкультурных связей — все это угрожает экономическими и социальными сложностями не только эмигрантам, но и их детям, гражданам США по праву земли (jus soli). [2]

Тема исследования является актуальной в связи с расширением интеграционных процессов и глобализации, остро стоит вопрос о миграции как культурном, экономическом и социальном явлении. В условиях масштабных перемещений населения возникает необходимость в выработке и внедрении механизмов адаптации и интеграции мигрантов в новое общество. Последствия агрессивной антиэмиграционной политики проявляются в невозможности полноценной интеграции мигрантов в многонациональных обществах, чреватой маргинализацией и увеличением уровня преступности. В этой связи опыт США, как исторически сложившееся средоточие значительной мигрантской популяции, представляет особый интерес для изучения, в особенности как источник эмпирических данных.

Научная новизна. Научная новизна работы характеризуется анализом массива новых эмпирических данных по состоянию на октябрь 2025 года. Несмотря на наличие исследований миграционных процессов, антиэмиграционная политика Соединенных Штатов Америки не была предметом системного анализа в российской научной литературе.

Материалы исследования. В рамках данного исследования автор обращался к источникам, позволяющим сформировать базу данных, необходи-

мых для всестороннего анализа выбранной темы. В частности, были задействованы следующие материалы:

- Материалы СМИ, освещающие изменения в практике иммиграционного контроля и интеграции мигрантов в США. Наряду с анализом нормативной базы в The Guardian («Donald Trump's executive order on immigration») и репортажами CNN о тактике задержаний, особое внимание уделено статье The Guardian «Trump says immigration authorities can arrest people at churches and schools». Данный материал демонстрирует расширение зон проведения рейдов. Для анализа роли мигрантов на рынке труда используется материал CNBC «Immigrant workers are helping boost the U.S. labor market».
- Официальные данные ведомств и региональных организаций, содержащие эмпирическую основу исследования. Вместо общих баз данных, анализ опирается на конкретную статистику судебной системы от Executive Office for Immigration Review (EOIR Case Data), показывающую динамику дел о депортации. Также использованы показатели занятости от Immigrant Data CA, позволяющие оценить степень вовлеченности мигрантов в региональной экономике.
- Научные статьи и исследования, предоставляющие теоретическую и аналитическую базу. В работе задействован материал «Quantifying the Economic Impact of 2025 ICE Raids on California's Agricultural Industry», в котором исследуются последствия рейдовой практики в отрасли сельского хозяйства. Социальные аспекты раскрываются с помощью статьи Journal of Immigrant and Minority Health, а также отчет Center for Law and Social Policy (CLASP) «The day that ICE came», описывающий влияние арестов на семьи мигрантов.

Методы исследования. Методологическая основа исследования — Теория секьюритизации Копенгагенской школы (Б. Бузан, О. Вэйвер), согласно которой агент секьюритизации (чаще государство) определяет какое-либо явление как экзистенциальную угрозу безопасности для референтного объекта (государства или общества) и оставляет за собой право на предприятие чрезвычайных действий в обход стандартных политических процедур. [3] В контексте данного исследования теория актуальна для анализа процесса секьюритизации внутри США. Миграция посредством политической и публичной риторики представляется как угроза национальной безопасности, чем оправдывается применение чрезвычайных мер: иммиграционных рейдов, усиленного надзора, депортаций в отсутствие предусмотренного законом судебного разбирательства. Исследование содержит анализ речевых актов и институциональных (ведомственных) мер. Применения основ теории секьюритизации позволяет определить ряд методологических шагов: идентификация агентов

и референтных объектов секьюритизации; фиксация речевых актов и медийного дискурса, укрепляющих образ мигранта как «угрозы»; анализ методов и средств, возможных вследствие процесса секьюритизации; изучение последствий таких практик для интеграции мигрантов в общество-реципиент.

Надлежащая правовая процедура

Согласно пятой и четырнадцатой поправке Конституции США, «никто не может быть лишён жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры» (due process of law). [4]

Примечательно, что слово «лицо», упоминаемое в тексте поправок, понимается не как «гражданин», а как «любое лицо, находящееся под юрисдикцией США». [5] Соответственно, конституционные гарантии due process распространяются не только на граждан, но и находящихся на территории США и подпадающих под действие иммиграционного законодательства лиц. [6]

В общем понимании процессуальная форма due process предполагает, что государство при применении мер принуждения обязано уведомить лицо о намерении принять решение, которое может затронуть его права; предоставить возможность защитить свои права в суде; оспорить предъявленные обвинения. [7] Вышеуказанные гарантии выполняют важнейшую для правового государства функцию защиты от произвола властей.

В иммиграционных делах due process сохраняет свою значимость. Так, лицо, находящееся на территории США — вне зависимости от гражданства — имеет право на процедуру, позволяющую оспорить основания для высылки или задержания. Однако особенности процесса в иммиграционных делах имеют большее сходство с административным процессом, нежели чем с уголовным судопроизводством. Иммигранты не имеют право на государственного защитника, в случае если они не располагают финансовыми средствами для оплаты юриста. По оценкам Executive Office for Immigration Review (EOIR), более 70% людей, содержащихся под стражей по делам о депортации, возбужденным за последние три года, участвуют в судебных разбирательствах без представителя. [8]

Тем не менее, судебная практика признаёт, что даже при административных процедурах государство должно соблюдать базовые стандарты справедливости, включая право лица на адекватное уведомление, возможность заявить свою позицию и право на судебный пересмотр решений властей. Например, в деле Yamataya v. Fisher (1903) Верховный суд постановил, что лицо, подлежащее депортации, должно иметь «возможность быть заслушанным по вопросам, затрагивающим его право пребывать в США». [9]

Несмотря на формальное признание due process, на практике существуют препятствия реализации этого принципа. Так, иммигранты остаются без

представителя, во многом из-за отсутствия финансовой возможности оплатить юридические услуги из-за статистически более низкой оплаты их труда. Обращение к habeas corpus, фундаментальному принципу англо-саксонского права, позволяющего любому задержанному требовать от суда проверки законности оснований его лишения свободы, часто вызывает трудности для экономически уязвимого населения, плохо владеющего английским языком. [10] Эмпирические данные также показывают, что решения в иммиграционных судах часто зависят от личного мнения судьи наравне с фактическими обстоятельствами дела. [11]

Экономическая интеграция мигрантов в условиях антиэмиграционной политики

Согласно CNBC, иностранные работники составляют значительную долю рабочей силы США: в 2023 году доля работников-иммигрантов оценивалась около 18.6% от общей занятости. Иммигранты занимают вакансии в тех отраслях, где спрос на рабочую силу остаётся высоким, в частности, сельском хозяйстве, на предприятиях пищевой промышленности, в здравоохранении, испытывающих дефицит местных работников. [12]

В 2023 году в штате Калифорния иммигранты, включая детей иммигрантов второго поколения, составляли около 55% рабочей силы. [13] Это свидетельствует о значительном вкладе иммигрантов в региональную экономику. Однако в некоторых областях и секторах средний заработок иммигрантов может быть ниже, чем у коренных жителей США. Это особенно характерно для неквалифицированного или сезонного труда, характеризуемого тяжелой физической нагрузкой и относительной нестабильностью. [14]

В свете последних событий, усиление контроля и неопределенность правового статуса мигрантов снижает мотивацию к участию в официальной трудовой деятельности. Это побуждает их обращаться к теневому сектору экономики. Учитывая, что иностранные граждане часто работают в социально значимых областях, потеря квалифицированных кадров в результате депортаций негативно скажется не только на качестве жизни мигрантов и их семей, но и для экономической стабильности страны.

Таким образом, общая доля иностранного населения США продолжает снижаться. Многие отрасли экономики сильно зависят от иностранной рабочей силы, такие демографические и политические изменения могут привести к долгосрочным экономическим и социальным последствиям.

Социальные последствия секьюритизации

В последние годы усиление мер по контролю за миграцией и расширение полномочий ICE. В частности, были сняты ограничения на проведение

рейдов в школах, больницах и церквях, что вызывает серьёзную обеспокоенность среди представителей мигрантских сообществ и правозащитных организаций. [15]

Исследования свидетельствуют, что такие меры могут оказывать значительное влияние на доступ мигрантов и членов их семей к основным социальным услугам — здравоохранению, образованию, государственным структурам. Так, повышение внутреннего иммиграционного преследования связано с ростом отказов от обращения за медицинской помощью, увеличением хронической пропускной дисциплины среди детей, тревожностью и ухудшением психического здоровья среди семей мигрантов. [16]

Наиболее острым социальным последствием новой практики рейдов становится принудительное разделение семей. Ускоренные процедуры выдворения, позволяющие депортировать задержанных без слушаний в иммиграционном суде, лишают семьи времени на юридическую защиту или подготовку опеки над детьми. Это приводит к возникновению ситуации, когда дети-граждане США остаются без попечения родителей или вынуждены покинуть страну. [17]

Миграционная политика, самоцелью которой становится не интеграция уязвимого меньшинства, а контроль, надзор и карательные меры, неизбежно ухудшает положение мигрантов. Такой подход находит проявление в снижении доверия маргинализованного сообщества к государственным и негосударственным институтам, институтам гражданского общества.

Заключение

Анализ данных выявил серьезные изменения в миграционной политике США в период с 2017 по 2025 год, основной тенденцией которой стало значительное усиление контроля за миграционными потоками. Эти изменения, в частности, затронули законотворчество и правоприменение, рынок и социальную динамику.

Во-первых, исследование фактического применения института надлежащей правовой процедуры (due process), продемонстрировало, что при теоретическом сохранении конституционной защиты всех лиц, находящихся на территории США, на практике права мигрантов ограничиваются. Обеспечение безопасности и защита прав и свобод человека ставятся под угрозу упрощенными процедурами депортации, отсутствием права на бесплатные юридические услуги и судом, который не соответствует критериям объективности.

Во-вторых, в связи с проведением анализа экономических показателей, представляется, что мигранты играют не последнюю роль в американской экономике. Это особенно заметно в секторах, страдающих от нехватки

рабочей силы. Усиление контроля и уязвимый характер правового статуса мигрантов могут способствовать росту теневой экономики, вследствие чего появляется угроза стабильности отдельных секторов экономики, которые зависят от работников из числа мигрантского населения.

В-третьих, усиление контроля может привести к падению доверия к государству и правительственным организациям. Такая осторожность, вызванная постоянным страхом ареста, имеет прямые последствия в виде роста преступности и смертности. Согласно исследованиям, такие процессы могут препятствовать долгосрочной и успешной интеграции мигрантов, развитию и усилению социальных связей.

Анализ выявленных закономерностей показывает, что стратегия, ориентированная в основном на меры принуждения и контроля, имеет неоднозначные последствия. Такая политика ориентирована на быстрое достижение желаемого результата, к примеру, на снижение показателей уровня преступности, но в долгосрочной перспективе может вызвать обратный эффект.

Для обеспечения устойчивого развития многонационального общества необходима миграционная политика, которая будет сочетать в себе гуманные цели и законные методы обеспечения государственной безопасности, конституционные гарантии. Необходимо сохранение экономической целесообразности и способствование социальной интеграции. Такой подход требует смену парадигмы, при которой миграция рассматривается не только как источник угрозы, но и как неотъемлемая часть экономической и социальной системы.

Список источников и литературы

1. The Guardian. Donald Trump's executive order on immigration – the full text // The Guardian. 27.01.2017. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2017/jan/27/donald-trump-executive-order-immigration-full-text (дата обращения: 03.11.2025)
2. S.K. Lischer. The Global Refugee Crisis: Regional Destabilization & Humanitarian Protection // Daedalus. 2017. Vol. 146, No 4. p. 85-97. URL: https://www.jstor.org/stable/48563905 (дата обращения: 03.11.2025)
3. *Гайдаев О. С.* Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. № 1. С. 20-32. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sekyuritizatsii-ili-horosho-zabytoe-staroe-k-voprosu-o-teoretiko-filosofskih-istokah-i-zarozhdenii-teorii (дата обращения: 03.11.2025)
4. Legal Information Institute. Due process // Legal Information Institute (LII). URL: https://www.law.cornell.edu/wex/due_process (дата обращения: 03.11.2025)
5. American Immigration Council. Due Process and the Courts // American Immigration Council. URL: https://www.americanimmigrationcouncil.org/about-immigration/due-process-and-courts/ (дата обращения: 03.11.2025)

6. American Immigration Council. Due Process and the Courts (Page 3) // American Immigration Council. URL: https://www.americanimmigrationcouncil.org/about-immigration/due-process-and-courts/page/3/ (дата обращения: 03.11.2025)
7. American Civil Liberties Union. What Is Due Process? // ACLU. URL: https://www.aclu.org/news/national-security/what-is-due-process (дата обращения: 03.11.2025)
8. Executive Office for Immigration Review (EOIR). EOIR Case Data (December 2024) // U. S. Department of Justice. 2025. URL: https://www.justice.gov/eoir/foia-library-0 (дата обращения: 03.11.2025)
9. Yamataya v. Fisher (Japanese Immigrant Case), 189 U.S. 86 (1903) URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/189/86/ (дата обращения: 07.12.2025)
10. Harvard Law Review. Jennings v. Rodriguez // Harvard Law Review. 2018. Vol. 132. URL: https://harvardlawreview.org/print/vol-132/jennings-v-rodriguez/ (дата обращения: 03.11.2025)
11. Bias, Consistency, and Partisanship in U. S. Asylum Cases: A Machine Learning Analysis of Extraneous Factors in Immigration Court Decisions // arXiv.org. Papers. 2023. URL: https://arxiv.org/abs/2305.16471 (дата обращения: 03.11.2025)
12. CNBC. Immigrant workers are helping boost the U.S. labor market // CNBC. 03.05.2024. URL: https://www.cnbc.com/2024/05/03/immigrant-workers-are-helping-boost-the-us-labor-market.html (дата обращения: 03.12.2025)
13. Quantifying the Economic Impact of 2025 ICE Raids on California's Agricultural Industry: A Case Study of Oxnard // arXiv.org. Papers. 2025. URL: https://arxiv.org/abs/2508.03787 (дата обращения: 27.11.2025)
14. Immigrant Data CA. Employment indicators // Immigrant Data CA. URL: https://immigrantdataca.org/indicators/employment (дата обращения: 03.11.2025)
15. The Guardian. Trump says immigration authorities can arrest people at churches and schools // The Guardian. 21.01.2025. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2025/jan/21/trump-ice-churches-schools-hospitals-sensitive-areas (дата обращения: 03.11.2025)
16. U. S. Public Opinion About Immigration Enforcement in Sensitive Locations // Journal of Immigrant and Minority Health. 2025. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10903-025-01772-0 (дата обращения: 25.11.2025)
17. Center for Law and Social Policy (CLASP). The day that ICE came: How worksite raids are once again harming children and families // CLASP. 05.2025. URL: https://www.clasp.org/publications/report/brief/day-ice-came-how-worksite-raids-are-once-again-harming-children-and/ (дата обращения: 04.12.2025)

Полева Дарья Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ

SPORT AS A TOOL FOR THE INTEGRATION OF MIGRANTS IN THE EUROPEAN UNION STATES ON THE EXAMPLE OF GERMANY, FRANCE AND ITALY

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка комплексно рассмотреть механизм интеграции мигрантов через спорт в странах Европейского Союза. Для осуществления поставленной цели были изучены программы интеграции мигрантов посредством спорта в Германии, Франции и Италии. Изучив конкретные примеры программ в трех странах, а также общие инициативы Европейского Союза в области интеграции мигрантов в европейское общество через спорт, автор делает выводы о схожести в организационном и функциональном плане всех рассмотренных программ. В частности, было выявлено тесное взаимодействие центральных и региональных властей при реализации соответствующих инициатив.

Ключевые слова: интеграция мигрантов, спортивная политика, европейская модель спорта, интеграционная политика, спортивное движение

Abstract. This article attempts to comprehensively consider the mechanism of integration of migrants through sport in the countries of the European Union. To achieve this goal, the integration programs of migrants through sports in Germany, France and Italy were studied. Having studied specific examples of programs in the three countries, as well as general initiatives of the European Union in the field of integration of migrants into European society through sport, the author draws conclusions about the similarity in organizational and functional terms of all the programs considered. In particular, close cooperation between central and regional authorities in the implementation of relevant initiatives was revealed

Keywords: integration of migrants, sports policy, European model of sport, integration policy, sports movement

Введение

Проблема интеграции мигрантов в современное европейское общество не раз становилась предметом дискуссий. Миграционный вопрос является

частью социально-политической повестки многих государств Европейского Союза. В условиях усложняющихся межгосударственных и внутригосударственных связей появляются новые инструменты интеграции мигрантов в общество. Одним из таких механизмов становится спорт.

Актуальность исследования обусловлена растущей миграционной нагрузкой в странах ЕС и сильным интегративным потенциалом спорта, способным стать одним из основных инструментов проведения миграционной политики на европейском пространстве. Цель исследования заключается в выявлении общих тенденций в развитии европейского спорта как механизма интеграции мигрантов, через изучение конкретных инициатив ФРГ, Франции и Италии, а также общеевропейских проектов. Выбор государств обусловлен наиболее массовыми, в сравнении с другими странами ЕС, миграционными потоками в данных странах. В рамках исследования были использованы метод case-study, при помощи которого автор вводит исторические и современные примеры интеграции мигрантов посредством спорта, а также метод PEST-анализа для определения влияния проблем интеграции мигрантов через спорт на социальную конъюнктуру ЕС.

В ходе исследования автор использовал анализ документов, который позволил выявить особенности европейской модели спорта и цели реализации спортивной политики. Научная новизна исследования обусловлена комплексным рассмотрением инициатив государств-членов ЕС по интеграции мигрантов в европейское общество через спорт, а также выявлением общих тенденций развития Евросоюза в этом направлении в наши дни.

Интегративная роль спорта

В ходе исследования была рассмотрена интегративная роль европейского спорта через призму европейской спортивной модели, сформированной под влиянием интеграции ЕС. С опорой на нормативно-правовые акты, принятые Европейским Союзом, а также на исследования в области спортивной политики ЕС, были выделены следующие признаки европейской модели спорта: пирамидальная структура спортивных организаций (клубы, региональные федерации, национальные федерации, европейские федерации), открытость соревнований, широкая автономия спортивного движения, единство различных составных элементов системы спорта в Европе и др. [1, с. 55] Затем через изучение документов, принятых Европейским Союзом (в частности, Белой книги спорта 2007 г. [2] и Лиссабонского договора [3] в части распределения сфер компетенций ЕС), удалось определить ключевые функции спорта в контексте интеграции мигрантов:

1. *Социальная функция:* спорт, как инструмент создания социальной включенности и предотвращения нетолерантности, расизма и др.;

2. *Культурная функция:* спорт помогает усвоить культурные нормы, формирует особый тип идентичности;
3. *Образовательная функция:* через участие в спортивных мероприятиях, организуемых в странах ЕС, проводится просветительская работа в отношении выходцев из семей мигрантов.

После анализа нормативных актов Евросоюза, был сделан вывод, что ряд документов ЕС подчеркивает важность широкой социальной включенности в спортивное движение. Вследствие этого представляется важным рассмотреть процесс интеграции через спорт в европейское общество такой социальной группы, как мигранты.

Опыт Германии в сфере интеграции мигрантов через спорт

Говоря об успехах, которых добились государства ЕС в вопросе интеграции мигрантов посредством спорта, стоит упомянуть опыт ФРГ. Сегодня в Германии реализуется большое число инициатив, направленных на облегчение процесса интеграции мигрантов в немецкое общество через спорт.

Примером политики Германии по данному направлению является реализация программы «Integration durch Sport», основанной в 1989 году. Целью Программы является создание равных условий и возможностей в спорте для каждого, вне зависимости от происхождения [4]. В рамках реализации Программы спортивные клубы страны получают поддержку для осуществления работы по интеграции иммигрантов.

Программа «Integration durch Sport» является федеральной инициативой: Федеральное министерство внутренних дел совместно с Федеральным ведомством по делам миграции и беженцев отвечают за стратегический и финансовый аспект программы. Однако Проект реализуется и на местном уровне: в 16-ти землях Германии руководители Программы проводят консультации для спортивных клубов и ассоциаций, предлагают соответствующее финансирование и проводят программы повышения квалификации [5].

Тесное взаимодействие федеральных и региональных структур является характерной особенностью немецкой политики в области интеграции мигрантов через спорт. Помимо программы «Integration durch Sport» интеграция выходцев из иммигрировавших семей осуществляется и иными путями. К примеру, при поддержке центра среди земельных спортивных союзов проводится обучение несовершеннолетних мигрантов по направлению физической культуры и спорта с перспективой получения тренерской лицензии и дальнейшего трудоустройства [5]. Итак, можно судить о широкой практике ФРГ в вопросе интеграции мигрантов в общество через спорт.

Французская политика интеграции мигрантов посредством спорта

Говоря о политике Парижа в области интеграции мигрантов через спорт, стоит упомянуть реализуемую в регионе Иль-де-Франс программу «Terrains d'Avenir», которая нацелена на помощь в адаптации семьям мигрантов во Франции посредством спортивного движения. Цель программы — предоставление мигрантам доступа к различным видам спорта, поддержка их семей, спортивных клубов и общественности [6]. По данным на 2025 год, на реализацию инициативы было выделено 1.8 млн. евро [7].

Во Франции наиболее показательным видом спорта, который отражает вовлеченность мигрантов в спортивное движение, является футбол. На протяжении всей истории французского футбола большую роль в его развитии играли мигранты. В частности, первый футбольный клуб Le Havre Athletic Club был основан в 1872 году британскими мигрантами. На протяжении всего XX века французские футбольные клубы активно привлекали иностранных спортсменов, в особенности из Центральной Европы и Южной Америки. Так, в 1930-е годы французские профессиональные команды включали от 20% до 35% иностранных игроков. А сборную Франции по футболу на чемпионате мира 1998 года вообще прозвали Black-Blanc-Beurre (темнокожий-белый-араб), что отражало ее мультикультурный состав [8]. Сегодня также наблюдается высокий процент мультикультурности в футболе: к примеру, 20 из 23 игроков чемпионской сборной-2018 и 22 из 26 в сборной-2022 — потомки мигрантов [9]. Данные свидетельствуют об успешной реализации программ интеграции мигрантов через спорт.

Итальянский опыт интеграции мигрантов через спорт

В Италии также проводится широкая политика интеграции мигрантов через спорт. Так, в стране при поддержке организации Unione Italiana Sport Per Tutti проводится инициатива «Diritti in campo: sport per tutti per una società multiculturale» [10]. Проект реализуется в тех городах Италии, где миграция является серьезной проблемой. Программа финансируется Министерством труда и социальной политики. Ее цель — облегчить доступ к спорту для граждан-мигрантов, одновременно снижая влияние экономических, языковых, культурных и религиозных барьеров.

Помимо этого, в Италии функционирует Centro Sportivo Italiano — организация, содействующая развитию спорта на всей территории страны и признанная Олимпийским комитетом Италии. Организация имеет аккредитацию Министерства просвещения и итальянских университетов [11]. Цель организации состоит в обеспечении общедоступности спорта всем социальным классам и группам населения. Можно сделать вывод о схожести

как в организационном (взаимодействие с федеральными органами власти), так и в функциональном отношении итальянских проектов с программами в ФРГ и Франции.

Общеевропейские инициативы по интеграции мигрантов через спорт

Говоря о программах интеграции выходцев из семей мигрантов через спортивное движение на общеевропейском уровне, необходимо упомянуть следующие проекты. На данный момент отсутствуют актуальные программы интеграции мигрантов через спорт исключительно на уровне Евросоюза, однако страны-участницы ЕС поддерживают общеевропейские инициативы, выходящие за рамки Объединения. Примером подобных проектов может служить проект «Integration Of Refugees Through Sport» — движение, направленное на облегчения процесса интеграции мигрантов в европейское общество через участие в спортивных состязаниях [12].

Ранее на территории ЕС проводились и другие программы, направленные на обеспечение социальной интеграции выходцев мигрантов через спорт. Примерами являются проекты «Sport welcomes Refugees» (2017–2018 гг.) [13], «Youth with immigrant background in sport» (2019–2021 гг.) [14], «Integration of Newly Arrived Migrants through Organised Sport» (2020–2022 гг.) [15] и др. Каждая из этих программ имела схожую направленность и была поддержана рядом государств ЕС. Так, участниками проекта «Sport welcomes Refugees» стали Австрия, Финляндия, Германия, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Португалия [13], программы «Youth with immigrant background in sport» — Финляндия, Италия, Испания, Болгария, Швеция [16], а инициативы «Integration of Newly Arrived Migrants through Organised Sport» — Дания, Германия, Швеция [17].

Большинство подобных инициатив со стороны ЕС получают финансирование через бюджет Erasmus+ Sport — части программы Erasmus+, направленной на содействие развитию массового спорта в Европе. Подобные проекты реализуются в рамках направления повышения потенциала спорта в ЕС (Capacity-building in the field of sport), одной из целей которого является интеграция мигрантов [18]. Таким образом обеспечивается взаимодействие национальных структур государств-членов Евросоюза с общими органами ЕС, что также свидетельствует о многоуровневости европейской системы спорта, в частности, по направлению социальной интеграции мигрантов.

Несмотря на наличие общеевропейских программ интеграции мигрантов в социум посредством спорта, в последние годы наблюдается большая концентрация государств-членов ЕС на реализации инициатив на национальном уровне. Так, как видно из анализа выше, наиболее масштабные

общеевропейские программы уже были завершены к данному моменту, в то время как программы на национальных уровнях продолжают функционировать и сегодня.

Проблемы интеграции мигрантов в европейское общество через спорт

В процессе реализации вышеупомянутых программ возникает ряд сложностей, связанных с социальной включенностью мигрантов в европейское общество. Эти вызовы являются универсальными проблемами, обусловленными схожей направленностью упомянутых проектов.

Во-первых, несмотря на то, что спорт позволяет выходцам из мигрантских семей пользоваться различными видами благ, в целом получение доступа к этим благам, как правило, ограничивается экономическими и иными барьерами. Иными словами, положительное влияние спорта и физической активности на интеграцию мигрантов в общество, как правило, зависит от соблюдения ранее существовавших критериев социальной включенности, а не от их универсальной доступности [19]. Во-вторых, значительную роль в интеграции мигрантов приобретает личностный фактор: индивиды должны самостоятельно иметь желание интегрироваться в общество принимающего государства [20, p. 2]. В-третьих, существует риск «инструментализации» спорта, что проявляется, с одной стороны, в чрезмерной политизации спорта в современном мире и использованием объединяющего потенциала спорта в политических целях, а, с другой стороны, в краткосрочном положительном эффекте спортивных мероприятий. Так, спорт становится лишь косметическим решением, которое маскирует реально существующие проблемы интеграции [21, с. 9]. В-четвертых, существует риск обратного эффекта, а именно межкультурной дезинтеграции через участие мигрантов в спортивных соревнованиях. Так, мигранты могут столкнуться с ситуациями, когда, с одной стороны, их идентичность в принимающем обществе остается исключительно «спортивной», а с другой стороны, возникает риск увеличения разрыва между мигрантами и коренным населением в случае, если последние не справляются со спортивной конкуренцией и ищут истоки этих проблем в миграционной политике государства.

Итак, несмотря на сильный интегративный потенциал спорта, в процессе социальной включенности мигрантов в ЕС возникает ряд трудностей. Проблемы интеграции мигрантов через спорт не ограничиваются упомянутым выше списком. Государствам-членам Евросоюза в будущем следует тщательно разрабатывать решения данных вызовов для достижения максимальной эффективности миграционной политики на европейском пространстве.

Выводы

Рассмотрев различные инициативы интеграции мигрантов в европейское общество через спорт, можно выделить характерные особенности развития данного направления в странах ЕС:

1. Активное внедрение программ, направленных на создание равных для всех условий для занятий спортом. В рамках данных инициатив страны Евросоюза занимаются просветительской работой, финансово помогают спортивным организациям для привлечения большего числа атлетов-выходцев из семей мигрантов;
2. Тесное взаимодействие федерального и регионального уровней при реализации программ, что упрощает координацию ресурсов при обеспечении интеграционной работы;
3. Сосредоточение государств-членов ЕС на реализации подобных программ на национальном уровне, в то время как проекты на межгосударственном уровне в рамках ЕС по большей части уже были завершены;
4. Наличие ряда трудностей, которые могут привести к негативным последствиям миграционной политики. Вследствие этого государствам Евросоюза следует разрабатывать решения для нивелирования негативных последствий проводимого курса.

Таким образом, сегодня в странах ЕС проводится активная политика интеграции мигрантов через спорт, что, в целом, ускоряет решение миграционной проблемы и способствует выстраиванию гармоничных мультикультурных отношений на европейском пространстве.

Список источников и литературы

1. *Зуев В. Н., Попова И. М.* Европейский подход к управлению в сфере спорта: ценности, нормы и интересы // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 51–65.
2. White Paper on Sport // EUR-Lex, European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52007DC0391 (дата обращения: 01.12.2025)
3. Treaty of Lisbon // EUR-Lex, European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/lis/sign/eng (дата обращения: 01.12.2025)
4. Das Programm, Projekte & Angebote // Integration durch Sport. URL: https://integration.dosb.de/themen/integration-durch-sport/das-programm (дата обращения 15.10.2025)
5. *Надеждин А.* Спорт как механизм интеграции мигрантов. Опыт Германии // Журнал Международная жизнь. 2023. №6. — другие форматы и 16 земель
6. Notre projet // Terrains d'avenir. URL: https://terrainsdavenir.fr/notre-projet/ (дата обращения 15.10.2025)

7. Terrains d'avenir, France // Olympic Refuge Foundation. URL: https://www.olympics.com/en/olympic-refuge-foundation/programmes/france-terrains-d-avenir (дата обращения 15.10.2025)
8. Football et immigration en France, Musée de l'histoire de l'immigration // Palais de la Porte Dorée URL: https://www.histoire-immigration.fr/integration-et-xenophobie/football-et-immigration-en-france (дата обращения 20.10.2025)
9. Все успехи сборной Франции связаны с миграцией. Да-да, речь про Зидана, Платини, Копа, Анри и Мбаппе // Спортс. URL: https://www.sports.ru/football/blogs/3101842.html (дата обращения 20.10.2025)
10. Diritti in campo: sport per una società multiculturale // UNIONE ITALIANA SPORT PER TUTTI. URL: https://www.uisp.it/progetti/pagina/diritti-in-campo-sport-per-una-societ-multiculturale (дата обращения 24.10.2025)
11. Centro Sportivo Italiano APS // International Sport and Culture Association. URL: https://www.isca.org/member-centro-sportivo-italiano-aps (дата обращения 28.10.2025)
12. IRTS Networking Platform // Integration Of Refugees Through Sport. URL: https://irts.isca.org/project (дата обращения: 27.11.2025)
13. Sport welcomes Refugees // Council of Europe. URL: https://www.coe.int/en/web/sport-migrant-integration-directory/sport-welcomes-refugees (дата обращения: 03.12.2025)
14. Why YIBinS? The project // Youth with immigrant background in Sport. URL: https://sport4youth.eu/the-project/ (дата обращения: 03.12.2025)
15. About INAMOS // Integration of Newly Arrived Migrants through Organised Sport. URL: https://inamos.org/ (дата обращения: 03.12.2025)
16. YIBinS – Youth with immigrant background in Sport // CESIE. URL: https://cesie.org/en/project/yibins/ (дата обращения: 03.12.2025)
17. Analysis of the Migrants' perspective: Descriptions and reflections (INAMOS): European Commission. URL: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/project-result-content/8a1d257e-0704-4b80-8b84 732d5533b554/IO4_INAMOS_Analysis_of_Migrants_Perspective_Descriptions_and_Reflections.pdf (дата обращения: 03.12.2025)
18. Capacity-building in the field of sport, Sport actions (Opportunities) // European Commission, Erasmus+. URL: https://erasmus-plus.ec.europa.eu/opportunities/organisations/cooperation-among-organisations-and-institutions/capacity-sport (дата обращения: 03.12.2025)
19. N*icola M. U., Zahra T. E.* Building Communities on the Playing Field: How Sports Are Used for Integration // Migration Policy Institute, Migration Information Source, 2025.
20. Hartmann H. Integration through Sport // International Sport and Culture Association. URL: http:// isca-web.org/files/Integration%20Through%20Sport.pdf (дата обращения:03.12.2025)
21. *Сакулин С. В.* Спортивные проекты как инструмент межкультурного диалога: интеграция мигрантов в урбанистической среде // Постсоветский материк. 2025. №3.

СЕКЦИЯ «ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Кузнецов Тимофей Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНТЕКСТЕ БРЕКСИТА И УСИЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ НАТО И АУКУС

UK NUCLEAR STRATEGY IN THE CONTEXT OF BREXIT AND INCREASED NATO AND AUKUS MILITARY INTEGRATION

Аннотация. В настоящей статье оценивается степень независимости Великобритании в формировании собственной ядерной стратегии. Для осуществления поставленной цели автором был проведён анализ ключевых документов, формирующих ядерную стратегию Великобритании, рассмотрены официальные заявления ключевых политических фигур и материалы статистики и т.д. После изучения материалов Великобритании автор делает выводы о степени автономии британской ядерной стратегии от интеграционных структур НАТО и АУКУС.

Ключевые слова: ядерная стратегия; Великобритания; НАТО; АУКУС; стратегическая автономия Великобритании; Брексит

Abstract. This article assesses the extent of the United Kingdom's independence in formulating its own nuclear strategy. To achieve this goal, the author analyzed key documents shaping the UK's nuclear strategy, reviewed official statements by key political figures, and examined statistical data. After examining the UK's materials, the author draws conclusions about the extent of the UK's nuclear strategy's autonomy from NATO and AUKUS integration structures.

Keywords: nuclear strategy; United Kingdom; NATO; AUKUS; strategic autonomy of the UK; Brexit

Введение

Позиция Великобритании в Европе и мире в последние десятилетия подверглась существенным изменениям под влиянием внешних и внутренних факторов, что особенно сильно сказалось на подходах государства к формированию и использованию собственной ядерной триады. *Актуальность исследования* заключается в неоднозначности положения Великобритании после выхода страны из Европейского союза (ЕС), что привело к одновременному усилению стратегической автономии королевства за счёт независимости внешней политики от Брюсселя, ещё сильнее привязав государство к «особым отношениям» с Соединёнными Штатами Америки. Конфронтация с Россией и международная нестабильность усилили тенденции к пересмотру британской стратегии сдерживания, что в условиях рисков, связанных с возможным началом новой мировой войны, делают изучение подходов к ядерной стратегии государства особенно важными.

Цель работы — определить, насколько автономной является Великобритания в ядерной сфере.

Научная новизна исследования заключается в преодолении и комплексном изучении разрыва между декларируемым курсом на достижение стратегической автономии в рамках ядерной стратегии Великобритании при фактическом углублении зависимости страны в этой сфере от США и военных объединений. Статья вносит вклад в дискуссию о соотношении аспектов зависимости и независимости британской ядерной программы.

Основой исследования стала *гипотеза*, что, несмотря на официальный курс на укрепление суверенитета, выход из ЕС и глобальная нестабильность объективно подталкивают Великобританию к углубленному взаимодействию с США и военными структурами, такими как Организация Североатлантического договора (НАТО) или АУКУС, в том числе в ядерной сфере. Это ведет к постепенной утрате элементов стратегической автономии и превращению страны в «младшего партнера» Вашингтона, что особенно ярко проявляется в ядерной политике.

Для подтверждения гипотезы будет использоваться *метод* качественного контент-анализа, который в совокупности со сравнительным анализом будет применён для выявления ключевых элементов, формирующих ядерную стратегию Соединённого Королевства, и дачи оценки степени их зависимости от интеграционных структур (НАТО, АУКУС).

В качестве *теоретической базы исследования* был выбран структурный реализм в варианте, сформулированном в работе Кеннета Уолтца «Теория международной политики» 1979 года, что позволит рассмотреть в первую очередь структурные факторы влияния изменения позиции Великобритании в рамках Брексита и усиления интеграции в военные структуры, как НАТО.

Углубление интеграции с НАТО в ядерной сфере после Брексита

Главным противоречием Брексита для Великобритании стало то, что, формально выйдя из ЕС и таким образом обретя независимость от Брюсселя, в сфере безопасности и обороны государство не стало более автономным, а только углубило свою вовлечённость в интеграционные процессы внутри НАТО, и усилило необходимость в сотрудничестве в рамках АУКУС. Более тесное включение в интеграционные структуры выражалось в политике, проводимой как правительством консерваторов, так и нынешним лейбористским, но с различным уклоном. Так, премьер Великобритании в 2022–2024 годах Риши Сунак заявлял, что внутренний ядерный потенциал является ключевым фактором безопасности страны, однако здесь делался акцент на мирном атоме. Впрочем, уже тогда подчёркивалась ключевая роль сотрудничества с США (и Австралией) в рамках АУКУС [1]. В то же время следующий британский премьер-министр Кир Стармер начал развивать эти идеи дальше, прямо провозглашая курс на строительство новых 12 подводных лодок, способных нести ядерные боезаряды. Важно заметить: теперь АУКУС уже напрямую связывается с НАТО — в заявлении уточняется, что подводные лодки, построенные в рамках программы вместе с США и Австралией, будут использоваться для обеспечения безопасности всего Североатлантического альянса [2].

Однако курс на углубление интегрированности в НАТО тоже усиливается. Практически он реализуется в решении правительства Великобритании закупить 12 истребителей F-35A, способных нести ядерные ракеты, а также присоединиться к совместной миссии ядерного сдерживания, о которой объявили на саммите НАТО в июне 2025 года [14]. Подобное решение радикально контрастирует с предыдущей линией (1998 года), и которая заключалась в использовании исключительно подводных лодок в качестве средства ядерного сдерживания [12], и подразумевает существенно более глубокую интеграцию в систему «ядерного распределения» НАТО, в которой ключевую роль играют США. Параллельно с этим курс на углубление интеграции с НАТО получил новое выражение в решении о значительном увеличении ядерного арсенала страны до 260 боеголовок, что знаменует собой отход от многолетней политики сокращений и ещё более плотную привязку к американским технологиям, поскольку новая программа модернизации британских ядерных сил предусматривает использование ракетных отсеков, собранных из общих с США блоков, и совместную разработку нового боезаряда W93 [7]. Этот шаг не только укрепляет собственный арсенал Великобритании, но и напрямую усиливает её роль в рамках ядерного планирования НАТО, демонстрируя добровольное ограничение стратегической автономии в обмен на усиление влияния внутри Альянса.

Отражение военных интеграционных структур в ядерной стратегии Великобритании

«Strategic Defence Review» (в разные годы названия могли несколько различаться) фактически является главным документом ядерной стратегии Соединённого Королевства, поскольку именно в нём наиболее целостно сформулированы идеи, касающиеся развития ядерного потенциала страны, а также его потенциального использования в качестве силы сдерживания. Поэтому здесь в первую очередь следует искать подтверждения гипотезы с точки зрения формулировок, используемых в официальных стратегических документах Великобритании. Также важными в контексте исследования будут документы декларативного характера, так или иначе относящиеся к интеграции Великобритании в военной сфере.

«National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015» отражает стратегию Великобритании до Брексита, поскольку он был создан ещё до референдума по выходу из ЕС в 2016 году. Можно заметить достаточно упоминаний самого Европейского Союза; здесь он упоминается как важный фактор британской безопасности, однако по большей части в «мирных» сферах: энергетика, экономическая политика, реформы институтов ЕС. В контексте же ядерного сдерживания, упоминается только НАТО, причём очень ограниченно. Так, в разделе, посвящённом ядерному сдерживанию, Североатлантический Альянс упоминается всего дважды, причём в контексте общих заявлений про приверженность защите союзников [8, p. 35]. Сотрудничество же в сфере обеспечения и модернизации средств ядерного сдерживания предполагается лишь с Соединёнными Штатами, что выражено в довольно ограниченных формулировках. Больший акцент делается на собственных программах Великобритании, и, что особенно важно, в них США не упоминаются, и подчёркивается самостоятельность Соединённого Королевства [8, p. 35]. То есть документ 2015 года отражает в целом довольно сдержанную позицию в отношении США и НАТО, и акцент на стратегической автономии прослеживается довольно чётко.

Для сравнения с «умеренностью» документа 2015 года, в «Strategic Defence Review 2025» прямо провозглашается концепция, которая в документе называется «NATO First» (НАТО прежде всего) [10, p. 4], причём делается акцент на ключевой роли организации в обеспечении европейской безопасности, в том числе в рамках развития ядерного потенциала. Однако стоит сделать оговорку — здесь же отмечается, что Великобритания должна занять ведущую роль внутри альянса, и сам альянс не является единственным фактором, определяющим положение страны в мире. Согласно другому пункту [10, p. 20], Великобритания должна «продолжать предоставлять

свои независимые силы ядерного сдерживания НАТО». С одной стороны, силы ядерного сдерживания называются независимыми, с другой стороны — прямо говорится об их де-факто передаче на благо НАТО. Здесь же напрямую говорится о необходимости расширения сотрудничества с США и НАТО для развития ядерного сдерживания как такового. То есть «независимость» ядерного фактора Великобритании здесь как бы сосуществует с необходимостью привлечения военно-политического альянса и США для его модернизации. Дальше [10, p. 34] более подробно раскрывается подход «НАТО прежде всего» — фактически повторение этого тезиса и его всё более целостное описание подтверждает, что Великобритания целиком и полностью в своей оборонительной и ядерной стратегиях полагается на военный альянс. Отдельно внимания заслуживает глава, посвящённая ядерному сдерживанию; тут уже более подробно рассмотрен вопрос взаимозависимости Великобритании, НАТО и США. При этом можно заметить, что в первую очередь прослеживаются тезисы, означающие скорее независимость британской стороны: ставится вопрос о том, как Великобритания может помочь своим союзникам, а не как союзники могут помочь Великобритании [10, p. 98]. Примечательно, что в документе также смешивается акцент на ключевой роли США в обеспечении Великобритании необходимыми темпами модернизации, причём в рамках АУКУС, но в то же время говорится о как раз помощи американцев в обеспечении автономии Великобритании [10, p. 73]. Таким образом, в документе подчёркивается ключевая роль НАТО и АУКУС в оборонительной и ядерной стратегиях Великобритании. Прослеживается всесторонняя опора государства на своих союзников, в том числе в формировании стратегии ядерного сдерживания. Однако сам по себе акцент на интеграционных структурах является двусторонним, так как в документе не раз упоминаются аспекты, которые Великобритания может предоставить своим союзникам, наращивая свою роль в мире.

Следует отметить, что аналогичные противоречия между декларируемой автономией и реальной интеграцией прослеживаются и в рамках ядерного партнёрства внутри АУКУС. Несмотря на то, что Великобритания позиционирует себя как ключевого донора технологий и компетенций, о чём свидетельствует обучение австралийских офицеров на британских подлодках типа «Астьют» и инвестиции в размере £4 млрд. в разработку совместной платформы субмарин класса «АУКУС», её стратегическая автономия оказывается существенно ограничена глубокой интеграцией в технологическую и промышленную структуру, доминирующую роль в которой играют США. Ограничение стратегической автономии в том числе проявляется в ориентации программы на американские подлодки типа «Вирджиния» как на первоначальную основу для Австралии, масштабных инвестициях австралийской

промышленности в интеграцию именно в американские цепочки поставок. Таким образом, участие в АУКУС, формально укрепляя технологический потенциал Великобритании, на деле консервирует её статус высокоразвитого, но зависимого «младшего партнёра» в рамках архитектуры, определяемой стратегическими и технологическими интересами США. Кроме того, несмотря на формально равное партнёрство, Великобритания де-факто вынуждена принимать американские технологические стандарты в качестве основы для совместимости. Ярким примером служит интеграция британской торпеды Sting Ray с американским самолётом P-8A: подобные проекты, повышая интероперабельность, одновременно требуют подстройки британских вооружений под американские платформы, усиливая технологическую асимметрию. Совместные проекты в сфере ИИ и гиперзвуковых технологий создают глубокую взаимозависимость, выход из которой будет сопряжён с огромными издержками. Таким образом, АУКУС выступает механизмом мягкого закрепления Великобритании в орбите оборонно-технологической экосистемы США, где даже значительные инвестиции и активная роль не отменяют фундаментальной зависимости от стратегических решений Вашингтона [5].

Противоречивая автономия: «Тройной замок» и зависимость от США

Ещё в рамках предвыборной кампании 2024 года, Кир Стармер провозгласил лейбористскую концепцию «тройного замка» в отношении ядерной стратегии государства, которая подразумевает строительство четырёх новых АПЛ, поддержание непрерывного ядерного сдерживания на море и поставка всего необходимого оборудования для модернизации средств сдерживания [6]. Однако при ближайшем рассмотрении «тройной замок» оказывается глубоко противоречивой конструкцией, где использование формулировок о суверенитете постоянно опровергается практикой возрастающей зависимости. Хотя официальный Лондон и позиционирует программу модернизации ядерных сил как символ стратегической независимости [13], её практическая реализация демонстрирует обратную тенденцию. Парадокс заключается в том, что чем больше Великобритания инвестирует в модернизацию своего ядерного арсенала, тем сильнее она оказывается привязана к американским технологическим и операционным стандартам.

Структурная зависимость от США, унаследованная ещё со времён Холодной войны, не только сохраняется, но и приобретает новые формы в постбрекситскую эпоху. Ключевой элемент сдерживания — ракеты Trident II D5 — остаётся на полном американском обеспечении, что делает ядерный арсенал Великобритании технологически несамостоятельным по своей сути. Как отмечается в программе, даже собственные боеголовки, разрабатываемые

по программе «Астрея», интегрируются в американские системы доставки и управления [13]. Этот фундаментальный дисбаланс лишь усиливается на фоне таких современных инициатив, как закупка 12 истребителей F-35A для совместной ядерной миссии НАТО [13], [16] и развитие подводного флота через АУКУС [2], [3], которые предполагают всё более глубокую интеграцию в американские оперативные стандарты.

Особенно показательно, что даже в рамках якобы суверенной программы «тройного замка» присутствуют элементы внешней зависимости. Строительство новых подводных лодок класса «Дредноут» осуществляется с использованием американских технологий и комплектующих. Более того, как показывает анализ документов, поддержание постоянного боевого патрулирования (CASD) требует теснейшей координации с американскими системами слежения и связи, что дополнительно ограничивает реальную автономию Великобритании в принятии решений о применении ядерного оружия [10], [13].

В гипотетическом сценарии применения ядерного оружия Великобританией при формально закреплённом за премьер-министром исключительном праве на распоряжение ядерным арсеналом страны [13], существует ряд ограничений, которые фактически ликвидируют независимость в этом вопросе. Потенциально применение ядерного оружия может быть осуществлено только в крайних обстоятельствах самообороны, включая защиту союзников Великобритании по НАТО; при этом допускается возможность первого удара. Цели такого ядерного удара определяются в соответствии с двумя принципами. «Московский критерий», который сформировался в годы Холодной войны относительно независимо, подразумевает акцент на уничтожении Москвы и других крупных городов России. В то же время Великобритания комплексно полагается на США в планировании и выборе целей для атаки, используя американские разведданные [17].

Таким образом, «тройной замок» работает в двух измерениях: в официальных документах он закрепляет суверенитет Великобритании, создавая видимость независимого ядерного сдерживания, а на практическом — окончательно замыкает страну в архитектуре безопасности, определяемой Вашингтоном. В этом контексте британская ядерная автономия выступает в качестве инструмента легитимации её роли высокотехнологичного, но зависимого «младшего партнёра» в западной иерархии, где даже собственный ядерный потенциал становится заложником «особых отношений» с США.

Заключение

В рамках проведённых качественного контент-анализа и сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что ядерная стратегия Великобритании

в эпоху после Брексита развивается в парадоксальном ключе. Несмотря на провозглашение курса на укрепление суверенного сдерживания при помощи масштабной программы модернизации, на деле королевство активно интегрируется в структуру ядерного сдерживания НАТО, где ключевую роль играют США. Решения о закупке F-35A для ядерной миссии Североатлантического альянса, модернизация подводного флота через АУКУС и приоритет НАТО в безопасности страны свидетельствуют о добровольном ограничении своей стратегической автономии в обмен на усиление роли внутри организации.

Таким образом, подтверждается гипотеза исследования. Выход из ЕС не привел к ренессансу независимой «Глобальной Британии» в сфере безопасности. Вместо этого, Великобритания сделала выбор в пользу укрепления связей с Вашингтоном и связей внутри НАТО и АУКУС, взяв на себя роль младшего партнера в рамках Альянса, однако сохранив номинальный курс на ключевую роль в этих структур. Её ядерная стратегия является не столько инструментом суверенной власти, сколько отражением этой новой, более зависимой роли в западном мире.

Список источников и литературы

1. Британский премьер объявил о новых инвестициях в укрепление сил ядерного сдерживания // ТАСС. 25 марта 2024. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20344167 (Дата обращения: 23.11.2025)
2. Великобритания построит 12 АПЛ и вложит в ядерное вооружение £15 млрд // Forbes. 2 июня 2025. URL: https://www.forbes.ru/biznes/538609-velikobritania-postroit-12-apl-i-vlozit-v-adernoe-vooruzenie-15-mlrd (Дата обращения: 23.11.2025)
3. Мишина, С. Г. Ядерная стратегия Великобритании в эпоху перемен / М.: ПИР-Центр, 2024. — 54 с.
4. США потратят более 250 миллионов долларов на военные объекты в Британии // РИА Новости. 23.07.2025. URL: https://ria.ru/20250723/ssha-2030760471.html (Дата обращения: 20.10.2025)
5. AUKUS Defence Ministers' Meeting Communique. 26 September 2024. URL: https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/3918402/aukus-defence-ministers-meeting-communique/ (Дата обращения: 23.11.2025)
6. Keir Starmer to declare Labour as 'party of national security' // The Guardian. 02.06.2024. URL: https://www.theguardian.com/politics/article/2024/jun/02/keir-starmer-to-declare-labour-as-party-of-national-security (Дата обращения: 17.12.2025)
7. Make Britain Great Again! Новая английская стратегия по обороне и внешней политике // РСМД. 27 апреля 2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/make-britain-great-again-novaya-angliyskaya-strategiya-po-oborone-i-vneshney-politike/?sphrase_id=168014535 (Дата обращения: 23.11.2025)
8. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015 A Secure and Prosperous United Kingdom // HM Government. 2015. 98 p.

9. Statement by the United Kingdom and the French Republic on Nuclear Policy and Cooperation. Northwood. 10 July 2025.
10. Strategic Defence Review 2025 – Making Britain Safer: secure at home, strong abroad // HM Government. 2025. 140 p.
11. Strategic Defence Review 2025: The UK's nuclear deterrent // House of Commons Library. 2025. 15 p.
12. The History of the UK's Nuclear Weapons Programme // Gov UK. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7987e840f0b642860d8d88/Cm6994_Factsheet5.pdf (Дата обращения: 23.11.2025)
13. The UK's nuclear deterrent: the National Endeavour explained // Gov UK. 6 October 2025. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-nuclear-deterrence-factsheet/the-uks-nuclear-deterrent-the-national-endeavour-explained#triple-lock (Дата обращения: 23.11.2025)
14. The United Kingdom's Nuclear Inventory // Center for Arms Control and Non-Proliferation. June 2025. URL: https://armscontrolcenter.org/wp-content/uploads/2020/04/UKs-Nuclear-Inventory-Fact-Sheet-June-2025.pdf (Дата обращения: 20.10.2025)
15. Treaty between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Federal Republic of Germany on Friendship and Bilateral Cooperation. Kensington. 17 July 2025.
16. UK to Purchase F-35As and Join NATO Nuclear Mission // Arms Control Association. July/August 2025. URL: https://www.armscontrol.org/act/2025-07/news/uk-purchase-f-35as-and-join-nato-nuclear-mission (Дата обращения: 23.11.2025)
17. United Kingdom nuclear weapons, 2024 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2024. URL: https://thebulletin.org/premium/2024-11/united-kingdom-nuclear-weapons-2024/ (Дата обращения: 17.12.2025)

Лаврентьев Олег Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Аспирантура

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ В НАТО

EVOLUTION OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE NORTHERN EUROPEAN STATES AFTER SWEDISH AND FINNISH NATO ACCESSION

Аннотация. После присоединения Швеции и Финляндии к НАТО, все страны Скандинавии и Финляндии стали полноценными союзниками. Это поспособствовало активному росту военно-технического сотрудничества среди них и, как следствие, формированию своеобразного альянса внутри альянса. Благодаря развитой военно-технической базе Швеции и Финляндии, это сотрудничество может привести к формированию очень сильного блока в рамках НАТО, что нельзя игнорировать. Особенный интерес представляют проекты по объединению ВВС стран Северной Европы, а также космические инициативы. Предлагаемая статья изучает уже достигнутые результаты этого сотрудничества и, опираясь на тенденции свойственные существующим проектам, оценивает его потенциал в будущем. В конце статьи делается вывод, что несмотря на некоторые препятствия, страны Скандинавии и Финляндия будут и дальше продолжать расширять сотрудничество.

Ключевые слова. НАТО, Швеция, Финляндия, военно-промышленный комплекс, региональное сотрудничество.

Abstract. After Sweden and Finland joined NATO, all the countries of Scandinavia and Finland became full-fledged allies. This contributed to the active growth of military-technical cooperation among them and, as a result, the formation of a kind of alliance within the alliance. Thanks to the developed military-technical base of Sweden and Finland, this cooperation can lead to the formation of a very strong bloc within NATO, which cannot be ignored. Of particular interest are projects to unify the Nordic air forces, as well as space initiatives. This article examines the results of this collaboration so far and, building on trends in existing projects, assesses its potential in the future. The article concludes, that despite some obstacles, the Scandinavian countries and Finland will continue to expand cooperation.

Keywords. NATO, Sweden, Finland, military-industrial complex, regional cooperation.

В 2022 году Финляндия и Швеция, аргументируя свое решение угрозой со стороны Российской Федерации, подали заявку на вступление в НАТО. Общее членство стран Северной Европы укрепило альянс на региональном уровне, несмотря на более глобальные дезинтеграционные процессы внутри НАТО. Данное исследование преследует цель показать, как вступление Финляндии и Швеции стимулировало военно-техническое сотрудничество в регионе и каким образом это повлияет на положение НАТО.

Тема разных аспектов сотрудничества между странами Северной Европы всегда представляла интерес для научного сообщества. Военный же аспект этого сотрудничества стал иметь значимость лишь после ухода Швеции и Финляндии от политики нейтралитета. Из наиболее примечательных работ можно выделить недавно опубликованный сборник, посвященный сотрудничеству в регионе [1] и статью в International Affairs, посвященную перспективам обороны в Северной Европе [2]. Среди российских исследователей можно выделить Гриняева С. Н., главного научного сотрудника Центра арктических исследований Института Европы РАН [3, 4].

Актуальность исследования обусловлена тем, что прямо сейчас военно-техническое сотрудничество в Северной Европе в заметной мере влияет на стратегический баланс сил в нем, что может иметь долгоиграющие последствия как для самих стран региона, так и для стран, примыкающих к нему.

Новизна исследования заключается в том, что в большинстве своем вопрос вступления Финляндии и Швеции в НАТО рассматривался через призму безопасности в Арктике или на Балтийском море. Более узкий же вопрос военно-технического сотрудничества если и рассматривался, то лишь отчасти. Нынешние же события показывают то, что именно вопросы технической кооперации встали на первое место среди стран Северной Европы после вступления Швеции и Финляндии.

Попытки наладить военно-техническое сотрудничество в регионе предпринимались и до вступления Швеции и Финляндии в НАТО. Швеция, например, еще с Холодной войны имела тесные связи с северными соседями и США, а Финляндия стала активно развивать отношения с западными партнерами после распада СССР. Изначально военно-техническое сотрудничество между странами Северной Европы носило ситуационный характер. Военно-политическое образование НОРДЕФКО (en. NORDEFCO от Nordic Defense Cooperation) возникло в 2009 году как раз для того, чтобы распределять затраты и принимать совместные, выгодные для всех стран-участниц, решения в области военных закупок и, временами, военной стратегии. Главная проблема НОРДЕФКО заключалась в разной политической позиции государств, входивших в него. Исландия, Дания и Норвегия были членами НАТО еще с основания альянса, а Швеция и Финляндия мало того, что не

входили в альянс, так еще и соблюдали политику нейтралитета, что в значительной мере ограничивало их участие в любых международных проектах военной направленности. За все время существования НОРДЕФКО до 2022 года не было каких-либо крупных проектов, направленных на тесное военно-техническое сотрудничество, хотя проводились совместные учения и обсуждалась координация ВПК стран-участниц [5].

В то же самое время, и Швеция, и Финляндия развивали самостоятельную и технологичную военно-промышленную инфраструктуру, которая, в первую очередь, должна была производить продукцию, адаптированную под оборону домашнего региона. Так, шведская авиация, бронетехника и флот имеют значительные преимущества перед аналогами. Во-первых, они значительно дешевле. Во-вторых, они хорошо адаптированы к операциям в Балтийском и Арктическом регионах, в которых и предстоит действовать войскам стран Северной Европы. В-третьих, продукция ВПК Швеции и Финляндии полностью соответствует стандартам НАТО. Стоит также сказать, что Швеция — одна из немногих стран, развивающая собственную космическую программу. На данный момент заполярный Космодром Esrange представляет собой крупный хаб спутниковой связи. В связи с тем, что в последнее время космос начал играть очень важную роль для военных операций, ВС Швеции планируют начать активно внедрять достижения государственной космической программы в свою деятельность. Толчком к дальнейшему развитию шведской военной промышленности стали недавние успехи ее продукции на мировом рынке вооружений: первое боевое использование шведского самолета SAAB JAS-39 Gripen в конфликте между Таиландом и Камбоджей, что стало триггером для возобновления ряда переговоров по поставкам этого самолета.

Финляндия не обладает настолько развитой и разносторонней военной промышленностью, но, например, ее бронетранспортеры фирмы Patria являются довольно популярной машиной среди стран Северной Европы и других государств. Также Финляндия частично удовлетворяет собственные нужды в артиллерии и стрелковом вооружении. Основной преградой для масштабирования ВПК Швеции и Финляндии являются ресурсы. Будучи вынужденными тратить значительную часть ВВП на социальный сектор, они не могут быстро переоборудовать свою промышленность в связи с быстро меняющейся обстановкой.

После вступления Швеции и Финляндии в НАТО ситуация в значительной мере изменилась и осложнилась. Требования США, нового для Швеции и Финляндии лидера, увеличивать военные бюджеты и одновременный переход Европы к стратегической автономии потребовали поиска новых подходов. К тому же, именно Швеция стала одним из неформальных драй-

веров военно-промышленного развития внутри альянса. Об этом говорит, например, тот факт, что первая промышленно-ориентированная конференция НАТО была проведена именно в Стокгольме [6]. На фоне значительного роста военных бюджетов все еще ограниченные по ресурсам и финансам небольшие страны Северной Европы нашли выход в углублении и масштабировании военно-технического сотрудничества.

Первым крупным проектом в рамках североевропейского сотрудничества можно считать решение о создании общего командования военно-воздушным флотом всех стран региона [7], включающего в себя более 200 самолетов 4.5 и 5 поколения как местного, так и американского производства. Совместное командование создает единый военно-воздушный фронт внутри альянса, но при этом мало зависящий от других его членов, в отличие от программ НАТО, реализуемых, например, в Прибалтике. На первый взгляд этот проект не относится напрямую к промышленности. С другой стороны, в долгосрочной перспективе странам Северной Европы так или иначе придется глубже интегрировать техническое обеспечение своих ВВС для роста их совокупной военной эффективности. Именно это направление может стать одним из наиболее перспективных для шведской компании Saab, которая производит ранее упомянутый Saab Gripen. Существует ряд факторов, которые могут послужить причинами его покупки другими странами региона. Например, нежелание США «содержать» союзников и потребность европейских государств в быстром наращивании военной мощи. Именно дешевизна шведского истребителя и желание унификации североевропейских ВВС может стать здесь решающим фактором. Также, общим для Северной Европы может стать следующий самолет Saab.

Второй инициативой стал подписанный летом 2025 года договор между Швецией, Данией, Норвегией и Финляндией с одной стороны, и норвежской компанией Nammo с другой [8]. Договор подразумевает облегчение сертификации для налаживания общего снабжения стран Северной Европы боеприпасами калибра 155 мм для артиллерии и боеприпасами для стрелкового вооружения. На фоне общей для альянса значительной нехватки самих боеприпасов, а также инвестиций в их производство, подобный совместный проект способен значительно закрыть потребности североевропейской части НАТО.

Третьим шагом к укреплению кооперации стал договор, выходящий за рамки Северной Европы. Летом 2025 года шесть стран, а именно Швеция, Норвегия, Финляндия, Эстония, Литва и Нидерланды, подписали соглашение о намерении совместных закупок шведской боевой машины пехоты CV90 [9]. Значительное внимание планируют уделить налаживанию логистики и производству достаточного количества запасных частей.

Четвертым важным событием стало подписание Швецией и Финляндией намерения по укреплению североевропейских космических возможностей [10]. Это намерение распространяется, в первую очередь, на военную разведку и коммуникацию [11], то есть на сферы, в которых Швеция особенно сильна.

Как мы видим, страны Северной Европы после адаптации Швеции и Финляндии в НАТО, стали в очень скором темпе развивать свое положение в регионе путем укрепления связей с новыми союзниками. Мы видим, что объектом этой кооперации является дальнейшее усиление сильных сторон ВПК Швеции и Финляндии, например космической и воздушной отраслей, а также компенсация слабых мест, например недостатка снарядов или инфраструктуры. Наиболее вероятным же видится дальнейшее развитие общих североевропейских ВВС. Будет ли это осуществлено в рамках НОРДЕФКО или нет, неизвестно. Можно лишь сказать, что с большой вероятностью формат НОРДЕФКО будет продолжать свое развитие в рамках НАТО на благо стран Скандинавии и Финляндии [12, p. 103]. Говорить же о характере этого развития пока рано.

Военно-техническое сотрудничество между Исландией, Норвегией, Швецией, Финляндией и Данией, которое избавилось от преград после вступления Швеции и Финляндии в НАТО, безусловно, усилит как альянс в целом, так и сами страны региона по отдельности. При этом существует и ряд проблем, связанных с этим сотрудничеством. Во-первых, непонятно, насколько эти страны готовы делиться накопленным потенциалом для достижений целей альянса за пределами своей территории. Так, перспективы подписанного осенью 2025 года соглашения о намерении предоставить Украине более 100 шведских самолетов очень туманны. По составу участников и характеру закупаемой техники, которая специализирована для операций в холодных условиях, можно понять, что первым приоритетом для стран Северной Европы является самооборона, а уже потом выполнение других обязательств перед союзниками. Также, после вступления Швеции и Финляндии Норвегия и Дания перестали быть лидерами северного фланга НАТО. Роль граничащей с РФ страны перешла к Финляндии, а лидера на Балтике к Швеции, что безусловно может привести к конфликту интересов среди союзников [13, p. 216]. Этот конфликт может обострить и стремление норвежцев к развитию собственного космопорта, а также желание всех стран региона выступать лидером в Арктике. Хотя, Гриняев С. Н. говорит о том, что, наоборот, страны Северной Европы сформируют мощный региональный блок в рамках НАТО, который будет поддерживать весь остальной альянс в операциях в Арктике в логистическом и оборонном ключе [3, С. 134]. В любом же случае, на данный момент страны Скандинавии

и Финляндия, союзники по НАТО, уже приняли ряд стратегически важных и выгодных решений и безусловно будут продолжать укреплять региональное военно-техническое сотрудничество, что будет и дальше представлять выгоды как для самих стран Северной Европы, так и в целом для НАТО.

Список источников и литературы

1. Handbook of Nordic cooperation / eds. N. Græger [et al.]. First edition. Cheltenham, UK Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2025. 402 pp.
2. *Friis K.* The defence of northern Europe: new opportunities, significant challenges / K. Friis, R. Tamnes // International Affairs. 2024. Vol. 100. № 2. p. 813-824.
3. *Гриняев С. Н.* Военно-политическая трансформация стран Северной Европы: Арктический регион // Современная Европа. 2025. №5. С. 131-141.
4. *Гриняев С. Н.* Трансформация североевропейской безопасности: роль NORDEFCO в условиях геополитической напряженности // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. Выпуск II. С. 61-68.
5. NORDEFCO Annual Report 2021 // Nordic Defence Cooperation. URL: https://www.nordefco.org/files/NORDEFCO_Report_2021_SCREEN.pdf (accessed: 09.12.2025).
6. NATO-Industry Forum // NATO. URL: https://www.act.nato.int/activities/nato-industry-forum/ (accessed: 09.12.2025).
7. *O'Dwyer G.* Nordic nations move to link air forces into 250-strong aircraft fleet // Defense News. URL: https://www.defensenews.com/global/europe/2023/03/24/nordic-countries-move-toward-linking-their-air-forces-250-planes/ (accessed: 09.12.2025).
8. *Bisht I. S.* Nordic Countries to Harmonize Ammo Certification for Joint Procurement // The Defense Post. 2025. URL: https://thedefensepost.com/2025/03/13/nordic-ammo-certification-procurement/ (accessed: 09.12.2025).
9. *Singsit J.* Six European nations unite for joint procurement of CV90 vehicles // Army Technology. 2025. URL: https://www.army-technology.com/news/cv90-vehicles-europe-nations/ (accessed: 09.12.2025).
10. ICEYE and SSC sign Letter of Intent to strengthen Nordic and NATO space-based capabilities // ICEYE. URL: https://www.iceye.com/newsroom/press-releases/iceye-and-ssc-sign-letter-of-intent-to-strengthen-nordic-and-nato-space-based-capabilities (accessed: 09.12.2025).
11. Finland Seeks Allied Cooperation on Space-Based Surveillance in the High North // High North News. URL: https://www.highnorthnews.com/en/finland-seeks-allied-cooperation-space-based-surveillance-high-north (accessed: 09.12.2025).
12. *Saxi H. L.* Nordic defence cooperation // Handbook of Nordic cooperation / eds. N. Græger [et al.]. First edition. Cheltenham, UK Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2025. p. 293-306.
13. *Græger N.* The Nordic region and NATO: security relations in change // Handbook of Nordic cooperation / eds. N. Græger [et al.]. First edition. Cheltenham, UK Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2025. p. 307-321.

Литовченко Иван Александрович

Иркутский государственный университет
Исторический факультет
Бакалавриат

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В СТРАТЕГИИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ АССИМЕТРИЧНОГО ВЛИЯНИЯ В ТАИЛАНДЕ И МАЛАЙЗИИ

SOUTHEAST ASIA IN RUSSIA'S STRATEGY OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION: TRENDS OF ASYMMETRIC INFLUENCE IN THAILAND AND MALAYSIA

Аннотация. Статья анализирует стратегию и результаты военно-технического сотрудничества России с Таиландом и Малайзией с конца 1990-х по 2024 гг. На основе комплексного анализа источников выделены три ключевых этапа: создание правовой базы, адаптация и маркетинговая активность, и переход к доминированию в портфеле заказов. Доказано, что сотрудничество носило асимметричный характер: успех был достигнут в высокотехнологичных сегментах через модели глубокой технологической интеграции и использования политических «окон возможностей», тогда как рынок массового стрелкового оружия остался практически не освоенным. Выявлены структурные причины асимметрии, включая геополитическое давление, местное производство и отсутствие масштабных программ перевооружения.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, Юго-Восточная Азия, Россия, Таиланд, Малайзия, оружейный экспорт, асимметричное влияние.

Abstract. The article analyzes the strategy and results of Russia's military-technical cooperation with Thailand and Malaysia from the late 1990s to 2024. Based on a comprehensive analysis of sources, three key stages are identified: the creation of a legal framework, adaptation and marketing activity, and the transition to dominance in the order portfolio. It is proven that the cooperation was asymmetric in nature: success was achieved in high-tech segmentsthrough models of deep technological integration and the use of political «windows of opportunity», while the market for small arms remained largely untapped. The structural causes of this asymmetry are identified, including geopolitical pressure, local production, and the absence of large-scale rearmament programs.

Keywords: military-technical cooperation, Southeast Asia, Russia, Thailand, Malaysia, arms exports, asymmetric influence.

Выбор Таиланда и Малайзии в качестве объектов для сравнительного анализа не случаен и позволяет наиболее точно выявить различные модели и результаты российской стратегии в регионе. Во-первых, обе страны в рассматриваемый период демонстрировали активный спрос на модернизацию вооруженных сил и проводили политику диверсификации источников вооружений, снижая зависимость от традиционных западных партнеров. Во-вторых, страны представляют два разных типа рынков с точки зрения сложившихся отношений с Россией. Малайзия стала площадкой для наиболее масштабных и комплексных проектов российского ВПК в Юго-Восточной Азии. В отличие от этого, сотрудничество с Таиландом, активизировавшееся преимущественно после политического охлаждения с Западом в 2014 г., развивалось по модели использования «окон возможностей» и было более фрагментарным, ограничиваясь поставками вертолетов, ПЗРК и самолетов специального назначения [2, с. 55]. Таким образом, сравнивая эти два кейса — «глубокой интеграции» и «тактической диверсификации», — можно оценить полный спектр возможностей и ограничений российского оружейного лобби в регионе.

Анализ российского военно-технического сотрудничества с Таиландом и Малайзией в период с конца 90-х гг. XX в. по 2024 г. позволяет выявить не только конкретные результаты, но и глубокие структурные закономерности, определяющие успехи и неудачи российской стратегии в регионе. Исследование, основанное на репрезентативной базе источников и специальной литературы, показывает, что деятельность российского оружейного бизнеса на таиландском и малайзийском направлениях прошла несколько этапов, характеризующихся разной тактикой и достижениями.

Начальный этап (конец 1990-х-2000-е гг.) был ознаменован созданием правовой и институциональной базы. Так, с Малайзией в 1999 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании, а с Таиландом в 2003 г. — соглашение о ВТС [6, с. 256]. Период характеризовался активным маркетингом: только в 2005 г. «Рособоронэкспорт» участвовал в 22 международных выставках, включая ключевые региональные площадки — DSA в Малайзии и DS в Таиланде [6, с. 253]. Финансовые результаты были впечатляющими: в 2003–2005 гг. общий объем контрактов и поставок в ЮВА превысил 2,5 млрд. долл. США, причем на Малайзию приходилось 1,118 млрд. долл. США, что делало ее третьим по величине партнером России после Китая и Индии [6, с. 257].Однако путь к созданию устойчивой экосистемы в Малайзии не был гладким. Как отмечают эксперты, после волны закупок в 1990-х–начале 2000-х гг. сотрудничество пережило период затишья, связанный, в том числе, с «проколами» российских поставщиков в выполнении контрактных обязательств и организации сервисного обслуживания [7]. Преодоление

этой репутационной проблемы и выстраивание безотказной работы сервисных предприятий стали важными задачами, решение которых в итоге позволило доказать надежность российского партнерства даже в условиях санкций [8]. Начальный этап характеризовался не только созданием институциональной базы, но и активными попытками заключения мега-сделок. Ярким примером служили переговоры с Таиландом о поставке до 24 истребителей Су-27 и Су-30, первая поставка которых оценивалась в 250 млн. долл. США [6, с. 265].

Второй этап (2010-е гг.) можно охарактеризовать как консолидацию и адаптацию. Российские экспортеры, в частности концерн «Калашников», перешли к целенаправленному продвижению конкретных видов вооружений, учитывающих специфику регионального рынка. На выставке DSA-2010 в Малайзии «Рособоронэкспорт» впервые публично представил «усовершенствованные автоматы Калашникова «сотой» серии калибра 5,56 и 7,62 мм.» [5]. Это демонстрировало стратегическую гибкость: предложение продукции под патрон 5.56 мм. НАТО было прямым ответом на технико-доктринальные требования рынка. Аналогичная активность наблюдалась и в Таиланде, где «Ижмаш» участвовал в выставке DS уже в третий раз к 2012 г., заявляя об установлении «партнерских отношений с силами правопорядка Таиланда» [7]. К 2015 г. концерн «Калашников» проводил в Таиланде уже самостоятельную, а не в рамках общей делегации, масштабную выставку с акцентом на калибр 5.56 мм. и эргономику под стандарты НАТО [1]. Однако, как констатирует А. Хетагуров, в 2017 г. реальные поставки для обеих стран ограничивались авиационной техникой и ПЗРК, а стрелковое оружие в перечне реализованных контрактов отсутствовало [7].

Третий, современный этап (2020–2025 гг.), отмечен качественным скачком. По заявлению директора ФСВТС Д. Шугаева, в 2024 г. доля стран ЮВА в портфеле оружейных заказов России достигла порядка 50% [3]. Это указывает на переход от борьбы за долю рынка к доминированию, достигнутому, вероятно, за счет переформатирования кооперационных цепочек и использования новых возможностей в изменившейся геополитической обстановке. Ключевым неценовым преимуществом, активно использовавшимся российским оружейным лобби, стали гибкие финансовые схемы, особенно актуальные для стран с ограниченным оборонным бюджетом. Это подтверждается как данными о бартерных сделках, например, частичная оплата истребителей Су-35 для Индонезии поставками сырья, так и практикой предоставления отсрочек платежей и специальных условий для поддержания сотрудничества, как в случае с обслуживанием малайзийских Су-30МКМ [4; 8]. Эти меры становились эффективным ответом на политическое давление конкурентов.

Несмотря на общую стратегию, модели сотрудничества с двумя странами имели существенные различия, обусловленные политическими и экономическими факторами.

В Малайзии Россия реализовала модель глубокой технологической интеграции. Ключевым успехом стало создание в 1994 г. совместного предприятия Aerospace Technology Systems Corporation (ATSC) для обслуживания и ремонта авиатехники [2, с. 77]. Эта структура доказала свою устойчивость даже в условиях западных санкций 2022 г. По словам ATSC, санкции «практически не повлияют на продолжение получения запасных частей…», чему способствуют созданные альтернативные логистические цепочки (через Индию и Китай), стратегические запасы и гибкие финансовые схемы с отсрочкой платежей от российских производителей [8]. Локализация сервиса, например, программа продления срока службы истребителей Су-30 МКМ силами ATSC до 2035 г., которая обойдется Малайзии на 30% дешевле, чем выполнение работ в России, создает мощный стимул для долгосрочного сотрудничества [8]. Таким образом, в Малайзии российское оружейное лобби создало не просто рынок сбыта, а неразрывную технологическую экосистему.

В Таиланде преобладала модель «окон возможностей» и тактической диверсификации. Активность резко возросла после военного переворота 2014 г., который привел к охлаждению отношений Таиланда с США и ЕС и подтолкнул Бангкок к диверсификации партнеров [2, с. 55]. Российское лобби эффективно использовало этот политический момент. Интерес на высшем уровне был подтвержден заявлением премьер-министра Праюта Чан-Очи о заинтересованности в покупке российского оружия, прежде всего в авиационном сегменте [9]. В 2016 г., после визита вице-премьера Правита Вонгсувона в Москву, армия Таиланда создала комитет для рассмотрения закупки танков у России, прозвучало предложение о создании совместного завода по производству вооружений [10]. Однако сотрудничество оставалось ограниченным: были поставлены вертолеты Ми-17В-5, ПЗРК «Игла-С» и самолеты SSJ-100, но от закупки танков Т-90С Таиланд отказался в пользу китайских VT-4 [1, с. 59]. Эта модель была более уязвима к изменению политической конъюнктуры и жесткой конкуренции со стороны других поставщиков.

Наиболее показательным с точки зрения анализа эффективности лоббирования является сегмент стрелкового оружия. Проведенное исследование свидетельствует о том, что несмотря на активные, адаптивные и профессиональные маркетинговые кампании, крупных контрактов на поставку автоматов Калашникова для армий Таиланда и Малайзии заключено не было.

Причины стратегического провала в этом сегменте носят структурный характер. Во-первых, оба государства обладают собственными мощностями

по производству стрелкового оружия и боеприпасов [2, с. 76]. Во-вторых, как отмечала А. А. Симония, еще в 2006 г., США оказывали «активное сопротивление» заключению российско-таиландских контрактов [6, с. 265]. Угроза вторичных санкций делала закупки стрелкового оружия, не являющегося критически важной системой, чрезмерно политически рисковыми. В-третьих, в исследуемый период не проводилось тендеров на массовую замену штурмовых винтовок, что ограничивало рынок нишевыми закупками для спецподразделений, где российские образцы, судя по заявлениям, имели определенный успех [7]. Парадокс (наличие предложения, адаптации и маркетинга при отсутствии крупных сделок) ярко иллюстрирует пределы влияния лобби, сталкивающегося с укорененными рыночными и политическими структурами.

Важно отметить, что стратегический провал в завоевании рынка армейских штурмовых винтовок не означал полного отсутствия российского стрелкового оружия в регионе. По заявлению А. А. Симонии, в середине 2000-х гг. Россия нарастила экспорт оружия для спецподразделений, и к 2005 г. он достигал 60–70 млн. долл. США, охватывая практически все страны ЮВА [6, с. 260]. Имелись и примеры интереса к уникальным образцам на высшем уровне, как это было с продукцией ЦНИИТОЧМАШа в Брунее [6, с. 259]. Это указывает на то, что российское лобби находило обходные пути, осваивая нишевые, но маржинальные сегменты, даже не сумев выиграть массовые тендеры.

Важным структурным фактором, ограничивающим возможности России, выступала высокая активность иных поставщиков, прежде всего европейских стран и США. Как отмечают аналитики, рынок вооружений Таиланда и Малайзии традиционно был ориентирован на западные стандарты и технологии. Например, в период 2005–2017 гг. ключевыми поставщиками вооружений для Малайзии были Франция, Испания и Великобритания, а Россия, несмотря на крупные контракты, занимала позицию одного из нескольких значимых игроков [2, с. 77].

Проведенный анализ позволяет сформулировать вывод, о том, что успех российского оружейного лобби в Тайланде и Малайзии носит асимметричный и сегментированный характер. Он был достигнут не за счет равномерного продвижения всего спектра продукции, а благодаря фокусировке на высокотехнологичных, дорогостоящих системах (авиация, ПВО), где Россия могла предложить конкурентные условия и уникальные технологии, и где решения принимаются на высшем политическом уровне. В то же время, рынки массовых вооружений (стрелковое оружие), сильно зависящие от устоявшихся стандартов, логистических цепочек и политической конъюнктуры, оказались значительно более резистентными.

С одной стороны, заявление о 50% доле заказов свидетельствует о востребованности российского ВПК в регионе. С другой стороны, структурные ограничения для стрелкового оружия никуда не исчезли. Прорыв может быть связан не с классическими продажами, а с новыми форматами: расширением программ военной помощи, созданием сборочных производств в странах региона или включением стрелкового оружия в пакетные предложения при продаже крупных систем. Однако в основе будущих успехов будет лежать не столько маркетинговая активность, сколько способность России предлагать комплексные технологические и политические решения, отвечающие глубоким интересам национальной безопасности стран Юго-Восточной Азии.

Список источников и литературы

1. «Калашников» представил в Таиланде автомат калибром 5,56 мм // Военное обозрение. 02.11.2015. URL: https://topwar.ru/85531-kalashnikov-predstavil-v-tailande-avtomat-kalibrom-556-mm.html (дата обращения: 26.10.2025).
2. Военно-техническое сотрудничество стран Юго-Восточной Азии / отв. ред. Евтодьева М. Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. 147 с. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2021/Technical%20Cooperation-2021.pdf (дата обращения: 26.10.2025).
3. Директор ФСВТС Дмитрий Шугаев: доля стран ЮВА в портфеле оружейных заказов РФ составляет почти 50% // Центр анализа мировой торговли оружием. 18.11.2024. URL: https://armstrade.org/includes/periodics/news/2024/1118/091583488/detail.shtml(дата обращения: 26.10.2025).
4. Нихонкэйдзай (Япония): Россия расширяет экспорт вооружений в Юго-Восточную Азию. Это настораживающая тенденция // Рамблер. 29.07.2020. URL: https://news.rambler.ru/other/44578938-nihon-keydzay-yaponiya-rossiya-rasshiryaet-eksport-vooruzheniy-v-yugo-vostochnuyu-aziyu-eto-nastorazhivayuschaya-tendentsiya/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 26.10.2025).
5. Рособоронэкспорт представил в Малайзии средства ПВО и боевую авиацию // Союз машиностроителей России. 20.04.2010. URL: https://soyuzmash.ru/news/companies-news/rosoboroneksport-predstavil-v-malayzii-sredstva-pvo-i-boevuyu-aviatsiyu/ (дата обращения: 26.10.2025).
6. *Симония А. А.* Перспективы развития военно-технического сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2006. № 9. С. 255–272. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-voenno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-rossii-so-stranami-yugo-vostochnoy-azii (дата обращения: 26.10.2025).
7. *Хетагуров А.* Военно-техническое сотрудничество России: государства Юго-Восточной Азии и АТР // Российский совет по международным делам. 21.09.2017 URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-yugo-vostochnoy-azii-i-atr/ (дата обращения: 26.10.2025).

8. *David A.* No issues with Russian equipment, armaments // New Straits Times.11.03.2022. URL: https://www.nst.com.my/news/nation/2022/03/778992/no-issues-russian-equipment-armaments/ (дата обращения: 25.10.2024).
9. Thailand is interested in buying Russian weapons // Top war. 06.04.2015. URL: https://en.topwar.ru/72449-tailand-zainteresovan-v-pokupke-rossiyskogo-oruzhiya.html (дата обращения: 26.10.2025).
10. *Nanuam W.* Arms deals with Russia tipped // Bangkok Post. 29.02.2016. URL: https://www.bangkokpost.com/thailand/general/879552/arms-deals-with-russia-tipped (дата обращения: 25.10.2024).

Сечин Иван Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Магистратура

ИРАНСКАЯ МОДЕЛЬ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ АКТОРАМИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

THE IRANIAN MODEL OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION WITH NON-STATE ACTORS IN THE MIDDLE EAST

Аннотация. В статье рассматривается специфика иранской модели военно-технического сотрудничества с негосударственными вооруженными акторами как формы функциональной интеграции в условиях фрагментированного ближневосточного регионального порядка. На основе анализа ослабления «Хезболлы» осенью 2024 года и Двенадцатидневной войны 2025 года выявляются механизмы, посредством которых Иран формирует сетецентричную архитектуру взаимодействия, включающую передачу технологий, распределение компетенций и координацию операционных практик. Показано, что данная модель представляет собой не традиционное патрон-клиентское взаимодействие, а многоуровневую систему интеграции, обеспечивающую устойчивость негосударственных акторов и функциональную взаимозависимость внутри сети. Сделанные выводы позволяют оценить потенциал этой формы сетецентричной интеграции в условиях внешнего давления и ее влияние на региональную безопасность зимой 2025 года.

Ключевые слова: интеграция; военно-техническое сотрудничество; сетецентричные организации; негосударственные вооруженные акторы; Иран; «Хезболла»; региональная безопасность.

Abstract. This article examines Iran's model of military-technical cooperation with non-state armed actors as a form of functional integration within a fragmented Middle Eastern regional order. Analyzing Hezbollah's weakening in autumn 2024 and the Twelve-Day War of 2025, the study identifies the mechanisms through which Iran constructs a network-centric architecture of interaction that encompasses technology transfer, the distribution of operational competencies, and multilayered coordination practices. The analysis demonstrates that this model is not merely a patron–client relationship but a complex system of integration that ensures the resilience of non-state actors and generates functional interdependence across the network. The findings provide an assessment of the potential of this network-centric mode of integration under external pressure and its implications for regional security in winter 2025.

Keywords: integration; military-technical cooperation; network-centric organizations; non-state armed actors; Iran; Hezbollah; regional security.

Введение.

Развитие региональной безопасности на Ближнем Востоке зимой 2025 года определяется совокупностью факторов, среди которых ключевыми стали рост роли негосударственных вооруженных акторов на фоне слабости центральной власти [1] в ряде государств региона и широкое применение высокоточного вооружения как метода силового давления. Эти процессы обострились на фоне двух последовательных кризисов: ослабления «Хезболлы» и разрушения части ее стратегической инфраструктуры осенью 2024 года, а также Двенадцатидневной войны 2025 года, в ходе которой ударам подверглась как территория Ирана, так и сама Ось Сопротивления как единая сетевая структура. В результате привычные для Тегерана механизмы регионального сдерживания оказались скомпрометированы, а сама сеть вступила в фазу кризиса [2].

Цель исследования заключается в анализе иранской модели военно-технического сотрудничества как формы военно-политической интеграции между Ираном и ближневосточными негосударственными акторами в условиях кризисов 2024–2025 годов и в выявлении факторов, определяющих пределы ее адаптации. Для достижения цели в работе поставлены следующие задачи:

1. Определить теоретические основания, позволяющие рассматривать сеть как инструмент косвенного сдерживания в условиях анархичной региональной среды;
2. Проанализировать архитектуру сети и особенности ее функционирования;
3. Исследовать эволюцию вооружений членов Оси Сопротивления как способ асимметричного давления на недружественные Ирану государства;
4. Проанализировать события 2024–2025 годов как стресс-тест, показавший пределы устойчивости отдельных узлов сети;
5. Выявить тенденции трансформации модели с учетом актуальной политической ситуации.

Неореализм как методологическая основа исследования

Методологической основой исследования выступает неореалистический подход, позволяющий рассматривать военно-техническое сотрудничество как ответ Ирана на структурные ограничения, выражающиеся в асимметрии ресурсов, частичной военно-политической и дипломатической изоля-

ции и необходимости компенсировать отсутствие полноценных союзников среди ближневосточных государств.

Выбор неореалистического подхода в качестве методологической основы обусловлен тем, что именно он позволяет интерпретировать рассматриваемое явление не как совокупность политических или идеологических связей, а как рациональный механизм адаптации к международной среде, характеризующейся анархией, асимметрией ресурсов и ведущей ролью неформальной иерархии среди акторов международных отношений. Неореализм рассматривает международную систему как основанную на структурных факторах, задающих диапазон возможных стратегий для государства. Исходя из этого, поведение Ирана можно анализировать как детерминированное именно структурными ограничениями, а не индивидуальным выбором политического руководства.

Неореализм исходит из того, что международная среда анархична, то есть лишена центрального механизма, способного гарантировать безопасность государств. В такой среде каждое государство вынуждено обеспечивать свою безопасность самостоятельно, используя доступные инструменты и компенсируя собственные слабости. К зиме 2025 года Иран продолжает находиться под значительным санкционным давлением, сталкивается с ограничениями на доступ к современным вооружениям, не располагает достаточным числом надежных союзников из числа государственных акторов и действует в окружении государств, обладающих превосходящими военными возможностями. Эти условия создают для него необходимость поиска асимметричных форм сдерживания, которые позволяли бы повысить цену потенциальной атаки со стороны противника при минимизации собственных издержек.

Архитектура иранской “Оси Сопротивления”

Иранская модель военно-технического сотрудничества сформировала в регионе Ближнего Востока устойчивую военно-политическую структуру, известную как Ось Сопротивления. Эта структура не является классическим альянсом, а функционирует как сеть взаимосвязанных, но в то же время автономных акторов. Ее ядро составляют ливанская «Хезболла», йеменское движение «Ансар Аллах» (хуситы) и шиитские ополчения Ирака («Хашд аш-Шааби»), которые координируют свою деятельность с иранским руководством, однако сохраняют значительную степень самостоятельности и могут рассматриваться скорее в качестве младших партнеров, нежели прокси в классическом понимании этого термина. До декабря 2024 года важную роль в поддержании этой сети играла Сирия, однако падение Башара Асада [3] привело к выходу сирийского правительства из данной структуры

и ослаблению возможностей Ирана по поддержке Хезболлы и иных шиитских формирований Леванта.

Архитектура Оси Сопротивления строится на трех принципах.

Во-первых, распределение ролей и специализация. Каждый участник выполняет уникальную функцию в общей системе, что снижает дублирование и повышает общую эффективность. «Хезболла» выступает в роли наиболее активно вовлеченной в вооруженное противостояние с Израилем структуры и с 2024 года существует в состоянии прямой вооруженной конфронтации с ЦАХАЛ. Движение «Ансар Аллах» в Йемене, будучи наиболее влиятельным иранским прокси и обладая значительным людским и военным потенциалом [4], специализируется на атаках на аффилированные с Израилем суда и активном применении баллистического оружия, выступая как стратегический «испытательный полигон» для новых тактик и технологий. С точки зрения стратегии хуситы представляют из себя рычаг давления на монархии Персидского залива, позиции которого особенно укрепились после вывода из Йемена саудовских войск и провала попыток ОАЭ стабилизировать власть Южного переходного совета на юго-западе Йемена. Иракские ополчения, объединенные под эгидой «Хашд аш-Шааби» (Силы народной мобилизации) обеспечивают критически важную логистику — сухопутный коридор для трансфера вооружений и специалистов из Ирана в Сирию и Ливан, а также проводят собственные операции против американского присутствия в Ираке.

Во-вторых, налаженный трансфер военных технологий и производственных мощностей, благодаря которому хуситы смогли наладить сборку ударных БПЛА, а «Хезболла» — развернуть локальное производство ЗРК и ПТРК, что повышает общую устойчивость Оси Сопротивления перед лицом давления извне.

В-третьих, децентрализованное принятие решений. Хотя стратегическое направление задается в Тегеране, тактические решения принимаются на местах руководством отдельных групп, что упрощает планирование операций и позволяет быстрее адаптироваться к меняющейся обстановке.

Военно-техническое сотрудничество: от стрелкового оружия к баллистическим ракетам

Эволюция военно-технического сотрудничества Ирана с негосударственными вооруженными формированиями демонстрирует последовательную и стратегически выверенную трансформацию, суть которой заключается в переходе от простого обеспечения легким стрелковым вооружением к созданию у сил прокси полноценного высокотехнологичного ударного потенциала, пригодного для стратегического сдерживания недружественных Ирану акторов.

Следует отметить, что руководство Ирана, располагая разнообразной номенклатурой вооружений [5], далеко не сразу приняло решение о передаче ключевых военных технологий и систем вооружений: этот процесс был поступательным и напрямую связывался с процессом формирования Оси Сопротивления как неформального военно-политического блока.

Изначальная фаза, характерная для конца XX — начала XXI века, ограничивалась поставками стрелкового вооружения, противотанковых ракетных комплексов, переносных зенитно-ракетных комплексов и минно-взрывных средств, что ограничивало возможности первых иранских прокси (в первую очередь «Хезболлы») в сравнении с потенциалом регулярных армий региона.

К середине 2020-х годов эта модель приобрела качественно иной характер, связанных с передачей комплексов, позволяющих вести оперативно-стратегические операции вне зоны непосредственного соприкосновения.

Первым системным шагом в этом направлении стало внедрение реактивных систем залпового огня (РСЗО) повышенной дальности, в частности, типа Fajr-5. Качественный прорыв был также связан с передачей Ираном тактических баллистических ракет, главным образом семейства Fateh-110 и его эволюционных модификаций Zolfaghar и Fateh-313 [6]. Применение ракетных систем йеменским движением «Ансар Аллах» (хуситами) по объектам в Саудовской Аравии [7] продемонстрировало способность негосударственных акторов преодолевать современные системы ПРО.

Параллельно с этим происходило стремительное развитие и распространение ударных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) [6], ставших универсальным и экономичным множителем силы. От сравнительно примитивных дронов-разведчиков акторы перешли к массовому применению барражирующих боеприпасов по типу Shahed-136.

Подобные системы превратили негосударственные формирования в акторов, способных угрожать важнейшим экономическим объектам соседних государств региона. Так, именно удары хуситов по нефтяным месторождениям Саудовской Аравии стали одним из факторов вывода из Йемена войск королевства.

Эскалация 2024–2025 гг.: стратегическое ослабление Хезболлы и двенадцатидневная ирано-израильская конфронтация

Эскалация 2024–2025 годов напрямую проистекает из событий, развернувшихся после нападения ХАМАС на Израиль в октябре 2023 года и перехода боевых действий в Газе в стадию прямой вооруженной конфронтации. Расширение конфликта привело к вовлечению целого ряда негосударственных вооруженных акторов, связанных с Ираном, которые рассматривали развитие событий в Газе как повод для давления на Израиль по другим

направлениям. Одним из наиболее активных из них стала «Хезболла», которая в течение 2023–2024 годов постепенно увеличивала интенсивность огневой активности на северной границе Израиля [8], стремясь ограничить свободу оперативного маневра ЦАХАЛ.

Во второй половине 2024 года противостояние Израиля и «Хезболлы» вступило в новую фазу. Израиль стал применять стратегию систематического подавления организационной и технологической базы «Хезболлы», нанося удары по инфраструктурным объектам, связанным с командованием, связью и обеспечением ракетных подразделений. Кульминацией этой кампании стала серия высокоточных ударов в конце сентября 2024 года, приведшая к гибели генерального секретаря организации Хасана Насраллы и части ее руководства [9]. «Хезболла» сохранила определенный военный потенциал, но была заметно ослаблена и утратила способность играть прежнюю активную роль в Оси Сопротивления.

Следующим этапом региональной эскалации стало прямое вооруженное столкновение между Израилем и Ираном летом 2025 года, получившее в аналитической литературе название Двенадцатидневной войны. В отличие от событий 2024 года, сосредоточенных преимущественно на противостоянии Израиля и «Хезболлы», данный конфликт носил межгосударственный характер. В ходе конфронтации Израиль нанес серию ударов по объектам на территории Ирана, нанеся значительный урон военному потенциалу исламской республики [10].

США сыграли ключевую роль в поддержке действий Израиля, обеспечив противоракетную оборону и предоставив разведывательную информацию. На южном направлении активизировалось йеменское движение «Ансар Аллах», осуществившее в 2025 году ряд ракетных и беспилотных атак по территории Израиля. Деятельность хуситов придала конфликту дополнительное региональное измерение, хотя ее масштаб оставался ограниченным из-за значительных расстояний между Йеменом и Израилем.

Обострение противостояния между Израилем и «Хезболлой» в 2024 году и межгосударственный конфликт между Израилем и Ираном в 2025 году сформировали комплексный региональный кризис, своего рода «идеальный шторм» для всей Оси Сопротивления. Этот кризис оказал различное воздействие на элементы проиранской сети: «Хезболла» понесла основные потери в результате ударов 2024 года, тогда как события 2025 года связаны в первую очередь с ослаблением военного потенциала Ирана и снижением уровня координации между Тегераном и его прокси. В совокупности эти процессы радикально изменили условия функционирования региональной архитектуры военно-технического сотрудничества, сформировав новую конфигурацию возможностей и ограничений.

Ось Сопротивления по состоянию на зиму 2025 года: структурный кризис и возможные сценарии

В зиму 2025 года Ось Сопротивления вступает в фазе глубокого кризиса. Ослабление «Хезболлы» [11] после ударов 2024 года, обсуждение планов ее разоружения в ливанском политикуме и слабая координация иранских прокси во время двенадцатидневного противостояния Тегерана с Израилем, в ходе которого сколько-нибудь существенную поддержку Ирану оказали йеменские хуситы, но не другие лояльные Ирану акторы, подрывают прежнюю модель военно-политической интеграции, лежавшую в основе сети. На этом фоне встает вопрос о способности Ирана восстановить свое влияние [12]: его ресурсы ограничены, региональная логистика нарушена (особенно после утраты влияния на Сирию после событий декабря 2024 года), а внешнее давление возрастает, что ставит под сомнение прежний уровень интеграции между акторами и наличие у Тегерана реальных возможностей и политической воли для побуждения своих союзников к действию.

В этих условиях возможны три сценария. Первый — дезинтеграция, при которой сеть распадается на отдельные сегменты и утрачивает значительную часть функциональности. Второй — статус-кво, когда сеть сохраняется, но в ослабленном и менее централизованном виде. Третий — частичное восстановление, предполагающее, что Иран сумеет перестроить взаимодействие на основе более гибкого механизма, обеспечив сохранение приемлемого уровня координации. Каждый из сценариев зависит от степени благоприятности внутренней ситуации в Иране и политической динамики в странах, где действуют акторы сети.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что на протяжении последних десятилетий Иран последовательно выстраивал сеть военно-технического сотрудничества с негосударственными акторами, используя ее в качестве инструмента асимметричного сдерживания и расширения регионального влияния.

В период 2024–2025 годов совокупное воздействие ряда факторов — включая свержение Башара Асада в Сирии, оперативное ослабление «Хезболлы» в Ливане и временный переход конфликта с Израилем в фазу прямого межгосударственного противостояния — привело к нарушению целостности системы взаимодействия между Ираном и его союзниками из числа негосударственных акторов. В этих условиях дальнейшее существование и функциональность сети определяются способностью иранского руководства сохранять внутриполитическую стабильность, корректировать

стратегию взаимодействия с акторами в условиях возросших ограничений и обеспечивать минимально необходимый уровень ресурсной поддержки ключевых элементов данной архитектуры.

Список источников и литературы

1. Армия и МВД Сирии после Асада: между интеграцией и фрагментацией [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/armiya-i-mvd-sirii-posle-asada-mezhdu-integratsiey-i-fragmentatsiey/ (дата обращения: 10.12.2025).
2. *Абаджян В. Ю.* Pax Hebraica: становление израильско-американского господства на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2025. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pax-hebraica-stanovlenie-izrailsko-amerikanskogo-gospodstva-na-blizhnem-vostoke/ (дата обращения: 10.12.2025)
3. *Ерманалиева А. Р.* Иран в эпоху глобальных трансформаций: вызовы и перспективы внешнеполитического курса [Электронный ресурс] // Проблемы востоковедения. 2025. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iran-v-epohu-globalnyh-transformatsiy-vyzovy-i-perspektivy-vneshnepoliticheskogo-kursa (дата обращения: 10.12.2025).
4. *Серебров С.* Йеменский кризис: структурные особенности и современная динамика [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yemenskiy-krizis-strukturnye-osobennosti-i-sovremennaya-dinamika/ (дата обращения: 10.12.2025).
5. *Ганиев Т., Задонский С., Карякин В.* Военная мощь Исламской Республики Иран: в 2-х томах. М.: Институт Ближнего Востока, 2019. — 536+498 с.
6. Сажин В. Иран — Израиль: эскалация конфликта [Электронный ресурс]. — Российский Совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iran-izrail-eskalatsiya-konflikta/?sphrase_id=226437894 (дата обращения: 10.12.2025).
7. Йеменские хуситы нанесли ракетные удары по крупному нефтехранилищу и объекту переработки газа в Саудовской Аравии [Электронный ресурс] // Topwar.ru. — 25 марта 2022. — URL: https://topwar.ru/193987-jemenskie-husity-nanesli-raketnye-udary-po-krupnomu-neftehranilischu-i-obektu-pererabotki-gaza-v-saudovskoj-aravii.html (дата обращения: 10.12.2025).
8. Российский Совет по международным делам. Конфликт на Ближнем Востоке: возможные региональные последствия [Электронный ресурс]. — 18 окт. 2024. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konflikt-na-blizhnem-vostoke-vozmozhnye-regionalnye-posledstviya/?sphrase_id=261989175 (дата обращения: 10.12.2025).
9. ЦАХАЛ официально подтвердил гибель лидера Хизбаллы Насраллы [Электронный ресурс] // Topwar.ru. — 09.12.2025. — URL: https://topwar.ru/250994-cahal-oficialno-podtverdil-gibel-lidera-hizbally-hasana-nasrally.html (дата обращения: 10.12.2025).
10. Российский Совет по международным делам. Удары Израиля и США по Ирану: международно-правовая квалификация [Электронный ресурс]. — 13 июня 2025. —

URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/udary-izrailya-i-ssha-po-iranu-mezhdunarodno-pravovaya-kvalifikatsiya/ (дата обращения: 10.12.2025).
11. *Рустамов О.* Хезболла в новой реальности: умирающий или «чёрный лебедь»? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khezbolla-v-novoy-realnosti-umirayushchiy-ili-chernyy-lebed/ (дата обращения: 10.12.2025).
12. *Пряхин В. Ю.* 12-дневная война: уроки на будущее [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — 28.07.2025. — URL: https://russiancouncil.ru/blogs/vpryahin/12dnevnaya-voyna-uroki-na-budushchee/?sphrase_id=224673187 (дата обращения: 10.12.2025).

Шестаков Игорь Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

«ПРОАКТИВНЫЙ ПАЦИФИЗМ В НОВУЮ ЭПОХУ»: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО США И ЯПОНИИ В КОНТЕКСТЕ «НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» С КИТАЕМ

«PROACTIVE PACIFISM IN THE NEW EPOCH»: MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN THE USA AND JAPAN IN THE CONTEXT OF THE «NEW COLD WAR» AGAINST CHINA

Аннотация. Настоящая статья направлена на определение состояния современного японского «проактивного пацифизма» и его влияния на нынешнюю весьма напряжённую политическую обстановку в Индо-Тихоокеанском регионе. Для осуществления поставленной цели автором были рассмотрены различные виды военно-политического сотрудничества США с одним из их важнейших стратегических союзников в регионе — Японией. Изучив участие данных двух государств в многосторонних объединениях военно-политической направленности, а также их двустороннее сотрудничество, автор делает выводы о том, насколько серьёзно Япония отошла от своей пацифистской концепции и как характер военно-политического сотрудничества Японии и США влияет на политическую обстановку в ИТР сейчас и как, вероятно, будет влиять в ближайшем будущем.

Ключевые слова: «проактивный пацифизм»; «новая холодная война»; военно-политическое сотрудничество; Индо-Тихоокеанский регион; американо-японские отношения; QUAD

Abstract. This article aims at determination of the state of the modern Japanese «proactive pacifism» and its influence on the current highly tense political environment in the Indo-Pacific region. To achieve that, the author has scrutinized various types of the military-political cooperation between the USA and one of its most significant strategic allies in the region — Japan. Having studied the participation of these two states in multilateral military-political associations, as well as their bilateral cooperation, the author draws the conclusions about how seriously Japan has moved away from its pacifist concept and how the nature of the military-political cooperation between Japan and the USA affects the political environment in the Indo-Pacific nowadays and how it is likely to influence in the near future.

Keywords: «proactive pacifism»; «new cold war»; military-political cooperation; the Indo-Pacific region; the US-Japan relations; QUAD

Введение

«Будущее всех наших стран — и в самом деле всего мира — зависит от свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, который будет устойчивым и процветающим в грядущих десятилетиях» [1]. Именно эти слова произнёс президент Соединённых Штатов Америки Джо Байден во время саммита Quad 24 сентября 2021 года, дабы подчеркнуть важность ИТР для стран-участниц четырёхстороннего диалога по вопросам безопасности, а также необходимость взаимовыгодного и активного сотрудничества данных государств в регионе. Подобную точку зрения, конечно же, разделяют не только США, но и другие страны, активно отстаивающие свои национальные интересы в Индо-Тихоокеанском регионе, например, в 2022 году во время встречи с американской делегацией премьер-министр Японии Фумио Кисида заявил, что «именно в такие времена Япония и США должны лидировать в мире для реализации основанного на превосходстве закона (принципа) свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Данные заявления лидеров Соединённых Штатов и Японии говорят о воистину высокой значимости ИТР для этих государств, а также о их стремлении как можно прочнее закрепить свои позиции в регионе. Безусловно, Индо-Тихоокеанский регион крайне важен как для Японии, так и для США ввиду внушительного количества различных геополитических, экономических, военно-стратегических и других не менее значимых причин. Таким образом, становится очевидным тот факт, что данные страны видят острую необходимость и действительно значительные выгоды и преимущества в военно-политическом сотрудничестве друг с другом. Стоит рассмотреть взаимодействие Соединённых Штатов и Японии в данной области с разных углов.

Основы сотрудничества

Одним из важнейших инструментов США, которые направлены на сдерживание Китая, является практика двусторонних отношений Америки со странами Индо-Тихоокеанского региона, а также создания всевозможных военно-политических блоков в регионе. «В современной международной системе США являются бесспорным лидером по числу и географическому охвату поддерживаемых альянсов. Союзнические отношения с другими государствами — один из важнейших инструментов сохранения и укрепления Pax Americana» [3]. В Азиатско-Тихоокеанском регионе уже давно сложился так называемый «Сан-францисский порядок» — это система американских двусторонних альянсов, основанная на соглашениях, принятых на мирной конференции 1951 года в Сан-Франциско. Данная система американских двусторонних альянсов, которую именуют Сан-Францисской, или системой “оси и спиц” (hub and spokes), включает восемь государств — Японию,

Австралию, Южную Корею, Филиппины, Таиланд, Сингапур, Новую Зеландию и Тайвань. Эта система позволяет Соединённым Штатам сохранять весьма прочные и высокие позиции в ИТР, особенно в контексте военно-политического влияния. Что же касается конкретно американо-японского военно-политического сотрудничества, то оно зиждется на трёх документах:

1) Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией (1960 год);
2) «Декларация Клинтона — Хасимото» («Японо-американская декларация в области безопасности») (1996 год);
3) «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны» (1997 год).

Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией является законодательной основой альянса двух стран и оговаривает присутствие американского военного контингента на территории Японии. Согласно пятому пункту договора, каждая из сторон расценивает любую военную агрессию против союзника на территории, находящейся под управлением Японии, как угрозу собственной национальной безопасности и вправе действовать в этой связи согласно собственным конституционным положениям. В двух других документах подчёркивалась сохраняющаяся важность союза в современных реалиях. Главными задачами стали «сдерживание» КНР, борьба с новыми региональными угрозами, стремление противостоять всё также непредсказуемой политике КНДР и распространению оружия массового уничтожения и средств его доставки. Объявлялось о расширении совместных военных учений, обмене информацией и разведывательными данными. Стоит отметить, что в 2015 году были подписаны новые «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны», которые были существенно доработаны. Страны отказались от географической привязки к ЮВА, тем самым увеличив масштаб союза до глобального уровня. Новыми областями сотрудничества стали сбор развед-данных, материально-техническое обеспечение, ПРО, кибер- и космическое пространство [4].

Разумеется, говоря об основах американо-японского военно-политического сотрудничества, также крайне важно упомянуть о факторе военных баз Соединённых Штатов на территории Японии, количество которых по данным на 2025 год составляет 120 штук. Данный показатель является наивысшим среди других государств, на территории которых размещены военные базы США (Германия, Южная Корея, Италия и другие). Главным местом их сосредоточения на территории Японии остается остров Окинава, где располагаются авиабаза Кадена, станция Тории, база морской пехоты Хансен, лагери Смедли Д. Батлер, Кинсер, Шваб и т.д. Бесспорно,

данный аспект двусторонних отношений Соединённых Штатов и Японии указывает на действительно тесное военно-политическое сотрудничество упомянутых стран.

Двустороннее сотрудничество

Нынешнее состояние двустороннего взаимодействия Японии и США в венно-политической области свидетельствует о воистину прочных связях двух стран в данной сфере, а также о поддержании политики укрепления военно-политического сотрудничества с Соединёнными Штатами премьер-министрами Японии.

К примеру, Фумио Кисида не раз подчёркивал важность данного сотрудничества во время встреч с официальными представителями США. 13 января 2023 года «президент США Джо Байден провёл переговоры с японским премьер-министром Фумио Кисидой в Вашингтоне, которым предшествовали консультации глав внешнеполитического и оборонного ведомств двух государств в формате «2+2». Стороны договорились модернизировать американо-японский альянс «в новую эру стратегического соперничества», продемонстрировав единство в вопросе сдерживания Китая… В конце февраля 2023 г. Кисида также сообщил, что японское правительство намерено закупить у США до 400 крылатых ракет Tomahawk». В итоге альянс Японии и США всё же был успешно модернизирован в 2024 году: «10 апреля в Белом доме прошла встреча президента США Джо Байдена и премьер-министра Японии Фумио Кисиды, по итогам которой стороны объявили о преобразовании двустороннего военного альянса. «Это самый значительный апгрейд нашего альянса с момента его создания», — заявил американский лидер. Необходимость обновления оборонного договора также продиктована значительной трансформацией самой Японии и ее Сил самообороны. За последние несколько лет Токио значительно нарастил свой военный потенциал и планирует увеличить оборонные расходы до 2% ВВП к 2027 году — до того же уровня, что у стран НАТО» [5]. США приветствовали шаги Японии по радикальному укреплению её военного потенциала, включая планы увеличения оборонного бюджета к 2027 г. до уровня 2% ВВП, решение о наращивании возможностей контрудара, а также планы по созданию Объединенного оперативного командования Сил самообороны Японии (ССЯ) Также имеет место тот факт, что для долгосрочного использования промышленной базы обеих стран и определения приоритетных областей сотрудничества в сфере ВПК стороны под руководством министерств обороны США и Японии создали Форум военно-промышленного сотрудничества (Forum on Defense Industrial Cooperation, Acquisition and Sustainment — DICAS), этот был поднят ещё при пребывании в должности премьер-министра Японии

Фумио Кисиды. Данный форум будет регулярно информировать министерства обороны о продвижении этой работы на заседаниях министров в формате «2+2» [6].

Что касается премьер-министра Японии Сигэру Исибы, то он продолжил политику своего предшественника по укреплению двусторонних отношений в области военно-политического сотрудничества с США. Риторика Японии по отношению к сотрудничеству с Соединёнными Штатами, а также по отношению к КНР по своей сути осталась прежней, хотя важно отметить, что в ней наблюдались некоторая радикализация и более агрессивный характер. Так, например, в 2025 году «президент США Дональд Трамп и премьер Японии Сигэру Исиба подтвердили, что их взаимные обязательства, предусматривающие коллективную оборону, распространяются на спорные острова Сенкаку в Восточно-Китайском море». Данным заявлением лидеры США и Японии подчеркнули свою решительность в возможной прямой конфронтации с Китаем. В марте того же года «глава Пентагона Пит Хегсет назвал Японию незаменимым партнером в сдерживании Китая и объявил о преобразовании военного командования США в Японии в новый «боевой штаб»… Вашингтон и Токио договорились ускорить планы по совместной разработке и производству ракет, таких как Advanced Medium-Range Air to Air Missiles, или MRAAM, а также рассмотреть возможность производства ракет класса «земля-воздух» SM-6». Данные высказывания и политические решения говорят о более агрессивной политике двух государств по отношению к усилению потенциала их военно-политического сотрудничества.

Говоря о нынешнем премьер-министре Японии, Санаэ Такаити, можно уже сейчас сделать предположение о том, что она также продолжит уже давно сложившуюся традицию укрепления военно-политического сотрудничества Японии и Соединённых Штатов, так как Санаэ Такаити успела сделать несколько крайне любопытных заявлений, например, она утверждала, что «союз с США является краеугольным камнем японской внешней политики и гарантий безопасности. Мы будем сотрудничать в отношении задач, которые стоят перед обеими странами, и поднимем силы сдерживания и реагирования американо-японского союза…». Ещё одним важным жестом Японии в сфере военно-политического сотрудничества с США является недавняя сделка в сфере вооружений. В ноябре 2025 года «госдепартамент Соединённых Штатов дал согласие на продажу Японии пакета вооружений стоимостью 82 миллиона долларов для укрепления ее возможностей дальнобойных ударов. В состав поставок вошли 28 высокоточных бомб GBU-53 Small Diameter Bomb II, наборы для преобразования JDAM, а также сотни обычных бомб общего назначения».

Также было бы ошибкой не упомянуть об одной из важнейших форм военно-политического сотрудничества Японии и США, речь идёт о совместных военных учениях. Ярким примером являются крупнейшие в своем роде совместные учения Resolute Dragon 25, которые охватили сразу три региона Японии — острова Окинава, Кюсю и Хоккайдо, с целью отработки сценариев обороны на южных, центральных и северных направлениях, а также впервые включили в себя испытания новейшего американского ракетного комплекса средней дальности Typhon. Также можно вспомнить совместные военные учения США, Японии и Южной Кореи, прошедшие в июне 2024 года под символичным названием «Freedom Edge». Они носили комплексный характер и были проведены с заделом на их регулярное повторение в будущем.

Многосторонние объединения

Помимо двустороннего сотрудничества в военно-политической сфере крайне важным аспектом американо-японских отношений является участие двух стран в различных многосторонних объединениях военно-политической направленности. Одним из ярчайших примеров служит QUAD. Четырёхсторонний диалог по вопросам безопасности (Quadrilateral Security Dialogue; QSD; Quad) — «неформальная ассоциация в составе США, Японии, Индии и Австралии — основа сетецентричной архитектуры региональной безопасности в ИТР, которую Соединённые Штаты конструируют для сдерживания Китая» [7]. Данное многостороннее объединение служит одним из фундаментов современного военно-политического сотрудничества четырёх стран, проводящих совместные военные учения, заключающих совместные торговые соглашения в сфере различного рода вооружений, обсуждающих важные вопросы безопасности глобального и регионального характера и т.п. То сеть, по сути, Quad есть не что иное, как инструмент долгоиграющей стратегии США и их союзников и стратегических партнёров в Индо-Тихоокеансокм регионе по ослаблению Китая как в регионе, так и на мировой политической арене в целом. Данная инициатива была впервые предложена Синдзо Абэ. Он «… выдвинул идею о создании Quad в своей книге, «Utsukushii Kunihe» (К прекрасной стране), опубликованной незадолго до того, как он стал премьер-министром Японии в 2006 году. Он вновь представил её в 2007 году, выступая перед парламентом Индии, выдвинув идею партнёрства «более широкой Азии» для создания «огромной сети, охватывающей весь Тихий океан, включая Соединённые Штаты Америки и Австралию. Открытая и прозрачная, эта сеть позволит людям, товарам, капиталу и знаниям свободно перемещаться». Предложение Абэ превратилось в оборонное соглашение, подкреплённое масштабными совместными

военными учениями четырёх стран, когда месяц спустя Соединённые Штаты, Япония и Австралия были приглашены на ежегодные военно-морские учения Индии и США «Малабар» в Бенгальском заливе» [8].

Что касается другого весьма важного американского метода ослабления КНР в Индо-Тихоокеанском регионе, а именно военного присутствия Соединённых Штатов в ИТР, то помимо военных баз США используют и другие инструменты по наращиванию своего собственного влияния в регионе. Одним из них является Индо-Тихоокеанское командование Вооружённых сил США (USINDOPACOM) — объединённое боевое командование Вооружённых сил США, отвечающее за Индо-Тихоокеанский регион. Это старейшее и крупнейшее из объединённых боевых командований. Его командир, старший офицер вооружённых сил США на Тихом океане, несёт ответственность за более чем 375 000 военнослужащих, а также за территорию, которая охватывает примерно 260 000 000 км2. «Самое интересное в этом боевом командовании, особенно в этом регионе, заключается в том, что у США есть пять стран, объединённых договором о взаимной обороне, а именно Япония в 1960 году, Республика Корея в 1953 году, Филиппины в 1951 году, Таиланд в 1950 году и последняя по счёту, но не по значимости Австралия в 1951 году». Данное военное объединение служит очередным доказательством тесного сотрудничества США и Японии в военно-политической сфере.

Ещё одной точкой соприкосновения двух государств в военно-политической области является инициатива «Партнёры в голубом Тихом океане» (Partners in the Blue Pacific, PBP), куда вошли США, Австралия, Новая Зеландия, Япония и Великобритания… крайне важной задачей американской инициативы является «обеспечение защиты и безопасности стран морскими силами государств PBP…». Не стоит забывать и о разведывательном альянсе «Пять глаз» (Five Eyes), что расширил масштабы своей деятельности до формата Five Eyes Plus 3, подразумевающего сотрудничество стран-участниц (США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия) с Германией, Францией и, конечно же, Японией. Данные страны обмениваются различного рода разведданными, особый упор деятельности организации направлен на информацию о Китае и России.

Выводы

Изучив важнейшие виды военно-политического сотрудничества США и Японии, можно сделать вывод о том, что данное сотрудничество действительно играет очень значимую роль в формировании геополитической обстановки в ИТР, главным образом при помощи ослабления Китая и наращивания влияния двух названных ранее держав в регионе. Если говорить о возможном развитии перспектив данного взаимодействия Японии

и Соединённых Штатов, то, несмотря на весьма позитивные сдвиги в этом направлении, которые имеют место в нынешнее время, вряд ли можно говорить о быстром укреплении и расширении данного военно-политического сотрудничества. К примеру, многие современные учёные указывают на маловероятную возможность расширения военно-политического альянса AUKUS при помощи вступления Японии и Республики Корея, так как серьёзные противоречия этих государств, связанных главным образом и печальным историческим опытом, могут сильно помещать их дальнейшему взаимодействию в рамках альянса. Не стоит забывать и о внушительной экономической взаимозависимости Японии и США от КНР, что также сильно мешает нарастанию напряжённости в ИТР. Также стоит сказать, что Япония действительно в значительной степени отошла от своей концепции «проактивного пацифизма» и постепенно переходит к всё более и более агрессивной риторике и политике, подтверждая это совместными военными учениями и жёсткими заявлениями официальных лиц страны.

Список источников и литературы

1. Indo-Pacific Strategy // bidenwhitehouse.archives.gov. 02.2022. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov (дата обращения: 01.12.2025
2. *Батюк В.И.* США — КНР: стратегический баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 390–404.
3. *Лукин А., Коротич С.* Между Вашингтоном и Пекином: что ждёт азиатско-тихоокеанские альянсы США? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. №4. С. 5–15.
4. *Леонова А. А.,* Военно-политическое сотрудничество США и Японии: формирование и развитие // Этносоциум и международная культура. 2023. Т. 23. С. 95–101.
5. Зачем США и Япония решили трансформировать свой военный альянс // rbc.ru. 10.04.2024. URL: https://www.rbc.ru (дата обращения: 01.12.2025)
6. *Алешин А. А.* Зачем США, Австралия и Великобритания создали новое оборонное сотрудничество AUKUS? // imemo.ru. 16.09.2021. URL: https://www.imemo.ru (дата обращения: 01.12.2025)
7. *Сучков М.* Инфраструктура сдерживания: «гибкие союзы» США в Азии // globalaffairs.ru. 01.10.2021. URL: https://globalaffairs.ru (дата обращения: 01.12.2025)
8. Chapter 8: The Indo-Pacific // ussc.edu.au. Точная дата не указана. URL: https://www.ussc.edu.au (дата обращения: 01.12.2025)

СЕКЦИЯ «ИНТЕГРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ И ВЫЗОВЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Гунько Алексей Максимович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Кафедра политологии

Научный руководитель:*Ж. А. Алиаскарова,*
ассистент кафедры экономической теории и истории экономической мысли СПбГУ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: КОМПОЗИТНАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЯНДЕКСА И СБЕРБАНКА В КАЗАХСТАНЕ И БЕЛАРУСИ

INTERNATIONAL CORPORATIONS AS A TOOL FOR REGIONAL INTEGRATION: A COMPOSITE IMPACT ASSESSMENT USING THE EXAMPLE OF YANDEX AND SBERBANK IN KAZAKHSTAN AND BELARUS

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли международных корпораций как акторов региональной интеграции в условиях фрагментации глобального мира. На примере ООО «Яндекс» и ПАО «Сбербанк России» разработан интегральный индекс влияния бизнеса на трансляцию норм, практик и инфраструктур между Казахстаном, Беларусью и Россией. Индекс агрегирует материальные (рыночная доля, налоговые отчисления) и нематериальные (медиатональность, ESG-профиль) факторы через нормирование с последующей проверкой чувствительности. Результаты показывают, что цифровые платформы способны генерировать положительные нематериальные эффекты при слабой материальной базе, тогда как финансовые компании критически зависят от присутствия, то есть включенности в экономическую деятельность государства и населения. Их результативность крайне зависит от рыночной доли и уровня доверия, которое складывается путем ежедневного взаимодействия с компанией.

Ключевые слова: региональная интеграция, международные корпорации, мягкая сила, индекс, постсоветское пространство, Казахстан, Беларусь, Россия.

Abstract. This article examines the role of international corporations as drivers of regional integration in the context of fragmenting globalization. Using the examples of Yandex LLC and Sberbank of Russia, we develop an integrated index of business influence on the convergence of norms, practices, and infrastructure between Kazakhstan, Belarus, and Russia. The index aggregates material factors (market share, tax contributions) and immaterial factors (media tonality, ESG profile) through normalization and weighting procedures. Results demonstrate that digital platforms generate primarily immaterial integration effects, while financial companies operate through material channels. Economic discontinuity produces strong disintegration effects, and geographical proximity enhances positive indices. We recommend monitoring corporate influence indices as early indicators of disintegration trends within the EAEU framework.

Keywords: regional integration, multinational corporations, soft power, composite index, post-Soviet space, Kazakhstan, Belarus

Современная ситуация кризиса глобальных институтов и тренда на стремление региональных держав устояться в качестве доминирующего в своем регионе закономерно сопровождается ростом региональных альянсов, которые образуются вокруг региональных держав в противовес глобальным образованиям, что делает необходимым переосмысление мировых интеграционных процессов. Наиболее интересна динамика роли корпораций как проводников интеграционных процессов. Если на протяжении 1990–2010-х годов международные компании рассматривались как преимущественно экономические акторы, встроенные в глобальные производственные сети (GPN), то сегодня их влияние распространяется на политико-нормативную сферу через цифровые инфраструктуры, платежные системы и символические практики. На постсоветском пространстве процессы интеграции в рамках ЕАЭС неразрывно связаны с деятельностью российских корпораций, действующих в странах-реципиентах как провайдеры информационных и финансовых услуг.

Актуальность исследования обусловлена четырьмя факторами. Во-первых, недостаточная операционализация понятия «корпоративная мягкая сила» в контексте региональной интеграции: существующие работы либо остаются на уровне описания механизмов влияния, либо используют несопоставимые показатели для разных отраслей. Во-вторых, отсутствие методики, позволяющей агрегировать гетерогенные факторы (рыночные, налоговые, медийные, социальные) в единый индекс без потери информации. В-третьих, изменения в режимах присутствия корпораций (уход с рынка) требуют гибких методологических подходов. В-четвёртых, региональная

интеграция в ЕАЭС остаётся сложным, многоуровневым процессом, где неформальные экономические акторы и связи во многом играют ведущую роль по сравнению с формальными институтами. [1][2]

Исследование укоренено в трёх теоретических традициях. Первая традиция — функциональный интеграционизм Д. Митрани и концепция «spillover» Э. Хааса, которые объясняют интеграцию через создание надгосударственных органов управления для решения технических проблем. [6] Вторая традиция — новый регионализм Б. Хеттне и Ф. Сёдербаума, который рассматривает интеграцию как многоуровневый процесс, включающий экономические, политические, социокультурные и субъектно-идентификационные измерения.[3] Третья традиция — подход глобальных производственных сетей (GPN), разработанный П. Дики, П. Диксоном и другими, который концентрируется на том, как фирмы создают, поддерживают и переструктурируют сети производства, ценности и знания через территории и границы.[4]

Необходимо отметить, что если мягкая сила традиционно рассматривалась как инструмент государственной политики (культурный экспорт, идеологическое влияние), то корпоративная мягкая сила — это способность бизнеса через свою деятельность, коммуникацию и присутствие формировать предпочтения, нормы и практики в странах-реципиентах, способствуя или препятствуя интеграционным процессам. Еще одной важной посылкой является мысль о том, что корпорации являются носителями не только культурных ценностей и норм страны-основателя, то есть страны, где они прошли путь своего становления, но и заинтересованы в положительном политическом представлении государства-основателя в стране-реципиенте, так как это напрямую влияет на социальное восприятие, медийный образ и итоговую прибыль.[6] Материальные факторы (рыночная доля, налоговые отчисления, длительность присутствия) оказывают сильное интеграционное влияние, поскольку они формируют экономические взаимозависимости и стимулы как институциональные факторы, то есть перечисленные факторы в первую очередь влияют на экономическую структуру, становясь частью не только макроэкомической жизни государства, но и выступают в качестве инструментов развития предприятий, обеспечения потребительской деятельности. Отказ от такого рода компаний может спровоцировать проблемы в сфере МСП. Иначе говоря, корпорации, основанные на принципе материальной базы, становятся неотъмлемой частью повседневных поведенческих практик, что повышает их институциональную роль. Нематериальные факторы же (медиатональность, корпоративная социальная ответственность) оказывают вторичное воздействие на интеграцию через формирование позитивного общественного восприятия и культурной бли-

зости.[7][8] Таким образом, при анализе интеграции необходимо учитывать инструменты сближения, что в свою очередь выливается в необходимость оценки эффективности этих инструментов.

Переходя к компонентам индекса необходимо обозначить следующие факторы. Длительность присутствия (A) — время присутствия компании на рынке страны-реципиента. Само длительное присутствие формирует психологическую привычку, встраивает фирму в локальные экосистемы и создаёт сетевые эффекты, что способствует интеграции. Рыночная позиция (B) — доля рынка компании в стране по ключевому продукту или услуге (для Яндекса — доля в поисковых запросах, для Сбербанка — доля в активах банков). Высокая рыночная доля означает критическую инфраструктурную роль и способность диктовать стандарты. Медиатональность (C) — частота упоминания и тональности (положительный/отрицательный/нейтральный) компании в местных СМИ. Рассчитывается на основе контент-анализа платформы «Медиалогия». Положительная медиарепутация свидетельствует о социальном и политическом доверии. ESG-рейтинг (D) из открытых источников данных, а также фискальный вклад (E) (как доля от налоговых поступлений сектора) и ESG-рейтинг компании из открытых источников (RAEX/Expert). Налоги формируют интерес государства к сохранению корпорации, а ESG-профиль отражает приверженность компании локальным социально-политическим нормам.

Формула принимает следующий вид:

$$(iA\times A+iB\times B+iC\times C+iD\times D+iE\times E)/(iA+iB+iC+iD+iE),$$

где весовые коэффициенты: iA = 0.10, iB = 0.15, iC = 0.30, iD = 0.10, iE = 0.35. Индекс принимает значения в интервале [–1;1], где отрицательные значения указывают на дезинтеграционное влияние (разрыв инфраструктуры, падение интереса), нулевые — на нейтральное влияние, положительные — на интеграционное содействие.

Выбор весов обоснован следующим образом: E (институциональный статус) — максимальный вес (0,35), поскольку это основной канал интеграции через встраивание фирмы в политико-хозяйственные структуры; C (медиатональность) — второй по значимости (0,30), так как общественное восприятие критично для долгосрочности отношений; B (рыночная позиция) — 0,15, поскольку это условие для влияния, но не само влияние; D и A получают меньшие веса, но остаются релевантны как компенсаторы и временные факторы.

Для кейс-анализа были выбраны компании: Яндекс и Сбер в рамках их деятельность в странах постсоветского пространства, а точнее в Белорусе и Казахстане. Яндекс в Казахстане. Несмотря на сильное медийное присутствие (индекс 0.7025) и время на рынке (полный балл), индекс вышел отрицательным. Это обусловлено низкими значениями по налоговым отчисле-

ниям (–0.98) и доле рынка (–0.364), а также средним ESG (–0.1). Получается, что технологическая «мягкая сила» Яндекса пока не компенсирует слабую институциональную и экономическую интеграцию. Яндекс в Казахстане: 0.1×0.7025+0.15×1+0.3×(–0.364)+0.1×(–0.1)+0.35×(–0.98)= –0.24195.

Сбербанк вошёл на казахстанский рынок через ряд слияний и поглощений и имел значительное присутствие до 2022 года. В октябре 2022 года Сбербанк объявил о переводе активов казахстанского банка в состав ТОО «Bereke Bank» (совместное предприятие с казахстанским партнером) и полностью вышел с рынка. На момент подготовки работы (конец 2025) Сбербанк отсутствует как самостоятельный игрок на казахстанском рынке (доля рынка и налоги = –1), а негатив в СМИ (–0.4166) перевешивает смягчающий эффект времени на рынке (0.16). Сбербанк в Казахстане: 0.1×(–0.4166)+0.15×0.16+0.3×(–1)+0.1×(–0.127)+0.35×(–1)= –0.68036. Резко отрицательное значение отражает дезинтеграционный эффект ухода Сбербанка с казахстанского рынка. Это означает разрыв финансовой инфраструктуры, потерю налоговой базы и повреждение доверия к российским финансовым акторам. Влияние классифицируется как сильно-негативное (дезинтеграционное).

Следующий кейс связан с Яндексом в Беларуси, где он начал операции в апреле 2010 года. На момент исследования компания занимает вторую позицию на рынке поиска с долей ~36,4% (уступая Google с ~61,9%). медиаобраз (0.66) и время на рынке (0.96) дают сильный позитив, при этом доля рынка (–0.28) и ESG (–0.1) несколько снижают эффект, данные по налогам отсутствуют (0 — нейтрально). Яндекс стабильно способствует сближению, приобретая политическое влияние. Яндекс в Беларуси: 0.1×0.66+0.15×0.96+0.3×(–0.28)+0.1×(–0.1)+0= 0.116. Здесь индекс положительный, хотя и невелик. Компания хорошо укоренена в локальной экосистеме, имеет позитивный публичный имидж и высокий институциональный статус, несмотря на скромные налоговые отчисления. Влияние классифицируется как слабо-позитивное (интеграционное).

Сбербанк же зашел на белорусский рынок в начале 1990-х годов и сохранял присутствие, хотя с ограниченной рыночной долей. После санкций 2022 года его позиция ослабла, однако официально компания не вышла с рынка. На конец 2024 года доля Сбербанка в активах белорусских банков составила примерно 2–3%. Сбербанк в Беларуси: 0.1×0.6255+0.15×0.323+0.3×(–0.898)+0.1×(–0.127)+0= –0.1711. Банк имеет слегка негативный индекс, несмотря на долгую историю (0.323) и умеренно позитивный медиаобраз (0.6255). Основная причина — низкая доля рынка (–0.898) при отсутствии данных по налогам (0). Сбербанк оказывает слабое влияние на интеграцию России и Беларуси, хоть и остается важной составляющей внутренней социально-экономической сферы.

Технологическая корпорация Яндекс демонстрирует более выраженный позитивный вклад в региональную интеграцию, чем финансовая Сбербанк. Рынок, налоги и ESG-рейтинг оказывают решающее влияние, то есть без крепкой экономической базы эффект «мягкой силы» недостаточен для формирования устойчивого тренда на интеграцию. Сбербанк, утративший присутствие в Казахстане и имеющий небольшую рыночную долю на рынке Беларуси, не может служить эффективным фактором интеграции.

Для проверки надёжности результатов проведен анализ чувствительности индекса к вариациям весов. При изменении весовых коэффициентов на ±0,05 по каждой компоненте знаки индекса остаются стабильными, что подтверждает весомость выводов. Ранжирование кейсов также устойчиво: Яндекс в Беларуси> Яндекс в Казахстане> Сбербанк в Беларуси> Сбербанк в Казахстане.

Основная гипотеза приобретает следующий вид: чем выше совокупные показатели положительной медийной репрезентации страны происхождения бизнеса, устойчивости и длительности работы корпорации на рынке страны-реципиента, ее рыночной доли с поправкой на степень монополизации, уровня социальной ответственности (ESG) и объема налоговых отчислений, тем выше вероятность влияния данной корпорации на политическую интеграцию страны-реципиента с государством, в котором корпорация прошла путь своего становления.

Данные по индексам в отношении Казахстана и Беларуси позволяют подтвердить общий тренд. Индекс Сбербанка стремится к 0, но до сих пор находится в отрезке от (0) до (–1), ранее был сделан вывод о монополизации рынка другими игроками, тем не менее исходя из повестки дня, наличия проекта «Союзное государство», которое пока находится в состояние «покоя», можно зафиксировать дружеские отношения между Россией и Белоруссией. Однако, дальнейшая интеграция осложняется вопросом распределения политических полномочий, можно наблюдать, что власти Беларуси стремятся контролировать финансовую сферу для обеспечения стабильности существования режима и Яндекса. Корпорации в свою очередь как было описано выше могут влиять на социум в целом, что, разумеется, подрывает монополию власти во многих сферах. Можно предположить, что ограничения развития российских корпораций связаны в первую очередь со стремлением белорусских властей контролировать сферы общественной жизни. Яндекс же имеет положительный итоговый результат. Ввиду отсутствия альтернативных компаний, созданных в Беларуси, доля рынка и медиаобраз становятся ключевыми показателями для итогового индекса. Изыскания касаемо Казахстана приобретают иной вид, во многом за счет амбивалентной внешней политики властей Казахстана, направленной на многовекторное сотрудничество с разными державами. Отрицательные значения индекса (у Сбербанка близкое

к (–1)) демонстрируют доминирование традиционных факторов сближения над мягкими. При отсутствии достаточной степени общих целей и договоренности эффективность иных инструментов снижается. Тем не менее, мы можем наблюдать значение в –0.24195 у Яндекса, что подтверждает предыдущий тезис об инновационности, то есть компания, предлагающая уникальный спектр услуг, испытывает меньшее влияние власти на относительно конкурентном рынке, оставаясь эффективным инструментом влияния.

Таким образом, результаты подтверждают, что в условиях относительной политической открытости и конкуренции на рынке корпорации сохраняют потенциал влияния, в то время как в более закрытых или жёстко контролируемых экономиках их воздействие ограничивается институциональной рамкой. Это подчеркивает значимость как экономических, так и нематериальных факторов (медиаобраз, ESG, культурная близость) для оценки интеграционного потенциала бизнеса и подтверждает гипотезу о том, что корпорации — это не только экономические агенты, но и проводники региональной политики.

Ограничениями исследования являются малый размер выборки (N=4), неполнота фискальных данных, прокси-характер медиатональности как индикатора общественного восприятия, а также проблема каузальности (направление причинности между индексом и интеграцией может быть двусторонним). Для преодоления этих ограничений в будущих исследованиях рекомендуется расширить количество стран и компаний, использовать поведенческие метрики, провести экспертный опрос для валидации весов и выполнить лонгитюдный анализ для установления причинных связей.

Тем не менее, полученные результаты вносят вклад в понимание того, как негосударственные акторы участвуют в региональной интеграции, и предлагают инструмент для систематического мониторинга этого процесса. Этот подход может быть адаптирован для анализа других регионов (АСЕАН, Африканский союз) и других типов акторов (НГО, университеты, технологические альянсы).

Список источников и литературы

1. *Сагалова Александра Львовна* Функциональная организация во взглядах Дэвида Митрани (к 70-летию выхода книги «мир и функциональное развитие международной организации») // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. №14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-organizatsiya-vo-vzglyadah-devida-mitrani-k-70-letiyu-vyhoda-knigi-mir-i-funktsionalnoe-razvitie-mezhdunarodnoy (дата обращения: 12.05.2025)..
2. *Бахлова О. В.* Функциональная модель интеграции: теоретико-концептуальные основы и практическая реализация // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2008. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

funktsionalnaya-model-integratsii-teoretiko-kontseptualnye-osnovy-i-prakticheskaya-realizatsiya (дата обращения: 12.05.2025).
3. *Щипков В. А.* Некоторые аспекты концепции Б.Хеттне «Новый регионализм» / В. А. Щипков // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — Т. 7. — №4. — С. 88-90.**4.** Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018.
4. *Лагутина Мария Львовна, Михайленко Екатерина Борисовна* Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-v-globalnuyu-epohu-obzor-zarubezhnyh-i-rossiyskih-podhodov (дата обращения: 12.05.2025).
5. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. СПб.: Питер, 2020.
6. *Клишевич Дарья Сергеевна, Панибратов Андрей Юрьевич* ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОМПАНИЙ ИЗ СТРАН С РАСТУЩИМИ ЭКОНОМИКАМИ: ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-gosudarstvennyh-kompaniy-iz-stran-s-rastuschimi-ekonomikami-obzor-teoreticheskih-podhodov (дата обращения: 12.05.2025).
7. *Перегудов, С. П.* Крупная российская корпорация как социально-политический институт / С. П. Перегудов. — Москва : Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2000. — 139 с. _ EDN SJXAHR.
8. *Соколов Алексей Олегович* «ЕВРАЗИЙСКАЯ КОМПАНИЯ» КАК ИНСТРУМЕНТ АНТИКРИЗИСНОЙ СТРАТЕГИИ ЕАЭС // Современная Европа. 2021. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-kompaniya-kak-instrument-antikrizisnoy-strategii-eaes (дата обращения: 12.05.2025).
9. *Смирнов Евгений Николаевич* ПОСТКРИЗИСНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ В СТРАТЕГИЯХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ // Экономика региона. 2022. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postkrizisnaya-regionalizatsiya-globalnyh-tsepochek-sozdaniya-stoimosti-v-strategiyah-transnatsionalnyh-kompaniy (дата обращения: 12.05.2025).
10. *Королев Евгений Александрович* Взаимодействие бизнеса и власти на примере политических институтов Европейского Союза: автореф. дис. канд пол. наук: 23.00.02. - Москва, 2009. - 28 с.
11. *Zhang A.* MNEs' Media Strategies Under Geopolitical Tensions // Journal of International Business. 2023. Vol. 12, No. 3.
12. *Горячева Т. В., Мызрова О. А., Горячева И. А.* ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЕРТИКАЛЬНО ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОМПАНИЙ В МАКРОРЕГИОНЕ // Экономика региона. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-faktorov-formirovaniya-innovatsionnogo-potentsiala-vertikalno-integrirovannyh-kompaniy-v-makroregione (дата обращения: 12.05.2025).
13. *Перская Виктория Вадимовна, Морковкин Дмитрий Евгеньевич, Чупин Александр Леонидович, Мамедов Турал Натиг Оглы, Зверева Александра Дмитриевна* Транс-

формация региональных торговых соглашений в условиях перехода к полицентризму // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-regionalnyh-torgovyh-soglasheniy-v-usloviyah-perehoda-k-politsentrizmu (дата обращения: 12.05.2025).
14. *Андреев Алексей Владимирович* Экономическая интеграция в рамках СНГ: направления и проблемы // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-integratsiya-v-ramkah-sng-napravleniya-i-problemy (дата обращения: 12.05.2025).
15. *Tatyana V. Fedorova., Natalia Yu. Khlyzova* Methodological genesis of the concept "Soft power" in the system of global regionalism // SHS Web Conf.. — 2022. — №134. — С. 5.
16. Russian Technological Business as a Tool of Soft Power in Neighboring Countries // UNITED24 URL: https://united24media.com/world/russian-technological-business-as-a-tool-of-soft-power-in-neighboring-countries-1534 (дата обращения: 10.05.2025).
17. Yandex in Kazakhstan // Yandex URL: https://yandex.com/company/press_center/press_releases/2009/2009-10-14 (дата обращения: 10.05.2025).
18. Сбербанк: 15 лет устойчивого развития // Forbes URL: https://forbes.kz/articles/sberbank_15_let_ustoychivogo_razvitiya (дата обращения: 10.05.2025).
19. Search Engine Market Share Belarus // statcounter URL: https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share/all/belarus/2020#:~:text=Search%20Engines%20Percentage%20Market%20Share,92 (дата обращения: 10.05.2025).
20. О состоянии банковского сектора Казахстана на 1 января 2023 года // Gov.kz URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/ardfm/press/news/details/498424 (дата обращения: 10.05.2025).
21. Рэнкинг ESG-прозрачности российских компаний и банков, 2023 год // Expert: рейтинговое агенство URL: https://raexpert.ru/rankingtable/esg/2023/tab1/ (дата обращения: 10.05.2025).
22. ТОП - 50 налогоплательщиков по уплате налогов по итогам 2024 года // Gov.kx URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/press/news/details/956763 (дата обращения: 10.05.2025).
23. Yandex in Belarus // Yandex URL: https://yandex.com/company/press_center/press_releases/2010/2010-04-14 (дата обращения: 10.05.2025).
24. Search Engine Market Share Belarus // Statcounter URL: https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share/all/belarus/2020 (дата обращения: 10.05.2025).
25. Global trade to recover steadily after rare fall in 2023, WTO says // Reuters URL: https://www.reuters.com/markets/global-trade-recover-steadily-after-rare-fall-2023-wto-says-2024-04-10/ (дата обращения: 10.05.2025).
26. World Investment Report 2023 // UN Trade&development URL: https://unctad.org/publication/world-investment-report-2023 (дата обращения: 10.05.2025).
27. KOF Globalisation Index // ETH Zurich URL: https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html (дата обращения: 10.05.2025).
28. *Michela Nardo, Michaela Saisana, Andrea Saltelli, Stefano Tarantola, Anders Hoffman, Enrico Giovannini* Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide // OECD Statistics Working Papers 2005/03. — 2005. — С. 108.

Казакова Мария Алексеевна

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ В ЯДЕРНОЙ КООПЕРАЦИИ РОССИИ И КИТАЯ: ОБМЕН ОПЫТОМ ИЛИ УТРАТА ПРЕИМУЩЕСТВ?

TECHNOLOGICAL ASYMMETRY IN RUSSIA–CHINA NUCLEAR COOPERATION: KNOWLEDGE EXCHANGE OR LOSS OF STRATEGIC ADVANTAGES?

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегического партнерства России и Китая в атомной энергетике с учетом конкуренции и кооперации в рамках ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь». Рассмотрены цели и национальные стратегии двух стран, динамика совместных проектов, включая АЭС «Тяньвань» и «Сюдабао», а также влияние институциональных механизмов на сглаживание противоречий. Делается вывод о долговременной устойчивости российско-китайского сотрудничества, его технологических и экономических преимуществах, а также потенциальных рисках на глобальном рынке атомной энергетики.

Ключевые слова: Россия, Китай, атомная энергетика, ЕАЭС, Пояс и путь, технологическое сотрудничество, конкуренция

Abstract. The article analyzes the strategic partnership between Russia and China in nuclear energy, considering competition and cooperation within the frameworks of the EAEU and the Belt and Road Initiative. The study examines national goals and strategies of both countries, the dynamics of joint projects including the Tianwan and Shidao Bay NPPs, and the role of institutional mechanisms in mitigating conflicts. The article concludes on the long-term sustainability of Russian-Chinese cooperation, its technological and economic benefits, and potential risks in the global nuclear energy market.

Keywords: Russia, China, nuclear energy, EAEU, Belt and Road Initiative, technological cooperation, competition

Введение

Стратегическое партнерство между Россией (РФ) и Китаем (КНР) в атомной энергетике, проиллюстрированное запуском в мае 2021 года масштабного проекта по строительству четырех реакторов на площадках в Цзянсу и Ляонине [1], демонстрирует не только высокий уровень межгосударственных отношений и общие амбиции государств в научно-технической сфере, но и практическую реализацию комплементарности евразийских интегра-

ционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и продвигаемой КНР инициативы «Пояс и путь».

В то же время, стремительное развитие национальных атомных технологий Китая, его растущая компетенция в области адаптации и модернизации зарубежных решений, а также усиление позиций китайских компаний на глобальном рынке ядерных энергетических технологий [2] формируют новую конкурентную парадигму в двусторонних отношениях [3].

Данный феномен находит свое выражение в диалектическом противоречии между российской поддержкой институционализации сотрудничества в формате ЕАЭС и активным продвижением Китаем инициативы «Пояс и путь» [4], а также в прямой коммерческой конкуренции на рынках третьих стран, наиболее репрезентативным примером которой являются проекты сооружения атомных электростанций (АЭС) в Казахстане [5].

В этой связи возникает закономерный вопрос о долгосрочной устойчивости существующей модели энергетического сотрудничества.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости критического переосмысления двустороннего сотрудничества, которое традиционно рассматривается сквозь призму партнерства, без учета нарастающих конкурентных элементов и связанных с ними рисков, а также противоречий интеграционных моделей ЕАЭС и «Пояс и путь».

Цель исследования заключается в оценке того, является ли дальнейшая интенсификация российско-китайского сотрудничества в атомно-энергетической сфере фактором стратегической стабильности или источником долгосрочных системных рисков для национальных интересов Российской Федерации в контексте конкуренции интеграционных проектов.

Для достижения цели обозначим ключевые задачи исследования:

1. Провести сравнительный анализ траекторий технологического развития госкорпорации «Росатом» и China National Nuclear Corporation (CNNC), а также оценить их конкурентные позиции на глобальном рынке атомной энергетики.
2. Проанализировать программные документы, межправительственные соглашения и официальные заявления России и Китая с целью идентификации приоритетов, стратегических установок и мотивации сторон в сфере атомного сотрудничества.
3. Систематизировать технико-экономические, организационные и стратегические параметры совместно реализуемых российско-китайских проектов в атомной энергетике и определить ключевые особенности их реализации.
4. Выявить институциональные противоречия и точки соприкосновения между интеграционными инициативами ЕАЭС и «Пояс и путь»,

влияющие на формирование модели сотрудничества России и Китая в атомной сфере.

Исходная гипотеза исследования состоит в предположении, что, несмотря на усиливающиеся конкурентные элементы, существующая двусторонняя модель кооперации сохраняет устойчивость благодаря стремлению сторон к балансу интересов, гибким механизмам стратегического диалога и постепенной синхронизации интеграционных инициатив.

Цели России и Китая в атомной энергетике

Цели России в атомной энергетике

Энергетическая стратегия РФ 2020 года ставит цель повысить эффективность АЭС и конкурентоспособность новых энергоблоков; доля АЭС поколения 3+ и модернизированных реакторов должна вырасти с 13% (2018) до 40% к 2035 году [6].

В 2021 году российское правительство разработало стратегию декарбонизации с целью достижения нулевых выбросов углерода к 2060 году — той же цели, что и Китай.

Помимо государственных документов, конкретные планы по реализации целей развития атомной энергетики определяются Госкорпорацией «Росатом».

В 2021 году был утвержден план развития новых атомных технологий стоимостью 506 млрд. рублей (около 5,68 млрд. долларов США) [7]. Большая часть финансирования идет на проект «Малый атом» (260 млрд. рублей / около 2,92 млрд. долларов США), включающий строительство маломощных АЭС до 300 МВт. Росатом рассчитывает получить первый контракт на экспорт таких реакторов к 2026 году и заключить контракты на шесть блоков к 2030 году, с целью занять около 20% мирового рынка малых АЭС.

Вторым ключевым направлением является проект «Атом без отходов» стоимостью 222,65 млрд. рублей (около 2,5 млрд. США), включающий строительство быстрых нейтронных реакторов и технологии замкнутого ядерного топливного цикла. Запуск натриевого реактора BN-1200 намечен на 2030 год, свинцового BREST-300 — на 2027 год, оба проекта входят в программу «Прорыв».

Третье направление — «Чистый атом для мира», направленное на рост продаж ядерного топлива для зарубежных АЭС; планируется увеличить долю Росатома на рынке с 17% в 2021 году до 24% к 2030 году.

Цели Китая в атомной энергетике

Стратегическое развитие атомной энергетики Китая определяется Пятилетними планами. Текущий 14-й план (2021–2025) [8] уделяет внимание

защите окружающей среды. В основные цели плана входит выход на нулевой уровень углеродных выбросов к 2060 году.

Кроме этого, план ставит цель достичь мощности атомной энергетики 70 ГВт к 2025 году и акцентирует внимание на энергетической инфраструктуре. Согласно плану, к концу 2025 года необходимо построить демонстрационные реакторы Hualong One, Guohe One и HTGR; продвигать АЭС третьего поколения вдоль побережья, развивать маломощные модульные реакторы (<300 МВт), коммерческие HTGR (600 МВт) и плавучие атомные платформы.

Китай также планирует маломощные модульные PWR, быстрые нейтронные реакторы (FNR) и HTGR, которые повышают эффективность и безопасность: малые реакторы подходят для плавучих платформ или замены генераторов на существующих станциях.

Новые планы строительства АЭС распространяются и за пределы страны. В 2019 году бывший председатель CNNC Ван Шоуцзюнь заявил [9], что Китай может построить до 30 зарубежных атомных реакторов к 2030 году в рамках инициативы «Пояс и путь», что может принести Китаю до 1 триллиона юаней (около 140,65 млрд. долларов США).

Активное развитие собственных технологий реакторов в Китае, включая Hualong One, Guohe One и быстрый нейтронный реактор CFR-600, позволяет стране одновременно удовлетворять растущие внутренние потребности в энергии, снижать выбросы и постепенно составлять серьезную конкуренцию России на мировом рынке атомной энергетики. При этом параллельное использование российских технологий для части реакторов в сочетании с расширением собственных разработок делает Китай особенно конкурентоспособным в сегментах передовых реакторов и малых модульных АЭС.

Совместные проекты России и Китая в сфере атомных технологий и энергетики

Возобновление российско-китайского сотрудничества в 1990-е годы ознаменовалось подписанием в 1992 году соглашения [10], в рамках которого был инициирован проект сооружения АЭС «Тяньвань» (Цзянсу). Данный объект стал крупнейшей атомной станцией в Китае и самым масштабным совместным проектом двух стран в этой сфере.

Блоки 1 и 2 (водо-водяные энергетические реакторы ВВЭР-1000) построены при полном участии «Росатома» и введены в эксплуатацию в 2007 году. Блоки 3 и 4, также российского дизайна, подключены к сети в 2018 году. В III очереди Китай впервые применил собственные реакторы ACPR-1000 (блоки 5 и 6, 2020–2021). Четвертая очередь вновь опирается на российские технологии: блоки 7 и 8 с реакторами ВВЭР-1200 строятся с 2021 года и будут

введены в 2026–2027 гг [11]. Таким образом, Тяньвань объединяет все три модели взаимодействия: полное российское проектирование, смешанные формы и полностью китайские технологии.

АЭС «Сюдабао» (Ляонин) — второй крупный комплекс, использующий реакторы ВВЭР-1200. Блоки 3 и 4, строительство которых началось в 2021–2022 гг. [12], реализуются по модели разделения ответственности: Россия поставляет ядерный остров, Китай — турбогенераторы и вспомогательные системы.

Быстрые нейтронные реакторы стали ключевой областью глубокого технологического взаимодействия. Первый быстрый реактор Китая — CEFR (Пекин, 65 МВт тепловой, 20 МВт электрической мощности) — полностью разработан и построен российскими научными организациями (ОКБМ Африкантов, НИКИЭТ, Гидропресс и др.). На следующем этапе Китай отказался от первоначального плана строить российские БН-800 в Фуцзяни и создал собственную линию CFR-600. Тем не менее Россия поставляет критически важное оборудование и топливо для двух строящихся CFR-600 (2017 и 2020 годы начала работ) [13], что делает проект смешанным по происхождению технологий.

Сотрудничество затрагивает и топливный цикл. Россия в 1990-е — начале 2000-х годов построила центрифужные мощности в Ханьчжуне и Ланьчжоу [14], которые затем были расширены Китаем собственными технологиями. Китай развивает производство топлива в Ибинь и Баотоу, но использует российские топливные элементы для ВВЭР и быстрых реакторов, а также закупает топливо для CEFR и CFR-600 [13]. Такая модель сочетает российские высокотехнологичные поставки с постепенной китайской локализацией.

В ресурсной сфере взаимодействие включает совместное развитие рудника № 6 в Забайкалье (с 2017 года), где Китай получает до 49% продукции — около 600 т урана в год, что помогает ему покрывать растущий спрос, а России — компенсировать ограниченность высокорентабельных месторождений [15].

В совокупности российско-китайская кооперация охватывает такие направления, как сооружение энергоблоков, технологии быстрых реакторов, топливный цикл, уранодобыча и научные исследования. Она сочетает высокую зависимость Китая от российских технологий в ряде критически важных сегментов и его стремление к локализации и экспорту собственных реакторов. Хотя Китай постепенно становится конкурентом, особенно в сегменте передовых и малых реакторов, опора на российские технологии быстрого нейтронного цикла, топливо и сырье сохраняет взаимный баланс интересов.

ЕАЭС и «Пояс и путь»: конкуренция и кооперация России и Китая в атомной энергетике

Политика России и Китая в сфере атомных технологий на постсоветском пространстве формируется под влиянием различий в их экономических стратегиях. В то время как Москва стремится институционализировать сотрудничество через механизмы Евразийского экономического союза, Китай опирается на гибкую геоэкономическую модель инициативы «Пояс и путь», использующей инфраструктурные проекты, инвестиции и ресурсные соглашения в качестве инструмента расширения влияния. Эти различия проявляются наиболее очевидно в Центральной Азии — регионе, обладающем значительными запасами урана, развитой логистикой и растущим спросом на атомную энергетику.

Китайский подход носит многослойный характер: инфраструктура, энергетика и сырьевые ресурсы связываются в единую систему, обеспечивающую долгосрочный контроль над ключевыми сегментами региональных цепочек. С 2013 г., когда инициатива «Пояс и путь» была объявлена в Казахстане, Пекин активно развивал коридоры [16], включая сухой порт Хоргос, железнодорожные переходы Достык — Алашанькоу и проектируемую линию Китай — Киргизия — Узбекистан. Эти маршруты используются и для вывоза стратегического сырья, включая урановую продукцию Казахстана и Узбекистана, имеющих крупнейшие в регионе разведанные запасы. Китайские госкорпорации расширяют доли в добывающих предприятиях, обеспечивая стабильные поставки для собственной атомной отрасли и постепенно формируя зависимость местных производителей от китайских технологий переработки.

Параллельно Пекин продвигает свои атомные проекты как часть экспортной стратегии. В Казахстане Китай предлагает строительство АЭС на основе технологий Hualong One [17], что ставит его в прямую конкуренцию с российским «Росатомом». При этом китайская модель финансирования, основанная на кредитах госбанков и формуле «ресурсы в обмен на инфраструктуру», делает ее привлекательной для стран с ограниченными бюджетными возможностями.

Российский подход, напротив, опирается на институционализированные механизмы ЕАЭС, обеспечивающие унификацию стандартов, правовых режимов и координацию энергетической политики. Россия делает ставку на долгосрочные межправительственные соглашения, интеграцию научно-исследовательских центров и развитие трудовой мобильности. В атомной сфере «Росатом» использует преимущество технологической зрелости, опыт эксплуатации реакторов ВВЭР и сформированную систему сервисного сопровождения полного топливного цикла.

Столкновение этих двух подходов особенно заметно в Казахстане, где предложения Китая по атомной энергетике конкурируют с российскими проектами. При этом именно здесь проявилась гибкость региональной архитектуры: несмотря на соперничество, Астана создала международный консорциум для строительства первой АЭС с участием и «Росатома», и китайской CNNC. Агентство по атомной энергии Республики Казахстан официально определило Росатом лидером консорциума [18].

Однако, несмотря на появление структурных противоречий, Москва и Пекин избегают открытого соперничества. Их взаимодействие строится на принципе «кооперации в основном, конкуренции периферийно». Ключевым инструментом балансировки стало сопряжение ЕАЭС и «Пояса и пути», оформленное в декларации 2015 года [19]. Этот документ закрепил намерение сторон координировать инфраструктурные и энергетические проекты, включая атомную сферу, предотвращая прямые конфликты интересов.

Таким образом, хотя Китай и Россия используют разные экономические механизмы продвижения своих атомных технологий — инфраструктурно-кредитную модель Пекина и институционально-интеграционную модель Москвы — обе стороны демонстрируют стремление выстраивать нейтральный, управляемый баланс. Атомная отрасль становится не только зоной конкуренции, но и площадкой для потенциальной координации, что соответствует общей логике их стратегического партнерства.

Заключение

Анализ российско-китайского сотрудничества в атомной энергетике демонстрирует устойчиво положительную динамику: взаимодействие развивается с 1990-х годов и заметно ускорилось после 2017 года, когда получили развитие проекты Тяньвань 7–8 [11], Сюдабао 3–4 [12] и CFR-600. Большая часть совместных объектов располагается в Китае, который активно увеличивает собственные ядерные мощности и опирается на российские технологии и оборудование. Для России Китай остается ключевым внешним рынком: поставки оборудования, топлива и участие в строительстве энергоблоков обеспечивают стабильные доходы и поддерживают национальную атомную отрасль.

При этом на фоне усиления Китая как технологической державы возрастает число зон потенциальной конкуренции, прежде всего на рынках третьих стран и в сегменте передовых реакторов. Наибольшее пересечение интересов наблюдается в Центральной Азии. Однако даже здесь страны успешно избегают прямой конфронтации. Координация инициатив через механизм сопряжения ЕАЭС и «Пояса и пути» [19], а также формирование смешанных консорциумов позволяет сглаживать противоречия и выстраивать управляемую модель сотрудничества.

Институционализированный подход России, встроенный в архитектуру ЕАЭС, сочетается с гибкой геоэкономической стратегией Китая в рамках «Пояса и пути», формируя основу для стратегического баланса. Москва предлагает стандартизацию, долгосрочные межправительственные соглашения и интеграцию исследовательских структур, тогда как Пекин обеспечивает доступ к инвестициям, инфраструктуре и ресурсам. Такое сочетание делает возможным устойчивое продвижение совместных проектов в атомной сфере и повышение их эффективности.

Несмотря на это, сохраняются и долгосрочные риски. Ускоренное развитие китайских реакторных технологий со временем усиливает конкуренцию с российскими разработками, прежде всего в сегментах малых модульных реакторов и передовых энергетических систем. Тем не менее текущий баланс интересов остается взаимовыгодным: Россия укрепляет позиции на крупнейшем для себя внешнем рынке, а Китай получает доступ к критическим технологиям и ресурсам, что позволяет обеим странам повышать энергетическую безопасность и технологическую устойчивость.

Таким образом, сотрудничество в атомной сфере сохраняет стратегическую ценность для обеих сторон. Комбинация кооперации и умеренной конкуренции делает партнерство гибким и адаптивным, а его преимущества значительно превышают потенциальные риски, обеспечивая долгосрочную устойчивость развития.

Список источников и литературы

1. Самая крупная зарубежная застройка Росатома // 75 лет атомной промышленности URL: https://atom75.ru/?utm_source=ya_poisk&utm_medium=cpc&utm_campaign=atom75&utm_content=history74&utm_term=сотрудничество%20россии%20и%20китая%20в%20атомной%20энергетике&yclid=6347309224293598154#history_74 (дата обращения: 20.10.2025).
2. Nuclear Power in China // World Nuclear Association URL: https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/china-nuclear-power (дата обращения: 20.10.2025).
3. *Басханов Д. Р.* Сотрудничество и конкуренция Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере атомной энергетики // Modern oriental studies. — 2021. — №3. — С. 132-142.
4. *Андраш Б.* Текущее состояние российско-китайских отношений сквозь призму конкуренции и взаимодействия инициатив экономической интеграции в Центральной Азии (Евразийский экономический союз и новый Шелковый путь) // International scientific review. — 2019
5. How China is Challenging Russia's Nuclear Dominance in Central Asia Through Kazakhstan // China Global South Project URL: https://chinaglobalsouth.com/analysis/china-kazakhstan-nuclear-power/ (дата обращения: 20.10.2025).

6. Распоряжение Правительства РФ «Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 N 1523-р (ред. от 15.02.2025) <Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года>» от 09.06.2020 № N 1523-р // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2020
7. Всемирный «Росатом» // Коммерсант URL: https://www.kommersant.ru/doc/4848474 (дата обращения: 20.11.2025).
8. “十四五”现代能源体系规划 // National Energy Administration URL: https://www.nea.gov.cn/1310524241_16479412513081n.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
9. Китай планирует построить 30 атомных реакторов за рубежом // Коммерсант URL: https://www.kommersant.ru/doc/4005848?utm (дата обращения: 20.11.2025).
10. 中俄核能合作典范项目—田湾核电站 // CNNPN URL: https://www.cnnpn.cn/article/26766.html (дата обращения: 20.11.2025).
11. GW Tianwan-7 nuclear reactor enters commissioning stage (China) // Enerdata URL: https://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/12-gw-tianwan-7-nuclear-reactor-enters-commissioning-stage-china.html (дата обращения: 20.11.2025).
12. Xudabao Project Proceeds // Rosatom newsletter URL: https://rosatomnewsletter.com/2021/03/25/xudabao-project-proceeds (дата обращения: 20.11.2025).
13. Russia delivers fuel for China's CFR-600 reactor // Fissile materials URL: https://fissilematerials.org/blog/2022/12/russia_delivers_fuel_for_.html (дата обращения: 20.11.2025).
14. Russia and China sign enrichment plant agreement // World nuclear news URL: https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Russia-and-China-sign-enrichment-plant-agreement (дата обращения: 20.11.2025).
15. Рудник на двоих: как «Росатом» привлек китайцев к добыче урана в России // РБК URL: https://www.rbc.ru/business/12/03/2018/5aa6833b9a794747854c99b1 (дата обращения: 20.11.2025).
16. 中华人民共和国政府和哈萨克斯坦共和国政府 关于 “丝绸之路经济带” 建设与 “光明之路” 新经济政策对接合作规划 // Belt and Road portal URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylgw/201702/201702160515014.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
17. Suppliers shortlisted for Kazakh nuclear power plant // World nuclear news URL: https://www.world-nuclear-news.org/articles/suppliers-shortlisted-for-kazakh-nuclear-power-plant (дата обращения: 20.11.2025).
18. «Росатом» возглавит консорциум по строительству АЭС в Казахстане // РБК URL: https://www.rbc.ru/economics/14/06/2025/684d47699a794753c426a903 (дата обращения: 20.11.2025).
19. 中华人民共和国与俄罗斯联邦关于丝绸之路经济带建设和欧亚经济联盟建设对接合作的联合声明（全文） // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2015nzt/xjpcxelsjl_675013/zxxx_675015/201505/t20150509_7951328.shtml (дата обращения: 20.11.2025).

Люй Вэньюй

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Юридический институт,
Аспирантура

КОНФУЦИАНСТВО КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

CONFUCIANISM AS A RESOURCE OF CHINA'S SOFT POWER IN EURASIAN INTEGRATION

Аннотация. Настоящее исследование анализирует роль конфуцианства в развитии мягкой силы Китая в контексте евразийской интеграции, опираясь на модель критического дискурс-анализа Фэрклафа и материалы книги «Си Цзиньпин об Одном поясе — одном пути(2023)». В статье выявлены и рассмотрены три ключевых механизма трансформации: текстовая интеграция, дискурсивный резонанс и социальная легитимация. Адаптируясь посредством современной лексики, конфуцианские принципы отвечают потребностям региональной стабильности и культурного обмена, а также наполняют инициативу ОПОП ценностным содержанием.

Ключевые слова: Один пояс один путь; Конфуцианство; мягкая сила; Евразийская интеграция; Китай

Abstract. This study analyzes the role of Confucianism in the development of China's soft power within the context of Eurasian integration, based on Fairclough's model of critical discourse analysis and materials from the book *The Belt and Road Initiative by Xi Jinping(2023)*. The article identifies and examines three key mechanisms of transformation: textual integration, discursive resonance, and social legitimation. By adapting through modern terminology, Confucian principles address the needs of regional stability and cultural exchange, while also imbuing the Belt and Road Initiative with value-laden content.

Keywords: Belt and Road Initiative; Confucianism; soft power; Eurasian integration; China

Введение

Конфуцианство не только является ядром традиционных китайских концепций государственного управления, но и важным идеологическим носителем, способствующим культурному выражению современных китайских политических концепций и формированию международного признания. Конфуцианство содержит богатые ценностные ориентации и идеологические концепции, и становится важным культурным ресурсом для

Китая по повышению его мягкой силы в процессе Евразийской интеграции. Инициатива «Один пояс, один путь» тесно связана с концепцией евразийской интеграции. Одной из её целей является «союза сердец» — стратегия, направленная на на покорение силой правды, а не силой оружия, и понимание гуманитарного измерения в китайском планировании инициативы «Один пояс, один путь» имеет решающее значение [1, с. 96]. Так, исследование конфуцианства как ресурса мягкой силы Китая в Евразийской интеграции представляется одной из наиболее важных и актуальных для изучения.

Цель исследования заключается в том, чтобы выяснить, как конфуцианский дискурс отвечает реальным потребностям стран Евразии, формирует восприятие основ общего интереса в евразийском сотрудничестве, способствует участию стран Евразии в инициативе «Один пояс, один путь» и повышает мягкую силу Китая в процессе евразийской интеграции.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать конкретные способы репрезентации конфуцианских формулировок в Книге « Си Цзиньпин об Одном поясе — одном пути», связанных с евразийской интеграцией, с акцентом на лексический отбор, чтобы раскрыть текстовые механизмы инкорпорации конфуцианских концепций в официальный политический дискурс.
2. Исследовать, как конструируется конфуцианская мысль и артикулируется с повесткой регионального сотрудничества, такой как «евразийская интеграция», для удовлетворения общих потребностей в региональной стабильности и развитии, обеспечивая эффективное распространение её влияния.
3. Изучить, как конфуцианский дискурс формирует когнитивные рамки и ценностные суждения евразийских стран в отношении проектов сотрудничества с Китаем, и далее рассмотреть потенциальное направляющее воздействие этого когнитивного влияния на конкретные политические предпочтения и выбор в сотрудничестве соответствующих государств.

Методологическую основу исследования составляют теоретические положения концепции «мягкой силы» и метод критического дискурс-анализа (КДА) в интерпретации Нормана Фэрклафа (1995).

Концепция «мягкой силы», разработанная американским ученым Джозефом Наем, он определил следующим образом: государство может добиться желаемых результатов в мировой политике, потому что другие страны признают его ценности, следуют его примеру, стремятся к его уровню процветания и открытости и готовы за ним следовать [2, p. 5].Критическая лингвистика была создана британским лингвистом Роджером Фаулером и его

коллегами в 1979 году в книге «Язык и контроль» [3]. Норман Фэрклаф (1995) предложил структуру КДА, которая формирует трехмерную модель: Описание (текстуальный анализ) — детальный лингвистический анализ формальных свойств текста. Интерпретация (дискурсивная практика) — исследование процессов производства, распространения и потребления текстов. Объяснение (социокультурная практика) — анализ отношений между дискурсом и более широкими социальными и культурными практиками [4].

Книга « Си Цзиньпин об Одном поясе — одном пути», подготовленная Институтом истории и документообразования Центрального комитета КПК, включает 78 важных тексты президента Китая Си Цзиньпина за период с сентября 2013 по ноябрь 2023 года, посвященных совместному строительству «Одного пояса, одного пути» [5].

Исследование фокусируется на путях трансформации конфуцианства в мягкую силу в процессе евразийской интеграции, что имеет направляющее значение для углубления регионального сотрудничества. Россия, как важный партнер по инициативе «Один пояс, один путь» и ядровая сила евразийской интеграции, может получить культурные программы, разработанные на основе ядровых конфуцианских концепций. Это не только отвечает интересам российских ученых к изучению конфуцианства и основам признания, но и углубляет понимание стран Евразии современных китайских концепций развития.

Стратегии выражения ключевых конфуцианских идей в политическом дискурсе

В трёхмерной модели критического дискурс-анализа Норман Фэрклаф на первом уровне, который представляет собой описание текста, акцентирует внимание на языковых особенностях и логике высказывания. Классификация касается выбора слов, который является фундаментальным уровнем языковой функции [3]. Согласно Фэрклафу, Классификация проводится между тем, что включено, и тем, что исключено, при этом анализ дискурсов должен учитывать отсутствия так же, как и присутствия [4]. В книге « Си Цзиньпин об Одном поясе — одном пути» ключевые конфуцианские идеи глубоко интегрированы в политическую риторику инициативы ОПОП благодаря тщательному подбору лексики.

С точки зрения выбора лексики текст, опираясь на ядро, состоящее из мира и сотрудничества, открытости и терпимости, взаимного обучения и признания, взаимной выгоды и беспроигрышной ситуации, конструирует ядровые идеи инициативы ОПОП — это современная интерпретация конфуцианских концепций, таких как единство в различии, великое единение поднебесной и размышление о справедливости при столкновении с выгодой.

Сентября 2013 года Президент Си Цзиньпин, выступая в Назарбаев Университете в Казахстане, сначала он подчеркнул вдохновение, принесенное Шелковым путем: «… …что благодаря принципам сплоченности и взаимного доверия, равноправия и взаимной выгоды, толерантности и обмена опытом, взаимовыгодного сотрудничества и обоюдного выигрыша, страны, отличающиеся друг от друга этносами, религией и культурой, способны мирно сосуществовать и развиваться» [7].

Затем он выдвинул инициативу по созданию «экономический коридор Шелкового пути», используя такие формулировки, как «стремление к общему при сохранении различий» и «взаимная выгода и совместный выигрыш», чтобы подчеркнуть предложения по «усилению координации политик, соединению дорог, беспрепятственной торговле, обороту денег и сближению народов», способствующие постепенному формированию широкомасштабного регионального сотрудничества в евразийском регионе [6, p. 4].

В политическом дискурсе ОПОП постоянно подчеркиваются принципы «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного пользования» и «отсутствия стремления к доминированию». Строительство ОПОП руководствуется принципами совместного обсуждения, совместного строительства и совместного пользования — оно не закрытое, а открытое и инклюзивное; это не соло одной Китая, а хор всех стран по маршруту [6, p. 61]. ОПОП является открытой инициативой, обширным «кругом друзей», соединяющим Азию и Европу, куда могут присоединиться все заинтересованные страны [6, p. 73].

Такой выбор лексики соответствует концепциям конфуцианского дискурса, таким как «гармония — наивысшая ценность», «сочетание справедливости и выгоды» и «все люди под небом — братья». Благодаря преобразованию в общедоступную и интернациональную терминологию, традиционные конфуцианские идеи преодолевают культурные границы, становясь ощутимым и признаваемым консенсусом для сотрудничества между странами Евразии.

В дискурсе сознательно опущены такие формулировки, как «гегемоническое доминирование», «сфера влияния», «одностороннее извлечение выгод», «единообразный модель развития» и другие, которые противоречат китайским концепциям сотрудничества.

Такой подход активно избегает дискурса, несогласованного с идеями сотрудничества Китая, передает идеологию равноправного сотрудничества, усиливает позитивную направленность политики и подчеркивает практическое воплощение конфуцианских идей. Современное прочтение конфуцианских идей превращает богатейшее традиционное культурное наследие Китая в ключевой ресурс для укрепления его глобального влияния. Таким

образом, ОПОП трансформируется из сугубо экономической инициативы в платформу для диалога цивилизаций, несущую в себе глубокое культурное наполнение и ценностные принципы.

Согласованность конфуцианских ценностей с целями евразийской интеграции

Второе измерение трехмерной модели Фэрклафа — это дискурсивная практика, которое фокусируется на анализе процессов производства, распространения и восприятия дискурса. На этом уровне Фэрклаф особое внимание уделяет интертекстуальности текстов, проводя анализ во взаимосвязи с другими текстами. Во взаимодействии между инициативой ОПОП и евразийской интеграцией конфуцианский дискурс, отвечая на запросы стран Евразии, достигает эффективного распространения и формирования идентичности. По словам Лукина С. и Якунина В., интеграционные инициативы 2013–2017 гг. отличались от прежнего евразийского сотрудничества восточных стран: если раньше ядром была экономика, то теперь экономическая целесообразность — не единственный приоритет, и на первый план выходят гуманитарные связи между народами [6, p. 150]. Конфуцианская идея «единство в различии» предлагает план для смягчения конфликта между цивилизациями в Евразии.

Евразия является одним из истоков мировой цивилизации. Здесь переплетаются христианство, ислам, буддизм и другие традиции, а потенциальными препятствиями на пути интеграции выступают именно культурные барьеры и недопонимание. Конфуцианская концепция «единство в различии» превращается в практический путь преодоления конфликта цивилизаций. Столкнувшись с реальностью, где у разных стран существуют разные цивилизации, в дискурсе подчеркивается: Цивилизации равны, и только благодаря равенству существует предпосылка для взаимообмена и взаимного обогащения человеческих цивилизаций. Если придерживаться духа терпимости, не существует так называемого конфликта цивилизаций», и тогда можно достичь гармонии между цивилизациями [6, p. 14–15]. В дискурсе неоднократно цитируется конфуцианский мыслитель Мэн-цзы: «Вещи неодинаковы, это их природа» [6, p. 59], что означает, что все сущее имеет свою уникальность, и эти различия определены самой природой вещей.

Традиционная конфуцианская концепция «стремления к добрососедству и дружбе» глубоко созвучна потребности евразийских государств в поддержании региональной стабильности. Россия, являющаяся ключевой силой евразийской интеграции, долгое время сталкивается с такими вызовами безопасности, как расширение НАТО и региональные конфликты, в связи

с чем потребность в «совместной безопасности» для нее особенно актуальна. На пути построения подлинных отношений доверия между этими двумя континентальными державами главным препятствием является то, что, как опасаются многие российские эксперты, в случае успешной реализации китайской инициативы ОПОП роль России в евразийском регионе может стать второстепенной [1, с. 140]. Китай не стремится к доминированию в региональных делах, не создает сферы влияния. Мы готовы укреплять взаимодействие и координацию с Россией и странами Центральной Азии, чтобы совместно приложить неустанные усилия для построения гармоничного региона» [6, p. 2].

Данный дискурс соответствует запросам России, отвечает её интересам в сохранении традиционного доминирования в Центральной Азии и потребностям в обеспечении геостратегической безопасности. Центральноазиатский регион всегда был внешнеполитическим приоритетом для России. Китай четко заявил об отказе от стремления к региональному лидерству, что позволяет избежать конфронтации между крупными державами. Сотрудничество между Китаем и Россией в области расчетов в национальных валютах отвечает потребности России в продвижении процесса дедолларизации и расчетов в национальных валютах, а также удовлетворяет её интересам в поддержании стабильности в евразийском регионе.

Дискурс также удовлетворяет потребности стран Центральной Азии в защите государственного суверенитета и балансе между великими державами: в вопросах, касающихся государственного суверенитета, территориальной целостности и безопасности, твёрдо поддерживать друг друга [6, p. 2]. Дискурсы отвечают на запросы региона по обеспечению безопасности и созданию условий для жизни и экономического развития: мы готовы с другими странами в двустороннем формате и в рамках Шанхайской организации сотрудничества укреплять взаимное доверие, углублять сотрудничество, совместно противостоять трём силам, наркоторговле и транснациональной организованной преступности, создавая благоприятную среду для экономического развития региона и благополучия народа; создавать сообщество общих интересов взаимной выгоды [6, p. 3]. Как отмечает Лукин С. и Якунин В., ещё одна важная особенность китайского подхода в том, что он признаёт региональные различия Центральной Азии и уникальные формы национализма в каждой стране; Китай даёт предпочтение двусторонним соглашениям и индивидуализированным дипломатическим формам сотрудничества со странами региона [1, с. 125]. В официальных документах, связанных с «Поясом и путём», постоянно подчёркивается миролюбивая природа инициативы — сама инициатива никогда не позиционировалась как угроза для какой-либо страны или групп стран [1, с. 70].

В своем дискурсе, подчеркивая позицию Китая, приводятся ссылки на такие идеи, как «С древних времен Китай исповедует принципы гармония — наивысшая ценность, гармония и единство всех народов мира и сочетание справедливости и выгоды» и «все люди под небом — братья [6, p. 61]. Позиция Китая заключается в том, что он никогда не придерживается игры с нулевой суммой, выступает за инклюзивность и мир. Конфуцианство, с его ядром «гуманности» и фундаментальной ценностью «целостности и сосуществования», полностью противопоставляется логике с нулевой суммой. Мир является центральной ценностной ориентацией конфуцианства. С момента своего возникновения конфуцианство рассматривало «мир» как одну из высших ценностей.

В определенной степени конфуцианская мысль развеивает непонимание инициативы ОПОП за рубежом. Замена эксклюзивных формулировок инклюзивным дискурсом эффективно развеивает сомнения международного сообщества относительно доминирования крупных держав, повышая международное признание и привлекательность политики, что является проявлением мягкой культурной силы.

Влияние конфуцианской риторики на когнитивную картину сотрудничества и выбор политики в странах Евразии

Третий уровень модели Нормана Фэрклафа, а именно социокультурная практика, исследует взаимодействие дискурса с социальной структурой и распределением власти. В процессе евразийской интеграции конфуцианский дискурс через реконструкцию представлений о сотрудничестве, направляющую роль в выборе политики и формирование идентичности значимо влияет на социокультурную практику стран региона и становится основным носителем повышения культурной мягкой силы Китая. По модели дискурсивного анализа Фэрклафа, социокультурное объяснение призвано выявлять социокультурные факторы, лежащие в основе возникновения и восприятия дискурса [8].

Конфуцианский дискурс выступает как ключовой посредник в активизации исторической памяти Великого шёлкового пути — важнейшего исторического узла Евразии. Обращаясь к её истокам, он пробуждает у стран региона воспоминания об общем прошлом, что, в свою очередь, усиливает культурную и эмоциональную идентичность между этими странами и Китаем, а также формирует основы для совместной идентичности региона.

Конфуцианство является важным идейным ресурсом для Китая в деле повышения культурной мягкой силы. Оно опирается на гармонию и человеколюбие для обоснования логики признания истины, использует терпимость для избежания рисков культурного высокомерия и превращает «вза-

имопонимание между народами» в осязаемую культурную идентичность. Как отметил Лукин С., историческая и философская глубина, заложенная в осознании необходимости широкого международного сотрудничества, является ключевым отличием данной китайской инициативы от множества других проектов экономической и политической интеграции, выдвинутых в последние годы или продолжающих реализовываться в настоящее время [1, с. 71].

Конфуцианство придает ценностное значение инициативе ОПОП. Идея «сочетания долга и выгоды» отражает стремление инициативы к равному вниманию как экономическому сотрудничеству, так и гуманитарным обменам. Принцип «все люди под небом — братья» перекликается с концепцией «сообщества единой судьбы человечества». Конфуцианские идеи позволили ОПОП выйти за рамки простой экономической кооперации, превратившись в комплексную инициативу, сочетающую историческую основу, философскую концепцию и практические пути, что смягчило настороженность скептиков, рассматривавших ее как чисто геополитический или экономический проект. «Китай предлагает свою интеграционную программу — построение сообщества единой судьбы человечества для достижения взаимовыгодного сотрудничества и общего процветания» [6, p. 153]. «В 2013 году я впервые выдвинул инициативу построения сообщества единой судьбы человечества. Я предложил инициативу «Пояса и пути» именно для претворения в жизнь концепции сообщества единой судьбы человечества» [6, p. 200].

Обращаясь к незыблемым моральным и философским категориям, таким как справедливость, истина и гармония, Китай обеспечивает выделение своих интеграционных усилий среди других глобальных проектов [1, с. 113]. Дискурсивная форма «сообщества единой судьбы человечества» предлагает странам Евразии когнитивную перспективу, выходящую за рамки игры интересов. Эта формулировка сочетает идеал конфуцианского общества «Когда действует Великий Путь, Поднебесная принадлежит всем» с практическими потребностями евразийской интеграции, позволяя евразийским странам осознать, что «Пояс и путь» является не просто проектом экономического сотрудничества, а строительством сообщества единой судьбы, основанного на общих ценностях.

Конфуцианская идея «гармонии в многообразии» заложила культурную основу для стыковки Евразийского экономического союза и инициативы «Пояс и путь». Это когнитивное преобразование заложило идеологическую основу для углубления сотрудничества между двумя сторонами. Казахстан углубленно сопрягает новую экономическую политику «Путь света» с инициативой «Пояс и путь», а Узбекистан продвигает строительство китайско-узбекского проекта трансграничной железной дороги.

Выводы

Данное исследование основано на трехмерной модели критического дискурс-анализа Фэрклафа и на книге « Си Цзиньпин об Одном поясе — одном пути» систематически анализирует пути реализации мягкой силы конфуцианского дискурса в инициативе ОПОП. Основное внимание уделяется ответам на три ключевых вопроса: интеграция конфуцианских концепций в политический дискурс, отклик на потребности евразийского сотрудничества, а также влияние на восприятие регионального сотрудничества и выбор политики.

На уровне текстового выражения ключевые концепции конфуцианства, такие как «гармония — превыше всего» и «сочетание долга и выгоды», посредством точного перевода такими словами, как «мирное сотрудничество» и «взаимовыгодный выигрыш», использования современных терминов, таких как «все люди под небом — братья», и стратегии избегания конфронтационных формулировок, осуществляют модернизацию и перевод традиционной мысли, преодолевая культурные барьеры.

На уровне дискурсивной практики концепция «гармонии в многообразии» откликается на потребности региональных гуманитарных обменов, а принцип «добрососедства и дружбы» соответствует озабоченностям России в области безопасности и суверенным устремлениям стран Центральной Азии. Такой подход, ориентированный на потребности, помогает развеять непонимание извне и сплотить широкое признание.

На уровне социокультурной практики конфуцианство пробуждает историческую память о Великом Шелковом пути и наполняет сотрудничество ценностным содержанием, что не только усиливает культурную идентичность евразийских стран, но и способствует практическому сотрудничеству, такому как стыковка с программой Яркий путь, становясь ключевым носителем для повышения мягкой силы Китая в регионе.

Исследование раскрывает путь реализации мягкой силы конфуцианства через текстовую интеграцию, дискурсивный резонанс и социальную наделенность полномочиями, подтверждая, что традиционная мысль может быть преобразована в активы мягкой силы в современную эпоху.

Список источников и литературы

1. *Лукин С., Якунин В.* Пути и пояса Евразии: национальные и международные проекты развития на евразийском пространстве и перспективы их сопряжения. — М.: Весь мир, 2019. — 420 с.
2. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
3. *Fowler R. et al.* Language and Control. London: Routledge & Kegan Paul, 1979.

4. *Fairclough N.* Critical Discourse Analysis: A Critical Study of Language. London: Longman, 1995.
5. .Описание основных разделов книги «Си Цзиньпин об Одном поясе – одном пути» (издание 2023 года) // Государственная администрация ЦНРК. 24.12.2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202312/content_6922160.htm (дата обращения: 30.10.2025).
6. *Си Цзиньпин*习近平 Си Цзиньпин об «Одном поясе – одном пути»习近平谈“一带一路”. — Пекин: Издательство Центральной литературы北京：中央文献出版社, 2023. — 359 с
7. Китаю и Казахстану нужно создать " экономический коридор Шелкового пути " — председатель КНР Си Цзиньпин // портал «Пояс и Путь» URL: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/36777.html (дата обращения: 30.10.2025).
8. *Fairclough, N.* Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press,1992.

Ольта Юлия Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ОТ ВНУТРЕННЕЙ К ВНЕШНЕЙ ИНТЕГРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИНТЕГРАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ КАЗАХСТАНА

FROM INTERNAL TO EXTERNAL INTEGRATION: HISTORICAL POLITICS AND IDENTITY IN KAZAKHSTAN'S INTEGRATION STRATEGY

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь между внутренними процессами нациестроительства в Республике Казахстан и её внешнеполитической стратегией. Автор доказывает, что политика формирования идентичности, балансирующая между векторами «казахизации» и «казахстанизации», а также целенаправленное конструирование нового исторического нарратива являются фундаментальными факторами, определяющими многовекторность и избирательность внешней политики страны. На основе анализа участия Казахстана в различных интеграционных проектах (ОДКБ, ЕАЭС, ОТГ, ШОС) и решение в отношении вступления в БРИКС демонстрируется, как внутренние процессы идентификации создают основу для гибкой внешней политики, где каждый интеграционный проект имеет строго очерченные прагматические рамки.

Ключевые слова: Казахстан, евразийская интеграция, ОДКБ, ЕАЭС, БРИКС, тюркский мир, историческая политика, политика идентичности, суверенитет, многовекторность.

Abstract. This article examines the relationship between internal nation-building processes in the Republic of Kazakhstan and its foreign policy strategy. The author argues that identity politics, balancing the vectors of «kazakhization» and «kazakhstanization», along with the deliberate construction of a new historical narrative, are fundamental factors determining the multi-vector and selective nature of the country's foreign policy. Through an analysis of Kazakhstan's participation in various integration projects (CSTO, EAEU, OTS, SCO) and its decision regarding joining BRICS, the article demonstrates how internal processes of identification create the foundation for a flexible foreign policy, where each integration project has strictly defined pragmatic boundaries.

Keywords: Kazakhstan, Eurasian integration, CSTO, EAEU, BRICS, Turkic world, historical politics, identity politics, sovereignty, multi-vector policy.

Введение

Современный Казахстан представляет собой уникальный пример государства, успешно реализующего сложную многовекторную внешнюю политику в условиях геополитического перекрестка. Активное участие в евразийской экономической интеграции и параллельное стратегическое сближение с тюркским миром, взаимодействие с Китаем в рамках инициативы «Пояс и путь» и сдержанная позиция по отношению к БРИКС — все эти направления требуют системного анализа, выходящего за рамки традиционных объяснений через призму экономического прагматизма или географической предопределенности.

Перед тем, как стать уверенным участником внешней интеграции, Казахстану было необходимо решить первостепенную задачу «внутренней интеграции» — консолидировать полиэтничное общество внутри страны вокруг новых идеологических, символических и исторических ориентиров. Этот сложный и подчас противоречивый процесс, протекающий в уникальном балансе между «казахизацией» и «казахстанизацией», создал ту основу, на которой выстраивается его многовекторная, прагматичная и осторожная интеграционная стратегия.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости комплексного анализа феномена, в рамках которого процессы внутреннего нациестроительства — формирования национальной идентичности и исторической политики — детерминируют подходы Казахстана к международной интеграции.

Целью исследования является выявление и объяснение взаимосвязи между инструментами исторической политики и политики формирования идентичности в Казахстане и его внешнеполитической стратегией, с фокусом на различные направления интеграционной активности страны. Для достижения данной цели в работе были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать политику формирования идентичности в Казахстане, выявив специфику и взаимодействие векторов «казахизации» и «казахстанизации»;
2. Исследовать механизмы и нарративы исторической политики Казахстана и их роль в консолидации национального суверенитета;
3. Проследить влияние внутренних процессов нациестроительства на внешнеполитический курс страны;
4. Определить, как политика идентичности и исторический нарратив обуславливают развитие альтернативных векторов интеграции.

Методологическую основу работы составляют политический дискурс-анализ и сравнительно-исторический анализ.

Политика формирования идентичности: между этническим и гражданским

После обретения независимости в 1991 г. Казахстан столкнулся с комплексным вызовом государственного строительства в условиях полиэтничного общества, где титульная нация не составляла абсолютного большинства, а административные границы не всегда соответствовали историческим ареалам расселения этнических групп. Ответом стала стратегия «внутренней интеграции», развернутая преимущественно в двух взаимодополняющих и одновременно конкурирующих плоскостях «казахизации» и «казахстанизации», образующих сложный дуализм казахстанской модели нациестроительства [1].

Вектор «казахизации» направлен на возрождение, легитимацию и укрепление статуса титульной нации как государствообразующего ядра. Данный феномен Роджерсом Брубейкером, американским социологом, определяется как «национализирующийся национализм» [2]. Эта политика реализуется через несколько ключевых инструментов, имевших как практическое, так и глубоко символическое значение. Языковая политика стала одним из наиболее показательных примеров этого направления. Закрепление за казахским языком статуса единственного государственного и последующий масштабный проект перехода на латинскую графику носили не только практический характер, но и стали мощным символическим жестом. Как отмечал первый президент Н. А. Назарбаев, латиница должна была «восстановить исконную природу» казахского языка [3]. Этот шаг был ориентирован не только внутрь страны, но и вовне, сигнализируя о цивилизационном повороте к тюркскому миру и подчеркивая культурный суверенитет молодого государства.

Демографическая политика и программа репатриации этнических казахов стали другим стратегическим инструментом укрепления статуса титульной нации. Программа по возвращению этнических казахов («оралманов», а позднее — «кандасов») из Китая, Монголии, Узбекистана и других стран оказала решающее влияние на изменение этнодемографического баланса в стране. Согласно статистическим данным, за период 1991–2022 гг. в страну прибыло более миллиона этнических казахов [4], что способствовало росту доли титульной нации с 40,1% в 1989 гг. [5] до доминирующей позиции во всех регионах страны, за исключением Северо-Казахстанской области [6], в настоящее время. Целенаправленное расселение репатриантов в северных приграничных с Россией регионах, исторически характеризовавшихся высокой долей русскоязычного населения, способствовало не только изменению демографического ландшафта, но и укреплению культурно-языкового ядра государства на всех его территориях.

Топонимическая и символическая политика составили третий важный элемент «казахизации». Процесс переименования городов, улиц и других объектов, инициированный с обретением независимости и продолжающийся сегодня, был направлен на «возрождение национальной топонимики как важного свидетельства истории и духовного развития народа» [7]. Это создавало новое символическое пространство, визуально утверждающее казахскую идентичность в повседневной жизни граждан.

Параллельно и одновременно в напряженном диалоге с вектором «казахизации» развивался процесс «казахстанизации», нацеленный на создание общегражданской идентичности, объединяющей все этносы страны под эгидой единого государства. Изменения в Конституции стали первым показательным примером этого направления. Если в Конституционном законе 1991 г. «О государственной независимости» особо подчеркивалась уникальная роль «казахской нации» [8], то в действующей Конституции 1995 г. акцент сместился на «народ Казахстана», объединенный «общей исторической судьбой» [9]. Эта смысловая трансформация отражала постепенный переход от этнонациональной к гражданской модели нациестроительства.

Институциональные механизмы стали второй важной опорой «казахстанизации». Создание Ассамблеи народа Казахстана стало ключевым инструментом регулирования межэтнических отношений. Хотя ее подход, основанный на провозглашении единства «нации» через призму этнического разнообразия, не всегда полностью снимал внутренние противоречия, она сыграла важнейшую роль в поддержании межнационального согласия в критический переходный период [10].

Консолидирующие государственные программы составили третий элемент этого направления. Инициативы последних лет, такие как программа «Рухани жаңғыру» («Духовное возрождение») и ее конкретные проекты («Сакральная география Казахстана», «100 новых лиц»), были призваны создать общие культурные коды и новый пантеон героев для всех граждан, независимо от их этнической принадлежности. Эти программы важны сами по себе как демонстрация целенаправленных усилий государства по строительству общегражданской солидарности.

Этот дуализм казахстанской модели нациестроительства не является случайным или временным явлением. «Казахизация» обеспечивает внутреннюю легитимацию власти, культурный суверенитет и историческую преемственность, в то время как «казахстанизация» гарантирует внутреннюю стабильность, снижает риски этнических конфликтов и создает образ современного, толерантного государства, привлекательный для внешних партнеров. Именно это динамическое равновесие, эта постоянная навигация между этническим и гражданским, создает двойной внешнеполитический

ресурс: «казахстанизация» обеспечивает стабильность и образ толерантного государства, а «казахизация» предоставляет идейную и культурную основу для углубления связей с тюркским миром.

Историческая политика как основа суверенитета

Ключевую роль в процессе внутренней интеграции и формировании суверенного национального сознания сыграла целенаправленная историческая политика. В постсоветский период в Казахстане был сформирован принципиально новый исторический нарратив, основанный на последовательном постколониальном прочтении общего с Россией прошлого. Этот нарратив выполнял важнейшую политическую функцию, становясь идеологическим обоснованием суверенитета и независимости.

Деконструкция имперского и советского нарративов стала первым и необходимым этапом этого процесса. Она проявилась в кардинальной переоценке ключевых событий, составлявших основу советской историографии. Вхождение казахских жузов в состав Российской империи, прежде в историографии трактовавшееся как «добровольное присоединение» (хотя, в некоторой степени, и вынужденное) [11], было переосмыслено как начало насильственной колонизации, приведшей к утрате политической самостоятельности и системному угнетению. В современных учебниках и академических трудах подчеркивается, что Россия была «заинтересована в проблемах в Степном крае» [12], а казахские ханы были «вынуждены» искать союзника, что положило начало явлению, оцениваемому исключительно отрицательно, — колонизации Степного края.

Советский период был подвергнут полному пересмотру в новом историческом сознании. События, замалчивавшиеся или целенаправленно искажавшиеся в советской историографии, — голод 1930-х гг. (нередко именуемый в публицистическом дискурсе «геноцидом» [13]), массовые репрессии против национальной интеллигенции и деятелей партии «Алаш», деятельность Семипалатинского ядерного полигона, декабрьские события 1986 г. — были выдвинуты на первый план как «коллективные травмы» казахского народа. Фигура Ф. И. Голощекина стала символом репрессивной сталинской политики, в то время как лидеры «Алаш» (А. Байтурсынов, А. Букейханов и др.) были героизированы как провозвестники казахской государственности, павшие за идею национальной независимости. Визуальная декоммунизация стала наглядным воплощением этого разрыва с советским прошлым. Массовый демонтаж памятников В. И. Ленину и другим советским деятелям (более 340 к 2021 г. [14]) стал мощным символическим жестом, визуально утверждавшим новую историческую парадигму в физическом пространстве городов и сел Казахстана.

Параллельно с критикой «колониального» с точки зрения казахстанской историографии прошлого шел не менее важный процесс конструирования нового, «удревненного» и героического исторического нарратива. «Удревнение» истории стало одним из ключевых направлений этой работы. В трудах казахстанских историков и в публичном дискурсе стала активно проводиться связь казахов с древними кочевыми империями — скифами и гуннами [15]. Этот подход позволял «научно» и «исторически» обосновать права нации на занимаемую территорию, создавая образ глубинной исторической преемственности.

Героизация фигур прошлого стала логическим продолжением этой тенденции. Такие исторические личности, как Аттила и Чингисхан, несмотря на спорность их этнической принадлежности, стали активно включаться в казахский исторический нарратив как часть общего имперского наследия кочевников Великой Степи. Как отмечает казахстанский исследователь Р. К. Кадыржанов, через героизацию истории обосновывается право казахской нации на суверенное государство и подчеркивается ее историческая значимость [16]. Этот дискурс направлен на демонстрацию того, что казахи — народ с богатой традицией, достойный и имеющий право на свою государственность.

Так, историческая политика выполняет критически важную функцию в формировании современного казахстанского государства: она создает образ многовекового сопротивления и, наконец, обретенной независимости, что сплачивает нацию вокруг идеи суверенитета как высшей ценности. Именно этот акцент на суверенитете, выстраданном и завоеванном, становится внутренним мировоззренческим ограничителем для углубления интеграции в рамках различных международных проектов, особенно тех, где доминирующую роль играет бывшая метрополия — Россия.

Внешнеполитическая проекция: многовекторность и стратегическая избирательность

Внутренние процессы нациестроительства напрямую проецируются на внешнеполитическую стратегию Казахстана, определяя ее сложную, многовекторную архитектуру, где каждый интеграционный проект имеет четко очерченные цели и пределы. Эта политика характеризуется не только активным участием, но и сознательным неучастием в определенных проектах, когда это противоречит национальным интересам, сформированным в ходе «внутренней интеграции».

Участие Казахстана в организациях, где доминирующую роль играет Россия, является, прежде всего, прагматическим ответом на вызовы унаследованной взаимозависимости. Организация Договора о коллективной без-

опасности (ОДКБ) рассматривается Астаной как инструмент обеспечения региональной стабильности и сдерживания, но с четко очерченными границами. События в Казахстане в январе 2022 г. и последующие дискуссии наглядно показали эти жесткие рамки. Обращение за помощью к ОДКБ было воспринято как крайняя, вынужденная мера для стабилизации внутренней ситуации, а не как рутинная практика или свидетельство глубокой военно-политической интеграции [17]. Это подтвердило, что Астана рассматривает ОДКБ как ограниченный военно-политический инструмент, применение которого возможно лишь в исключительных обстоятельствах, и ни в коем случае не как механизм ограничения суверенитета.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет для Казахстана другой пример прагматизма. Участие в этой организации отражает признание объективной экономической взаимозависимости и расчет на получение конкретных экономических дивидендов — доступ к рынкам, логистические преимущества, согласованная экономическая политика. Однако внутренняя историческая политика, построенная по большей части на антиколониальном дискурсе, не позволяет этому участию перерасти в политический союз. Казахстанская элита регулярно и жестко подчеркивает исключительно экономический характер ЕАЭС, выступая против любых инициатив по созданию наднациональных политических органов [18]. Суверенитет, подкрепленный всей системой воспитания исторической памяти, остается абсолютным приоритетом, а интеграция рассматривается лишь как инструмент развития, но не как самоцель.

Параллельно с прагматическим участием в структурах с Россией, Казахстан активно развивает тюркский вектор как стратегическое направление, имеющее глубокие внутренние идейные корни. Лингвистическая и культурная близость создает фундамент для этого направления. Переход на латинскую графику является не только технической реформой, но и мощным символическим актом, подчеркивающим общность с Турцией, Азербайджаном и другими тюркоязычными странами. Этот шаг, по сути, визуально отделяет казахское культурное пространство от кириллического ареала и приближает его к тюркскому миру. Углубление институциональных связей через Организацию тюркских государств (ОТГ) представляет следующий уровень этого стратегического сближения. Казахстан играет одну из ключевых ролей в развитии этой организации, видя в ней платформу для более глубокой, цивилизационной интеграции, основанной на общности истории, языка и культуры [19]. Если ЕАЭС и ОДКБ для Казахстана — это в значительной степени наследие общего прошлого и прагматическая необходимость, то ОТГ представляет собой проект будущего, сознательный цивилизационный выбор.

Исторический нарратив становится важнейшей основой солидарности в рамках тюркского вектора. Политика «удревнения» истории, о которой шла речь выше, напрямую работает на укрепление этого направления. Общие корни с тюркскими народами, героизация общей истории (от гуннов до Золотой Орды) создают прочную основу для политической и культурной солидарности, которой невозможно достичь в отношениях с Россией. Этот нарратив позволяет Казахстану позиционировать себя не как бывшую периферию империи, а как одного из наследников великой кочевой и тюркской цивилизации.

Наиболее показательным примером стратегической избирательности внешней политики Казахстана, проистекающей из его внутренней повестки, является его позиция по вопросу расширения БРИКС. В 2024 г. Казахстан, обладающий всеми признаками растущей региональной экономики и политического влияния, получил приглашение на вступление в эту группу [20]. Однако официальная Астана заняла сдержанную позицию и не стала форсировать вступление. Это решение является не случайным, а глубоко продуманным и идеально вписывается в логику, выстроенную внутренней политикой идентичности. Избегание геополитической биполяризации стало первой и главной причиной такой сдержанности. БРИКС все больше воспринимается на международной арене как платформа для альтернативного Западу глобального управления и, в определенной степени, как инструмент стратегического противостояния с коллективным Западом [21]. Для Казахстана, чья многовекторность является краеугольным камнем внешней политики, присоединение к такому блоку означало бы добровольный отказ от ключевого принципа своей дипломатии и резкое сужение пространства для маневра. Это прямо противоречило бы тому прагматизму, который был выращен из необходимости балансировать между крупными державами, а не присоединяться к одному из противостоящих лагерей. Защита экономического суверенитета составила вторую важную причину. Вступление в БРИКС, где доминируют Китай и Россия, могло бы создать дополнительные риски для экономики Казахстана, увеличив ее зависимость от внутриблоковых процессов и потенциально ограничив возможности для сотрудничества с Европой, США и другими странами. Курс на диверсификацию экономических связей, являющийся прямым следствием стремления к максимальному суверенитету, диктует осторожность в присоединении к закрытым клубам с сильной геополитической окраской. Следование логике «внутренней интеграции» стало третьим определяющим фактором. Историческая политика, основанная на идее преодоления колониальной зависимости и многовекового отстаивания суверенитета, делает казахстанскую элиту и общество крайне чувствительными к любым формам внешнего давления или даже

потенциального ограничения самостоятельности. Присоединение к БРИКС могло бы быть воспринято внутри страны как шаг назад, к новой форме «большой братской» опеки. Такой шаг мог бы подорвать легитимность всего проекта внутренней интеграции, основанного на идее суверенитета как высшей ценности. Однако стоит добавить, что союзам, нацеленным на диверсификацию внешних связей Казахстана, уделяется значительное внимание. Так, Казахстан является участником Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и китайской инициативы «Пояс и путь».

Таким образом, решение не становиться полноправным членом БРИКС является таким же важным элементом внешней политики, как и участие в ЕАЭС или ОТГ. Оно демонстрирует устойчивость казахстанского подхода: приглашения используются для демонстрации своего международного веса и укрепления переговорных позиций, но членство принимается только тогда, когда оно не противоречит фундаментальным основам государственного суверенитета и стратегической многовекторности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно природы и особенностей внешней политики современного Казахстана.

Во-первых, внешняя политика Казахстана является прямым следствием и отражением его внутренней повестки нациестроительства. Процессы «внутренней интеграции» — конструирование новой национальной идентичности и переписывание исторического нарратива — стали не просто фоном, а фундаментальным основанием для выстраивания «внешней интеграции». Сложный дуализм казахстанской модели, балансирующей между «казахизацией» и «казахстанизацией», создал двойственную основу для внешних связей, позволяя одновременно укреплять культурный суверенитет и обеспечивать внутреннюю стабильность через гражданскую консолидацию.

Во-вторых, историческая политика, основанная на идее преодоления так называемого «колониального» прошлого и накопленных «коллективных травм», задает жесткие идеологические и психологические рамки для интеграции с бывшей метрополией. Она ограничивает эту интеграцию преимущественно экономической и ограниченной военно-политической сферой и служит постоянным напоминанием о необходимости охраны политического суверенитета. Конструирование «удревненного» и героического прошлого, в свою очередь, создает идейный фундамент для альтернативных векторов интеграции, в первую очередь — сближения с тюркским миром.

В-третьих, интеграционная политика Казахстана характеризуется стратегической избирательностью. Она представляет собой сложную, многоуровневую систему, где на первом уровне находятся прагматические союзы

по инерции (ОДКБ, ЕАЭС), чьи рамки жестко ограничены курсом на суверенитет; на втором — стратегические проекты будущего (тюркский вектор), питаемые внутренней политикой идентичности; на третьем — инструменты диверсификации (ШОС, «Пояс и путь»), обеспечивающие многовекторность и усиление переговорных позиций. Ярче всего эту избирательность демонстрирует позиция Казахстана по БРИКС. Активное использование возможностей для диалога при отказе от полноправного членства является тактическим ходом, направленным на максимизацию преимуществ (доступ к дискуссиям, усиление международного имиджа) при минимизации рисков (потеря многовекторности, втягивание в геополитическую конфронтацию). Это решение напрямую вытекает из курса на защиту суверенитета, сформированного внутренней исторической политикой и политикой идентичности.

Казахстанский опыт наглядно демонстрирует, что успешная многовекторная внешняя политика возможна только при условии решения задач внутренней консолидации и формирования общегражданской идентичности. Именно внутренняя интеграция позволяет Казахстану выстраивать сложную архитектуру внешних связей, где не только участие, но и сознательное неучастие в определенных проектах работает на укрепление национального суверенитета и международных позиций государства.

Список использованных источников и литературы:

1. *Marlene Laruelle,* «The Three Discursive Paradigms of State Identity in Kazakhstan,» in Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions, ed. Mariya Omelicheva (Maryland: Lexington Books Publisher, 2015), p. 5.
2. *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996., p. 5.
3. Назарбаев пожаловался на искажение казахского языка кириллическим алфавитом. // Lenta.ru. 15.09.2017. URL: https://lenta.ru/news/2017/09/15/nazarbaev/ (дата обращения: 15.10.2025).
4. Более 11 тыс. этнических казахов получили статус оралмана в 2020 году. // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. 19.11.2020. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/124524?lang=ru (дата обращения: 15.10.2025).
5. Об истории переписей населения Казахстана. Комитет по статистике МНЭ РК. // stat.gov.kz. URL: https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/7dc/hohqxtb4pb20c8d5ugfxl7n4zgyhsvtg/%D0%9E%D0%B1%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%B9%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0.doc (дата обращения: 15.10.2025).
6. Дашборд по кратким итогам переписи населения 2021 года. // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Респу-

блики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/instuments/dashboards/28478/ (дата обращения: 15.10.2025).
7. *Савин И. С.* Реализация и результаты культурно-языковой и образовательной политики в Казахстане в 1990-е. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30917506&pos=7;10#pos=7;10 (дата обращения: 15.10.2025).
8. Конституционный закон Республики Казахстан от 16 декабря 1991 г. № 107-XII «О государственной независимости Республики Казахстан». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000798 (дата обращения: 15.10.2025).
9. Конституция Республики Казахстан // Официальный сайт президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 15.10.2025).
10. *Хименес Товар С.* «Казахстанизация» Казахстана: языковая политика, национализм и этнические меньшинства // Россия и мусульманский мир. 2015. №1 (271). — С. 72.
11. *Аристов Н. А.* Этногенез и этническая история казахского народа. Астана: "Алтын кітап", 2007. Т. 2., С. 235–236.
12. *Алдажуманов К. С., Асылбеков М. Х., Касымбаев Ж. К., Козыбаев М. К.* История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 томах. Т. 3. — Алматы: «Атамура», 2010. — С. 135.
13. *Ашаршылык и Зулмат.* Как Казахстан пережил два голодомора // TRT на русском. 31.03.2021. URL: https://www.trtrussian.com/mnenie/asharshilyk-i-zulmat-kak-kazahstan-perezhil-dva-golodomora-4993176 (дата обращения: 15.10.2025).
14. В Казахстане участились демонтажи советских памятников. // Газета.ру. 03.01.2025. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/01/03/24763574.shtml (дата обращения: 15.10.2025).
15. *Назарбаев Н. А.* В потоке истории. — Алматы: Атамұра, 1999. — С. 273.
16. *Кадыржанов Р. К.* История Казахстана как этнокультурный символизм формирования национальной идентичности. URL: http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Kadyrjanov.....6...13.pdf (дата обращения: 15.10.2025).
17. Kazakhstan says it continues fulfilling obligations under CSTO. // Anadolu Ajansi. 12.10.2022. URL: https://www.aa.com.tr/en/world/kazakhstan-says-it-continues-fulfilling-obligations-under-csto/2709267# (дата обращения: 20.10.2025).
18. Kazakhstan Makes Clear That Integration Within the Eurasian Economic Union is Strictly About Economy. // The Geopolitics. 26.05.2023. URL: https://thegeopolitics.com/kazakhstan-makes-clear-that-integration-within-the-eurasian-economic-union-is-strictly-about-economy/ (дата обращения: 15.10.2025).
19. Президент принял участие в XII саммите Организации тюркских государств. // Официальный сайт президента Республики Казахстан. 07.10.2025. URL: https://www.akorda.kz/ru/prezident-prinyal-uchastie-v-xii-sammite-organizacii-tyurkskih-gosudarstv-792054 (дата обращения: 20.10.2025).
20. Казахстану направили приглашение в БРИКС. // РИА Новости. 27.11.2024. URL: https://ria.ru/20241127/briks-1986090074.html (дата обращения: 20.10.2025).
21. *Яковлев П. П.* БРИКС после расширения: западная стратегия сдерживания. // Перспективы. Электронный журнал. 2024. №2 (37). С. 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/briks-posle-rasshireniya-zapadnaya-strategiya-sderzhivaniya (дата обращения: 20.10.2025).

Пантюхина Виолетта Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕАЭС И ВЬЕТНАМА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

COOPERATION BETWEEN THE EAEU AND VIET NAM AS A STRATEGIC POTENTIAL FOR INTERREGIONAL INTEGRATION

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определять стратегический потенциал межрегиональной интеграции ЕАЭС и СРВ. Для осуществления поставленной цели автором было проанализировано сотрудничество двух сторон через «эффект перелива» из неофункциональной теории. Проведя анализ, автор делает вывод о состоятельности межрегиональной интеграции между ЕАЭС и СРВ, а также устанавливает направления по ее углублению.

Ключевые слова: ЕАЭС; Вьетнам, зона свободной торговли; межрегиональная интеграция; «эффект перелива».

Abstract. This article attempts to determine the strategic potential of interregional integration between the EAEU and Viet Nam. To achieve this goal, the author analyzed the cooperation between the two sides using neofunctional spillover theory. Based on this analysis, the author concludes that interregional integration between the EAEU and Vietnam is viable and identifies areas for its further development.

Key words: EAEU; Viet Nam; free trade area; interregional integration; spillover theory.

Введение

5 октября 2016 года в силу вступило Соглашение о свободной торговле между Евразийским Экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам [1], которое стало первым договором, заключенным между ЕАЭС и третьей стороной. Главным его пунктом стало снижение таможенных пошлин на большинство товаров, что в итоге привело к росту товарообороту приблизительно в 2,5 раза между сторонами. Будучи первым подобным соглашением ЕАЭС с азиатским государством, оно позволило добиться значительного успеха в сотрудничестве ЕАЭС в регионе АТР и расширить влияние в регионе.

Актуальность исследования отношений ЕАЭС и СРВ в качестве возможной межрегиональной интеграции обуславливается тем, что, во-первых, соглашение о ЗСТ объединяет евразийский регион и Юго-Восточную Азию, к которой относится Вьетнам, что отвечает нынешним требованиям по поиску новых форматов сотрудничества в условиях трансформации глобального порядка и санкционного давления на страну-участницу ЕАЭС РФ. Более того, важной составляющей является и распространенный в российском дискурсе «поворота на Восток», которая рассматривает АТР как регион стратегического интереса для ЕАЭС и с точки зрения возможности перестройки цепочек поставок [2]. Во-вторых, ряд исследователей предполагает, что в перспективе Вьетнам способен стать своеобразным «мостом» между двумя интеграционными инициативами: ЕАЭС и АСЕАН, благодаря своему активному участию в деятельности Ассоциации и своему опыту построению успешной модели сотрудничества с ЕАЭС. В-третьих, на октябрьском саммите АСЕАН в Малайзии российская делегация во главе с вице-премьером РФ Алексеем Оверчуком начали вести переговоры с делегацией СРВ по расширению ЗСТ [3], что свидетельствует о взаимной заинтересованности в сложившейся модели сотрудничества между сторонами.

Цель исследования – предоставление доказательств тому, что сотрудничество ЕАЭС и СРВ является не просто торговым партнерством, а имеет черты межрегиональной интеграции с перспективами ее развития.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Выявить ключевые изменения в сотрудничестве между ЕАЭС и СРВ после установление ЗСТ; 2. Проанализировать сотрудничество ЕАЭС и СРВ с помощью «эффекта перелива»; 3. Оценить текущее взаимодействие и перспективы.

Новизна данного исследования состоит в комплексном анализе сотрудничества ЕАЭС и Вьетнама, а также в применение в исследовании анализа с помощью «эффекта перелива», который позволяет оспорить тезис о том, что отношения между сторонами носят исключительно торговый характер.

Ключевые изменения в сотрудничестве между ЕАЭС и СРВ

К 2025 году партнерство между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Вьетнамом вышло на качественно новый уровень. Этому способствовало завершение формирования полноформатной зоны свободной торговли, главным итогом которой стало практическое обнуление таможенных пошлин, что привело к росту импорта трудоёмких товаров из Вьетнама и замещению более дорогого внутреннего производства [4].

Так, за время действия Соглашения заметно вырос товарооборот между странами ЕАЭС и Вьетнамом. По данным Евразийской экономической комиссии, у Армении — в 61 раз, Белоруссии — на 34%, Казахстана — в 4,2 раза, у Киргизии — в 14,5 раз, у России — в 1,3 раза.

По данным вьетнамской статистики, в 2024 г. двусторонний товарооборот с Россией увеличился более чем на четверть и достиг 4,6 млрд. долл.

По информации Главного таможенного управления Минфина Вьетнама, в первом квартале 2025 г., объем российско-вьетнамской торговли превысил 1,1 млрд долл. (российский экспорт достиг 556,9 млн долл, импорт — 545,4 млн долл.) [5].

Тем не менее, сотрудничество не ограничивается только торговлей. В настоящее время наблюдается развитие промышленной, логистической, технологической кооперации между сторонами [6].

Институциональным каркасом для этого стал комплексный план сотрудничества до 2030 года, нацеленный на создание совместных производственных мощностей, торгово-логистических хабов и точек индустриального присутствия.Также ведется работа над созданием цифровизации взаимодействия, в частности, подготовка Протокола об электронном обмене данными для упрощения процедур сертификации товаров.

«Эффект перелива»: значение термина

Понятие «эффект перелива» (spillover effect), разработанное в рамках теории неофункционализма, объясняет ключевой механизм и динамику региональной интеграции. Основоположник этой теории, политолог Эрнст Хаас, ввел данный термин в научный оборот в середине XX века.

Буторина Ольга Витальевна объясняет это понятие следующим образом: «Неофункционалистская концепция строится вокруг центрального стержня, который Хаас определил как перелив (spillover). Перелив подразумевает, что интеграция постепенно распространяется из одной отрасли в другие. Та или иная акция, связанная с достижением конкретной цели, порождает ситуацию, при которой исходная цель может быть достигнута лишь в результате последующей цепи действий, порождающих, в свою очередь, дополнительные условия . Эффект перелива принимает разные формы: функциональную, политическую или культивированную» [7].

Так, можно утверждать, что «эффект перелива» подразумевает, что успешная интеграция в одной, часто узкой, сфере создает технические потребности, политические стимулы и экономические выгоды для распространения сотрудничества на новые, смежные области [5].

Для комплексного анализа сотрудничества ЕАЭС и Вьетнама с точки зрения межрегиональной интеграции предлагается обратиться к «эффекту перелива».

«Эффект перелива» в анализе сотрудничества ЕАЭС и СРВ

Изначальная цель подписанного соглашения о создании ЗСТ состояла в торговом сотрудничестве между сторонами, однако постепенное увеличение товарооборота вместе с тем выявило определенные препятствия в развитие сотрудничества. Они состояли, главном образом, в сложностях использования транзитных портов и аэропортов, особенно после начала СВО и наложенных санкции на страну-участницу ЕАЭС — Россию. В связи с чем, ЕАЭС (Россия в частности) начали сотрудничество в логистической сфере: началось организовывать прямое сообщение, например, контейнерная морская линия компании FESCO между Хайфоном и Владивостоком и мульти модальные перевозки компаний «РЖД Логистика» и вьетнамской Ratraco через территорию Китая. Помимо этого, начали развиваться такие альтернативные логистические маршруты, как СМП и строящийся транспортный коридор Север-Юг. А также активизировалось использование сухопутных коридоров через Казахстан, началось включение вьетнамских логистических хабов в евразийскую транспортную систему [8].

Помимо этого, начали интенсивнее развиваться технологическая сфера вместе с инвестиционной. Компании ЕАЭС начали сотрудничать в агропромышленном, нефтегазовом секторе СРВ. Также важно учитывать и сотрудничество в IT–сфере, несмотря на то, что на данный момент оно не развито в достаточной мере, тем не менее положительные темпы присутствуют. Заметно также и развитие сотрудничества в атомной энергетики и в сфере услуг — туризм, транспортные перевозки [9].

Следует отметить, что торговля услугами достигла некоторого развития еще до подписания ССТ и сохранила темпы роста после него: в 2015 г. оборот Россия — Вьетнам составил, по данным ОЭСР, 864 млн долл., то есть почти в 3 раза больше, чем в 2008 г., а в 2019–1 340 млн (3,2 % от общего экспорта и импорта услуг СРВ). При этом Россия покупала услуг в 5–7 раз больше, чем продавала СРВ [9]. Также во Вьетнам проник ряд телекоммуникационных сервисов России, но пока по популярности и доходам они на порядок уступают конкурентам. Тем не менее потенциал для развития имеется.

Значимый вклад «эффекта перелива» заключается в демонстрации влияния соглашении о ЗСТ с СРВ на изменение регулятивных норм в отношении ввозимых товаров из третьих стран. Примером может служить Решение Совета ЕЭК № 130 «О Порядке ввоза на таможенную территорию Евразийского экономического союза продукции, подлежащей обязательной оценке соответствия на таможенной территории Евразийского экономического союза» 2021 года, которое внесло изменения в порядок ввоза продукции, подлежащей обязательной оценке соответствия [10]. Это доказывает непо-

средственное влияния соглашения о ЗСТ на интеграцию внутри ЕАЭС, поскольку страны-участницы стали совместно разрабатывать и принимать общие нормы, технические стандарты и системы сертификации.

Помимо этого, в сфере образования и науки, например, можно отметить рост числа квот для вьетнамских студентов в ведущих технических вузах России и Казахстана [11]. Реализуется совместные научные проекты, особенно в IT, биотехнологиях и сельском хозяйстве. Ведется также и совместная подготовка кадров.

Заключение

Так, отношения между сторонами безусловно имеют перспективы развития. Здесь важно еще раз отметить переговоры на полях саммита АСЕАН в октябре 2025, где в рамках двустороннего формата между Россией и Вьетнамом обсуждалось расширение ЗСТ с ЕАЭС и отмена пошлин более 90% товаров к 2027 году, а также формирование железнодорожного транспортного коридора, соединяющего Вьетнам и Россию через КНР и Монголию [3]. Это свидетельствует о взаимной заинтересованности сторон в углублении сотрудничества.

Однако больший потенциал представляется не в росте товарооборота, а в переходе к совместным высокотехнологичным проектам, стабилизации норм и масштабном вовлечении бизнес-сообщества, углублении институционального взаимодействия и переходу к новому этапу интеграции [6].

Так, в заключении, следует также выделить состоятельность перспектив становления Вьетнама «хабом» между ЕАЭС и АСЕАН, поскольку, демонстрируя успешный пример торговой интеграции, такая модель сотрудничества уже становится предметом интереса у таких стран АСЕАН, как Сингапур и Индонезия. В свою очередь успешный опыт кооперации с СРВ может стать для ЕАЭС своеобразной стратегической моделью построения отношений со странами ЮВА. А также появится возможность реализации концепции «Большой Евразии» — установлении отношений в регионе по линии ЕАЭС–ШОС–АСЕАН.

Список источников и литературы

1. Free Trade Agreement Between The Eurasian Economic Union And ITS Member States, Of The One Part, And The Socialists Republic Of Viet Nam, Of The Other Part, 2015. URL: https://eec.eaeunion.org/en/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/vietnam.php?ysclid=mj0fgcebj434414506 (дата обращения: 31.10.2025).
2. *Томилов, М. В.* Перспективы углубления торговой интеграции между участниками ЕАЭС и странами АТР / М. В. Томилов // Власть и управление на Востоке России. — 2020. — № 3(92). — С. 32–43. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44200152 (дата обращения: 31.10.2025)

3. Премьер Вьетнама предложил России расширить энергетическое сотрудничество. РИА Новости. 27.10.2025. URL: https://ria.ru/20251027/sotrudnichestvo-2050826896.html?ysclid=mj0g1ephgr452718626 (дата обращения: 31.10. 2025)
4. *Михальченкова, Т. С.* Эффекты обнуления таможенных пошлин в 2025 году по соглашению ЕАЭС–Вьетнам: торговое создание и торговое отклонение / Т. С. Михальченкова // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 11. С. 7455-7476.
5. Посол России во Вьетнаме: ЕАЭС и Вьетнам смогут достичь более высоких результатов. 29.05.2025. Vietnam News Agencies. URL: https://ru.vietnamplus.vn/posol-rossii-vo-v-etname-eaes-i-v-etnam-smogut-dostich-bolee-visokih-rezul-tatov-post80282.vnp. (дата обращения: 09.11. 2025).
6. *Вячеслав Харинов.* Вьетнам: мост между АСЕВН и ЕАЭС Евразийский диалог №2 (5).2025. URL: https://eadialog.com/read/tpost/gotrtpfgs1-v-harinov-vetnam-most-mezhdu-asean-i-eae (дата обращения: 09.11. 2025)
7. Европейская интеграция: учебник/ под. ред. О. В. Буториной. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. 720 с.
8. *Мазырин, В. М.* Соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом: ожидания и реальность / В. М. Мазырин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2024. — Т. 17, № 3. — С. 128-148.
9. *Зуев, В. Н.* Первые итоги Соглашения ЕАЭС — Вьетнам по торговле услугами и формирование переговорных стратегий по новым соглашениям в сфере услуг / В. Н. Зуев, Е. Я. Островская, Е. В. Васильева // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2021. — Т. 16, № 2. — С. 183-203.
10. Решение Совета ЕЭК № 130. Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/386/6255/ (дата обращения: 10.11.2025).
11. Минобрнауки заявило, что в вузах РФ учатся около 3 тыс. вьетнамских студентов. ТАСС. 03.09.2024 URL: https://tass.ru/obschestvo/21750021 (дата обращения: 10.11.2025).

Солохина Анна Ивановна

Омский государственный университет путей сообщения
Институт менеджмента и экономики
Бакалавриат

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ ИНТЕРМОДАЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК КАК БАРЬЕР ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

LEGAL AND ORGANIZATIONAL CHALLENGES OF INTERMODAL TRANSPORT AS A BARRIER TO EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION AND WAYS TO OVERCOME THEM

Аннотация. В статье исследуются системные правовые и организационные барьеры, сдерживающие развитие интермодальных перевозок в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Выявлены ключевые проблемы: правовые коллизии между международными транспортными конвенциями и организационная сложность, ведущая к росту трансакционных издержек. В качестве решения предлагается трехуровневый подход, включающий цифровизацию документооборота на основе блокчейн-технологий, унификацию законодательства государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), и комплексную подготовку кадров. Подчеркивается синергетический эффект от реализации данных мер для углубления экономической интеграции стран ЕАЭС.

Ключевые слова: интермодальные перевозки, Евразийский экономический союз, правовые коллизии, цифровизация, блокчейн, унификация права, подготовка кадров, логистика.

Abstract. The article examines the systemic legal and organizational barriers hindering the development of intermodal transport within the Eurasian Economic Union (EAEU). Key problems are identified: legal conflicts between international transport conventions and organizational complexity leading to increased transaction costs. A three-level solution is proposed, including the digitalization of document flow based on blockchain technologies, the unification of law through the adoption of an EAEU framework agreement, and comprehensive personnel training. The synergistic effect of implementing these measures for deepening economic integration is emphasized.

Keywords: intermodal transport, Eurasian Economic Union, legal conflicts, digitalization, blockchain, law unification, personnel training, logistics.

Формирование общего рынка Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и усиление сотрудничества в формате БРИКС актуализируют задачу

создания эффективных трансконтинентальных мультимодальных транспортных коридоров. К одному из прогрессивных способов доставки грузов в мультимодальном сообщении относится интермодальная (бесперегрузочная) технология. Использование этой технологии предполагает доставку грузов по единому документу и под ответственностью одного оператора, что является оптимальным логистическим решением для обеспечения «бесшовной» доставки грузов [5]. Однако развитие интермодальных перевозок на евразийском пространстве сталкивается с системными барьерами, ключевым из которых является экстремальная правовая и организационная сложность, порожденная множественностью юрисдикций и нормативных режимов. Преодоление этого барьера является критически важным условием для углубления экономической интеграции и повышения конкурентоспособности транспортной системы ЕАЭС [1].

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном рассмотрении проблемы в организации интермодальных перевозок не только как технико-логистической, но и как системной правовой и управленческой проблемы, сдерживающей интеграционные процессы в международной торговле. В работе предлагается конкретный набор решений, интегрирующий технологические, правовые и кадровые инновации в транспортно-логистической цепи.

Методологическую основу работы составляет анализ международных транспортных конвенций (КОТИФ-СМГС, КДПГ, Гаагско-Висбийские правила), национального законодательства государств-членов ЕАЭС, а также документов, регулирующих деятельность Союза в транспортной сфере [1, 2, 3, 4]. Применяются общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход для выявления коллизий в правовом регулировании и метод сравнительно-правового анализа.

В результате предварительного исследования были выявлены два взаимосвязанных вызова. Во-первых, это правовая коллизия: ответственность оператора интермодальной перевозки, декларируемая в договоре, вступает в противоречие с императивными нормами отраслевых конвенций. Например, различный уровень ответственности по КДПГ для автомобильного и СМГС для железнодорожного участка создает правовую неопределенность, повышает риски и стоимость страхования грузов [2, 3]. Во-вторых, организационная сложность: необходимость согласования многочисленных документов (CMR-накладная, железнодорожная накладная СМГС, книжка МДП), различных таможенных процедур и действий множества контрагентов, что приводит к задержкам, ошибкам и росту трансакционных издержек [4, 8].

В качестве путей решения проблемы предлагается трехуровневый подход.

Уровень 1. Цифровая трансформация транспортно-логистических процессов. Внедрение сквозных цифровых платформ на основе блокчейн-технологий создает основу для формирования единого электронного транспортного документа, признаваемого таможенными органами всех стран ЕАЭС. Однако настоящий прорыв в эффективности интермодальных перевозок связан с применением смарт-контрактов — самоисполняемых алгоритмов, которые автоматически фиксируют критические события в цепи поставок через интеграцию с системами IoT-мониторинга.

Например, факт передачи контейнера с автомобильного на железнодорожный транспорт, подтвержденный данными GPS-трекеров и датчиков целостности пломб, может автоматически инициировать следующие действия: актуализацию статуса груза в единой цифровой платформе; перерасчет сроков доставки с учетом текущей логистической ситуации; автоматический перевод части платежа автомобильному перевозчику; уведомление страховой компании о смене транспортного режима.

Особую значимость смарт-контракты приобретают в контексте управления ответственностью оператора интермодальной перевозки. Прописанные в коде условия распределения рисков между участниками процесса создают дополнительный регуляторный механизм, снижающий зависимость от коллизий между международными конвенциями. По оценкам экспертов BIMCO, автоматизация документооборота и расчетов на основе смарт-контрактов способна сократить время обработки транспортных операций на 60–80% и снизить административные издержки на 25–30% [9].

Уровень 2. Унификация транспортных документов и терминологии. Системный анализ нормативно-правовой базы государств-членов ЕАЭС выявляет существенные разночтения в трактовке ключевых понятий, регулирующих смешанные перевозки. Термины «мультимодальные», «интермодальные» и «комбинированные» перевозки в различных юрисдикциях наполняются различным содержанием. Так, например, в законодательстве Республики Казахстан и Российской Федерации эти понятия часто используются как синонимы. В нормативных актах Республики Беларусь акцент делается на техническом аспекте — использовании единой грузовой единицы. В международной практике подчеркивается организационный компонент — наличие единого оператора и одного транспортного документа.

Эта терминологическая неоднозначность создает почву для правовых коллизий при определении ответственности оператора интермодальной перевозки. Разработка и принятие в рамках ЕАЭС «рамочного» межправительственного соглашения об интермодальных перевозках должна начинаться с гармонизации понятийного аппарата. Успешным прецедентом служит опыт совмещенной железнодорожной накладной CIM/SMGS, уни-

фикация которой позволила существенно упростить железнодорожные перевозки между странами с различными правовыми системами [6].

Ключевыми элементами унификации должны стать:

1) единый перечень обязательных реквизитов транспортного документа;
2) стандартизированные условия ответственности оператора на различных этапах перевозки;
3) упрощенная процедура таможенного транзита для интермодальных грузов;
4) взаимное признание электронных документов и цифровых подписей.

Ключевым элементом предлагаемой унификации правового поля должно стать создание в рамках рамочного соглашения ЕАЭС последовательного и непротиворечивого механизма, устраняющего существующие системные коллизии. Центральным звеном данной реформы является введение единого интермодального транспортного документа, обязательного к применению на всей территории Союза. В настоящее время процесс перевозки сопровождается пакетом разнородных документов — от CMR-накладной для автомобильного участка маршрута до железнодорожной накладной СМГС и книги МДП для таможенных целей, каждый из которых обладает собственным, зачастую несовпадающим набором реквизитов и правил оформления. Это порождает административную избыточность, ошибки при передаче информации и существенные задержки на стыках между видами транспорта. Унифицированный документ призван консолидировать всю необходимую информацию, включая данные о всех участниках логистической цепи, точном описании груза, мультимодальном маршруте с указанием точек трансшипмента, а также актуальных таможенных процедурах, создав тем самым целостный и неизменный цифровой след груза.

Следующим критически важным аспектом унификации является установление стандартизированных условий ответственности оператора на протяжении всего маршрута следования груза. Современная правовая реальность характеризуется фрагментарностью, при которой ответственность логистического интегратора «скачет» в зависимости от этапа пути: на автомобильном участке действуют лимиты компенсации по КДПГ, на железнодорожном — по СМГС, что создает так называемые «правовые ямы» и порождает значительную неопределенность при разрешении споров и расчете страховых премий. Рамочное соглашение должно нивелировать эту коллизию, закрепив единый и неизменный режим гражданско-правовой ответственности, который будет применяться от момента принятия груза до момента его выдачи получателю, независимо от того, на каком виде транспорта произошел инцидент. Такой подход не только повысит предска-

зуемость для всех участников процесса, но и упростит процедуры страхования, сделав их более прозрачными и экономически эффективными.

Не менее значимым является вопрос упрощения таможенных процедур. Несмотря на существование Таможенного кодекса ЕАЭС, интермодальные перевозки, предполагающие многократную смену транспортных средств, по-прежнему сталкиваются с необходимостью проведения избыточного количества контрольных операций и предоставления дублирующих документов при пересечении внутренних границ Союза. В этой связи предлагается внедрить специализированный упрощенный процедурный режим таможенного транзита для интермодальных грузов. Данный режим должен быть основан на принципе «единой таможенной юрисдикции» в рамках всего маршрута ЕАЭС, когда таможенное оформление инициируется в пункте отправления, а последующий контроль осуществляется выборочно и дистанционно, с использованием данных с единой цифровой платформы, что минимизирует простои транспортных средств и физические инспекции.

Фундаментальной основой, обеспечивающей работоспособность всех вышеперечисленных новаций, выступает принцип взаимного признания электронных документов и цифровых подписей. Без создания доверенной цифровой среды, в которой электронный транспортный документ, заверенный квалифицированной электронной подписью оператора одной страны-члена, будет иметь такую же юридическую силу для таможенных и иных органов любой другой страны ЕАЭС, любые попытки цифровизации и унификации останутся фрагментарными. Следовательно, рамочное соглашение должно содержать императивную норму, обязывающую государства-члены признавать легитимность цифровых документов и подписей, созданных в соответствии с установленными стандартами ЕАЭС, что позволит реализовать концепцию по-настоящему «бесшовного» документооборота.

Уровень 3. Подготовка кадров. Цифровая трансформация транспортно-логистической отрасли формирует спрос на принципиально новых специалистов, сочетающих компетенции в области международного права, управления цепями поставок и работы с передовыми интеллектуальными технологиями. Подготовка таких кадров требует создания сетевой магистерской программы «Цифровая логистика ЕАЭС» на базе ведущих транспортных вузов стран Союза при активном участии ключевых отраслевых компаний.

Структура образовательной программы должна включать следующие модули.

Правовой модуль: углубленное изучение международных транспортных конвенций (КДПГ, СМГС, КОТИФ) с акцентом на коллизионные вопросы; анализ законодательства ЕАЭС в транспортной сфере; правовые аспекты использования электронных документов и смарт-контрактов.

Технологический модуль: практическое освоение технологий распределенных реестров, IoT-систем мониторинга, платформ анализа больших данных; изучение принципов работы автономного транспорта и роботизированных складских систем.

Управленческий модуль: управление сложными цепями поставок; риск-менеджмент в интермодальных перевозках; методы расчета совокупной стоимости владения логистическими активами.

Особое значение в контексте формирования кадрового потенциала для цифровой трансформации транспортной системы ЕАЭС приобретает стратегическое партнерство с ведущими отраслевыми компаниями, такими как «РЖД-Логистика», FESCO и АО «НК «КТЖ». Согласно мнению специалистов Международной федерации экспедиторских ассоциаций (FIATA), подготовка специалистов для логистики будущего невозможна без глубокой интеграции образовательных программ с реальным сектором экономики [10]. Такой симбиоз должен включать не только традиционные стажировки на ключевых логистических объектах — портах, мультимодальных терминалах и сортировочных станциях, — но и создание системы решения практических кейсов на основе реальных операционных данных компаний. Это позволяет сформировать у будущих специалистов компетенции в области управления сквозными цепями поставок и понимание принципов работы кросс-граничных транспортных коридоров.

Активное участие отраслевых экспертов в разработке учебных программ и проведении занятий гарантирует, что образовательный контент будет быстро развиваться и соответствовать технологическим тенденциям. На сегодняшний день мнение специалистов транспортной отрасли сходится на том, что современный логист должен быть не просто исполнителем, а интегратором технологических решений, способным оптимизировать транзакционные издержки на всех этапах транспортного процесса. Создание совместных исследовательских лабораторий для тестирования цифровых решений, таких как блокчейн-платформы для документооборота и системы предиктивной аналитики, становится полигоном для апробации инноваций до их масштабирования на реальную логистическую инфраструктуру.

Учебные планы необходимо трансформировать в соответствии с появлением новых профессий на стыке логистики и цифровых технологий. Сотрудники транспортных компаний нового поколения — это технически квалифицированные профессионалы, способные решать комплексные задачи в рамках цифровой экосистемы. Футурологические исследования констатируют формирование обширного спектра новых специальностей, обусловленных цифровизацией отрасли. Среди них — проектировщик новых видов транспорта, профессиональный пилот дрона и юрист в сфере беспилотного

транспорта. Особенно высока роль инженеров, работающих в парадигме «зеленой» экономики, — это специалисты в области возобновляемой энергетики, охраны окружающей среды, а также инженеры-конструкторы, занимающиеся созданием, тестированием и совершенствованием технологий для беспилотных и экологичных транспортных средств. Прогнозируется, что спрос на инженеров по машинному обучению и искусственному интеллекту, а также на специалистов по большим данным и кибербезопасности вырастет более чем на 80% [9].

В логистике будут особенно востребованы специалисты, комбинирующие традиционные отраслевые знания с цифровыми компетенциями, — аналитики предиктивной логистики, специалисты по «зеленой» логистике и операторы кросс-логистических решений [9]. Их работа будет опираться на такие технологические тренды, как интеллектуальные транспортные системы (ИТС), роботизация бизнес-процессов (RPA), предиктивное техническое обслуживание, мониторинг с применением дронов, а также развитие блокчейн-решений и систем на основе ИИ [3]. Возрастет значимость специалистов, обладающих глубоким пониманием цепочек поставок и принципов ESG [9].

Постепенно внедряемая профессия «Архитектор интеллектуальных систем поставок» связана с проектированием самообучающихся логистических сетей, использованием технологий искусственного интеллекта и предиктивной аналитики для адаптации к изменениям логистических процессов в реальном времени. Как отмечает профессор MIT Йосси Шеффи, «цифровые двойники цепей поставок становятся ключевым инструментом управления рисками и повышения устойчивости логистических операций». [11]. В профессиональной деятельности «Аналитика предиктивной логистики» при использовании больших данные и нейросетевых алгоритмов, выполняется прогнозирование спроса, оптимизация уровней страховых запасов и построение маршрутов с учетом множества переменных, включая погодные условия, таможенные формальности и транспортную загруженность. «Инженер по интеграции транспортных роботов» создает системы взаимодействия между различными видами автономного транспорта, обеспечивая их безопасную координацию в рамках единой логистической системы.

Особую актуальность в условиях сложного процесса внедрения искусственного интеллекта в транспортную отрасль приобретает профессия «Техника интеллектуальных транспортных систем». Этот специалист осуществляет техническое обслуживание сложной инфраструктуры умных дорог, систем V2X (vehicle to everything) коммуникаций и других элементов ИТС. Проблема технологического разрыва между поколениями специалистов становится особенно острой в контексте автоматизации транспортных

процессов. Сегодня логистика сталкивается с парадоксальной ситуацией: опытные специалисты с многолетним стажем зачастую не готовы работать с системами ИИ, в то время как молодые кадры не обладают достаточными практическими знаниями традиционных транспортных процессов. Именно профессия «Техник ИТС» становится ключевым звеном, обеспечивающим бесшовную интеграцию цифровых решений в существующую транспортную инфраструктуру, минимизируя многочисленные сбои, возникающие на стыке старой и новой технологических парадигм.

Специалист нового поколения «Урбанист-логист» проектирует экологичные решения для «последней мили» в умных городах, оптимизируя пересечение пассажирских, грузовых и сервисных потоков. Важно подчеркнуть, что интеграция логистики в городское планирование становится критически важной для снижения негативных экстерналий и повышения эффективности использования городского пространства. Такой комплексный подход к подготовке кадров позволяет сформировать принципиально новое поколение специалистов, способных не только адаптироваться к цифровой трансформации логистических процессов, но и выступать ее драйверами в рамках евразийской экономической интеграции.

Таким образом, развитие интермодальных перевозок в рамках ЕАЭС представляет собой комплексную экономико-правовую и техническую задачу. Предложенный трехуровневый подход — цифровая трансформация процессов унификации права и подготовки кадров — образует взаимодополняющую систему мер. Синергетический эффект от их реализации позволит трансформировать глобальную логистическую систему ЕАЭС из набора национальных транспортных сетей в конкурентоспособную трансконтинентальную платформу, способную стать ключевым звеном в глобальных цепях поставок. Будущее логистики и транспорта концентрируется вокруг интеграции человека и цифровых технологий, что неразрывно связано с подготовкой высокоспециализированных кадров, готовых эффективно использовать потенциал новейших технологических достижений в рамках интегрированных цифровых экосистем.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке конкретных механизмов имплементации предложенных решений, включая пилотные проекты по внедрению цифровых транспортных коридоров и детализации положений рамочного соглашения.

Список источников и литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 07.10.2025).

2. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) (Заключена в г. Женеве 19.05.1956). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_292315/ (дата обращения: 07.10.2025).
3. Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) (Заключено в г. Берне 01.11.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297095/ (дата обращения: 07.10.2025).
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 07.10.2025).
5. *Левкин Г. Г.* Организация интермодальных перевозок. — М.: Директ-Медиа, 2014. — 187 с.
6. *Родриг Ж.-П.* География транспортных систем / Пер. с англ. — М.: Юрайт, 2021. — 354 с.
7. *Вуд Д. Ф.* Международная логистика: Учебник для вузов / Пер. с англ. — М.: Юнити-Дана, 2017. — 512 с.
8. UNCTAD. Multimodal Transport: Implementation of an International Legal Instrument. 2022. URL: https://clck.ru/3Qemov (дата обращения: 08.10.2025).
9. *Майборода И. А.* Профессии будущего в транспортной отрасли: вызовы цифровой трансформации // Сборник докладов научно-практической конференции «Цифровые технологии на транспорте». ФГБОУ ВО «МГТУ». 28.11.2025. URL: https://clck.ru/3QembH (дата обращения: 29.11.2025).
10. Генеральные положения и правила экспедиторской ассоциации северных стран [Электронный ресурс] // CARDEL Logistics Ltd: организация авиационных, морских, контейнерных, железнодорожных, автомобильных международных и внутрироссийских перевозок грузов, мультимодальные перевозки, перевозка автомобильным транспортом. — URL: https://www.cardel.ru/pdf/fiata.pdf (дата обращения: 29.11.2025).
11. Логистика, искусственный интеллект и будущее сферы труда: интервью с Йосси Шеффи из Массачусетского технологического института [Электронный ресурс] // Photonics Media. — 2023. — Июнь. — URL: https://clck.ru/3Qemen (дата обращения: 29.11.2025).

Топучканов Дмитрий Сергеевич

Иркутский государственный университет
Исторический факультет
Бакалавриат

РОЛЬ ДИАСПОР КАК «НЕФОРМАЛЬНЫХ» АКТОРОВ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ (НА ПРИМЕРЕ ЕАЭС)

THE ROLE OF DIASPORAS AS «INFORMAL» ACTORS IN INTEGRATION PROCESSES (USING THE EAEU AS AN EXAMPLE)

Аннотация. В статье рассматривается роль диаспор как неформальных акторов в интеграционных процессах в рамках ЕАЭС. В работе применяются как общетеоретические методы (системный, сравнительный, сетевой подход), так и прикладной (вторичный анализ данных). Диаспоры рассматриваются в качестве самостоятельных субъектов через «модель треугольника» (Г. Шеффера). Исследование демонстрирует многофункциональную роль диаспор: регулирование трудовой миграции, инвестирование в экономику и лоббирование интересов страны происхождения. Деятельность диаспор анализируется также на примере России. Выявляется двойственный характер влияния диаспор, а также делается вывод о необходимости детального анализа и системного подхода к диаспорам со стороны стран-участниц ЕАЭС.

Ключевые слова: диаспоры, неформальные акторы, ЕАЭС, интеграция, Россия, трудовая миграция, «модель треугольника».

Abstract. This article examines the role of diasporas as informal actors in integration processes within the EAEU. It utilizes both general theoretical methods (systemic, comparative, and network approaches) and applied approaches (secondary data analysis). Diasporas are viewed as independent entities using G. Schaeffer's «triangle model». The study demonstrates the multifunctional role of diasporas: regulating labor migration, investing in the economy, and lobbying for the interests of their country of origin. The activities of diasporas are also analyzed using Russia as an example. The dual nature of diasporas influence is revealed, and a conclusion is drawn regarding the need for a detailed analysis and a systemic approach to diasporas by EAEU member states.

Keywords: diasporas, informal actors, EAEU, integration, Russia, labor migration, «triangle model».

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет собой многоуровневую интеграционную структуру, в рамках которой протекают сложные экономические, политические и социокультурные процессы. Наряду с «фор-

мальными» акторами интеграции, такими как государства-члены и наднациональные институты, значительное влияние на эти процессы оказывают «неформальные» акторы, к числу которых относятся диаспоры. Именно диаспоры выступают одним из ключевых элементов, отвечающего на запрос о более глубокой евразийской интеграции, и подтверждают общую тенденцию к усилению роли негосударственных акторов в мировой политике. Это обуславливает актуальность данного исследования.

Целью исследования является рассмотрение роли диаспор как «неформальных» акторов в интеграционных процессах в рамках ЕАЭС.

Научная новизна исследования состоит в преодолении фрагментарности существующих исследований через систематизацию данных и теоретических подходов к изучению диаспор как «неформальных» акторов в контексте ЕАЭС, что позволяет объединить разрозненные аспекты данной проблематики в единый научный дискурс.

Для реализации цели автором были использованы следующие общетеоретические методы: системный (рассмотрение диаспор как части системы — евразийского интеграционного пространства, а также их взаимодействие с другими элементами системы, в частности, через «модель треугольника»), сравнительный (сравнение активности и влияния диаспор в России в интеграционных процессах ЕАЭС) и сетевой подход (анализ сетевой деятельности диаспор). Также был задействован прикладной метод: вторичный анализ данных (использование данных из научных статей).

Современная наука определяет диаспору как транснациональное сообщество мигрантов, поддерживающее устойчивые материальные и эмоциональные связи со страной происхождения и одновременно адаптирующееся к условиям принимающего общества [7, с. 129]. Исследователи Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова выделяют ключевые признаки диаспоры. Во-первых, это этническая общность за пределами своей исторической родины. Во-вторых, стремление сохранить свою культурную идентичность при сопротивлении ассимиляции. В-третьих, наличие у диаспоры организационной формы (ассоциации, землячества, объединения) [13, с. 37].

Будучи негосударственными акторами, диаспоры обладают значительной степенью автономии, а также участвуют в сетевых взаимодействиях, которые пересекают национальные границы двух или более государств и осуществляют политическое лоббирование на государственные и международные институты. Интеграция диаспор в ключевые сектора экономики принимающих государств и сохранение востребованности на рынке труда позволяет им выступать в качестве самостоятельных субъектов в «модели треугольника» (Г. Шеффер): родина — диаспора — «принимающее» государство [7, с. 129–130].

В пространстве ЕАЭС диаспоры выступают важными регуляторами миграционных потоков, в особенности трудовой миграции. Важно отметить, что экономический кризис в странах СНГ приведший к массовой безработице и бедности населения, стал отправной точкой для усиления трудовой миграции. В этом контексте, Россия становится наиболее привлекательным направлением, например, для таких стран, как Армения и Кыргызстан. В конечном счете, это привело к формированию крупных диаспор на территории РФ. Формируя миграционную мобильность, потенциальные мигранты опираются на существующие сетевые связи в стране назначения; при их отсутствии ключевую роль играют диаспорные сообщества. Ярким примером, могут послужить кыргызские объединения «Замандаш» и «Мекендештер», которые имеют представительства в России и Казахстане, содействуя адаптации и интеграции соотечественников через взаимодействие с государственными институтами принимающих стран [13, с. 36–37].

Диаспоры могут проецировать образ страны происхождения, а в ряде случаев целенаправленно лоббировать ее интересы. В дополнение к этому, некоторые члены диаспоры концентрируют в своих руках непропорционально большие объемы капитала и собственности, что способствует укреплению их позиций в отдельных отраслях экономики, вплоть до формирования так называемой «этнической экономики». Благодаря этому, диаспоры осуществляют значительный вклад в экономику стран исхода через денежные переводы и прямые инвестиции [13, с. 38]. Например, в 2019 г. Армения получила из-за рубежа 1,49 млрд. долларов (10,9% ВВП) и около 65% из которых поступило из России [11]. Именно в силу таких экономических и политических возможностей развитые диаспоры выступают своеобразным «магнитом» для новых мигрантов, которые учитывают их размеры и уровень развития [13, с. 38].

Помимо всех перечисленных положительных последствий деятельности диаспор, есть и негативные. Диаспоры могут способствовать созданию этнических анклавов, в которых будет сконцентрировано большое количество мигрантов. Это может содействовать не интеграции в принимающее общество, а скорее наоборот — обособленности и формированию образа «чужого, другого» со стороны местного населения [13, с. 39]. Подобные анклавы формируют собственную замкнутую культурную, экономическую и даже правовую среду, основанную на кланово-родовых отношениях, характерных для обществ Центральной Азии (например, Кыргызстана и Казахстана). Это снижает мотивацию мигрантов к адаптации, приводит к насаждению собственных норм и ценностей, а также способствует отторжению ценностей принимающего общества. В результате, как показывает опыт России, подобная анклавизация ведет к росту преступности, коррупции в миграционных службах и создает почву для религиозных и межэтнических конфликтов [5, с. 10–19].

Актуальность и остроту этих проблем подтвердили события осени 2023 г. в России, когда серия резонансных правонарушений с участием мигрантов из Центральной Азии, кульминацией которых стал инцидент на Красной площади, что придало теме миграции новый негативный импульс. Примечательно, что это событие произошло на фоне общего снижения ксенофобии в российском обществе (по данным ВЦИОМ 2023 г. — 47% россиян признали, что трудовая миграция — это положительное явление для РФ). По мнению экспертов, такие провокационные действия могли быть попыткой разыграть «миграционную карту» для дестабилизации внутриполитической ситуации. Данная волна вновь перевела вопрос миграции из экономико-демографической плоскости в этнополитическую, наглядно показав, как нерешенные проблемы управления миграцией и интеграции, переданные на откуп теневым и диаспорным сообществам, ведут к дестабилизации [6].

Деятельность диаспор как «неформальных» акторов, можно рассмотреть на примере России, где сосредоточено большое количество различных диаспор, включая армянскую, кыргызскую, белорусскую и казахскую. Данные диаспоры играют активную роль в различных интеграционных процессах в РФ и некоторые из них представлены значительным количеством организаций. Например, кыргызская диаспора институционализирована в форме более 50 организаций, среди которых выделяется «Кыргызское сообщество — Кыргыз коомчулугу», созданная в 2025 г. в результате слияния двух межрегиональных общественных организаций («Киргизское единение — Кыргыз Биримдиги» и «Совет Кыргызской диаспоры») [2]. Хотя деятельность организации находится в стадии формирования, можно прогнозировать, что она будет сосредоточена на защите прав мигрантов, содействии легализации их труда, развитии культурных и образовательных связей через сотрудничество с государственными и интеграционными структурами, так как объединенные организации фокусировались именно на данных аспектах [1, с. 17; 8].

Интересы многочисленной армянской диаспоры (численность на 2020/2021 составляла 946 тыс.) представляет Общероссийская общественная организация «Союз армян России», основанная в 2000 г. и объединяющая 85 региональных отделений. Ее цели включают в себя сохранение национальной идентичности, оказание социальной поддержки (трудоустройство, медицинская, юридическая помощь и др.) и укрепление партнерских отношений между Арменией и Россией. В рамках организации реализуются значимые проекты и мероприятия, такие как «Форум Евразийского партнерства», который был проведен впервые в 2016 г. и нацеленный на углубление евразийской интеграции, прежде всего в экономической сфере, а также политической, культурной и технологической сферах [1, с. 18; 4; 9].

Крупнейшей структурой, представляющей интересы белорусской диаспоры, является «Федеральная Национально-Культурная Автономия Белорусов России», созданная в 1999 г. Ее деятельность в большей степени сфокусирована на поддержке и развитии Союзного государства (СГ), которое, по заявлению ее лидеров, является примером для других интеграционных проектов на постсоветском пространстве, в том числе и для ЕАЭС [1, с. 18–19].

В отличие от вышеупомянутых сообществ, казахская диаспора в России, как отмечают эксперты, демонстрирует меньшую активность в контексте евразийской интеграции [1, с. 19]. Казахская диаспора была представлена «Союзом некоммерческих организаций по сохранению и развитию казахской этнокультуры» (2017 г.), который в 2025 г. был ликвидирован по решению суда [10]. Также на активность диаспоры в рамках ЕАЭС влияет ее меньшая консолидация и отсутствие стремления напрямую влиять на интеграционные процессы, что отчасти объясняется сравнительно меньшим притоком трудовых мигрантов из Казахстана в Россию [1, с. 19–20]. Так, в 2025 г. трудовых мигрантов из Казахстана в России насчитывалось 102 тыс. чел., что почти в 3,5 раза меньше, чем из Кыргызстана (350 тыс. чел.) [3; 12].

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать ряд ключевых выводов.

Диаспоры являются важными неформальными акторами, которые могут выступать как самостоятельные субъекты в интеграционных процессах в контексте ЕАЭС. Они регулируют трудовую миграцию, обеспечивают экономическое процветание и стабильность странам своего происхождения посредством денежных переводов и инвестиций, а также лоббируют их интересы через развитые сетевые структуры. Все это подтверждает универсальность «модели треугольника», через которую диаспоры выступают связующим звеном между родиной и «принимающим» государством.

Влияние диаспор имеет двойственный характер. С одной стороны, они помогают соотечественникам адаптироваться и интегрироваться, с другой — способствуют созданию замкнутых этнических анклавов, что может провоцировать социальную напряженность и использоваться для дестабилизации внутриполитической ситуации в стране.

Степень влияния диаспор в рамках ЕАЭС варьируется. Наиболее активны и институционализированы армянские и кыргызские сообщества. Тогда как, белорусская диаспора сфокусирована на развитии СГ, а казахская проявляет наименьшую активность из-за слабой консолидации, отсутствия необходимой структуры и меньших масштабов трудовой миграции.

На основании вышеизложенного можно резюмировать следующее: диаспоры — это мощный, но неоднозначный инструмент интеграции, требующий детального анализа и системного подхода со стороны стран-участниц ЕАЭС.

Список источников и литературы

1. *Бурдина Е.* Роль диаспор России в интеграционном процессе в ЕАЭС // Международный аспект. 2020. Т. 1. № 1. С. 14–21. URL: https://www.intaspect.ru/jour/article/view/7 (дата обращения: 26.10.2025).
2. В Москве состоялось слияние общественных объединений, под названием «Кыргызское сообщество» // Kginfo.ru. 29.07.2025. URL: https://kginfo.ru/v-moskve-sostoyalos-sliyanie-obshhestvennyh-obednenij-pod-nazvaniem-kyrgyzskoe-soobshhestvo (дата обращения: 26.10.2025).
3. В России находится порядка 350 тыс. трудовых мигрантов из Кыргызстан // АКИpress. 06.03.2025. URL: https://kg.akipress.org/news:2240246 (дата обращения: 26.10.2025).
4. Всероссийская перепись населения о национальном составе России // Народы Урала. 18.04.2023. URL: https://народыурала.све.рф/новости/20263 (дата обращения: 26.10.2025).
5. *Добаев И. П.* Миграции и проблема анклавизации территорий Российской Федерации (на материалах мусульманских республик Кавказа и Центральной Азии) / И. П. Добаев // Россия и мусульманский мир. 2024. Т. 331. № 1. С. 9-22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsii-i-problema-anklavizatsii-territoriy-rossiyskoy-federatsii-na-materialah-musulmanskih-respublik-kavkaza-i-tsentralnoy-azii (дата обращения: 26.10.2025).
6. *Ивахнюк И.* Трудовая миграция в Россию : взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций / И. Ивахнюк // Российский совет по международным делам. 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demograficheskikh/?sphrase_id=261514776 (дата обращения: 26.10.2025).
7. *Лошкарев И. Д.* Роль диаспор в современной политике // Вестник МГИМО. 2015. № 2 (41). С. 127–133. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-diaspor-v-sovremennoy-mirovoy-politike (дата обращения: 26.10.2025).
8. Совет Кыргызской диаспоры : официальный сайт. URL: https://diaspora.kg/about (дата обращения: 26.10.2025).
9. Союз армян России (САР) : официальный сайт. URL: https://sarinfo.org (дата обращения: 26.10.2025).
10. Союз некоммерческих организаций по сохранению и развитию казахской этнокультуры // Платформа некоммерческих организаций : официальный сайт. URL: https://платформа-нко.рф/organization/1177700019188 (дата обращения: 26.10.2025).
11. *Топилин А.* Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграции в ЕАЭС / А. Топилин, Г. Погосян, Г. Осадчая, Н. Рязанцев // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 3. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2021/journal_rus/cac-03/09.shtml (дата обращения: 26.10.2025).
12. Kazakhstan Labor Migration Report Shows Most Citizens Working in Russia // The Times of Central Asia. 10.10.2025. URL: https://timesca.com/kazakhstan-labor-migration-report-shows-most-citizens-working-in-russia/ (made of access: 26.10.2025).
13. *Ryazantsev S.* Diasporas as informal tools for regulating migration in the Eurasian economic union / S. Ryazantsev, A. Ter-Akopov, E. Pismennaia, A. Lukyanova // Central Asia and The Caucasus. 2017. Vol. 11. № 3. p. 35-42. URL: https://www.researchgate.net/publication/320142575_Diasporas_as_informal_tools_for_regulating_migration_in_the_eurasian_economic_union (made of access: 26.10.2025).

СЕКЦИЯ «ИНТЕГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ МЕДИА: РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ»

Дробышевский Дмитрий Александрович

ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»
Минский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова
Бакалавриат

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ КАК ФАКТОР ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

INFORMATION SECURITY OF DIGITAL PLATFORMS AS A FACTOR IN PROTECTING ECONOMIC SOVEREIGNTY

Аннотация. Цифровизация экономики сделала информационные технологии ключевыми ресурсами развития, а цифровые платформы — «артериями» современных финансовых и товарных потоков. В таких условиях надёжность и безопасность платформ критически важны для устойчивости экономической системы Союзного государства Россия–Беларусь. В статье анализируются основные угрозы цифровой инфраструктуре, риски зависимости от иностранной ИКТ и механизмов санкций, а также рассматриваются стратегии укрепления цифрового суверенитета двух стран. Особое внимание уделено совместным инициативам в области кибербезопасности, импортозамещению ИТ-решений и развитию отечественных технологий.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровые платформы, экономический суверенитет, цифровая независимость, Союзное государство, киберугрозы.

Abstract. The digitalization of the economy has made information technology a key resource for development, and digital platforms have become the “arteries” of modern financial and commodity flows. In such circumstances, the reliability and security of platforms are critically important for the stability of the economic system of the Russia–Belarus Union State. The article analyzes the main threats to digital infrastructure, the risks of dependence on foreign ICT and sanctions mechanisms, and discusses strategies to strengthen the digital sovereignty of the two countries. Special attention is paid to joint initiatives in the field of cybersecurity, import substitution of IT solutions and the development of domestic technologies.

Keywords: information security, digital platforms, economic sovereignty, digital independence, Union State, cyber threats.

К середине 2020-х годов цифровизация экономики выходит на новый уровень: информационные технологии становятся ключевым ресурсом национального развития, а цифровые платформы — от облачных сервисов до электронных торговых систем и государственных услуг — выступают артериями современной экономики. В таких условиях обеспечение их информационной безопасности становится необходимым условием устойчивости экономических процессов и сохранения экономического суверенитета государств.

Особую значимость данная проблема приобретает в рамках интеграционных объединений, где формируется общее цифровое пространство и усиливается взаимозависимость национальных информационных систем. В Союзном государстве Российской Федерации и Республики Беларусь цифровые платформы государственных и частных структур функционируют в тесной связке, что делает уязвимость одной стороны потенциальным риском для всей союзной экономики. Это объективно требует рассмотрения информационной безопасности не на уровне отдельных стран, а в рамках единой цифровой экосистемы.

В этих условиях актуализируется необходимость научного анализа информационной безопасности цифровых платформ как фактора защиты экономического суверенитета Союзного государства. Для решения поставленной задачи в ходе исследования использовались методы системного и сравнительного анализа, контент-анализ нормативных правовых актов и официальных отчетов, а также анализ практических кейсов киберинцидентов в Российской Федерации и Республике Беларусь. Теоретической основой исследования послужили научные работы в области информационной и экономической безопасности, концепции цифрового суверенитета и критической информационной инфраструктуры.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении информационной безопасности цифровых платформ Российской Федерации и Республики Беларусь как единой союзной цифровой экосистемы. В работе показано, что устойчивость цифровых платформ одной страны напрямую влияет на экономическую безопасность партнёра, что позволяет по-новому интерпретировать цифровой суверенитет в условиях интеграционного объединения.

Цифровой суверенитет понимается как способность государства контролировать собственную цифровую инфраструктуру, данные и ключевые технологические решения, а также противостоять внешнему технологиче-

скому и политическому давлению [1–2]. Это право государства управлять своей ИТ-средой и защищать её от внешнего давления. В интересах экономической независимости Союзного государства создание устойчивых национальных ИТ-систем и снижение зависимости от иностранных технологий обосновываются как стратегический приоритет: обе страны закрепили в национальных доктринах необходимость импортозамещения и развития своих ИТ-решений.

Особую важность информационная безопасность приобретает в условиях интеграции. На территории Союзного государства многие крупные государственные и частные структуры РФ и РБ работают в общей цифровой среде и сталкиваются с одинаковыми вызовами. Их киберустойчивость следует рассматривать не обособленно, а как единую экосистему Союзного государства. Создание совместной цифровой инфраструктуры, единых стандартов ИБ и унификация правовых норм помогает минимизировать зависимость от западных технологий и формировать экосистему «цифрового суверенитета».

При этом неустойчивость платформ одной страны быстро отражается на партнёре: взаимозависимое цифровое пространство Союза уязвимо перед кибератаками и санкционным давлением.

Ключевым элементом цифрового суверенитета выступает критическая информационная инфраструктура (КИИ), к которой относятся системы транспорта, энергетики, финансов, здравоохранения и связи. Именно эти объекты становятся приоритетной целью при кибератаках, что подтверждается опытом многих стран. В России действует закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры», обязывающий владельцев таких объектов внедрять системы защиты, проводить категорирование и уведомлять о киберинцидентах. При этом Доктрина информационной безопасности Российской Федерации закрепляет рассмотрение критической информационной инфраструктуры как стратегического элемента обеспечения национальной и экономической безопасности, что позволяет интерпретировать угрозы цифровым платформам не только в техническом, но и в институционально-экономическом контексте [3]. Беларусь следует аналогичным принципам. Однако на союзном уровне пока отсутствует единая система мониторинга КИИ, что ограничивает возможности коллективного реагирования на угрозы. Формирование единого реестра КИИ, синхронизация протоколов реагирования и обучение специалистов по общим стандартам стали бы важным шагом к укреплению устойчивости цифровой инфраструктуры Союзного государства.

Концепция информационной безопасности Союзного государства (утверждена 22 февраля 2023 года) особо выделяет угрозы, связанные

с использованием ИКТ в агрессивных целях: вмешательство во внутренние дела, подрыв суверенитета, а также рост кибератак на критические ресурсы обеих стран.

Одновременно нарастает внешнее технологическое давление: санкции западных стран ограничивают поставки оборудования, программного обеспечения и сервисов, необходимых для функционирования государственных и промышленных цифровых платформ. В результате приостановки деятельности компаний Cisco, AWS и Microsoft российские и белорусские организации столкнулись с необходимостью срочного поиска технологических альтернатив [4–6].

Блокировки доступа к иностранным ИТ-решениям требуют срочного поиска альтернатив и делают уязвимой промышленную и финансовую инфраструктуру. В научных работах импортозамещение в сфере информационных технологий рассматривается как ключевой инструмент обеспечения экономической безопасности государства в условиях санкционного давления, позволяющий снизить технологическую зависимость и повысить устойчивость национальных цифровых платформ [7].

Кибератаки на объекты КИИ обеих стран интенсифицируются. В 2022 году на Россию было совершено на 80% больше кибератак, чем в предыдущем году, при этом государственный сектор стал главной целью. Результативные меры позволили успешно ликвидировать более 25 тыс. кибератак на государственные ресурсы и 1,2 тыс. инцидентов на объектах критической информационной инфраструктуры [8]. Эта статистика отражает системный характер киберугроз, затрагивающих ключевые отрасли экономики и усиливающих риски для устойчивости цифровых платформ и экономической безопасности государств.

Беларусь входит в тройку наиболее атакуемых государств среди стран СНГ. Исследование Positive Technologies показало, что в 62% случаев успешные кибератаки на белорусские организации заканчивались утечкой конфиденциальной информации. При этом 18% успешных атак пришлось на государственные учреждения, 14% — на промышленность, 11% — на финансовый сектор. Доля успешных атак с эксплуатацией уязвимостей выросла с 34% до 48%, что связано с использованием некоторыми организациями устаревших IT-систем и недостаточной защитой [9].

Конкретный пример — атака группировки «Киберпартизаны» на государственного производителя удобрений «Гродно Азот» в апреле 2024 года [10]. Атакующие получили доступ к производственным системам предприятия, сайту и корпоративным сетям. Последствия атаки продемонстрировали уязвимость цифровых платформ промышленных предприятий и возможность возникновения долгосрочных экономических и репутационных последствий.

В этих условиях обеспечение устойчивости цифровых платформ становится ключевым фактором поддержания доверия к союзной цифровой экосистеме и стабильности интеграционных экономических процессов. Геополитическая нестабильность и быстрый рост санкционных рисков вынуждают рынки ИБ обеих стран быстро трансформироваться. При этом финансовые потери, связанные с простоями сервисов или утечкой данных, могут подрывать доверие бизнеса и населения к совместной цифровой экосистеме. Единые цифровые сервисы Союзного государства требуют повышенного уровня защиты, поскольку инциденты в одной стране способны затрагивать экономику партнёра.

Надёжность цифровых платформ непосредственно влияет на экономическую устойчивость. Безопасные и прозрачные сервисы стимулируют интеграцию бизнеса и общества в цифровое пространство Союза. Внедрение современных технологий — блокчейн, искусственный интеллект, анализ больших данных — открывает новые возможности управления рисками и оптимизации экономических процессов. В перспективе это не только укрепляет экономический суверенитет: создаются новые стандарты цифрового взаимодействия внутри Союзного государства.

В ответ на внешние угрозы Россия и Беларусь наращивают кооперацию в сфере ИТ и кибербезопасности. Санкции подвигли страны совместно разрабатывать собственные ИТ-решения вместо недоступных западных продуктов. В результате российские технологии всё активнее внедряются в защиту белорусской инфраструктуры, ведётся унификация стандартов и подготовка ИТ-кадров.

Концепция информационной безопасности Союзного государства провозглашает создание единого научно-технического пространства, задачей которого является обеспечение технологической независимости обеих стран. Документ подчёркивает развитие совместного потенциала в сфере ИКТ и ИИ, трансфер недостающих технологий и подготовку профильных специалистов как основные меры по обеспечению технологической независимости.

Практическое воплощение этой кооперации видно в конкретных инициативах. 12 марта 2025 года российская компания ГК «Солар» и Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь подписали соглашение о сотрудничестве, которое закрепляет участие российской компании в строительстве национальной системы кибербезопасности Республики Беларусь, включая защиту государственных организаций, критической инфраструктуры и бизнеса [11]. В результате этого партнёрства российская SWG-система Solar web Proxy получила сертификат соответствия требованиям технического регламента средств защиты информации ОАЦ РБ и теперь внедряется в банковском, государственном секторе и крупных компаниях республики.

С февраля 2023 года в Беларуси запущена программа развития центров кибербезопасности (SOC) для защиты компаний и государственных организаций. За время сотрудничества ГК «Солар» с ОАЦ Беларуси в совместной программе киберинтенсивов и киберучений приняли участие более 250 специалистов по информационной безопасности из 130 компаний и организаций республики.

Одновременно обе страны столкнулись с растущей угрозой государственного кибершпионажа. В осени 2025 года была зафиксирована фишинговая кампания Operation SkyCloak, нацеленная на оборонные организации в России и Беларуси. Атаки использовали документы военной тематики в качестве приманок и продвинутые техники обфускации, а весь обмен данными осуществлялся через Tor [12]. Подобные инциденты указывают на трансформацию киберугроз в инструмент межгосударственного давления и актуализируют необходимость координированного ответа в рамках Союзного государства. Это подчеркнуло необходимость координированного ответа на государственные киберугрозы.

В частности, белорусское правительство официально декларирует необходимость обеспечить технологическую независимость и цифровой суверенитет под давлением внешнего кризиса. Это предполагает рост инвестиций в отечественное программное обеспечение, локальные центры обработки данных и отечественные облачные платформы.

Наращивание совместного потенциала проявляется также в координации законодательных и нормативных мер. Депутаты Союзного парламента (заседание от 20 марта 2025 года в Нижнем Новгороде) отмечают необходимость создания единых правовых инструментов обеспечения цифровой независимости и регулирования технологий ИИ [8]. Принятие таких норм будет стимулировать унификацию требований к информационной безопасности и создаст правовую основу для совместных цифровых проектов.

Существенный вклад в обеспечение цифрового суверенитета вносит цифровизация госуправления. В России с 2020-х годов реализуется программа «Цифровое государственное управление», нацеленная на переход от ведомственного ИТ-контроля к экосистемному подходу. В Беларуси аналогичные усилия реализуются через платформу «Цифровая страна» и модернизацию электронных госуслуг. Союзное государство предпринимает шаги к синхронизации этих процессов, включая межведомственный обмен данными, создание интегрированных реестров и разработку согласованных сервисов. Например, проект по унификации цифровой подписи между странами позволит бизнесу и гражданам свободно пользоваться услугами обеих юрисдикций. При этом уровень защищённости цифровых государственных сервисов напрямую влияет на доверие бизнеса и населения к союзной

цифровой среде. Расширение таких интеграционных механизмов повышает уровень доверия, прозрачности и, в конечном счёте, устойчивости союзной цифровой среды.

Партнёрство охватывает и образовательную сферу: ведётся разработка союзных программ подготовки ИБ-специалистов и обмен опытом в аналитике угроз. По итогам консультаций 6 августа 2025 года в Москве под руководством заместителей секретарей советов безопасности обеих стран стороны договорились о совместных мероприятиях по защите критической инфраструктуры и обучению кадров в области кибербезопасности.

Комплексные меры — от технической устойчивости до совместной нормативной базы — укрепляют защиту союзной экономики. Инвестиции в информационную безопасность рассматриваются как долгосрочный вклад в суверенитет: укреплённые платформы и цифровые сервисы создают условия для независимого экономического развития Союза.

При этом координация усилий России и Беларуси ведёт к созданию консолидированной цифровой экосистемы, где уязвимость одного государства минимально отражается на другом. Укрепление этих подходов на институциональном уровне позволит Союзному государству более эффективно противостоять растущим киберугрозам и сохранять свободу экономического развития в условиях внешнего давления.

Информационная безопасность в современных условиях выходит за рамки реагирования на отдельные угрозы и приобретает значение системного фактора технологического и экономического развития. Инвестиции в защиту цифровой среды способствуют развитию отечественных ИТ-решений, укреплению исследовательского потенциала и повышению устойчивости цифровых платформ к внешнему давлению.

В целом информационную безопасность цифровых платформ в рамках Союзного государства целесообразно рассматривать не только как защитный механизм, но и как фактор институциональной устойчивости интеграционного объединения. Системная координация усилий России и Беларуси в сфере ИБ формирует основу для долгосрочного экономического суверенитета и снижает уязвимость союзной экономики к внешним технологическим и санкционным рискам.

Надёжная защита цифровых платформ обеспечивает контроль над ключевыми ИТ-ресурсами и данными, на которых базируются совместные экономические процессы.

Список источников и литературы

1. *Авдийский В. И., Иванов А. В., Царегородцев А. В.* Взаимосвязь цифрового суверенитета и цифрового пространства: новые вызовы и перспективы // Вестник Евра-

зийской науки. — 2024. — Т. 16. — № S3. — URL: https://esj.today/PDF/21FAVN324.pdf (дата обращения: 09.12.2025).
2. *Зульфугарзаде Т. Э., Першина Ю. О.* Развитие правового обеспечения цифрового суверенитета современного государства на примере России // Экономика и управление инновациями. — 2024. — № 3. — С. 128–133. — DOI: 10.21686/2411-118X-2024-3-128-133.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612060002.pdf (дата обращения: 09.12.2025).
4. Cisco Announces Wind-Down of Operations in Russia and Belarus // The Register. 24 июня 2022. URL: https://www.theregister.com/2022/06/24/cisco_quits_russia_and_belarus/ (дата обращения: 08.12.2025).
5. AWS bans new signups from Russia and Belarus // Tech Central. 8 марта 2022. URL: https://www.techcentral.ie/aws-bans-new-signups-from-russia-and-belarus/ (дата обращения: 08.12.2025).
6. Microsoft suspends access to cloud services for Russian companies // Data Center Dynamics. 19 марта 2024. URL: https://www.datacenterdynamics.com/en/news/microsoft-suspends-access-to-cloud-services-for-russian-companies/ (дата обращения: 08.12.2025).
7. *Переберина, Д. А.* Импортозамещение как фактор обеспечения экономической безопасности государства на примере Российской Федерации / Д. А. Переберина, И. С. Бабкина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 22 (521). — С. 293-298. — URL: https://moluch.ru/archive/521/115059 (дата обращения: 09.12.2025).
8. Россия и Беларусь объединят усилия для обеспечения кибербезопасности и цифрового суверенитета // Евразия Expert. 20 марта 2025. URL: https://eurasia.expert/rossiya-i-belarus-obedinyat-usiliya-dlya-obespecheniya-kiberbezopasnosti-i-tsifrovogo-suvereniteta-/ (дата обращения: 08.12.2025).
9. Беларусь заняла второе место в СНГ по числу кибератак // OfficeLife.media. 29 октября 2025. URL: https://officelife.media/news/66876-issledovanie-belarus-zanyala-vtoroe-mesto-v-sng-po-chislu-kiberatak/ (дата обращения: 09.12.2025).
10. «Киберпартизаны» получили доступ к производственным процессам «Гродно Азот» // Reform.news. 17 апреля 2024. URL: https://reform.news/podrobnosti-ataki-kiberpartizany-poluchili-dostup-k-proizvodstvennym-processam-grodno-azot/ (дата обращения: 09.12.2025).
11. Кибербезопасность РФ и Беларуси: сотрудничество в условиях санкций // Anti-Malware.ru. 22 августа 2025. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/Russia-and-Belarus-Cyber-Security-2025 (дата обращения: 09.12.2025).
12. Шпионская кампания Operation SkyCloak нацелена на оборонный сектор в России и Беларуси // Дайджест Start X № 442. 6 ноября 2025. URL: https://startx.team/blog/daydzhest/442 (дата обращения: 09.12.2025).

Коломейцева Ксения Алексеевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Гуманитарный институт
Бакалавриат

Черненок Дарина Максимовна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Гуманитарный институт
Бакалавриат

«ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ» И КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: КАК КИТАЙСКИЕ МЕДИА ПРЕОДОЛЕВАЮТ БАРЬЕРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THE DIGITAL DIVIDE AND CULTURAL INTEGRATION: HOW CHINESE MEDIA OVERCOME BARRIERS IN THE GLOBAL INFORMATION SPACE

Аннотация. Актуальность темы связана с трансформацией «цифрового разрыва» в культурно-нарративную проблему для стран с альтернативными цивилизационными моделями. Научная новизна: комплексный анализ стратегии, объединяющей государственные СМИ, цифровые платформы (TikTok, Tencent) и «мягкую» индустрию (кино, игры) для создания многополярного информационного порядка. Теоретическая база: концепции «мягкой силы» (Най), медиаимпериализма (Бойд-Барретт) и цифрового суверенитета. Методы исследования: контент- и сравнительный анализ. Эмпирическая основа — данные CNNIC, Всемирного банка, Pew Research Center и официальные документы КНР (2020–2024). Исследование показывает, что Китай преодолевает медийную асимметрию, но сталкивается с геополитическими и доверительными вызовами.

Ключевые слова: китайские медиа, мягкая сила, глобальное информационное пространство, «мягкая» индустрия, многополярность, цифровой разрыв, цифровой суверенитет.

Abstract. The relevance of the topic is related to the transformation of the "digital divide" into a cultural and narrative problem for countries with alternative civilizational models. Scientific novelty: a comprehensive analysis of the strategy combining state media, digital platforms (TikTok, Tencent) and the "soft" industry (cinema, games) to create a multipolar information order. Theoretical basis: concepts of "soft power" (Nye), media imperialism (Boyd-Barrett) and digital sovereignty. Research methods: content and comparative analysis. The empirical basis is based on data from CNNIC, the World Bank, the Pew Research Center and official documents of the PRC (2020–2024). The study shows that China is overcoming media asymmetry, but is facing geopolitical and trust challenges.

Keywords: chinese media, soft power, global information space, “soft” industry, multipolarity, digital divide, digital sovereignty.

With the rapid digitalization of the world, the issue of access to information and the ability to participate in global media discourse is becoming increasingly relevant. The concept of the “digital divide” — the disparity in the possibilities of using digital technologies between countries, regions and social groups — has traditionally been associated with the technical infrastructure and the level of Internet coverage. However, in the 21st century, it has also acquired a cultural dimension: even with technical access to the global network, countries with a different civilizational model face difficulties promoting their own narrative in the dominant Western media space.

As one of the world’s leading powers, China is aware of these challenges and is actively working to overcome both technical and cultural barriers. Chinese media, from state–owned giants like CGTN (China Global Television Network) and Xinhua (China News Agency) to digital platforms such as TikTok (Douyin) and Tencent (Tencent), a private investment company specializing in various Internet services, are becoming important tools. cultural integration and soft power, allowing China not only to participate in global information exchange, but also to form alternative agendas.

The global information space has long been defined by Western media corporations — BBC, CNN, The New York Times, Netflix and others. Their content, based on liberal values, individualism, and a certain interpretation of democracy, has become a kind of standard of “universal” media discourse. For countries with a different cultural logic, including China, this created a kind of “media asymmetry”: their voices were either ignored or interpreted through the prism of Western stereotypes.

In this context, the digital divide is not so much the absence of the Internet as the lack of equal opportunities to represent one’s own culture, politics, and worldview in global media. China faced this problem particularly acutely during the Cold War era, when its development model began to be perceived as an alternative to the Western one [1].

The analysis of China’s integration into the global information space is updated by its strategic policy of using digital technologies to consolidate influence in international affairs. A fundamental element of this strategy is the large-scale infrastructure of state-owned media in different languages of the world. The consistent expansion of the network of media assets — including print publications, television and radio broadcasting, as well as Internet portals in English, Russian, French and other languages — ensures the PRC’s steady strengthening of its position in the global information sphere [2].

China has developed a multi-level strategy for entering the global information field. For this purpose, first of all, investments in international media were attracted. Since the 2000s, China has significantly increased funding for foreign media projects: CGTN broadcasts in dozens of languages, Xinhua has opened hundreds of bureaus around the world, and China Daily publishes materials in English, French, and Arabic. These media outlets strive not only to convey the official position, but also to adapt the content to local audiences. CGTN's global presence was expanded by deploying a network of representative offices in Southeast Asia, Africa, and Latin America. This infrastructure allows for full-fledged broadcasting, which transforms the channel into a truly global coverage tool within the framework of the "soft power" strategy. At the same time, the world's leading media outlets such as The BBC, The New York Times, The Financial Times and The Economist are demonstrating adaptation to the Chinese market by releasing Chinese-language versions. China is also actively increasing its media presence in Africa through an integrated approach: the Xinhua News Agency is expanding its network of representative offices, the China Daily publishes materials in local languages, and the monthly magazine ChinAfrica Magazine and the CCTV Africa TV channel, broadcasting since 2012, complement this extensive media structure [2].

The creation of digital platforms can also be included in the Chinese strategy of entering the global information field. The widespread adoption of smartphones and the mobile Internet has led to a strategic shift in China's new media towards mobile-oriented and social platforms. WeChat and Weibo have evolved into the dominant content distribution channels, which has catalyzed the emergence of numerous successful representatives of the new media industry — Internet celebrities [3]. TikTok (Douyin) has become the clearest example of "reverse expansion" — the Chinese product has won billions of users outside of China, becoming not just an entertainment platform, but also a new media format. Through short videos, millions of people around the world gain access to Chinese culture, daily life, music, and even political ideas — albeit in an implicit form. The platform, offering intuitive, visual and algorithmically verified content, was able to overcome the cultural and language barrier. TikTok's recommendation algorithm studies user preferences rather than imposing a unified Western product on them, which allows local cultures, including Chinese content, to find their audience organically [4]. The high degree of penetration of new media in China is confirmed by the number of Internet users, which by 2023 amounted to 1.079 billion people. The key factor is the ability to receive information anytime and anywhere through smartphones, computers and other devices [5].

The Chinese strategy of cultural integration goes far beyond traditional diplomacy and state propaganda. In recent years, China has been actively investing in the so — called "soft" industry, which includes cinema, literature, anime,

video games, music, and online education. These products are becoming a powerful vector of informal cultural influence, especially among young people in Asia, Africa and Latin America. For example, Chinese dramas and historical series broadcast through the international versions of Tencent Video and iQiyi platforms generate viewers' interest in Chinese history, ethics and aesthetics. Video games from companies like miHoYo (now HoYoverse), such as Genshin Impact, not only demonstrate a high level of technological development, but also visualize elements of Chinese mythology and philosophy, making them accessible to a global audience [6].

According to a report by the China Internet Network Information Center (CNNIC, 2023), the volume of Chinese digital content exports exceeded 15 billion US dollars in 2022, which is 22% more than in 2020. The growing popularity of Chinese dramas and historical series outside of China is especially noticeable. For example, the historical series "The Longest Day in Chang'an" (2019), available on Netflix and Viki, has garnered over 500 million views in Asia and Latin America. By 2023, the Tencent Video International (WEtv) platform had more than 170 million active users in 110 countries, with 60% of the audience coming from Indonesia, Thailand, Brazil and Mexico [7].

Equally important is the export via video games. miHoYo (now HoYoverse) achieved global success with the Genshin Impact game, which generated over $4 billion in revenue by 2023 and had over 60 million monthly active users worldwide. The game not only demonstrates a high level of technological development, but also visualizes elements of Chinese mythology and philosophy: the Liyue region in the game is directly inspired by traditional Chinese architecture, Taoist ethics and the concept of harmony between man and nature. Such narratives packaged in an interactive format make Chinese culture accessible even to those who are not interested in politics or official diplomacy [8].

Educational exports occupy a special place in this strategy. Projects like the Confucius Institutes, despite criticism from Western politicians due to their connection with the state, remain one of the most ambitious tools for popularizing the Chinese language and traditional culture. According to the Ministry of Education of the People's Republic of China, by 2023 there were more than 500 such institutes in 150 countries in the world. In 2022, China also launched the Confucius Digital Institute initiative, offering free online Chinese language courses with AI support and adaptive learning [9]. Digital educational initiatives are developing in parallel.: Online courses on platforms like Coursera, edX, and their own Chinese MOOC resources (for example, XuetangX and Chinese MOOC) offer courses in Chinese philosophy, economics, and language in more than 20 languages. In 2023, more than 80 million users from 180 countries were registered on XuetangX alone, and courses on "Chinese Civilization" and "Practical Putonghua" were among the top

10 most popular. This allows us to form a sustained interest in China not through coercion, but through voluntary involvement and cultural curiosity [10].

In addition to cultural exports, China is consistently building its own digital ecosystem, which is a key element in bridging the structural digital divide. In the face of technological sanctions and restrictions from the United States, China accelerated the process of "technological autonomy" (tech self-reliance), developing platforms and standards independent of Western corporations. Facebook, WeChat, Alipay, Huawei Cloud, and Baidu Maps ecosystems are not just replacing Google, Facebook, or Apple in China; they are becoming an alternative model of digital infrastructure focused on collective values, government regulation, and localized user experience [11].

This model is particularly attractive for the countries of the Global South, where Western technologies are often perceived as a tool of neocolonial influence. Chinese companies are actively cooperating with the governments of Africa, Southeast Asia and Latin America, offering "digital packages" — from the construction of fiber-optic networks to the introduction of facial recognition systems and digital payment solutions. For example, as part of the Digital Silk Road Initiative (part of the One Belt, One Road project), Huawei has built more than 150 smart cities in 40 countries by 2023, including Ethiopia, Kenya, Thailand and Argentina. In Ethiopia, with the support of Alibaba Cloud, the national e-government platform "Sheger City" was created, covering 5 million inhabitants [12].

Thus, China offers not just to "connect to the Internet", but to integrate into an alternative digital space dominated by Chinese standards, protocols and cultural codes. This allows partner countries to bridge the digital divide not through assimilation into the Western model, but through participation in the formation of a multipolar digital order. According to the World Bank (2023), countries that have implemented Chinese digital solutions have demonstrated an acceleration in the growth of digital literacy by 18–30% in five years compared to similar countries focused on Western technologies [13].

Despite significant successes, China's strategy to bridge the digital divide and cultural marginalization faces serious challenges. First, the growing geopolitical tensions between China and Western countries are leading to increased regulatory pressure on Chinese digital platforms. For example, TikTok has been repeatedly banned or threatened with blocking in the United States, India and EU countries under the pretext of protecting national security and personal data. Secondly, issues of transparency and trust remain key barriers: many users in democratic societies are skeptical about Chinese content as a tool of state propaganda, even when it is presented as an entertainment or educational product. This undermines the potential of "soft power" and limits its effectiveness in regions with high media literacy and a critical attitude towards official narratives.

In the long term, the main challenge is the sustainability of the alternative digital ecosystem. Although Chinese technologies are resonating in the Global South, their large-scale adoption carries risks of technological dependence similar to that previously criticized by Western corporations. In addition, China's desire to promote its own standards — from 5G to AI ethics — may lead to fragmentation of the global Internet (splinternet), where the digital space is split into isolated zones of influence. In this context, cultural integration risks becoming not a dialogue of civilizations, but a competition between closed information systems. The future of the multipolar media space will depend not only on technological and content advances, but also on the ability to build supranational trust mechanisms that ensure a balance between sovereignty, security and openness.

According to a study by the Pew Research Center (2023), in Africa and Southeast Asia, 58% of young people aged 18–30 consider Chinese media to be "more relevant to their culture" than Western media. This proves that the monopoly of Western media dominance can be successfully challenged through a combination of technology, adaptive content marketing, and long-term infrastructure investments. Their experience shows that in the era of digital globalization, cultural integration is possible not only through assimilation, but also through dialogue on equal terms, provided that all participants have the technical, linguistic and narrative tools for this dialogue [14].

The Chinese experience demonstrates that in the 21st century, overcoming the digital divide and cultural barriers is not a matter of passive integration into the existing system, but of actively building parallel digital and media infrastructure. By combining a government strategy with innovative digital platforms, Chinese media demonstrate how a country with an illiberal model can integrate into the global information field without losing its cultural identity. The success of this strategy is not absolute, but it has already changed the landscape of global communications, proving that the monopoly of Western media dominance can be successfully challenged through a combination of technology, adaptive content marketing and long-term infrastructure investments. Their experience shows that in the era of digital globalization, cultural integration is possible not only through assimilation, but also through dialogue on equal terms — provided that all participants have the technical, linguistic and narrative tools for this dialogue.

List of sources and literature

1. *E. L. Sidorenko.* The Chinese Initiative of the Digital Silk Road: directions and prospects of development, advantages and risks for Russia // Russian Journal of Economics and Law. 2025. No. 19 (1). pp. 57–79.
2. *Tang Rongyan.* The participation of Chinese mass media in the process of globalization // Journalism — Media Studies — Mentoring. 2021. No. 1. pp. 96–101.

3. *Li Ya., Zhai M.* How to tell the story of China in the party media in a new media environment // New Media Research. 2018. No. 4. pp. 89–92.
4. *Rejeb, A., Rejeb, K., Appolloni, A.* Foundations and knowledge clusters in TikTok (Douyin) research: evidence from bibliometric and topic modeling analyses // Multimed Tools — China. 2024. No. 66. pp. 141–142.
5. *Wu Qianping.* A study of the creation and dissemination of China's national image in the era of new media // The world of sound screens. 2023. No. 17. pp. 8–10.
6. *Zinevich O. V., Selezneva N. V.* China's New Soft Power Strategy // Bulletin of MGIMO University. 2022. No. 15 (6). pp. 36–54.
7. The 52nd Statistical Report on China's Internet Development // China Internet Network Information Center (CNNIC). [Electronic source]. URL: https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202311/P020231121355042476714.pdf. (Accessed: 28.10.2025).
8. The Genshin Impact mobile game brought developers $1 billion in the first year since its release // Mobile-Review. [Electronic source]. URL: https://mobile-review.com/all/news/mobilnaya-igra-genshin-impact-prinesla-razrabotchikam-1-mlrd-za-pervyj-god-s-momenta-vypuska/. (Accessed: 28.10.2025).
9. *Kazakov O. I.* On the international scientific conference "Humanitarian cooperation of the Asia-Pacific countries" in 2025 // East Asia: facts and analysis. 2025. No. 7 (3). pp. 111–121.
10. *Semenova T. V. , Vilkova K. A. , Shcheglova I. A.* The market of mass open online courses: prospects for Russia // Educational issues. 2018. No. 2. pp. 173–197.
11. *Danilin I. V.* Evolution of Chinese hi-tech sector development policy: from new technologies to new subjects? // Contours of global transformations. 2023. Volume 16. No. 5. pp.129–145.
12. *Khokhlova P. A.* China's foreign economic relations with the Global South: neocolonialism or "justice for all"? // East Asia: facts and analytics. 2025. No. 7 (2). pp. 46–59.
13. Digital 2024: China // Datareportal. [Electronic source]. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-china / (Accessed: 28.10.2025).
14. Teens, Social Media and Technology 2023 // Pew Research Center. [Electronic source]. URL: https://www.pewresearch.org/internet/2023/12/11/teens-social-media-and-technology-2023/. (Accessed: 28.10.2025).

Макаревич Полина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И ФЕНОМЕН ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ: КОМПЛЕКСНЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ УСТОЙЧИВОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕС

DISINFORMATION AND THE PHENOMENON OF FAKE NEWS: A COMPLEX CHALLENGE FOR THE SUSTAINABILITY OF INTEGRATION PROCESSES IN THE EU

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу дезинформации и фейковых новостей как системной угрозы устойчивости европейской интеграции, эксплуатирующей культурно-политическое многообразие ЕС для подрыва легитимности институтов и коллективной солидарности. Научная новизна заключается в разработке типологии деструктивных нарративов, направленных на эрозию идентичности и доверия, а также в предложении стратегических мер противодействия. На основе анализа регуляторных инструментов и институциональных механизмов формулируются рекомендации, ключевым из которых является переход от реактивного опровержения к активному конструированию объединяющих позитивных нарративов.

Ключевые слова: дезинформация, фейковые новости, Европейский Союз, интеграционные институты, восстановительные нарративы, выборы.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of disinformation and fake news as a systemic threat to the sustainability of European integration, exploiting the cultural and political diversity of the EU to undermine the legitimacy of institutions and collective solidarity. The scientific novelty lies in the development of a typology of destructive narratives aimed at the erosion of identity and trust, as well as in the proposal of strategic countermeasures. Based on the analysis of regulatory instruments and institutional mechanisms, recommendations are formulated, the key of which is the transition from reactive refutation to the active construction of unifying positive narratives.

Keywords: disinformation, fake news, European Union, integration institutions, restorative narratives, elections.

Введение

Растущее распространение дезинформации превращает феномен фейковых новостей в системную угрозу для легитимности и стабильности инте-

грационных процессов в ЕС. Специфика информационного ландшафта ЕС, характеризующаяся многообразием языков, культур и политических нарративов, делает его особенно уязвимым к целенаправленным кампаниям по дискредитации, поляризации и подрыву общественного доверия к наднациональным институтам и общеевропейским ценностям. Комплексный анализ механизмов деструктивного воздействия дезинформации на устойчивость европейской интеграции критически важен для разработки эффективных стратегий противодействия.

Несмотря на значительное количество исследований по распространению дезинформации и противодействию Европейского Союза данной угрозе (например, работы Колотаева Ю. Ю. [1], Базаркиной Д. Ю. [2], зарубежных исследователей Энарсона Т. [3], Наварро Дж. [4] и отчеты Европейского парламента [5]), в научной литературе недостаточно работ, системно исследующих дезинформацию не только как внешнюю гибридную угрозу, но и как инструмент внутренней политической конкуренции. Данная статья восполняет этот пробел, рассматривая дезинформацию как многомерный вызов устойчивости интеграции и давая комплексную оценку ответным мерам ЕС.

Целью исследования является комплексный анализ природы, механизмов распространения и деструктивного воздействия дезинформации и фейковых новостей на устойчивость европейской интеграции, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по их нейтрализации. Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать природу и механизмы распространения дезинформации и фейковых новостей в контексте цифровой трансформации коммуникаций.
2. Выявить специфику воздействия дезинформации на интеграционные процессы ЕС, включая подрыв доверия к институтам, поляризацию и замедление интеграции.
3. Предложить стратегии противодействия в рамках рассматриваемой проблемы.

Методологической основой работы служат качественные методы, включающие анализ документов, кейс-стади, контент-анализ нарративов. Исследование опирается на корпус источников за период 2023–2025 гг.: законодательные акты ЕС (DSA, DMA, EMFA), отчёты институтов (Европейский парламент, Европейская обсерватория цифровых медиа – EDMO), а также материалы электоральных кампаний и кризисных кейсов (выборы в Европарламент 2024 г., референдум о Brexit, нарративы вокруг энергетического и миграционного кризисов). Контент-анализ позволил выявить и типизиро-

вать повторяющиеся дезинформационные сюжеты в разных странах-членах ЕС. На основе результатов, полученных этими методами, были сформулированы стратегические рекомендации: анализ нормативных актов выявил необходимость оперативного коммуникационного механизма, а кейсы задали целевые вектора для «восстановительных нарративов».

Научная новизна исследования заключается в разработке типологии фейковых новостей, ориентированных на подрыв коллективной идентичности и легитимности европейских институтов, и в предложении системных рекомендаций для укрепления устойчивости ЕС к данным информационным вызовам. Таким образом, исследование не только заполняет обозначенный пробел в литературе, но и формирует основу для практических рекомендаций по укреплению устойчивости институтов ЕС.

Природа и механизм распространения «фейковых новостей» и дезинформации

В научном дискурсе, посвящённом изучению искажённой информации, наблюдается терминологическая дивергенция в использовании ключевых понятий «дезинформация» и «фейковые новости». В данной статье феномен «фейковых новостей» рассматривается как вид информационного воздействия, искажающий как когнитивные процессы индивидов, так и коллективное сознание. Данный процесс осуществляется путем целенаправленного манипулирования смысловым наполнением и интерпретацией транслируемых сообщений [6, с. 16]. Под «дезинформацией», в свою очередь, понимается преднамеренно распространяемая ложная или недостоверная информация с целью обмануть, ввести в заблуждение и причинить вред [7].

Дискуссионным остаётся вопрос об их соотношении: часть исследователей рассматривает фейковые новости как подвид дезинформации, в то время как другие авторы выделяют их в отдельный феномен, акцентируя роль вирального распространения в цифровой среде. Значимым аспектом является также различие в коннотации этих терминов. Если понятие «дезинформация» в ряде работ может трактоваться как относительно нейтральный описательный термин, в некоторых случаях даже с позитивным оттенком, то фейковые новости практически во всех исследовательских контекстах несут негативную оценку. Отсутствие консенсуса в определениях затрудняет сравнительный анализ и выработку единых критериев противодействия данным явлениям.

За последнее десятилетие можно наблюдать значительное смещение фокуса внимания со стороны руководящих органов Европейского союза в сторону проблем, связанных с онлайн-дезинформацией и феноменом фейковых новостей. Эти явления, будучи неотъемлемым следствием текущих цифровых трансформаций, развиваются параллельно с нарастающими

политическими конфронтациями как на национальном, так и на международном уровнях. Подрывая доверие к институтам, ответственным за реализацию интеграции, а также к информации, исходящей от официальных источников, дезинформация порождает скептицизм и в итоге ведёт к отторжению идеи коллективного сотрудничества.

Однако макрополитика ЕС сохранила особый акцент на политической дезинформации, а также проблеме вмешательства выборы, часто игнорируя внутреннюю дезинформацию и действия частных акторов. Это создало дисбаланс в установлении ответственности за меры, приоритеты и уровни противодействия. Среди ключевых акторов дезинформационных кампаний против ЕС [8, с. 4] особое значение приобретают не столько внешние государственные акторы, сколько внутренние - радикальные политические силы и популистские движения. Они используют дезинформацию для внутренней политической борьбы и целенаправленного подрыва доверия граждан к наднациональным институтам ЕС. Эти тенденции ярко проявляются на примере предвыборных кампаний и кейсов, демонстрирующих отношения на уровне государство-объединение.

Целевые нарративы ЕС и их деструктивное воздействие на интеграционные процессы

Ключевыми нарративами дезинформационных кампаний в 2023–2025 гг. стали энергетический кризис, санкционная политика, миграция и климатическая повестка [9, с. 10]. Эти вызовы использовались для поляризации, роста евроскептицизма и подрыва доверия к ЕС.

Кейс выборов в Европарламент 2024 года наглядно демонстрирует, как дезинформация была инструментализирована прежде всего внутренними политическими силами для атаки на саму основу наднациональной демократической легитимности. В ходе кампании радикальные и евроскептические партии, такие как «Vox» в Испании и «Альтернатива для Германии», координированно распространяли ложные сообщения, ставившие под сомнение честность избирательного процесса. Подобные нарративы, составившие 31,6% от всех выявленных фейков, напрямую атаковали процедурные основы интеграции через бездоказательные обвинения в фальсификациях и технических сбоях. Параллельно эксплуатировались социально-экономические нарративы раскола, особенно в сфере миграции (12,9% фейков), где тезисы о несправедливом распределении квот и утрате контроля над границами увязывались с призывами к восстановлению национального суверенитета, что находило особый отклик в странах с сильным антииммиграционным дискурсом, таких как Польша или Франция [9, с. 13]. В меньшей, но значимой степени (7,9%) использовались и кризисные нарративы катастрофизма,

в частности, вокруг «зелёного курса», который представлялся как сознательная политика, ведущая к краху сельского хозяйства и энергетической зависимости. Подобная дезинформация, исходящая от внутренних сил, подрывает доверие не только к конкретным институтам, но и к самой идее наднационального демократического процесса, способствуя дальнейшей поляризации и укреплению евроскептических настроений, которые в долгосрочной перспективе ослабляют солидарность и замедляют углубление интеграции.

Кейс референдума о Brexit также наглядно демонстрирует деструктивный потенциал таргетированной дезинформации для интеграционных процессов ЕС. Деятельность компании Cambridge Analytica, основанная на распространении персонализированных политических сообщений среди избирателей, стала инструментом воздействия на массовое сознание в ходе ключевого для единства ЕС голосования, распространяя нарративы о «брюссельской диктатуре» и представляя ЕС как инструмент утраты национального контроля [10]. Данный кейс стал примером скоординированной дезинформационной кампании, где центральную роль сыграли мифы о суверенитете и внешнем управлении. Параллельно эксплуатировались социально-экономические нарративы раскола, в частности, фальсифицированные утверждения кампании Vote о значительных взносах Великобритании в бюджет ЕС в размере £350 млн в неделю [11], которые можно было бы направить на национальное здравоохранение (NHS).

Однако даже отсутствие окончательных судебных доказательств прямого влияния этих методов на исход референдума не отменяет их системного вреда. Публичная дискуссия о возможности манипуляций данными подрывает доверие граждан к легитимности демократических процедур и прозрачности принятия решений в ЕС. Таким образом, дезинформация разрушает не только факты, но и доверие, порождая эпистемический кризис — атмосферу сомнений в честности коллективных политических процессов.

Однако стоит отметить, что прямые доказательства влияния дезинформации на результаты выборов отсутствуют. Методологические подходы, включающие анализ намерений избирателей и их восприимчивости к конкретным дезинформационным нарративам, согласно последним исследованиям [12], указывают на сложность установления достоверной причинно-следственной связи между фейковыми новостями и реальным электоральным поведением. Но, несмотря на отсутствие эмпирических доказательств взаимосвязи распространения дезинформации и выборов, дискурс вокруг этой темы приобретает черты секьюритизации в рамках теоретического анализа. Поэтому проблематизация дезинформации в рассматриваемом контексте, независимо от степени верифицируемой значимости или последствий, актуализирует ее как предмет для более подробного научного изучения.

Таким образом, данный кейсы не просто иллюстрируют разнообразие фейковых новостей, но и служат эмпирической основой для выявления системных паттернов дезинформационных атак, которые были классифицированы в разработанной типологии фейковых новостей, направленных на подрыв коллективной идентичности и легитимности институтов ЕС (таблица 1). Классификация позволяет не только структурировать разрозненные проявления угрозы в виде нарративов по их целевой направленности и механизмам воздействия, но и выявить системные уязвимости интеграционного проекта, что является необходимым условием для разработки точных и адресных стратегий повышения информационной устойчивости.

Таблица 1

Типология фейковых новостей, направленных на подрыв коллективной идентичности и легитимности институтов ЕС

Тип	**Ключевая цель**	**Основной механизм**
Институциональная дискредитация	Лишение доверия к ключевым институтам ЕС (Комиссия, Парламент)	• Скоординированные атаки в соцсетях с хештегами, обвиняющими еврочиновников в коррупции без доказательств. • Создание фальшивых новостных сайтов, имитирующих авторитетные издания, с «разоблачительными» материалами. • Использование deepfake-видео с компрометирующими заявлениями представителей институтов.
Мифы о суверенитете и внешнем управлении	Представление ЕС как инструмента внешнего контроля или внутреннего доминирования	• Распространение конспирологических теорий о «брюссельской диктатуре» или тайном влиянии третьих стран через лоббистов. • Манипуляция директивами ЕС: вырывание пунктов из контекста и представление их как прямого посягательства на национальный суверенитет.
Социально-экономические нарративы раскола	Усиление перцепции несправедливости и неравенства внутри ЕС	• Фальсификация или манипулятивное представление статистики по трансфертам из фондов сплочения, создание образа «доноров». • Гиперболизация единичных случаев злоупотребления средствами ЕС как системной проблемы.

Кризисные нарративы катастрофизма	Доказательство неспособности ЕС справляться с вызовами, усиление хаоса	• «Предсказания» неминуемого коллапса ЕС на фоне любого кризиса. • Приписывание злого умысла в действиях ЕС во время кризисов (например, «сознательное уничтожение сельского хозяйства» через «зелёный курс»).

Политика противодействия дезинформации: регуляторный и оперативный уровни

Европейский Союз выработал комплексный подход к противодействию дезинформации, который включает три ключевых направления. Во-первых, формируется нормативно-правовая база, призванная регулировать цифровое пространство. Её стержнем являются Закон о цифровых услугах (DSA) [13] и Закон о цифровых рынках (DMA) [14], которые устанавливают обязательства для онлайн-платформ по модерации контента и обеспечению прозрачности алгоритмов [15, с. 138]. Эти акты дополняются Европейским актом о свободе медиа (EMFA) [16], направленным на защиту независимости СМИ, и обновлённым Кодексом практики по борьбе с дезинформацией, который закрепляет добровольные, но юридически подкреплённые обязательства технологических компаний.

Во-вторых, созданы специализированные институты для мониторинга и анализа угроз. Европейская обсерватория цифровых медиа (EDMO) координирует сеть факт-чекеров, обеспечивая оперативное выявление дезинформационных кампаний, а Специальный комитет по иностранному вмешательству (INGE) расследует случаи внешнего вмешательства. Третье направление — превентивное — связано с укреплением медиаграмотности граждан через такие инициативы, как План действий по цифровому образованию, включающий интеграцию курсов по критическому мышлению в образовательные программы и поддержку соответствующих проектов.

Однако эффективность этих мер остаётся ограниченной и сталкивается с системными вызовами. Нормативные акты носят зачастую реактивный характер и могут отставать от быстро адаптирующихся методов дезинформаторов, особенно внутренних акторов, использующих локальные платформы и закрытые каналы. Сложность трансграничного регулирования и возможность обхода правил крупными платформами снижают действенность законодательства. Кроме того, образовательные программы, будучи долгосрочными по своему эффекту, не способны оперативно противодействовать виральным волнам фейков во время острых кризисов или избирательных кампаний.

Основываясь на выявленных системных уязвимостях интеграционного проекта к дезинформации, в частности к скоординированным кампаниям, эксплуатирующим кризисные ситуации и региональные различия, представляется необходимым дополнить существующие правовые и оперативные рамки ЕС рядом стратегических инициатив. Перспективным направлением является создание централизованного механизма оперативного коммуникационного реагирования, который позволил бы наднациональным институтам в партнёрстве с национальными органами быстро координировать и распространять проверенные тезисы в ответ на возникающие дезинформационные нарративы в рамках уже существующего законодательства. Такой подход позволил бы не только оперативно нейтрализовывать ложные утверждения, но и демонстрировать гражданам слаженность и прозрачность действий европейских институтов, укрепляя доверие к коллективным процедурам. Подобная инициатива уже была вынесена Литвой на рассмотрение в рамках всего Европейского Союза [17], однако до сих пор не была масштабирована.

Ещё одним важным направлением является преодоление разрыва между абстрактными принципами европейской солидарности и их конкретным воплощением в восприятии граждан. Для этого целесообразно стимулировать производство позитивных локальных нарративов об успехах интеграции, например, через поддержку местных и региональных СМИ. Создание специализированного инструмента финансирования, ориентированного на подготовку материалов о реализованных проектах фондов сплочения и их значении для конкретных территорий, позволило бы материализовать пользу от членства в ЕС и ослабить почву для спекуляций о несправедливом распределении ресурсов через беспристрастное освещение происходящих в объединении процессов.

Наконец, устойчивость к дезинформации требует укрепления административного потенциала на всех уровнях управления. Внедрение программ повышения цифровой и коммуникационной грамотности для национальных и региональных чиновников, ответственных за взаимодействие с институтами ЕС и разъяснение европейской политики, могло бы способствовать формированию транснациональной сети компетентных специалистов. Это позволило бы более эффективно противодействовать попыткам дискредитации интеграционных институтов на местах.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что дезинформация и фейковые новости представляют комплексную угрозу для европейской интеграции. С одной стороны, они выступают не только как инструменты внешней

гибридной войны, но и как средства внутренней политической конкуренции, используемые национальными силами для ослабления наднациональных институтов. С другой стороны, даже формируемая ЕС масштабная нормативно-институциональная архитектура противодействия несёт в себе внутренние риски чрезмерной централизации и алгоритмической непрозрачности, создавая новые уязвимости. Разработанная в ходе исследования типология дезинформационных нарративов систематизирует эти угрозы, выделяя четыре ключевых вектора атак на коллективную идентичность и институциональную легитимность ЕС: институциональную дискредитацию, мифы о суверенитете, социально-экономические нарративы раскола и кризисный катастрофизм. Эта классификация не только раскрывает механизмы подрыва интеграции, но и задаёт целевые ориентиры для выработки ответных мер.

Ключевым выводом исследования является положение о том, что подлинная устойчивость интеграционного проекта к дезинформации зависит не столько от технического опровержения лжи, сколько от способности населения генерировать и внедрять убедительные «восстановительные нарративы», которые основаны не на реактивном опровержении лжи, а на активном созидании позитивных, объединяющих смыслов. Прежде всего каждому типу деструктивного нарратива из предложенной типологии (таблица 1) должен быть противопоставлен конкретный созидательный контрнарратив: институциональной дискредитации — нарративы о прозрачности и подотчётности, социально-экономическим нарративам раскола — истории о материальных выгодах интеграции для конкретных регионов, кризисному катастрофизму — сообщения о солидарности и совместном преодолении трудностей. Например, мифы о суверенитете могут быть разрушены путем переформулировки делегирования полномочий не как потери, а как умножения переговорной и регуляторной мощи (национальный голос в ВТО или климатических переговорах значительно слабее, чем голос единого ЕС).

Также «восстановительные нарративы» призваны материализовать абстрактные ценности европейской интеграции в конкретных историях, которые будут находить эмоциональный отклик у граждан. Они должны фокусироваться на реальных достижениях интеграции: от создания рабочих мест благодаря фондам сплочения и успехов в трансграничном сотрудничестве до вклада ЕС в решение глобальных вызовов, таких как зелёный переход и цифровая трансформация.

Эффективность данных восстановительных конструкций зависит от субъектов распространения. Брюссельские институты, будучи первичной мишенью атаки, не могут выступать единственными носителями этих сооб-

щений. Институты ЕС, такие как Еврокомиссия и Европарламент, должны задавать стратегические рамки и обеспечивать централизованную координацию, предоставляя проверенные данные и медиаматериалы. Но национальные и, что особенно важно, местные СМИ, потенциально поддерживаемые через специализированные инструменты должны выступать в качестве ключевых проводников, адаптируя эти нарративы к локальному контексту и языку. Такой переход от реактивности к проактивному смыслотворчеству позволит ЕС преодолеть текущие вызовы и обеспечить устойчивость интеграции.

Список источников и литературы

1. *Колотаев Ю. Ю.* Развитие политики Европейского союза по противодействию дезинформации сквозь призму мультистейкхолдерного подхода // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 42–59.
2. *Базаркина Д. Ю.* Эволюция подхода Европейского Союза к борьбе с дезинформацией // Власть. 2021. №6. С. 130–138
3. *Enarsson Th.* Countering "Lawful but Awful" Disinformation Online: EU-Regulations Targeting Disinformation on Major Social Media Platforms // Nordic Journal of European Law. — 2025. — №8 (3). — pp. 121–144.
4. *Navarro J., García L., Oleart A.* How the EU Counters Disinformation: Journalistic and Regulatory Responses // Media and Communication. — 2025. — №13. — pp. 2–7.
5. European Parliament Report on Online information manipulation and information integrity, 2024
6. *Корниенко С.В., Минеева Д. Д.* Противодействие фейковым новостям в современном мире // Интеллектуальные технологии на транспорте. 2025. №3 (43). С. 15–24
7. Инструментарий по борьбе с дезинформацией // The future of free speech URL: https://futurefreespeech.org/disinformation-toolkit-russian/ (дата обращения: 05.12.2025).
8. European Digital Media Observatory Literature review on actors of disinformation in the European Union, 2025
9. *Casero-Ripollés A., Alonso-Muñoz L., Moret-Soler D.* Spreading False Content in Political Campaigns: Disinformation in the 2024 European Parliament Elections // Protecting Democracy From Fake News: The EU's Role in Countering Disinformation. — 2025. — Vol. 13
10. Влияние Cambridge Analytica на референдум о Brexit и современные методы манипуляции общественным мнением // Деловой аналитический центр Динека URL: https://dineka.ru/news/1555/ (дата обращения: 06.11.2025).
11. Fact Check: how much does the UK actually pay to the EU? // The Conversation URL: https://theconversation.com/fact-check-how-much-does-the-uk-actually-pay-to-the-eu-58120 (дата обращения: 18.12.2025).
12. Disinformation is often blamed for swaying elections — the research says something else. The Conversation. URL: https://theconversation.com/disinformation-is-often-blamed-for-swaying-elections-the-research-says-something-else-221579 (дата обращения: 05.12.2025).

13. European Commission (EC) (2020d). Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC. COM (2020) 825 final. Brussels, 15 December URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=72148 (дата обращения: 18.12.2025)
14. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) (Text with EEA relevance) PE/17/2022/REV/1 OJ L 265. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R1925 (дата обращения: 18.12.2025).
15. *Голубцова О.А., Меженская С. И.* Современные проблемы и вызовы государственного регулирования фейковизации Интернета // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. №1. С. 37–42
16. Regulation (EU) 2024/1083 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 establishing a common framework for media services in the internal market and amending Directive 2010/13/EU (European Media Freedom Act) (Text with EEA relevance) PE/4/2024/REV/1. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1083 (дата обращения: 18.12.2025).
17. В Литве указали на необходимость единой системы реагирования на угрозы в интернете // ТАСС URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19035917 (дата обращения: 18.12.2025).

Метлицкая Анна Ивановна

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Экономический факультет
Бакалавриат

SLAVIC CORE КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ: ВЛИЯНИЕ НА ГЛОБАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

SLAVIC CORE AS A SOCIAL PRACTICE OF DIGITAL PLATFORMS: IMPACT ON GLOBAL PERCEPTION OF SLAVIC IDENTITY

Аннотация. В настоящей статье исследуется феномен Slavic core как социальная практика цифровых платформ и его влияние на глобальное восприятие славянской идентичности. Для реализации цели исследования автором применены контент- и фрейм-анализ пользовательского контента. На основе теоретических концепций культурной глобализации и цифрового национализма проанализированы интеграционные и фрагментирующие последствия данного феномена. Сделан вывод о двойственной роли цифровых платформ, которые, выступая инструментом культурной интеграции и «мягкой силы», одновременно становятся пространством для стереотипизации и цифрового сексизма в отношении славянских женщин.

Ключевые слова: Slavic core, цифровые платформы, славянская идентичность, культурная глобализация, стереотипизация, интеграция.

Abstract. This article examines the phenomenon of Slavic core as a social practice of digital platforms and its impact on the global perception of Slavic identity. To achieve the research objective, the author employs content and frame analysis of user-generated content. Drawing on theoretical concepts of cultural globalization and digital nationalism, the article analyzes the integrative and fragmenting consequences of this phenomenon. The conclusion highlights the dual role of digital platforms, which, while serving as a tool for cultural integration and "soft power," simultaneously become a space for stereotyping and digital sexism concerning Slavic women.

Keywords: Slavic core, digital platforms, Slavic identity, cultural globalization, stereotyping, integration.

Введение

Массовое распространение алгоритмических социальных сетей ознаменовало переход процесса глобализации в том числе и в цифровое пространство. Это позволило идеям этнической принадлежности, к которым и относится

эстетика Slavic core, получить платформу для глобальной репрезентации, что и позволило в конце 2023 г. славянской эстетике захватить мировые тренды. Глобальное распространение не просто привлекло внимание к культуре славянских народов, но и усилило и без того существующие стереотипы, к которым добавилось много негативных штампов о славянских женщинах.

Современная славянская идентичность слабо изучена в науке. В частности, Slavic core как культурное движение описывается в единичных статьях международных изданий, а на российском пространстве на эту тему существуют только публицистические материалы. Тем не менее, видится необходимым исследовать эту тему как социальный феномен, который оказывает влияние на восприятие целой этнической группы в цифровом пространстве, так как это не только показывает потенциал тематики, но и является примером стихийно возникшей мягкой силы.

Данная работа проведена для систематизации эмпирических знаний о Slavic core и выявлении его глобализирующей роли. Подобное исследование как кейс имеет значение для исследования проблем интеграции и фрагментации в турбулентных условиях современности.

Научная новизна работы заключается в комплексном эмпирико-теоретическом анализе Slavic core как кейса цифрового супранационализма и аффективной публики, а также в выявлении механизмов трансформации культурной интеграции в инструмент гендерной стереотипизации в условиях платформенной логики.

Таким образом, цель данной статьи заключается в определении роли феномена Slavic core как социальной практики цифровых платформ, проанализировав его влияние на процессы культурной интергации и фрагментации в контексте глобальной славянской идентичности.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретические концепции, оказывающие влияние на исследование и распространение феномена Slavic core;
2. Провести сопоставление двух направлений Slavic core: межславянской интеграции и экстраполирования славянского восприятия мира на в глобальную повестку;
3. Исследовать негативные последствия Slavic core, влияющие на мировое восприятие славянской идентичности.

Методология исследования

Так как специфика исследования предполагает изучение кейса Slavic core, были применены соответствующие методы: эмпирический подход предполагает использование контент- и фрейм-анализа.

Контент-анализ был использован для систематического просмотра и категоризации конкретных единиц пользовательского контента. Его целью было выявление ключевых повторяющихся визуальных и нарративных элементов, составляющих ядро эстетики Slavic core, например, определенные типажи, предметы быта, стили одежды, языковые конструкции.

Фрейм-анализ позволил перейти от описания единичных элементов к интерпретации более широких социальных смыслов и нарративов, которые конструируются и транслируются через этот контент. Этот метод был направлен на выявление доминирующих «рамок» (фреймов), через которые подается славянская идентичность.

Эмпирическую базу исследования составили 150 единиц контента (короткие видеоролики и сопутствующие текстовые описания), отобранные из социальных сетей TikTok и Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) в период с сентября 2023 по октябрь 2025 года. Критериями отбора выступили: использование хештегов #slaviccore, #slavicaesthetic, географическая привязка создателей к странам Восточной Европы и Балкан, а также высокая вовлеченность (лайки, репосты, комментарии). Выбор платформ обусловлен их доминирующей ролью в формировании визуальных трендов и мощным влиянием алгоритмических систем рекомендаций, которые являются неотъемлемым контекстом специфики изучаемого феномена.

Концептуализация понятия «Slavic core»

Теоретико-методологическая основа исследования сформирована на пересечении ряда ключевых концепций из областей социологии культуры, политических наук и digital studies. Для осмысления глобального контекста, в котором существует и транслируется феномен Slavic core, применялась концепция культурной глобализации Джона Томлинсона. Данный подход, рассматривающий глобализацию как сложное переплетение культурных потоков, позволил анализировать Slavic core не как локальный тренд, а как элемент глобального культурного обмена. В частности, был продуктивно использован тезис Томлинсона о культуре как «способе социальной жизни», что позволило интерпретировать цифровые практики Slavic core как новую форму социального бытования и выражения славянской идентичности. Кроме того, исследование эмпирически подтверждает выдвинутую Томлинсоном идею о дуализме культурной глобализации, которая одновременно унифицирует и фрагментирует, интегрирует и обособляет. Однако, в части, касающейся проблемы детерриторизации (ослабления связи культуры с конкретным географическим местом), выводы настоящей работы вступают в полемику с оптимистичными прогнозами теоретика. Анализ показы-

вает, что алгоритмические платформы, будучи технически детерриторизованными, зачастую не упраздняют, а, напротив, реанимируют и закрепляют жесткие территориально-этнические привязки и стереотипы, создавая новую форму «цифровой территориальности».

Для анализа процессов конструирования коллективной идентичности в исследуемом поле была привлечена концепция цифрового национализма. Согласно этому теоретическому конструкту, националистические нарративы и чувство групповой принадлежности в современную эпоху все активнее формируются и воспроизводятся через социотехнические системы интернета, а не только через традиционные институты. Применительно к славянскому контексту данную концепцию пришлось специфицировать. Поскольку объектом изучения является не нация-государство, а более широкая культурно-языковая общность, точнее говорить о проявлении цифрового супранационализма или микрорегионализма. Несмотря на то, что славянские народы не представляют собой единого политического или четко очерченного географического субрегиона, их воспринимаемая языковая и культурно-историческая общность становится основой для формирования «воображаемого цифрового сообщества» в пространстве платформ. Алгоритмическая логика, предпочитающая ясные категории и вовлекающий контент, лишь усиливает ценность и видимость этого условного единства, предлагая его глобальной аудитории как понятный культурный пакет.

Критически важной для понимания динамики исследуемого пространства стала концепция «аффективных публик» (Affective Publics), разработанная Зизи Папахарисси. Она описывает формирование в социальных медиа нестабильных, эмоционально заряженных и подвижных коллективов, объединяемых скорее общим аффективным состоянием или хештегом, чем устойчивой идеологией или членством. Эта концепция идеально подходит для анализа Slavic core, который существует как раз в форме таких мимолетных, но интенсивных волн внимания. Папахарисси подчеркивает, что подобными аффективными публиками, в силу их импрессионистичности и реактивности, легко манипулировать с помощью алгоритмических систем рекомендаций, которые могут целенаправленно усиливать определенные нарративы. Следовательно, объект данного исследования — это именно сфера доминирования аффективных публик, где идентичность и культурные коды не столько глубоко усваиваются, сколько перформативно исполняются и потребляются в режиме реального времени, а их смыслы могут быть кардинально пересмотрены под влиянием следующей «волны» алгоритмически продвигаемого контента.

С учетом представленного теоретического анализа и в контексте данного исследования, Slavic core можно определить как постироничный цифровой

культурный феномен (или эстетику), существующий в логике алгоритмических платформ и представляющий собой гиперболизированную, стереотипизированную и часто самоэкзотизирующую перформативную репрезентацию славянской идентичности, создаваемую преимущественно выходцами из Восточной Европы и Балкан для глобальной аудитории [1].

Консолидирующая и репрезентативная функции Slavic core

Центральным стилистическим и коммуникативным принципом феномена Slavic core выступает постироничная манера подачи. Этот режим коммуникации, где ирония, самоирония и искренность намеренно смешиваются и становятся неразличимыми, является ключевым инструментом для креаторов: преимущественно жителей Восточной Европы и Балкан. Через эту призму они воспроизводят гиперболизированный, доведенный до абсурда образ своего собственного культурного кода [4]. Речь идет не о прямой репрезентации повседневности, а о создании своеобразного культурного персонажа или архетипа, собранного из наиболее узнаваемых, часто утрированных и клишированных элементов: от специфического эстетического канона («славянская красота») и предметов материальной культуры (спортивные костюмы, продукты домашнего консервирования) до моделей поведения, окрашенных мнимой «суровостью» или особым юмором. Существенный коммуникативный разрыв возникает в восприятии этого контента. Для самих создателей и локальной аудитории, владеющей культурным контекстом, такая подача является формой внутреннего диалога, апелляцией к образам узнаваемых символов, где экспорту подлежит не глубинный культурный код в его полноте, а именно его наиболее стереотипическая, «упакованная» и легко потребляемая часть. Однако глобальная, лишенная этого контекста аудитория зачастую лишена возможности декодирования иронии ввиду культурно обусловленных различий [2]. В результате метафоричный и преувеличенный контент воспринимается буквально, что порождает «экзотизированный» и мифологизированный образ, который, будучи укорененным в реальных, но гипертрофированных маркерах, формирует искаженное и уплощенное представление о сложной и многогранной славянской идентичности, зачастую не имеющее ничего общего с ее современными реалиями и внутренним разнообразием [5].

Влияние и распространение Slavic core в глобальном медийном поле демонстрирует два разнонаправленных вектора, иллюстрируя дуализм культурной глобализации.

Первый вектор носит интеграционный и консолидирующий характер внутри самой славянской культурной общности. Феномен выступает в роли катализатора формирования новой, цифровой межславянской идентич-

ности, основанной не на политических проектах, а на общем культурном бэкграунде и узнаваемых символах. Он создает общее семиотическое пространство, где пользователи из Польши, Чехии, Сербии или России могут узнать «свои» коды и почувствовать условную принадлежность к супранациональному цифровому сообществу [3]. Ярким примером углубления этой тенденции является деятельность таких энтузиастов, как Татьяна Инюшина, популяризирующих межславянский язык (међдуславјански језык). Этот искусственный лингвистический конструкт, созданный для взаимопонимания между носителями разных славянских языков, находит в эстетике Slavic core вектор развития, превращаясь из узкого лингвистического проекта в часть популярного культурного нарратива о славянском единстве [7]. Таким образом, Slavic core работает как инструмент цифрового супранационализма, мягко стирая границы и укрепляя горизонтальные связи на основе общего культурного наследия.

Второй, более сложный и конфликтный вектор — это экспорт образа Slavic core в глобальное информационное пространство. Мотивация здесь часто носит утилитарный характер: контент создается для развлечения, максимизации вовлеченности и обретения популярности на волне актуального тренда. Однако именно в этой сфере наиболее остро проявляются риски коммерциализации и эксплуатации культурных элементов. Ряд инфлюенсеров и медийных проектов, стремясь к максимальной виральности и монетизации, сознательно переходят грань, отделяющую игру со стереотипами от их активного закрепления и продвижения. Культурные маркеры лишаются своего исходного, пусть и ироничного, контекста, превращаясь в чистый, легко тиражируемый товар. Это приводит не просто к упрощению, а к активному конструированию новых стереотипов, которые, будучи подхваченными алгоритмами и глобальной аудиторией, начинают жить собственной жизнью, формируя устойчивые и зачастую негативные представления о славянских народах как о некоем едином, экзотическом и отсталом культурном монолите. Этот процесс отчетливо демонстрирует, как инструменты цифровой интеграции могут оборачиваться механизмами культурной фрагментации и символического насилия.

Негативное влияние эстетики на славянскую идентичность

Анализ последствий экспорта эстетики Slavic core в глобальное цифровое пространство выявляет ряд острых социальных и культурных проблем, ключевой из которых является гендерный аспект. Коммерциализация и упрощение культурного кода в погоне за виральностью привели к систематической стереотипизации и объективации образа славянской женщины, что можно обозначить термином «цифровой сексизм».

Эта тенденция проявляется в нескольких взаимосвязанных практиках. Во-первых, контент в эстетике Slavic core зачастую культивирует гипертрофированный и узкий идеал женственности, акцентируя определенные физические черты и модели поведения, которые подаются как универсальные и архетипические. Это создает нереалистичные ожидания как для внешней аудитории, так и для самих представительниц славянских культур, усиливая давление соответствовать экзотизированному цифровому канону.

Во-вторых, имеет место прямая эксплуатация темы славянской идентичности в коммерческих целях, граничащая с манипуляцией. Наиболее вопиющим примером является деятельность ряда создателей контента и онлайн-посредников, которые используют популярность эстетики для привлечения мужской аудитории в приватные клубы знакомств или моделируемые брачные агентства. Под видом культурного просвещения или «знакомства со славянской душой» нередко продвигаются услуги, которые ставят женщин из Восточной Европы в уязвимое и потенциально опасное положение, фактически товаризируя их образ и сводя сложную культурную идентичность к функции брачного товара на глобальном цифровом рынке.

Выводы

Таким образом, позитивные эффекты от популяризации славянской культуры, выраженные в росте интереса к ее истории, языкам и традициям, оказываются серьезно скомпрометированы. Вместо культурной дипломатии, основанной на взаимном уважении и глубине, глобальная аудитория зачастую получает искаженную, сексуализированную и стереотипную проекцию, которая не только не способствует взаимопониманию, но и укореняет сложившиеся степеотипы, а также создает новые формы цифрового неравенства и уязвимости.

Следовательно, феномен Slavic core в его глобальном измерении наглядно демонстрирует амбивалентную природу цифровых платформ: с одной стороны, они предоставляют беспрецедентные возможности для культурной самопрезентации и мягкой силы, а с другой — становятся мощным механизмом символической эксплуатации, фрагментации идентичности и воспроизводства структурного неравенства в новых, алгоритмически усиленных формах.

Список источников и литературы

1. *Abidin, C. I*nternet Celebrity: Understanding Fame Online. — Bingley: Emerald Publishing, 2018. — 216 p.
2. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 p.

3. *Castells M.* The Power of Identity. — Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 488 p.
4. *Featherstone M.* Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity. — London: Sage Publications, 1995. 192 p.
5. *Goriunova O.* The Force of Digital Aesthetics: On Memes, Hacking, and Individuation. — London: Royal Holloway, University of London, 2016.
6. *Marwick, A. E.* Status Update: Celebrity, Publicity, and Branding in the Social Media Age. — New Haven: Yale University Press, 2015. — 368 p.
7. *Miller D., Slater D.* The Internet: An Ethnographic Approach. — Oxford: Berg Publishers, 2000. 214 p.
8. *Papacharissi, Z.* Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics. — New York: Oxford University Press, 2015. — 176 p.
9. *Pejasz M., Staszewska Z.* "Slavic Core – an Internet Aesthetic or Generation Z's Struggle for Identity?" // Slavia Meridionalis. 2024. (https://journals.ispan.edu.pl/index.php/sm/en/article/view/sm.3226) (дата обращения: 30.09.2025).
10. *Udupa, S., Gagliardone, I.* Digital Politics: Mobilization, Engagement, and Participation // Global Digital Cultures: Perspectives from South Asia. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 2022. — p. 45–67.
11. *Томлинсон, Дж.* Глобализация и культура. — М.: Весь мир, 2021. — 256 с.
12. *Штомпка, П.* Социология социальных изменений. — М.: Аспект Пресс, 2022. — 400 с.
13. Эмпирические материалы исследования: выборка из 150 единиц пользовательского контента (видеоролики и текстовые описания) с хештегами #slaviccore и #slavicaesthetic, собранных в социальных сетях TikTok и Instagram (запрещён в РФ) в период с сентября 2023 по октябрь 2025 года.

СЕКЦИЯ «РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ В АРХИТЕКТУРЕ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ»

Данилова Евгения Вячеславовна

Дипломатическая академия МИД РФ,
Факультет международных отношений,
Магистратура

РОЛЬ БРИКС В РЕГУЛИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕН НА СЫРЬЕВЫЕ ТОВАРЫ

ROLE OF BRICS IN REGULATING GLOBAL COMMODITY PRICES

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка исследовать деятельность государств-членов БРИКС, направленную на создание альтернативных западным механизмов регулирования глобальных сырьевых рынков, и прийти к выводам относительно перспектив дальнейшей реализации предложенных инициатив. Особый упор делается на подходе объединения к проблеме создания независимых торговых институтов, который совпадает с политикой непротивостояния европейским государствам. Анализируются не только многосторонние взаимоотношения, но существующие вызовы, не позволяющие блоку самостоятельно и независимо определять цены товаров на мировом рынке.

Ключевые слова: БРИКС, зерновая биржа, биржа драгоценных металлов, дедолларизация, глобальные сырьевые рынки, многополярность.

Abstract. This article attempts to explore the activities of BRICS member states aimed at creating alternative Western regulatory mechanisms for global commodity markets and to draw conclusions about the prospects for further implementation of the proposed initiatives. Special emphasis is placed on the approach of the union to the issue, which coincides with the policy of non-confrontation of European states, as well as the projects being developed. Not only multilateral relations are analyzed, but also existing challenges that do not allow the block to determine independently and independently the prices of goods on the world market.

Keywords. BRICS, grain exchange, precious metals exchange, demonetization, global commodity markets, multipolarity.

Краеугольным камнем международных отношений на протяжении всей истории человечества являются борьба за ресурсы, а также за рынки сбыта данных ресурсов. В настоящее время БРИКС, по праву считающееся проводником формирующегося многополярного порядка и притягивающее значительное внимание со стороны мирового сообщества, объединяет ключевых поставщиков энергоносителей, продовольствия и металла. Более того, в объединение также входят потребители данных товаров, что закладывает прочный фундамент для потенциального развития товарооборота замкнутого цикла, в котором страны БРИКС имеют возможность взаимодействовать без влияния внешних факторов.

Важно также отметить, что с расширением в 2024 году почти в два раза и увеличением географического охвата стран-участниц, блок стал претендовать на все более значимую роль в мировых экономических и политических процессах. В частности, в декларации, принятой по итогам саммита в Рио-де-Жанейро, подчеркивается, что государства БРИКС являются ключевыми игроками в мировом производстве продовольствия и играют основополагающую роль в обеспечении глобальной продовольственной и пищевой безопасности [1].

Однако, данное стремление направлено не столько на противостояние существующим порядкам и финансовым институтам, сколько на создание непосредственно альтернативных механизмов, которые служат исключительно интересам членов БРИКС. Данный подход недвусмысленно отражается во всех заявлениях глав государств в период проведения встреч на высшем уровне. Именно данный подход делает опыт сотрудничества стран БРИКС в области создания системы регулирования цен на сырьевые товары уникальным, так как данный процесс протекает с согласованием позиций всех сторон, учетов интересов всех стран и обеспечением гармоничного включения в уже существующие механизмы.

Одной из наиболее значимых инициатив БРИКС, направленной на регулирование цен на сырьевые товары, является проект зерновой биржи. Изначально он был предложен еще в 2023 году Союзом экспортеров и производителей зерна Российской Федерации [2]. В дальнейшем идея получила признание со стороны Президента государства и была им озвучена на Казанском саммите БРИКС, проходившем в октябре 2024 года. Кроме того, был представлен стратегический план по дальнейшему развитию биржи, направленный на включение в торговлю других секторов агропромышленного комплекса, что нашло отражение в итоговой декларации мероприятия [3].

По заявлениям, данная биржа ставит своей целью создание единой онлайн-платформы БРИКС, которая бы могла объединить производителей, поставщиков и покупателей пшеницы и других зерновых культур. Проект

направлен на формирование независимой и прозрачной торговой площадки для агропродукции внутри объединения, что позволит укрепить продовольственную безопасность стран-участниц, повысить роль национальных валют в расчетах и создать альтернативный глобальный механизм формирования цен на ключевые сельскохозяйственные товары. По оценке Союза экспортеров и производителей зерна, объем торговли сельскохозяйственной и смежной продукцией на этой бирже в перспективе может превысить $1 трлн.

Реализация данной инициативы раскроет значительный потенциал внутренней торговли блока, который обладает доминирующей долей в мировом производстве и потреблении зерна. Так, страны БРИКС производят 1,24 млрд. тонн зерна в год, что составляет 44% мирового объема. Более того, потребление зерна в государствах-членах объединения практически равно производству — 1,23 млрд. тонн, что ранов 44% мирового потребления [4]. Среди поставщиков наибольшую долю занимает Россия, Бразилия и Индия, а среди покупателей — Китай, Индонезия, Египет. Также биржа станет альтернативой для Чикагской товарной биржи (CME), которая устанавливает мировые цены на зерновые, соевые бобы и другую продукцию.

Инициатором и основным сторонником создания зерновой биржи выступает Российская Федерация. В 2024 году под эгидой Минэкономразвития была создана специальная рабочая группа, которая весной этого года представила проект функционирования и механизма взаимодействия участников биржи [5]. Параллельно проходят консультации с Центральным банком, в рамках которых обсуждается финансовая сторона запуска процесса. По сообщениям, оператором биржи может стать Дубайский многопрофильный товарно-сырьевой центр, расположенный в ОАЭ и являющийся самой большой в регионе зоной свободной торговли, предоставляющей физическим лицам услуги по организации и сопровождению биржевых операций с товарами и сельскохозяйственным сырьем [6].

Таким образом, объединение разрабатывает довольно амбициозные проект, имеющий потенциал стать полноценной альтернативой существующим продовольственным биржам. Государства-члены стремятся разработать такой механизм, который бы позволил формировать собственные независимые ценовые индикаторы на зерно. Однако, подготовка запуска биржи представляет собой долгий процесс, требующий не только учета различных составляющих, но и согласования позиций заинтересованных сторон.

Другим направлением сотрудничества в регулировании цен является проект создания биржи драгоценных металлов, таких как золото, серебро, металлы платиновой группы, алмазы и редкоземельные минералы. Данная инициатива была озвучена в рамках Казанского саммита БРИКС 2024 года и поддержана всеми странами-участницами [3].

Данная инициатива предполагает создание автономной биржевой инфраструктуры для товарной группы металлов. Ключевыми элементами станут разработка эталонных ценовых индикаторов, гармонизация и установление унифицированных технических стандартов на производство и обращение стандартных слитков, внедрение единых процедур аккредитации субъектов рынка, а также организация собственных клиринговых расчётов и независимого аудита операций. Среди целей создания независимой биржи можно выделить формирование суверенного, устойчивого и предсказуемого института биржевой торговли между странами-участницами, минимизирующего зависимость от внешних финансовых и нормативных систем [7]. Как и в случае с зерновой биржей, расчеты планируется проводить в национальных валютах, что является частью стратегии по снижению доминирующей роли доллара США в международной торговле.

Биржа драгоценных металлов будет формировать независимые цены на критически важные товары. Лондонская ассоциация рынка драгоценных металлов на протяжении нескольких лет устанавливает цены на золото через непрозрачные британские банки, что не соответствует интересам государств-членов БРИКС. Например, Китай, Индия и Россия систематически увеличивают свои резервы золота, что позволяет или же позволит им снизить уязвимость экономик от внешнего давления через долларовую систему. Для БРИКС это означает создание фундамента для разработки независимых финансовых инструментов и механизмов для международной торговли [8].

Запуск биржи способен произвести революцию на глобальном рынке редкоземельных металлов, так как суммарно страны объединения контролируют около 72% мировых запасов редкоземельных металлов и осуществляют 75% от их глобальной переработки. Высокие показатели распространяются и на другие критические материалы: на долю БРИКС приходится 70% добычи кобальта, половина никеля, идущего на производство аккумуляторов для электромобилей, а также 91% ниобия — незаменимого элемента для создания гиперзвукового оружия [9].

В области энергопоставок БРИКС еще не рассматривает перспективу создания биржевых механизмов, что может объясняться, во-первых, наличием уже сложившихся посредством проведения долгих переговоров принципов регулирования поставок нефти, в которых лидирующая роль закреплена не за западными странами, во-вторых, вниманием БРИКС к решению вопросов в других сферах. Однако, потенциал и определенные шаги уже предпринимаются. Так, с присоединением Саудовской Аравии, ОАЭ и Ирана, страны БРИКС+ обладают около 35% мировой добычи нефти и газа, основным же механизмом регулирования цен является торговля в национальных валютах [10].

В то же время нельзя не отметить существующие вызовы, которые не позволяют БРИКС в короткие сроки разработать и запустить собственные независимые биржи. Так, турбулентная экономическая и политическая ситуация в мире отнюдь не создает условия для внедрения каких-либо новых механизмов и перенаправления национальных экономик на другие рынки. Несмотря на значительный внутренний потенциал, экономики стран БРИКС остаются частью мировой торговли и зависят от существующих глобальных цепочек поставок и рынков сбыта, что ограничивает возможность блока автономно регулировать цены на сырьевые товары. Многосторонние инициативы находятся на стадии разработки, поэтому пока приходится говорить лишь о двусторонних инструментах, которые находят отражение в торговле в национальных валютах. Также стоит отметить, что доллар до сих пор остается главной расчетной валютой в мировой торговле и составляется примерно 50% [11]. Одним из наиболее существенных факторов является сам подход стран-участниц БРИКС к перспективе создания альтернативных, полностью независимых инструментов регулирования цен на зерно или металлы. Большинство стран блока рассматривает БРИКС в качестве не революционной силы для ликвидирования существующий механизмов и институтов, а инструмента для продвижения своих национальных интересов и укрепления собственных позиций в международной системе.

Таким образом, государства-члены БРИКС создают альтернативные механизмы, позволяющие им влиять на формирование цен на сырьевых рынках. Их отличительной особенностью является уважение принципов ООН и ВТО, а также решение споров на основе консенсуса и неприменении мер прямого или косвенного экономического воздействия. Напротив, Коллективный запад применят такие инструменты, как санкции или тарифная политика, которые не только ограничивают поставки товаров, но и нарушают сложившиеся глобальные цепочки поставок, вызывая дефицит предложения и рост цен.

Можно сделать вывод, что сотрудничество в рамках БРИКС развивается и приобретает качественно новые формы. Если раньше среди приоритетных направлений взаимодействия было увеличение товарооборота между государствами, то теперь стороны стремятся создать инструменты, обеспечивающие наращивание данных показателей. Экономический потенциал и совокупный вес стран БРИКС в мировом ВВП создают предпосылки для более решительного заявления объединением о своих стратегических целях, а также обеспечивает условия для более последовательной и эффективной реализации согласованных планов и инициатив. Так, идет работа над созданием бирж и наращиваются объемы товарооборота в национальных валютах, что позволяет блоку формировать независимые, прозрачные и справедливые рыночные механизмы.

В то же время политика объединения не направлена на конфронтацию и не ставит своей целью заменить уже существующие институты формирования цен на сырьевые товары. Скорее, государства-члены создают альтернативные механизмы, позволяющие им проводить более независимую внешнеэкономическую политику. Данный подход отражает принципы формирующего мирового порядка, в котором выделяются в перспективе равноправные полюса, политика которых направлена на реализацию национальных интересов при уважении суверенитета других государств.

Важно отметить, что существуют определенные вызовы на пути создания полностью независимых бирж БРИКС, среди которых наиболее ярко выделяются глобальная политическая и экономическая нестабильность, сохраняющееся доминирующее положение Запада в мировых финансовых и торговых институтах. Сама политика стран-членов к инициативам БРИКС и принцип учета мнения всех участников замедляет процесс согласования частей проектов. Однако, именно данный подход стимулирует страны Глобального Юга принимать участие в разработке свободных от западного диктата инструментов мировой торговли.

Список использованных источников

1. Декларация Рио-де-Жанейро. Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления // Президент России. 06.07.2025. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
2. Путин отметил прогресс в работе над инициативой Зерновой биржи БРИКС // Интерфакс. 06.07.2025. URL: https://www.interfax.ru/business/1034832 (дата обращения: 05.12.2025).
3. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливости // Президент России. 23.10.2024. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
4. Представители агробизнеса стран БРИКС определили пути развития взаимной торговли // Финмаркет. 28.06.2024. URL: https://www.finmarket.ru/news/6203771 (дата обращения: 05.12.2025).
5. Рабочая группа под эгидой Минэкономразвития займется предложениями по Зерновой бирже БРИКС // Интерфакс. 03.04.2025. URL: https://www.interfax.ru/business/1018153 (дата обращения: 05.12.2025).
6. Оператором зерновой биржи БРИКС может стать компания из ОАЭ // Новосибирск хлебопродукт. 31.10.2025. URL: https://aonhp.ru/about/news/operatorom-zernovoy-birzhi-briks-mozhet-stat-kompaniya-iz-oae/ (дата обращения: 05.12.2025).
7. Participants of the Moscow Financial Forum discussed the prospects of establishing a BRICS Precious Metals Exchange // Ministry of Finance. 2025. URL: https://mff.minfin.ru/en/news/participants-of-the-moscow-financial-forum-discussed-the-prospects-of-establishing-a-brics-precious-/#:~:text=%22The%20establishment%20

of%20a%20BRICS,Cameroon%20to%20the%20Kimberley%20Process. (дата обращения: 05.12.2025).
8. BRICS Countries Purchase 20 Tons of Gold // Phoneix Refinery. 13.11.2025. URL: https://www.phoenixrefining.com/blog/brics-countries-purchase-20-tons-of-gold#:~:text=In%20a%20bold%20economic%20signal,investing%20a%20staggering%20%242.54%20billion. (дата обращения: 05.12.2025).
9. BRICS now holds 72% of global rare-earth metals reserves // BRICS Connects. 2025. URL: https://bricsconnect.co/2024/07/18/brics-now-holds-72-of-global-rare-earth-metals-reserves/ (дата обращения: 05.12.2025).
10. *Ахтямов Р.* Энергетическая матрица БРИКС: формирование новой архитектуры рынка // Реальное время. 20.08.2025. URL: https://realnoevremya.ru/articles/351105-energeticheskaya-matrica-briks-formirovanie-novoy-arhitektury-rynka (дата обращения: 05.12.2025).
11. The International Role of the U. S. Dollar — 2025 Edition // Federal Reserve System. 18.07.2025. URL: https://www.federalreserve.gov/econres/notes/feds-notes/the-international-role-of-the-u-s-dollar-2025-edition-20250718.html#:~:text=The%20U.S.%20dollar%20share%20of,higher%20at%20about%2060%20percent. (дата обращения: 05.12.2025).

Игнатьева Ксения Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии,
Бакалавриат

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY OF STATES FOR ACTIVITIES IN SPACE

Аннотация: В данной статье представлен комплексный анализ генезиса, текущего состояния и эволюционной траектории международно-правовой ответственности государств за деятельность в космическом пространстве. Основное внимание уделено оценке действенности и достаточности существующих норм в обеспечении безопасности и устойчивости космической деятельности, а также выявлению системных ограничений и потенциальных пробелов в правовом регулировании, возникающих из-за динамичного развития технологий и расширения спектра космических операций.

Ключевые слова: космическое право, ответственность государств, международное право, космическая деятельность, космическое пространство, ущерб.

Absract: This article provides a comprehensive analysis of the genesis, current state, and evolutionary trajectory of the international legal responsibility of States for activities in outer space. The focus is on assessing the effectiveness and sufficiency of existing norms in ensuring the safety and sustainability of space activities, as well as identifying systemic limitations and potential gaps in legal regulation arising from the dynamic development of technologies and the expanding range of space operations.

Keywords: space law, state responsibility, international law, space activities, outer space, damage.

Введение

Современное космическое пространство трансформировалось из преимущественно научно-исследовательской и технологической сферы в ключевую сферу геополитической деятельности. Оно интегрировалось в систему национальных интересов, выступая для формирования экономической конкурентоспособности, обеспечения национальной безопасности и выполнения оборонных задач государств. Эта многовекторная динамика, характеризующаяся интенсивным ростом и диверсификацией космической деятельности, предъявляет повышенные требования к стабильности и предсказуемости междуна-

родного правопорядка. В условиях, когда количество космических аппаратов и операций быстро растет, а спектр использования космоса постоянно расширяется, особую значимость приобретает наличие четкого и действенного правового режима, способного обеспечить мирное, безопасное и устойчивое освоение космического пространства для всех его участников.

Центральное место в системе международного космического права занимает институт международно-правовой ответственности государств за деятельность в космосе. Он является фундаментальным элементом для поддержания правопорядка и урегулирования последствий возможных нарушений. Однако динамичное развитие космических технологий и расширение спектра космических операций на протяжении последних десятилетий вызывают вопросы о функциональной применимости и релевантности текущего правового режима. Проблематика исследования заключается в выявлении существенных пробелов, правовых неопределенностей и ограничений в применении существующих норм ответственности, которые возникают из-за эволюции космической деятельности. Эти ограничения касаются как общей системы в целом, так и отдельных её элементов для эффективного реагирования на инциденты, предотвращения ущерба и обеспечения стабильности в условиях, существенно отличающихся от тех, в которых формировалось действующее право. Неопределенность границ ответственности и её механизмов создаёт потенциал для неразрешенных международных споров и ставит под угрозу устойчивость космической среды.

В свете обозначенной проблематики, данное исследование стремится провести всесторонний анализ генезиса, развития и текущего состояния международно-правовой ответственности государств за деятельность в космическом пространстве, оценить её действенность и достаточность в контексте динамичной эволюции космической деятельности.

Для достижения обозначенной цели в рамках работы поставлены следующие задачи:

- Рассмотреть исторические этапы формирования и развития концепции международно-правовой ответственности государств в международном космическом праве;
- Проанализировать действующие международно-правовые нормы, закрепляющие принципы и механизмы ответственности государств за космическую деятельность;
- Оценить действенность и выявить ограничения текущего режима ответственности в условиях динамично развивающегося использования космического пространства.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов, обеспечивающих всесторонний

и объективный анализ предмета. В работе использованы историко-правовой метод для прослеживания эволюции правовых концепций, сравнительно-правовой метод для оценки национальных и международных подходов, системный метод для анализа взаимосвязей элементов правового регулирования, а также формально-юридический метод для интерпретации действующих норм. Широко применялись общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции для формирования аргументированных выводов.

Генезис и становление международно-правовой ответственности государств за космическую деятельность

Становление международно-правовой ответственности государств за деятельность в космическом пространстве представляет собой уникальный пример оперативного формирования новой отрасли международного права в ответ на беспрецедентный технологический прорыв. Этот процесс, начавшийся в условиях «Холодной войны», но пронизанный духом сотрудничества, заложил фундамент для правового регулирования одной из самых стратегически важных сфер человеческой деятельности.

Стоит отметить, что до начала космической эры отсутствовало специфическое правовое регулирование деятельности государств за пределами земной атмосферы. Однако основополагающие принципы международно-правовой ответственности государств уже существовали и служили отправной точкой для разработки новых норм.

Так, в основе международного права лежит принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) и концепция ответственности государства за международно-противоправное деяние [1, p. 15]. Согласно обычному международному праву, любое государство, нарушившее международное обязательство, несет за это ответственность. Более того, уже до космической эры формировалась концепция ответственности государств за ущерб, причиненный источниками повышенной опасности, даже при отсутствии вины, особенно при трансграничном вреде. Однако эти общие принципы были недостаточны для регулирования столь новой и потенциально опасной сферы.

4 октября 1957 года запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли «Спутник-1» ознаменовал начало космической эры и одновременно выявил правовой вакуум [2, p. 11]. Отсутствие специфического регулирования создавало дилемму: свобода исследования космоса соседствовала с необходимостью предотвращения трансграничного ущерба, загрязнения или даже милитаризации [3, p. 5]. Отсутствие четких правил могло привести к хаосу, конфликтам или игнорированию ответственности за возможные инциденты, такие как падение фрагментов космических аппаратов или столкновения.

Осознавая срочность ситуации, международное сообщество, несмотря на политические разногласия «Холодной войны», быстро обратилось к Организации Объединенных Наций как главной площадке для разработки правового режима. Уже в 1958 году ООН начала рассмотрение вопросов мирного использования космического пространства. В 1959 году был создан *Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях (COPUOS)*, который стал центральным форумом для обсуждения и разработки международного космического права [4, p. 11]. Первые резолюции Генеральной Ассамблеи, такие как *Резолюция 1721 A и B (XVI) 1961 года и Резолюция 1962 (XVIII) 1963 года*, заложили концептуальные основы: признание космического пространства свободным для исследования и использования всеми государствами, не подлежащим национальному присвоению, а также первоначальное упоминание о необходимости несения ответственности за деятельность в космосе [5], [6]. Эти резолюции стали предвестниками более детальных договорных норм.

Период с 1967 по 1972 год стал определяющим в становлении международно-правовой ответственности государств за космическую деятельность. За это время были приняты два ключевых международных договора, которые до сих пор составляют основу современного космического права.

Так, *Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела* (1967 г., Договор по космосу), считающийся «конституцией космического пространства», установил общие принципы, включая фундаментальные положения об ответственности.

А именно Статья VI, являясь краеугольным камнем Договора, определяет международную ответственность правительственных или неправительственных образований за всю национальную деятельность в космосе [7]. Для реализации данного положения государства обязаны обеспечить постоянный надзор за такой деятельностью. Это гарантирует, что за каждым актором в космосе стоит ответственное государство, обеспечивая соблюдение принципов мирного использования и безопасности.

Статья VII Договора более общо конкретизирует ответственность за ущерб, заявляя, что запускающее государство несет ответственность за вред, причиненный его космическими объектами на Земле, в воздушном или космическом пространстве [там же]. Впоследствии эта статья послужила основой для создания более детальной Конвенции об ответственности.

Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972 г., Конвенция об ответственности) устанавливает комплексный и специфический режим ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами [8]. Конвенция ввела дифферен-

цированный режим ответственности: абсолютную ответственность запускающего государства за ущерб, причиненный на поверхности Земли или воздушному судну [там же, Статья II]. А в космическом пространстве применяется ответственность, основанная на вине, если ущерб причинен космическому объекту другого государства [Статья III].

Следует также отметить, что Конвенция даёт широкое определение «запускающего государства», включая: (а) государство, которое осуществляет или обеспечивает осуществление запуска; (б) государство, с территории или установок которого производится запуск [Статья I (c)]. Это обеспечивает однозначное определение ответственного субъекта и предотвращает уклонение от ответственности.

Также Конвенция предусматривает механизм предъявления претензий пострадавшим государством запускающему государству по дипломатическим каналам [Статья VIII]. В случае неурегулирования может быть учреждена Комиссия по рассмотрению претензий [Статья XIV], решения которой, хотя и не всегда обязательны, предоставляют официальный путь для оценки и разрешения споров.

В целом, *Договор по космосу и Конвенция об ответственности* заложили фундаментальные принципы, виды и механизмы международно-правовой ответственности за космическую деятельность. Они обеспечили основу для безопасности и предсказуемости в новой сфере, но их новаторский режим требует постоянной оценки и адаптации к динамичному развитию космических технологий.

Действующий режим международно-правовой ответственности: компоненты и применение

После формирования базовых принципов в период 1960-х–1970-х годов, международно-правовая ответственность государств за деятельность в космическом пространстве функционирует как сложная система, опирающаяся на ряд ключевых источников права и специфических норм.

Как было отмечено, основой режима являются *Договор по космосу 1967 г.* и *Конвенция об ответственности 1972 г.*, обладающими обязательной юридической силой для государств-участников, и формируют *lex specialis* (общий принцип права) в области ответственности за космическую деятельность [9, p. 28].

Наряду с обязывающими договорами, значительную роль в развитии и интерпретации режима ответственности играет так называемое «мягкое право». Это прежде всего резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и руководящие принципы, разработанные в рамках Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (COPUOS). Примеры

включают *Руководящие принципы по смягчению образования космического мусора 2007 года* и *Руководящие принципы по обеспечению долгосрочной устойчивости космической деятельности 2019 года* [10], [11]. Хотя эти документы не имеют обязательной юридической силы, они отражают консенсус государств, формируют стандарты надлежащей практики, способствуют толкованию договорных норм и служат основой для разработки национального законодательства.

Необходимо отметить, что международное космическое право является более специфическим и конкретным набором правил по отношению к общему международному праву. Однако в тех случаях, когда специальные нормы космического права отсутствуют или недостаточны, применяются общие принципы и нормы международного права [12, p. 27]. Особое значение здесь имеют Статьи *Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года* [13]. Эти Статьи, хотя также не являются юридически обязательным договором, кодифицируют обычные нормы международного права об ответственности, устанавливая общие условия для возникновения ответственности государства, содержание ответственности и способы ее осуществления. Таким образом, они могут быть применены для толкования и дополнения положений космического права, например, в части вреда, атрибуции или обстоятельств, исключающих противоправность.

При этом одним из фундаментальных элементов режима ответственности является принцип атрибуции и надзора за негосударственными акторами. *Договор по космосу* четко устанавливает международную ответственность государств за национальную деятельность в космическом пространстве, осуществляемую как государственными органами, так и негосударственными юридическими лицами. Это обязывает государства-участников осуществлять разрешение и постоянный надзор за такой деятельностью. На практике это реализуется через сложные национальные регуляторные рамки, включая системы лицензирования, мониторинга и отчетности. Например, в США Федеральное управление гражданской авиации (FAA) лицензирует коммерческие запуски [14], а в странах Европейского союза многие государства разработали национальные космические законы, детализирующие требования к частным операторам. Однако экспоненциальный рост частных компаний, космического туризма и транснациональный характер многих современных проектов создают серьезные проблемы для эффективного надзора. Возникают вопросы о юрисдикции и контроле, особенно когда деятельность осуществляется международными консорциумами или с участием «стран удобного флага», где требования к безопасности и ответственности могут быть менее строгими. Кроме того, идентификация

«запускающего государства» усложняется в условиях многосторонних запусков, использовании зарубежных стартовых площадок или в сценариях, где запуски осуществляются одной страной по заказу другой.

Что касается практики возмещения ущерба и актуализации его понятия, то *Конвенция об ответственности*, несмотря на свою детальность в регулировании компенсации за ущерб, причиненный космическими объектами, имеет крайне ограниченную историю применения. Единственным официально подтвержденным случаем стало требование Канады к СССР в 1978 году после падения спутника «Космос-954», содержащего ядерный реактор, что привело к выплате компенсации за ущерб, причиненный на ее территории [15]. Редкость применения Конвенции обусловлена несколькими ключевыми причинами. Во-первых, чрезвычайная сложность атрибуции – идентификации конкретного космического объекта и «запускающего государства», ответственного за ущерб, особенно в условиях увеличивающегося количества космического мусора на орбите. Во-вторых, процесс предъявления претензий является политически чувствительным и длительным, что часто подталкивает государства к внесудебным или дипломатическим урегулированиям. В-третьих, текущее определение «ущерба» в *Конвенции об ответственности*, фокусирующееся в основном на имущественном и личном вреде, может оказаться недостаточным в контексте современных угроз. Поэтому становится все более актуальным вопрос о включении в понятие ущерба таких аспектов, как экологический ущерб самой космической среде (например, загрязнение орбит, повреждение небесных тел) и нарушение работы критически важных космических сервисов (системы GPS, спутниковая связь).

Оценка действенности и достаточности текущего режима ответственности

Несмотря на все сложности, текущий режим обладает рядом положительных аспектов и достижений. Прежде всего, он заложил четкие принципы ответственности, установив международно-правовую ответственность государств за всю национальную деятельность в космосе и, что особенно важно, принцип абсолютной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами на Земле или воздушным судам. Это стало мощным прецедентом международного регулирования совершенно новой и потенциально опасной сферы, предотвратив хаос и милитаризацию космического пространства в самые ранние годы. Превентивный эффект абсолютной ответственности несомненен: осознание неотвратимости компенсации за ущерб на Земле стимулирует государства и их операторов к принятию максимальных мер безопасности при проектировании, запуске и эксплуатации

объектов. Более того, режим способствовал международному сотрудничеству и предсказуемости в базовых вопросах, обеспечивая единое правовое поле для регистрации объектов, обмена информацией и мирного использования космоса.

Однако, несмотря на эти достижения, режим страдает от ряда системных ограничений и вызовов действенности, особенно остро проявляющихся в современном контексте. Одной из главных проблем является недостаточность механизмов принуждения и разрешения споров. *Конвенция об ответственности* предусматривает преимущественно дипломатические каналы для урегулирования претензий, что делает процесс зависимым от политической воли государств и отсутствия конфронтации. Отсутствие обязательной юрисдикции международных судов или арбитражных органов, способных выносить решения по таким вопросам, значительно снижает эффективность режима.

Возникает также дилемма между превентивными мерами и компенсационным подходом: действующий режим преимущественно сосредоточен на компенсации уже произошедшего ущерба, а не на создании эффективных механизмов предотвращения и обеспечения надлежащей должной осмотрительности. Хотя положения *Договора по космосу* о предотвращении вредного загрязнения и информировании имеют превентивный характер, они не обладают детализированными механизмами принуждения. Концепция «должной осмотрительности» до настоящего времени преимущественно развивается в рамках «мягкого права», такого как *Руководящие принципы COPUOS*, и, соответственно, не обладает той же обязательной юридической силой, что и договорные положения об ответственности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что международно-правовой режим ответственности государств за деятельность в космическом пространстве, несмотря на его историческую значимость в формировании базовых принципов правопорядка и превентивного эффекта абсолютной ответственности, не достигает уровня всеобъемлющей действенности и достаточности в контексте современных реалий. Установлено, что режим эффективно выполняет функции по установлению общей ответственности и предоставляет механизмы для реагирования на определенные виды ущерба. Однако, в соответствии с критериями действенности и достаточности, предполагающими последовательное, комплексное и принудительное обеспечение ответственности за весь спектр возможных последствий космической деятельности, выявленные системные ограничения – такие как сложности атрибуции и недостаток императивных механизмов урегулиро-

вания споров – препятствуют достижению данного уровня. Таким образом, действующий режим представляет собой фундаментальную правовую рамку и инструмент для специфических ситуаций, однако не является всеобъемлющим гарантом комплексной ответственности и долгосрочной устойчивости космического пространства.

Список источников и литературы

1. *Crawford J.* The International Law Commission's articles on state responsibility: introduction, text and commentaries. — Cambridge University Press, 2002.
2. *McDougal M. S., Lasswell H. D., Vlasic I. A.* Law and public order in space. — New Haven: Yale University Press, 1963. T. 63.
3. *Diederiks-Verschoor I. H.* Space law as it affects domestic law //J. Space L., 1979. T. 7. C. 39.
4. *Benko M., Schrogl K. U.* UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space: Adoption of the Resolution on Enhancing Registration Practice and of the UNCOPUOS Space Debris Mitigation Guidelines //ZLW. 2008. T. 57. C. 335.
5. Резолюция 1721 (XVI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 20 дек. 1961 г. // Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк. 1961. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/1721(XVI) (дата обращения: 28.10.2025).
6. Декларация Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 19 дек. 1966 г. // Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк. 1966. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outerspace_principles.shtml (дата обращения: 28.10.2025).
7. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (открыт для подписания в Москве, Лондоне и Вашингтоне 27 января 1967 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 26.10.2025).
8. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (открыта для подписания в Москве, Лондоне и Вашингтоне 29 марта 1972 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 29.10.2025).
9. *Christol C. Q.* The modern international law of outer space. — Pergamon Press, 1982.
10. Руководящие принципы Комитета по использованию космического пространства в мирных целях по предупреждению образования космического мусора // Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк. 2007. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/space_debris.shtml (дата обращения: 29.10.2025).
11. Руководящие принципы обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности // Управление Организации Объединенных Наций по вопросам космического пространства. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2019/aac_105c_1l/aac_105c_1l_366_0_html/V1805024.pdf (дата обращения: 29.10.2025).
12. *Von der Dunk F.* (ed.). Handbook of space law. — Edward Elgar Publishing, 2015. 1100 p.

13. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 1995. URL: https://docs.cntd.ru/document/901941379 (дата обращения: 28.10.2025).
14. U. S. Department of Commerce. Office of Space Commerce. Navigating U. S. Commercial Space Regulations. Washington, D.C. URL: https://space.commerce.gov/links/resources-for-space-entrepreneurs/navigating-u-s-commercial-space-regulations/ (дата обращения: 12.11.2025).
15. U. S. National Archives. Cosmos 954 : [коллекция цифровых материалов] // Internet Archiv. 2013. URL: https://archive.org/details/Cosmos_954 (дата обращения: 28.10.2025).

СЕКЦИЯ «ПАРАДИПЛОМАТИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ГЛОБАЛЬНЫХ (ДЕЗ)ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Абаев Алексей Романович

МГИМО(У) МИД России
Факультет международных отношений
Бакалавриат

Троценко Артем Владимирович

МГИМО(У) МИД России
Международный институт энергетической политики и дипломатии
Бакалавриат

ПАРАДИПЛОМАТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА С ИСЛАМСКИМ МИРОМ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ С АФГАНИСТАНОМ).

PARADIPLOMACY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN: SPECIFICS OF COOPERATION WITH THE ISLAMIC WORLD (CASE STUDY OF RELATIONS WITH AFGHANISTAN).

Аннотация: Статья посвящена исследованию парадипломатии Республики Татарстан как инструмента мягкой силы Российской Федерации во взаимоотношениях с исламским миром, в частности с Афганистаном. Авторы анализируют эволюцию внешнеполитической активности Татарстана — от деклараций о суверенитете в 1990-х годах до современной роли проводника федеральной внешней политики. Особое внимание уделяется деятельности международного форума «Россия — Исламский мир: KazanForum», сотрудничеству с Организацией исламского сотрудничества, а также роли благотворительных и деловых структур (БПФМ, Российский деловой центр в Афганистане) в установлении и развитии контактов с Афганистаном после прихода к власти движения талибов. На примере Татарстана показана эффективность диагональной парадипломатии в построении взаимодействия с государствами, находящимися под международными санкциями, а также усиление культурно-религиозного диалога как элемента мягкой силы России.

Ключевые слова: парадипломатия, Татарстан, Афганистан, KazanForum, диагональная парадипломатия, международные санкции, движение талибов.

Abstract: The article examines the paradiplomacy of the Republic of Tatarstan as a soft power tool of the Russian Federation in relations with the Islamic world, particularly with Afghanistan. The authors analyze the evolution of Tatarstan's international activity — from sovereignty declarations in the 1990s to its current role as a conduit for federal foreign policy. Special attention is paid to the "Russia – Islamic World: KazanForum" international forum, cooperation with the Organization of Islamic Cooperation, and the role of charitable and business structures (the Muslim Patriotic Charity Fund, the Russian Business Center in Afghanistan) in establishing and developing contacts with Afghanistan after the Taliban came to power. Using Tatarstan as a case study, the article demonstrates the effectiveness of diagonal paradiplomacy in engaging with states under international sanctions, as well as the enhancement of cultural and religious dialogue as an element of Russia's soft power.

Keywords: Paradiplomacy, Tatarstan, Afghanistan, KazanForum, diagonal paradiplomacy, international sanctions, the Taliban movement.

Введение

Актуальность. В условиях противостояния с западными государствами и усилением внешнеполитического давления, в последние годы Россия активно усиливает контакты со странами Ближнего Востока и Западной Азии. В этой связи роль Республики Татарстан, как связующего звена между Россией и Востоком, заметно увеличивается. Опыт Республики Татарстан во взаимодействии с международными организациями и суверенными государствами оказывается крайне полезным для решения внешнеполитических задач России, в первую очередь, налаживания сотрудничества со странами исламского мира.

Научная новизна. Парадипломатия является малоизученной научной проблемой, о чем говорит малое количество публикаций. Существуют исследования, посвященные парадипломатии Татарстана, однако за последние десять лет фактологический материал пополнился новыми, более яркими примерами парадипломатии. Более того, взаимоотношения республики с Афганистаном в принципе остаются неосвещенными в научной литературе. Цель данного исследования — рассмотреть некоторые примеры парадипломатии Татарстана (в частности, форум KazanForum «Россия — Исламский мир» и взаимоотношения с Афганистаном в последнее время) как уникальный инструмент мягкой силы Российской Федерации. Рассмотрение проблематики парадипломатии на примере Татарстана даст большее понимание специфики Татарстана, как связующего элемента Российской Федерации (федерального центра) с Исламским миром.

Авторы исследования используют устоявшийся в отечественной науке подход к парадипломатии, придерживаясь того же взгляда на это явление, что Акимов Ю. Г. и Кузнецов А. С. Таким образом, парадипломатия — это «участие субнациональных единиц в международных отношениях через установление формальных и неформальных, постоянных и временных связей с иностранными акторами с целью достижения определенного набора задач через различные стратегии действия на международной арене»[1]. Отдельное внимание стоит уделить идентификационной составляющей парадипломатии Татарстана, которая помогает федеральному центру находить каналы налаживания контактов с другими странами[2].

Авторы работают с массивом научных статей по смежной тематике: парадипломатия, «мягкая сила», дипломатия Татарстана. Помимо этого анализируются примеры международных форумов на территории Республики Татарстан, примеры контактов Республики Татарстан с Афганистаном. Также в ходе исследования были введены в научный оборот источники по теме на языках фарси, дари и пушту — языках Ирана и Афганистана.

Основная часть

Часть I.

В 1990-х гг. на уровне Конституции отстаивалась идея суверенности в отношениях с иностранными государствами, подчеркивалось явное стремление Татарстана проводить собственную политику. В 1990-е года сложилась юридическая база для активной международной деятельности Татарстана. [2] В начале 2000-х гг. с централизацией государства Татарстан постепенно ослабляет риторику, что впоследствии выражается в новом соглашении о разграничении предметов ведения и полномочий между Татарстаном и Москвой от 2007г[3]. Сложилась ситуация, когда при усилении контроля федерального центра, стремление получить некоторую самостоятельность в Татарстане не исчезло. То есть в начале 2000-х гг. с изменением отношений Центр–Субъект сложились предпосылки для реализации стремления к некоторой суверенности в иной, косвенной форме, отличной от форм выражения 1990-х гг. Такой формой стало формирование собственной парадипломатии. В юридической базе прослеживаются изменения. Согласно ст. 6 Конституции Республики Татарстан от 26.01.2023 Республика может осуществлять международные и внешнеэкономические связи только в пределах полномочий, предоставленных Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством и договором о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан.[4] То есть согласно главному юридическому документу Республики, ее политика

должна проводиться исключительно в соответствии с курсом федерального центра. Однако Республика имеет право заключать договоры и соглашения, обмениваться представительствами и участвовать в деятельности совместных организаций, согласно ст. 7. Ст. 6 в редакциях 1992г.[5] и 2023г. имеет разные формулировки: в редакции 1992г. нет слов про ограничение полномочий Конституцией РФ и договором о разграничении предметов ведения и полномочий.

Мы трактуем парадипломатию Татарстана, как диагональную парадипломатию — отношение субъекта государства с любым другим иностранным государством. Рассмотрим конкретные примеры осуществления парадипломатии Татарстана — события международного масштаба, проводимые на территории республики, участвующей в их организации.

Ярким примером является форум «Россия-Исламский мир: KAZANFORUM». Первый саммит был проведен в 2009г., в мае 2026г. ожидается проведение XVII форума. Заметна тенденция: если в 2009г. участвовало 18 государств, то в 2024г. уже 87. В 2025г. на площадке форума было заключено 75 международных соглашений и 56 соглашений от Республики Татарстан.[6] Это говорит о все большей вовлеченности иностранных государств в экономическое взаимодействие с Россией, что также позитивно сказывается и на экономике самого Татарстана: на полях саммита Татарстан от своего имени подписывает инвестиционные соглашения и проводит деловые встречи с делегациями иностранных государств.

Вторым примером является сотрудничество Татарстана с Организацией исламского сотрудничества. В 2022г. Казани был присвоен статус молодежной столицы ОИС, что придает символическое значение городу, как центру культурного взаимодействия. На полях форума «Россия–Исламский мир» регулярно проводятся Казанский Форум молодых предпринимателей стран ОИС, Съезд министров культуры стран ОИС. Важной составляющей также является проведение молодежной модели Организации исламского сотрудничества, что свидетельствует о существовании долгосрочной перспективы отношений с зарубежными мусульманскими странами.

Помимо явной экономической основы взаимодействия стран-участниц на данных мероприятиях также выделяется религиозный фактор. Ислам крайне благоприятно способствует укреплению связей Татарстана и Исламского мира. Ислам стал инструментом, удовлетворяющим стремление Татарстана вести обособленную от федерального центра линию, выстраивая собственные отношения с мусульманскими странами.

Несомненно, что при взаимодействии с Исламским миром, Татарстан действует в фарватере внешней политики РФ. И центральная власть по сути может использовать Татарстан, как инструмент реализации уже своих

государственных интересов. Выстраивается взаимовыгодное сотрудничество Центра и Субъекта. Татарстан на правах регионального организатора форумов выстраивает отношения с иностранными государствами, извлекая из этого экономические, политические и культурные выгоды. Центральная власть РФ, в свою очередь, может усиливать действие "мягкой силы" на страны Исламского мира через фигуру Татарстана, дающего несомненное преимущество в виде единства исламской религии, таким образом усиливая культурный диалог с приоритетным для РФ региона.

Ежегодное проведение вышеприведенных форумов и увеличение количества участников и подписанных соглашений на них позволяет говорить о позитивной тенденции: Татарстан, оставаясь главной площадкой взаимодействия России и Мусульманского мира, укрепляет свой авторитет, как центра притяжения разных культур и традиций, объединенных международными форумами.

Часть II.

Несмотря на то, что форум «Россия–Исламский мир» проводился с 2009 года, до 2023 года представители Афганистана не принимали участие в нем. Скорее всего, это вызвано напряженностью в отношениях между Москвой и Кабулом из-за нахождения у власти в исламской республике проамериканского режима.

Точкой отсчета для парадипломатии между Татарстаном и Афганистаном стал 2018 год. Тогда был зарегистрирован БПФМ — Благотворительный патриотический фонд мусульман. Его генеральным директором был назанчен Рустам Ринатович Хабибуллин, а президентом — Валерий Николаевич Очиров. Фонд ведет деятельность в сферах благотворительности, патриотического воспитания, поддержки социальных инициатив и укрепления межнационального согласия. БПФМ реализует программы помощи нуждающимся, занимается сохранением культурно-исторического наследия и содействует интеграции мусульман в общественную жизнь страны. Организация является участником Ассоциации «Национальная сеть Глобального договора» ООН в России, что подчёркивает её приверженность принципам социальной ответственности[7]. Деятельность фонда направлена на гармонизацию общественных отношений и развитие диалога между представителями разных религий и культур в Российской Федерации. Среди прочего, фонд занимается консалтингом и содействует ведению бизнеса в Татарстане.

С 2019 года на сайте фонда начинают появляться новости о сотрудничестве между фондом и представителями Афганистана. Фондом были организованы рабочие встречи с афганскими делегациями на территории России, одной из тем которых являлось развитие торгово-экономического сотруд-

ничества.[8] Важным аспектом деятельности являются контакты на дипломатическом уровне для обсуждения актуальной гуманитарной ситуации.

Для углубления сотрудничества БПФМ применяет различные форматы работы, включая организацию видеоконференций с представителями афганских регионов. Системный подход фонда также демонстрирует проведение отдельных встреч с официальными делегациями Исламской Республики Афганистан, что подчеркивает устойчивый характер данного международного направления[9]. Таким образом, деятельность БПФМ на афганском направлении носит многоплановый характер, сочетая обсуждение социально-гуманитарных вопросов с поиском практических инструментов для двустороннего взаимодействия.

Кроме того, фонд занимался поставками гуманитарной помощи татарам Афганистана, которых в стране, по подсчетам самого фонда, оказалось около трех миллионов. Можно говорить о некоторой этноцентричности помощи фонда (также гуманитарную помощь они доставляли татарам Палестины).

С 2021 года фонд прекратил публиковать новости на своем сайте. Причины этого неизвестны, ведь по документам организация продолжает работу[10]. Есть основания полагать, что фонд или, по крайней мере, отдельные его представители, в том числе Рустам Хабибуллин, на данный момент продолжают содействовать взаимоотношениям России и Афганистана.

С 2023 года Движение талибов регулярно участвует в форуме «Россия–Исламский мир». Страну три раза представляли делегации, возглавляемые заместителями министра. Причем каждый раз уровень делегации скорее растет: если в 2023 году во главе делегации был замминистра информации Забиулла Муджахид, то в 2025 приехал Абдул-Гани Барадар заместитель премьер-министра, зять основателя ДТ Муллы Омара и по оценкам, один из самых влиятельных представителей движения[11], а сама делегация ИЭА в 2025 г. была крупнейшей на форуме.

Каждый раз делегация проводит встречи с раисом Татарстана Рустамом Минниханом и заместителями министра правительства России: Денисом Мантуровым или Алексеем Оверчуком[12].

Результаты встреч на полях форума — рост взаимодействия стран. В 2023 году после форума при поддержке правительства Татарстана создан российский деловой центр в Кабуле. Его президентом стал уже упомянутый Р. Р. Хабибуллин. Можно предположить, что он и его команда стали одними из главных посредников в отношениях между Татарстаном и Афганистаном. Представляется вероятной и некоторая аффилированность НКО БПФМ с правительством Татарстана. Неясной остается степень, в которой парадипломатия Татарстана по отношению к Афганистану является инициативой Казани или Москвы, однако не будет ошибкой сказать, что Татарстан

за последние годы стал одним из самых важных инструментов реализации внешней политики России на афганском направлении. Это, во многом, обусловлено как присоединением России к санкциям ООН в отношении ДТ и необходимостью поиска альтернативных возможностей контактов, так и уже существовавшими в Татарстане условиями для предоставления обозначенных возможностей.

В 2025 году велась речь о создании Российско-афганского инвестиционного совета на базе делового центра и о наращивании объема инвестиций до 10 млрд долл. за пять лет, что превышает объем замороженных афганских активов после прихода ДТ к власти[13]. Речь велась о разработке полезных ископаемых, сотрудничеству в промышленности и инфраструктуре[14]. Открытым остается вопрос реализации упомянутых инвестиционных проектов, поскольку исторический опыт и нынешнее положение дел в Афганистане не позволяют давать конкретных прогнозов. Тем не менее, сам факт появления в СМИ подобных сообщений заслуживает внимания.

Последним событием в татаро-афганских отношениях стала встреча посла ИЭА в Москве Гуль Хассана Хассана с Рустамом Минниханoвым[15]. СМИ сообщали о негласном соревновании между Чеченской республикой и республикой Татарстан за это право. Вероятно, мы вправе говорить о некоторой «борьбе за идентичность» между субъектами парадипломатии, располагающими схожим концептом идентичности. Мы также предполагаем, что здесь имеет место борьба регионов за престиж и, как следствие, за инвестиции со стороны федерального центра: крупные инфраструктурные проекты и право проведения международных мероприятий.

Заключение

В ходе исследования мы доказали, что Татарстан прошел путь от ощущения себя «независимым государством» до становления проводником внешней политики Российской Федерации. Такой переход стал результатом обмена независимости на престиж, право проведения крупных международных мероприятий и инвестиции со стороны федерального центра.

В результате исследования мы обнаружили, что диагональная парадипломатия Татарстана показала себя эффективным инструментом по выстраиванию взаимодействия с государствами, находящимися под санкциями. Пока официальные контакты могут быть восприняты обществом в штыки, неофициальные встречи готовят для них почву.

Можно сделать вывод о большой роли как Татарстана (региона-хозяина Форума), так и инициативных лиц, аффилированных с правительством Татарстана, в довольно быстром развитии отношений между Россией и Афганистаном после прихода ДТ к власти

При помощи Татарстана Россия может осуществлять контакты со странами, которые находятся под санкциями ООН (Афганистан после прихода к власти Движения талибов в 2021 году).

Результаты контактов с Афганистаном в рамках форумов выливаются в рост межгосударственного сотрудничества в том числе посредством татарских фондов, в числе которых «Благотворительный патриотический фонд мусульман» и «Российский деловой центр в Афганистане». Фонды способствуют инвестициям, созданию условий для ведения российского бизнеса в Афганистане, а также не ограничивается политическими и экономическими вопросами и включает в себя гуманитарное сотрудничество (кооперация работы врачей и гуманитарная помощь).

Смена правительства Афганистана не нанесла никакого ущерба отношениям Татарстана и Афганистана.

Итак, парадипломатия Республики Татарстан представляет собой эффективный инструмент мягкой силы России, обеспечивающий устойчивые каналы взаимодействия с Исламским миром — включая страны под санкциями ООН, такие как Афганистан, — через экономические форумы (KazanForum), молодежные и гуманитарные инициативы, а также религиозно-этнические связи, что усиливает позиции федерального центра на глобальной арене.

Список литературы и источников

1. *Кузнецов А. С.* Парадипломатия: трактовки и теоретические модели // Дискурс-Пи. Научнопрактический альманах. Вып. 6. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2006. С. 76–78.
2. *Акимов Ю. Г.* Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций. Управленческое консультирование. 2016;(2):25-33.
3. Договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: https://gossov.tatarstan.ru/about/history/dogovor_o_razgranicheni (дата обращения 10.12.2025)
4. Конституция Республики Татарстан от 26.01.2023 [Электронный ресурс]. URL: https://rtdety.tatarstan.ru/ (дата обращения: 10.11.2025)
5. Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 (ред. от 22.06.2012) [Электронный ресурс]. URL: https://rtdety.tatarstan.ru/ (дата обращения: 10.11.2025)
6. Официальный сайт международного форума "Россия-Исламский мир: KAZANFORUM" [Электронный ресурс]. URL: https://kazanforum.ru/ (дата обращения: 10.12.2025)
7. Участники Глобального договора ООН в России : Благотворительный патриотический фонд мусульман [Электронный ресурс]. URL: https://globalcompact.ru/participants/blagotvoritelnyy-patrioticheskiy-fond-musulman/ (дата обращения: 09.12.2025).

8. Казань посетила бизнес-делегация Афганистана [Электронный ресурс]. URL: http://muslimsfund.ru/казань-посетила-бизнес-делегация-афг/ (дата обращения: 09.12.2025).
9. Сведения об организации Благотворительный патриотический фонд мусульман [Электронный ресурс]. URL: https://xn----7sba5bbhjefbow0a.xn--p1ai/organization/1187700005239/ (дата обращения: 09.12.2025).
10. طالبان کے ائیں امریں الم عبدالغنی برادر کی زندگی پر ایک نظر [Электронный ресурс] // Geo Urdu. — URL: https://urdu.geo.tv/latest/261807- (дата обращения: 02.11.2025).
11. افغانستانات نان چنپ افت همه مان همه اضما درک [Электронный ресурс] خبرگزاری جمهوری اسلامی ایران (ایرنا). — 1403. — URL: https://clck.ru/3QmDNT (дата обращения: 02.11.2025).
12. وسیه ۱۰ میلیارد دلار در افغانستانات سرمایه‌گذاری میکنند [Электронный ресурс] // MyPersia. — 2025. — URL: https://mypersia.com/38933/ (дата обращения: 02.11.2025).
13. رئیس روسیه: افغانستانات انبار موادمعدنی است، مواد خام زیاپ ام است [Электронный ресурс] // Afghanistan International. — 2024. — URL: https://www.afintl.com/202405153572 (дата обращения: 02.11.2025).
14. Рустам Минниханов встретился с Чрезвычайным и Полномочным Послом Афганистана в России Гулл Хассаном Хассаном [Электронный ресурс] // Официальный Татарстан. — URL: https://tatarstan.ru/index.htm/news/2470032.htm (дата обращения: 02.12.2025).

Воякина Мария Сергеевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Гуманитарный институт
Бакалавриат

ЦИФРОВАЯ ПАРАДИПЛОМАТИЯ И ПРОДВИЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ИНТЕРЕСОВ КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ЧЖЭЦЗЯН НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

DIGITAL PARADIPLOMACY AND THE PROMOTION OF THE ECONOMIC AND CULTURAL INTERESTS OF THE CHINESE PROVINCE OF ZHEJIANG IN THE INTERNATIONAL ARENA

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка выявить механизмы и инструменты цифровой парадипломатии провинции Чжэцзян, используемые для продвижения её экономических и культурных интересов на международной арене. Для осуществления поставленной цели автором был обоснован выбор Чжэцзяна в качестве релевантного кейса, рассмотрены его ключевые инструменты и проанализирована система координации с национальной внешнеполитической стратегией. На основе проведённого исследования сделан вывод о том, что цифровая парадипломатия Чжэцзяна представляет собой эффективную модель, которая, функционирует в рамках жёсткой иерархии, позволяющей региону усиливать своё влияние, не противореча риторике центрального правительства.

Ключевые слова: цифровая парадипломатия; провинция Чжэцзян; внешнеэкономическая деятельность; механизмы координации; цифровые платформы; культурная дипломатия

Abstract. This article deals with the mechanisms and instruments of Zhejiang Province's digital paradiplomacy in promoting its economic and cultural interests internationally. The author explains the selection of Zhejiang as a relevant case study, examines the instruments of its paradiplomacy, and analyzes its interaction and coordination with the national foreign policy strategy. It concludes that Zhejiang's digital paradiplomacy is an effective model which, while operating within a rigid hierarchy, allows the region to enhance its influence without contradicting the rhetoric of the central government.

Keywords: digital paradiplomacy; Zhejiang Province; foreign economic activity; coordination mechanisms; digital platforms; cultural diplomacy

Введение

В современной международной системе, характеризующийся возросшей ролью негосударственных акторов в совокупности с цифровизацией,

парадипломатия приобретает одну из ключевых ролей для субнациональных образований. Этот феномен становиться особенно важным в рамках глобальной конкуренции, где значимость экономических и культурных инструментов сопоставима, а в некоторых случаях и превосходит влияние традиционных дипломатических институтов. Китай является ведущим глобальным игроком, развивающим цифровые технологи не только на централизованном уровне, но и на провинциальном.

Провинция Чжэцзян представляет собой особенно релевантный кейс, поскольку демонстрирует гармоничное сочетание государственного управления, предпринимательства и цифровых технологий. Она является высокоразвитой и экономически устойчивой в стране. Такие корпоративные гиганты как: Alibaba Group, Geely Auto, DeepSeek и многие другие, выступают не только источником пополнения бюджета провинции, но и каналами, эффективно экспортирующими ее культурные ценности.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении механизмов и инструментов цифровой парадипломатии провинции Чжэцзян в продвижении ее экономических и культурных интересов на международной арене.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Обосновать выбор провинции Чжэцзян в качестве ключевого кейса цифровой парадипломатии Китая: а) подтвердить ее статус высокоразвитого и экономически устойчивого региона; б) доказать роль корпоративных гигантов (Alibaba, Geely, DeepSeek) как ключевых каналов экспорта культурных ценностей и экономического влияния.
2. Классифицировать и рассмотреть инструменты цифровой парадипломатии провинции Чжэцзян на предмет выявления их специфических функций
3. Проанализировать механизм координации цифровой парадипломатии Чжэцзяна через сопоставление взаимодействия региональных и национальных стратегий в цифровом пространстве.

Концептуальные основы парадипломатии

Рассмотрение парадипломатии на примере китайской провинции Чжэцзян предполагает, выявление концептуального содержания данного термина. Так, для определения и формулирования теоретического содержания парадипломатии, которые будут использоваться в данной работе, нами были проанализированы исследования И. Духачека, П. Солдатоса, и Р. Тавареса. Они посвящены анализу парадипломатии и ее места в глобальной и региональной политике.

В основе исследования лежит концепция динамической парадипломатии, разработанная Солдатосом. Согласно ей субнациональные образова-

ния выступают как самостоятельные международные акторы, чья активность мотивирована экономическими интересами. Главными целями этой деятельности являются привлечение иностранных инвестиций, повышение международного престижа и расширение культурного влияния региона [5]. Р. Таварес, рассматривал парадипломатию как элемент сетевого управления, который создаёт условия для формирования новых каналов международного взаимодействия регионов и превращает их в узлы глобальных цифровых сетей, усиливая их мягкую силу и автономию. В следствии этого было выведено два определения [6].

В узком смысле, парадипломатия — это международная деятельность субнациональных правительств, направленная на установление прямых контактов в конкретных сферах, таких как экономическое развитие, привлечение инвестиций, культурный обмен и туризм. В данном понимании парадипломатия является практическим инструментом решения локальных задач на международной арене.

В широком смысле, парадипломатия представляет собой форму многоуровневого и сетевого международного взаимодействия, в рамках которой субнациональные акторы не только продвигают свои специфические интересы, но и выступают в качестве автономных узлов глобальных сетей. В этом случае парадипломатия служит инструментом наращивания мягкой силы и политического влияния региона, позволяя ему выстраивать независимые от центра каналы коммуникации, участвовать в решении глобальных проблем и тем самым трансформировать традиционную систему межгосударственных отношений

Провинция Чжэцзян как пример цифровой парадипломатии Китая

Сегодня Китай является ключевым лидером в сфере цифровых технологий и активно использует их для укрепления своего влияния в мире. Вследствие этого цифровая парадипломатия становится важнейшим направлением внешнеполитической деятельности. В этом случае субнациональные субъекты, особенно экономически развитые провинции, превращаются в полноценных акторов международных отношений, чья деятельность существенно дополняет официальную дипломатию центрального правительства.

Провинция Чжэцзян представляет собой наиболее репрезентативную модель реализации цифровой парадипломатии Китая, что наглядно подтверждается динамикой её ВВП. С 2019 по 2024 год, в этот период экономика провинции демонстрировала стабильный рост — с 6,6 до 9 триллионов юаней [3].

Экономическая устойчивость стала возможной благодаря гармоничной модели взаимодействия между государством, бизнесом и цифровыми технологиями. Правительство провинции одним из первых в Китае запустило программу «Цифровой Чжэцзян», что позволило провинции занять лидирующие позиции в цифровой трансформации и стать полигоном для отработки национальной стратегии «Цифровой Китай» [13].

Помимо этого, в провинции выстроена развитая инфраструктура. В северо-восточной части располагается крупнейший в мире порт по грузообороту — Нинбо-Чжоушань. В 2022 году он обработал 1,26 млрд тонн грузов и 33,35 млн 20-футовых контейнеров [9]. Кроме того, провинциальные города интегрированы в общенациональную сеть скоростных поездов, что обеспечивает быструю связь между ключевыми городами, развиты магистральное и авиасообщения.

Экономический потенциал региона усиливается благодаря присутствию корпоративных гигантов — Alibaba, Geely, DeepSeek и Wahaha Group и многих других, которые не только повышают инвестиционную привлекательность, но и создают спрос на квалифицированные кадры, стимулируя развитие научно-образовательной сферы

В провинции особое место замает «Философия Чжэцзянских предпринимателей», являющейся совокупностью многовековой культуры и современной предприимчивости. Её основа — синтез прагматизма древних философских школ Чжэцзяна, провозгласивших принцип «равное внимание к долгу и выгоде», и знаменитого «Духа четырёх тысяч»: готовности обойти тысячи гор и рек для поиска возможностей, перенести тысячи трудностей, приложить тысячи усилий для решения задач и высказать тысячи слов для налаживания связей [14]. Это выражается в смелости быть первыми, браться за невозможное, начинать с нуля и выходить на глобальные рынки.

Именно корпоративные гиганты Чжэцзяна стали ключевыми каналами экспорта культурных ценностей провинции через свою глобальную экспансию. Их успех на мировой арене служит практическим воплощением философии чжэцзянских предпринимателей. Например, Alibaba олицетворяет «Дух четырёх тысяч». Её глобальная экосистема прошла «тысячи гор и рек», чтобы соединить рынки мира. Компания Geely демонстрирует эволюцию от ремесленничества к инновациям. Совокупность этих воплощений собрала и компания DeepSeek, которая быстро завоевала внимание как на внутреннем рынке, так и международном.

Данные корпорации не просто продают товары и услуги — они транслируют миру ценности Чжэцзяна, одновременно продвигая и экономические и культурные интересы провинции.

Классификация и функциональный анализ инструментов цифровой парадипломатии провинции Чжэцзян

Провинция Чжэцзян разработала комплексную систему цифровой парадипломатии, которая эффективно дополняет официальную дипломатию Китая. На основе анализа деятельности провинции можно выделить следующие категории инструментов:

1. Официальные цифровые платформы

В первую очередь к ним относятся правительственные порталы, которые отличаются по функционалу. Официальный правительственный сайт провинции Чжэцзян служит для публикации официальных новостей и ее нормативных актов, на нем осуществляется государственные услуги для граждан и предприятий. На портале Департамента коммерции провинции Чжэцзян регулярно публикуются данные о внешней торговле, инвестиционном сотрудничестве, развитии внутренней торговли и коммерции в пределах провинции [1]. Оба сайта представлены на китайском и английских языках, что способствует облегчению его пониманию для иностранцев. Также существует отдельный сайт Экономического и информационного центра Чжэцзян. Он является официальной государственной аналитической площадкой, созданной для публикации глубокой аналитики, прогнозов и данных о экономическом развитии региона. Он функционирует как экспертный центр, занимаясь мониторингом макроэкономической ситуации, анализом отраслевых тенденций, разработкой стратегий и оценкой проектов [12]. Сайт ведется только на китайском языке. Помимо отдельных сайтов, информация с платформ дублируется в китайской соцсети Wechat, QR-код на аккаунт которых представлен в нижней части.

2. Корпоративные цифровые платформы

Зарегистрированные в провинции крупные компании имеют собственные сайты и аккаунты в социальных сетях. Например, корпоративные цифровые экосистемы, такие как Alibaba и ее платформы электронной коммерции и логистики являются так называемыми «частными послами» провинции. Через свою глобальную деятельность они не просто экспортируют товары и услуги, а распространяют китайские цифровые стандарты, бизнес-модели и технологические решения. Правительство Чжэцзяна активно поддерживает эту экспансию, интегрируя успехи компаний в нарратив о провинции как об инновационном хабе и «витрине» китайского цифрового развития. С помощью этого экосистемы становятся мостом для международного сотрудничества, привлекая иностранные предприятия на свои платформы, они фактически продвигают экономические и дипломатические интересы провинции, делая ее центром притяжения глобальных цифровых потоков.

3. Культурно-образовательные цифровые ресурсы

Культурно-образовательные цифровые ресурсы составляют важнейший компонент цифровой парадипломатии Чжэцзяна, реализуемого через систему международных образовательных программ. Большое количество университетов в провинции дает возможность изучать китайский язык и культуру страны и отдельной провинции как очно, так и онлайн. Помимо этого, Чжэцзян богата количеством музеев, которые создают комплексный образ территории как центра сохранения традиционного наследия и современных технологий. Музей провинции Чжэцзян [7], Художественный музей [11], Археологический музей Лянчжу [8], Нингбоский музей [4]и многие другие используют инновационные форматы виртуальных выставок и 3D-туров, на сайте каждого из них представлены оцифрованные копии экспозиций. Платформы наиболее популярных музеев используют и китайский, и английские языки. На сайте каждого музея можно найти адрес и электронную почту. Часто там же находятся ссылки на социальные сети, такие как Wechat и Weibo. Уделение внимания к цифровизации искусства формирует позитивный имидж региона.

Таким образом следует сказать, совокупность инструментов цифровой парадипломатии Чжэцзяна демонстрирует высокую эффективность в продвижении экономических и культурных интересов провинции, что одновременно усиливает позиции Китая в глобальном цифровом пространстве.

Основные механизмы координации цифровой парадипломатии Чжэцзяна

Цифровая парадипломатия провинции Чжэцзян развивается в рамках общей внешнеполитической стратегии КНР и находится под многоуровневым контролем и координацией национальных ведомств [10]. Выделив основные инструменты продвижения своей цифровой дипломатии, региональное правительство использует следующие механизмы для взаимодействия с центральной властью:

1. Механизм предварительного согласования

Он включает в себя централизованную процедуру, по которой все международные цифровые инициативы региона должны быть проверены и одобрены национальными ведомствами. Работа данного механизма осуществляется следующим образом: Любой цифровой проект Чжэцзяна, связанный с зарубежными партнёрами (форум, цифровая платформа, соглашение), направляется в Министерство иностранных дел (МИД), Государственный комитет по развитию и реформам Китая и Управление по делам киберпространства Китая, где оценивается по трём параметрам: внешнеполитическая линия, цифровая безопасность, экономическая целесообразность. Проекты

региона проходят сопоставление с государственными стратегиями — если инициатива не укладывается в национальные приоритеты или рискует противоречить государственной цифровой политике, она корректируется или отклоняется.

2. Механизм «единых цифровых платформ»

Благодаря этому механизму внешние цифровые коммуникации регионов осуществляются только через государственные цифровые платформы и каналы. В следствие чего Чжэцзян обязан использовать единые национальные системы такие как цифровой «Пояс и путь», коммуникационные платформы Госсовета, международные медиа-инструменты, для реализации своих интересов. Каждое внешнецифровое взаимодействие региона автоматически выравнивается с центральной линией, поскольку оно происходит внутри единой инфраструктуры. Это обеспечивает совпадение регионального цифрового посыла с общегосударственным цифровым нарративом и стратегией международной коммуникации.

3. Механизм отчётности и мониторинга

Данный механизм включает в себя постоянный сбор и анализ данных о цифровой международной активности региона. Чжэцзян регулярно предоставляет отчёты о цифровых проектах, трансграничных данных, взаимодействии с зарубежными платформами, уровне кибербезопасности и т.д. На основе отчётности центральные органы власти сопоставляют реальные действия региона с национальными стратегиями и, если необходимо, корректирует их. Так создаётся непрерывный цикл согласования и контроля соответствия региональной цифровой активности общегосударственным целям [2, p.3].

Таким образом следует сказать, что цифровая парадипломатия провинции Чжэцзян формируется в рамках единой внешнеполитической и цифровой стратегии Китая и функционирует через систему многоуровневой координации с центральной властью. Такая система позволяет одновременно стимулировать региональное развитие и поддерживать целостность государственной цифровой дипломатии.

Выводы

В результате исследования было установлено, что провинция Чжэцзян представляет собой релевантную модель цифровой парадипломатии Китая, что подтверждается её статусом высокоразвитого региона с гармоничной моделью взаимодействия государства, бизнеса и цифровых технологий. Была выявлена и классифицирована система инструментов цифровой парадипломатии, включающая официальные правительственные платформы, корпоративные цифровые ресурсы и культурно-образовательные проекты.

Анализ механизмов координации показал, что цифровая парадипломатия Чжэцзяна развивается в рамках жёстко иерархической системы, функционирующей через предварительное согласование, использование единых цифровых платформ и постоянный мониторинг, что обеспечивает взаимосвязанность региональных инициатив с национальными стратегиями Китая.

Таким образом, опыт Чжэцзяна демонстрирует эффективную модель управляемой цифровой парадипломатии, в которой региональная автономия в продвижении экономических и культурных интересов строго ограничена центральными властями. Эта система позволяет Китаю использовать потенциал развитых регионов для усиления своего глобального влияния, сохраняя при этом полный контроль над внешнеполитическим нарративом и стратегическими приоритетами. Модель Чжэцзяна может служить примером для других регионов, стремящихся к активному международному позиционированию в цифровую эпоху.

Список источников и литературы

1. Department of Commerce of Zhejiang Province. 2024. URL: https://zcom.zj.gov.cn/art/2024/10/21/art_1455370_58942889.html (дата обращения: 24.11.2025).
2. *Liu T., Song Y.* Chinese Paradiplomacy: A Theoretical Review // SAGE Open. 2020. Vol. 10. No. 1. p. 1-12.
3. National Bureau of Statistics of China. Easy Query // National Bureau of Statistics of China. URL: https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103 (дата обращения: 23.11.2025).
4. Ningbo Museum. URL: https://www.nbmuseum.cn/ (дата обращения: 25.11.2025).
5. Soldatos p. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-policy Actors // Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units / ed. by H. J. Michelmann, p. Soldatos. Oxford: Clarendon Press, 1990. p. 34-53.
6. *Tavares R.* Paradiplomacy: A Comprehensive Literature Review // ResearchGate. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/368712682_Paradiplomacy (дата обращения: 23.11.2025).
7. Zhejiang Museum. URL: https://www.zhejiangmuseum.com/en/ (дата обращения: 23.11.2024)
8. Лянчжу бовуюань 良渚博物院 [Музей Лянчжу]. URL: https://www.lzmuseum.cn/DuiWaiZhanLan/2024654611652.html (дата обращения: 25.11.2025).
9. Нинбо Чжоушань ган цзитуань 宁波舟山港集团 [Группа порта Нинбо-Чжоушань] Ганкоу гайкуан 港口概况 [Обзор порта]. URL: https://www.nbport.com.cn/gfww/gsjs/gkgk2/ (дата обращения: 24.11.2025).
10. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики] «Чжунгун чжунъян, Говуюань иньфа «Шуцзы Чжунго цзяньшэ чжэнти буцзюй гуйхуа»» 中共中央 国务院印发《数字中国建设整体布局规划》 [Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет опубликовали «Общий план строительства цифрового Китая»]. 2023. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2023-02/27/content_5743484.htm (дата обращения: 25.11.2025).

11. Чжэцзян мэйшугуань 浙江美术馆 [Художественный музей провинции Чжэцзян]. URL: https://www.zjam.org.cn/visual/dsbn/index.html (дата обращения: 25.11.2025).
12. Чжэцзяншэн цзинцзи синьси чжунсинь 浙江省经济信息中心 [Центр экономической информации провинции Чжэцзян]. URL: https://zjic.zj.gov.cn/gywm/zxjj/ (дата обращения: 24.11.2025).
13. Чжэцзяншэн цзинцзи синьси чжунсинь 浙江省经济信息中心[Центр экономической информации провинции Чжэцзян] Шуцзы Чжунго чжаньлюэ дэ Чжэцзян союань юй шицзянь» 数字中国战略的浙江溯源与实践 [Цифровая стратегия Китая: прослеживаемость и практика в провинции Чжэцзян]. 2023. URL: https://www.palladiummedia.cn/gywm/qyjj/202312/t20231204_202008.html (дата обращения: 25.11.2025).
14. Чжэшан вэньхуа боугуань 浙商博物馆[Музей культуры чжэцзянских предпринимателей] Чжэшан вэньхуа юй Чжэшан цзиншэнь 浙商文化与浙商精神 [Культура и дух чжэцзянских предпринимателей] . URL: https://zsbwg.zjgsu.edu.cn/4120/list.htm (дата обращения: 24.11.2025).

Корякина Софья Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет
Бакалавриат

Силантьев Евгений Алексеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

ПАРАДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИНДИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ, ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

PARADIPLOMATIC TRENDS IN INDIAN-JAPANESE RELATIONS, LEGAL FOUNDATIONS AND THEIR APPROACH TO COOPERATION

Аннотация. Исследование посвящено анализу парадипломатических механизмов в индийско-японских отношениях на уровне взаимодействия между индийскими штатами и японскими префектурами. В условиях геополитического соперничества в Индо-Тихоокеанском регионе парадипломатия рассматривается как инновационный инструмент преодоления фрагментационных тенденций через создание устойчивых экономических и культурных связей. Статья раскрывает структуру организации парадипломатического взаимодействия, включая роль посредников (CLAIR, JICA, JETRO) и правовые основы соглашений между партнёрами. Авторы анализируют конкретные примеры сотрудничества и выявляют как позитивные стороны парадипломатии, так и структурные вызовы.

Ключевые слова: Парадипломатия, Индия, Япония, мягкая сила, сотрудничество штат-префектура.

Abstract. This study analyzes paradiplomatic mechanisms in Indian-Japanese relations at the level of interactions between Indian states and Japanese prefectures. Amid geopolitical rivalry in the Indo-Pacific region, paradiplomacy is viewed as an innovative tool for overcoming fragmentation by fostering sustainable economic and cultural ties. The article explores the structure of paradiplomatic interactions, including the role of intermediaries (CLAIR, JICA, JETRO) and the legal framework for agreements between partners. The authors analyze specific examples of cooperation and identify both the positive aspects of paradiplomacy and its structural challenges.

Keywords: Paradiplomacy, India, Japan, soft power, state-prefecture relations.

Изучение парадипломатических механизмов в индийско-японских отношениях приобретает особую актуальность в условиях противоречивых интеграционных и фрагментационных тенденций в Индо-Тихоокеанском регионе. С одной стороны, глобализация и значительное экономическое сотрудничество создают предпосылки для углубления кооперации, включая развитие субнациональных партнёрств в рамках официальных двусторонних отношений. С другой стороны, геополитическое соперничество ведущих держав в регионе, разнообразие региональных интересов Японии и Индии и растущие тенденции протекционистской политики способствуют фрагментации традиционных политико-экономических структур. В этом контексте парадипломатия между индийскими штатами и японскими префектурами представляет собой инновационный механизм преодоления фрагментационных тенденций через создание устойчивых экономических связей, минующих традиционные межгосударственные каналы. Рост количества двусторонних соглашений в рамках сотрудничества Штат-Префектура демонстрирует актуальность этого формата как инструмента конкурентного позиционирования и региональной интеграции.

Существующая научная литература по парадипломатии сосредоточена на опыте европейских регионов или на анализе субнациональных акторов в рамках формальных интеграционных объединений. Тогда как индийско-японское сотрудничество на уровне Штат-Префектура остаётся недостаточно изученным явлением в отечественной и международной историографии. Настоящее исследование предлагает анализ парадипломатических тенденций в контексте двусторонних отношений Японии и Индии, развивающихся без формальной интеграционной рамки.

Целью исследования заключается в выявлении специфических механизмов организации сотрудничества, а также анализе правовых основ и инструментов, которые позволяют преодолевать различия в экономической и бюрократических системах стран. Исследование раскрывает как позитивные стороны парадипломатии для экономической интеграции и мягкой силы, так и структурные ограничения (торговый дисбаланс, различия в темпах реализации проектов), определяющие её эффективность.

Задачи исследования: проанализировать документы соглашений между конкретными японскими префектурами и индийскими штатами в сфере парадипломатии, изучить правовую основу такого рода отношений и выявить основные тенденции развития парадипломатических отношений между Японией и Индией. Методология исследования опирается на концепции многоуровневого управления в международных отношениях и культурно-экономического влияния, а также подходы из области парадипломатии и региональных исследований. Авторы также проводят ана-

лиз парадипломатических инициатив между различными парами сотрудничества Штат-Префектура (Гуджарат-Сидзуока, Уттар-Прадеш-Яманаси, Махараштра-Вакаяма, Андхра-Прадеш-Тояма), позволяющий выявить общие закономерности и специфические особенности сотрудничества.

Начиная с 1991 года между Японией и Индией происходит усиление сотрудничества в сфере безопасности и экономики, поэтому развитие парадипломатических связей между штатами и префектурами было вполне естественным [1]. К тому времени правительство Индии также проводит ряд реформ на либерализацию экономики, что даёт толчок к установлению связей разного рода акторов страны с зарубежом. Помимо Министерства иностранных дел Японии, а также Министерства внешних дел Индии в данном сотрудничестве значительную роль играет такая японская организация как CLAIR (Council of Local Authorities for International Relations, 一般財団法人自治体国際化協会), совет местных органов по международным отношениям.

С 1956 года Япония заключила первый договор побратимства между японским городом Нагоя и американским Портлендом, что положило началу к развитию парадипломатической деятельности Японии [2]. Уже на тот момент Япония испытывала некоторые сложности, связанные с бюрократическими сложностями взаимодействия локальных японских образований с более самостоятельными иностранными городами и регионами. Квазигосударственная организация CLAIR была создана в июле 1988 году совместно всеми префектурами и муниципалитетами Японии как общая благотворительная организация. Она должна была стать посредником между местными японскими властями, а также главной координационной организацией для программы JET (Japan Exchange and Teaching, программа по международному обмену) [3].

До появления CLAIR вопросами международного сотрудничества местных японских властей занималось напрямую центральное правительство, в настоящий момент, организация аффилирована с Министерством внутренних дел и коммуникаций (MIC, 総務省) и спонсируется сразу тремя министерствами: Министерством внутренних дел и коммуникаций (MIC), Министерством иностранных дел (MOFA, 外務省), Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий (MEXT, 文部科学省). Функционал данной организации очень широкий: от осуществления образовательных и культурных обменов до регистрации городов-побратимов и экономического сотрудничества. Главный штаб организации находиться в Токио, однако в основном деятельность производиться через семь зарубежных офисов, среди которых в рамках данной работы важен находящийся в Сингапуре (был открыт в октябре 1990 года). Именно офис CLAIR в Син-

гапуре ответственен за регион Юго-Восточной Азии и АСЕАН, в том числе и за сотрудничество с Индией [2].

В октябре 2008 года премьер-министром Индии, Манмоханом Сингхом, и премьер-министром Японии, Асо Таро[1], была подписана «Совместная декларация о сотрудничестве в области безопасности между Индией и Японией» (Joint Declaration on Security Cooperation between India and Japan) [4]. Также стоит отметить фактор Моди в отношениях Индийских штатов. Отношения уровня штат-префектура развивались пассивно в русле общего укрепления индо-японского сотрудничества, но не являлась приоритетом политики и оставалась фрагментарной без координационного механизма на уровне премьер-министра, это изменилось после прихода к власти Н. Моди, который интегрировал парадипломатию в стратегическое партнёрство с Японией. В августе 2025 года в рамках официального рабочего визита во время 15-го ежегодного саммита премьер-министр Индии Нарендра Моди и премьер-министр Японии Исиба Сигэру пересмотрели данную декларацию и дополнили её [5]. Также во время саммита была проведена встреча премьер-министра Индии, Нарендра Моди, с 16-ю губернаторами японских префектур и по результатам было составлено совместное заявление Японии и Индии «Партнёрство ради безопасности и процветания нашего следующего поколения», в содержании которого упоминался вариант сотрудничества Штат-Префектура [6][7]. На настоящий момент в Японии произошли значительные подвижки, связанные со сменой премьер-министра на посту, однако согласно последним новостям, избранная в октябре 2025 года премьер-министр Японии, Такаити Санаэ, уже связалась с премьер-министром Индии, Нарендрой Моди, и подтвердила дальнейшее намерение японской стороны продолжать сотрудничество в сфере безопасности и экономики, а также продолжать особое стратегическое и экономическое партнёрство между странами в рамках QUAD (четырёхстороннего диалога по безопасности между Австралией, Индией, Японией и США), что может только способствовать развитию отношений штат-префектуры [8].

Существуют примеры такого сотрудничества между индийскими штатами и японскими префектурами. Примерами такого сотрудничества являются: Гуджарат и Сидзуока (лёгкое машиностроение), Уттар-Прадеш и Яманаси (сфера пищевой промышленности), Махараштра и Вакаяма (туризм, переработка продуктов питания), Андхра-Прадеш и Тояма (фармацевтическая промышленность и туризм) [9][10]. Соглашения между индийскими штатами и японскими префектурами заключались при содействии CLAIR,

[1] Здесь и далее японские имена приводятся в порядке «фамилия-имя».

при этом официальные соглашения подписываются на уровне губернаторов штата и префектуры. Соглашения не являются международными договорами, как правило содержат рамочные обязательства о сотрудничестве, единственным обязывающим пунктом является пункт о наличии срока действия и необходимости его формального продления.

Во многих соглашениях идёт акцент на необходимость осуществления реальных действий, однако из-за разницы в экономическом развитии, бюрократии и нехватка рабочей силы некоторые проекты требуют значительно больше времени, чем изначально планировалось. Также, между странами до сих пор наблюдается перевес по объёмам торговли в пользу Японии. Но, несмотря на такие трудности, развитие формата отношений Штат-Префектура продолжается, что в будущем, возможно, приведёт к укреплению отношений между Индией и Японией.

Структура взаимодействия выглядит следующим образом. CLAIR организует семинары, тренинги и обменные визиты для местных чиновников, где префектуры Японии знакомятся с индийскими штатами; это приводит к выбору партнёров по общим интересам (экономика, туризм, технологии). Делегации глав штатов/префектур (часто с бизнесом) посещают партнёра для переговоров; например, губернаторы префектур (Toyama, Yamanashi) ездят в Индию, а министры штатов (Гуджарат, Уттар-Прадеш) — в Японию, с поддержкой посольств и саммитов. Чаще всего на саммитах и происходит начало взаимодействия на выставках. Дальше, на основе визитов подписываются меморандумы о взаимопонимании на уровне губернаторов штата и префектуры; они определяют приоритетные сферы (инвестиции, туризм, образование) без жёстких обязательств, но с планами на 3–5 лет. Инициатива State-Prefecture Partnership (запущена на саммите 2025) предусматривает ежегодные взаимные визиты делегаций (минимум 3 штата-3 префектуры), что институционализирует процесс [11][12][13][14]. Также в помощи реализации проектов на субнациональном уровне играют JICA (Japan International Cooperation Agency, Японское агентство международного сотрудничества, 独立行政法人国際協力機構) — предоставляет техническую помощь, финансирование и экспертов для конкретных проектов (инфраструктура, обучение кадров по программам KCC (совместного создания знаний)/VLFM (подготовки «визионерских лидеров для промышленности»); бизнес-ассоциации (JETRO, Japan External Trade Organization, Японская организация по внешней торговле, 日本貿易振興機構) организуют инвестиционные форумы. Координация идёт через национальные министерства иностранных дел для соответствия внешней политике; мониторинг — через ежегодные встречи и отчёты. Существующие партнёры (Гуджарат–Сидзуока, Махараштра–Вакаяма и т.д.) продлевают соглашения

и добавляют города-побратимы/университеты; успех стимулирует новые пары через CLAIR-каталог и саммиты [15][16].

Проведя анализ можно прийти к следующим выводам. Правовой характер соглашений, заключаемых японскими префектурами и индийскими штатами незначительный. Эти соглашения носят направляющий характер, как и в привычном понимании носит понятие «меморандум о взаимопонимании» (Memorandum of understanding). Что касается вызовов и возможностей таких отношений, то можно выделить следующие моменты. Бюрократическая система Индии более тяжёлая и сложная, чем японская, особенно учитывая тот факт, что Индия имеет федеративное устройство, а Япония унитарное. В Японии имеются посредники между Токио и префектурой (в виде CLAIR, например) для согласования позиции с центром, в Индии же таких организаций нет и из-за этого инициативы снизу задерживаются. Также Индия достаточно ассиметричная в технологическом и экономическом развитии федерация и условные инвестиции из Японии в один штат могут вызывать неодобрительную реакцию другого. Их вызовов также можно привести тот факт, что Япония более технологически развитая страна чем, Индия, что, в свою очередь, ставит под вопрос о взаимовыгодности соглашений, но благодаря таким связям у Японских префектур есть стабильный партнёр по направлению инвестиций, а у Индии — стабильный инвестор. И, наконец, парадипломатия — это также возможность для обоих государств продвигать свои инициативы «Act East» и «Free and Open Indo-Pacific» через мягкую силу.

Список источников и литературы

1. *Черкасов А. И.* Концепция многоуровневого правления как новой формы территориальной организации публичной власти // Московский юридический журнал. 2023. №2.
2. Парадипломатия между Индией и Японией // CLAIR Singapore. URL: https://www.clair.org.sg/j/country-info/201709-in-jichitaikankouryu/ (дата обращения: 02.11.2025).
3. Совет местных органов по международным отношениям (CLAIR). Официальный сайт. URL: https://www.clair.or.jp/j/clair/index.html (дата обращения: 02.11.2025).
4. Joint Declaration on Security Cooperation between India and Japan // Министерство иностранных дел Индии. 22.10.2008. URL: http://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5408/Joint+Declaration+on+Security (дата обращения: 02.11.2025).
5. Joint Declaration on Security Cooperation between India and Japan (доп. редакция) // Министерство иностранных дел Индии. 28.08.2025. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/40065 (дата обращения: 02.11.2025).
6. Совместное заявление Японии и Индии о сотрудничестве // Министерство иностранных дел Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/files/100897540.pdf (дата обращения: 02.11.2025).

7. Речь премьер-министра Индии на 15-ом саммите “Индия-Япония” // Press Information Bureau India. 28.08.2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleseDetailm.aspx?PRID=2162136 (дата обращения: 02.11.2025).
8. Телефонный разговор Такаити Санаэ и Нарендры Моди // Yahoo News Japan. 30.10.2025. URL: https://news.yahoo.co.jp/articles/0b9aaacc0706f7f907d91a15cfb829b1dcc38411 (дата обращения: 02.11.2025).
9. Gujarat strengthens ties with Japan through new agreements // News Arena India. URL: https://newsarenaindia.com/nation/gujarat-strengthens-ties-with-japan-through-new-agreements/31733 (дата обращения: 02.11.2025).
10. UP govt signs MoUs with Japan’s Yamanashi Prefecture // Economic Times India. URL: https://government.economictimes.indiatimes.com/news/governance/up-govt-signs-mous-with-japans-yamanashi-prefecture/116615277 (дата обращения: 02.11.2025).
11. *G. Sinha Roy*. India-Japan relations and the sub-national dimension. Modern Diplomacy. 2025. URL: https://moderndiplomacy.eu/2025/01/28/india-japan-relations-and-the-sub-national-dimension/ (дата обращения: 07.12.2025).
12. Мемораднум о сотрудничестве между штатом Махараштра и префектурой Вакаяма. URL: https://www.pref.wakayama.lg.jp/prefg/022300/d00152941_d/fil/4.pdf (дата обращения: 02.11.2025).
13. Соглашение между штатом Андхра-Прадеш и префектурой Тояма. URL: https://www.pref.toyama.jp/documents/9717/01449425.pdf (дата обращения: 02.11.2025).
14. Modi is meeting Abe under the shadow of delayed Japanese-funded infra projects // The Wire India. 28.08.2025. URL: https://thewire.in/political-economy/modi-is-meeting-abe-under-the-shadow-of-delayed-japanese-funded-infra-projects (дата обращения: 02.11.2025).
15. Efforts on to balance India-Japan trade by boosting exports // Business Standard. 21.02.2025. URL: https://www.business-standard.com/economy/news/efforts-on-to-balance-india-japan-trade-by-boosting-exports-piyush-goyal-125022100969_1.html (дата обращения: 02.11.2025).
16. *T. Singh Maini*. Indo-Japanese Paradiplomacy Bolsters Indo-Pacific Ties, But Can Go Further. Southasianvoices.com. 2024. URL: https://southasianvoices.org/geo-m-in-n-indo-japanese-paradiplomacy-03-15-2024/ (дата обращения: 07.12.2025).

Машенин Андрей Владиславович

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

ПАРАДИПЛОМАТИЯ СВЯЩЕННЫХ ГОРОДОВ ИСЛАМА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

PARADIPLOMACY OF THE HOLY CITIES OF ISLAM IN THE MIDDLE EAST

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить, можно ли назвать крупнейшие священные города ислама — Мекку, Медину, Кербелу, Эн-Наджаф и Иерусалим — субнациональными акторами парадипломатии, влияющими на процессы интеграции или дезинтеграции в регионе. Для осуществления данной цели в рамках составного кейс-стади отдельно рассматривается парадипломатический потенциал каждого города, особенности их функционирования внутри государства исследуются при помощи изучения документов. Теория рамификации подтверждает, что особое религиозное значение вышеуказанных городов может приобретать политическое измерение, а предложенный Ю. Г. Акимовым термин «ауксилиарная дипломатия» в значительной степени описывает специфику парадипломатической деятельности исследуемых городов.

Ключевые слова: парадипломатия, ауксилиарная парадипломатия, ислам, Ближний Восток, Саудовская Аравия, Ирак, Иерусалим.

Abstract. This article attempts to determine whether the largest holy cities of Islam — Mecca, Medina, Karbala, Najaf and Jerusalem — can be called subnational actors of paradiplomacy, influencing the processes of integration or disintegration in the region. To achieve this goal, the paradiplomatic potential of each city is considered separately within the framework of a composite case study, and the specifics of their functioning within the state are studied through the study of documents. The theory of ramification confirms that the special religious significance of the above-mentioned cities can acquire a political dimension, and the term «auxillary diplomacy» proposed by Yu. G. Akimov largely describes the specifics of the paradiplomatic activity of the studied cities.

Keywords: paradiplomacy, auxiliary paradiplomacy, Islam, Middle East, Saudi Arabia, Iraq, Jerusalem.

Введение

На сегодняшний день можно наблюдать активный процесс развития экономического, политического и социального потенциала в ряде стран

Персидского залива и Ближнего Востока в целом, и это касается в том числе их столиц и крупнейших городов. Особое значение и акторность на международной арене такие города могут приобретать в случае, когда они также представляют особую, исторически обусловленную культурную или религиозную ценность. Примерами таких городов, выступающих святынями для около 2 млрд. мусульман, являются Мекка, Медина, Эн-Наджаф, Кербела, Иерусалим.

Актуальность данного исследования обусловлена значимой ролью религиозного фактора в регионе Ближнего Востока при увеличении количества исповедующих ислам в глобальном измерении. Можно заметить, как ислам влияет на развитие государств на Ближнем Востоке в различных сферах. Так, например, именно, Мекки и Медина, важнейшие города-святыни мусульманского мира, являются вторым по величине источником доходов в Королевстве Саудовской Аравии (КСА) после продажи нефти [1]. Немаловажно отметить и роль альтернативных для шиитов святых городов — Кербелы и Эн-Наджафа, а также ценного для всех мусульман Иерусалима.

Теоретико-методологическая база данной работы опирается на совокупность теорий и методов, среди которых изучение документов, составной кейс-стади, концепция рамификации Д. Митрани, а также концепция «ауксилиарной парадипломатии» Ю. Г. Акимова. Изучение документов, например, Vision 2030 в случае КСА, позволяет определить, какую роль могут играть священные города ислама в развитии межгосударственного сотрудничества, увеличении благосостояния государства, способствовании региональным интеграционным процессам. Составной кейс-стади позволяет дискретно описать, какие из названных выше городов могут явно выступать в роли акторов парадипломатии и по каким причинам. Наконец, теория рамификации Д. Митрани показывает, как функциональное сотрудничество в одной сфере, например, в религиозной сфере, может создать потребность в развитии сотрудничества в другой, описывая переход от религиозной значимости к значимости политической. Предложенное Ю. Г. Акимовым понятие «ауксилиарная парадипломатия» позволяет более точно представить один из вариантов, каким образом священные города могут реализовывать свой внешнеполитический потенциал на субнациональном уровне [2].

Научная новизна исследования заключается в попытке определить, могут ли Мекка, Медина, Кербела, Эн-Наджаф, Иерусалим выступать как субгосударственные акторы парадипломатии. Несмотря на то, что ряд исследований отмечает особую религиозную политику таких государств, как Саудовская Аравия, на территории которых находятся священные города, почти нет упоминаний о рассмотрении этих городов в контексте их паради-

пломатической деятельности. Ещё реже в этом отношении рассматриваются города-святыни шиитов (Кербела, Эн-Наджаф).

Цель данной статьи — определить, могут ли священные города ислама (Мекка, Медина, Кербела, Эн-Наджаф, Иерусалим) выступать в качестве субниациональных акторов парадипломатии, способствующих интеграционным или дезинтеграционным процессам в регионе. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1) Определить понятийно-категориальный аппарат, концепции и критерии, необходимые для оценки потенциала указанных выше городов к парадипломатии;
2) Определить потенциал Мекки и Медины как акторов парадипломатии;
3) Определить потенциал Кербелы и Эн-Наджафа как акторов парадипломатии;
4) Определить потенциал Иерусалима как актора парадипломатии;
5) Сопоставить полученные результаты и обобщить их.

Понятийно-категориальный аппарат

Один из иссследователей, стоявших у истоков самого термина «парадипломатия», Панайотис Сольдатос, определял парадипломатию как «прямое продолжение, в различной степени, международной деятельности со стороны субгосударственных правительств». В свою очередь Иво Духачек: давал парадипломатии следующее определение: «Парадипломатия — это деятельность, параллельная макродипломатии центр-центр, часто координируемая с ней, дополняющая ее и иногда конфликтующая с ней». Однако наиболее подходящим для данного исследования представляется определение, которое сформулировал С. Вульф: «Парадипломатия — это «внешнеполитический потенциал» субгосударственных образований (sub-state entities), их независимое от государства-метрополии участие в международных отношениях, направленное на достижение собственных интересов» [2]. Именно это определение делает упор на трёх очень важных компонентах, составляющих парадипломатию: внешнеполитическом потенциале, независимом участии в международном отношении и направленности этого участия на достижение собственных интересов. Таким образом, оценивать внешнеполитический потенциал указанных выше городов как акторов парадипломатии можно как раз по этим критериям.

Кейс № 1: Мекка и Медина

Ранее в Мекке существовал шарифат. С образованием халифата значение Мекки как торгового центра уменьшилось, но её религиозное значение возросло, особенно благодаря паломничеству. После создания халифата

традиционные мекканские династии стали играть главенствующую роль. Финансовые потоки со всего исламского мира стекались в Мекку в виде пожертвований, жалований и разных субсидий. Именно в этом городе сложились школы фикха и хадиса. Медина достаточно быстро отошла на второй план в соревновании этих двух городов, уступив Мекке. Именно в Мекке стали располагаться учебные заведения четырех суннитских мазхабов и шиитов-джафаритов [3]. Политически Мекка подчинялась наместникам тех государств, которые устанавливали власть над Западной Аравией. Фактически же во внутренней жизни города значительную роль всегда играли шарифы. До середины 10 в. вместе с другими городами Хиджаза Мекка находилась под властью сначала Омейадов, затем Аббасидов. В 929 г. Мекка подверглась нашествию бахрейнских карматов, а в 941 г. была присоединена к египетско-сирийским владениям Мухаммада Ишхида (935–946) и с тех пор находилась в зависимости от Египта. В 1517 г. Мекка признала суверенитет турецких султанов, при которых местные правители — шарифы — пользовались значительной самостоятельностью. В 1916 г. восстание Хусейна ибн Али положило конец власти османов в Хиджазе. В 1924 г. Мекка была взята войсками ваххабитов под руководством Ибн-Сауда. В 1932 г. вошла в состав королевства Саудовская Аравия [4]. Существует традиция, по которой губернатором провинции Мекка назначается представитель семьи Аль Сауд. Сейчас, например, это Халид ибн Абдул-Азиз Аль Сауд, третий сын короля Фейсала. Мэр Мекки, или Аль-Амин, назначается правительством. Таким образом, Мекка как административно-территориальная единица находится почти в полном подчинении центральной власти [3]. В силу того, что в Мекке заседают непосредственно представители правящей династии, маловероятно, что интересы Мекки будут расходиться с интересами центра.

В тексте Основного Низама Саудовской Аравии Мекка и Медина напрямую не упоминаются. Есть косвенное упоминание в статье 24: «Государство осуществляет строительные работы в Двух Святынях, поддерживает их деятельность, обеспечивает безопасность и заботится о паломниках, дабы те совершали хадж и умру легко и спокойно», а также в статье 33: «Государство формирует вооружённые силы и производит их оснащение с целью защиты веры, Двух Святынь, общества и Отечества». Титул короля с 1986 г. — «Хранитель Двух Святынь» [5].

Следует также отметить особый вид дипломатической деятельности Саудовской Аравии — «дипломатию мечетей». Две главные мечети на территории КСА, Запретная мечеть с Каабой в Мекке и Мечеть пророка в Медине, фактически выступают крупнейшими религиозными центрами. Что касается основного религиозного направления, хаджа, главным пунктом которого выступает Мекка, именно Министерство хаджа (The Ministry of Hajj and

Umrah) ответственно за вопросы, связанные с праздником, в том числе за выдачу виз, обеспечение безопасности, контроль за предоставлением услуг лицензированными компаниями и др. Как нередко отмечается, территориальная принадлежность Мекки и Медины, полная ответственность за подготовку хаджа и высокий интерес мусульман к его посещению позволяют использовать информационные инструменты с целью повышения популярности ваххабизма за рубежом, например, печатать в главной типографии Медины и распространять материалы религиозного содержания. Саудовская Аравия тратит около 3 млрд. долл. США в год на активное строительство мечетей за рубежом [6]. Например, при содействии КСА было построено множество мечетей в африканских странах, в том числе мечеть Ахмеда Секу Туре в Гвинейской Республике. Мекка нередко выступает площадкой для размещения штаб-квартир многих международных мусульманских организаций, в этом городе также часто собираются общемусульманские конференции, что может косвенно способствовать интеграции в рамках исламского мира [7].

Однако Международная организация по контролю за саудовским управлением Двух Святынь (2018 г.) обвиняет Саудовскую Аравию в том, что она использует ритуалы хаджа и умры в соответствии со своими политическими интересами. «Страна двух святынь», занимающаяся организацией паломничества мусульман со всего мира, нередко обвинялась в преследовании своих политических интересов, что выражалось во введении квот на хадж и умру для граждан определённых государств, например, во время «катарского кризиса» 2017 г. или пандемии COVID-19 [7]. Обвинения Ирана схожи: КСА регулируют доступ к совершению хаджа, что можно было видеть на примере йеменцев, сирийцев, палестинцев. Таким образом, КСА использует религию в качестве инструмента мягкой силы, не только формируя с его помощью свой имидж защитника истинного ислама, но и расширяя сферу своего влияния на другие страны вне региона [8]. Безусловно, в данном случае уместно говорить о Мекке и Медине как об инструментах религиозной политики Королевства, транслирующих «дипломатию мечетей» и задействующих ислам как инструмент мягкой силы.

Таким образом, в случае Мекки и Медины (в большей степени Мекки) можно говорить о явлении ауксилиарной парадипломатии. Интересы Мекки совпадают с интересами самого государства, и она осуществляет свою деятельность под руководством руководящей страной династии. Однако Мекка обладает крайне высоким потенциалом как самодостаточный и влиятельный культурный, экономический и логистический центр. Это подчёркивается в стратегии КСА «Vision2030» [9], особенно в контексте хаджа и регулирования паломнической деятельности [10].

Кейс № 2: Кербела и Эн-Наджаф

Кербела, город в Ираке, известный в мусульманской традиции как место мученичества Хусейна, становится культурно-религиозным центром во время праздника Ашуры, и его население возрастает до 3 млн. чел., в основном за счёт Ирана. Торговый и транспортный узел, сельскохозяйственный центр (финики, овощи, овцеводство). Предприятия пищевой (в т.ч. производство сахара, овощных консервов), текстильной, кожевенно-обувной промышленности, цементный завод. К ремёслам относится изготовление религиозных принадлежностей [11].

Эн-Наджаф — это крупнейший город на юге Ирака, священный город мусульман-шиитов, место их паломничества к гробнице халифа и первого имама шиитов Али, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада. Центр шиитской политической жизни в Ираке. По количеству мусульманских паломников, посещающих этот город ежегодно, уступает лишь Мекке и Медине. С городом Куфа образует агломерацию с населением около 1 млн. чел. по оценке на 2013 год. Расположен в центр. части страны, на правом берегу р. Евфрат. Междунар. аэропорт. Основа экономики — сфера услуг, в т.ч. религиозный туризм (свыше 10 млн. паломников в год). Эн-Наджаф — торгово-транспортный центр на пути в Мекку и Медину. Также в городе распространены кустарные промыслы (в парфюмерной продукции и др.) [11] [12].

Кербела и Эн-Наджаф, будучи крупными религиозными центрами, скорее всего, обладают средним парадипломатическим потенциалом. Поскольку эти города представляют ценность в основном для шиитского меньшинства, они не имеют настолько большой потенциал религиозной мобилизации мусульманского населения. Вероятно, эти города так же можно считать примерами ауксилиарной дипломатии, однако объём непосредственно оказываемой «помощи» самим государствам, где они находятся, куда меньше.

Кейс № 3: Иерусалим

Сложное политическое положение диктует практически полную невозможность рассматривать Иерусалим как самостоятельный или хоть сколько-нибудь автономный субъект. Израиль в январе 1950 года объявил Иерусалим своей столицей, 30 июля 1980 года назвал Иерусалим своей «единой и неделимой столицей», но Совбез ООН отверг право Израиля на Восточный Иерусалим и призвал страны-члены ООН вывести свои диппредставительства из города, согласно резолюции 478 от 20 августа 1980 года. Палестина претендует на восточную часть города в соответствии с декларацией о независимости Палестины от 15 ноября 1988 года и законом, принятым Палестинским законодательным советом 2 октября 1997 года, а также Основным законом Государства Палестина от 29 мая 2002 года. Палестин-

ские органы власти никогда в Иерусалиме не размещались [13]. На текущий момент в Иерусалиме располагается не более 10 зарубежных дипломатических представительств, при этом в 2024 году Кнессет одобрил закон, запрещающий создание в Иерусалиме дипломатических миссий, которые не являются посольствами. В этом законе оговаривается, что в Иерусалиме не будут создаваться новые консульства, в то время как правительство будет поощрять открытие в городе иностранных посольств [14].

Выводы

Наибольшим парадипломатическим потенциалом обладают Мекка и Медина, однако пока что сложно однозначно указать, каким образом эти города могут его реализовать с учётом жёстко централизованных институтов управления Саудовской Аравии, а также явным использованием Мекки и Медины как проводников религиозного влияния и инструментов мягкой силы. В данном случае наиболее уместно будет говорить о вспомогательной роли Мекки, т.е. об ауксилиарной парадипломатии. Мекка аккумулирует значительный капитал [15], поступающий от организации хаджа, достаточно хорошо развита в экономическом и логистическом плане, выступает форумом для проведения различных интеграционных событий и встреч представителей государств Ближнего Востока. Наименьший парадипломатический потенциал — у Иерусалима, по крайней мере, на данный момент, что связано с тем, что этот город до сих пор является объектом ожесточённого спора в рамках израильско-палестинского конфликта. Кербела и Эн-Наджаф обладают средним парадипломатическим потенциалом в силу специфической группы, совершающей паломничества в эти города. Таким образом, на данный момент священные города ислама зачастую выступают не только в качестве религиозных центров для мусульман, но и в качестве особых инструментов религиозного влияния и трансляции мягкой силы, однако они недостаточно реализуют свой внешнеполитический, парадипломатический потенциал, что позволяет говорить о них в лучшем случае как об акторах ауксилиарной, вспомогательной дипломатии.

Список источников и литературы

1. *Брэдли Хоуп, Джастин Шек.* Нефть и кровь. Беспощадная борьба наследного принца Саудовской Аравии за мировое господство. — М.: Альпина Паблишер, 2024. — С. 461.
2. *Акимов, Ю. Г.* Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации / Ю. Г. Акимов // Сравнительная политика. — 2021. — Т. 12, № 3. — С. 33–41.
3. Мекка // hrono.info URL: https://www.hrono.info/land/landm/mekka.php (дата обращения: 05.11.2025).

4. Основной низам правления Саудовской Аравии // worldconstitutions.ru URL: https://worldconstitutions.ru/?p=86 (дата обращения: 05.11.2025).
5. Мекка — центр Ислама // islam.ru URL: https://islam.ru/content/history/31027 (дата обращения: 15.12.2025).
6. *Апостолов, В. К.* Религиозная дипломатия Саудовской Аравии / В. К. Апостолов // Восточная аналитика. — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 71–80.
7. В Мекке открылся саммит Организации исламского сотрудничества // tass.ru URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6496522 (дата обращения: 05.11.2025).
8. *Маркосян, А. А.* «Дипломатия мечетей» Саудовской Аравии: есть ли место религии в XXI веке? / А. А. Маркосян // Via in Tempore. История. Политология. — 2023. — Т. 50, № 1. — С. 277–285.
9. Saudi Vision 2030 // vision2030 URL: https://www.vision2030.gov.sa/en (дата обращения: 05.11.2025).
10. 1Pilgrim Experience Program // vision2030 URL: https://www.vision2030.gov.sa/en/explore/programs/pilgrim-experience-program (дата обращения: 05.11.2025).
11. КЕРБЕЛА́ // Большая российская энциклопедия 2004–2017 URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2061233 (дата обращения: 05.11.2025).
12. Арбаин. Великое шиитское шествие // ria.ru URL: https://ria.ru/20250829/arbain-2038070868.html (дата обращения: 05.11.2025).
13. Статус Иерусалима. Досье // ТАСС URL: https://tass.ru/info/4789725 (дата обращения: 05.11.2025).
14. Knesset passes law banning establishment of new foreign consulates in Jerusalem // The Times of Israel URL: https://www.timesofisrael.com/knesset-passes-bill-banning-establishment-of-new-foreign-consulates-in-jerusalem/ (дата обращения: 15.12.2025).
15. Доходы частного сектора Саудовской Аравии в сезон хаджа превысят $28 млрд // tass.ru URL: https://tass.ru/obschestvo/3612666 (дата обращения: 05.11.2025).

Селицкий Арсений Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений
Бакалавриат

Шутукова Наргиза Хусиновна

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений
Бакалавриат

ПАРАДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

PARADIPLOMATIC DIMENSION OF RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть содержание и особенности парадипломатических отношений между Россией и Японией. Для достижения поставленной цели авторами был рассмотрен ряд аспектов парадипломатии: площадки межрегионального сотрудничества и его сферы, побратимские связи и их структура. Были выявлены наиболее устойчивые типы взаимодействия, определены тенденции развития парадипломатических связей двух стран. Авторы пришли к выводу, что восстановление динамики отношений, наблюдавшейся до 2022 г., представляется маловероятным в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: парадипломатия, Россия, Япония, города-побратимы, межрегиональное сотрудничества

Abstract. This article aims at providing an overview of the contents and main features of paradiplomatic relations between Russia and Japan. To achieve that, the authors have examined a number of aspects of paradiplomacy: platforms for interregional cooperation and its fields, sister cities and regions relations, and their structure. The most sustainable forms of cooperation, tendencies of paradiplomatic development between these countries were identified. The authors conclude that the restoration of previous dynamics of relations, seen before 2022, is highly improbable in the short term.

Keywords: paradiplomacy, Russia, Japan. twined cities, interregional cooperation

Введение

Особый характер дипломатических взаимоотношений между Россией и Японией обуславливает важную роль парадипломатических связей. На

данный момент такие контакты представляют особый интерес, поскольку в будущем они могут стать основой не только для нормализации отношений, но и для всестороннего сотрудничества.

Научная новизна исследования обусловлена малой степенью проработанности темы и введением в научный оборот новых количественных данных, составленных в таблицы и графики.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей парадипломатических отношений между Россией и Японией, а также трендов взаимодействия между регионами двух стран.

Для достижения обозначенной цели авторами были поставлены следующие задачи:

1. Обнаружить основные точки пересечения интересов на общегосударственном уровне;
2. Определить общие организации и платформы взаимодействия;
3. Определить ключевые сферы сотрудничества;
4. Выявить тенденции и принципы построения парадипломатических отношений;
5. Спрогнозировать возможные изменения в сфере межрегионального сотрудничества.

Нормативная база: поиск взаимных интересов России и Японии

В качестве возможных направлений сотрудничества стран были взяты цели и задачи, заявленные в таких официальных документах, как: для России — "Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года" (от 28.12.2009, с изм. на 10.07.2023) [1], для Японии — Инициатива по укреплению японо-российского сотрудничества в регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири (от 07.07.2007) [2] и "План сотрудничества" из 8 пунктов [3], предложенный Абэ С. в мае 2016 г., отражающие разные периоды взаимодействия.

Важно заметить, что российская стратегия качественно отличается от японских инициатив по широте охвата, однако то, что она сохранялась на протяжении долгого времени, говорит о стабильности российских интересов.

В ходе анализа приведенных документов были определены как сферы сотрудничества, приоритетные для обеих сторон, так и сферы, в которых возникли расхождения. Например, заинтересованность была стабильной в таких областях, как энергетика, передовые технологии, торговля и инвестиции, здравоохранение, экология. Очевидно изменение японских приоритетов: так, в 2016 г. Япония отказалась от создания общего интеграционного пространства, логистического маршрута в АТР и объединения информационных сетей — пунктов, заявленных в Инициативе 2007 г. В то же время, выросла

заинтересованность Японии в расширении гуманитарного сотрудничества, но в развитии сферы туризма Россия так и не добилась взаимности.

Динамика и особый характер отношений

В результате исследования авторы выделили пять основных этапов российско-японских отношений, которые характеризовались различной динамикой парадипломатического взаимодействия:

- "Парадипломатический бум" (1991–2001): стремительный рост числа соглашений об установлении побратимских отношений;
- Ситуативное взаимодействие и сближение в регионах (2002–2014): преимущественно активность приграничных регионов при сохранении формальных связей с более отдаленными субъектами России;
- Наиболее активный этап сотрудничества (2015–2020): широкое взаимодействие различных регионов без привязки к географической близости, двигателями которого стали "перекрестные годы" России и Японии в 2018–2019 гг. и Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов в 2020–2021 гг. (с продлением до 2022 г.);
- Начало эрозии взаимоотношений (2021): уход с политической арены Абэ С., формальное сохранение курса при сокращении практических шагов по его реализации;
- Почти полная заморозка отношений (2022-н.в.): сохранение лишь редких контактов по ограниченному кругу вопросов на фоне перехода Токио к враждебному курсу в отношении России в результате начала Специальной военной операции на Украине (СВО) [4].

Необходимо отметить особый характер российско-японских отношений, которым в том числе обуславливается предложенная периодизация. В первую очередь, он определяется заинтересованностью японской стороны в создании благоприятных условий для разрешения территориального спора и заключения мирного договора с РФ [5]. Не менее значимой представляется роль личностного фактора в развитии отношений двух стран, импульс которым придавали регулярные встречи их лидеров — Абэ С. и В. В. Путина [6]. Из этого следует, что "высокая политика" выступала катализатором сближения на более "низком" уровне.

Площадки взаимодействия

Помимо выявления общих интересов, динамики и характера двусторонних отношений, для исследования было необходимо выявить возможные площадки взаимодействия регионов. Так, сугубо межрегиональными площадками стали:

- Совет губернаторов России и Японии, начало деятельности которого было положено еще в 1968 г. До распада СССР было проведено 14 заседаний, а на современном этапе лишь одно — в 2010 г. Однако по инициативе В. И. Матвиенко и Датэ Т., глав верхних палат парламентов двух стран, работа Совета губернаторов была восстановлена в 2019 г. [7].
- Подкомиссия по межрегиональному сотрудничеству, которая функционировала в рамках российско-японской Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, действовавшей с 1994 г. [8].
- Постоянная Смешанная комиссия "Дальний Восток России — Хоккайдо" (1992–2013), занимавшаяся разработкой и реализацией проектов по развитию экономического сотрудничества между приграничными регионами.
- Менее регулярные встречи, как, например, встречи мэров городов Сибири и Дальнего Востока РФ и городов западного побережья Японии (1970–2019) [9], Консультативный совет по содействию российско-японскому межпарламентскому и межрегиональному сотрудничеству, инициатором которого стала уже упомянутая выше В. И. Матвиенко, и другие контакты [7].

Таким образом, существовал целый ряд площадок для двустороннего регионального сотрудничества. Нельзя не обратить внимание на то, что оно шло рука об руку с межпарламентским диалогом, особую роль в котором сыграли верхние палаты — Совет Федерации (помимо прочего, представляющий интересы регионов) и Палата советников, которые во многом простимулировали межрегиональный диалог, заложив фундамент для расширения связей в наиболее активный этап сотрудничества.

Как межрегиональными, так и межгосударственными площадками стали:

- Площадки Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), такие как Консультативный совет по бизнесу АТЭС и Образовательная сеть АТЭС;
- Международные экономические форумы — Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ), в рамках которого регионы участвовали в диалоге по вопросам сотрудничества не только по экономическим вопросам, но также, например, по вопросам здравоохранения (диалог Ленинградской области и префектуры Окинава по вопросам сотрудничества в сферах долголетия, медицины и рекреации [10]) и межрегионального взаимодействия (например, подписание Протокола о начале межрегиональных связей между

Подмосковьем и Хоккайдо [11]); Восточный экономический форум (ВЭФ), на полях которого заключались более конкретные инвестиционные, торговые и финансовые соглашения (например, с Японским банком для международного сотрудничества [12]), а также прорабатывались совместные проекты (например, в рамках взаимодействия между республикой Саха и префектурой Хоккайдо [13]).

Если при рассмотрении взаимодействий в рамках АТЭС признаков российско-японского сотрудничества не наблюдается, то в рамках экономических форумов, проводимых Россией, очевиден высокий уровень японского участия вплоть до ухудшения отношений в результате смены политического курса японского правительства после начала СВО.

Так, японский бизнес и регионы этой страны были наиболее заинтересованными участниками ВЭФ в 2016–2019 гг., на что указывает первое место по количеству участников их делегаций в эти годы (см. Таблица 1). С 2022 г. количество японских делегатов стало резко падать, крупные договоры с японскими компаниями и регионами не подписывались. Тем не менее, в 2025 г. наметилось постепенное возвращение японского участия в форуме: состав делегации вошел в четверку наиболее крупных иностранных делегаций.

Таблица 1.

Составлено авторами по данным ВЭФ.

2016	2017	2018	2019	2021	2022	2023	2024	2025
246 чел. (I место)	349 чел. (I место)	570 чел. (I место)	588 чел. (I место)	Форум не проводился	Кол-во не разглашалось (II место)	Кол-во не разглашалось	Кол-во не разглашалось	38 чел. (IV место)

Побратимские связи регионов и городов России и Японии

Изучая парадипломатические отношеия, нельзя не рассмотреть структуру побратимских связей, играющих ключевую роль в устойчивом межрегиональном взаимодействии. Авторами был проведен количественный и качественный (географический и сравнительный) анализ.

1. Количественный анализ

В результате проведенного исследования было зафиксировано создание 47 побратимских связей между российскими и японскими городами и регионами, из которых лишь 2 были расторгнуты японскими городами (Владимир — Нара и Ялта — Фудзисава). Список полученных данных: названия городов-побратимов и регионов-побратимов с обеих сторон и год заключе-

ния соглашения (если был указан) об установлении побратимских связей — представлен в Таблице 2.

Таблица 2.

Составлено авторами по данным разных источников.

Российский город (регион)	**Японский город (префектура)**	**Год заключения соглашения**
Братск (ИО)	Нанао (Исикава)	1970
Биробиджан (ЕАО)	Ниигата (Ниигата)	1992
Владивосток (ПК)	Акита (Акита)	1992
	Ниигата (Ниигата)	1991
	Хакодатэ (Х)	1992
Владимир	Нара	
Волгоград (ВО)	Хиросима	1972
Ванино (ХК)	Исикари (Х)	1993
Долинск (СО)	Наёро (Х)	1991
Железногорск-Илимский (ИО)	Саката (Ямагата)	1979
Иркутск (ИО)	Канадзава (Исикава)	1967
Кронштадт (ЛО)	Сумото (Хёго)	2001
Комсомольск-на-Амуре (ХК)	Камо (Ниигата)	1991
Корсаков (СО)	Монбетсу (Х)	1991
	Вакканаи (Х)	1991
	Сёнаи (Я)	1992
Москва	Токио	1991
Находка (ПК)	Майдзуру (Киото)	1961
	Отару (Х)	1966
	Цуруга (Фукуи)	1982
Невельск (СО)	Вакканаи (Х)	1972
Новосибирск (НО)	Саппоро (Х)	1990
Озерский (СО)	Саруфуцу-мура (Х)	1990
Поронайск (СО)	Китами (Х)	1972

Российский город (регион)	**Японский город (префектура)**	**Год заключения соглашения**
Санкт-Петербург	Осака	1979
Северо-Курильск (СО)	Немуро (Х)	1994
Сочи (КК)	Нагато	
Томари (СО)	Тэсио (Х)	1992
Улан-Удэ (РБ)	Румои (Х)	1972
	Ямагата (Я)	1991
Хабаровск (ХК)	Ниигата	1965
Холмск (СО)	Кусиро (Х)	1975
Шелехов (ИО)	Номи (Исикава)	1976
Южно-Сахалинск (СО)	Хакодатэ (Х)	1997
	Асахикава (Х)	1967
	Вакканаи (Х)	2001
Якутск (РС)	Мураяма (Я)	1992
Ялта (РК)	Фудзисава	
Регионы-побратимы		
Ленинградская обл.	Пр. Киото	1994
Приморский кр.	Пр. Акита	2010
	Пр. Тояма	1992 (2017)
	Пр. Осака	1992
	Пр. Тоттори и Симанэ	2010 (1991)
Хабаровский кр.	Пр. Аомори	1992
	Пр. Хёго	1969
Сокращения: Российские регионы: ИО — Иркутская обл., ЕАО — Еврейская авт. обл., ПК — Приморский край, ВО — Волгоградская обл., ХК — Хабаровский край, СО — Сахалинская обл., РБ — респ. Бурятия, ЛО — Ленинградская обл., НО — Новосибирская обл., РС — респ. Саха, КК — Краснодарский край, РК — респ. Крым, Японские регионы: Х — пр. Хоккайдо, Я — пр. Ямагата		

В то же время нельзя не отметить, что крупнейшие города с населением свыше 700 тыс. человек (т.н. designated cities) вступают в побратимские связи с российскими городами значительно реже малых — лишь 4 из 20 имеют такие соглашения [14].

На рисунке 1 изображена динамика подписания новых договоров о заключении побратимских связей. На графике хорошо виден "парадипломатический бум" начала 1990-х гг. и постепенное снижение темпов заключения подобных соглашений впоследствии, однако нельзя сказать, что интерес к такому способу укрепления связей исчез. Например, в 2017 г. делегация Московской области открыто заявляла о намерении заключить первое такое соглашение [15].

График 1. Составлено авторами по данным разных источников.

2. Качественный анализ побратимских связей

При изучении Таблицы 2 можно отметить характерные особенности в оформлении побратимских связей между регионами России и Японии. В первую очередь, явное преобладание соглашений о побратимстве, установленных между приграничными регионами (Сахалинская обл., Приморский и Хабаровский края; пр. Хоккайдо) свидетельствует о том, что основным фактором сближение являлось географическое положение, а именно — территориальная близость. Однако примечательно, что в ряде случаев схожее географическое положение и статус субъекта открывали перспективы для

сближения. Например, расположенные в префектуре Исикава в 20 км друг от друга Канадзава (центр пр. Исикава) и Номи имеют побратимские связи с Иркутском (центр ИО) и Шелеховым в 20 км от первого [16]. Кроме того, административные центры таких приграничных регионов, как Приморский и Хабаровский края (Владивосток и Хабаровск соответственно), являются побратимами города Ниигата — административного центра одноименной префектуры.

Вышеуказанные факторы обуславливают такую закономерную особенность, как региональный дисбаланс: крупные города Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск, Находка) имеют несколько японских городов-побратимов, Восточной Сибири — 1–2 побратима, в то время как в европейской части РФ побратимских связей между городами и регионами почти нет, а имеющиеся — во многом символичны [16].

Подобная ситуация характерна и для распределения побратимских контактов между японскими городами и регионами, что отчетливо видно на Графике 2.

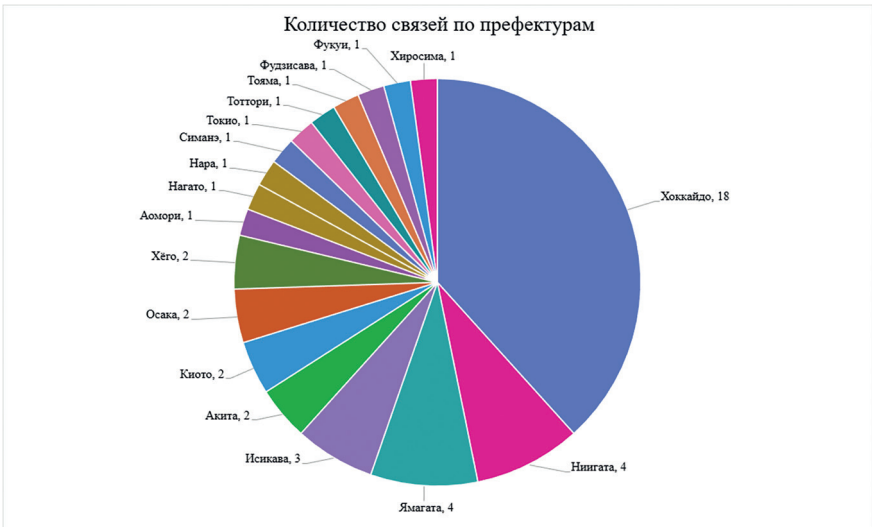

График 2. Составлено авторами по данным различных источников.

Типизация межрегионального сотрудничества

На основе проведенного анализа авторами было выявлено 4 типа сотрудничества между регионами России и Японии, обусловленных раз-

личными факторами сближения и сферами кооперации (Таблица 3). *Курсив* — побратимские связи, **жирный шрифт** — наиболее важные направления сотрудничества.

Таблица 3.

Составлено авторами по данным СМИ.

Приграничное сотрудничество	
Сахалинская обл. *Пр. Хоккайдо* (ряд побратимов)	Хабаровский край Пр. Аомори и Хёго
Основные сферы сотрудничества: культура, сельское хозяйство, финансы, медицина, спорт, инвестиции, **энергетика**, **туризм**. Стратегическая заинтересованность Японии в проектах Сахалин-1 и Сахалин-2.	Основные сферы сотрудничества с Аомори: сельское хозяйство, лесная промышленность, медицина, **транспорт и логистика**, инвестиции. Основные сферы сотрудничества с Хёго: здравоохранение, **экология**.
Спонтанное сотрудничество	
Московская обл. Пр. Хоккайдо, Тоттори, Аити	Нижегородская обл. Пр. Мияги
Сферы сотрудничества: **предпринимательство**, сельское хозяйство, технологии **строительства**, туризм, образование, культура, **медицина** и спорт. Рост товарооборота, инвестиционного присутствия Японии. Стремление МО к созданию побратимских связей.	**Инвестиционное сотрудничество** (также Москва, Пензенский и Хабаровский края). Приоритетные сферы сотрудничества: машиностроение, металлообработка, производство целлюлозно-бумажных изделий, сельское хозяйство, рыболовство, логистика, строительство, **ликвидация бедствий**.
Бизнес-сотрудничество	
Респ. Татарстан Нет региональной направленности	Респ. Саха Более широкие связи с пр. Хоккайдо
Основные сферы сотрудничества: **ИТ**, инвестиции, **промышленность**, энергетика, медицина, модернизация и автоматизация. Представительство в Японии (сейчас закрыто). Рост инвестиционного присутствия Японии.	Основные направления сотрудничества: финансы, инвестиции, **высокотехнологичное сельское хозяйство**, **энергетика**, переработка отходов. Экономическое, социальное, гуманитарное, технологическое взаимодействие с Хоккайдо. Диверсификация производства в Якутии.

Тематическое сотрудничество	
Ленинградская обл. Пр. Окинава и *Киото*	Волгоград Хиросима
Продолжительное **культурное** взаимодействие с генконсульством Японии. Основные сферы сотрудничества с Окинава: в сфере **здравоохранения** и рекреации. Основные сферы сотрудничества с Киото: **гуманитарное** взаимодействие, центральная ось — история.	Тесное успешное сотрудничество с г. Хиросима по вопросам **поддержания мира**. Бизнес-сотрудничество. Волгоград как **центр публичной дипломатии в РФ**.

Выводы

Авторам удалось определить особую важность парадипломатии во взаимоотношениях между Россией и Японией. Был обнаружен целый ряд площадок межрегионального взаимодействия. Выявлены некоторые тенденции в развитии таких отношений: договоры об установлении побратимских связей почти в 100% случаев сохранились даже после 2022 г., хотя уровень взаимодействия значительно сократился; с начала 2000-х гг. наблюдается снижение числа новых заключенных соглашений о побратимстве, что не отрицает заинтересованности в них некоторых регионов. В качестве ключевого фактора, побуждавшего регионы к началу парадипломатических отношений, выступала территориальная близость. Тем не менее, сотрудничество не ограничилось рамками приграничных регионов: географический охват постепенно расширялся.

Исходя из содержания и особенностей взаимодействия было предложено четыре типа парадипломатического сотрудничества: приграничное, спонтанное, тематическое и в сфере бизнеса. Авторы пришли к выводу, что наиболее устойчивыми типами сотрудничества являются тематическое и приграничное, поскольку взаимодействие по этим каналам сохранилось, пусть и в ограниченном объеме.

Прогнозируя возможное развитие российско-японской парадипломатии, можно говорить о крайне низкой вероятности восстановления темпов сотрудничества в краткосрочной перспективе, поскольку оно требует изменения политической конъюнктуры на национальном уровне.

Список источников и литературы

1. Распоряжение правительства Российской Федерации «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до

2025 года» от 28.12.2009 (с изменениями на 10.06.2023) № 2094-р // Официальный портал правовой организации
2. Инициатива «по укреплению японо-российского сотрудничества в регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири» от 07.06.2007 // Посольство Японии в России. — 19.04.2017
3. Ход реализации «Плана сотрудничества» из 8 пунктов // Посольство Японии в России URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/common/file/8-point-plan-ru.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
4. Российско-японские отношения // МИД Российской Федерации URL: https://mid.ru/ru/detail-material-page/1102952/?lang=ru (дата обращения: 05.12.2025).
5. Япония и развитие российского Дальнего Востока // Россия в глобальной политике URL: https://globalaffairs.ru/articles/yaponiya-i-razvitie-rossijskogo-dalnego-vostoka/ (дата обращения: 05.12.2025).
6. Матвиенко: РФ и Япония возобновят работу Совета губернаторов двух стран // ТАСС URL: https://tass.ru/politika/5235081 (дата обращения: 05.12.2025).
7. Совет губернаторов России и Японии соберётся после девятилетнего перерыва // Парламентская газета URL: https://www.pnp.ru/politics/sovet-gubernatorov-rossii-i-yaponii-soberyotsya-posle-devyatiletnego-pereryva.html (дата обращения: 05.12.2025).
8. Японо-Российские отношения // Посольство Японии в России URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/COOPERATE/INVESTMENT/index.html (дата обращения: 05.12.2025).
9. Мэры городов Японии и Дальнего Востока обсуждают на Камчатке перспективы сотрудничества // ТАСС URL: https://tass.ru/obschestvo/6786174 (дата обращения: 05.12.2025).
10. Диалог о взаимодействии с префектурой Окинава // Правительство Ленинградской области URL: https://lenobl.ru/dlya-smi/news/19122/ (дата обращения: 05.12.2025).
11. На ПМЭФ-2018 Московская область привлекла на 15% больше инвестиций, чем в прошлом году // Министерство инвестиций, промышленности и науки Московской области URL: https://mii.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/29-05-2018-18-05-15-na-pmef-2018-moskovskaya-oblast-privlekla-na-15-bo (дата обращения: 05.12.2025).
12. Итоги работы Восточного экономического форума — 2016 // Восточный экономический форум URL: https://forumvostok.ru/archive/2016/outcomes-of-the-eef-2016/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 05.12.2025).
13. Айсен Николаев. Совет губернаторов Россия-Япония: успешное внедрение японских технологий в Республике Саха // Вместе.рф URL: https://vmeste-rf.tv/programs/205/aisen-nikolaev-the-board-of-governors-of-the-russia-japan-the-successful-introduction-of-japanese-te/ (дата обращения: 05.12.2025).
14. Information on the Designated Cities // The Japan Designated Cities Mayors Association URL: https://www.siteitosi.jp/en/about/cities/ (дата обращения: 05.12.2025).
15. Делегация правительства Подмосковья посетила мусоросжигательный завод в Токио в рамках рабочего визита // Правительство Московской области URL:

https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/organy/pravitelstvo/delegaciya-pravitelstva-podmoskovya-posetila-musoroszhigatelnyy-zavod-v-tokio-v-ramkah-rabochego-vizita (дата обращения: 05.12.2025).

16. *Гавриков Алексей Александрович* Значение и роль городов-побратимов в развитии русско-японской межкультурной коммуникации // Евразийство и мир. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-rol-gorodov-pobratimov-v-razvitii-russko-yaponskoy-mezhkulturnoy-kommunikatsii (дата обращения: 05.12.2025).

Чупина Юлия Александровна

Шампаров Андрей Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ПАРАДИПЛОМАТИИ ТРЕХ КАНАДСКИХ ПРОВИНЦИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КВЕБЕК, АЛЬБЕРТА, БРИТАНСКАЯ КОЛУМБИЯ

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONTEMPORARY PARADIPLOMACY EXPERIENCE OF THREE CANADIAN PROVINCES: QUEBEC, ALBERTA, BRITISH COLUMBIA

Аннотация: В статье анализируются ключевые особенности и направления парадипломатии трёх канадских провинций — Квебека, Альберты и Британской Колумбии. Рассмотрения данных провинций позволяет выявить различия в их международной активности, обусловленные политической культурой, экономикой, географией и институциональными возможностями. На основе изучения официальных документов и практических кейсов выделяются основные драйверы парадипломатии: культурно-идентификационные инициативы Квебека, энергетическая ориентация Альберты и фокус Британской Колумбии на чистые технологии. Результаты исследования показывают, как внутренние факторы формируют внешнюю стратегию субнациональных акторов в Канаде. Работа способствует более глубокому пониманию природы парадипломатии в современных федеративных государствах.

Ключевые слова: Канада, парадипломатия, Квебек, Альберта, Британская Колумбия

Annotation: The article analyzes the key features and directions of paradiplomacy in three Canadian provinces — Quebec, Alberta, and British Columbia. A comparative approach reveals differences in their international activity, shaped by political culture, economics, geography, and institutional capacity. Based on an examination of official documents and practical cases, the key drivers of paradiplomacy are identified: Quebec's cultural and identity initiatives, Alberta's energy orientation, and British Columbia's focus on clean technology. The results of the study demonstrate how domestic factors shape the foreign strategy of subnational actors in Canada. This work contributes to a deeper understanding of the nature of paradiplomacy in modern federal states.

Key words: Canada, paradiplomacy, Quebec, Alberta, British Columbia

Введение

Особенностью политики как в Канаде, так и в США в последние годы стала тенденция к расширению роли субнациональных акторов. В частности, можно наблюдать усиленное значение действий правительств штатов, провинций на международной арене, которое привело к вниманию со стороны и национальных, и международных СМИ. Феномен парадипломатии уже стал неотъемлемой частью современной дипломатической практики на международной арене. Канада, как федеративное государство с высокой степенью децентрализации, представляет собой уникальную лабораторию для изучения парадипломатии. Ее провинции обладают значительными полномочиями в сферах, напрямую затрагивающих международную повестку (экономика, образование, экология, культура). Однако интенсивность, направления и инструментарий их международной деятельности существенно различаются. Сравнительный анализ опыта трех активных в этом отношении провинций — Квебека, Альберты и Британской Колумбии является крайне актуальным. Провинции становятся ключевыми акторами в решении таких проблем, как изменение климата (Британская Колумбия), энергетическая безопасность (Альберта) и защита культурного разнообразия (Квебек). Их деятельность на международной арене представляет интерес для других федераций: исследование канадского опыта служит важной возможностью в плане применения наилучших практик для других составных, многоэтничных государств, в том числе и для Российской Федерации.

Несмотря на наличие значительного массива работ по парадипломатии Квебека, научный интерес к международной деятельности других провинций, в частности Альберты и Британской Колумбии, остается недостаточно изученным.

Новизна настоящего исследования обусловлена следующим. Во-первых, использование сравнительного подхода: в отличие от большинства исследований, фокусирующихся на отдельном случае (чаще всего Квебеке), в данной работе проведен сравнительный анализ трех провинций. Это позволяет не просто описать их деятельность, но и выявить причинно-следственные связи, определяющие различия в их стратегиях. Во-вторых, проводится анализ различных факторов и драйверов парадипломатии — исследование выходит за рамки традиционных факторов парадипломатии несуверенных акторов с этнокультурной спецификой («особого общества» в случае Квебека). Мы предлагаем комплексную аналитическую модель, которая учитывает четыре ключевых фактора:

1. Политическая культура и роль идентичности: насколько сильно стремление к международной самоидентификации (Квебек vs. «канадский патриотизм» Британской Колумбии);

2. Экономические интересы: зависимость парадипломатии от структуры региональной экономики (нефтегазовый сектор Альберты, «зеленая» и ориентированная на АТР экономика Британской Колумбии, высокие технологии и аэрокосмическая промышленность Квебека);
3. Географическое положение: влияние приграничности и принадлежности к макрорегиону (Альберта в сердце Северной Америки, Британская Колумбия как партнер Азиатско-Тихоокеанского региона, Квебек с его европейскими связями и протяженной границей с США);
4. Институциональный потенциал: сравнение административных структур, бюджетирования и кадровых ресурсов, задействованных в международной деятельности каждой провинции.

Исследование является качественным по характеру методологии и использует следующие методы:

1. Сравнительный case-study. В качестве основного метода избран сравнительный анализ кейсов (comparative case-study method), что позволяет провести детальное изучение каждой провинции в их уникальном контексте;
2. Сбор и анализ эмпирических данных:
   — анализ документов: изучение официальных стратегий, докладов правительств провинций, бюджетных программ, законодательных актов, регулирующих международную деятельность;
   — институциональный анализ: сравнение структур и деятельности международных отделов и агентств при правительствах провинций (например, Министерство международных отношений и Франкофонии Квебека);
   — анализ практик: исследование конкретных проектов и направлений деятельности: работа зарубежных представительств, участие в международных организациях регионов (например, Франкофония для Квебека), заключение соглашений о сотрудничестве с иностранными партнерами;

Исследование позволяет прийти к выводам, раскрывающим специфику и эффективность парадипломатии каждой из трех провинций, выявить общие тенденции и уникальные черты. Результаты работы помогут лучше понять то, как внутренние факторы и внешняя среда формируют международную деятельность провинций в рамках современного федеративного государства.

Цель настоящего исследования заключается в определении основных особенностей парадипломатии и направлений наиболее активных канадских провинций на современном этапе.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: исследовать внешнеполитическую деятельность провинций, выявить основную дина-

мику, найти пункты соприкосновения или противостояния — интеграции и дезинтеграции.

Для того, чтобы анализировать внешнеполитическую деятельность провинций Канады, необходимо осознавать юридическо-правовое поле: так исторически и юридически сложилось, что парадипломатия провинций основана на их полномочиях внутри самой федерации. Юридически и исторически сложилось так, что провинции проецируют свои внутренние полномочия на внешние, и используют их в построении своей парадипломатии. Подобное состояние дел сложилось не сразу, но закрепилось в ходе развития отношений Квебека и федерального центра и (после некоторого сопротивления) одобрения центром положений доктрины Жерен-Лажуа [1].

Парадипломатия Альберты

Как следует из фразы бывшего премьер-министра Альберты Джейсона Кенни «I think Alberta should emulate Quebec in the way that it has so effectively defended its interests» [2], некоторые провинции стремятся брать на вооружение продвижения Квебека в автономии и парадипломатии, и можно утверждать, что Альберта лидирует данную гонку.

Дэниель Смит, текущий премьер-министр Альберты и ее однопартиец-консерватор Дж. Кенни, в январе 2025 совершили визит в Мар-а-Лаго в преддверии введения президентом США Д. Трампом тарифов на канадские товары. Судя по всему они поднимали вопрос о смягчении тарифов на канадскую энергетику (от экспорта которой зависит ориентированная на нефтегазовую добычу экономика Альберты). Эта поездка жестко критиковалась общеканадской прессой и публикой — в основном за отсутствие единой делегации Канады, самостоятельные действия Смит. Поездка дала некоторые результаты — Трамп в скором времени ввел на энергию Канады 10% тарифы, в то время как на остальные товары, не подходящие условиям CUSMA, — 25%.

Однако, это была не единственная поездка премьера. В апреле Смит посетила Японию и Республику Корею, в августе — Мексику. Общим мотивом этих визитов были встречи с лидерами энергетического сектора и государственными деятелями. Кульминацией подобного «энергетического турне» стало посещение в ноябре 2025 Саудовской Аравии (где она встретилась с главой Saudi Aramco) и ОАЭ, а также демонстрация альбертских нефтегазовых технологий на выставке ADIPEC 2025.

Данные поездки показывают, что альбертский премьер-министр с некоторым рвением относится к факту совмещения должности премьера и должности министра межправительственных отношений (с 2014 г.). Можно также с уверенностью сказать, что подобный вектор парадипломатии правительства Альберты, с акцентом на «классическом» нефтегазовом секторе энер-

гетики ярко контрастирует с позициями Британской Колумбии и Квебека, которые будут рассмотрены ниже.

Парадипломатия Британской Колумбии

Что касается Британской Колумбии, провинция отличилась тем, что одной из первых ввела налог на CO2 в Канаде — и первой ввела подобный налог с механизмом перенесения налогового бремени на производителя. Провинция пользуется гидроэнергией, как и Квебек (который первый ввел «простой» налог на выбросы), и правительство Дэвида Эби на момент написания статьи протестует против нового нефтепровода из Альберты к побережью Тихого океана. Подобное отношение к климату, которое отмечают и другие исследователи, отражается и в парадипломатии: если Дэниэль Смит посещала выставки, посвященные нефтегазовой отрасли, то в июне 2025 делегация Британской Колумбии отправилась в Париж, Лондон и Амстердам с целью посетить выставки высоких технологий, и в отчете правительство особенно выделило Greentech Amsterdam — выставку, посвящённую агрокультуре и климату[3].

Кроме того, эта поездка подчеркивает интересный факт: стоит отметить, что в Британской Колумбии существует Секретариат Межправительственных Отношений [4], в обязанности которого входит «давать советы премьер-министру и другим министрам по вопросам улучшения межправительственных отношений с другими национальными и субнациональными юрисдикциями», «ведение отношений с дипломатами и консулами», «координация отношений БК в АТР», «поддержка торговых миссий», «разработка юридически не связывающих соглашений с другими правительствами» и «консультирование премьер-министра и других министров по вопросам улучшения межправительственных отношений с другими национальными и субнациональными юрисдикциями». Тем не менее, торговые миссии (например, вышеупомянутая миссия в Европу) возглавляются зачастую министром экономического развития (в данном случае это была Диана Гибсон).

Однако, необходимо отметить, что некоторые сделки Британской Колумбии в обход федерального правительства не связаны с «зелеными инновациями». Так, например, в июле 2025 произошел скандал, когда оказалось, что принадлежащая провинции компания B. C. Ferries — которая управляет перевозками пассажиров с о.Ванкувер на континент — заказала 4 новых корабля в Китае. Отвечая на обвинения министра транспорта Канады Христи Фриланд, Дэвид Эби заявил, что если бы провинция могла, то обязательно сделала бы заказ у канадской компании, но никто, кроме китайской компании, не взял заказ. Стоит также отметить, что заказ был сделан на деньги федерального займа провинции [5].

Тем не менее, общий настрой провинции на «зеленые технологии» внутри Канады, как мы видим, отражается не только в сопротивлении новому нефтепроводу из Альберты [6], но и в том, на каких аспектах парадипломатии провинция заостряет внимание. Представляется, что особую роль здесь играет текущее доминирование в Британской Колумбии социал-демократической «Новой Демократической Партии» на контрасте с доминированием правой, про-нефтегазовой «Единой Консервативной Партии» в Альберте. Кроме того, провинция осознает, что ее географическое положение дает ей уникальный доступ в АТР (что отражено в функциях вышеупомянутого секретариата), и сопротивляется идее дать этот доступ «закрытой» на континенте Альберте для строительства нефтепровода к своему побережью Тихого Океана, чем ставит преграды будущим перспективам парадипломатии Альберты.

Парадипломатия Квебека

Квебек занимает особое место в системе канадской парадипломатии, его стремление к международной вовлечённости опирается на исторически сформированную культурную самобытность и развитую сеть зарубежных представительств. С середины прошлого столетия провинция последовательно использует внешнюю политику для защиты и продвижения своих экономических интересов, а также укрепления франкофонной идентичности. Квебек выстраивает собственные международные стратегии и участвует в глобальных инициативах, выходящих за рамки компетенций федерального центра. Благодаря этому он превратился в одного из самых заметных субнациональных участников мировой политики. Парадипломатия Квебека является наиболее развитой среди канадских провинций и представляет собой системную, институционализированную международную деятельность. Провинция располагает широкой сетью зарубежных представительств — 33 офисами в 18 странах[7], — что позволяет ей проводить активную внешнюю политику в экономической, культурной и гуманитарной сферах. Стратегические ориентиры закреплены в ключевых документах Министерства международных отношений и Франкофонии Квебека, включая Plan stratégique 2023–2027, La Vision internationale du Québec и территориальные стратегии по Африке, Европе, АТР, ЛКА и США.

Современная парадипломатическая повестка Квебека формируется вокруг нескольких основных направлений. Во-первых, это усиление экономического присутствия на мировой арене, что включает привлечение инвестиций, увеличение экспорта, диверсификацию рынков. Во-вторых, важную роль играет продвижение квебекской культуры, искусства и туристического бренда за рубежом, сотрудничество со странами Франкофонии. В-третьих, министерство подчеркивает стремление Квебека содействовать устойчи-

вому, справедливому и безопасному миру, уделяя внимание защите прав человека, верховенству закона и охране окружающей среды. [8]

Ключевым торгово-экономическим партнером Квебека являются Соединённые Штаты, на которые приходится около 70% экспорта провинции и 51% её общей международной торговли. Товарооборот между сторонами превышает 90 млрд. канадских долларов, и более 698 американских компаний обеспечивают в провинции свыше 228 тыс. рабочих мест. Особенно быстро растут торгово-инвестиционные связи с Юго-Востоком США, Техасом и западными штатами, где наиболее перспективными являются сектора энергетики, аэрокосмической промышленности, ИТ, зелёных технологий и ИИ. Среди ключевых экспортных позиций Квебека в США — алюминий и продукция аэрокосмической отрасли (по 5,6 млрд. CAD каждая), бумага и целлюлоза, электроника, пиломатериалы и сталь. [9]

Таким образом, современная парадипломатия Квебека сочетает экономическую активность, ориентированную в первую очередь на рынки США, а также на партнёров в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке, с культурно-идентификационной миссией, направленной на укрепление связей с Францией и франкофонными странами. Такой подход позволяет провинции последовательно продвигать свои интересы.

Выводы

Таким образом, мы можем выделить основные драйверы парадипломатии провинций на данном этапе: Альберта — поиск партнеров, развитие энергетики (причем дипломатия провинции наиболее критикуемая в федеральных СМИ[10]). Британская Колумбия — устойчивая экономика и оптимизация бюджета. Квебек — идентичность и торговля. Внутренние вопросы по соперничеству «зеленой» энергии и классического нефтегазового сектора уже на данном этапе вызывают прямую конкуренцию Британской Колумбии и Альберты, что может иметь серьезные последствия для парадипломатии этих двух провинций, в частности для парадипломатии Альберты.

Как показывает анализ отчетов провинций, торговые миссии остаются самым «рекламируемым» аспектом парадипломатии на сайтах их правительств, за исключением Квебека, парадипломатия которого характеризуется диверсификацией проектов.

Квебекская парадипломатия остается самой институционализированной, однако Альберта старается не отставать по активности парадипломатических связей. Идеологическая конфронтация правительства Альберты с Квебеком и особенно с Британской Колумбией по вопросам устойчивого развития находит отражение в противоречащих векторах внешних связей, и может иметь дезинтеграционные последствия для федерализма и единства

общефедеральных дипломатических усилий. Однако степень подобной тенденции необходимо продолжать исследовать, используя успех или неудачу строительства нового нефтепровода Альберты к побережью Тихого Океана через Британскую Колумбию как один из основных индикаторов, в дополнение к росту интенсивности парадипломатии провинций.

Список источников и литературы:

1. *Акимов Ю. Г.* Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации // *Сравнительная политика*. 2021. Т. 12. № 3. С. 33–41.
2. *Акимов Ю. Г.* Идентификационная парадипломатия несуверенных территориальных акторов (на примере Квебека, Каталонии и Фламандского региона) // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 30–34.
3. *Акимов Ю. Г.* Канадский федерализм и конституционно-правовой статус квебекской парадипломатии. *Управленческое консультирование*. 2016;(11):18–26.
4. *Акимов Ю. Г.* Лингвистическое измерение квебекской парадипломатии // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2018. No 3 (13). С. 7–25
5. *Акимов Ю. Г.* Организация международной деятельности субъекта федерации (на примере канадской провинции Квебек) // *Управленческое консультирование*. 2017. № 12 (108). С. 22–32.
6. Braid: Kenney backs Quebec's drive to be declared a nation [Электронный ресурс]. URL: https://calgaryherald.com/news/braid-kenney-backs-quebecs-drive-to-be-declared-a-nation. (дата обращения: 07.12.2025)
7. Jobs and Economic Growth. Europe trade mission will promote B.C. tech, attract investment [Электронный ресурс]. URL: https://news.gov.bc.ca/releases/2025JEDI0021-000543. (дата обращения: 05.12.2025)
8. Intergovernmental Relations Secretariat. Intergovernmental Relations Secretariat — Province of British Columbia [Электронный ресурс]. URL: https://www2.gov.bc.ca/gov/content/governments/organizational-structure/office-of-the-premier/intergovernmental-relations-secretariat.
9. The Canadian Press. Freeland called back to testify on BC Ferries' deal with Chinese shipyard // CTVNews. 2025.
10. Zimonjic P. Eby criticizes Smith's pipeline push, says feds' treatment of B.C. ferry passengers unfair // CBC. 2025.
11. Ministère des Relations internationales et de la Francophonie [Электронный ресурс]. URL: https://www.quebec.ca/gouvernement/ministeres-organismes/relations-internationales. (дата обращения: 05.12.2025)
12. Plan Stratégique 2023-2027. : Gouvernement du Québec, 2023.
13. Stratégie territoriale pour les États-Unis. : Gouvernement du Québec, 2023.
14. Kavanagh H. Smith's trip to Middle East draws criticism amid back-to-school mandate // CTVNews. 2025.

СЕКЦИЯ «ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ (ДЕЗ) ИНТЕГРАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ»

Апарина Анастасия Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

ОТ ПРИФРОНТОВЫХ ГОСУДАРСТВ К АРХИТЕКТОРАМ ПОЛИТИКИ: КАК СТРАНЫ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ ВЛИЯЮТ НА ИНТЕГРАЦИЮ ЕС В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

FROM FRONTLINE STATES TO POLICY ARCHITECTS: HOW SOUTHERN EUROPEAN COUNTRIES INFLUENCE THE EU INTEGRATION IN THE FIELD OF MIGRATION

Аннотация. Данная статья исследует влияние стран Южной Европы на формирование миграционной политики ЕС в 2020-е гг. Автор анализирует, как эти государства, являясь основными «воротами» для мигрантов, продвигают свои интересы в данной сфере в рамках ЕС. Особое внимание уделяется роли неформальной группы MED5 в переговорах по Европейскому пакту о миграции и предоставлении убежища 2024 г. В работе делается вывод, что активность стран Южной Европы способствует развитию более жесткой и сбалансированной общеевропейской миграционной политики, основанной на обязательной солидарности. При этом данная политика развивается во многом с учетом интересов южноевропейских государств.

Ключевые слова: ЕС, европейская интеграция, Южная Европа, миграция, либеральный интерговернментализм.

Abstract. This article examines the influence of Southern European countries on the formation of EU migration policy in the 2020s. The author analyzes how these states, being the main "gates" for migrants, promote their interests in this area within the EU. Special attention is paid to the role of the informal MED5 group in the negotiations on the European Migration and Asylum Pact of 2024. The paper concludes that the activity of the Southern European countries contributes to the development of a more rigorous and balanced common European migration policy

based on mandatory solidarity. At the same time, this policy is developing largely taking into account the interests of the Southern European states.

Keywords: EU, European integration, Southern Europe, migration, liberal intergovernmentalism.

Введение

Проблема нелегальной миграции остается одним из ключевых вызовов для Европейского союза (ЕС) в 2020-х гг. Страны Южной Европы, а именно, Италия, Испания, Греция, Португалия, Мальта и Кипр представляют собой фланг ЕС, который больше всего испытывает на себе миграционную нагрузку. Они являются основными «воротами» в ЕС для нелегальных мигрантов с Ближнего Востока и Северной Африки. Количество прибытий в южноевропейские страны не сокращается существенно, поэтому с каждым годом они стараются увеличить свой вес в процессе принятия решений относительно управления миграцией в ЕС, что, в свою очередь, подчеркивает актуальность данного вопроса.

Цель работы — определить, в какой степени государства Южной Европы влияют на развитие миграционной политики Евросоюза в 2020–2025 гг. Научная новизна работы заключается в оценке влияния государств Южной Европы на формирование политики ЕС в сфере миграции, в т.ч. на Пакт о миграции и предоставлении убежища от 2024 г., который является самым актуальным всеобъемлющим документом, принятым для регулирования миграции в ЕС по состоянию на конец 2025 г.

Теоретико-методологической основой исследования является либеральный межправительственный подход (интерговернментализм) в теории европейской интеграции Эндрю Моравчика. В ходе написания работы были использован сравнительный анализ для сравнения потребностей государств южной части ЕС в миграционной сфере и их выполнение в ходе реализации миграционной политики объединения. Также автор обратился к структурно-функциональному анализу, позволяющему рассмотреть ЕС как систему, которая реагирует на внешний вызов, т.е. миграцию, а южные страны-члены ЕС — как элементы этой системы, выполняющие определенные функции в процессе формирования общеевропейской миграционной политики.

Либеральный межправительственный подход и интеграция ЕС в сфере миграции

Либеральный интерговернментализм был разработан американским ученым Э. Моравчиком в 1993 г. Основой подхода является межправительственная теория интеграции, при этом новый подход содержит в себе три

ключевых аспекта: положение о рациональности государств, теория формирования национальных предпочтений и межправительственный анализ межгосударственных переговоров [1, с. 480]. Рациональное поведение акторов заключается в том, что государства изначально определяют свои интересы, а затем вступают в переговоры между собой для их реализации. Итоговое соглашение о дальнейшем сотрудничестве, интеграции или создании институтов объясняется теорией как результат рационального выбора государства и итогов межправительственных переговоров [2, с. 68, 72].

Э. Моравчик и Ф. Шиммелфенниг обратили внимание, что государства все еще являются главными акторами в процессе интеграции, но их национальные интересы не фиксированы и могут изменяться [2, с. 69]. Сторонники данного подхода часто опираются на понятие «национальные предпочтения», которые формируются в результате взаимодействия властей и гражданского общества с собственными интересами. Подчеркнем, что на позиции внутригосударственных акторов оказывают воздействие факторы, которые сами по себе могут быть как внутренними, так и транснациональными [1, с. 483]. Так, под влиянием различных факторов у государства складываются национальные предпочтения, которые могут со временем измениться, что впоследствии будет влиять на его склонность к сотрудничеству и интеграции или, наоборот, к фрагментации внутри какого-либо объединения и самостоятельным действиям акторов на международной арене.

В рамках европейской интеграции в сфере миграции каждая страна имеет свои интересы, которые она стремится реализовать через переговоры и принятие новых мер по контролю за миграционными потоками. В странах Южной Европы национальные предпочтения могут меняться достаточно быстро из-за смены политической ориентации власти, деятельности правозащитных организаций и ситуации в области безопасности. Например, по итогам парламентских выборов, прошедших в Италии (2022), Греции (2023) и Португалии (2025), усилили свои позиции партии, отстаивающие более жесткий подход к миграции, что повлияло на предпочтения государств.

Также на интересы южных стран ЕС воздействует сила миграционного потока [3, с. 1585–1586]. Согласно данным Евростата, число мигрантов, прибывших в ЕС, выросло в 2023 г., составив 4,5 млн. чел., по сравнению с 2 млн. чел. в 2020 г. Испания и Италия вошли в тройку стран по количеству прибытий, а Мальта и Кипр заняли первые два места по количеству иммигрантов на 1000 человек [4]. В 2024 г. доля всех стран Южной Европы составила в сумме более 43% от общего числа заявлений на получение убежища в ЕС [5]. Такая ситуация влияет на переговорные позиции стран, а затем и на развитие миграционной политики ЕС, подтверждая релевантность либерального интерговернментализма для изучения данной проблемы [6, с. 49]. Как

следствие, государства юга ЕС испытывают более серьезное миграционное давление в постковидную эпоху, чем во время пандемии, из-за чего позиции политиков и гражданского общества имели возможность измениться, вызвав также перемены в интересах стран по миграции, а, следовательно, и в их влиянии на европейские интеграционные процессы в этой области.

Влияние стран Южной Европы на миграционную политику ЕС

В рамках выработки своих позиций по миграционной политике ЕС страны Южной Европы действуют как в индивидуальном порядке, так и единым фронтом в рамках неформальной группы MED5. Она объединяет Италию, Испанию, Грецию, Мальту и Кипр и была создана в 2020 г., чтобы оказывать влияние на содержание Пакта ЕС о миграции и предоставлении убежища — документа, который был предложен Еврокомиссией в 2020 г. После переговоров со своими европейскими партнерами в 2021 г. страны MED5 в совместном заявлении призвали к более справедливому распределению миграционного бремени по ЕС и отметили, что предложенный Комиссией Пакт не дает долгосрочных гарантий государствам Южной Европы в этой сфере [7]. В том же году в ЕС встал вопрос о преобразовании Европейского офиса поддержки лиц, претендующих на убежище (EASO), в Агентство ЕС по вопросам убежища для расширения его возможностей по поддержке государств, принимающих мигрантов. Данная реформа являлась частью пакета мер по корректировке политики в области миграции и убежища, но она и другие части пакета терпели неудачу на голосовании, поскольку Испания и Италия блокировали принятие реформ вне рамок пакета. Но в 2021 г. при председательстве Португалии в Совете ЕС южные страны пришли к согласию и одобрили реформу EASO [8]. Так, все страны MED5 смогли прийти к компромиссу, чтобы усилить наднациональных институтов ЕС в области миграции.

Одним из успехов MED5 в 2022 г. можно считать то, что на заседании Совета ЕС по внутренним делам позиция этих государств помогла добиться расширения числа мест, где может проводиться процедура проверки мигрантов на границах [9, с. 189]. Данный пункт был одобрен в рамках Регламента о проверках на границе, имеющего большую актуальность для стран, являющихся южной границей ЕС. Другое достижение MED5 в 2022 г. — принятие Механизма добровольной солидарности ЕС, суть которого состоит в переселении просителей убежища в другие государства-члены. Механизм действовал 1 год на добровольной основе и позволял государствам, не имеющих возможность принять мигрантов на своей территории, предоставить лишь финансовую помощь переселению. 13 государств ЕС выразили готовность принять у себя переселенцев, а к сентябрю 2022 г. около 1500 мигрантов

стали участниками данной программы [10]. В 2023 г. результаты работы данного Механизма были обсуждены в рамках министерской встречи MED5, на которой Министр внутренних дел Мальты Байрон Камиллери заявил, что число стран ЕС, принявших мигрантов, остается низким, а Министр миграции Греции Нотис Митаракис отметил, что добровольный Механизм не приносит результатов, т.к. менее 1% мигрантов было переселено [11]. По итогам встречи была принята Декларация, в которой страны MED5 обозначили общую цель — придание Механизму постоянного и обязательного для всех стран-членов ЕС характера. Также ими были достигнуты договоренности по укреплению отношений ЕС со странами происхождения мигрантов для сдерживания миграции, надзору в международных водах и репатриации лиц, не имеющих право на убежище в ЕС [12]. Эти пункты легли в основу дальнейшей позиции MED5 по обсуждению Пакта ЕС о миграции и предоставлении убежища.

Особо активной в тот период была роль Италии в сотрудничестве с ЕС в разработке этих аспектов миграционной политики. Председатель Совета министров Италии Джорджа Мелони в 2022 г. стала единственным представителем южной части ЕС во время визита в Тунис совместно с Марком Рютте, премьер-министром Нидерландов, и Урсулой фон дер Ляйен, главы Еврокомиссии. На данной встрече обсуждалось сотрудничество ЕС с Тунисом в борьбе с нелегальной миграцией, а также проводилась подготовка к заключению Меморандума о взаимопонимании между ЕС и Тунисом, который в итоге был принят в 2023 г. Благодаря участию в таких встречах Италия имеет больше возможностей для продвижения своих интересов и интересов стран юга ЕС в целом в сотрудничестве ЕС с третьими странами [13, с. 22]. Как следствие, Италия демонстрирует особую вовлеченность в разработку общеевропейских инициатив в сфере миграции, т.к., во-первых, таким способом она увеличивает свою роль в ЕС, во-вторых, выражает доверие интеграции ЕС по линии миграции.

Окончательная версия Пакта о миграции и предоставлении убежища была одобрена Европарламентом и Советом ЕС в 2024 г. с перспективой вступления его в силу в 2026 г., что стало новым шагом в интеграции ЕС по линии миграции. Подчеркнем, что основные соглашения по данному документу были достигнуты в ходе «трилогов» в период председательства Испании в Совете ЕС в 2023 г. Для Испании договоренности по Пакту были одним из приоритетных направлений в рамках Совета, а их заключение можно рассматривать как большое достижение председательства Испании [14]. Кроме того, премьер-министр Испании Педро Санчес призвал Еврокомиссию ускорить вступление Пакта в силу, чтобы его инструменты можно было использовать летом 2025 г. Он также отметил, что механизмы Пакта

будут реализовываться в Испании при работе с неправительственными организациями и гражданским обществом, выделив тем самым более лояльное отношение к миграции среди южноевропейских государств [15]. Тем не менее, по состоянию на ноябрь 2025 г., несмотря на позицию Испании, Пакт официально не вступил в силу, поскольку странам-членам ЕС необходимо время для корректировки национального законодательства и подготовки к изменениям в миграционной политике.

Одним из важнейших нововведений Пакта стала обязательная и постоянная система солидарности. Теперь все государства ЕС выбирают форму своего участия: переселение мигрантов, финансовые взносы, оперативную поддержку стран, испытывающих миграционное давление и т.д. При этом ответственность за рассмотрение ходатайства об убежище все также остается на первой стране въезда мигранта в ЕС. Также Пакт вводит положение о возвращении лиц, которые не имеют право на защиту в ЕС и делает акцент на укреплении сотрудничества со странами исхода мигрантов [16]. Так, почти все основные требования стран юга ЕС были учтены в Пакте, что говорит об их вкладе и реальном влиянии на формирование более жесткой европейской миграционной политики. В то же время в министерской Декларации MED5 от 2025 г. страны Южной Европы отразили свое неполное удовлетворение новым Пактом. В частности, они запросили увеличить безоговорочное финансирование пограничных государств ЕС для выполнения обязательств по Пакту, призвали Еврокомиссию инициировать новые партнерства с странами происхождения и транзита мигрантов в Африке, Азии и на Ближнем Востоке, а также заявили о необходимости корректировки правовой основы Европейского агентства пограничной и береговой охраны (Frontex), чтобы оно поддерживало страны юга ЕС, обладая исполнительными полномочиями в области предотвращения нелегальной миграции и наблюдения за границами [17].

Однако, несмотря на общие интересы, страны Южной Европы могут расходиться во мнениях относительно форм реализации миграционной политики. В 2024 г. Италия запустила новую модель экстернализации своей миграционной политики — создание в Албании центров для содержания мигрантов, которые могут быть возвращены страну происхождения, если Италия сочтет ее «безопасной». Такой инструмент был поддержан Грецией, также выступающей за более жесткую политику в отношении мигрантов. Министр миграции Греции Танос Плеврис в ходе встречи министров юстиции и внутренних дел ЕС в 2025 г. отметил, что ЕС должен отдать приоритет депортациям и создавать центры содержания мигрантов не только вне ЕС, но и за пределами европейского континента [18]. В то же время такой подход встретил оппозицию со стороны Испании и Суда ЕС. В конце 2024 г. Испания

заявила, что выступает против создания подобных центров в третьих странах, т.к. ее миграционная политика уже работает, а Испания должна «защищать в Европе гуманное и солидарное применение Пакта о миграции и предоставлении убежища» [19]. В августе 2025 г. Суд ЕС, после обращения в него римских судей, поставил под сомнение законность списка «безопасных стран», который Италия использует для отправки мигрантов в Албанию. Офис Дж. Мелони в ответ выразил опасение, что такое решение Суда может позволить национальным судьям влиять на политику стран в области миграции, из-за чего ее будет сложнее контролировать [20]. Как следствие, в южных странах ЕС и в ЕС в целом существует дискуссия относительно методов осуществления миграционной политики. В 2025 г. она не существенно влияет на общую позицию государств Южной Европы к миграции, однако, в случае проведения более радикальной миграционной политики правыми правительствами некоторых государств юга ЕС, может сложиться ситуация, которая приведет к фрагментации сотрудничества европейских стран в данной области.

Из вышесказанного следует, что страны Южной Европы активно вовлечены в процесс развития миграционной политики ЕС. Будучи особо подверженными проблемам, вызванными миграцией, они стараются использовать механизмы и институты ЕС для разработки более жесткого общеевропейского подхода к управлению миграцией. Несмотря на то, что страны юга ЕС могут иметь разные мнения относительно методов реализации политики или быть несогласны с некоторыми аспектами интеграции ЕС в этой сфере, они все равно способствуют этому процессу, чтобы он отвечал их потребностям и интересам властей, которые стремятся сильно ограничить миграцию в их государства (Италия, Греция) или выступают за более гуманный подход к мигрантам (Испания).

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в 2020–2025 гг. государства Южной Европы оказали значительный интеграционный эффект на развитие миграционной политики ЕС, особенно после завершения пандемии. Несмотря на ряд сложностей, их действия не привели к дезинтеграции, а, напротив, стали импульсом для выработки нового и более справедливого для стран юга ЕС общеевропейского подхода к миграции. Именно эти страны последовательно формировали свои национальные предпочтения под влиянием внутриполитической ситуации и миграционной нагрузки, а затем представляли их на наднациональном уровне через взаимодействие и переговоры.

Часто используемый формат сотрудничества для обсуждения миграционных вопросов MED5 никак не оформлен юридически и не имеет инициатив,

которые реализовывались бы только в рамках этой группы. Как следствие, процесса интеграции внутри не происходит, а, значит, MED5 не является и элементом многоскоростной интеграции в сфере миграции (в отличие, например, от Шенгенской зоны), что еще раз подчеркивает стремление южноевропейских стран не к фрагментации, а развитию общей миграционной политики ЕС.

Таким образом, страны Южной Европы как индивидуально, так и коллективно не ослабили интеграцию ЕС в сфере миграции, а помогли найти в ней новый баланс между национальными интересами и общеевропейской солидарностью, в т.ч. выдвинув на наднациональный уровень инструменты для реализации собственных потребностей как пограничных государств. Центральным доказательством этого тезиса являются условия Европейского пакта о миграции и предоставлении убежища от 2024 г., которые стали прямым результатом давления со стороны группы MED5. Их ключевым достижением является институционализация обязательной системы солидарности т.к. она заменила добровольный и временный механизм на постоянный и обязательный для всех государств-членов ЕС.

Список источников и литературы

1. *Moravcsik A.* Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach // Journal of Common Market Studies. 1993. Vol. 31, No. 4. C. 473–524.
2. *Moravcsik A.*, *Schimmelfennig F.* Liberal lntergovernmentalism // European integration theory / под ред. Wiener A. and Diez T. –2nd ed. 2009. C. 67–87.
3. *Schimmelfennig F.* Liberal Intergovernmentalism and the Crises of the European Union // Journal of Common Market Studies. 2018. Vol. 56. No. 7. C. 1578–1594.
4. Migration to and from the EU // Eurostat. 03.2025. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_to_and_from_the_EU (дата обращения: 31.10.2025).
5. Asylum applications - annual statistics // Eurostat. 14.03.2025. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Asylum_applications_-_annual_statistics (дата обращения: 31.10.2025).
6. *Andersson H. E.* Liberal Intergovernmentalism, spillover and supranational immigration policy // Cooperation and Conflict. 2016. Vol. 51(1). C. 38-54.
7. 'Club Med' countries show united front on migration // Euroactiv. 22.03.2021. URL: https://www.euractiv.com/news/club-med-countries-show-united-front-on-migration/ (дата обращения: 01.11.2025).
8. *Woollard C.* Editorial: EU Asylum Agency Moving Forward and the End of the "Package Approach"? // European Council on Refugees and Exiles. 11.06.2021. URL: https://ecre.org/editorial-eu-asylum-agency-moving-forward-and-the-end-of-the-package-approach/ (дата обращения: 01.11.2025).
9. *Шогунц А. В.* Горизонтальное сотрудничество в управлении миграцией в Европейском союзе на примере Италии // Современная Европа. 2022. № 5. С. 183-194.

10. Establishment of the Voluntary Solidarity Mechanism // EUAA. 03.2022. URL: https://euaa.europa.eu/establishment-voluntary-solidarity-mechanism (дата обращения: 01.11.2025).
11. MED5: Agreement on mandatory obligation by other EU states to receive immigrants // TVM News. 04.03.2023. URL: https://tvmnews.mt/en/news/med5-agreement-on-mandatory-obligation-by-other-eu-states-to-receive-immigrants/ (дата обращения: 01.11.2025).
12. Dichiarazione congiunta. Vertice dei Paesi MED5 // Ministro dell'interno. 03.2023. URL: https://www.interno.gov.it/sites/default/files/2023-03/dich_congiunta_med5_malta.pdf (дата обращения: 01.11.2025).
13. *Апарина А. В.* Итальянский подход к сотрудничеству с Тунисом в контексте иммиграционной политики Европейского союза 2022-2025: ориенталистская перспектива // Гуманитарный форум в Политехническом: материалы IV Всероссийской молодежной научно-практической конференции. В 4 т. Т. 2. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. 309 с.
14. Ochoa de Olza B. New Pact on Migration and Asylum: great achievement of EU Spanish Presidency // The Diplomat. 27.05.2024. URL: https://thediplomatinspain.com/en/2024/05/27/new-pact-on-migration-and-asylum-great-achievement-of-eu-spanish-presidency/ (дата обращения: 02.11.2025).
15. Sánchez pedirá adelantar a verano de 2025 la aplicación del pacto europeo de Migración y anuncia un plan de integración // Europa Press. 09.10.2024. URL: https://www.europapress.es/epsocial/migracion/noticia-sanchez-pedira-adelantar-verano-2025-aplicacion-pacto-europeo-migracion-anuncia-plan-integracion-20241009100617.html (дата обращения: 02.11.2025).
16. Pact on Migration and Asylum // European Commission. 21.05.2024. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en (дата обращения: 01.11.2025).
17. Joint Declaration MED-5 countries // Cyprus Government Portal. 14.04.2025. URL: https://www.gov.cy/media/2025/04/14042025_Joint-Declaration-MED-5.pdf (дата обращения: 01.11.2025).
18. *Gencturk A.* Greece pushing for stricter EU-wide policies in dealing with migrants // Anadolu Ajansı. 22.07.2025. URL: https://www.aa.com.tr/en/europe/greece-pushing-for-stricter-eu-wide-policies-in-dealing-with-migrants/3638857# (дата обращения: 03.11.2025).
19. El Gobierno rechaza los centros de deportación fuera de la UE y afirma que su política migratoria «está funcionando ya» // Europa Press. 15.10.2024. URL: https://www.europapress.es/epsocial/migracion/noticia-gobierno-rechaza-centros-deportacion-fuera-ue-afirma-politica-migratoria-funcionando-ya-20241015132350.html (дата обращения: 03.11.2025).
20. *Armellini A.* EU court rules against Italy on Albania migrant camps scheme // Reuters. 01.08.2025. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/eu-court-rules-against-italy-albania-migrant-camps-scheme-2025-08-01/ (дата обращения: 03.11.2025).

Ашикбаева Ильдана Адильевна

Антипина Анна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ЕВРОПЕЙСКОГО МЕДИАДИСКУРСА: ИНТЕГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ ЦИФРОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

FORMATION OF UNIFIED EUROPEAN MEDIA DISCOURSE: INTEGRATION THROUGH DIGITAL INTERACTION

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка определить, как проходит процесс формирования единого европейского медиадискурса и как это влияет на восприятие Евросоюза его гражданами. Современные цифровые платформы и деятельность СМИ рассматриваются как мощный инструмент конструирования как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов. Благодаря задействованию в работе новых источников, теоретических основ европейской интеграции и анализу медиадискурса настоящая статья попыталась ответить на актуальные вопросы о возникновении и влиянии медиадискурса на территории стран-членов ЕС. Авторы пришли к выводу, что единый дискурс в медиапространстве может играть ключевую роль в создании европейской идентичности и помочь институтам ЕС препятствовать распространению евроскептицизма.

Ключевые слова: (дез-)интеграция, медиадискурс, Европейский союз, цифровые платформы, коммуникация, СМИ.

Abstract. This article aims to determine how the process of forming a unified European media discourse operates and how this affects the perception of the European Union by its citizens. Modern digital platforms and media activities are considered as a powerful mechsnism for constructing both integration and disintegration processes. Through the use of new sources, the theoretical foundations of European integration and the analysis of media discourse, this article attempts to answer relevant questions about the emergence and impact of media discourse on the EU member states. The authors conclude that a unified discourse in the media space plays a key role in creating a European identity and helps EU institutions prevent the spread of euroscepticism.

Keywords: (des-)integration, media discourse, European Union, digital platforms, communication, mass media.

Введение

В условиях стремительной цифровизации, когда взаимодействие между гражданами, институтами и медиа все чаще осуществляется в онлайн-пространстве, конструирование общего медиадискурса в рамках Европейского союза (Евросоюза, ЕС) становится важным фактором интеграции. Цифровые платформы, социальные сети и новые формы коммуникации создают общие нарративы, которые укрепляют чувство европейской принадлежности и расширяют пространство трансграничного диалога.

Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли и влияния цифровых платформ как главной арены формирования политической идентичности, общественного мнения и общих ценностей ЕС, что делает медиадискурс важным фактором интеграции в период роста популизма, миграционных кризисов и дискуссий о суверенитете. Понимание того, как цифровые взаимодействия создают общие представления и укрепляют символическое единство Европы, имеет ключевое значение для анализа современных процессов европейской интеграции.

Целью данной работы является выявить, как интеграционные процессы с помощью цифровых платформ формируют общие ценности, нарративы, идентичности, консолидируя европейские страны в рамках единого медиадискурса.

Для достижения данной цели обозначим ключевые задачи исследования:

1. Рассмотреть теоретические основы европейской интеграции.
2. Проанализировать интеграцию как коммуникативно-дискурсивный процесс.
3. Исследовать медиадискурс как фактор формирования европейской идентичности.
4. Выявить влияние цифровых платформ и трансформации коммуникационных форматов на углубление интеграционных процессов.
5. Проанализировать конкретные кейсы цифровых инициатив Евросоюза.

Исследование рассматривает европейскую интеграцию в коммуникативно-дискурсивном измерении, трактуя ее как процесс формирования единого пространства, в котором общие ценности и представления о Европе вырабатываются и транслируются через цифровые платформы и взаимодействие институтов, политических лидеров и граждан. Понимание интеграции в подобном ключе является ранее малоизученной темой в отечественной академической среде, вследствие чего представляет особый интерес авторов. Также задействованы современные работы по теме европейского медиадискурса и актуальные публикации европейских лидеров на различных цифровых платформах.

Теоретико-методологическая база исследования опирается на синтез теорий международных отношений, социологии, лингвистики, в частности, задействованы теории неофункционализма и социального конструктивизма. Данная работа опирается как на классические труды Э. Хааса, А. Вендта, М. Фуко, Ю. Хабермаса, так и на современные исследования отечественных и зарубежных авторов, например, работы М. В. Стержневой, Э. Ф. Макаревича, Т. Риссе. В качестве методов используются сравнительный анализ, контент-анализ и дискурс-анализ, а также кейс-стади.

Теоретическая основа исследования

В рассмотрении европейской интеграции ключевыми являются две теории — неофункционализм и социальный конструктивизм, которые позволяют исследовать интеграционные процессы как многовекторный политико-социальный процесс.

Неофункционализм Э. Хааса [1, с. 35] объясняет динамику Евросоюза через механизм «перелива» *(spill-over)*, то есть сотрудничество в одной сфере порождает необходимость расширения взаимодействия в других, а наднациональные институты играют роль двигателей этого процесса. Однако данный подход не охватывает роль идентичностей, идей, ценностей, поэтому важным дополнением выступает социальный конструктивизм А. Вендта [2, p. 161], подчеркивающий, что в понятие Европы входят не только договоры, но и коммуникационные процессы, дискурсы, символы и коллективные представления, которые формируются в публичной сфере и медиасреде. В этой рамке интеграция рассматривается как процесс конструирования общих смыслов, где медиадискурс становится важным механизмом формирования европейской идентичности и легитимации проекта ЕС.

Европейская интеграция может быть понята не только как институциональный или экономический процесс, но и как дискурсивная практика. В рамках логики Хабермаса [3, с. 100] интеграция развивается через создание транснациональной публичной сферы, где граждане и институты участвуют в коммуникации и вырабатывают легитимные смыслы. Концепция дискурса как власти М. Фуко [4, p. 24] обозначает реализацию власти посредством языка, демонстрируя то, как доминирующие европейские нарративы конструируются в медиапространстве и задают рамки восприятия ЕС. Критический дискурс-анализ Т. ван Дейка и Н. Фэрклоу [5, с. 128] объясняет механизмы этого процесса через понятия фрейминг, репрезентация акторов, создание символических границ «Мы» и «Другие». В совокупности эти подходы позволяют рассматривать интеграцию как борьбу интерпретаций, где медиадискурс становится ключевой ареной для формирования идентичности и смыслового единства Европейского Союза.

Медиадискурс действует как интеграционный механизм, создавая символическую общность через общие нарративы и формируя ценностное ядро Европейского союза, основанное на свободе, демократии, равенстве, правах человека и пр. [6] Благодаря своему многофункциональному характеру, он не только транслирует идеи, но и вовлекает граждан в совместное взаимодействие, превращая абстрактные европейские ценности в повседневные практики коллективной идентификации.

Цифровизация как новое пространство интеграции

Цифровизация выступает мощным катализатором политических и социальных интеграционных процессов, создавая общую сетевую среду, в которой граждане, власти и институты взаимодействуют вне территориальных границ. Согласно анализу программы цифровой трансформации ЕС, процесс можно разделить на несколько этапов: сначала были сформированы сегментированные цифровые инициативы (электронная коммерция, интернет-подключения, 4G и др.), затем был создан Единый цифровой рынок, и на данный момент большое значение приобретают проекты по цифровизации, которые получили серьезное финансирование и стали драйверами интеграционных процессов (яркий пример — EU Digital Covid Certificate как первая общеевропейская цифровая система в сфере здравоохранения [7]).

Использование в медиа различных форматов по типу визуальных символов (флаг ЕС, карта Европы, цветовая палитра) или хэштегов (#StrongerTogether [8], #EuropeanYearOfYouth) обеспечивают эмоциональное вовлечение и создают повторяемые цифровые ритуалы, благодаря которым смысловое единство закрепляется на уровне повседневного потребления медиа. Также ключевым компонентом цифровой интеграции является регуляторная база на уровне законодательства Европейского союза. Так, в рамках реализации цифровой повестки Европейская комиссия в мае 2015 года представила Стратегию единого цифрового рынка, направленную на формирование пространства свободного перемещения товаров, услуг, людей и капитала, а граждане и бизнес получили беспрепятственный доступ к онлайн-продуктам и цифровым сервисам в пределах ЕС [9, p. 48].

Цифровизация трансформирует традиционный бюрократический язык Евросоюза, заменяя его более динамичными, персонализированными и интерактивными формами коммуникации. Инфографика, сторителлинг, визуальные кампании и социальные медиа становятся ключевыми форматами передачи интеграционных смыслов, делая их доступнее широкой аудитории.

Цифровое пространство выступает не просто как инструмент, но как новая среда, в которой формируется европейская общность. Интеграция в условиях цифровизации рассматривается как процесс коллективного смыслообразования, где через взаимодействие граждан, институтов и медиа создаются и закрепляются общие ценности, нарративы и европейская идентичность.

Единый дискурс ЕС в медиапространстве

В современной Европе средства массовой информации (СМИ) выполняют такие важные функции, как освещение различных событий, формирование ценностей и идентичности, влияющих на общественное восприятие Европейского союза, поддержка социального порядка при контроле информационных потоков в обществе, обмен информацией между властью и гражданами и представление европейской культуры. Благодаря СМИ общество в первую очередь воспринимает себя как нечто единое и ассоциирует себя с Европейским союзом и его институтами [10, p. 36].

Европейский союз как живая и постоянно трансформирующаяся организация находится под сильным влиянием СМИ. Обычное оформление новостных сюжетов может определять то, как аудитория их воспримет [11, p. 1154]. Дискурс, таким образом, выступает в качестве пространства, где власть может как утверждаться, так и оспариваться. Освещение деятельности ЕС в негативном ключе провоцирует евроскептицизм, и, наоборот, новости об успехах повышают доверие населения [12, p. 3].

СМИ могут оказывать как интегрирующий, так и дезинтегрирующий эффект [10, p. 36]. С одной стороны, институты ЕС свой политикой формируют медиадискурс, регулируя законодательство (Европейский закон о свободе СМИ (EMFA) [13] и Директива об аудиовизуальных медиа-услугах (AVMSD) [14]), продвигая общие ценности, способствуя технологическим инновациям в производстве и распространении СМИ. С другой стороны, медиа могут нарушать сплоченность общества. Кризис в коммуникации может произойти, когда нарушаются дискурсивные и социальные рамки. Причиной этому являются экономические, политические, культурные или экологические кризисы, которые приводят к появлению инфоповодов, направленных либо на умиротворение общественности, либо на обвинение власти [11, p. 1154].

Причинами дезинтегрирующего эффекта ученые называют также то, что политическая интеграция европейских государств быстрее, чем социальная и культурная интеграция европейских граждан, и то, что происходит так называемое дифференцирование в медиа — преобладание в повестке новостных событий внутри государств-членов ЕС, а не новостей уровня Европейского союза [10, p. 36].

Медиа как инструмент политической коммуникации

Медийный дискурс может как способствовать, так и препятствовать интеграции в ЕС в зависимости от содержания и форматов. Позитивное и европеизированное освещение событий в СМИ повышает осведомленность граждан о ЕС и усиливает их привязанность к Евросоюзу. Отсутствие такого освещения или негативный, фрагментарный дискурс, способствует евроскептицизму и препятствует процессу интеграции [12, p. 2].

Показательным примером интегративного эффекта СМИ можно считать вступление Швеции в Евросоюз в 1995 году. Грамотная PR-кампания в шведских СМИ создала благоприятный образ ЕС, что сформировало положительную точку зрения шведов на то, что их страна станет частью ЕС и это будет отвечать ее интересам [15, с. 6]. Говоря о дезинтегрирующем влиянии медиадискурса, невозможно не вспомнить о Brexit. Негативное освещение деятельности ЕС в британских СМИ усилило евроскептицизм, акцентируя проблемы миграции, бюрократии и экономических издержек, что способствовало победе сторонников выхода на референдуме 2016 года [16, с. 25].

На основе данных примеров можно прийти к выводу, что медиа могут быть мощным оружием в борьбе за интеграцию. На сегодняшний день различные типы связи с массовой аудиторией сильно изменились ввиду возникновения множества новых каналов связи. Мономедийная среда традиционных СМИ (печатные издания, телевидение, радио, информационные агентства) заменяется средой цифровой, мультимедийной (интернет-издания, интернет-вещание, личные блоги политиков и организаций в различных мессенджерах).

Правительство Европейского союза создает цифровые платформы, способствующие интеграции населения, например, EUvsDisinfo, Europeana, Together.eu, а также цифровые научно-образовательные ресурсы и онлайн-проекты. Эти инициативы действительно помогают гражданам ЕС узнавать, какие преимущества им предоставляются и как они могут их использовать, однако стоит заметить, что данные инициативы не являются достаточно общеизвестными, чтобы значительно влиять на общеевропейский дискурс.

Заключение

Хотя современные исследования чаще подчеркивают дезинтегрирующий эффект медиадискурса в Евросоюзе, необходимо также учитывать его функцию как катализатора интеграции. Действуя как интеграционный механизм, он создает общность через различные нарративы, формирует и распространяет ценности Европейского союза. Тематика данного исследования остается актуальной для современных процессов в Европе. При эффективном использовании возможностей современных медиа, институты Евросо-

юза способны противостоять евроскептицизму и другим дезинтегрирующим процессам. Новые цифровые платформы представляют собой удобный инструмент для продвижения интеграционных ценностей и охвата широкой аудитории разных возрастных групп. Данные платформы являются неотъемлемой частью жизни современного человека и посещаются ежедневно миллионами пользователей, именно поэтому использование главных форм коммуникации (создание хэштегов, запуск онлайн-кампаний) помогает с большей эффективностью создавать общие нарративы, визуальные символы и практики участия, тем самым укреплять чувство европейской принадлежности и расширять возможности для диалога стран-членов ЕС.

Список источников и литературы

1. *Стрежнева, М. В.* Теории европейской интеграции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. №1.
2. *Risse, T.* (2005). Social Constructivism and European Integration. In Weiner, A. & Thomas, D. European Integration Theory. Oxford University Press: Oxford.
3. *Макаревич, Э. Ф.* Концепция публичной сферы Ю. Хабермаса как модель медиавлияния в новой реальности / Э. Ф. Макаревич // PolitBook. — 2020. — № 3. — С. 98–119.
4. *Pitsoe V., Letseka M.* Foucault's Discourse and Power: Implications for Instructionist Classroom Management // Open Journal of Philosophy. 2013. Vol. 3, No. 1. p. 23–28.
5. *Олешкова, А. М.* Критический дискурс-анализ: теоретические основы метода / А. М. Олешкова // Kant. — 2018. — № 3(28). — С. 127–131.
6. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community // Official Journal of the European Union. 2007. Vol. C 306. p. 1-271. Article 1a.
7. European Commission. EU Digital COVID Certificate. — European Commission: Strategy & Policy / Coronavirus response. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/coronavirus-response/safe-covid-19-vaccines-europeans/eu-digital-covid-certificate_en (accessed: 10.12.2025).
8. Stronger Together // European Movement Europe. URL: https://europeanmovement.eu/projects/stronger-together/ (accessed: 10.12.2025).
9. *Панкратов, И. Ю.* Особенности цифровизации интеграционных объединений (на примере ЕС и ЕАЭС) / И. Ю. Панкратов, Л. С. Гиваргизова // Государственная служба. — 2021. — Т. 23, № 1(129). — С. 46-50.
10. *Trenz, Hans-Jörg.* (2013). New media dynamics and European Integration. Revista Científica de Información y Comunicación. 10. p. 35-51.
11. *Salih, R. H.* (2025). Critical Discourse Analysis in the Perception of European Union Media Discourse: Representations of Power, Crisis, and Identity. Forum for Linguistic Studies, 7(7), 1152–1166.
12. *Gioltzidou G., Gioltzidou F., Chrysafis T.* Media Communication in the European Union: How do Media Cover EU? A Comparison Analysis of Germany, Croatia, Belgium and Greece // European Journal of Communication and Media Studies. — 2023.

13. European Parliament and the Council of the European Union. Regulation (EU) 2024/1083 of 11 April 2024 establishing a common framework for media services in the internal market and amending Directive 2010/13/EU (European Media Freedom Act) // Official Journal of the European Union. — 2024. — L 2024/1083. — 17 April 2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1083/oj (accessed: 10.12.2025).
14. European Parliament and the Council of the European Union. Directive (EU) 2018/1808 of 14 November 2018 amending Directive 2010/13/EU on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation or administrative action in Member States concerning the provision of audiovisual media services (Audiovisual Media Services Directive) // Official Journal of the European Union. – 2018. – L 303/69. – 28 November 2018. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018L1808 (accessed: 10.12.2025).
15. *Карпчук, Н. П.* Коммуникационная политика стран-членов ЕС по поддержке европейской интеграции / Н. П. Карпчук // Studia Humanitatis. — 2015. — № 3. — 10 с.
16. *Жидков, А. В.* Влияние британских СМИ на итоги референдума о членстве Великобритании в ЕС (Brexit) / А. В. Жидков // Общество: политика, экономика, право. — 2017. — № 7. — С. 24–27.

Бардаковский Алексей Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

СОЮЗ ДЛЯ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЕВРО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

UNION FOR THE MEDITERRANEAN: THE ROLE IN THE DEVELOPMENT OF EURO-MEDITERRANEAN INTEGRATION

Аннотация. В статье исследуется влияние Союза Средиземноморья на евро-средиземноморскую интеграцию. Теоретической рамкой исследования выступили теории интерговерментализма и институционализм рационального выбора, которые позволили исследовать современное влияние Союза на интеграцию в Средиземноморье, а также сделать выводы относительно перспектив Союза как региональной интеграции. По итогам исследования автор пришел к выводам, что в настоящее время Союз для Средиземноморья не способен оказать значительного влияния на евро-средиземноморскую интеграцию, так как не обладает достаточным властным и институциональным потенциалом. Перспективы Союза зависят от той стратегии, которой он изберет. Возможным решением преодоления ограничений в интеграции может стать создание региональных групп.

Ключевые слова: Союз для Средиземноморья, Барселонский процесс, Евро-средиземноморское партнерство, евро-средиземноморская интеграция, Средиземное море.

Abstract. The article explores the impact of the Union for the Mediterranean on Euro-Mediterranean integration. The theoretical framework of the study is based on the theories of intergovernmentalism and rational choice institutionalism, which allowed the author to examine the current influence of the Union on integration in the Mediterranean and draw conclusions about the prospects for the Union as a regional integration organization. Based on the results of the study, the author concludes that the Union for the Mediterranean currently lacks the necessary power and institutional capacity to significantly influence Euro-Mediterranean integration. The Union's prospects depend on the strategy it chooses. One possible solution to overcome integration limitations is to establish regional groups.

Keywords: Union for the Mediterranean, Barcelona Process, Euro-Mediterranean Partnership, Euro-Mediterranean Integration, Mediterranean Sea.

Введение

Актуальность исследования исходит из того, что для Европейского союза регион Северной Африки и Ближнего Востока с каждым годом становится

важнее по причине того, что государства Средиземноморского региона приобретают все больше геополитическое значение в контексте развития полицентричного мира. Евро-средиземноморское партнерство выступает основным форматом взаимодействия государств-членов ЕС и средиземноморских стран, а Союз для Средиземноморья является основой самого партнерства, поэтому для оценки евро-средиземноморской интеграции важно оценить потенциал Союза.

Цель данного исследования состоит в анализе роли Союза для Средиземноморья в современных интеграционных процессах в Средиземноморском регионе. Новизна исследования заключается в том, что развитие евро-средиземноморской интеграции рассматривается через анализ институционального потенциала Союза для Средиземноморья.

Объект исследования — Союз для Средиземноморья (Union for Mediterranean, UfM), который представляет собой международную организацию, созданную с целью укрепления сотрудничества между странами Европейского союза и Средиземноморского региона. Предмет исследования представляет собой выявление степени влияния Союза для Средиземноморья на евро-средиземноморскую интеграцию.

Теоретико-методологическая база исследования опирается на теории интерговрементализма и институционализм рационального выбора. Теория интерговрементализма используется для изучения деятельности Союза для Средиземноморья в рамках региональной системы международных отношений. Теория институционализма рационального выбора используется для изучения институционального потенциала Союза для Средиземноморья. Методология опирается на общенаучные и специальные методы. Общенаучные методы: описания, анализа, сравнения, обобщения; специальные методы: анализ документов, историко-логический метод.

Союз для Средиземноморья как институциональная основа евро-средиземноморской интеграции

Основой для интеграции в Средиземноморском регионе выступает Евро-средиземноморское партнерство, возникшее в 1995 г. в формате Барселонского процесса, который ставил своей основной целью создание условий для диалога стран Средиземноморья, который способствовал бы решению региональных проблем и развитию сотрудничества между государствами Средиземноморья. Новым этапом Евро-средиземноморского партнерства можно считать создание международной организации Союз для Средиземноморья в 2008 г., в результате чего была создана институциональная основа для сотрудничества стран-членов ЕС и остальных стран, имеющих выход к Средиземному морю [1].

В настоящий момент в научной литературе не сложилось единого мнения о том, что представляет собой Союз для Средиземноморья для международных отношений в регионе. Так, исследователь А. Агапов приходит к выводу, что Союз представляет собой попытку Франции по возращению себе лидирующей роли в Средиземноморском регионе, но при этом также отмечает, что UfM может стать полезной площадкой по решению энергетических проблем в Средиземноморье. Кроме этого, автор приходит к выводу, что запуск Союза дал новый импульс развитию Барселонского процесса [2].

В свою очередь, исследователи А. А. Корнилов и А. И. Афоньшина также рассматривают Союза как политический проект Франции, но приходят к выводу, что по прошествии лет после создания Союз для Средиземноморья, он не стал площадкой, которая бы обеспечила постоянный и всеобъемлющий диалог между двумя берегами Средиземного моря. Авторы констатируют наличие глубоких проблем, которые препятствуют развитию Союза, а именно арабо-израильский конфликт, конфликты в Сирии и Ливии, а также недостаточное финансирование организации [3].

Исследователи О. Б. Ярош и Э. А. Митина заключают, что идея интеграции в Средиземноморье фактически оказалось иллюзорной. Они приходят к выводу, что Союз для Средиземноморья является попыткой создать условия для углубления сотрудничества между ЕС и странами Средиземноморского региона, но поскольку проект Союза не содержал в себе новизны в сравнении с Барселонским процессом, то реальных условий для развития интеграционных процессов не возникло [4].

Исследователи сходятся во мнении, что Союз для Средиземноморья в существующем виде не способен создать качественных предпосылок для развития евро-средиземноморской интеграции. При этом часть исследователей, например, А. Агапов, считают, что Союз может стать платформой для решения отдельных задач. Другая же группа исследователей, например О. Б. Ярош и Э. А. Митина рассматривают Союза как бесперспективный институт для региональной интеграции.

Союз для Средиземноморья выступает как основной институт евро-средиземноморского партнерства. В настоящее время Союз имеет шесть основных направлений деятельности: экономическое развитие и занятость; высшее образование и научные исследования; социальные и гражданские вопросы; вода, окружающая среда и синяя экономика; транспорт и городское развитие; энергетика и борьба с изменением климата [5].

Институциональная структура Союза представлена тремя основными органами: сопредседательством, встречей старших должностных лиц и секретариатом. Сопредседательство включает в себя Европейский союз, который представляет северный берег Средиземного моря и Иорданию,

которая представляет южный берег. Встреча старших должностных лиц является органом, который организует встречи старших должностных лиц национальных правительств по конкретным вопросам. Секретариат является постоянно действующим органом, который обеспечивает ежедневное функционирование Союза [6].

Таким образом, основные сферы деятельности UfM находятся в плоскости, которая не подразумевает наличие постоянной политической коммуникации и координации со стороны стран-членов. Такая стратегия Союза вызвана желанием избегать проблемных политизированных вопросов, которые могут свести уже имеющееся сотрудничеству между средиземноморскими государствами к минимуму. Кроме этого, со стороны средиземноморских государств не наблюдается наличие политических импульсов к расширению сотрудничества со странами ЕС в рамках институциональной структуры Союза. Большинство политических инициатив и проектов исходит именно от европейских стран, которые пытаются создать условия для вовлечения стран Северной Африки в тесное взаимодействие с ними для решения региональных проблем.

Влияние Союза для Средиземноморья на евро-средиземноморскую интеграцию

Исходя из характеристики Союза для Средиземноморья, которая была дана в предыдущей части, целесообразно рассматривать евро-средиземноморскую интеграцию как инструмент решения региональных проблем, которые не несут угрозу размывания суверенитета для всех участников партнерства и не стимулируют государства к интенсификации политического сотрудничества и передачи обширных компетенций на наднациональный уровень. В этом контексте возможно рассмотреть влияние Союза для Средиземноморья на интеграцию в регионе с помощью теории интерговерментализма.

Основателем теории интерговерментализма принято считать С. Хоффмана, которые разработал в своих работах концептуальные основы данной теоретической концепции, а именно: национальное государство является основным действующим лицом в процессе интеграции; национальные интересы — субъективные конструкции, которые формируются восприятиями политических лидеров и внутренней политикой; интеграция требует не только соответствующих внутренних условий, но и сходства между государствами [7].

Интерговерментализм является попыткой ответа на кризисы европейской интеграции, которые выходили за рамки неофункционализма и других теорий, которые рассматривали фактор государства в интеграции как

вторичный. Природу интеграции интерговерменталисты видят в политической воли государств, которая возникает, когда интеграционный процесс соответствует национальным интересам. При этом интерговерменталисты не отрицают интеграцию как объективно существующий процесс, а рассматривают ее через призму национального государства [8].

Таким образом, основные положения данной теоретической концепции можно свести к тому, что государство, а не коммунитарные институты находятся во главе интеграционного процесса. В интерговерментализме государства участвуют в интеграции только до той степени, в которой интеграционные процессы удовлетворяют их национальным интересам. Кроме этого, интерговерменталисты различают низкую и высокую политику, утверждая, что интеграция в низкой политике не приводит к автоматической интеграции и в области высокой политики.

С точки зрения интерговерментализма Союз для Средиземноморья можно рассмотреть как наднациональную организацию, находящуюся под контролем государств-участников партнерства, не стремящихся к институциональному развитию этой интеграции, поскольку в рамках Средиземноморского региона для государств важнее сохранить собственный суверенитет и свободу действий, чем выстраивать сотрудничество через наднациональные институты с передачей им национальных полномочий.

В рамках Союза для Средиземноморья можно также наблюдать разнонаправленные векторы интеграции со стороны различных государств, которые выражаются в двух основных аспектах: европейские государства стремятся к развитию политического сотрудничества, но при лидирующей роли ЕС, а другие государства Средиземноморского региона видят основной потенциал взаимодействия в экономическом сотрудничестве с европейскими странами.

Существует и разнонаправленность национальных интересов. С развитием полицентричной структуры международных отношений в последние годы Европейский союз как актор международной политики утратил часть своего влияние на страны Средиземноморья. В частности, страны Северной Африки, например, Египет и Тунис, также видят большой потенциал в сотрудничестве с Россией, Китаем и другими странами и считают для себя невыгодной стратегией связывание своей внешней политики с европейским проектом, которым является Союз для Средиземноморья.

Функции Союза для Средиземноморья в развитии евро-средиземноморской интеграции можно определить как координирующие. UfM исполняет роль организации, которая координирует исполнение проектов, характеристики которых уже заранее определены государствами-членами, поскольку Союз не обладает достаточным властным и институциональным потенциа-

лом для того, чтобы инициировать собственные проекты и решения, которые бы усиливали интеграционные явления в Средиземноморье.

Ситуацию, когда Союз выступает площадкой для реализации национальных интересов стран Средиземноморья можно объяснить с точки зрения институционализма рационального выбора. Данная теоретическая концепция заключается в том, что институт представляет собой рамки взаимодействия политических акторов, которые систематизирует их поведение с целью достижения ими наибольшей выгоды, при этом сами акторы не попадают под институциональное влияние и являются рациональными. Таким образом, институционализм рационального выбора главная функцию институтов видит в реализации акторами своих целей и задач [9].

С точки зрения институционализма рационального выбора Союз можно рассмотреть, как институт, который позволяет государствам-членам реализовать свои интересы за счет структурирования взаимодействия в Средиземноморском регионе. При этом акторы не преследуют цели повышения институционального влияния Союза по причине того, что это будет противоречить их национальным интересам.

Таким образом, влияние Союза для Средиземноморья на евро-средиземноморскую интеграцию носит ограниченный характер, поскольку Союз как наднациональной интеграционный институт не приобрел к настоящему времени достаточного уровня политической правосубъектности, которая позволила бы ему быть на фронтире интеграционного развития в Средиземноморском регионе. Средиземноморские государства рассматривают Союз как форум для того, чтобы продвигать свои интересы в регионе.

Как повысить интеграционный потенциал Союза для Средиземноморья?

Одновременное распространение интеграционного процесса во всем регионе представляется маловероятным в связи с теми ограничениями, которые были выявлены в предыдущих частях исследования. Исходя из этого, Союз для Средиземноморья как основной институт, способный создавать импульсы для интенсификации интеграционного сотрудничества, может выстроить стратегию через создание региональных групп. Для этого необходимо найти проблемные точки, которые бы объединяли часть государств Средиземноморья, не имеющих между собой противоречий. С возникновением большого числа таких региональных групп могут возникнуть предпосылки для углубления интеграционного процесса в рамках региона.

Например, в 2022 г. Союз запустил партнерство «Синее Средиземноморье», главной целью которого является развитие проектов в области синей экономики. В настоящее время в партнерство участвуют страны ЕС, Египет,

Иордания и Марокко. Страны ЕС выступает в качестве доноров финансовых средств, а Египет, Иордания и Марокко как получатели средств для реализации совместных проектов на их территории. Группу стран, которые участвует в реализации партнерства можно рассматривать как одну из первых региональных групп [10].

Таким образом, для снижения роли негативных факторов, Союз для Средиземноморья может сосредоточиться на локальных проектах, которые в будущем могут стать основой для дальнейшего сотрудничества между государствами региона и эволюции институциональной структуры Союза в сторону большей автономности от решений государств-членов.

Выводы

Союз для Средиземноморья не обладает достаточными ресурсами и компетенциями для того, чтобы оказывать значительное влияние на степень и динамику интеграционных процессов в Средиземноморском регионе. С точки зрения интерговерментализма рассматривает Союз как организацию, которая является исполнителем воли государств-членов, то есть фактически исполняет роль исполнительного агентства, которое ограничена в своих действиях.

Современная роль Союза для Средиземноморья в процессах евро-средиземноморской интеграции заключается в исполнении решений средиземноморских государств, которые рассматривают Союз как способ снятия напряженности в регионе и налаживания сотрудничества с Европейским Союзом, но только лишь в рамках, которые они сами считают допустимыми.

Союз для Средиземноморья способен лишь поддерживать евро-средиземноморскую интеграцию только на уровне, который задали сами средиземноморские государства, но давать импульсы к развитию интеграции он не способен ввиду наличия большого числа ограничений экономического, политического и культурного характера. Для преодоления такого состояния Союзу необходимо изменить свою стратегию и сконцентрироваться на интеграции в рамках отдельных проектов, не распределяя свои усилия на весь регион одновременно.

Список источников и литературы

1. History of the Union for the Mediterranean // Union for the Mediterranean URL: https://ufmsecretariat.org/who-we-are/history/ (дата обращения: 05.12.2025).
2. *Агапов А.* “Союз для Средиземноморья”: проблемы и противоречия // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — №9. — С. 66–71.
3. *Корнилов А.А., Афоньшина А. И.* Союз для Средиземноморья: масштабные планы и сложная политическая реальность // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2018. — №1. — С. 199-203.

4. *Ярош О.Б., Митина Э. А.* Евро-средиземноморское интеграционное взаимодействие: вызовы и геоэкономические возможности // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2016. — №1. — С. 146–151.
5. What we do // Union for the Mediterranean URL: https://ufmsecretariat.org/what-we-do/ (дата обращения: 30.10.2025).
6. Structure of the Union for the Mediterranean // Union for the Mediterranean URL: https://ufmsecretariat.org/who-we-are/structure/ (дата обращения: 05.12.2025).
7. *Syssoyeva R. V.* Intergovernmentalism Theory by Stanley Hoffmann // Web of Scholar. - 2018. — №2. — p. 8–15.
8. *Шаповалов Н. И.* Теория интерговерментализма как инструмент реализации процесса политической интеграции // Московский юридический журнал. — 2016. — №1. — С. 35-40.
9. *Syssoyeva R. V.* Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. — 1996. — №XLIV. — p. 936-957.
10. Blue Mediterranean Partnership // Union for the Mediterranean URL: https://ufmsecretariat.org/blue-mediterranean-partnership/ (дата обращения: 05.12.2025).

Никифорова Анна Максимовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ШВЕЙЦАРСКАЯ МОДЕЛЬ ОТНОШЕНИЙ С ЕС: ЭТАЛОН ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ИЛИ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФОРМА ИНТЕГРАЦИИ

THE SWISS MODEL OF RELATIONS WITH THE EU: A STANDARD OF DISINTEGRATION OR AN ALTERNATIVE FORM OF INTEGRATION

Аннотация. Данная статья исследует модель отношений между Швейцарией и Европейским союзом, сложившуюся на основе серии двусторонних соглашений. В работе рассматриваются исторические особенности отношений, ключевые положения пакетов соглашений Bilaterale I и II, а также основные политические вызовы, связанные с переговорами по Третьему рамочному соглашению. Особое внимание уделено анализу внутриполитической дискуссии в Швейцарии, где нарастает влияние евроскептической Швейцарской народной партии (SVP). Автор приходит к выводу о существовании в Швейцарии модели выборочной интеграции, которая позволяет стране извлекать экономические преимущества из связей с ЕС, одновременно защищая свой политический суверенитет, основанный на принципах нейтралитета, федерализма и прямой демократии.

Ключевые слова: Швейцария, Европейский союз, двусторонние соглашения, интеграция, нейтралитет, Bilaterale I, II и III, Швейцарская народная партия (SVP).

Abstract. This article examines the model of relations between Switzerland and the European Union, which has developed on the basis of a series of bilateral agreements. The article examines the historical features of the relationship, the key provisions of the packages of agreements Bilaterale I and II, as well as the main political challenges associated with the negotiations on the Third Framework Agreement. Special attention is paid to the analysis of the internal political debate in Switzerland, where the influence of the Eurosceptic Swiss People's Party (SVP) is growing. The author comes to the conclusion that Switzerland has a model of selective integration that allows the country to extract economic advantages from ties with the EU, while protecting its political sovereignty based on the principles of neutrality, federalism and direct democracy.

Keywords: Switzerland, European Union, bilateral agreements, integration, neutrality, Bilaterale I, II and III, Swiss People's Party (SVP).

Введение

Занимая стратегическое положение на важнейших торговых путях и находясь в центре Европы, Швейцария тесно связана с европейскими странами общими ценностями, языками и историческим прошлым. Европейский Союз при этом сохраняет статус основного экономического и политического партнёра Швейцарии. В связи с этим, говоря об европейской интеграции, видится релевантным рассмотреть и Швейцарию как страну безусловно близкую, но не входящую в ЕС. После принятия и успешной имплементации двух рамочных соглашений Bilaterale 1 (1999) и Bilaterale 2 (2004) [18] уже в 2020-х годах стороны возобновили переговоры о заключении Третьей рамочной конвенции. При этом в швейцарском Парламенте проходят ожесточенные дебаты относительно необходимости новых соглашений с ЕС, что говорит о двойственной позиции в самой стране касаемо рассматриваемой проблемы. Таким образом, в первую очередь акцент работы будет направлен на внутриполитические трения Швейцарии относительно отношений с Евросоюзом.

Теоретико-методологическая база исследования отсылает нас в первую очередь к теоретической школе конструктивизма, а именно к трудам А. Вендта. [4] Нам кажется релевантным рассмотрение Швейцарии как государства, построившего свою идентичность (особенно социальную) на нейтралитете и неприсоединении. Понятия “Швейцария” и “нейтралитет” часто сращиваются, так как именно эта страна первой получила данный статус. В связи с такой идентичностью государства и проводится политика невступления в ЕС. В исследовании большой акцент делается на дискурс-анализ как ключевой метод конструктивизма. Он позволяет точно оценить мнения политиков и официальные документы швейцарских партий. Также используется сравнительный анализ, который помогает нам выяснить различия в позициях партий относительно Евросоюза. В ходе исследования были рассмотрены выступления официальных лиц, программные документы партий и их инициативы, научные статьи и новостные заметки по теме.

Целью работы является определение модели взаимоотношений Швейцарии с Евросоюзом на современном этапе, а также оценить ее на принадлежность больше к интеграционным или дезинтеграционным тенденциям. Для достижения цели необходимо рассмотреть историческую природу взаимоотношений сторон и подробно изучить условия пакетных соглашений. Также в ходе исследования была выдвинута гипотеза, которая заключается в том, что Швейцарии на данном этапе развития выгодно рассматривать себя как страну, безусловно близкую к Евросоюзу, но при этом официально туда не вступившую. Швейцария получает выгоды в первую очередь экономического характера. Особенно после введения в августе 2025 года Прези-

дентом США Дональдом Трампом рекордных пошлин против Швейцарии торговля с ЕС стала для страны практически единственным путем, чтобы сохранить положение экономики. Поэтому логично предположить, что под такими, казалось бы, нелогичными действиями Швейцарии точно кроется разработанная последовательная политика в отношении ЕС. Поэтому перед нами стоит задача выяснить, эта модель взаимоотношений предполагает под собой новую модель последовательной дезинтеграции в целях извлечения выгоды, или же это фактически интеграционная модель, скрываемая под двусторонними соглашениями.

Историческая природа взаимоотношений Швейцарии с Евросоюзом

После окончания Второй мировой войны вопрос о присоединении к формирующимся европейским сообществам в Швейцарии даже не обсуждался, поскольку сильная экономическая и особенно военно-политическая интеграция противоречила бы принципам нейтралитета. Альтернативой для Конфедерации стало участие в создании ЕАСТ: 4 января 1960 года вместе с Великобританией, Данией, Норвегией, Швецией, Австрией и Португалией она подписала Стокгольмскую конвенцию. Эта организация, в отличие от ЕЭС, не имела политической составляющей и единых тарифов, сохраняя за участниками свободу заключения двусторонних торговых соглашений с третьими странами [2, p.24]. Со временем существование двух экономических интеграционных объединений в Европе потеряло свой смысл. В 1992 году было подписано соглашение о создании Европейской экономической зоны (ЕЭЗ), членство в которой открыто для участников ЕС и ЕАСТ, однако Швейцария на референдуме отказалась к ней присоединяться [19]. Ещё более категоричной была позиция населения в 2001 году, когда почти 77% швейцарцев проголосовали против даже начала переговоров о вступлении в ЕС (в рамках инициативы “Yes to Europe!”) [14]. Основные опасения граждан, вероятно, были связаны с возможным ограничением традиционных свобод, усилением бюрократического давления со стороны европейских институтов, необходимостью соблюдения общеевропейских нормативов, а также потенциальной отменой тайны банковских вкладов. Тем не менее, Швейцария сумела занять уникальную выгодную позицию, сохранив политическую независимость при обеспечении доступа к общеевропейскому рынку. Немаловажно также отметить, что в 1990–2000-х годах Правительство Швейцарии не раз возвращалось к идее о вступлении в ЕС (что выражается, например, в Белой книге о нейтралитете 1993 г.), то есть такой нарратив существовал, но не был популярен среди жителей, исходя из результатов референдумов.

Характер взаимоотношений Швейцарии и Евросоюза в XXI веке и на современном этапе

На сегодняшний день между Швейцарией и ЕС действует более 120 различных соглашений. Центральными из них являются 2 секторальных пакета соглашений — Bilaterale 1 (1999) и Bilaterale 2 (2004). Первый пакет соглашений (Bilaterale I) включал семь ключевых договоров, регулирующих такие области, как свобода передвижения, транспорт и торговля. На них распространялся "принцип гильотины", связывавший их вступление в силу и возможное расторжение. Эти соглашения предоставили Швейцарии около ¾ преимуществ единого рынка ЕС, обеспечив ей экономические выгоды и доступ к рынкам без необходимости вступления в Евросоюз и с сохранением суверенитета в ключевых политических сферах. Второй пакет соглашений (Bilaterale II) добавил девять договорённостей по налоговым, сельскохозяйственным и другим вопросам. Ключевым стало присоединение к Шенгену и Дублинскому соглашению (одобрено на референдуме), что облегчает трансграничную мобильность в Шенгенской зоне как для граждан Швейцарии, так и для туристов [18].

Швейцария сохраняет полный политический и финансовый суверенитет, одновременно имея неограниченный доступ к единому рынку ЕС, включая рынок труда и капитала. Такая система сделала страну экономически привлекательной для европейской рабочей силы, составляющей существенную долю занятых в промышленности и сферах услуг, а также для международных компаний, размещающих здесь свои представительства. Около 20% жителей Швейцарии — граждане ЕС, которые ежедневно пересекают границу. Важно отметить сильную связь Швейцарии с ее самыми близкими соседями: Германией, Францией и Италией. Также внутриполитическое отношение к углублению связей с ЕС остаётся неоднородным: франкоговорящие регионы в целом более проевропейские, а немецкоязычное большинство часто занимает позицию осторожного евроскептицизма [9]. Важно отметить, что в 2020-х годах на передний план в статистике внешней торговли Швейцарии стали выходить США [16]. Однако в августе 2025 г. Президент США Дональд Трамп ввел рекордные пошлины в отношении Швейцарии (39%, затем снизили до 15%), что вероятно должно повлечь за собой усиление традиционных торговых связей с Евросоюзом.

Рассматривая отношения Швейцарии и ЕС, важно понимать, что они далеко не всегда могут характеризоваться позитивно обеими сторонами. Кризис 2008 года выявил противоречия в отношениях Швейцарии и ЕС. С одной стороны, с 2009 г. ЕС начал критиковать билатеральный формат как сложный и неэффективный, требуя заключения рамочного соглашения с автоматическим принятием законодательства ЕС. С другой стороны, Швейцария,

обеспокоенная наплывом рабочей силы после расширения ЕС в 2004 году, попыталась ввести миграционные квоты [20]. Под давлением экономических рисков парламент Швейцарии отказался от квот, но политическое напряжение сохранилось. Оно проявляется и в других областях, например, в вопросах санкционной политики и регулирования банковского сектора, где Швейцария воспринимает действия ЕС как посягательство на свой суверенитет. Таким образом, ключевым вызовом для модели двусторонних отношений стал конфликт между европейским требованием правовой гармонизации и швейцарской защитой национальной самостоятельности.

В 2022 г. Швейцария возобновила переговоры с ЕС по Третьему пакету рамочных соглашений. Он призван дополнить собой двусторонние договорённости единой правовой базой. Его главная цель — обеспечить стабильность и упростить управление отношениями. Его ключевые положения включают:

1. Динамическое принятие права ЕС — автоматическое обновление соглашений в ответ на изменения законодательства Евросоюза для сохранения доступа Швейцарии к единому рынку. Хотя Парламент и народ имеют право вето (через референдум), его использование может привести к ответным мерам со стороны ЕС и поставить под угрозу доступ к рынку.
2. Унифицированный арбитраж — имплементация общего механизма разрешения споров, где окончательная интерпретация норм права ЕС остаётся за Европейским судом.
3. Увеличение финансового участия — рост взносов Швейцарии в фонды сплочения ЕС [22].

Очевидно, что при принятии данного пакета соглашений Швейцария еще больше интегрируется в ЕС, на что и направлена политика рассматриваемой организации на протяжении многих лет. Несмотря на официальное одобрение проекта Федеральным советом в июне 2025 года и начало общественных консультаций, его ратификация остается под большим вопросом [7]. После консультаций с партиями, профсоюзами и кантонами проект будет передан в парламент в начале 2026 года. Поскольку ведущая Швейцарская народная партия (SVP) решительно против соглашения, референдум в 2027 году (в год выборов) считается неизбежным. SVP, чьи рейтинги приближаются к 30%, строит свою стратегию на жёстком евроскептицизме и критике иммиграции, фактически определяя политическую повестку. Другие ключевые силы — Социал-демократы (SP) и Либералы (FDP) — пока не имеют единой позиции по пакету [1]. Для FDP выработка согласованной европейской политики стала шансом преодолеть внутренние разногласия и укрепить партию. Но с учетом роста поддержки SVP другим партиям будет очень тяжело преодолеть ее антиевропейскую позицию.

Заключение

Таким образом, рассмотрев историю и современное состояние отношений Швейцарии с Евросоюзом, мы можем сделать вывод о том, что безусловно присутствует модель выборочной интеграции Швейцарии с ЕС. В первую очередь интеграция относится к единому рынку и в принципе к экономическим отношениям, так как внешняя торговля является ключевым фактором существования Швейцарии, и страна прочно вплетена в торговую сеть Евросоюза. Важно отметить, что интеграция также происходит и по политическим причинам, примером может служить присоединение Швейцарии к пакетам санкций ЕС в отношении России [11]. Также Швейцария, несомненно, близка к ЕС по идеологическим причинам. Все вышеперечисленное составляет облик фактических отношений Швейцарии и ЕС на современном этапе. Однако немаловажно отметить, что в данном случае присутствует и довольно большая роль дезинтеграционных тенденций. Нам видится, что ключевое значение в них играет построенная швейцарская идентичность, ориентирующаяся на нейтралитет. Именно нейтралитет, федерализм и прямая демократия объединяют многонациональную страну и позволяют сформировать единый курс швейцарского народа. Граждане Швейцарии не готовы отказываться от нейтрального статуса своей страны уже на протяжении многих десятилетий. По многим показателям можно сделать вывод, что сохраняющая модель билатеральных соглашений является оптимальным вариантом для Швейцарии, так как она в меньшей степени заинтересована в политической и юридической интеграции. Показательным моментом можно считать рост поддержки евроскептической Швейцарской народной партии на фоне переговоров по Третьей рамочной конвенции, предполагающей юридическое сближение сторон. Исходя из этого, жители Швейцарии поддерживают сложившуюся модель в первую очередь экономической интеграции с ЕС, но к усилению связей многие из них относятся скептически.

Список источников и литературы

1. За два года до выборов: в какой форме находятся партии Швейцарии? // Swissinfo.ch URL: https://www.swissinfo.ch/rus/%d1%88%d0%b2%d0%b5%d0%b9%d1%86%d0%b0%d1%80%d1%81%d0%ba%d0%b0%d1%8f-%d0%bf%d0%be%d0%bb%d0%b8%d1%82%d0%b8%d0%ba%d0%b0/zwei-jahre-vor-den-n%c3%a4chsten-wahlen-die-parteien-im-formcheck/90210876 (дата обращения: 01.12.2025).
2. *Зуев И. В.* Проблемы вступления Швейцарии в Европейский союз. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/170166/1/zuev_ES_RB_2016.pdf (дата обращения: 06.11.2025).
3. Консерваторы из SVP против Третьего пакета соглашений с ЕС // Swissinfo.ch URL: https://www.swissinfo.ch/rus/various/%d0%ba%d0%be%d0%bd%d1%81%d0%b5%d1%80%d0%b2%d0%b0%d1%82%d0%be%d1%80%d1%8b-svp-%d0%

bf%d1%80%d0%be%d1%82%d0%b8%d0%b2-%d1%82%d1%80%d0%b5%d1%82%d1%8c%d0%b5%d0%b3%d0%be-%d0%bf%d0%b0%d0%ba%d0%b5%d1%82%d0%b0-%d1%81%d0%be%d0%b3%d0%bb%d0%b0%d1%88%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b9-%d1%81-%d0%b5%d1%81/90196930 (дата обращения: 05.11.2025).

4. *Кочетков В. В.* Теория конструктивизма в международных отношениях // Вестник Московского университета. Глобалистика и геополитика. — 2024. — №3. — С. 3-17.
5. *Менчиков Д. Ю.* Швейцарская модель отношений с ЕС после 2021 г. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2023. — №6. — С. 20-28.
6. *Мизере М.-А.* Швейцария–ЕС: вступить нельзя остаться… SWIswissinfo.ch, 17.01.2013. [Miserez M.-A. Shveitsariya– ES: vstupit' nel'zya ostat'sya… [Switzerland–EU: to join or not to stay…]. SWIswissinfo.ch, 17.01.2013.] URL: https://www.swissinfo.ch/rus/20-лет-без-европы_швейцария--ес-вступить-нельзя-остаться-/34682418 (дата обращения: 01.12.2025)
7. Правительство Швейцарии одобрило Третий пакет соглашений с ЕС // Swissinfo.ch URL: https://www.swissinfo.ch/rus/%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D1%8F%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D1%88%D0%B2%D0%B5%D0%B9%D1%86%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE-%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%B9-%D0%BF%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82-%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%d1%81-%D0%B5%D1%81/89515798 (дата обращения: 05.11.2025).
8. *Ткач А.* Фундаментальные основы швейцарской национальной идентичности как фактор евроскептицизма // Studia Universitatis Moldaviae. — 2020. — №3(133). — С. 276-284.
9. Т*рофимова О. Е.* Отношения Швейцарии и ЕС: интеграция без вступления // The International Affaires. — 2018.
10. *Трофимова О. Е.* Швейцария и Евросоюз: особенности торгово-инвестиционных связей // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — №9. — С. 96-104.
11. Швейцария вводит вслед за ЕС новые санкции против России // Swissinfo.ch URL: https://www.swissinfo.ch/rus/%d0%b2%d0%bd%d0%b5%d1%88%d0%bd%d1%8f%d1%8f-%d0%bf%d0%be%d0%bb%d0%b8%d1%82%d0%b8%d0%ba%d0%b0/%d1%88%d0%b2%d0%b5%d0%b9%d1%86%d0%b0%d1%80%d0%b8%d1%8f-%d0%b2%d0%b2%d0%be%d0%b4%d0%b8%d1%82-%d0%b2%d1%81%d0%bb%d0%b5%d0%b4-%d0%b7%d0%b0-%d0%b5%d1%81-%d0%bd%d0%be%d0%b2%d1%8b%d0%b5-%d1%81%d0%b0%d0%bd%d0%ba%d1%86%d0%b8%d0%b8-%d0%bf%d1%80%d0%be%d1%82%d0%b8%d0%b2-%d1%80%d0%be%d1%81%d1%81%d0%b8%d0%b8/90250211?utm_source=multiple&utm_medium=website&utm_campaign=news_ru&utm_content=o&utm_term=wpblock_news (дата обращения: 04.11.2025).
12. *Юданов Ю. И.* Швейцария и Евросоюз: трудные поиски партнерства // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — №2. — С. 75-83.

13. Bilateral approach // Switzerland's European policy FDFA URL: https://www.europa.eda.admin.ch/en/bilateral-approach (дата обращения: 06.11.2025).
14. Chronology of relationships between Switzerland — EU // FDFA State Secretariat Europe Division URL: https://www.europa.eda.admin.ch/dam/en/sd-web/PaUhBBLZDUmW/20250804-chronologie_EN.pdf (дата обращения: 06.11.2025).
15. Package Switzerland-EU // FDFA URL: https://www.europa.eda.admin.ch/en/package-switzerland-eu (дата обращения: 29.11.2025).
16. Swiss foreign trade: Key trading partners // Federal Statistical Office URL: https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/industry-services/foreign-trade/balance-import-export.assetdetail.35907187.html (дата обращения: 01.12.2025).
17. Switzerland and EU regulate cooperation during ratification phase of package // FDFA URL: https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/fdfa/aktuell/newsuebersicht/newsticker/europa.html (дата обращения: 29.11.2025).
18. Switzerland's European policy. Bilateral agreements I, II (1999, 2004) // FDFA. URL: https://www.eda.admin.ch/europa/en/home/bilateraler-weg/bilaterale-abkommen-1.html (дата обращения: 06.11.2025).
19. Switzerland's European policy. European Economic Area // FDFA URL: https://www.eda.admin.ch/europa/en/home/bilateraler-weg/ueberblick/chronologie-abstimmungen/ewr.html (дата обращения: 05.11.2025).
20. Switzerland's European policy. Stopping mass immigration // FDFA URL: https://www.eda.admin.ch/europa/en/home/bilateraler-weg/ueberblick/chronologie-abstimmungen/gegen-masseneinwanderung.html (дата обращения: 01.12.2025).
21. ALDER, M. Les conséquences d'une adhésion de la Suisse à l'Union européenne sur la démocratie helvétique. In: Universite de Geneve Mémoire de D.E.A. le 9 février 2007. 95 p. URL: http://www.muratalder.ch/DEA_MJA.pdf (дата обращения: 29.11.2025).
22. Das müssen Sie zu den EU-Verträgen wissen // SRF URL: https://www.srf.ch/news/schweiz/schweiz-eu-das-muessen-sie-zu-den-eu-vertraegen-wissen (дата обращения: 05.11.2025). (в переводе)

Опарин Виталий Алексеевич

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации
Аспирантура

ОТ МАРГИНАЛИЗАЦИИ К МЕЙНСТРИМУ: ЭВОЛЮЦИЯ «ШВЕДСКИХ ДЕМОКРАТОВ» КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

FROM MARGINALIZATION TO MAINSTREAM: THE EVOLUTION OF THE SWEDEN DEMOCRATS AS A REFLECTION OF THE CRISES OF EUROPEAN IDENTITY

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции партии «Шведские демократы» как индикатора кризисов европейской идентичности и трансформационных процессов в политическом пространстве ЕС, фокусируясь на трансформации партии из маргинальной силы в значимого участника национальной политики Швеции, что отражает общеевропейские тенденции роста правопопулистских настроений. Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязи между стратегическими изменениями в деятельности «Шведских демократов» и кризисными явлениями общеевропейского и национального масштаба, включая миграционный кризис, разочарование в мультикультурализме и эрозию ценностного единства ЕС. В рамках анализа рассматриваются механизмы электорального успеха правопопулистских сил в Европе с акцентом на шведскую специфику, исследуется влияние кризисов идентичности на внутриполитическую повестку Швеции.

Ключевые слова: Шведские демократы, правопопулистские партии, европейская идентичность, миграционный кризис, мультикультурализм, политическая трансформация, евроскептицизм, национализм, партийная система Швеции, дезинтеграционные процессы, интеграция ЕС.

Abstract. The article examines the evolution of the Sweden Democrats party as an indicator of crises in European identity and transformative processes in the EU's political space, focusing on the party's transformation from a marginal force into a significant actor in Swedish national politics, which reflects wider European trends in the rise of right-wing populist sentiments. The aim of the study is to identify the relationship between strategic changes in the activities of the Sweden Democrats and crisis-related phenomena of both pan-European and national scale, including the migration crisis, disillusionment with multiculturalism, and the erosion of the EU's value-driven unity. The analysis explores the mechanisms behind the electoral success of right-wing populist forces in Europe, with particular attention to Swedish specifics, and investigates the impact of identity-related crises on Sweden's domestic political agenda.

Keywords: The Sweden Democrats, right-populist parties, European identity, migration crisis, multiculturalism, political transformation, Euroscepticism, nationalism, Swedish party system, disintegration processes, EU integration.

Введение

В последние десятилетия политическая карта Европы претерпела существенные изменения, одним из наиболее заметных проявлений которых стал рост влияния партий правого популистского толка. Среди них особое место занимают Шведские демократы — партия, прошедшая сложный путь от маргинальной силы с сомнительной репутацией до значимого участника национальной политики. Её эволюция отражает глубинные сдвиги в европейском общественно-политическом пространстве, вызванные кризисами идентичности, миграционными вызовами и разочарованием в модели мультикультурализма.

В 1980-е годы консервативные и национал-консервативные партии во многих странах столкнулись с масштабными вызовами, обусловленными глубинными сдвигами в общественной жизни и политической повестке. Социокультурная среда претерпевала радикальные изменения, которые напрямую ставили под вопрос традиционные ценности и устоявшийся образ жизни, защищаемые консерваторами.

Одним из наиболее заметных феноменов стала бурная экспансия молодёжной культуры, которая не просто формировала новые эстетические и поведенческие нормы, но и бросала вызов консервативным представлениям о морали, авторитетах и социальных иерархиях. Параллельно набирало силу феминистское движение, последовательно отстаивавшее гендерное равенство и пересмотревшее традиционные роли мужчин и женщин в семье и обществе. Не менее значимым фактором стала активизация движений за гражданские права и защиту интересов различных меньшинств — эти процессы вносили в публичную повестку темы толерантности, инклюзивности и перераспределения социальных привилегий, что зачастую воспринималось консерваторами как угроза устоявшемуся порядку.

Одновременно на политическом поле усиливались левые силы, которые активно продвигали программу масштабных социальных реформ и радикальных экономических преобразований. Их риторику отличали требования перераспределения богатства, расширения государственных социальных гарантий и демократизации институтов власти. В условиях растущей популярности левых идей консервативные партии оказались перед необходимостью переосмыслить собственные программные установки и стратегические подходы: сохранять ли жёсткую приверженность традиционным ценностям или адаптироваться к новым реалиям, находя баланс между преемственностью и модернизацией.

Особенно показательна в этом контексте эволюция Шведских демократов, которые в указанный период претерпели существенные трансформации. Партия была вынуждена реагировать на меняющийся социальный контекст, пересматривая как риторику, так и практические приоритеты, чтобы сохранить релевантность в условиях нарастающего давления со стороны как левых оппонентов, так и новых социокультурных трендов. Эти процессы наглядно иллюстрируют, как консервативные силы в Европе искали ответы на вызовы времени, пытаясь совместить защиту традиционных ценностей с необходимостью политической адаптации.

Этапы становления

«Становление и радикализация» (1988–1995 гг.). Партия «Шведские демократы» была основана в 1988 году на базе движения «Сохранить Швецию шведской». Её появление ознаменовало попытку консолидировать разрозненные националистические силы под единым политическим знаменем. Однако с самого начала партия оказалась в сложной ситуации: несмотря на чёткую идеологическую платформу, она оставалась в политической изоляции и не обладала существенным влиянием.

Ключевую роль в становлении партии сыграл Андерс Кларстрём — первый официальный председатель и глава национального совета. Его биография во многом задала ранний вектор развития организации. Ещё до основания Шведских демократов, в 1984 году, Кларстрём был связан с партией Северного рейха и участвовал в собраниях национал-социалистических групп старой школы.

При участии Кларстрёма была разработана первая партийная платформа 1989 года, а также подготовлена значительная часть программы к всеобщим выборам 1993 года. На этом этапе идеология партии формировалась на стыке праворадикальных установок и популистских постулатов. «Шведские демократы» позиционировали себя как силу, призванную объединить различные националистические движения под общей целью — защитой шведской культурной идентичности.

В своей риторике партия делала акцент на противодействии иммиграции и сохранении традиционных ценностей. Такая позиция отражала настроения определённой части общества, обеспокоенной изменениями в демографическом и культурном ландшафте страны. Однако радикальный бэкграунд лидеров и жёсткая националистическая повестка ограничивали возможности политического манёвра: в первые годы существования Шведские демократы оставались маргинальной силой, не способной преодолеть барьер системной политики.

«Латентная нормализация» (1995–2005 гг.). Ключевым этапом в эволюции партии «Шведские демократы» стали события середины 1990-х годов

[4, p. 89], связанные с приходом в её ряды Йимми Окессона. Его появление ознаменовало начало масштабной перестройки организации: молодой политик стремительно продвигался по карьерной лестнице — от работы в отделе по связям с общественностью до лидерского поста, который он занимает и по сей день.

Под руководством Окессона партия предприняла целенаправленные усилия по дистанцированию от своего радикального прошлого, в том числе от связей с нацистской идеологией. На выборах партия уже позиционировала себя как социально-консервативную силу с националистическими ценностями, стремясь сформировать более респектабельный образ.

При этом полная переоценка идеологических установок происходила постепенно. Программа 1996 года сохраняла резкую риторику в отношении социал-демократических правительств, а также марксистов и либералов [1]. Критический настрой оставался важной частью партийного дискурса, однако вектор развития уже был задан: партия искала способы интегрироваться в мейнстримную политику, не отказываясь полностью от своих базовых принципов.

К концу 1990-х годов «Шведские демократы» предприняли дальнейшие шаги по «цивилизованной адаптации». Были смягчены позиции по ряду чувствительных вопросов, включая отношение к смертной казни и иммиграционной политике [2, p. 177]. Эти изменения отражали стремление партии снизить градус радикализма и расширить электоральную базу.

Символичным стал и визуальный ребрендинг: партия обновила свой логотип. На смену прежнему изображению — шведскому флагу в виде пылающего факела, несущему агрессивную символику, — пришёл более нейтральный образ: цветок щитолистника в традиционных жёлто-синих цветах шведского флага. Этот шаг наглядно демонстрировал желание партии отойти от провокационного имиджа и представить себя как более умеренную, системную политическую силу.

«Институциональная адаптация» (2005–2010 гг.). В 2005 году были намечены наблюдалось дальнейшее изменение риторики. В этой программе наряду с традиционным требованием о необходимости снижения иммиграции, прежде всего, из мусульманских стран, среди важнейших задач партии были обозначены усиление социальной защиты пенсионеров, активизация борьбы с преступностью и пересмотр членства Швеции в ЕС. Они выступали за поддержку шведской промышленности, создание рабочих мест и улучшение условий для предпринимателей. Труд здесь рассматривался как: «Единственный верный путь к достижению прочного личного и всеобщего процветания». В политической программе принципов 2011 года позиции Шведских демократов стремились к более широкому признанию и принятию в обществе [9, p. 154].

«Двойной перелом» (2015 г.). Изначально партия воспринималась другими участниками как нечто чуждое, и незначительное. Однако, в корне ситуацию меняет 2015 г. Во многом из-за войны в Сирии Европа столкнулась с волной беженцев, в основном мусульман. Особенно тяжело это отражалось на Швеции, которая принимала несколько сотен тысяч человек. Страна стала второй в Европе по числу беженцев. Разумеется, эта ситуация отразилась на ситуации на рынке, деятельности криминальных банд и насилии. Шведское население оказалось не готово к такого рода издержкам и болезненно реагировало на изменение демографического облика страны.

«Мейнстримный статус» (2018–2022 гг.). В период пандемии COVID-19 Швеция, как и подавляющее большинство стран мира, столкнулась с масштабными вызовами, связанными с распространением коронавируса. Этот кризис не только проверил на прочность систему здравоохранения и экономику, но и оказал заметное влияние на политический ландшафт страны.

Для Шведских демократов под руководством Йимми Окессона этот период стал временем целенаправленной работы над изменением общественного восприятия [7]. Руководство партии предприняло ряд шагов по очищению её рядов: в частности, были исключены отдельные члены, допускавшие расистские высказывания. Эта мера носила не ситуативный, а стратегический характер — она демонстрировала готовность партии дистанцироваться от радикального прошлого и сформировать более респектабельный имидж.

Подобная трансформация не осталась незамеченной. Постепенно начал меняться и настрой правоцентристских партий, традиционно дистанцировавшихся от Шведских демократов. Если ранее сотрудничество с ними считалось политически токсичным, то теперь наметилась новая тенденция: основные правоцентристские силы стали рассматривать возможность коалиционного взаимодействия. Пандемия, обострившая дискуссии о границах государственного вмешательства, миграционной политике и национальной солидарности, отчасти сблизила позиции разных политических сил.

Влияние на европейскую интеграцию

Успех Шведских демократов отражается не только в национальном парламенте, но и на выборах в Европейский парламент [6]. Так в 2009 г. партия не могла набрать нужное количество голосов для того, чтобы войти в парламент ЕС, хотя в 2014 г. легко набирает 10% голосов. В 2018 г. партия присоединяется к группе Европейских консерваторов и реформистов в Европейском парламенте, с помощью этого в 2019 г. партия «Шведские демократы» набирает 15% голосов. Для партии парламент ЕС не был основной целью, так как всё внимание было направлено на проблемы Швеции. В своей предвыборной

программе вопрос расширения ЕС также был одной из ключевых тем. В частности, партия четко заявила, что не одобряет дальнейшее расширение ЕС, поскольку опасается, что новые государствачлены принесут с собой издержки, связанные с конкуренцией на рынке труда, международной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и оружия, коррупцией [5]. Активно поднимается проблема участия Турции в ЕС, поскольку в их трактовках она представляется авторитарной и исламистской. «Демократы» скептически относятся к наднациональным формам сотрудничества, которые предполагают создание политического содействия с конституцией, имеющей приоритет над конституциями государств-членов. Вместо этого они предпочитают межправительственное сотрудничество между суверенными национальными государствами: «Чтобы действительно повернуть вспять развитие ЕС, необходимо фундаментально реформировать путем пересмотра договоров ЕС, то есть конституции ЕС, которая регулирует, как функционирует ЕС и какой властью он должен обладать». Шведские демократы считают, что реформированный Европейский союз должен признать национальный суверенитет своих государств-членов и что им ненужно участвовать в сотрудничестве с ЕС больше, чем хотят или требуют граждане каждой страны . Равно как и в Финляндии, «демократы» стремятся свести деятельность Евросоюза к экономическим функциям: «Союз должен сосредоточиться на свободной и общей торговле и едином рынке, как это было изначально задумано» [11].

Шведские демократы до сих пор остаются партией открытых евроскептиков [3, p. 138], которые этого не скрывают. Их прагматизм проявляется в том, что партия участвует в выборах в Европарламент, а также они склонны смягчать некоторые свои позиции в отношении ЕС. Шведские демократы прошли довольно длительный эволюционный путь, который преобразил их партию в более мейнстримное движение, открытое для политического диалога. Это иллюстрируется, в частности, отказом от призывов к «Брекситу» в 2019 г. или пересмотром их позиции по поводу участия Швеции в оборонных структурах ЕС.

Сравнительный анализ

В современной европейской политике заметную роль играют правые партии, сформировавшие особое идейное ядро. Шведские демократы, Австрийская партия свободы и Альтернатива для Германии по-прежнему опираются на ключевые концепции: идею национального государства, евроскептицизм, критику действующей власти и неприятие мультикультурализма [10, p. 246]. Эти установки не просто остались в программных документах — они активно влияют на политический процесс и формируют предпочтения электората.

При сравнительном анализе консервативных и национал-консервативных движений в Северной Европе, Германии и Австрии выявляются как общие черты, так и существенные различия.

Консервативные партии делают ставку на сохранение традиций, стабильности и общественного порядка. В их повестке — защита консервативных ценностей: семьи, национальной идентичности и религиозных традиций. Их стратегическая цель — поддержание статус-кво и противодействие радикальным социальным изменениям.

Национал-консервативные силы акцентируют иные приоритеты: национальную суверенность, патриотизм и защиту сугубо национальных интересов. Они особенно настойчиво отстаивают ценность национальной идентичности, выступая против массовой иммиграции и космополитических идей [8].

При всех имеющихся различиях консервативные и национал-консервативные движения демонстрируют существенное идеологическое сходство по ряду принципиальных позиций. Прежде всего, они единодушны в признании первостепенной важности национальной идентичности и культурных традиций как фундамента общественного устройства. Для обеих групп крайне значимо сохранение национального культурного наследия — они рассматривают его как непреходящую ценность, требующую защиты и передачи последующим поколениям.

Не менее принципиальной для них является поддержка традиционных семейных ценностей и устоявшихся гендерных ролей. В их понимании семья остаётся базовой ячейкой общества, а её традиционные формы — ключевым элементом социальной стабильности. Кроме того, обе группы активно отстаивают значимость религиозных установок в общественной жизни, видя в них важный нравственный ориентир и источник культурных норм. Религиозные ценности воспринимаются как неотъемлемая часть национальной традиции, способствующей сохранению моральных устоев и социальной солидарности.

Анализ программ национал-консервативных партий Северной Европы позволяет выделить пять устойчивых тенденций:

1. Критика политических элит. Правые популисты последовательно выступают против сложившейся системы власти, обвиняя национальные элиты в игнорировании интересов широких слоёв населения. Их риторику отличают призывы к «честности», «прозрачности» управления и «возвращению власти народу».
2. Оппозиция политическому мейнстриму. Партии этого толка стремятся дестабилизировать существующий политический баланс, позиционируя себя как альтернативу традиционным партиям.

Они целенаправленно формируют образ «системы», нуждающейся в радикальной перезагрузке.

3. Защита национальной идентичности. Правые силы делают акцент на сохранении культурной самобытности и «национального суверенитета», противопоставляя их «внешним угрозам» — глобализации, иностранной культуре и массовой миграции. В последние годы эта линия особенно ярко проявляется в критике мультикультурализма и росте исламофобских настроений.
4. Жёсткая миграционная политика. Требование ужесточить контроль над границами и сократить приток мигрантов стало неотъемлемым элементом программы правых популистов. Вопросы миграции используются как эффективный инструмент мобилизации избирателей. При этом ситуация различается по странам: большинство исследуемых государств (кроме Норвегии) входят в ЕС и вынуждены учитывать общеевропейскую миграционную политику.
5. Евроскептицизм. Критика Евросоюза — ещё один общий элемент повестки. Правые популисты обвиняют ЕС в навязывании несбалансированных решений и ущемлении национального суверенитета. Их альтернативное видение предполагает трансформацию ЕС в межгосударственное экономическое содружество без наднациональных политических полномочий — такой формат, по их мнению, позволит сохранить независимость национальных государств.

Несмотря на общие идеологические корни, консервативные и национал-консервативные движения демонстрируют разнообразие подходов, адаптируясь к специфике каждой страны. При этом их объединяют устойчивые ценностные ориентиры и критический взгляд на современные европейские интеграционные процессы.

Правые популистские партии Северной Европы, несмотря на общую идеологическую основу, демонстрируют заметные различия в политических программах — они варьируются в зависимости от национального контекста и исторических особенностей каждой страны.

Одной из ключевых тем для правых популистов остаётся вопрос миграции и национальной идентичности. В Швеции и Финляндии партии делают акцент на защите национальной идентичности и безопасности государственных границ. При этом Шведские демократы проводят чёткое разграничение между понятиями «мигрант» и «беженец», допуская приём беженцев при условии, что это принесёт пользу коренному населению. В Норвегии же подход иной: здесь подчёркивается экономическая ценность иммиграции, особенно привлечение высококвалифицированных специалистов, а экономическая программа носит сравнительно либеральный характер.

Существенные расхождения наблюдаются и в отношении к Европейскому союзу. Датские правые популисты зачастую выступают за сотрудничество с ЕС, тогда как шведские партии, в частности Шведские демократы, придерживаются скептической позиции. В этом ключе нынешняя модель европейской интеграции представляется проблематичной и требует фундаментального пересмотра.

Различаются подходы правых популистов и к социальной политике. Одни партии концентрируются на защите социальных льгот и прав местного населения, другие — делают ставку на свободный рынок и сокращение социальных программ. В Швеции альтернативные правые выступают за социальную справедливость и поддерживают государственную помощь гражданам, видя в этом залог национального благосостояния. В Норвегии больший акцент делается на стимулировании предпринимательства и общем экономическом благосостоянии.

В экономической сфере правые популисты также демонстрируют разнообразие позиций: от безусловной поддержки свободного рынка и бизнеса до защиты рабочих мест и расширения социальных гарантий. Примечательно, что Шведские демократы воплощают концепцию «правой политики» и «левой экономики»: сохраняя консервативные взгляды в социокультурных вопросах, они выступают за активную социальную поддержку граждан, считая её ключевым фактором процветания нации.

Таким образом, несмотря на общие популистские корни, правые партии Северной Европы формируют уникальные политические программы, отражающие специфику каждой страны и её актуальные вызовы.

Выводы

Успех трансформации «Шведских демократов» обусловлен комплексом факторов. Во-первых, смена лидерства — приход Йимми Окессона в 1995 году — задала чёткий курс на модернизацию: партия отказалась от радикальной риторики, перейдя к социально-консервативному дискурсу. Во-вторых, была проведена имиджевая перезагрузка: из рядов исключили членов с экстремистскими высказываниями, а символику обновили, заменив образ пылающего факела на цветок щитолистника. В-третьих, партия проявила гибкость повестки, смягчив позиции по острым вопросам (иммиграция, смертная казнь) и сместив акцент на «защиту шведской идентичности» вместо откровенного национализма. В-четвёртых, «Шведские демократы» адаптировались к запросам общества, сделав ставку на проблемы безопасности и социальной справедливости, а также используя мобилизующий лозунг о «возвращении власти народу» и критике элит. В-пятых, партия последовательно работала с электоратом: перешла от маргинальной

ниши к мейнстримной политике и начала выстраивать диалог с правоцентристскими силами. Наконец, благоприятный контекст внешних вызовов — миграционный кризис, рост общественной тревожности и разочарование в традиционных партиях — создал готовность избирателей к альтернативе, чем партия успешно воспользовалась.

Список источников и литературы

1. Sverigedemokraterna: ett nationellt mittenparti med ekologisk grundsyn // SD-Arkivet. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.sd.se/wp-content/uploads/2022/07/sverigedemokraternas-valplattform-2022-april.pdf [дата обращения: 17.03.2025].
2. *Болотникова Е. Г.* Праворадикальные партии современной Швеции // Вестник МГИМО. 2011. N 5 (20). С. 174–181.
3. *Осколков П. В.* Правый популизм в Европейском союзе — RightWing Populism in the European Union : [монография] / П. В. Осколков. — М. : Ин-т Европы РАН , 2019. — 164 с.
4. *Бадаева, А. С.* Ультраправые в Швеции: от неонацизма к центру / А. С. Бадаева // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2019. №4. — С. 88–105.
5. *Бабынина, Л. О.* Страны Северной Европы и дифференция в ЕС // Современная Европа. 2007. №3 (31). С. 58–72.
6. *Мартинец, Ю. А.* Рост правого популизма в современной Европе (по оценкам европейских экспертов) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. №1. — С. 123–138.
7. *Опарин, В. А.* Эволюция риторики предвыборных программ национал-консервативных движений Швеции 1980-х гг. – н.в. // Ars Historica. Сб. м-лов V Всероссийского междисциплинарного молодежного Конгресса «Проблемы интерпретации исторических источников». Архангельск: САФУ, 2024.
8. *Aktas, M.* The rise of populist radical right parties in Europe. International Sociology, 39(6), 2024. — pp. 591-605.
9. *Рябиченко, А. В.* Трансформация партийно-политической системы Швеции в конце XX - начале XXI века и партия шведские демократы : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Рябиченко Аркадий Валерьевич; [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. — Калининград, 2014. — 202 с.
10. *Белинский А. В.* Правый популизм как вызов для системы евро-атлантической безопасности / А. В. Белинский // Проблемы европейской безопасности. — М., 2018. — Вып. 3. — С. 235–254.
11. Valplattform Europaparlamentsvalet, 2019 [Electronic resource]. Mode of access: https://sd.se/wp-content/uploads/2022/07/sverigedemokraternas-principprogram-2019.pdf [дата обращения: 17.05.2024].

Павлова Ирина Витальевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ ОВПБ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ.

PROSPECTS FOR CHANGING THE FOREIGN POLICY DECISION-MAKING PROCESS WITHIN THE CFSP FRAMEWORK IN THE EUROPEAN UNION.

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей процесса выработки внешнеполитических решений в Европейском союзе и определению направлений возможных реформ. Автор подчеркивает, что существующая практика принятия решений на основе принципа единогласия, заложенная в Лиссабонском договоре, сталкивается с серьезными проблемами эффективности и скорости реагирования на международные вызовы. Отмечается, что отказ от принципа единогласия и переход к системе квалифицированного большинства рассматривается некоторыми странами ЕС как способ повышения эффективности внешнеполитических решений, однако реализация такого перехода осложняется рядом факторов.

Ключевые слова: ОВПБ, Лиссабонский договор, внешняя политика ЕС, принцип единогласия, евроинтеграция

Abstract. The article examines the specifics of the foreign policy decision-making process in the European Union and identifies areas for potential reform. The author emphasizes that the current practice of decision-making based on unanimity, enshrined in the Lisbon Treaty, faces serious challenges in terms of efficiency and the speed of response to international challenges. It is noted that abandoning the unanimity principle and transitioning to a qualified majority system is considered by some EU countries as a way to improve the effectiveness of foreign policy decisions; however, implementing such a transition is complicated by a number of factors.

Keywords: CFSP, Lisbon Treaty, EU foreign policy, unanimity principle, European integration

На современный этап развития Европейского союза оказывает влияние глобальное изменение расстановки сил на международной арене. Эти процессы требуют переосмысления устоявшихся подходов к выработке внешнеполитических решений, традиционно основанных на принципе единогла-

сия. Данный механизм, хотя и обеспечивает высокий уровень легитимности принятых решений, одновременно ограничивает эффективность и скорость реагирования ЕС на внешние вызовы.

Актуальность исследования определяется необходимостью пересмотра традиционных подходов к принятию коллективных решений в ЕС. Принцип единогласия, ранее обеспечивавший основу внешней политики Евросоюза, испытывает серьезные проблемы с эффективностью и скоростью реакции на международные вызовы. Внутреннее расширение ЕС усложняет достижение консенсуса среди увеличившегося количества участников ввиду плюрализма их мнений и взглядов, повышая риск блокировки важных инициатив и снижая способность блока действовать согласованно на международной арене.

Несмотря на значительный интерес к проблемам внешней политики ЕС, перспективы реформы принятия решений остаются недостаточно изученными. Большинство исследований сосредоточены на описании текущих процедур и их анализе, тогда перспективные сценарии изменений и потенциальные направления реформ пока не получили должного освещения. Отсутствие целостной картины будущих преобразований создает значительные риски неопределенности и снижает эффективность европейских институтов.

Целью работы является выявление специфики нынешних дискуссий о системе принятия внешнеполитических решений в ЕС и определение дальнейших тенденций и возможности реформ.

***

Концепция разработки единой европейской внешней политики возникла в 1987 году, когда вступил в силу Единый Европейский акт. Ее подтверждение последовало в рамках Маастрихтского соглашения 1993 года, тогда же были обозначены общие контуры будущего направления действий. Однако детальное изложение принципов и целей было сделано лишь в Амстердамском соглашении 1997 года. Окончательно правовые и организационные основы единой внешней политики Евросоюза закреплены в Лиссабонском договоре, который вступил в силу в 2009 году. После вступления этого акта в силу европейская внешняя политика приобрела четкое институциональное оформление и юридическое обоснование [1]. Лиссабонский Договор сохранил особый характер внешней политики и политики безопасности ЕС, основывая ее на принципах межправительственного сотрудничества, единогласного принятия решений и непринятия законодательных актов [2].

Таким образом, нынешний механизм реализации внешней политики Евросоюза и его правовое оформление, начав свое формирование в сере-

дине XX века, приняли свой окончательный вид в 2009 году с вступление в силу Лиссабонского договора.

Согласно ему, решения в сфере ОВПБ принимаются единогласно Советом ЕС, а ключевыми законодательными актами являются регламенты, принимаемые единолично Советом без участия Европарламента [3,4]. Европейский совет, состоящий из глав национальных правительств, определяют общую стратегию внешней политики ЕС и принимает решения в сфере ОВПБ, являясь фактически стратегическим лидером ЕС в области ОВПБ [4]. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности занимается выработкой и ведением внешнеполитического курса; координирует работу по реализации внешней политики; выполняет представительские функции, возглавляет Совет по иностранным делам [3]. Одновременно являясь заместителем председателя Еврокомиссии и постоянным председателем Совета министров иностранных дел ЕС, Высокий представитель обеспечивает единство внешнеполитической структуры ЕС [1]. Европарламент, являясь своеобразным "совещательным" органом для Верховного представителя и информируя их о развитии ОВПБ, тем самым может влиять на реализацию внешней политики ЕС, несмотря на формальное отсутствие таких полномочий [5]. Комиссия совместно с Верховным представителем может предлагать Совету проекты решений в сфере внешней политики, а Совет министров иностранных дел ЕС выступает в первую очередь в качестве исполнительного органа и в качестве вспомогательного — в качестве законодательного [5]. Европейская служба внешнеполитических действий, созданная в 2010 году после вступления в силу Лиссабонского договора, является общим дипломатическим корпусом ЕС и занимается вопросами внешней политики в областях, по которым государства-члены разделяют общую точку зрения. Её цель — сделать европейскую внешнюю политику более последовательной и эффективной. ЕСВД осуществляла миссии в таких странах, как Чад и Мали, по приглашению их правительств для оказания гуманитарной помощи [6]. Среди вспомогательных институтов для реализации внешней политики ЕС можно выделить специфические институты, Разведывательный и ситуационный центр, Европейское оборонное агентство, Парижский институт исследований проблем безопасности ЕС [1].

Внешняя политика ЕС, не имея единого централизованного органа, представляет собой своеобразный конгломерат национальной внешней политики и элементов политики, проводимой на уровне ЕС. Вполне логично, что такая система порождает напряженность, усиливая дифференцированность и противоречия [2]. Так как в сфере ОВПБ действия ЕС основаны на межгосударственном сотрудничестве, а государства-члены по-прежнему проявляют значительный скептицизм по отношению к более тесной коор-

динации своей внешней политики в рамках ЕС, это затрудняет проведение единой и последовательной внешней политики, что ведет ЕС к стремлению более тесной координации в сфере внешней политики [2].

Надо понимать, что основная проблема кроется не в количестве государств, входящих в ЕС и принимающих решение, а в их национальных интересах. Многие ключевые направления внешней политики приобрели статус приоритетных лишь спустя значительное время после расширения ЕС в 2004 году, например, миграционные проблемы и вопросы энергобезопасности [7].

Дискуссия о необходимости упрощения процедуры принятия внешнеполитических решений, хотя и поднималась в 2010-е годы ведущими европейскими политиками [8], вспыхнула с новой силой в 2022 году, когда Венгрия и Словакия стали активно использовать своё право вето по вопросу введения и продления антироссийских санкций, подчёркивая низкую эффективность антироссийских мер и их негативное влияние на европейскую экономику в целом и отдельно взятые национальные государства [9]. Например, во время голосования по 18 пакету антироссийских санкций Венгрия и Словакия заблокировали принятие нового пакета, центральной темой которого была отмена от использования энергетических ресурсов России [10]. Несмотря на то, что впоследствии странам-членам ЕС удалось найти компромисс, эта ситуация явно показывает: прийти к общей точке зрения государствам становится все сложнее.

Переход к голосованию по вопросам ОВПБ системой квалифицированного большинства предполагает исключение внешнеполитических вопросов; для принятия решения необходимо 55% голосов государств-членов, в которых проживает не менее 65% от общей численности населения ЕС, а для блокирующего меньшинства необходимы голоса четверых стран-членов [11].

Помимо энергетических и санкционных вопросов украинский кризис ярко продемонстрировал переход к многополярной системе [12]. В этих условиях европейские страны стремятся сохранить свое доминирующее положение и не уйти на задворки мировой политики, перестав быть ее субъектом. Одним из механизмов этого усиления является консолидация Евросоюза и усиление наднациональных тенденций, где принцип единогласия, с одной стороны, служит механизмом компромисса и согласованности внешнеполитической деятельности ЕС с национальными интересами стран-членов, а с другой стороны — в определенной степени ограничивает власть структур ЕС, препятствуя усилению института и принятия более жестких решений. Соответственно, ряд представителей европейских национальных правительств видит необходимость в отмене принципа единогласия для

более активной внешней политики, на пути которой станет значительно меньше препятствий и, следовательно, ее деятельность станет более активной и ощутимой на международной арене.

Отказ от единогласия и переход к методу квалифицированного большинства (равно как и усиление полномочий Европарламента) выделяются экспертами как долгосрочные перспективы институционального развития Европейского союза [3]. Расширение права голоса квалифицированного большинства в рамках ОВПБ активно поддерживается Германией, которая в долгосрочной перспективе намерена внести изменения в договоры ЕС для более широких институциональных реформ. Франция поддерживает идею укрепления ОВПБ, предлагая свою идею «разноскоростной Европы». Страны Северной, Центральной и Юго-Восточной Европы скептически воспринимают реформу ЕС, но готовы рассмотреть частичное расширение квалифицированного большинства в области ОВПБ при условии защиты своих ключевых интересов. В мае 2023 по инициативе Германии была создана Группа друзей по вопросу о квалифицированном большинстве в общей внешней политике и политике безопасности ЕС, в которую вошли Бельгия, Финляндия, Франция, Италия, Люксембург, Нидерланды, Словения и Испания, позднее присоединились Румыния, Швеция и Дания [13].

Тем не менее, внешняя политика продолжает оставаться прерогативой национальных правительств. Страны-участницы подчеркивают приоритет собственных национальных интересов над общими позициями Европейского Союза. Несмотря на формирование единой организационной системы, Евросоюз пока ограничен в способности действовать согласованно и эффективно представлять единую позицию на международной арене [1].

Для отмены данного принципа требуется согласие всех государств-членов ЕС [Лиссабонский договор]. Даже если такая процедура и будет запущена, ряд государств, которые зачастую тормозят процесс принятия решений вследствие своих национальных интересов, не поддержат отмену принципа единогласия. Другим вариантом является изменение основополагающих договоров ЕС, в которых зафиксировано право вето в вопросах ОВПБ (в первую очередь — Лиссабонского), что является процессом еще более затруднительным для осуществления, так как может встретиться с серьезными сопротивлениями и юридическими сложностями внутри ЕС [9].

Так как Евросоюз является межгосударственной структурой, а страны-члены ЕС обеспокоены в первую очередь национальными вопросами [5], отмена принципа единогласия не будет отвечать непосредственно интересам стран-членов ЕС, для которых данный принцип является гарантией своеобразного контроля. Так, например, при отмене права единогласия ряд

государств потеряет возможность блокировать заявки на вступление в ЕС определенных стран: Греция не хочет допустить вхождения в ЕС Турции и Албании, Хорватия хочет контролировать действия Сербии [14].

Переход к системе квалифицированного большинства приведет к потере единства в ЕС и продемонстрирует его неспособность выступать согласованно, что не только подорвет политический имидж объединения на международной арене, но и серьезно повлияет на внутреннюю ситуацию в странах ЕС, ведь интересы 65% населения ЕС фактически будут находиться выше интересов местного меньшинства, не имеющего голоса [15].

Отмена принципа единогласия приведет к систематическому игнорированию национальных интересов несогласных государств, что в первую очередь коснется малых стран Евросоюза. Для них отход от принципа единогласия означает вероятную концентрацию власти в руках крупных государств, так как для принятия решения необходимо 65% численности населения ЕС, что также повышает возможность формирования коалиций и легче преодолевать порог большинства, не учитывая мнение малых государств [15].

***

Таким образом, хоть отмена принципа единогласия и переход к системе квалифицированного большинства является желанным для многих стран-членов Евросоюза, в достижимом будущем этот переход является недостижимым в свете юридических сложностей и национальных интересов государств, входящих в ЕС, что ярко продемонстрировал саммит лидеров стран-членов ЕС в Копенгагене [14]. Переход к альтернативному механизму возможен только при устранении ключевых разногласий, которые мешают консолидированным действиям стран-членов ЕС, и понимания необходимости слаженной и централизованной внешней политики Союза.

Список источников и литературы

1. *Еремина Н.* Внешняя политика ЕС: сложности и перспективы [электронный ресурс] // РСМД. 05.09.2019. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vneshnyaya-politika-es-slozhnosti-i-perspektivy/ (дата обращения: 29.10.2025)
2. *Olga Barburska* The new challenges VS. old formulas: what would make the European Union a greater global player? // Journal of Liberty and International Affairs | Vol. 3, Supp. 1, 2017, p.26-54.
3. *Кавешников Н. Ю.* Эволюция процедур принятия решений в ЕС как параметр глубины интеграции // Современная Европа. 2020. №5. С. 77-88.
4. Лиссабонский договор
5. *Стержнева М., Руденкова Д.* Европейский союз: архитектура внешней политики. — Москва: ИМЭМО РАН, 2016. — 135 с.

6. EU common and security policy (CFSP) [Электронный ресурс] // Realpolitic EU. Режим доступа: https://realpolitikireland.wordpress.com/eu-foreign-and-security-policy/ (дата обращения: 29.11.2025)
7. *Кавешников Н. Ю.* Влияние расширения ЕС на скорость принятия решений // Современная Европа. 2023. №3. С. 5-19.
8. Ненужный консенсус. Важнейший принцип принятия решений в ЕС отменят? ЕС [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургские ведомости. 16.05.2022. Режим доступа: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/nenuzhnyy-konsensus-vazhneyshiy-printsip-prinyatiya-resheniy-v-es-otmenyat/ (дата обращения: 28.10.2025)
9. *Бойков С.* Едино и гласно: Венгрию и Словакию хотят лишить права вето в вопросе санкций [Электронный ресурс] // Известия. 27.09.2025. Режим доступа: https://iz.ru/1962331/semen-boikov/edino-i-glasno-vengriiu-i-slovakiiu-ne-smogut-lishit-veto-pri-golosovanii-po-sanktciiam (дата обращения: 27.11.2025)
10. Венгрия и Словакия заблокировали новый пакет санкций ЕС против России [Электронный ресурс] // РИА Новости. 23.06.2025. Режим доступа: https://ria.ru/20250623/paket-2024829530.html (дата обращения: 02.10.2025)
11. Официальный сайт ЕС [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consilium.europa.eu/fr/council-eu/voting-system/qualified-majority/ (дата обращения: 28.11.2025)
12. *Морозов М. К.* Трансформация внешней политики ЕС как центра полицентричного мира в период украинского кризиса // Власть. 2023. №2. С. 232-240.
13. The EU debate on qualified majority voting in the Common Foreign and Security Policy. Reform and enlargement [Электронный ресурс] // OSW. 10.12.2023. Режим доступа: https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2023-10-12/eu-debate-qualified-majority-voting-common-foreign-and (дата обращения: 30.10.2025)
14. «Стена дронов» натолкнулась на стену непонимания [Электронный ресурс] // Коммерсант. 01.10.2025. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8079824 (дата обращения: 29.10.2025)
15. *Olga Tcirkina* On the bank of irrelevance: unanimity and the future of EU decision-making [Электронный ресурс] // The new federalist https://www.thenewfederalist.eu/on-the-brink-of-irrelevance-unanimity-and-the-future-of-eu-decision-making?lang=fr (дата обращения: 27.11.2025)

Субботин Илья Александрович

МГИМО МИД России
Управление магистерской подготовки
Магистратура

«УВЕРЕННЫЙ В СЕБЕ» И «СУВЕРЕННЫЙ»: ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В СИСТЕМЕ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2011 – НАЧАЛО 2025 ГГ.)

"SELF-CONFIDENT" AND "SOVEREIGN": THE EUROPEAN UNION IN THE SYSTEM OF FUNDAMENTAL FOREIGN POLICY BELIEFS OF THE GERMAN GOVERNMENT AT THE PRESENT STAGE (2011 – EARLY 2025)

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка выявить основополагающие убеждения правительства ФРГ о европейской интеграции и проследить особенности их эволюции в 2011 — начале 2025 гг. Изучив высказывания первых лиц правительства ФРГ различной партийной принадлежности и положения ключевых концептуальных документов с помощью инструментария «обоснованной теории», автор выделил элементы преемственности и изменений в соответствующей группе убеждений и на их основе выдвинул предположения о перспективах германской внешней политики.

Ключевые слова: внешняя политика ФРГ, Европейский союз, «обоснованная теория», внешнеполитическая культура, убеждения.

Abstract. The article aims to identify the fundamental beliefs of the German government regarding European integration and to trace their evolution from 2011 to early 2025. Having utilized Grounded Theory to analyze senior German government officials' statements and key conceptual documents, the author identifies elements of continuity and change within this subset of foreign policy beliefs. Based on the findings, the article outlines potential prospects for German foreign policy.

Keywords: German foreign policy, European Union, Grounded Theory, foreign policy culture, beliefs.

Являясь одним из лидеров европейской интеграции, ФРГ обладает особыми возможностями по формированию общеевропейского курса в международных делах. Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство принимаемых в Брюсселе решений зависит от одобрения Берлина. Однако конкретные шаги правительства ФРГ не произвольны, а основаны

на системе относительно устойчивых, основополагающих внешнеполитических убеждений — иными словами, внешнеполитической культуре, одним из важнейших сегментов которой в случае ФРГ являются убеждения о многосторонности и, в особенности, европейской интеграции.

Исследование соответствующих убеждений актуально в связи с рядом факторов. В первую очередь, ключ к пониманию «реальной» внешней политики ФРГ лежит через понимание соответствующих императивов, интерсубъективно разделяемых германскими руководящими кругами. Во-вторых, поскольку интересующая нас система убеждений была подвержена эволюции в период 2011 — начала 2025 гг., выявление динамики преемственности и изменений, равно как ответственных за это факторов, позволит выдвинуть ряд предположений о перспективах внешней политики ФРГ, в том числе на российском направлении, что особенно релевантно в условиях «перемены эпох» и нарастающего кризиса трансатлантических отношений. Стоит сказать, что 2011 год выбран в качестве точки отсчета в связи с последствиями кризиса еврозоны и изменением германского подхода к европейской интеграции. Верхняя хронологическая граница обусловлена принятием действующего коалиционного договора и формированием правительства Ф. Мерца.

Цель настоящей работы — выявить основополагающие убеждения правительства ФРГ о европейской интеграции и проследить особенности их эволюции в 2011 — начале 2025 гг. Стоит отметить, что тематика взаимосвязи убеждений политических элит ФРГ с проводимым внешнеполитическим курсом прослеживается во многих работах как отечественных (А. П. Соколов [1], Н. В. Павлов [2], Е. В. Пименова [2,3] и др.), так и зарубежных, преимущественно немецких, исследователей (Х. Маулль [4], Г. Хельманн [5], Дж. Даффилд [6], и др.). Тем не менее, в академической литературе, несмотря на многообразие подходов, не существует комплексного исследования основополагающих убеждений правительства ФРГ о европейской интеграции в обозначенных выше хронологических рамках. Большинство трудов или достаточно устарели, или посвящены лишь довольно конкретным сюжетам, требующим более общего взгляда, в чем и состоит научная новизна исследования. Наиболее значимым трудом в данной области является монография У. Рооса [7], изучившего, по существу, всю внешнеполитическую культуру ФРГ, в том числе и ее европейское измерение. Однако эта монография увидела свет в 2010 г., и представленные в ней выводы нуждаются в актуализации. Тем не менее, именно она основана на методологии «обоснованной теории», которая довольно редко применяется в сфере внешнеполитических исследований. Выбор нами данного инструментария также вносит вклад в научную новизну работы.

Теоретико-методологическая рамка исследования

Центральной категорией для исследования являются «убеждения», которые понимаются нами, вслед за американскими прагматистами, как «правила принятия решений» (“belief is a rule for action”, Ч. Пирс). На сферу внешнеполитических исследований такое понимание было перенесено уже упомянутым У. Роосом. В частности, для Рооса вся внешнеполитическая деятельность представляет собой постоянный процесс решения проблем, реализуемый его политической элитой на основе спектра интерсубъективно разделяемых убеждений, «конкретно направляющих» ее деятельность (а следовательно, и деятельность государства) [7, S. 19, 63]. При этом убеждения постоянно эволюционируют — в то время как одни отличаются устойчивостью и даже непоколебимостью, другие являются более волатильными, причем соответствующие процессы неразрывно связаны с практической деятельностью. Речь идет о взаимной каузальности, поскольку, с одной стороны, убеждения направляют деятельность актора, но и «возникают, подтверждаются, отвергаются или модифицируется» под влиянием последствий этой деятельности (осознанного практического опыта) [7, S. 74].

В основе методологии исследования лежит инструментарий «обоснованной теории» (Grounded Theory) А. Стросса и Дж. Корбин [8]. Ключевой особенностью данной методологии является проработанная процедура восходящего кодирования текстов (в нашем случае — высказываний представителей политической элиты и положений ключевых концептуальных внешнеполитических документов ФРГ, составляющих источниковую базу исследования) с целью построения системы смысловых категорий, отражающих изучаемый феномен во всей совокупности и позволяющей составить его «описание высокого уровня» («основанную на данных теорию») с объяснительным потенциалом [8, p. X]. «Обоснованная теория» предполагает движение от данных к гипотезам и обобщениям. Она часто используется для реконструкции мировоззрения, взглядов и представлений, что делает ее подходящим инструментом для решения актуальной исследовательской задачи. Как итог, нами была построена система смысловых категорий применительно к убеждениям правительства ФРГ о европейской интеграции. Интерпретация полученных результатов, начиная с преемственных элементов, является предметом следующих разделов.

Европейская интеграция как принцип и инструмент

В результате исследования мы пришли к выводу о сосуществовании идейного и прагматического измерений убеждений о европейской интеграции. Так, с одной стороны, она воспринимается Берлином как своего рода фундаментальный принцип, интерес по себе. Наиболее иллюстративны здесь

слова бывшего главы немецкого МИД Г. Вестервелле в 2013 году: «Европа основана на наших общих ценностях. Это больше, чем единый рынок. Это больше, чем общая валюта. Европа — это сообщество ценностей» [9]. Причем этот фундаментальный принцип (касается не только конкретно ЕС, но и многосторонней рамки внешней политики в целом) увязывается Берлином с негативным историческим прошлым Германии: «Останемся ли мы верными принципу многосторонности, который стал уроком Второй Мировой войны и германского национал-социализма, даже если многосторонность не всегда приятна, но трудна, медленна, сложна?» (А. Меркель, 2019 г.) [10].

С другой стороны, большую роль играют инструментальные обоснования приверженности европейской рамке внешней политики — ЕС рассматривается руководством ФРГ как важнейший инструмент по обеспечению германского влияния и реализации собственных национальных интересов, и оттого ставится в приоритет внешней политики. Поддержка европейской интеграции буквально воспринимается как вклад, который окупится с процентами. Наиболее точно это представление передано в следующих словах бывшей главы МИД ФРГ А. Бербок в 2023 году: «Речь идет об инвестиции, которая в конце концов окупится для всех. Чем больше инвестирует каждое отдельное государство-член, тем больше мы приобретем вместе» [11]. В то же время можно выявить еще один устойчивый лейтмотив: постоянную привязку «европейского пути» ФРГ к ухудшающейся международной обстановке и сокращению относительного влияния Запада — и политического, и экономического: «<…> Значение ЕС для реализации общих европейских целей и интересов будет и дальше увеличиваться в той мере, в какой вес даже больших как Германия европейских государств будет сокращаться по сравнению с восходящими государствами в других частях мира» (Белая книга, 2016 г.) [12, S.71].

В этой связи выстраивание внешней политики в европейских рамках воспринимается Берлином как безальтернативная мера, и во множестве высказываний можно проследить единую семантику, например:

- «Только вместе мы сможем справиться с задачами формирования [миропорядка] настоящего времени» (Г. Вестервелле, 2012 г.) [13];
- «Только единый европейский голос будет услышан в 21 веке» (З. Габриэль, 2017 г.) [14];
- «Мы, европейцы, лишь объединившись сможем отстоять себя в этом мире» (А. Бербок, 2023 г.) [11].

Полюсность ЕС

В силу инструментальной приверженности европейской интеграции логичны и акценты руководства ФРГ на необходимости усиления роли ЕС в мире как самостоятельного полюса силы, его суверенности. Такой приори-

тет, несмотря на некоторое различие в акцентах, по существу является константой внешней политики ФРГ. Уже в 2011 году, опасаясь экономического ослабления ЕС на фоне восхождения развивающихся стран, Меркель указывала на необходимость развивать Европу как «глобального игрока с международным значением» [15]. Стоит подчеркнуть, что подобные акценты по большей части обуславливаются изменением международной среды, требующим приспособления собственной политики (установление многополярности, сокращение относительного влияния западных стран). Как отмечал еще в 2012 году Вестервелле, стремительно меняющийся мир требует «сильного и осознающего себя Европейского союза <…>» [13]; схожий посыл встречается, к примеру, и в словах Бербок о необходимости «суверенного» ЕС в условиях набирающего обороты системного противостояния [11].

Что касается категории суверенности ЕС, в самом Берлине она интерпретируется в двух основных значениях — широком и узком. Широкое понимание суверенности ЕС предполагает его субъектность в международных делах в целом, о чем было сказано выше. Узкое понимание сводится к большей самостоятельности в сфере обороны (большей независимости от США). Еще в Руководящих принципах оборонной политики 2011 г. указывалось на необходимость ЕС «самостоятельно перенимать ответственность в преодолении вызовов для общей безопасности…» [16, S.18]. В начале 2025 года Бербок подтвердила актуальность данных тезисов, заявив: «<…> О мире в Европе прежде всего решаем мы, европейцы, потому что это наш мир» [17]. Естественно, акценты несколько разнятся в силу множества внешних факторов, но ядро этого убеждения проявляется на всем протяжении рассмотренного хронологического промежутка.

При этом нужно оговориться, что усиление самостоятельности ЕС в сфере безопасности всегда рассматривается сквозь призму усиления возможностей НАТО в Европе и не противопоставляется им, то есть речь, словами Шольца, идет о «более сильной Европе в рамках НАТО» [18]. Таким образом Берлину удается объединить во внешне непротиворечивую концепцию формальную приверженность НАТО и фактическое стремление играть большую роль в вопросах безопасности.

Европейское самопозиционирование ФРГ

Примечательно, что Берлин представляет себя как своего рода вынужденного европейского гегемона, лидерство которого необходимо для успеха европейского проекта: «Сильной Европе нужна сильная Германия» (А. Меркель, 2020 г.) [19]. Причем «вынуждают» его и ожидания партнеров, и собственный экономический вес, и даже центральное географическое положение на европейском континенте. Само лидерство в общей внешней политике

и политике безопасности ЕС часто выставляется Берлином как перенимание «ответственности» [12, S.6] (одно из ключевых «пустых означающих» для внешнеполитического дискурса ФРГ). Своеобразное отсутствие агентности в этом вопросе, вероятно, связано с историческим опытом ФРГ и еще сохраняющейся сдержанностью ФРГ в вопросе артикуляции своих амбиций, что, конечно, не отменяет их существования.

Причем ЕС воспринимается Берлином как объединение, ключевую роль в развитии которого в силу своей экономической мощи должны играть ФРГ и Франция. Тем не менее, стремясь быть европейским лидером, ФРГ в то же время не готова брать на себя сопутствующие расходы и решать проблемы всего ЕС в одиночку — поэтому ее должны «разгружать» (мотив разделения бремени вообще часто встречается в риторике Берлина), особенно в случае кризисных явлений, даже если такой подход несет сравнительно большие издержки «младшим» партнерам по объединению. Наиболее иллюстративным примером здесь является поведение ФРГ во время двух европейских кризисов — еврозоны в 2010 г. и миграционного в 2015 г. В первом случае ФРГ не была на стороне пострадавших стран и заняла очень жесткую позицию, сославшись на субсидиарность и отвергнув обобществление европейских долгов [13], и в конце концов с огромной неохотой все-таки выделила финансы на помощь Греции. Однако в 2015 году, когда волной беженцев затронута была уже в первую очередь ФРГ, в Берлине громко заявляли о необходимости разделения бремени и равной ответственности — ФРГ необходима помощь, а без помощи друг другу якобы нет смысла и в ЕС [20]. Соответственно, когда ФРГ сталкивается с трудностями, ей должны помогать, но необязательно наоборот.

В контексте усилий по укреплению международного влияния ЕС отметим, что Берлин также подчеркивает необходимость усиления «дееспособности» ЕС посредством большего распространения процедур принятия решений большинством, а не консенсусом. И хотя это выставляется как соответствующее неким общеевропейским интересам решение, ведь «подчиняться большинству» в случае чего будет вынуждена и сама ФРГ [11], фактически же данное предложение служит непосредственно германским интересам, поскольку позволяет продвигать выгодные Берлину решения в обход возражений «оппортунистских» стран (прежде всего, Венгрии и Словакии на данный момент), и представить реальную ситуацию, где один из ключевых лидеров ЕС проиграет в голосовании квалифицированным большинством, довольно проблематично.

Эволюция убеждений Берлина о европейской интеграции

В то время как выше были изложены преемственные элементы, здесь уместно сосредоточиться на тех аспектах, которые иллюстрируют измене-

ние убеждений Берлина о европейской интеграции в 2011–2025 гг. Оно произошло на фоне изменений в более основополагающих внешнеполитических убеждениях Берлина — с середины 2010-х гг. и особенно с 2022 года, в силу перемен в самом международном окружении, ФРГ стала воспринимать мир как арену системного противостояния между «добрыми» демократиями и «злыми» автократиями (т.н. «ценностная биполярность») [21], во-вторых, соответственно, Берлин начал мыслить геополитически, выстраивая свою политику вокруг соображений изоляции и давления на своих «авторитарных» оппонентов, прежде всего Россию и КНР, которые все активнее подрывают западноцентричный «основанный на правилах миропорядок» [22].

В контексте убеждений о европейской интеграции это откликается, во-первых, большими акцентами на международной субъектности ЕС (именно параллельно появляется категория *суверенности*). Примечательно, что глобальная экономическая инициатива ЕС Global Gateway открыто объясняется геополитическими соображениями и увязывается с конкуренцией с КНР, прежде всего в контексте ее внешнеэкономического проекта «Пояс и Путь» [11]. Во-вторых, речь идет о больших акцентах на лидерстве ФРГ именно в оборонной области европейской интеграции: «Перед Германией сейчас стоит важная задача — взять на себя ответственность в качестве одного из главных гарантов безопасности в Европе» (О. Шольц, 2022 г.) [ibid.]. Новейшим воплощением второго элемента является стремление правительства Ф. Мерца трансформировать бундесвер в сильнейшую конвенциональную армию европейского континента [23, S.125,130].

Выводы

Изученная группа убеждений отличается значительной преемственностью. Изменение международного окружения и сопутствующих более общих представлений Берлина о международных отношениях обусловило лишь некоторые корректировки в акцентах, но никак не «трансформацию» внешнеполитической культуры ФРГ в этой части. Кроме того, приведенные выше убеждения разделяются, по существу, всей политической элитой (руководством) ФРГ — нами приводились лишь наиболее иллюстративные высказывания политиков и положения документов. Они представляли множество других, аналогичных по смыслу высказываний и положений, пересекающих временные и партийные границы.

В кратко- и среднесрочной перспективе, исходя из полученных результатов, мы можем рассчитывать на усиление акцентов ФРГ на европейской международно-политической субъектности и суверенности, хотя и все еще без полного отрыва от США. ФРГ, вероятно, также будет лидирующей движущей силой в милитаризации объединения. Наконец, ФРГ продолжит

руководствоваться своими амбициями по лидерству в ЕС и укреплению, посредством Союза, собственных международных позиций. Россия в этом контексте выступает удобным «чужим», борьба с которым соответствует и ценностям, и интересам нынешней политической элиты в Берлине, служит легитимации практического усиления ФРГ на континенте, хотя и все еще ретушируемого категорией «ответственности».

Список источников и литературы

1. *Соколов А. П., Давыдов А. Д., Беликов В. В., Сигова А. А.* Специфика национальной идентичности в риторике руководства ФРГ (по выступлениям на Мюнхенской конференции по безопасности 2014–2022 гг.) // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 105–121.
2. *Павлов Н.В., Пименова Е. В.* История в политической культуре Германии: генезис и современность // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 29–41.
3. *Пименова Е. В.* Проблемы национальной идентичности современной Германии в международном измерении // Международная аналитика. 2024. Т. 15, № 1. С. 173–190.
4. *Kirste K., Maull H. W.* Zivilmacht und Rollentheorie // Zeitschrift für Internationale Beziehungen. 1996. Heft 2. S. 283–312.
5. *Hellmann G.* „Selbstbewusst“ und „stolz“. Das außenpolitische Vokabular der Berliner Republik als Fährte einer Neuorientierung / G. Hellmann, C. Weber, F. Sauer, S. Schirmbeck // Politische Vierteljahresschrift. 2007. Vol. 48, No. 4. S. 650–679.
6. *Duffield J. S.* World Power Forsaken: Political Culture, International Institutions and German Security Policy After Unification. Stanford: Stanford University Press, 1998.
7. *Roos U.* Deutsche Außenpolitik: Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln. Wiesbaden: VS Verlag, 2010.
8. *Strauss A., Corbin J.* Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. 2nd Edition. London: SAGE Publications, 1998. 312 p.
9. Rede von Außenminister Guido Westerwelle vor der 14. Vollversammlung des World Jewish Congress // Auswärtiges Amt. 06.05.2013. URL: https://clck.ru/3LYgDu (дата обращения: 20.11.2025).
10. Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 55. Münchner Sicherheitskonferenz // Die Bundesregierung. 16.02.2019. URL: https://clck.ru/3LX8Rq (дата обращения: 18.11.2025).
11. Rede der Bundesministerin des Auswärtigen, Annalena Baerbock, bei der Europakonferenz // Die Bundesregierung. 02.11.2023. URL: https://clck.ru/3LX83y (дата обращения: 18.11.2025).
12. Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr // Bundesministerium der Verteidigung. 2016. URL: https://clck.ru/3KZxqu (дата обращения: 26.11.2025).
13. Rede von Außenminister Guido Westerwelle zur Eröffnung des 2. Berliner Forums Außenpolitik // Auswärtiges Amt. 23.10.2012. URL: https://clck.ru/3QkdsN (дата обращения: 18.11.2025).

14. “A Strong Europe in the World of Today”. Rede von Außenminister Sigmar Gabriel beim European Council on Foreign Affairs // Auswärtiges Amt. 26.06.2017. URL: https://clck.ru/3LPUaj (дата обращения: 12.11.2025).
15. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel zu aktuellen Themen der Innen- und Außenpolitik // Euractiv FR. 22.07.2011. URL: https://clck.ru/3LYikU (дата обращения: 20.11.2025).
16. Verteidigungspolitische Richtlinien 2011 // Bundesministerium der Verteidigung. 2011. URL: https://clck.ru/3KZxNF (дата обращения: 26.11.2025);
17. Baerbock: Gemeinschaft mit USA nicht am Ende // ZDF. 14.02.2025. URL: https://clck.ru/3LcRAo (дата обращения: 23.11.2025).
18. Rede des Kanzlers bei der 61. Münchner Sicherheitskonferenz. // Die Bundesregierung. 15.02.2025. URL: https://clck.ru/3LYgrd (дата обращения: 20.11.2025).
19. Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel // Die Bundesregierung. 18.06.2020. URL: https://clck.ru/3QkeKV (дата обращения: 20.11.2025).
20. Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier auf dem Ordentlichen Bundesparteitag der SPD // Die Bundesregierung. 10.12.2015. URL: https://clck.ru/3LX7de (дата обращения: 18.11.2025).
21. Rede von Außenminister Sigmar Gabriel bei der Münchner Sicherheitskonferenz // Auswärtiges Amt. 17.02.2018. URL: https://clck.ru/3LX8tf (дата обращения: 18.04.2025).
22. Die globale Zeitenwende. Wie ein neuer Kalter Krieg in einer multipolaren Ära vermieden werden kann — ein Namensbeitrag von Bundeskanzler Olaf Scholz in Foreign Affairs // Die Bundesregierung. 05.12.2022. URL: https://clck.ru/3LX86A (дата обращения: 18.11.2025).
23. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 21. Legislaturperiode. URL: https://clck.ru/3PbopR (дата обращения: 07.11.2025).

СЕКЦИЯ «СУВЕРЕНИТЕТ И ИНТЕГРАЦИЯ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ»

Анискевич Ксения Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Восточный факультет,
Магистратура

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ ТАИЛАНДА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В МЬЯНМЕ

THAILAND'S PRAGMATIC NEUTRALITY IN THE CONTEXT OF POLITICAL CRISIS IN MYANMAR

Аннотация. Исследование анализирует, как Таиланд выстраивает баланс между суверенитетом, интеграцией и безопасностью, сохраняя официальную нейтральность по отношению к военному правительству Мьянмы, но активно реагируя на нетрадиционные угрозы. Теоретической основой служит концепция секьюритизации позволяющая объяснить выборочные реакции Таиланда на угрозы и его неспособность полностью дистанцироваться от кризиса. Показано, что прагматический нейтралитет Таиланда формируется под влиянием экономической взаимозависимости, политических ограничений и внутренней роли военных, что делает безопасность на границе результатом адаптивных практик, а не институциональных механизмов.

Ключевые слова: внешняя политика Таиланда; военное правительство Таиланда; политический кризис в Мьянме; Мьявадди–Мэсот; мошеннические колл-центры в Мьянме; Бамбуковая дипломатия; теория секьюритизации.

Abstract. This study examines how Thailand manages the interplay between sovereignty, integration, and security, maintaining an official posture of neutrality towards Myanmar's military government whilst simultaneously responding to a range of non-traditional security challenges. The analysis is grounded in the frameworks of Securitisation theory, which illuminate Thailand's selective construction of threats and its structural inability to detach itself from the protracted crisis in Myanmar. The findings suggest that Thailand's pragmatic neutrality is shaped by deep economic interdependence, political and institutional constraints, and the enduring influence of the military establishment, rendering border security a product of adaptive state practices rather than formal regional mechanisms.

Keywords: Thailand foreign policy; Thailand military government; Myanmar political crisis; Myawaddy–Mae Sot; Myanmar scam call-centers; Bamboo diplomacy; Securitization theory.

Введение

После провозглашения независимости в 1948 году, Мьянма (историческое название Бирма) практически перманентно находится в непрекращающемся кризисе из-за внутриполитических, национальных, этнических и экономических сложностей на своих территориях. В 2021 г. началась новая глава политических противоречий, которые возникли из-за военного переворота, после которого к власти пришло военное правительство с Мин Аун Хлайном (бирм. မင်းအောင်လှိုင်) во главе. Последние четыре года конфликт между Вооруженными силами Мьянмы (Тамадо, бирм. တပ်မတော်) и другими группами, как, например, Этнические вооруженные организации (EAOs) или Народные силы обороны (PDFs), продолжает разрастаться.

В апреле 2024 г. произошло обострение ситуации на границах между Мьянмой и Таиландом ввиду осложнения конфликта между Вооруженными силами Мьянмы и Каренской Национально-освободительной Армией (KNOA), которая осадила захватила город Мьявадди, пограничный пункт, прилегающий к тайскому городу Мэсот. Важно отметить, что именно через эти города проходит основной путь из Мьянмы в Таиланд, что делает пункт Мьявадди–Мэсот одним из ключевых в двусторонних отношениях. Таиланд в таких условиях вынужден искать баланс между уважением к внутренним делам Мьянмы, поддержанием региональной стабильности и защитой собственных границ, при этом официально сохраняя нейтралитет по практическим причинам. Данное исследование предлагает взглянуть на модель внешней политики Таиланда, который сохраняет баланс «суверенитет–интеграция–безопасность», выбирая, что считать угрозой безопасности страны, а с чем можно считаться и порою сотрудничать исходя из практических интересов.

Конструирование безопасности Таиланда в отношении ситуации в Мьянме

Несколько десятилетий назад Б. Бузан и О. Вэвер предложили теорию секьюритизации, согласно которой оценка угрозы безопасности государства зависит не столько от объективных причин и факторов, сколько от субъективного выбора политических акторов. Иными словами, понятие безопасности определяется созданным дискурсом, значения в котором задаются посредством языковой игры [1, с. 28]. Секьюритизация означает процесс, при котором изначально неполитизированный вопрос постепенно вклю-

чается в политическую повестку, а затем объявляется угрозой безопасности, требующей применения экстраординарных мер за пределами обычных политических процедур.

Ещё в 1960-х годах Таиланд придерживался так называемой буферной стратегии на западной границе. В этот период Бангкок поддерживал ряд этнических вооруженных групп, многие из которых имели давние связи с китайскими сетями и контролировали значительные участки территории, недоступные для военных Мьянмы. Тайские военные в неформальном порядке взаимодействовали с отдельными вооружёнными группировками шанов и каренов, особенно в периоды их противостояния с Объединенной армией штата Ва. Иными словами, и Бангкок, и Янгон (бывшая столица бирманских территорий) в разные периоды опирались на сотрудничество с этническими группировками, поддерживая те силы, которые обеспечивали их собственные интересы на границе [2].

Тем не менее, Бангкок всегда тревожила проблема распространения наркотических веществ в регионе Юго-Восточной Азии. Поскольку большая часть границ расположена в горных районах, патрулировать или в целом контролировать эти территории крайне тяжело, что поднимает показатели преступности в регионе. В прошлом имели место отдельные эпизоды прямого нарушения суверенной границы Мьянмы тайцами для борьбы с наркотрафиком: например, в 1987 г. Королевская армия Таиланда при поддержке ЦРУ занималась уничтожением подконтрольных Объединенной армии Шанов маковых полей [3, с. 253]; в 1991 г. тайские военные разбомбили одну из героиновых фабрик на границе с Мьянмой [4, с. 20]. Тем не менее, полностью пресечь наркотрафик невозможно ввиду повсеместной коррупции обеих сторон, а также из-за того, что производством запрещенных веществ занимаются в основном те национальные меньшинства, которые имеют мирные договоренности с правительством Таиланда [5].

Другая проблема, на которую реагирует Бангкок, тем самым ее «секьюритизируя» — рост количества мошеннических колл-центров. Нынешний год отметился значительным числом резонансных случаев о мошеннических центрах в Мьянме (а также в Камбодже) в мировом инфополе. Несмотря на то, что некоторые крупные организации были раскрыты (например, в ноябре этого года имел место масштабный рейд на внушительных размеров колл-центр KK Park, расположенный в Мьявадди [6]), другие компании продолжают свою работу. Тайцы, как и китайцы, бирманцы и другие нации, несут значительные убытки из-за таких центров в Мьянме: по примерным подсчетам, в 2025 г. тайцы потеряли более 3.5 млрд долларов из-за мошенников [7]. Также согласно статистике, в 2023–2024 гг. Таиланд стал первым в рейтинге количества полученных мошеннических звонков в Азии [8, с. 6].

Учитывая такую тенденцию, которая усугубляется с каждым годом, в декабре этого года было объявлено, что в 2026 г. ISOC (Командование Операций Внутренней Безопасности, ключевое звено в обеспечении безопасности страны) и Королевская армия Таиланда будет фокусироваться на борьбе с мошенничеством в интернете, а также на решении проблем транснациональных угроз [9].

Помимо прочего, после обострения боевых действий весной 2024 г., поток людей, пересекающих границу, резко возрос: тысячи мирных жителей ежедневно направлялись в Мэсот, спасаясь от авиаударов и боёв, а около двухсот солдат Мьянмы пытались укрыться на тайской стороне [10]. Даже после того, как Каренские войска вывели силы и город вернулся под контроль правительства страны, нестабильность продолжается в других регионах Мьянмы, что оставляет многих беженцев в Таиланде в неопределенном состоянии [11]. В условиях, когда боевые действия могут вспыхнуть вновь, Бангкок сталкивается с риском повторного резкого увеличения числа пересечений границы.

Многие из беженцы остаются в Таиланде нелегально, избегая репрессий, призыва в армию и угрозы жизни у себя на родине. Растущие миграционные потоки несут риски социальной напряженности и криминализации (например, летом прошлого года произошел громкий случай убийства тайских граждан в Паттайе нелегальными мигрантами из Мьянмы [12]). Беженцы, в отличие от трудовых мигрантов, часто не имеют возможности или готовности сразу включиться в рынок труда, что создает дополнительные гуманитарные и инфраструктурные нагрузки.

***

В 2024 г., пока боевые действия не затронули непосредственно границы страны, министр иностранных дел Таиланда осторожно заявлял: «Мы уже направили людей для переговоров с ними [военными]. Если бы у них были такие [насильственные] намерения, они бы реализовали их ещё несколько дней назад» [13]. Однако несколькими днями позже, когда бирманские ракеты долетели до Мэсота, риторика изменилась: премьер-министр Сеттха Тхависин (тайск. เศรษฐา ทวีสิน;) выступил с жестким заявлением, что «ни при каких обстоятельствах воздушное пространство Таиланда не будет использоваться в ходе конфликта в Мьянме; правительство страны готово защищать свои границы и безопасность народа, не дав никаким столкновениям оказать влияние на территориальную целостность государства [14]».

В то же время политический кризис в Мьянме, ее военное правительство и иногда возникающие столкновения неподалеку от тайских границ не подвергаются секьюритизации, что отражает стратегическую необходи-

мость поддержания дипломатического и экономического баланса. Например, в июле 2024 г. Марит Сангиемпхонг (тайск. มาริษ เสงี่ยมพงษ์), следующий министр иностранных дел, назвал кризис «внутренним делом Мьянмы, с которым страна должна справиться сама, без вмешательства Таиланда» [15] . Иными словами, как только критическая стадия пограничного конфликта была решена, Таиланд вернулся к своей изначальной позиции нейтралитета по отношению к военным действиям в соседней стране.

Королевство избегает политическую конфронтацию с бирманскими военными и сохраняет нейтралитет при взаимодействии с правительством Мьянмы. Связи между военными элитами двух стран настолько близки, что еще в 2014 г. Мин Аун Хлайн называл Према Тинсуланона (тайск. เปรม ติณสูลานนท์) своим «приемным дедушкой» [16]. Вооруженные силы Мьянмы и Таиланда поддерживают устойчивые двусторонние связи и регулярно взаимодействуют на оперативном уровне [17]. Это ограничивает возможности гражданского правительства Таиланда проводить самостоятельную внешнюю политику в отношении Мьянмы. Избранное правительство не обладает свободой маневра в вопросах, где затрагиваются интересы национальной безопасности, и вынуждено следовать линиям, сформированным предыдущими военными кабинетами. При этом именно армия и ISOC осуществляют фактические действия на границе, как это произошло в 2024 г. в районе Мэсот, что только подчеркивает дуализм власти и институциональную фрагментацию.

Как отмечал Мирский [18, с. 11], в государствах со слабой политической системой армия начинает воспринимать себя как единственную современную и организованную национальную силу, что формирует чувство исторической ответственности и оправдывает милитаризацию под предлогом восстановления порядка. Последний coup d'etat в Таиланде произошел в 2014 г. под руководством генерала Праюта Чан-Оча (тайск. ประยุทธ์ จันทร์โอชา), который в настоящее время остается тайным советником страны. И хотя в 2025 г. власть в стране формально принадлежит гражданскому правительству, сохраняющееся влияние армии означает, что при ухудшении экономической ситуации или обострении кризиса на границах военные по-прежнему обладают ресурсами для реставрации контроля.

В необходимости поддержания нейтральных отношений между странами присутствует также экономический фактор. Энергетический комплекс Таиланда, как и других стран Азии, опирается на поставки натурального газа из Мьянмы. Несмотря на то, что в общем счете импорт газа из Мьянмы составляет около 16% (главным поставщиком остаются арабские страны), западный регион Таиланда обеспечивается электричеством только за счет соседа [19]. Другой значимый фактор связан с зависимостью тайской экономики от

трудовой миграции из Мьянмы. Бирманские мигранты составляют одну из крупнейших групп иностранной рабочей силы в стране и занимают ключевые позиции в низкооплачиваемых сегментах промышленности, строительства, сельского хозяйства и сферы услуг, включая туристический сектор [20, с. 9]. На 2024 г. число зарегистрированных мигрантов из Мьянмы составляло порядка 1,8 млн человек [2], при этом реальное количество бирманцев, включая нелегальных работников, значительно выше, что делает эту группу критической для поддержания функционирования экономики. Кроме того, крупные политические фигуры Таиланда, как, например, Таксин Чинават (тайск. ทักษิณ ชินวัตร), поддерживают экономические отношения с бирманскими генералами, что еще больше укрепляет неформальные связи между элитами.

Соответственно, Таиланд продолжает лавировать между неявной поддержкой правительства Мин Аун Хлайна, связями с этническими группировками и защитой своих границ. Политика Бангкока — это постоянный поиск баланса между невмешательством и обеспечением региональной стабильности.

Пограничные конфликты Таиланда в конце 2025 г.

Новый виток приграничного конфликта произошел в конце ноября этого года. На фоне пресечения деятельности в таких скам-центрах, как KK Park, Huanya, Tai Chang в поселениях около Мьявадди этой осенью [21], наблюдается усиление противостояния между армией Мьянмы и национальными группировками. СМИ писали о попадании снарядов на территорию Таиланда, были также ранены некоторые жители деревень у Мэсот [22].

Таиланд среагировал быстро, закрыв на неделю границу в Мьянмой, чтобы пресечь любые движения гражданского и военного населения соседней страны, и стянул войска к границе [23]. В настоящее время ситуация находится под контролем, но премьер-министр Анутхин Чанвиракун (тайск. อนุทิน ชาญวีรกูล) заявил, что любой новый обстрел через границу будет встречен немедленными ответными действиями для защиты суверенитета Таиланда.

Тем не менее, на данный момент (середина декабря) внимание правительства сосредоточено прежде всего на боевых действиях на восточной границе с Камбоджей, где был нарушен режим прекращения огня. Новости о приграничных сложностях у Мьявадди–Мэсот исчезли из тайского инфополя. Соответственно, пока ситуация с Пномпенем остается острой, вопросы, связанные с Мьянмой, вновь отходят для Бангкока на второй план.

Выводы

Таиланд, как и АСЕАН в целом, подчеркивает, что уважает **суверенитет** Мьянмы и не рассматривает военное вмешательство как допустимый

инструмент для решения политического кризиса государства. Ввиду исторического переплетения военных Мьянмы и Таиланда, а также необходимости поддержания отношений с Нейпьидо, Бангкок не будет вмешиваться в конфликт в Мьянме, считая его внутренним делом государства.

Что касается **интеграции**, Таиланд оказывает всестороннюю гуманитарную помощь жертвам военных действий на территории Мьянмы, поддерживает и продвигает инициативы АСЕАН. Бангкок поддерживает временные лагеря для временно перемещенных лиц, а также расширяет торговлю с Мьянмой. Помимо прочего, бирманцы составляют значительный процент рабочей силы в Таиланде.

Тем мне менее, Таиланд не может игнорировать некоторые ключевые вопросы, в первую очередь связанные с наркотрафиком. В 2024 г., когда произошли столкновения на границе Мьявадди–Мэсот, Таиланд выбрал сторону «**безопасности**», не дав кризису на границах распространиться вглубь страны. В ближайшее время Королевская армия Таиланда и ISOC концентрируют свое внимание на борьбе с колл-центрами в Мьянме, новости о которых пестрят во всех газетах как в королевстве, так и за рубежом.

Таиланд конструирует угрозы выборочно. Бангкок относится к бирманскому военному правительству Мьянмы сравнительно спокойно. Он объявляет угрозами те явления, которые мешают его внутренней стабильности, угрожают экономике или, что показательно, легко показать обществу. В то же время Бангкок избегает секьюритизации политически чувствительных явлений, которые идут вразрез с концепцией Бамбуковой дипломатии страны. Однако как только конфликт в соседней стране достигает границ Таиланда, все силы государства оперативно бросают на сдерживание и недопущение межгосударственного открытого противостояния. Можно сказать, что безопасность на границах между Таиландом и Мьянмой держится не на институтах АСЕАН, а на адаптивных практиках отдельных акторов, которые балансируют между суверенитетом и необходимостью сдерживать транснациональные угрозы. Политика невмешательства же действует лишь до тех пор, пока не затрагивает устойчивость государства и позиции армии. Именно эта условность и делает тайский подход примером «прагматического нейтралитета» в условиях региональной взаимозависимости.

Список источников и литературы

1. Г*айдаев О. С.* Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32.

2. *Chambers p., Chotisut K.* Neighbour to Civil War: Thailand's Relations with Myanmar in 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://fulcrum.sg/neighbour-to-civil-war-thailands-relations-with-myanmar-in-2024/ (дата обращения: 01.10.2025).
3. *Clymer K. A* Delicate Relationship. New York: Cornell University Press, 2016.
4. *Selth A.* Spy Versus Spy: Myanmar's Multiple Counterintelligence Challenges // International Journal of Intelligence and Counter Intelligence. 2025. С. 1–34.
5. *Беленький Е.* Таиланд–Бирма: пограничный конфликт / В мире / Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/world/2001-05-16/6_tailand.html (дата обращения: 04.11.2025).
6. กองทัพเมียนมา ทุบตึกแก๊งสแกมเมอร์ 150 แห่ง หลังกวาดล้าง KK Park [Электронный ресурс]. URL: https://www.thairath.co.th/news/foreign/2894469 (дата обращения: 02.12.2025).
7. Global Anti-Scam Alliance (GASA). Thailand Faces ฿115.3B Scam Crisis — GASA 2025 Report [Электронный ресурс]. URL: https://www.gasa.org/post/thailand-faces-unprecedented-scam-crisis-with-thb-115-3-billion-lost-annually (дата обращения: 22.11.2025).
8. *Sriyai S.* Borderland Scam Centres and Cyber Threats: Policy Considerations for Thailand // ISEAS Perspective. 2025. № 60.
9. สำนักเลขาธิการนายกรัฐมนตรี. นายกฯ อนุทิน แถลงกำหนดทิศทางความมั่นคงปี 2569 มุ่งแก้ภัยคุกคามทุกมิติ เสริมความปลอดภัยชายแดน แก้ปัญหายาเสพติด อาชญากรรมออนไลน์ ควบคู่ยกระดับคุณภาพชีวิตประชาชน [Электронный ресурс]. URL: https://www.thaigov.go.th/th/news/103140 (дата обращения: 07.12.2025).
10. Reuters. Myanmar troops retreat as rebels declare control over key border town // Reuters. 2024.
11. *Quitzon J.* The Latest on Southeast Asia: Junta Recapture of Myawaddy | The Latest on Southeast Asia | CSIS [Электронный ресурс]. URL: https://www.csis.org/blogs/latest-southeast-asia/latest-southeast-asia-junta-recapture-myawaddy.
12. *Pupattanapong C.* Myanmar murder suspects surrender to escape Thailand // Bangkok Post. 2024.
13. Associated Press. Thai foreign minister urges Myanmar's military to avoid attack on border [Электронный ресурс]. URL: https://www.voanews.com/a/thai-foreign-minister-urges-myanmar-s-military-to-avoid-attack-on-border-/7567502.html (дата обращения: 18.12.2025).
14. ทีมข่าวเฉพาะกิจไทยรัฐออนไลน์ รายงาน. ไทม์ไลน์ ไฟสงครามพม่า สมรภูมิเดือดปาล้อมเมือง [Электронный ресурс]. URL: https://www.thairath.co.th/scoop/world/2777790 (дата обращения: 23.09.2025).
15. Tangsathaporn p. Myanmar dialogue pushed [Электронный ресурс]. URL: https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2836592/myanmar-dialogue-pushed (дата обращения: 18.12.2025).
16. The Irrawaddy. Former Thai Army Chief Is «Godfather» to Burma's Top General [Электронный ресурс]. URL: https://www.irrawaddy.com/news/burma/former-thai-army-chief-godfather-burmas-top-general.html (дата обращения: 18.12.2025).
17. *Myat M.* Myanmar, Thai Armed Forces Strengthening Bonds For Enhanced Bilateral Relations — Global New Light Of Myanmar [Электронный ресурс]. URL: https://

www.gnlm.com.mm/myanmar-thai-armed-forces-strengthening-bonds-for-enhanced-bilateral-relations/ (дата обращения: 24.11.2025).
18. *Мирский Г. И.* Армия и политика в странах Азии и Африки. М: Наука, 1970.
19. ศุภเกษม เกษมศรี ณ อยุธยา, ธิปไตร แสละวงศ์, ภูมิพัฒน์ งามยิ่งสง่า. ความเสี่ยงภูมิรัฐศาสตร์จากควำบาตรเมียนมาสู่ความ(ไม่)มั่นคงพลังงานไทย — TDRI: Thailand Development Research Institute [Электронный ресурс]. URL: https://tdri.or.th/2024/05/geopolitics-myanmar-risk-thai-energy-article/ (дата обращения: 03.12.2025).
20. ศุภฤกษ์ โออินทร์. การติดตามสถานการณ์การอพยพย้ายถิ่นของแรงงานต่างด้าวในประเทศไทยในช่วงปี พ.ศ. 2556-2566 // Journal of Arts and Thai Studies. 2025. Т. 47. № 1. С. 1–11.
21. Shenawy M. Myanmar Military Arrests Hundreds in Raid on Thai-Border Scam Center [Электронный ресурс]. URL: https://www.occrp.org/en/news/myanmar-military-arrests-hundreds-in-raid-on-thai-border-scam-center (дата обращения: 09.12.2025).
22. ข่าวสด. ทหารพม่า ถล่มเมืองสแกมเมอร์ ระเบิดหนักข้ามตกฝั่งไทย 2 ลูก ชาวบ้านเจ็บ 2 คน [Электронный ресурс]. URL: https://www.khaosod.co.th/around-thailand/news_10049028 (дата обращения: 07.12.2025).
23. ข่าวสารประชาไท. กองกำลังนเรศวรยิงเตือน หลังกระสุนข้ามแดนชายแดนไทย-พม่า ทำคนไทยเจ็บ 2 ราย ทีแม่สอด [Электронный ресурс]. URL: https://prachatai.com/journal/2025/12/115789 (дата обращения: 08.12.2025).

Безбах Анастасия Дмитриевна

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
Школа социальных наук
бакалавриат

Замяткина Екатерина Николаевна

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
Школа социальных наук
бакалавриат

Лупу Елизавета

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
Школа социальных наук
бакалавриат

ПАРАДОКС ИНТЕГРАЦИИ И ФРАГМЕНТАЦИИ: ПОЧЕМУ НЕСМОТРЯ НА ОБЩИЕ ЦЕЛИ, УРОВЕНЬ ИНТЕГРАЦИИ ВНУТРИ АСЕАН ОСТАЕТСЯ НЕРАВНОМЕРНЫМ

THE PARADOX OF INTEGRATION AND FRAGMENTATION: WHY DESPITE COMMON GOALS THE LEVEL OF INTEGRATION WITHIN ASEAN REMAINS UNEVEN

Аннотация. В статье исследуется, как интеграция в АСЕАН остается неравномерной из-за парадоксального воздействия «ASEAN way» — принципа невмешательства и консенсуса, который одновременно обеспечивает стабильность, в то же время ограничивая глубину сотрудничества. Анализ проведен через призму либерального интерговернментализма Э. Моравчика показывает, что разнородность национальных интересов и приоритет суверенитета над коллективными действиями приводят к фрагментации, особенно в сферах безопасности и политики, в то время как экономическая интеграция демонстрирует прагматический прогресс. Таким образом, АСЕАН представляет собой модель «интеграции без наднациональности», где объединение и разобщенность сосуществуют.

Ключевые слова: ASEAN; интеграционные процессы; «ASEAN way»; региональная интеграция; либеральный интерговернментализм; региональная фрагментация

Abstract. The article explores how ASEAN integration remains uneven due to the paradoxical impact of the «ASEAN way» — the principle of non — interference and consensus, which simultaneously ensures stability while limiting the depth of cooperation. The analysis conducted through the prism of A. Moravchik's liberal

intergeneralism shows that the heterogeneity of national interests and the priority of sovereignty over collective actions lead to fragmentation, especially in the areas of security and politics, while economic integration demonstrates pragmatic progress. Thus, ASEAN represents a model of «integration without supranationality», where unification and disunity coexist.

Keywords: ASEAN; integration; «ASEAN way»; regional integration; liberal intergovernmentalism; regional fragmentation

Введение

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) представляет собой уникальный пример подхода к региональной интеграции. В отличие от наиболее часто изучаемого примера Европейского союза, АСЕАН, хотя и имеет в своей основе схожие идеи, такие как экономический рост и экономическое развитие, политическая координация и поддержка стран-членов, не имеет многоуровневой структуры с официальными институтами и высшего органа управления, а также механизмов строгого соблюдения предписываемых политик. Напротив, «ASEAN way» стала основополагающей идеей взаимодействия стран внутри региона и формирования направлений внешней политики. Термин репрезентует политику невмешательства и сигнализирует о приоритете национальных интересов и формирует уникальные нормы и правила взаимодействия между ее государствами-членами. Нам интересно, *как баланс между суверенитетом и коллективными интересами формирует парадокс интеграции и фрагментации в АСЕАН?* Основная гипотеза — политика невмешательства и консенсуса одновременно и укрепляет стабильность, и ограничивает глубину интеграции. Работа предполагает сравнительный анализ кейсов стран-членов АСЕАН, посредством в том числе качественного анализа документов, в которых прямо или косвенно отражены мотивы и тенденции ответа стран как на внутренние проблемы региона, так и на внешние обстоятельства. Исследование будет проведено сквозь призму теории либерального интерговервентализма Э. Моравчика, который подчеркивает важность именно национальных субъектов в формулировании целей деятельности своих государств, в том числе в интеграционных организациях: в рамках региональных инициатив страны действуют строго в соответствии с национальными предпочтениями и текущими планами.

Теоретическая рамка

Суверенитет является основополагающим термином, который определяет государственность. По своей сути, это возможность государства самостоятельно принимать решения внутри страны и представлять себя на внешней арене. Процесс интеграции в рамках региональных организаций неизбежно

приводит к тому, что часть решений принимается уже не исключительно на национальном уровне, а делегируется наднациональным органам [1].

Существует несколько классических теорий, объясняющих концепцию интеграции и роли суверенитета, в число которых входит функционализм, неофункционализм и интерговернментализм. Функционализм гласит, что государства интегрируются не из-за политики, а из-за практических нужд обществ. То есть, интеграция — результат рационального поиска эффективности [2]. Неофункционализм развивает предыдущую теорию, фокусируясь на идеи, что интеграция происходит, потому что экономические сектора связаны между собой, и изменения в одном секторе провоцируют расширение интеграции на другие сферы общества, включая политическую [3]. Наконец, интерговернментализм фокусируется на том, что государства — главные акторы, и никакая интеграция не случится без их воли. Национальные интересы формируются внутри государств и далее влияет на повестку регионального объединения. Переговоры между государствами становится основным механизмом взаимодействия даже в существующих рамках организаций, институты могут иметь полномочия только в той мере, в какой государства определяют их допустимость [4].

Однако в случае рассмотрения АСЕАН мы опираемся на переработанную и дополненную версию последней теории — либеральный интерговернментализм Э. Моравчика, который позволяет наиболее полно объяснить существующую региональную фрагментацию, возникающую из-за разнородности интересов национальных государств, т.к. обращается к внутренним политическим, экономическим и социальные группам, влияющим на позицию страны в региональных переговорах [5]. Внимание к внутренним контекстам и источникам внешней политики помогает понять, почему государства АСЕАН по-разному реагируют на одни и те же вызовы и почему консенсус достигается неравномерно [5].

Суверенитет как ограничитель интеграции

1. *Принцип невмешательства и его последствия для коллективных решений*

Основополагающими принципами взаимодействия, закрепленными в Статье 2 Устава АСЕАН от 2008 года [6], служит «ASEAN way» — невмешательство других стран-членов в национальные политики и действия, уважение суверенитета, консультации и принятие решений на основе консенсуса, формирование неформального взаимодействия и минимального институционального развития, которые способствуют неспособности прийти к совместным и координированным действиям и отсутствию возможностей влиять на национальные политические элиты.

Это вызывает проблему противоречия между стремлением к интеграции и сохранением национального суверенитета, разрешение которой пока что остается не достигнутым на уровне организации. В данном случае желание не уступать свои интересы в пользу межгосударственным, но при этом построить взаимовыгодные отношения со странами в союзе — является показательными национальными преференциями государств-членов, основываясь на либеральном интерговернментализме. Однако, практическое применение принципа создает существенные ограничения для выработки и реализации коллективных решений.

Первое ограничение — механизм консенсуса. Статья 20 прямо предписывает консультации и консенсус в качестве основного способа принятия решений, без голосования большинством голосов, если саммит АСЕАН не примет иного решения [6]. Отсутствие голосования большинства и возможности вето заставляют все страны учитывать национальные интересы прежде всего, даже если это ведет к задержкам или срывам согласованных инициатив. Здесь проявляется второй этап либерального интерговернментализма — международные переговоры с фокусом на переговорной силе. В условиях АСЕАН переговорная сила отдельных государств (особенно тех, кто зависит от внешних акторов, как Китай) может блокировать общий прогресс, поскольку каждая страна обладает правом вето и не несет ответственности за срыв решений.

Другое ограничение — влияние различий во внутренней политике на интеграцию без возможности влияния на нее наднациональных институтов. Несмотря на создание ASEAN Economic Community (AEC), страны-новички CLMV (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам) демонстрируют более низкое участие в AEC, чем ASEAN-6 из-за более медленного внедрения либерализации торговли и ограничений во внутренней политики таких как пробелы в инфраструктуре и нормативные препятствия. В официальных отчетах отмечается, что CLMV сталкивается с трудностями при внедрении мер AEC, что ограничивает их участие в глобальной цепочке создания стоимости [7]. Данные AEC свидетельствуют о неравномерном реализации мер по основным направлениям плана AEC: CLMV в среднем демонстрирует более низкие показатели выполнения требований в сфере услуг и либерализации инвестиций [8].

Экологическая политика показывает, что добровольные многосторонние соглашения часто страдают от плохой координации действий, так как государства предпочитают первоочередно решать внутренние проблемы и избегать давления со стороны соседей. ASEAN Agreement on Transboundary Haze Pollution декларирует добровольное сотрудничество через мониторинг и работу координационного центра, но не обеспечивает должного соблю-

дения, что приводит к плохой координации, поскольку государства отдают предпочтение внутренним пожарам, а не региональным обязанностям [9].

2. *Различия политических режимов и национальных приоритетов*

В регионе представлены разнообразные формы правления и политических режимов: от односторонних демократий до авторитарных режимов.

Авторитарные государства региона более склонны к укреплению национального суверенитета и осторожному отношению к передаче полномочий на региональный уровень. Вьетнам поддерживает приоритетные инициативы АСЕАН, но сохраняет строгий контроль над трудовой миграцией, фокусируясь на экспортно-ориентированной модели без полной либерализации [10]. Для Лаоса двусторонние инвестиции с Вьетнамом (свыше 4 млрд. долларов в 2021–2025) предпочтительнее широкой региональной открытости [11].

Демократические государства проявляют более активное участие в региональных экономических и политических инициативах, но сохраняют настороженность по вопросам безопасности и политической самостоятельности. Филиппины усиливают оборонное сотрудничество с США, Японией и Австралией для сдерживания китайских претензий, но продолжают максимизировать торговлю и помощь от Пекина. Общественное мнение на Филиппинах в основном негативно к действиям Китая в спорных водах, что побуждает руководство демонстрировать твердость, не жертвуя экономическими интересами [12].

3. *Противоречие между национальной безопасностью и коллективной безопасностью*

Несмотря на многолетние попытки АСЕАН разработать Кодекс поведения в Южно-Китайском море (ЮКМ), страны блока действительно сохраняют преимущественно национальные подходы к защите суверенитета и морских границ, что препятствует формированию единой стратегии. Филиппины, Вьетнам и Малайзия активно противодействуют китайской экспансии: Филиппины опирается на решение трибунала 2016 года по Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS), отвергая «девятипунктирную линию» Пекина, а Вьетнам и Малайзия настаивают на демаркации ИЭЗ и совместной разработке ресурсов без признания китайских претензий [13]. В то же время Камбоджа и Лаос, экономически зависимые от Китая, занимают прокитайские или нейтральные позиции, блокируя консенсусные заявления АСЕАН [14].

В случае Южно-Китайского моря АСЕАН не может формировать коллективные обязательства по безопасности; вместо этого безопасность региона обеспечивается через сеть двусторонних соглашений и индивидуальных внешнеполитических маневров. Отсутствие жестких институциональных

механизмов заставляет государства ориентироваться на национальные интересы и сохранять принцип невмешательства.

Кроме того, данный пример демонстрирует, что несмотря на формальные переговоры и создание специальных форматов (ASEAN Regional Forum, ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus), эти инструменты остаются консультативными и не обладают механизмами принуждения.

Делегирование полномочий международным институтам практически не реализуется. Государства сознательно воздерживаются от создания наднациональных органов с полномочиями по контролю или принуждению, поскольку это противоречит их суверенным установкам и внутренним политическим расчётам. В результате делегирование ограничивается символическими или координационными функциями, не способными преодолеть глубокие разногласия между членами.

Парадокс интеграции и фрагментации

Общие интересы стран-членов АСЕАН являются одним из ключевых драйверов направления и динамики региональной интеграции, несмотря на институционально закрепленные приоритеты суверенитета, невмешательства и консенсуса [15]. В условиях высокой политической и экономической гетерогенности региона функциональные потребности — экономические, экологические и финансовые — создают достаточные стимулы для формирования национальных преференций, обусловленных внутренними интересами государств, что соответствует первой стадии Моравчика. Об этом свидетельствует формирование ASEAN Economic Community (AEC), который официально был учрежден в 2015 г. [16]. Создание AEC стало примером прагматической ориентации интеграции, базирующейся на поэтапной гармонизации нормативных актов и преодолении барьеров, мешающих региону участвовать в глобальных цепочках добавленной стоимости [17;18]. На этапе переговоров более развитые государства продвигали либерализацию, менее развитые — переходные периоды и исключения, что иллюстрирует вторую стадию интерговернментализма.

В среднем внутренние асимметрии странам АСЕАН удалось согласовать около 94% обязательств по ликвидации тарифных ограничений, а для ASEAN-6 были отменены пошлины на 99% товарных позиций [17]. Такой результат стал возможным благодаря влиянию транснациональных производственных сетей, в первую очередь в электронике, машиностроении и автомобильной промышленности. Регионам, связывающим Малайзию, Таиланд и Вьетнаму, необходимо было стандартизировать технические нормы, обеспечить прозрачность таможенных процедур и снизить транзакционные издержки, что подтверждается современными исследованиями глобальных цепочек поста-

вок в Юго-Восточной Азии [18]. Вследствие этого формирование АЕС происходило «снизу вверх»: именно транснациональные корпорации оказывали давление на правительства, стимулируя согласование регуляторных механизмов и развитие более предсказуемой правовой среды [17].

Экологическая сфера — область, где общие интересы являются стимулом для углубления сотрудничества. Регулярные лесные и торфяные пожары в Индонезии, вызывающие трансграничное загрязнение воздуха и наносящие значительный ущерб экономике Сингапура и Малайзии, продемонстрировали ограниченность традиционной модели невмешательства [19]. Подписание *Agreement on Transboundary Haze Pollution* — первого юридически обязательного соглашения в рамках АСЕАН — стало примером частичного перераспределения суверенитета ради предотвращения региональных рисков — государства сохраняли контроль над выполнением обязательств, что отражает третью стадию модели Моравчика [19]. Несмотря на отсутствие санкций, отмечают, что самого факта институционализации экологического режима достаточно, чтобы говорить о сдвиге в сторону «responsible interdependence» [19].

Внешние игроки работают интеграционными факторами, в том числе в финансовой сфере. Формат ASEAN+3 после Азиатского кризиса 1997–1998 гг. стал основой для создания Чиангмайской инициативы (CMIM) — многостороннего механизма валютного изменения и наращивания резервов, направленного на снижение зависимости стран региона от глобальных финансовых институтов [20]. В данном процессе АСЕАН выступала площадкой для согласования китайских и японских интересов, поскольку традиционно региональную финансовую архитектуру определяла в первую очередь конкуренция между Китаем и Японией [20]. CMIM демонстрирует полную интерговернменталистскую последовательность: преференции → переговоры → ограниченное делегирование, направленное на укрепление суверенитета.

Интеграция в АСЕАН остается неполной, что объясняется разрывом между переговорами и делегированием: компромиссы редко превращаются в наднациональные институты [15].

Южно-Китайское море является испытанием для консенсусной модели. На министерской встрече 2012 г. Камбоджа заблокировала принятие совместного коммюнике, хотя Вьетнам и Филиппины советовали АСЕАН принять жесткую позицию в отношении ситуации, для какой это не было бы выгодным, поскольку Камбоджа в данном случае могла систематически оказывать поддержку Китаю [21]. Это показывает провал второй стадии: национальные преференции расходятся, переговоры не приводят к институционализированному решению. [21].

Последствия военного переворота в Мьянме (2021) усугубили институциональные трещины в АСЕАН. Реализация «пятистороннего консенсус»

оказалась декларативной, государства-члены разошлись в оценках ситуации, что свидетельствовало о слабой «нормативной силе» Ассоциации [22]. Переговоры носили символический характер, делегирование отсутствовало, что подвергло сомнению эффективность «тихой дипломатии» — механизма, который раньше рассматривался как гарантия региональной стабильности [22].

Ассоциация не является однородным организмом с точки зрения экономической интеграции: развитые экономики (Сингапур, Малайзия) более склонны к углублению либерализации, а менее развитые члены (Лаос, Мьянма) продолжают проводить протекционистские политики. Подписание RCEP может усилить этот разрыв и привести к возникновению фактической дифференцированной (асимметричной) интеграции [2]. В некоторых секторах уже начинают формироваться знаковое «ядро» и «периферия» сотрудничества, что в совокупности подтверждает интерговернменталистскую природу интеграции АСЕАН: различия преференций и переговорной силы формируют фрагментированную архитектуру.

Заключение

Гипотеза о том, что политика невмешательства и консенсуса одновременно и укрепляет стабильность, и ограничивает глубину интеграции, подтверждается конкретными кейсами стран-участников с разным уровнем вовлеченности и различиями в национальных приоритетах. В таких сферах, как экономическое сотрудничество и борьба с экологическими угрозами, АСЕАН достигла заметных успехов. Вместе с тем отсутствие обязательных общих механизмов реагирования в сфере безопасности иллюстрируют ограничения модели интеграции.

Актуальность исследования определяется тем, что АСЕАН представляет собой уникальный пример «мягкого» регионализма, основанного не на наднациональных структурах, а на гибких механизмах сотрудничества. Отвечая на поставленный вопрос, можно отметить, что соблюдение принципа суверенитета укрепляет устойчивость организации, но делает её развитие неравномерным и фрагментированным. Таким образом, парадокс АСЕАН заключается не в неудаче интеграции, а в её адаптивной форме, где консенсус служит не заменой, а альтернативой жесткой наднациональности. Устойчивость АСЕАН основана на добровольности, гибкости и признании суверенитета как базовой ценности.

Список источников и литературы

1. *Oona A.* Hathaway International Delegation and State Sovereignty // The Law and Politics of International Delegation (Winter, 2008). — 2008. — № 71, No. 1. — С. 115–149.

2. Модели демократии. Третье издание/Дэвид Хелд; перевод с англ. М. Рудакова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.-544 с.
3. *Ernst B.* Haas The Obsolescence of Regional Integration Theory. — 1st ed. — Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1975. — 123 c.
4. *Milward Alan S* The European rescue of the nation-state. — 2nd ed. — London, New York: Routledge, 2000. — 466 c.
5. *Andrew Moravcsik* The Choice for Europe. — 1st ed. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1998. — 514 c.
6. 2007 Charter of the Association of Southeast Asian Nations. — ASEAN Secretariat, 2007. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/21069.pdf (дата обращения: 23.09.2025).
7. ASEAN Services Integration Report. A Joint Report by the ASEAN Secretariat and the World Bank. — The ASEAN Secretariat and The World Bank, 2015. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/759841468178459585/pdf/100637-Revised-WP-PUBLIC-Box393257B-ASEAN-Report-web.pdf (дата обращения: 23.09.2025).
8. Services and Investment Liberalisation in ASEAN. — Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, 2024. URL: https://www.eria.org/uploads/Services-and-Investment-Liberalisation-in-ASEAN.pdf (дата обращения: 23.09.2025).
9. Heilmann, D. After Indonesia's Ratification: The ASEAN Agreement on Transboundary Haze Pollution and its Effectiveness as a Regional Environmental Governance Tool // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2015. V. 34. № 3. p. 114-117.
10. Вьетнам выступает за экономическую интеграцию АСЕАН на АЕМ 56 в Лаосе. — VietnamPlus, 2024. URL: https://ru.vietnamplus.vn/v-etnam-vistupaet-za-ekonomicheskuju-integratsiju-asean-na-aem-56-v-laose-post72393.vnp (дата обращения: 23.09.2025).
11. Сделать экономическое сотрудничество Вьетнама и Лаоса опорой стратегического сотрудничества. — Vietnam.vn, 2025. URL: https://www.vietnam.vn/ru/dua-hop-tac-kinh-te-viet-nam-lao-tro-thanh-tru-cot-gan-ket-chien-luoc (дата обращения: 23.09.2025).
12. *Рогожина Н. Г.* Новый этап во взаимоотношениях Филиппин и США. — ИМЭМО РАН, 2023. URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/a-new-stage-in-relations-between-the-philippines-and-the-united-states (дата обращения: 23.09.2025).
13. *Абке Т.* Члены АСЕАН противостоят запугиванию со стороны Китая в Южно-Китайском море. — Indo-Pacific Defence FORUM, 2023. URL: https://ipdefenseforum.com/ru/2023/04/члены-асеан-противостоят-запугивани/ (дата обращения: 23.09.2025).
14. *Тангсотх, Леанг.* Роль Камбоджи в формировании международной политики АСЕАН и фактор Китая // Российско-китайские исследования. 2024. Т. 8. № 2. С. 142–144.
15. *Acharya A.* Constructing a Security Community in Southeast Asia. — London: Routledge, 2014. 370 p.
16. ASEAN. ASEAN Economic Community Blueprint 2015. — Jakarta: ASEAN Secretariat, 2015. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/1.-AEC-2015-Progress-and-Key-Achievements_04.11.2015.pdf (дата обращения: 23.09.2025).

17. ASEAN Secretariat. ASEAN Integration Report 2019. — Jakarta: ASEAN Secretariat, 2019. URL: https://asean.org/book/asean-integration-report-2019/ (дата обращения: 23.09.2025).
18. *Baldwin R.* The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization.— Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016. 344 p.
19. *Zhang J. J., Savage V. R.* Southeast Asia's transboundary haze pollution: Unravelling the inconvenient truth // Asia Pacific Viewpoint. 2019. V. 60. № 3. p. 355–369.
20. *Ravenhill J.* Responding to Security Challenges in East Asia: Three Perspectives. CIGI Papers. No. 99. Waterloo, ON: Centre for International Governance Innovation, April 2016. 20 p.
21. *Emmers R.* ASEAN's Search for Neutrality in the South China Sea // Asian Journal of Peacebuilding. 2014. V. 2. № 1. p. 61–77.
22. *Haacke J.* The Myanmar Crisis and ASEAN's Widening Political Divide // Contemporary Southeast Asia. 2022. Vol. 44. № 2. p. 157–181.

Куцин Андрей Андреевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Факультет мировой политики,
Магистратура

МАКРОН И ЕВРОПЕЙСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ЭВОЛЮЦИЯ РИТОРИКИ И СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ (2017–2025)

MACRON AND EUROPEAN SOVEREIGNTY: EVOLUTION OF RHETORIC AND STRATEGIC VISION (2017-2025)

Аннотация. Статья представляет комплексный дискурс-анализ риторики Эммануэля Макрона о европейском суверенитете в период 2017–2025 годов. На основе анализа официальных речей и интервью автор выявляет пять этапов риторической эволюции, отражающих трансформацию от первоначального интеграционного оптимизма к прагматичному реализму. Исследование использует историко-хронологический, критический дискурс-анализ (КДА) и сравнительный методы. Методологическая новизна заключается в применении многоуровневого КДА к анализу эволюции политической концепции, позволяющем выявить диалектику между текстом, дискурсивной практикой и социальными структурами в контексте трансформирующейся геополитической реальности. Ключевые результаты демонстрируют радикальную трансформацию понимания Макроном суверенитета: от философско-интеграционной парадигмы 2017 г. к концепции стратегической автономии 2019–2020 гг., затем к структурной реформации 2022–2023 гг. и, наконец, к милитаризованному реализму 2024–2025 гг.. Исследование подчеркивает диалектическое взаимодействие между идеями и геополитическими событиями, демонстрируя, как политический дискурс одновременно отражает и формирует государственную политику в условиях системной неопределенности.

Ключевые слова: европейский суверенитет, Эммануэль Макрон, политический дискурс, европейская интеграция, стратегическая автономия.

Abstract. The article presents a comprehensive discourse analysis of Emmanuel Macron's rhetoric on European sovereignty from 2017 to 2025. Based on an analysis of official speeches and interviews, the author identifies five stages of rhetorical evolution, reflecting a transformation from initial integration optimism to pragmatic realism. The study utilizes historical-chronological, critical discourse analysis (CDA), and comparative methods. Its methodological novelty lies in its application of multi-level CDA to the analysis of the evolution of political concepts, revealing the dialectic between text, discursive practice, and social structures in the context of a transforming geopolitical reality.The key findings demonstrate a radical transformation in Macron's understanding of sovereignty: from a philosophical-integrative

paradigm in 2017 to the concept of strategic autonomy in 2019–2020, then to structural reformation in 2022–2023, and finally to militarized realism in 2024–2025. The research emphasizes the dialectical interaction between ideas and geopolitical events, demonstrating how political discourse simultaneously reflects and shapes state policy under conditions of systemic uncertainty.

Keywords: European sovereignty, Emmanuel Macron, political discourse, European integration, strategic autonomy.

Введение

Период президентства Эммануэля Макрона представляет собой одну из наиболее значительных попыток переопределения роли Франции в европейской архитектуре с момента эпохи Шарля де Голля. Перед Макроном встала классическая дилемма французской политики: каким образом Франция может углублять европейскую интеграцию и одновременно сохранять свой стратегический суверенитет? Эта дилемма, восходящая к противоречиям еще времен послевоенного европейского проекта, приобрела новую остроту в условиях кризиса американского лидерства, растущего влияния Китая и геополитической нестабильности в Европе.

Макрон попытался разрешить эту дилемму через концепцию «европейского суверенитета», которая предполагает, что укрепление ЕС как единого геополитического актора служит не ослаблению, а усилению французского влияния на международной арене. Данная концепция не является оригинальной в контексте французской политической мысли — она восходит к де Голлю и его видению независимой Европы. Однако Макрон попытался придать ей новое содержание в условиях трансформирующейся мировой системы, где традиционные каналы влияния размывались, а новые полюсы приобретали все большую значимость.

За восемь лет своего президенства Макрон последовательно артикулировал видение европейского суверенитета, которое эволюционировало под влиянием изменяющейся геополитической реальности. От изначального оптимизма относительно европейской интеграции в 2017 году до жесткого политического реализма в 2025 году риторика французского президента отражает фундаментальный переход в понимании места Европы в мировом порядке. Эта трансформация не сводима ни к личностным качествам политика, ни к внешним обстоятельствам как таковым, но является результатом их взаимодействия: как идеи трансформируют политику и как геополитические реалии трансформируют идеи.

Актуальность данного исследования подчеркивается ролью Франции и ее президента в формировании европейской стратегической повестки. Таким образом, понимание логики риторической эволюции Макрона важно

для интерпретации нынешней политики Франции и её видения роли ЕС в новом многополярном мире.

Целью данного исследования является выявление качественных изменений в подходе французского президента к понятиям суверенитет, безопасность и роль Европы в международной системе. Для достижения данной цели представляется необходимым:

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Провести периодизацию изменения риторики Макрона в обозначенный период;
2. Определить характер риторики президента для каждого обозначенного этапа
3. Выявить центральные концепции в выбранных речах;
4. Проанализировать соотношение между риторическими амбициями и практической политикой.

Методологическую базу исследования составили следующие методы: историко-хронологический метод, позволивший систематизировать речи в хронологическом порядке с выявлением временных интервалов между ними и контекстуального фона; компаративный анализ, применявшийся для сравнения речей по различным параметрам, позволяющим показать различия и сходства.

Исследование опирается на критический дискурс-анализ (КДА) в версии Нормана Фэрклау, который рассматривает дискурс как социальную практику, формирующую и воспроизводящую власть, идеологию и социальные отношения. В отличие от других подходов к дискурс-анализу, КДА Фэрклау позволяет выявить трёхуровневую связь между: текстуальным уровнем; уровнем дискурсивной практики; уровнем социальных структур и идеологии. Выбор оправдан тем, что эволюция дискурса Макрона отражает не просто изменение риторических приёмов, но переформатирование фундаментальных идеологических оснований европейской политики в условиях трансформирующегося геополитического порядка.

Анализ проводился по следующей схеме:

На текстуальном уровне: лексический анализ — выявление ключевых лексических единиц (ключевые слова, их частотность, синонимия) с использованием методики подсчёта и группировки терминов; метафорический анализ — выявление доминирующих метафорических моделей (медицинские метафоры в периоде 2019–2020 гг.; военные/оборонные метафоры в 2022–2025 гг.), их коннотации и идеологическая нагрузка.

На уровне дискурсивной практики: жанровый анализ — выявление жанровых характеристик речей (европейская инициатива, кризисное обра-

щение, программная речь); интертекстуальный анализ — выявление связей между речами Макрона разных периодов, исторических аллюзий (апелляции к де Голлю, древней Греции).

На уровне социальных структур и идеологии: политико-идеологический анализ — выявление того, какие социальные силы, интересы и видение геополитического порядка представляет дискурс Макрона; анализ гегемониальной борьбы — выявление того, как Макрон конкурирует с другими нарративами (американским, китайским) в пространстве смыслов.

Применение метода к материалу: каждая из пяти речей анализировалась по этой схеме. Например, в речи в Афинах (2017) лексический анализ выявил преобладание философско-культурного словаря (ценности, демократия, культура, суверенитет как абстрактная категория), в то время как в речи 2024 года преобладает военно-практический словарь (оборона, угроза, смертность, материальная мощь). Метафорический анализ показал переход от архитектурных метафор («строим Европу») через медицинские («смерть мозга НАТО») к военным метафорам («внушать страх», «быть могущественным»).

Источниковая база представлена официальными речами президента Пятой республики и стенограммами его интервью, опубликованными на официальных веб-сайтах администрации и ведущих международных информационных изданиях.

Теоретическая рамка исследования опирается на конструктивистский подход к международным отношениям, который утверждает, что идентичность государств и их интересы социально конструируются через взаимодействие и дискурс, а не являются заданными объективной действительностью [1]. Исследование опирается на многомерную концепцию суверенитета, разработанную Стивеном Краснером, которая позволяет деконструировать различные уровни и измерения суверенитета в дискурсе Макрона [2,3,4].

Концептуальная новизна проявляется в том, что систематический анализ восьми лет риторики Макрона позволяет выявить ранее не описанный паттерн эволюции от конструктивистского оптимизма к неореалистическому пессимизму, что имеет значение для понимания текущего направления французской и европейской политики.

Эволюция риторики Макрона о европейском суверенитете

На основе проведенного анализа публичных выступлений Эммануэля Макрона можно выделить пять фаз эволюции его риторики относительно ЕС и его роли в мире. Каждая фаза характеризуется доминирующими концептуальными рамками, эмоциональной тональностью и практическими выводами.

Первый период (2017–2018) характеризуется особой инициативностью французского лидера и его верой в возможность глубокого переосмысления европейского проекта через возврат к его истокам. Первые знаковые речи были произнесены в Афинах и в Сорбонне в сентябре 2017 года. Они установили основную рамку для его европейской политики для данного периода [5,6].

Выбор места для речи в Афинах (холм Пникс) был не случаен — начиная с 507 года до н.э. здесь проводились народные собрания афинских граждан. Макрон тем самым стремился придать легитимность своему видению европейского суверенитета, апеллируя к древней традиции демократического самоопределения. На текстуальном уровне речь в Афинах демонстрирует преобладание философско-культурного словаря: слова «ценности», «демократия», «культура», «наследие» используются 47 раз, в то время как слова, связанные с военной мощью или экономической конкуренцией, практически отсутствуют.

Доминирующей метафорической моделью является архитектурная метафора: Макрон говорит о необходимости «строить» Европу, возводить её на прочных «основаниях». Грамматический анализ показывает преобладание условных конструкций и конъюнктива, выражающих пожелание, амбицию, возможность, а не констатацию необходимости. Структурно речь построена вокруг трёх «надежд» (надежда на суверенитет, надежда на демократию, надежда на культуру), что создаёт эффект воодушевления и позитивного будущего.

В афинской речи концепция суверенитета позиционировалась как способность защищать ценности и интересы через интеграцию. Макрон не предлагал конкретные механизмы, а скорее очерчивал желаемый стратегический результат. Суверенитет в этом понимании не означает изоляционизм, а напротив — способность европейских народов на равных участвовать в формировании своего будущего через совместные институты. Структурно речь была построена вокруг трех опор, составляющих «три надежды»: суверенитет, демократия, доверие и культура.

В конце сентября того же года Макрон выступил в Сорбонне перед правительством и парламентариями также на тему европейской политики. Само слово «Europe» используется 29 раз, став абсолютно доминирующей лексической единицей. На дискурсивно-практическом уровне эта речь переходит от абстрактных принципов к конкретным предложениям. В своей речи он перешел от абстрактных принципов к конкретным предложениям. Президентом были выделены шесть опор суверенитета, на которые ЕС должен опираться: безопасность, миграция, экология, цифровая экономика, экономическая власть, расширение влияния. Они выступают не просто метафорой, но структурой будущего проекта.

Две речи сентября 2017 года составляли единую риторическую стратегию. Афинская речь создавала философское и идеологическое основание, переосмысляя суверенитет как европейское, а не национальное понятие, апеллируя к истории и культуре и убеждая аудиторию в необходимости радикального переосмысления. Парижская речь переводила философию в практику, предлагая конкретные механизмы реализации видения и говоря о власти, технологиях и дорожных картах.

Доминирующая идея обеих речей заключалась в том, что Европа находится в экзистенциальном кризисе, который может быть преодолен только через радикальное переосмысление суверенитета как европейского, а не национального явления, через возвращение к культурным и демократическим истокам, и через конкретные институциональные реформы. В соответствие с теорией Краснера, в обозначенный период Макрон фокусируется на переформатировании именно вестфальского суверенитета на наднациональном уровне. Его идея состоит в том, Европа как единое целое должна иметь право на невмешательство (вестфальский принцип) и автономное принятие решений (предпосылка для внутреннего суверенитета).

Анализ конкретных фрагментов показывает стилистические особенности. Макрон использует инклюзивное множественное число: «Мы должны, мы можем, мы построим», что создаёт эффект солидарности и общей ответственности. Преобладают восклицательные предложения, выражающие эмоциональный подъём. Модальность выражена через глаголы желания и возможности: «может быть», «должна», «необходимо». Риторическая стратегия включает апеллирование к этосу (авторитет истории и культуры), логосу (рациональное обоснование необходимости интеграции) и пафосу (эмоциональное воодушевление).

Во время второй фазы (2019–2020) отмечается критический поворот в позиции Макрона относительно европейской интеграции и места Европы в системе трансатлантических отношений. В ноябре 2019 года в интервью британскому изданию «The Economist» Макрон заявил, что НАТО переживает «смерть мозга». «Между Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО нет никакой координации в принятии стратегических решений. Никакой», — заявил президент Франции [7].

На лексическом уровне происходит резкое изменение словаря: вместо философско-культурных терминов появляются медицинские метафоры. Слова «мозг», «мёртвый», «жизнеспособность», «организм» становятся ключевыми. На грамматическом уровне изменяется модальность: условные конструкции уступают место индикативу, утверждающему объективный факт: НАТО умирает, координация отсутствует, США не действуют.

Метафора «смерти мозга» несёт двойную идеологическую нагрузку. Во-первых, она предполагает необратимость процесса: труп нельзя оживить,

можно только похоронить или найти новую форму организации. Во-вторых, она отделяет физическое тело (НАТО как бюрократическое учреждение) от его «разума», что подразумевает, что организация потеряла интеллектуальное руководство и способность к целеполаганию.

Интервью содержало несколько революционных моментов в попытке переформатировать европейскую повестку. Макрон подчеркивал отсутствие координации между США и европейскими союзниками, трансформацию НАТО из политического союза в коммерческий проект и необходимость переговоров с Россией как условие европейского суверенитета. Таким образом, происходил поворот в риторике в сторону стратегической автономии. Макрон сигнализировал, что Европа не может полагаться на американские гарантии безопасности и должна взять ответственность за свою защиту на себя. В данный период Макрон приходит к критике суверенитета взаимозависимости. Он указывает, что США используют свой контроль над трансграничными потоками (стратегические технологии, торговля, валюта) для давления на Европу. Он также признает, интересы расходятся, а вестфальский суверенитет нарушается США через НАТО. Парадокс «организованного лицемерия» по Краснеру становится очевидным.

Интервью организовано как серия кратких, резких утверждений. Вместо развёрнутых аргументов Макрон предоставляет провокативные тезисы, которые вынуждают интервьюера и, через него, аудиторию реагировать. Это стратегия демонстрации власти через возможность навязывать повестку дня. Повторение ключевых слов («координация», «смерть», «мозг», «НАТО») создаёт ритмическое воздействие.

В период с 2022 по 2023 гг. критическим поворотным моментом в эволюции концепции суверенитета в дискурсе Макрона стали выступление в ответ на начало Специальной военной операции 2 марта и речь на закрытии Конференции о будущем Европы 9 мая.

Если в предыдущие годы суверенитет оставался в основном философской категорией, то в 2022 году он трансформировался в практическую необходимость. На лексическом уровне происходит значительное изменение. Слово «независимость» появляется чаще, чем «суверенитет» (6 упоминаний против 5 соответственно). Данный факт отражает практическую переориентацию. «Независимость» звучит конкретнее и материальнее, чем философский «суверенитет». Грамматически модальность смещается от желаемого к необходимому: вместо «мы должны построить» появляется «мы вынуждены», «мы обязаны» [8].

Макрон вводит трёхмерную структуру, состоящую из: суверенитета экономического, энергетического и военного. На социально-идеологическом уровне это означает переход от философского к материалистическому опре-

делению суверенитета. Суверенитет теперь определяется не через культурные ценности или демократические принципы, а через контроль над ресурсами.

На конференции о будущем Европы в мае 2022 года Макрон переходит от кризисного режима к конструктивному. Структура будущей Европы проста — «суверенитет и эффективность» [9]. Введение «эффективности» как паритетной с суверенитетом категории — это новое развитие. Если суверенитет означает выбор партнеров и контроль судьбы, то эффективность означает способность действовать, принимать решения, реформировать институты.

Президент также выдвинул предложение о новом европейском политическом сообществе, которое, выходя за пределы ЕС, предоставило бы европейским демократическим нациям новое пространство сотрудничества. Здесь суверенитет определялся через агентность (способность контролировать судьбу) и автономию выбора (выбирать своих партнеров без зависимости от них. Эта комбинация соединяла философию 2017 года (амбиция, видение) с прагматизмом 2022 года (практическая независимость).

Таким образом, на данном этапе Макрон предлагает развивать все четыре типа суверенитета по Краснеру: невмешательство США в европейские дела (вестфальский), эффективные наднациональные механизмы принятия решений в ЕС (внутренний), расширение европейского политического сообщества (международно-правовой), контроль над обороной, торговлей, технологиями (суверенитет взаимозависимости).

Речи периода 2022–2023 гг. структурированы как движение от кризиса к решению. Синтаксис становится более сложным, используются подчинённые предложения, выражающие причинно-следственные связи. Макрон объясняет, почему определённые действия необходимы, создавая логическую цепочку убеждения. Модальность сочетает элементы угрозы (если Европа не действует, она погибнет) с элементами надежды (если Европа объединится, она сможет преодолеть кризис).

Четвертый период (2023–2024) характеризуется полным отречением от оптимизма 2017 года и переходом к риторике экзистенциального выживания. Речь в Сорбонне (25 апреля 2024) представляет апогей этой трансформации. «Мы должны ясно осознавать тот факт, что наша Европа сегодня смертна. Она может умереть. И это зависит исключительно от нашего выбора», — заявил Макрон [10].

На лексическом уровне доминируют слова, связанные со смертностью, угрозой, выживанием: «смертна», «может умереть», «приближаюсь к концу», «краха». Грамматический анализ показывает преобладание форм индикатива в совершённом и будущем времени, что создаёт ощущение неумолимого хода истории. Модальность выражает необходимость, отсутствие выбора: «мы должны», «необходимо», «неизбежно».

Метафорический анализ показывает радикальное изменение: вместо архитектурных метафор 2017 года или медицинских метафор 2019–2020 годов появляются военные и апокалиптические метафоры. Европа находилась на «переломе истории». Для преодоления этого кризиса президент предложил три опоры суверенитета:

1. Европа как сила — обязана защищать свои границы и развивать оборону с включением французского ядерного потенциала;
2. Европа процветания — необходимо переосмыслить модель роста и преодолеть экономическую зависимость;
3. Европа гуманизма — жизненно важно защищать демократические ценности против авторитарных нарративов.

На социально-идеологическом уровне происходит синтез: Макрон возвращается к проблематике 2017 года (гуманизм, ценности), но теперь эти ценности подчинены материальной необходимости защиты (военная мощь, экономическая независимость). Это отражает компромисс между конструктивистской верой в силу идей и реалистическим признанием материальности власти.

Данная речь была прямым продолжением выступления Макрона в Сорбонне в 2017 году. Если первая речь была манифестом надежды и долгосрочного планирования, то речь 2024 года носила характер экзистенциального предупреждения. Президент Франции подводил итоги семи лет, но главное внимание уделял будущему, рисуя его в тревожных тонах, требующих немедленной мобилизации.

На данном этапе Макрон признаёт, что суверенитет — это не только дискурс и декларации, но материальная реальность. Внутренний суверенитет поддерживается через эффективную оборону и контроль над территорией, суверенитет взаимозависимости — через технологическую и экономическую независимость, а вестфальский суверенитет — через способность защищать себя и отстаивать невмешательство.

Речь 2024 года построена на риторике страха. Макрон использует апокалиптические образы, предельные ситуации («смерть», «конец», «краха»), чтобы вынудить слушателей признать необходимость радикальных мер. Это стратегия, которую критический дискурс-анализ называет «фреймированием через угрозу». Она служит для легитимации непопулярных политик (увеличение оборонных расходов, сокращение социальных программ) путём переопределения самой ситуации как экстраординарной.

Пятая фаза (с 2025 г. по н.в.) характеризуется окончательным переходом к классической реалистической философии. Суверенитет обеспечивается исключительно силой и способностью создавать страх у противников. В своем обращении 14 июля произнес одну из самых жестких речей о евро-

пейской обороне и будущем Франции. «Чтобы быть свободным в этом мире, нужно внушать страх. Чтобы внушать страх, нужно быть могущественным», — произнес президент Франции [11].

На лексическом уровне происходит абсолютное доминирование слов, связанных с силой, мощью, угрозой, подчинением. Грамматически модальность становится повелительной, без альтернатив. Нет условий, нет возможностей — есть только необходимость.

Макрон анонсировал увеличение оборонных расходов Франции на 6,5 млрд. евро в течение двух лет, с целью достичь 64 млрд. евро в год к 2027 г. — удвоение бюджета 2017 г. Это решение отражало признание того, что суверенитет в современную эпоху невозможно обеспечить исключительно через институциональные реформы или дипломатические инициативы, а требует материальной военной мощи. Внутренний суверенитет здесь сохраняется через материальное обеспечение оборонной мощи и контроля над вооружениями, а способность отстаивать право на невмешательство через устрашение других акторов апеллирует к вестфальскому суверенитету.

Речь 2025 года содержит внутренние противоречия, которые выявляет критический дискурс-анализ. Макрон говорит о свободе, но единственный способ её достижения — это внушать страх. Макрон говорит о повышении благосостояния, но одновременно требует жертв. Эти противоречия отражают объективные противоречия между идеалом европейского суверенитета и материальными ограничениями его реализации.

Президент Пятой республики выступал в контексте «двойного дефицита»: дефицита безопасности (упоминались «гибридные угрозы» и «ускорение истории») и дефицита бюджета. Речь была построена как обоснование непопулярных мер: увеличение оборонных расходов за счет сокращения других статей бюджета, а не за счет долга. Центральная идея речи заключалась в том, что свобода достигается через жертву и силу. Макрон призывал всю нацию жить в режиме военной необходимости. Однако эта амбиция встречает жесткие ограничения: Франция имеет огромный государственный долг (113% ВВП в 2024 г.) и дефицит бюджета (5,5% в 2024 г.) [12,13]. Попытка одновременно сокращать государственный долг и увеличивать оборонные расходы создавала напряжение в политике и вызывала критику левых партий, усматривающих ущемление социальных программ.

Выводы

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых, риторика Макрона претерпела радикальную трансформацию, которая может быть описана как движение от конструктивистского оптимизма к неореалистическому пессимизму. В 2017 г. Макрон верил в возможность

построить суверенную Европу через углубление интеграции и демократического участия. В 2025 г. суверенитет определялся способностью накапливать и применять материальную военную мощь. Эта трансформация отражает глубокий разрыв между первоначальными надеждами на мирную интеграцию и жесткой реальностью геополитических конфликтов. На методологическом уровне это демонстрирует, что политический дискурс не является произвольным выбором, а отражает объективные детерминанты международной системы, хотя и опосредованно, через интерпретацию и переопределение.

Во-вторых, происходит деградация трансатлантических отношений в риторике Макрона. От критики конкретных политик администрации Трампа в его первый срок он перешел к системной критике американского приоритета и, наконец, к признанию глобальной «неопределенности» американской политики. НАТО из институциональной основы европейской безопасности все более воспринимается как ненадежный инструмент, требующий дополнения европейскими инициативами.

В-третьих, существует глубокое противоречие между риторическими амбициями Макрона и практическими возможностями Франции. Несмотря на амбициозные речи о европейской мощи, сам Макрон сталкивается с жесткими финансовыми ограничениями. Это подчеркивает ограниченность французского влияния в реализации столь амбициозной европейской повестки.

В-четвёртых, риторика Макрона демонстрирует диалектическое взаимодействие между идеей и действительностью. Его видение европейского суверенитета не просто отражает геополитические реалии, но активно формирует их, задавая повестку дня для европейского политического дискурса. Однако меняющаяся геополитическая реальность постоянно заставляет его переформатировать концептуальный аппарат своего видения будущего Европы. Это показывает, что в политической сфере, как и в других сферах социальной реальности, существует двусторонняя каузальность: дискурс влияет на реальность, а реальность влияет на дискурс.

В-пятых, на методологическом уровне данное исследование демонстрирует эффективность критического дискурс-анализа Н. Фэрклау для выявления глубинных трансформаций в политическом мышлении. Путём систематического анализа на трёх уровнях (текстуальном, дискурсивно-практическом и социально-структурном) КДА позволяет выявить не только изменения в выборе слов или метафор, но фундаментальные сдвиги в идеологической позиции и концептуальной рамке.

Список источников и литературы

1. *Wendt A.* Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. № 2. p. 391–425

2. *Krasner S. D.* Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999.
3. *Krasner S. D.* Three Scenes on Sovereignty and Power // SSRN. 06.09.2010. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1643928 (дата обращения: 10.12.2025).
4. *Castro F. L.* Is sovereignty 'organised hypocrisy'? // E-IR. 23.08.2011. URL: https://www.e-ir.info/2011/08/23/is-sovereignty-organised-hypocrisy/ (дата обращения: 10.12.2025).
5. *Macron E.* Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, à la Pnyx, Athènes le jeudi 7 septembre 2017 // Élysée. 11.09.2017. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/11/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-a-la-pnyx-athenes-le-jeudi-7-septembre-201 (дата обращения: 10.12.2025).
6. *Macron E.* President Macron gives speech on new initiative for Europe // Élysée. 26.09.2017. URL: https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2017/09/26/president-macron-gives-speech-on-new-initiative-for-europe (дата обращения: 10.12.2025).
7. Макрон заявил о «смерти мозга» НАТО // РИА Новости. 07.11.2019. URL: https://ria.ru/20191108/1560741791.html (дата обращения: 10.12.2025).
8. *Macron E.* Address to the Nation // Élysée. 02.03.2022. URL: https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2022/03/02/address-to-the-nation (дата обращения: 10.12.2025).
9. *Macron E.* Closure of the Conference on the Future of Europe // Élysée. 09.05.2022. URL: https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2022/05/09/closure-of-the-conference-on-the-future-of-europe (дата обращения: 10.12.2025).
10. *Macron E.* Europe speech // Élysée. 24.04.2024. URL: https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2024/04/24/europe-speech (дата обращения: 10.12.2025).
11. *Macron E.* Watch live: French President Macron addresses army, announces new defence targets // France 24. 13.07.2025. URL: https://www.france24.com/en/france/20250713-watch-live-french-president-macron-army-new-defence-targets-russia-nato-military (дата обращения: 10.12.2025).
12. French debt reaches new peak of €3.3 trillion // Le Monde. 19.12.2024. URL: https://www.lemonde.fr/en/politics/article/2024/12/20/french-debt-reaches-a-new-peak-of-3-3-trillion_6736323_5.html (дата обращения: 10.12.2025).
13. France's deficit stood at 5.5% of GDP in 2023, well above forecasts // Le Monde. 25.03.2024. URL: https://www.lemonde.fr/en/economy/article/2024/03/26/france-s-deficit-stood-at-5-5-of-gdp-in-2023-well-above-forecasts_6655078_1 (дата обращения: 10.12.2025).

Медведева Екатерина Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ВЛИЯНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ ССАГПЗ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ СТРАН-УЧАСТНИКОВ

THE IMPACT OF THE ENERGY POLICY OF THE GCC STATES ON THE ECONOMIC SOVEREIGNTY OF THE PARTICIPATING COUNTRIES

Аннотация. В статье рассматривается влияние решений в сфере энергетической политики, принимаемых Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, на экономический суверенитет входящих в организацию стран. Анализируются причины незавершенности планов экономической интеграции ССАГПЗ и даются оценки дальнейшим перспективам ее развития. Раскрывается значение энергетического сектора в этой интеграции и в экономике и политике Совета в целом, дается оценка уровню самостоятельности членов организации в вопросах реализации своей энергетической политики. Статья делает акцент на сочетании в энергетической политике стран-членов ССАГПЗ сотрудничества и отстаивания своей экономической независимости.

Ключевые слова: ССАГПЗ; экономический суверенитет; энергетика; мировой рынок нефти; интеграция

Abstract. The article examines the impact of energy policy decisions made by the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf on the economic sovereignty of the member countries of the organization. The reasons for the incompleteness of the GCC economic integration plans are analyzed and the future prospects for its development are assessed. The importance of the energy sector in this integration and in the economy and politics of the Council as a whole is revealed, and the level of independence of the organization's members in implementing their energy policy is assessed. The article focuses on the combination of cooperation and upholding their economic independence in the energy policy of the GCC member countries.

Keywords: GCC; economic sovereignty; energy; global oil market; integration

Введение

На страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), к которым относится Саудовская Аравия, Объединенные

Арабские Эмираты, Катар, Кувейт, Оман и Бахрейн, приходится около трети всех мировых нефтяных запасов и около пятой части запасов природного газа [1]. Для этих нефтедобывающих государств политика в сфере энергетики исторически играет первостепенное значение, и, как мировые лидеры в этой области, они обладают возможностью влиять на решения на мировом рынке нефти и газа. В связи с этим между странами ССАГПЗ и другими государствами на мировой арене, а также между государствами внутри Организации возникают определенные отношения, способные оказывать влияние на суверенитет аравийских монархий Персидского залива, в том числе и в области экономики.

В ходе данного исследования целью было определить степень влияния энергетической политики государств ССАГПЗ на экономический суверенитет стран-участников. Актуальность данного исследования обусловлена изменением позиций стран мира в глобальной экономике в связи с формированием нового мирового порядка и, как следствие, необходимостью поиска новых решений на основе анализа текущего положения в международных отношениях. Государства Совета имеют схожие проблемы и черты политического строя и экономической системы. Еще много лет назад страны ССАГПЗ официально выразили намерение дальнейшего углубления интеграции, и к настоящему моменту можно говорить о достижении ими определенных результатов в этой сфере. Научная новизна данной работы заключается в рассмотрении энергетического аспекта интеграции, а также его влияния на суверенитет стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Говоря о теоретической базе исследования, стоит отметить использование межправительственного подхода. При написании работы автор опирался на идеи С. Хоффмана и Э. Моравчика. Согласно теории межправительственного подхода, суверенные государства объединяются на основе договоров для достижения общих целей, сохраняя при этом свою независимость. Государства являются основными акторами и они способны инициировать интеграцию и контролировать ее [2]. При этом они сохраняют свой суверенитет, а наднациональные структуры организаций не обладают существенной политической самостоятельностью [3]. В работе применяются также некоторые идеи теоретической концепции фрагмеграции Дж.Розенау для описания сложного процесса, происходящего в региональных отношениях аравийских монархий Персидского залива и сочетающего в себе интеграцию и фрагментацию [4]. Методологическую базу исследования составляет хронологический метод, который позволяет отследить динамику процесса экономической интеграции внутри ССАГПЗ, выявить и объяснить закономерности и проблемы энергетической политики стран-участниц Совета.

Создание ССАГПЗ и начало экономической интеграции

ССАГПЗ изначально создавался в 1981 году фактически как политическое объединение, так как для стран ССАГПЗ интеграция была необходима для укрепления внешней безопасности. При этом официальная цель создания была сформулирована как сотрудничество и координация совместных действий в экономической и социальной сферах, а в дальнейшем постепенное объединение на этих основах [5].

Планы углубления экономической интеграции стран ССАГПЗ возникли еще несколько десятков лет назад. Планировалось сформировать экономическую систему, можно сказать, по модели ЕС. В 1981 году Верховный Совет ССАГПЗ принял Общее экономическое соглашение, определяющее дальнейшие общие действий, этапы экономической интеграции и пути сотрудничества между государствами ССАГПЗ. Для достижения интеграции планировалось сначала создать зону свободной торговли, затем таможенный союз, общий рынок и, наконец, сформировать валютно-экономический союз [6].

При этом на пути интеграции страны ССАГПЗ столкнулись с некоторыми проблемами, которые до сих пор остаются актуальными, например, слабость институтов ССАГПЗ и отсутствие сильного наднационального органа по вопросам экономики, необходимость бóльшего развития инфраструктуры между странами-членами, проблемы безопасности в регионе, разногласия между странами, связанные, в первую очередь с территориальными претензиями и несогласием по разделу нефтяных месторождений, конкуренция за влияние в регионе, неспособность договориться об условиях реализации поставленных целей, нежелание руководства стран идти на компромисс в отношении друг друга, а также внутрирегиональные конфликты [7].

Говоря об энергетической политике государств, стоит отметить, что еще с 1960-х годов три страны ССАГПЗ входят в организацию ОПЕК — Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, до 2019 года входил также Катар. Как члены организации они участвуют в координации политики по вопросам добычи и продажи нефти, согласовывают свои решения, устанавливают общие для всех членов ограничения, но все страны ССАГПЗ все равно сохраняют существенную самостоятельность в своей энергетической политике, во многом из страха утратить контроль и суверенитет [8]. Несмотря на координацию энергетический политики, совместные проекты и взаимные инвестиции, решения стран ССАГПЗ в этой сфере не всегда согласованы, а иногда и вовсе противоречат друг другу.

Углубление экономической интеграции и новые проблемы

К началу XXI века из запланированных этапов интеграции, реализован был только проект создания зоны свободной торговли. Тогда в 2001 году

было принято Экономическое соглашение, которое продолжало идеи соглашения 1981 года и включало в себя более конкретные методы и механизмы достижения экономической интеграции. Связано это было с тем, что в начале этого столетия арабские государства столкнулись с рядом внешних проблем, в преодолении которых интеграция могла бы помочь или, как минимум, смягчить их последствия. К таким угрозам относилось усиление исламского экстремизма, события арабской весны, несогласие Ирана с США и Израилем по ядерным вопросам и глобальный экономических кризис.

К концу первого десятилетия 21 века было завершено формирование таможенного союза, которое долгое время затягивалось, так как Саудовская Аравия, Катар и Бахрейн противились ограничениям, которые он предполагал [9]. Далее планировалось создание общего рынка, одним из шагов на пути его формирования стал ряд совместных энергетических проектов, таких как строительство энергетических сетей в регионе. К 2012 была сформирована Объединенная энергосистема и полностью налажена ее работа [10].

С годами процесс интеграции не стал для стран ССАГПЗ менее болезненным, сохранялись старые проблемы на пути более тесного взаимодействия и возникали новые. Так, в 2017 году большинство из стран ССАГПЗ прекратили всяческое экономическое сотрудничество с Катаром, некоторые даже запретили нахождение гражданам Катара на своей территории, так как посчитали, что государство нарушает заключенные ранее соглашения и поддерживает террористические исламские движения в регионе. В 2021 году сотрудничество возобновилось, но этот период разобщенности государств ССАГПЗ замедлил развитие экономики региона и дальнейшей интеграции.

Интеграция ССАГПЗ в наши дни и дальнейшие перспективы ее развития

На данный момент официальные попытки интеграции ССАГПЗ в области экономики не были реализованы в полную силу. Валютный союз и общий рынок так и не были созданы. В последние годы страны ССАГПЗ стремятся увеличить свое присутствие в мировой экономике и торговле, путем укрепления отношений со старыми партнерами и формирования новых взаимодействий как на региональном, так и на внешнем уровне. Они развивают отношения с Россией, Китаем, странами ЕС, с международными организациями, такими как БРИКС и АСЕАН.

Одной из причин сложностей взаимодействия внутри ССАГПЗ является также разница в степени социально-экономического развития стран-членов. Самые богатые по ВВП на душу населения — Эмираты (42,5 тыс. долларов на душу населения), Кувейт (23,5 тыс. долларов) и Катар (62,2 тыс. долларов), достаточно развита экономика Саудовской Аравии (24,9 тыс. дол-

ларов), хоть и с определенными нерешенными на данный момент проблемами, Оман (30,2 тыс. долларов) и Бахрейн (25,92 тыс. долларов) отстают по уровню богатства населения, но являются активно развивающимися [11]. Стоит понимать, что богатые страны ССАГПЗ богаты в основном благодаря нефти, будь то значительные запасы или грамотная энергетическая политика. Такая дифференциация порождает разность интересов, что мешает формированию единой стратегии развития для всех стран ССАГПЗ и провоцирует столкновения по экономическим вопросам.

Окончательное формирование интеграции позволило бы аравийским монархиям Персидского залива объединить свои силы для более эффективного производства и более выгодного экспорта углеводородов. Действуя с использованием совместной стратегии, учитывая наличие схожих интересов, интегрированные государства ССАГПЗ могли бы усилить свое влияние на ОПЕК и ОПЕК+ [12].

Самостоятельность стран ССАГПЗ в вопросах энергетики

Энергетика — особенно важный сектор экономики для аравийских монархий Персидского залива, представляющий собой основной источник национальных доходов, позволяющий поддерживать стабильность внутри государств и усиливать их роль на международной арене. Парадоксально при этом то, что внутри ССАГПЗ отсутствует какой-либо орган, координирующий энергетическую политику стран-членов.

Члены ССАГПЗ не торопятся передавать часть своих полномочий по реализации государственной энергетической политики организации. Вопрос углеводородов остается прерогативой национальной политики, а не региональной. Эта сфера исторически финансирует социальный сектор, здравоохранение и образование в странах ССАГПЗ и каждое государство самостоятельно определяет пути распределения своих доходов от продажи нефти [13]. Саудовская Аравия как вторая страна в мире по запасам нефти обладает серьезным преимуществом среди своих соседей и способна влиять на мировой рынок энергоресурсов, при этом по большей части такая ситуация складывается из-за значительной доли Саудовской Аравии на рынке и низкой себестоимости сырья. Она стремится доминировать в регионе, в то время как другие государства не хотят признавать ее первенство и боятся потери своей экономической независимости. Чтобы составить ей достойную конкуренцию, ОАЭ и Катар активно развивают сферу финансов, в последние годы Эмираты также стремятся к лидерству в секторе высоких технологий [14].

Энергетическая политика этих стран ориентирована на сохранение доминирующей роли в мировой нефтегазовой отрасли, но также вклю-

чает в себя диверсификацию экономики и развитие энергетической эффективности. В нефтегазовой сфере рассматриваемые государства сталкиваются со схожими проблемами: снижение цен на нефть в результате замедления развития мировой экономики и кризисов, распространение возобновляемых источников энергии и, как следствие, снижение спроса на ископаемые источники энергии, политические кризисы на Ближнем Востоке и в мире в целом. Арабские страны нередко используют в качестве метода влияния на мировой рынок нефти увеличение или снижение ее добычи, что провоцирует скачки цен. Так, Саудовская Аравия несколько раз блокировала решения ОПЕК и отказывалась выполнять обязательства при несогласии с остальными членами. Во многом этому способствует то, что в организации отсутствуют жесткие санкции для стран-членов [15].

Государства ССАГПЗ сотрудничают также в сфере зеленой энергетики и диверсификации экономики. Они обмениваются опытом и технологиями с целью снижения зависимости экономики от экспорта нефти [16]. Так, в последние годы многие из стран ССАГПЗ активно развивают цифровую сферу, первенство в этом принадлежит ОАЭ. К настоящему времени аравийские монархии Персидского залива заметно снизили доходы от продажи нефти благодаря своей экономической политике. В результате, по информации Всемирного банка, к 2026 году бюджетный дефицит региона, вероятно, незначительно увеличится. Несмотря на это, диверсификация необходима ССАГПЗ для формирования более стабильной и конкурентоспособной экономики в будущем [17].

Заключение

Таким образом, в своей экономической политике, на сегодняшний день страны ССАГПЗ сохраняют достаточно существенную самостоятельность, а сотрудничество друг с другом и координация действий в сфере энергетики не лишают суверенитета членов Совета [18]. Более того, в отношениях стран ССАГПЗ друг с другом и в их внешней политике можно наблюдать сочетание одновременно этого экономического сотрудничества и сохранения суверенитета. В последние годы более тесному сотрудничеству стран ССАГПЗ по энергетическим вопросам способствует нестабильность мирового экономического рынка и нефтяного рынка, что побуждает страны объединять усилия для преодоления актуальных вызовов. Перспективы дальнейшего углубления сотрудничества по энергетическим вопросам весьма благоприятны и могли бы быть выгодны в экономическом отношении всем участникам, при этом угрозы потери самостоятельности в энергетическом вопросе для стран-членов в ближайшей перспективе отсутствуют.

Список источников и литературы:

1. Statistical Review of World Energy. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf (дата обращения 17.10.25).
2. Stanley Hoffmann Clash of Globalizations // Foreign Affairs. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/clash-globalizations (дата обращения 17.10.25).
3. *Moravcsik A., Schimmelfennig F.* Liberal Intergovernmentalism. European Integration Theory // Oxford Press. 2009. p. 67-87.
4. *Rosenau J. N.* Powerful tendencies, enduring tensions and glaring contradictions: the United Nations in a turbulent world // Between svereignty and global governance: the UN. 1998. p. 252-273.
5. *Бяшарова А. Р.* Страны ССАГПЗ: укрепление позиций в мировой экономике и торговле // Russian Journal of Management. 2025. №. 5. С. 273–285.
6. *Алифатдаева А. Р.* Роль Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в региональной интеграции на Ближнем Востоке / А. Р. Алифатдаева // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 34. С. 3308–3314.
7. *Костюнина Г. М.* Эволюция экономической интеграции в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива / Г. М. Костюнина, Н. Н. Ломакин // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. №6. С. 87–102.
8. *Прокопьев П. С.* О перспективах энергетической политики арабских государств Персидского залива // Вестник ГУУ. 2023. №3. С. 127–134.
9. Julius Jönsson Constrained integration? A study of regional integration in the Gulf Cooperation Council // Lund University Department of Political Science. 2021. p. 1–33.
10. *Al-Asyura M.* The Political Economy of Rentier States: Understanding Barriers on Economic Reform and Integration in GCC States / Muhammad Khairil Zaki Al-Asyura, M. Hamdan Basyar // Politico. 2021. Vol. 21. № 2. p. 95–111.
11. ВВП на душу населения — Список стран // Trading Economics. URL: https://ru.tradingeconomics.com/country-list/gdp-per-capita?continent=asia (дата обращения 15.10.25).
12. *Прокопьев, П. С.* Инновации как фактор дальнейшего развития Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива / П. С. Прокопьев // Вопросы инновационной экономики. 2023. № 2. Том 13. С. 1071–1086.
13. *Mishrif A.* The GCC's Unsettled Policy for Economic Integration // Muslim World. 2021. Vol. 111. № 2. p. 70–95.
14. Видение Катара 2030 // General Secretariat for Development Planning. URL: https://www.gco.gov.qa/en/state-of-qatar/qatar-national-vision-2030/our-story/ (дата обращения 1.03.25) .
15. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. URL: https://www.gcc-sg.org/ar/Pages/default.aspx (дата обращения: 20.10.2025).
16. ديزمل جاتحت نكل وچيلخلا نوانا سلجم ةقطنم في اهارمث يتؤت يداصتقالا عيونتلا دوهج .نادمحلا هدش تاحالصإلا نم .URL: https://www.albankaldawli.org/ar/news/press-release/2023/11/22/economic-diversification-efforts-paying-off-in-gcc-region-but-more-reforms-needed (дата обращения 21.10.2025).

17. *Соловьева Е. А., Хачкизова Б. Р.* Диверсификация и развитие экономики Объединенных Арабских Эмиратов // Актуальные исследования и разработки в области социально-экономических и технических наук. 2022. С. 124–131.
18. *Addisu A. Lashitew, Michael L. Ross, Eric Werker* What Drives Successful Economic Diversification in Resource-Rich Countries? // The World Bank Research Observer. 2021. Volume 36. Issue 2. p. 164–196.

Пешкова Софья Антоновна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет Международных отношений
Бакалавриат

ЗАВИСИМОСТЬ ИЛИ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА ЮЖНОЙ КОРЕИ В КОНТЕКСТЕ АЛЬЯНСА С США

DEPENDENCY OR INTERDEPENDENCE: RETHINKING SOUTH KOREA'S SOVEREIGNTY WITHIN THE CONTEXT OF THE US-ROK ALLIANCE

Аннотация. Альянс Соединенных Штатов и Республики Корея не раз становился центром внимания исследователей, однако вопрос о его влиянии на южнокорейский суверенитет не получил должного внимания. Настоящее исследование ставило перед собой цель восполнить данный пробел. Для того, чтобы дефинировать термин «альянс, союзничество» автором используется морфологический анализ М. Фридена. При определении термина суверенитет взята за основу классификация Стивена Д. Краснера. В ходе исследования были сделаны выводы о том, что южнокорейско-американский альянс позиционируется как необходимое условие для поддержания безопасной и стабильной обстановки в регионе. Влияние Соединенных Штатов на южнокорейский суверенитет осуществляется путем добровольного приглашения.

Ключевые слова: США; Южная Корея; суверенитет; альянс; безопасность; сотрудничество

Abstract. While the US-ROK alliance is a well-studied topic, its effects on South Korean sovereignty have been overlooked. This study aims to address this gap. To define the term «alliance», the author employs a morphological analysis based on M. Frieden's framework. The study adopts Stephen D. Krasner's classification as a basis for defining the term «sovereignty». The research concluded that the South Korean–U.S. alliance is positioned as a necessary condition for maintaining a secure and stable environment in the region. The influence of the United States on South Korean sovereignty is exercised through voluntary invitation.

Keywords: USA; South Korea; sovereignty; alliance; security; cooperation

История альянса США и Республики Корея уходит корнями во вторую половину XX века. За время существования союз успел продемонстрировать свою прочность и выгоду для обеих сторон. Тем не менее, представляет интерес изучение альянса двух стран в контексте последствий для суверенности

южнокорейского государства. С приходом к власти Дональда Трампа развитие двусторонних отношений, а также дальнейшая политика Вашингтона в Индо-Тихоокеанском регионе обуславливает актуальность данной работы. Автор выдвигает гипотезу о том, что альянс Соединенных Штатов и Южной Кореи ограничивает суверенитет последней. Цель настоящего исследования – определить каким образом происходит ограничение южнокорейского суверенитета на современном этапе и насколько это можно расценивать как его подрыв. Временные рамки исследования затрагивают становление южнокорейского государства в XX веке, а также пребывание у власти двух последних президентов РК Юн Сок Еля (2022–2025) и Ли Чже Мёна (4 июня 2025 – настоящее время). Примечательно, что данные политические лидеры являются представителями двух во многом противоположных по взглядам партий (консервативной и демократической соответственно), что традиционно сказывалось на выборе внешнеполитического курса. Тем не менее, в ходе исследования существенных различий по данному вопросу выявлено не было. Единственным исключением можно назвать разве что назвать заметное число упоминаний «устрашения» в отношении КНДР. Это можно объяснить тем, что консервативная партия, в данном случае «Сила народа» (кор. 국민의힘), придерживается анти-северокорейской и проамериканской риторики. Помощь в «устрашении» Северной Кореи и защита южнокорейского партнера от исходящей от северного соседа угрозы часто упоминалась при освещении южнокорейско-американского альянса во время пребывания у власти Юн Сок Ёля.

Истоки альянса и становление южнокорейского государства

Прежде чем перейти к современности, необходимо кратко затронуть исторический контекст развития южнокорейско-американских отношений и вернуться к их истокам. Республика Корея образовалась 15 августа 1948 года, однако американские войска высадились на южную часть полуострова еще за три года до этого. С того момента началось становление южнокорейской государственности. Формирование политической системы проходило под контролем Американской военной администрации (АВА). Наибольшее влияние Соединенные Штаты оказали на формирование судебной системы, которую американцам пришлось разрабатывать с нуля. Примечателен и тот факт, что Конституция Республики Корея разрабатывалась под руководством американских специалистов [1, с. 115], целью которых было заложить институциональные основы демократии в новом государстве.

Кроме того, нельзя не упомянуть меры, предпринятые АВА в отношении расклада политических сил в Южной Корее во второй половине 40-х годов. Тогда американское руководство не могло принять того факта, что после Вто-

рой мировой войны большая часть населения Юга Корейского полуострова придерживалась левых взглядов [2, с. 71] и уже к маю 1946 года сумела запретить деятельность Компартии на своей части оккупационной зоны [2, с. 74]. Доступ к выборам в Конституционное собрание представителям партий левого толка тоже был закрыт. Таким образом, в первые годы существования Республики Корея наблюдалась прямая зависимость от решений Вашингтона, что не позволяет говорить о суверенитете южнокорейского государства в тот период. Впрочем, установленные тогда институты продолжают оказывать определенное влияние и на современную ситуацию.

Морфологический анализ идеологии М. Фридена

При проведении исследования автор опирался на количественный контент-анализ, применяемый в рамках морфологического анализа идеологии М. Фридена. Согласно Фридену, слово может иметь множество значений. Идеологии же демонстрируют обратное и стремятся закрепить связь между словом и понятием. Определяя значение понятия, они могут затем придать политическому концепту (термину) единственное значение. В конечном счете идеологии — это конфигурации неоспоримых значений политических концепций [3, с. 76]. Морфологический анализ Фридена применяется по следующей схеме: берется политический концепт, значение которому мы хотим придать, и его смысл определяется семантическим облаком вокруг него, то есть наиболее часто используемыми словами. В данном исследовании анализ применялся по отношению к концепту «альянс, союзничество» (alliance) (прим. слово ally рассматривалось как часть концепта alliance), чтобы выявить влияние альянса США-РК на современное состояние суверенитета Южной Кореи. Выборка статей проводилась в газете *The Korea Times* по трем тематическим блокам: политическое, экономическое, военное сотрудничество. В каждом блоке случайным образом выбиралось по 20 статей (в равном количестве), выпущенных в период у власти Юн Сок Ёля и Ли Чже Мёна. В общей сложности было проанализировано 60 статей.

Итак, по результатам применения морфологического анализа М. Фридена были получены следующие данные (см. табл. 1). Концепт «альянс», по сути, помещен в контекст сотрудничества двух государств при обоих президентах. Слово «сотрудничество» было наиболее используемым при описании альянса США-РК в рассматриваемых статьях. Кроме того, американо-южнокорейский альянс активно представляется с точки зрения необходимого фактора для поддержания безопасности, мира и стабильности в регионе. Важнейшим является словосочетание «расходы на оборону», используемое в контексте требований Соединенных Штатов к Южной Корее по повышению доли оборонных расходов и большего участия в финансиро-

вании размещения американских военнослужащих на территории РК. Примечательно, что в этом же контексте использовались такие слова как бремя, безбилетник и денежный автомат, что подразумевает под собой недовольство Вашингтона долей Сеула в распределении расходов на оборону между США и РК. Так, президент США Дональд Трамп называл Южную Корею «нахлебником/безбилетником» (free-rider), который пользуется военной мощью США [4]. Трамп также использовал выражение денежный автомат (money machine) в отношении южнокорейского партнера [5], апеллируя к тому, что у Сеула достаточно средств, чтобы больше вкладываться в свою оборону, а не надеяться на Соединенные Штаты.

Таблица 1

	Юн Сок Ель (윤석열)	**Ли Чже Мён** (이재명)
Сотрудничество	47	30
Расходы на оборону	22	10
Безопасность, мир, стабильность	45	23
Партнерство	13	8
Защита	9	8
Бремя, безбилетник (free-rider), денежный автомат (money machine)	6	4
Устрашение (в отношении КНДР)	20	

Таким образом, «альянс» — это сотрудничество двух или более стран, объединенных общей целью. В случае с южнокорейско-американским альянсом общей целью выступает поддержание безопасности, мира и стабильности в регионе, в частности и на Корейском полуострове. С одной стороны, альянс действительно воспринимается как необходимое условие для поддержания стабильной и мирной обстановки в Индо-Тихоокеанском регионе, а с другой, если обратить внимание на растущее недовольство своим азиатским партнером со стороны американцев, можно заметить дисбаланс в доле вложений союзников в поддержание альянса на высоком уровне. Действительно, Соединенные Штаты активно пытаются надавить на южнокорейского партнера, угрожая полным выводом своих войск с территории РК. Однако угроза оставить Южную Корею без американской защиты кажется скорее мнимой. Ввиду прихода к власти Трампа корейцы рисковать не стали и еще в преддверии выборов подписали соглашение о распределении расходов на оборону («Соглашение о специальных мерах», ССМ). Соглашение

предусматривает ежегодное увеличение взносов Сеула в фонд ССМ в зависимости от индекса потребительских цен. Ранее оно было привязано к ежегодному росту оборонного бюджета Южной Кореи [6].

Деконтестация концепта «альянс» показала, что наиболее актуальными его аспектами в данный момент можно назвать сотрудничество и гарантии безопасности. Однако с учетом роста недовольства Вашингтона финансовой долей Сеула в расходах на оборону и вытекающим из этого давлением на увеличение этих взносов ставится под вопрос свобода Южной Кореи в принятии внутри- и внешнегосударственных решений. В связи с этим, обратимся к понятию суверенитет и влиянию на него альянса Соединенных Штатов и Республики Корея.

Влияние на суверенитет

Понимание автором термина «суверенитет» сводится к верховенству и независимости государственной власти внутри страны и в проведении внешней политики [7, с. 16]. Возникает вопрос, подрывает ли альянс Соединенных Штатов и Республики Корея суверенитет последней. Попытаться дать ответ на него можно опираясь на работу американского политолога Стивена Д. Краснера «*Sovereignty: Organized Hypocrisy*». Краснер выделяет четыре вида суверенитета: международный, Вестфальский, внутренний и суверенитет взаимозависимости. В данном исследовании автор останавливается на Вестфальском суверенитете. По Краснеру, Вестфальский суверенитет — это суверенитет, при котором исключается влияние внешних сил при управлении территорией государства [8, с. 4]. Другими словами, данный тип отвечает на вопрос, имеет ли государство право исключать внешних участников. Вестфальский тип суверенитета перекликается с его российским пониманием, где он определяется как важнейший социальный объект, связанный прежде всего со сферой государственной безопасности, которую необходимо защищать от угроз и вмешательства извне [9, с. 29]. Особое внимание стоит уделить тому, что данный вид суверенитета, как пишет Краснер, все же может быть нарушен как путем вмешательства (intervention), так и путем приглашения (invitation). Остановимся подробнее на приглашении как более релевантном виде нарушения в рассматриваемом кейсе. Приглашение нарушает только Вестфальский суверенитет и происходит, когда правитель добровольно ставит под угрозу внутреннюю автономию своего государства [8, с. 8]. В случае с Республикой Корея и ее альянсом с Соединенными Штатами мы можем наблюдать как раз проявление данного типа нарушения Вестфальского суверенитета. Сеул, по сути, добровольно пригласил Вашингтон к процессу принятия решений и непосредственному влиянию в свой суверенитет. Как пишет Краснер, приглашения могут осуществляться

правителями по целому ряду причин, например, для получения внешних финансовых ресурсов [8, с. 22]. В южнокорейском кейсе — это получение гарантий безопасности и экономических преференций.

Ввиду продолжительной истории тесного сотрудничества двух стран и прямого влияния Вашингтона на формирование южнокорейской государственности на начальном этапе альянс двух государств превратился скорее во взаимозависимость. Соединенные Штаты не могут позволить себе потерять надежную площадку для реализации своих интересов в ИТР и, в связи с этим вряд ли когда-либо дадут Сеулу полную свободу в принятии решении, особенно в сфере безопасности. Южная Корея, в свою очередь, не может допустить потери интереса к ней США и снижении участия в обеспечении ее безопасности ввиду наличия к северу от границы крайне агрессивного соседа. Это приводит к тому, что Республика Корея во многом готова пойти на вмешательство Соединенных Штатов в свои внутренние и внешние дела, чтобы не потерять поддержку влиятельного союзника. Уступки на уровне суверенитета обойдутся корейцам дешевле нежели попадание в немилость у Вашингтона.

Таким образом, вряд ли можно говорить о том, что Сеул полностью свободен в принятии внутри- и внешнеполитических решений, что является неотъемлемой частью понятия суверенитета. США прежде всего влияют на принятие решений касательно внешней политики: с кем сотрудничать, кого бояться, кому помогать. Тем не менее, у Южной Кореи, по всей видимости, сложилось мнение о том, что такое вмешательство — это оправданный шаг или добровольное приглашение. Примечательно, что термин «суверенитет» не прозвучал ни в одной из анализируемых статей и в целом практически не встречается в дискурсе южнокорейско-американских отношений. Это, однако, не означает, что суверенитет для корейцев не имеет большого значения. Скорее его наличие понимается по умолчанию. Единственный актор, который действительно может его подорвать, это Соединенные Штаты, но, как показал анализ, влияние осуществляется через добровольное приглашение. Что же касается других возможных угроз для вмешательства извне и нарушения безопасности Южной Кореи, то на протяжении десятилетий Вашингтон вполне успешно с ними справляется, чем и подтверждает свою исключительную роль в альянсе. Соединенные Штаты выступают неким гарантом предотвращения внешних угроз, например, в лице КНДР или Китая, поэтому подобные уступки представляются скорее как необходимость нежели как подрыв суверенитета.

Список источников и литературы

1. *Курбанов С. О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. // 3-е изд., испр. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. 744 с.

2. *Торкунов А.В., Денисов В. И., Ли В. Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. Москва. 2008. 450 с.
3. *Freeden, M.* Ideologies and political theory: a conceptual approach. Oxford: Clarendon Press. 1996.
4. Parliamentary committee passes motion on ratification of Korea-US defense cost deal // The Korea Times. 28.11.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20241128/parliamentary-committee-approves-motion-on-ratifying-korea-us-defense-cost-deal (дата обращения: 28.10.2025)
5. Trump looks set to bring shift in US approach to allies, NK diplomacy, tariffs // The Korea Times. 2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/world/20250119/trump-poised-to-shift-us-approach-to-allies-north-korea-diplomacy-and-tariffs (дата обращения 28.10.2025)
6. S. Korea, US sign defense cost-sharing deal ahead of US elections // The Korea Times. 04.11.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20241104/s-korea-us-sign-defense-cost-sharing-deal-ahead-of-us-elections (дата обращения: 28.10.2025)
7. *Сергунин А. А.* Суверенитет: эволюция концепта // ПОЛИТЭКС. 2010. №4. С. 5–21
8. *Krasner, S. D.* Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton University Press, 1999.
9. *Коцур Г. В.* Деконтестация концептов «суверенитет» и «стратегический суверенитет» в официальных дискурсах России и Европейского союза, 2016–2021 гг. / Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 23–36.

Привалов Александр Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

ХЕДЖИРОВАНИЕ, НЕ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ — СТРАТЕГИЯ ВЕНГРИИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

HEDGING, NOT DISINTEGRATION — HUNGARY'S STRATEGY AMID GROWING INTERNATIONAL INSTABILITY

Аннотация: Данная статья предлагает анализ современной внешней политики Венгрии с помощью теории «хеджирования» в трактовке Ч. Ч. Куика, подчеркивает её исследовательскую ценность для объяснения поведения малых и средних акторов МО в терминах структурного реализма. Автор демонстрирует, что концепт «хеджирования» соответствует представлениям В. Орбана о внешней политике, видится Будапешту способом обеспечения экономического и политического суверенитета и реализуется практически как использование сравнительных преимуществ и сотрудничество с конкурирующими иностранными акторами в строго очерченных сферах.

Ключевые слова: «хеджирование», Венгрия, Виктор Орбан, Китай, Россия, Европейская интеграция, суверенитет

Abstract: This article offers an analysis of contemporary Hungarian foreign policy using C. C. Kuik's "hedging" theory, emphasizing its research value for explaining the behavior of small and medium-sized international actors within a structural realist framework. The author demonstrates that the concept of "hedging" aligns with V. Orbán's views on foreign policy, is seen by Budapest as a way to ensure economic and political sovereignty, and is implemented through the use of comparative advantages and cooperation with competing foreign actors within strictly defined spheres.

Key words: "hedging", Hungary, Victor Orban, China, Russia, European integration, sovereignty

Прошедший 2024 год стал двадцатилетним юбилеем вхождения Венгрии в состав Европейского Союза, а в 2025 партия Фидес и её лидер Виктор Орбан могут отметить пятнадцатый год непрерывного нахождения у власти. За прошедшее время Венгрия стала почти хрестоматийным примером в спорах о соотношении интеграционных обязательств и национального суверенитета, который приводится как государственниками и евроскеп-

тиками, видящими в фигуре В. Орбана борца против волюнтаризма руководства в Брюсселе и апологета суверенизации per se, так и сторонниками усиления наднациональных органов ЕС на фоне их фактической неспособности пресечь политику, которая видится им несоответствующей основополагающим ценностям Союза. Суть противоречий Будапешта и Брюсселя емко сформулировала выдающийся специалист по ЦВЕ Л. Н. Шишелина как неготовность стран региона принять смену главенствующей идеи объединения с «Европы государств» на «Государство Европу» при в целом удовлетворительных результатах экономической интеграции [1]. В настоящий же период, в центре внимания зарубежных исследователей находится поддержание Будапештом конструктивных связей с Россией и усиление экономического сотрудничества с Китаем наперекор общесоюзным санкциям и политике декаплинга, что оценивается ими как угроза [2]. Объяснять настойчивость в подобной многосторонности исключительно неудовлетворенностью европейской интеграцией, крайностями компрадорского прагматизма или же идеалистической приверженностью ценностям политического суверенитета представляется неполным. Автор данной статьи предлагает рассмотреть противоречивые векторы политики Венгрии не в бинарной логике интеграции-дезинтеграции, а как составляющие стратегии внешнеполитического «хеджирования» в совокупности с попыткой максимизировать сравнительные преимущества в интересах национального развития и защиты экономического и политического суверенитета в условиях международной нестабильности. Целью исследования является, таким образом, выявление основных стратегических и практических составляющих подобной стратегии в венгерском случае.

Понятие «хеджирования», изначально экономический концепт, применяется в науке о международных отношениях для описания поведения акторов в случае, если они при столкновении с дилеммой сотрудничества или конфликта выбирают не одну из альтернатив, а «третий стратегический путь», нахождение «между двумя или более конкурирующими державами» с целью страховки от непредвиденных обстоятельств, притом не посредством труднодостижимого на практике нейтралитета, а поддержанием «серединной» позиции, избегая присоединения к одной стороне «за очевидный счет другой» [3]. Термин впервые прозвучал в работах Д. Лейка и Э. Медейроса в конце 1990-х [3], однако наибольший вклад в популяризацию термина на современном этапе внес малазийский исследователь Ч. Ч. Куик [4]. С его точки зрения, внешнеполитическое «хеджирование» подразумевает стремление не занимать чью-либо сторону и не быть к этому принужденным; «противоположные или противоречивые» меры по компенсации рисков в сферах безопасности, политики, экономики; «диверсификация»,

формирование запасных стратегий и сохранение возможности сотрудничества с конкурирующими силами [4]. Такая стратегия наиболее свойственна средним и малым странам, поскольку они недостаточно сильны для полноценного балансирования, и в силу этого рискуют попасть в зависимость при однозначной ассоциации с лидерами или их объединениями. С точки зрения Ч.Ч Куика, чем выше неопределенность основной угрозы, и того какую форму она может принять, тем рациональнее становится хеджирование [4]. Парадоксально, но оно может восприниматься конкурирующими игроками с меньшей озабоченностью чем определенность, поскольку гарантии союзнику или сдерживание противника потенциально требуют больше ресурсов. В терминах межличностных отношений, «хеджирование» подразумевает позиционирование себя не в качестве «друга» или «врага», а скорее «знакомого», «товарища». Концепт «хеджирования» таким образом устраняет значимый недостаток теорий структурного реализма, связанный с вторичностью в них малых акторов и неприменимости ими их постулатов на практике, для защиты своего суверенитета. Несмотря на значительную объяснительную силу, российские исследователи уделяют мало внимания теории «хеджирования», отметим здесь лишь работу П. В. Шлыкова [5]. Зарубежные авторы исследовали политику Венгрии с помощью методологии международной политэкономии, как А. Гаги и Т. Герёч, которые охарактеризовали современный этап как «полиинтеграцию» [6], а черты непосредственно «хеджирования» в политике Будапешта выделили П. Мартон и М. Салаи, однако их работа носит скорее теоретический характер и посвящена сравнению нескольких современных теорий среднего уровня [7]. Новизна данного исследования заключается, таким образом, в применении означенного подхода к кейсу Венгрии.

Истоки современной политики Венгрии, и черт «хеджирования» в ней, можно усмотреть с момента прихода к власти партии Фидес на фоне экономических проблем, связанных с чрезмерным доминированием иностранных, преимущественно западных, инвесторов в совокупности с сжатием национального бизнеса, результатом чего стал отток иностранного капитала в условиях мирового кризиса 2008 года. В качестве работы над ошибками правительство В. Орбана с одной стороны, усилило участие государства в экономике, а с другой провозгласило программу «Открытия на Восток» под эгидой идеи о комплиментарной европейскому направлению диверсификации внешнеэкономических связей в условиях увеличения роли Азии в глобальном мире [6], результатами которой стали развитие отношений с Ираном, [8], Турцией и Азербайджаном, получение статуса наблюдателя в Организации Тюркских государств [9]. Однако ключевым её референтом безусловно являлся Китай, дипломатическая работа по сближению с кото-

рым включала, помимо прочего, учреждение межправительственных комиссий и присоединение к «Поясу и Пути» в 2015 году. Именно плодотворное сотрудничество с Пекином стало значимым звеном в том, что можно условно назвать суверенной (в смысле отличности её от принципа экономической специализации в рамках ЕС) стратегией экономического развития, основанной на политэкономическом «хеджировании» и использовании сравнительных преимуществ. Как отмечают А. Гаги и Т. Герёч, в её формировании не обошлось без некоторой степени удачи — сочетания преимуществ низкой стоимости энергии, благодаря поставкам России, и дешевой квалифицированной рабочей силы со стремлением автоконцернов снизить издержки от «зеленого перехода» в Германии, в результате чего часть заводов были перенесены в Венгрию, страну с более дешевой энергией и менее строгими экологическими правилами [6]. Затем, с начала 2020-х, с аналогичной потребностью китайских производителей автомобилей и аккумуляторов (CATL, BYD) в локализации производств на территории ЕС в связи с ужесточением политики декаплинга и прогнозируемым ростом спроса на электромобили в Европе [9]. Помимо этого, Венгрия активно способствовала привлечению китайских инвестиций, которые составили в 2023 году 44% от всех вложений в страны ЕС [10]. Такая концентрация связана и с недружественной позицией многих стран ЕС в отношении Китая, в то время как Венгрия представляется ему как более стабильная юрисдикция [9]. Укрепление экономических связей было подкреплено политически: торжественным провозглашением «Всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства» с Китаем в 2024 году [11]. С практической стороны, приток китайских инвестиций и кредитов позволил компенсировать заморозку дотаций ЕС, с которыми Будапешт столкнулся на фоне ухудшения отношений с Брюсселем и сделать инвестиции в инфраструктурное развитие [12].

Главный геополитический противник Китая, США, хоть и не являются державой первого приоритета для Венгрии, отрицать их политическое влияние на Европу, в том числе как гаранта военной безопасности посредством НАТО, нельзя. Будапешт является с одной стороны конформным членом последней, в стратегии национальной безопасности страны от 2020 года говорится о приверженности альянсу [13], а в 2023 году был достигнут стандарт в 2% ВВП на оборону [14], а с другой, препятствует интеграции Украины с альянсом в связи с двусторонними противоречиями, а в 2022 поддержал Турцию в блокировке заявки Швеции и попытался использовать аналогичную тактику торга для разморозки дотаций ЕС. Тем не менее, в отличие от ЕС, в НАТО избрали путь не изоляции, но дальнейшей кооптации Венгрии с целью не допустить чрезмерного сближения с Москвой или Пекином, учитывая её геостратегическое значение [14]. Состояние же отношений

с самими США детерминируются скорее текущей администрацией Белого Дома: при Б. Обаме они были негативно-нейтральными, и значительно обострились при Дж. Байдене [15]. В свою очередь, оба срока Д. Трампа ознаменовались встречами на высшем уровне и обменом дружественными сигналами. Это является следствием как личных симпатий Д. Трампа, так и того, что В. Орбан активно поддерживал его кандидатуру как в 2020, так и в 2024 году, а его правительство налаживало контакты с фабриками мысли, спикерами и донорами республиканцев, стремясь укрепить имидж идеологически близкой им политической силы [15]. Эта дипломатическая работа конвертируется в вполне реальные результаты: в начале ноября 2025 года результатом встречи лидеров стало освобождение Венгрии от действия санкций, введенных против «Транснефти» и «Лукойла», что крайне важно для Будапешта [16].

Важно потому, что даже 2024 году, в условиях беспрецедентных санкций против отечественной энергетики, 74% газа и 84% нефти было поставлено в Венгрию Россией [16]. Двусторонние отношения во многом определяются тем, что Россия главный, и, по заверениям венгерской стороны, безальтернативный поставщик [17]. Нельзя не отметить, что значимое дипломатическое достижение, придавшее отношениям большую степень взаимозависимости — подписание в 2014 году контракта с «РосАтом» на постройку новых энергоблоков для АЭС «Пакш» на российский же государственный кредит [18] — также затрагивает сферу энергетики. Несмотря на конструктивный политический диалог, включающий деятельность межправительственных комиссий по сотрудничеству и регулярные встречи на высшем уровне, российские и венгерские компании пока слабо представлены на рынках друг друга [19]. Представляется, что активное лоббирование «защиты» поставок энергоносителей из России от санкций как ЕС, так и США связано с тем, что более низкая закупочная цена позволяет облагать высокими налогами отечественных поставщиков энергии, и дает большую управляемость конечных цен для домохозяйств, что, как и льготы и социальные программы, является источником электоральной лояльности населения [17].

Вместе с вышесказанным, нельзя отрицать и критическую значимость европейской интеграции для Венгрии: в 2024 году 77% экспорта страны пришлось на общий рынок [20]. В рамках программы председательства в Совете ЕС во второй половине 2024 года Будапештом были выделены вполне конформные цели повышения конкурентоспособности, сплоченности и даже укрепления общей оборонной политики, хотя и с некоторой долей завуалированной критики Еврокомиссии [21]. Подчеркнем также, что членство в ЕС является конкурентным преимуществом Венгрии, поскольку без успешного Союза невозможно играть роль проводника интересов стран Востока в Европе.

Стратегия «хеджирования» стала ещё более актуальной в условиях милитаризации европейской политики. В связи с этим, представляет интерес речь В. Орбана в лагере Бальваньос в 2025 году, которая носит программный характер как в силу политической традиции, так и рассматриваемых в ней стратегических целей и задач. Она содержит ключевой тезис о том, что «руководящий принцип венгерской внешней политики» — не быть втянутыми в войну — основан на нескольких столпах [22]. Во-первых, «поддерживать хорошие отношения со всеми центрами силы в мире», с тем чтобы у каждой крупной державы была экономическая заинтересованность в Венгрии, то есть приобретаемые ими выгоды были выше, чем издержки конфликта [22]. «Центров» В. Орбан выделяет шесть — Россия, США, Китай, Индия, «Тюркский мир» и «Брюссель», утверждая, что лишь с последним отношения оставляют желать лучшего [22]. Особо подчеркнем, что, используя именно этот топоним, а не «страны Европы» или т.п., В. Орбан не отказывает ЕС в международно-политической субъектности, хотя и несколькими абзацами ниже критикует его «федерализацию» и руководство, что позволяет в очередной раз убедиться в приверженности премьер-министра конфедеративной «Европе государств», а не пути дезинтеграции и лоскутного одеяла суверенитетов. Во-вторых, стране необходимы реальная обороноспособность и автаркия в сферах «военной промышленности, энергетики, продовольствия и цифрового потенциала» [22]. В-третьих, и здесь В. Орбан почти дословно воспроизводит концепт «хеджирования», что Венгрии нужно «сформировать полный национальный консенсус» относительно того, что страна не должна «замыкаться в каком-либо блоке», а быть «частью западной системы альянсов», но при этом стремиться стать «частью восточной экономики» [22]. С его точки зрения это «баланс», без присутствия которого во «внешней политике и национальной стратегии» само существование венгерской нации «в грядущие десятилетия» будет под угрозой [22]. Ссылаясь на вышеуказанное, мы можем утверждать, что концепт «хеджирования», осознанно или нет, присутствует в дискурсивном пространстве венгерского руководства и видится способом обеспечения и «жесткой» безопасности в период неопределенности о том, разразится ли «мировая война» [22]. Ч. Ч. Куик отмечал, что причины «хеджирования» стран АТР в том числе связаны с неуверенностью в том, будут ли США устойчиво присутствовать в регионе [4]. Учитывая современную позицию администрации Д. Трампа в отношении обязательств по НАТО, Венгрия, более отчетливо испытавшая описанную выше флуктуацию отношений с атлантическим соседом, может быть лишь первой из европейских стран, осознавших полезность такой стратегии.

Таким образом, распределение «активов» в современном внешнеполитическом «хеджировании» Венгрии можно представить как торговлю со

странами ЕС, индустриализацию и инфраструктурное развитие с помощью китайских инвестиций и займов, поставки энергии из России и военную безопасность под эгидой НАТО. Следовательно, его ключевой чертой является сотрудничество с конкурирующими силами, но в строго очерченных сферах в целях избежания конфликта фундаментальных интересов. В то же время, фактические результаты «хеджирования» на современном этапе подвергают критике, преимущественно за: а) подмену исходной цели ликвидации финансовой зависимости распределением её по разным кредиторам; б) силовую непропорциональность складывающихся партнерств; в) значительный перевес торгового баланса, так как в экспорте и импорте Венгрии лидируют страны ЕС [23], товарооборот с Китаем несмотря на рост демонстрирует перевес в сторону Пекина [24], а с Россией подавляющую долю составляет покупка энергоресурсов; г) избыточность, в том числе налоговых, льгот иностранным инвесторам [7]; д) неопределённость выгоды и окупаемости ЖД «Будапешт-Белград» в рамках «Пояса и Пути» [10]; е) зависимость устойчивости внешнеполитической линии от текущего руководства страны. Тем не менее, несмотря на ограниченную эффективность в случае Венгрии на нынешнем этапе, внешнеполитическое «хеджирование» видится перспективным способом сохранения суверенитета в условиях периферийности в рамках интеграционного объединения.

Список источников и литературы

1. *Шишелина Л. Н.* Венгрия: 20 лет в Европейском союзе // ВЕЦЖ. 2024. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vengriya-20-let-v-evropeyskom-soyuze (дата обращения: 08.12.2025)
2. *Ilona Gizińska, Paulina Uznańska* China's European bridgehead. Hungary's dangerous relationship with Beijing. // CENTRE FOR EASTERN STUDIES, OSW Commentary, N. 590, 12.04.2024 URL: https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2024-04-12/chinas-european-bridgehead-hungarys-dangerous-relationship (request date: 08.12.2025)
3. *Figiaconi Fabio* Choosing not to choose: Hedging as a category of neutrality // European Journal of International Security. 1-20. 2015 DOI: 10.1017/eis.2025.10009.
4. *Kuik, CC.* Getting hedging right: a small-state perspective. China Int Strategy Rev. 3, 300–315 (2021). https://doi.org/10.1007/s42533-021-00089-5 (request date: 08.12.2025)
5. *Шлыков П. В.* Турецкий кульбит // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 142–159. URL: https://globalaffairs.ru/articles/tureczkij-kulbit/ (дата обращения: 25.11.2025)
6. *Agnes Gagyi, Tamás Gerőcs* (11 Jul 2025): Polyalignment as geoeconomic bridging: Hungary's reindustrialisation amid global protectionism, Third World Quarterly, DOI: 10.1080/01436597.2025.2525233 (request date: 10.11.2025)
7. *Péter Marton, Máté Szalai* Hungary: A Hedging Strategy of Connectivity—Across the Hedgerow of Sovereigntism // : Examining Perspectives of Small-to-Medium Powers in

Emergent Great Power Competition (pp.143-166). Palgrave Studies in Global Security. August 2025 URL: https://www.researchgate.net/publication/395066785_Hungary_A_Hedging_Strategy_of_Connectivity-Across_the_Hedgerow_of_Sovereigntism (request date: 10.11.2025)

8. *Шишелина Л. Н.* «Восточная линия» В. Орбана и возвращение к традиционной геополитике // РСМД. 30.11.2022 URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vostochnaya-liniya-v-orbana-i-vozvrashchenie-k-traditsionnoy-geopolitike/ (дата обращения: 08.12.2025)
9. *Gabriela Greilinger* Hungary's Eastern Opening Policy as a Long-Term Political-Economic Strategy // AIES Fokus 4/2023 URL: https://www.aies.at/download/2023/AIES-Fokus-2023-04.pdf (request date: 08.12.2025)
10. Dwindling investments become more concentrated - Chinese FDI in Europe: 2023 Update // MERICS. 06.06.2024 URL: https://merics.org/en/report/dwindling-investments-become-more-concentrated-chinese-fdi-europe-2023-update#msdynttrid=8aYi6_rShONylkNJkwm2s7vp1_jEcZd3uIWlJ4mT33o (request date: 01.12.2025)
11. Full text: China-Hungary Joint Statement on the Establishment of an All-Weather Comprehensive Strategic Partnership for the New Era // The state council of the People's Republic of China, 2025 URL: https://english.www.gov.cn/news/202405/10/content_WS663d3b83c6d0868f4e8e6eb0.html (request date: 01.12.2025)
12. Hungary quietly takes €1B loan from Chinese banks // Politico. 25.07.2024. URL: https://www.politico.eu/article/budapest-hungary-took-1-billion-loan-chinese-banks-peter-szijjarto/ (request date: 01.12.2025)
13. Government resolution 1163/2020 (21st april) on Hungary's National Security Strategy // The Government of Hungary. 21.06.2021 URL: https://honvedelem.hu/hirek/government-resolution-1163-2020-21st-april.html (request date: 01.12.2025)
14. *Grace Jones, Olivia Leiwant U. S.* Engagement with Hungary: Reshaping NATO's Collective Alliance // Harvard Kennedy school, Belfer center for science and international affairs. 13.02.2024 URL: https://www.belfercenter.org/publication/us-engagement-hungary-reshaping-natos-collective-alliance (request date 17.12.2025)
15. *Ilona Gizińska, Andrzej Sadecki* Hungary's strained relations with the US: betting it all on Trump // CENTRE FOR EASTERN STUDIES, OSW Commentary, N. 554, 16.11.2023 URL: https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2023-11-16/hungarys-strained-relations-us-betting-it-all-trump (request date: 08.12.2025)
16. Hungary's waiver from US sanctions on Russia energy is indefinite, minister says // Reuters. 8.11.2025 URL: https://www.reuters.com/business/energy/hungarys-waiver-us-sanctions-russia-energy-is-indefinite-minister-says-2025-11-08/ (request date: 08.12.2025)
17. Hungary has bought 8.5 million tons of crude oil and 7 billion cubic meters of gas from Russia this year, Szijjártó proudly announced // Telex. 28.11.2025 URL: https://telex.hu/english/2025/11/28/hungary-has-bought-8-5-million-tons-of-crude-oil-and-7-billion-cubic-meters-of-gas-from-russia-this-year-szijjarto-proudly-announced (request date: 08.12.2025)
18. Протокол о внесении изменений в соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Венгрии о предоставлении Правительству

Венгрии государственного кредита для финансирования строительства атомной электростанции на территории Венгрии от 28 марта 2014 года// МИД РФ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60135/ (дата обращения: 13.11.2025)
19. *Nikoletta Szigethy-Ambrus* The state of the Russian economy and changes in Hungarian-Russian foreign trade since 2019 // Oeconomus Economic Research Foundation. 04.10.2025 URL: https://www.oeconomus.hu/en/analyses/the-state-of-the-russian-economy-and-changes-in-hungarian-russian-foreign-trade-since-2019/ (request date: 08.12.2025)
20. Intra-EU trade in goods - main features // Eurostat. April 2025 URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Intra-EU_trade_in_goods_-_main_features (request date: 08.12.2025)
21. Programme of the Hungarian Presidency of the Council of the European Union in the second half of 2024 // Hungarian Presidency. Council of the European Union. URL: https://hungarian-presidency.consilium.europa.eu/media/32nhoe0p/programme-and-priorities-of-the-hungarian-presidency.pdf (request date: 08.12.2025)
22. *Viktor Orbán* Future-Proofing Hungary Amid European Winds of War // Horizons Summer 2025. Issue No. 31, Center for International Relations and Sustainable Development URL: https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-summer-2025--issue-no-31/future-proofing-hungary-amid-european-winds-of-war (request date: 08.12.2025)
23. Hungary // OEC URL: https://oec.world/en/profile/country/hun (request date: 08.12.2025)
24. MK-75: Kereskedelem Magyarország és Kína között // Pázmány Péter Katolikus Egyetem BTK. 2024.05.09 URL: https://btk.ppke.hu/hirek-kinai-tanszek/mk-75-kereskedelem-magyarorszag-es-kina-kozott (request date: 08.12.2025)

СЕКЦИЯ «МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ И ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ»

Алдашина Дарья Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет
Экономический факультет
Магистратура

Грабарева Екатерина Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Экономический факультет
Магистратура

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ «ЛИПКИХ МЕСТ» КАК МЕХАНИЗМ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

SYMBOLIC CAPITAL OF “STICKY PLACES” AS A MECHANISM OF HUMANITARIAN INTEGRATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL MOBILITY

Аннотация. В условиях глобальной мобильности особое значение приобретают «липкие места» — пространства, способные удерживать социальные связи и поддерживать формы принадлежности. В статье рассматриваются механизмы формирования символического капитала таких мест и факторы, обеспечивающие их устойчивость, а также институциональные, инфраструктурные и культурные ограничения на примере Стамбула, Дубая и Бали. Показано, что устойчивость территорий определяется не материальными условиями, а плотностью социального опыта, воспроизводимого через практики, память и эмоциональную укоренённость. Символический капитал выступает важным механизмом гуманитарной интеграции в условиях высокой мобильности.

Ключевые слова: липкие места; символический капитал; гуманитарная интеграция; глобальная мобильность; локальная идентичность; социальные практики; городские пространства

Abstract. In the context of global mobility, “sticky places” gain particular importance as spaces capable of sustaining social ties and stable forms of belonging. This

article examines the mechanisms through which the symbolic capital of such places is formed, as well as the factors that support their resilience. It also considers institutional, infrastructural, and cultural constraints using the examples of Istanbul, Dubai, and Bali. The analysis demonstrates that the stability of these territories is determined not by material conditions but by the density of social experience reproduced through practices, memory, and emotional embeddedness. Symbolic capital is thus understood as a mechanism of humanitarian integration under conditions of increasing mobility.

Keyword: sticky places; symbolic capital; humanitarian integration; global mobility; local identity; social practices; urban environments

Введение

В условиях глобальной мобильности людей, культур и идентичностей современное пространство всё чаще приобретает характер так называемого «скользкого пространства» [1, p. 293], то есть территории временного пребывания и слабой социальной укоренённости. В противоположность этому особое значение приобретают «липкие места» [1, p. 293], пространства, обладающие способностью формировать устойчивую принадлежность и удерживать людей.

Первоначально концепция «липких мест» была сформулирована в контексте экономико-географического анализа устойчивости промышленных кластеров. Однако сегодня она требует гуманитарного переосмысления, поскольку удержание человека определяется не только материальными условиями, но и символическими факторами — значениями, отношениями и практиками, создающими чувство «своего» пространства.

«Липкие места» могут быть рассмотрены как культурные среды, в которых воспроизводятся устойчивые формы совместности: «повторяющиеся социальные практики, ритуалы и модели взаимодействия» [2, p. 183]. Наличие общей символической структуры обеспечивает предсказуемость и эмоциональную безопасность, что способствует формированию устойчивых межкультурных связей.

Таким образом, исследовательская проблема заключается в выявлении механизмов формирования символического капитала, который делает пространство устойчивой средой принадлежности и совместной жизни. Это важно в социально-экономическом контексте: «липкие места» удерживают человеческий капитал и социальные связи, поддерживают инициативность и непрерывность взаимодействий, обеспечивая устойчивое развитие территорий. В условиях глобальной мобильности, когда люди и формы деятельности легко перемещаются, пространства, не обладающие символической насыщенностью, становятся «скользкими» и теряют население и активность.

Способность места формировать переживание принадлежности выступает ключевым фактором долгосрочной устойчивости социальных и экономических систем.

Актуальность исследования обусловлена ростом глобальной мобильности и ослаблением локальных форм социальной укоренённости. Это приводит к размыванию идентичности, снижению гражданского участия и сокращению устойчивых социальных связей, что делает изучение механизмов формирования «липких мест» значимым для социального и территориального развития.

Цель исследования — определить роль символического капитала в обеспечении устойчивости «липких мест» как сред гуманитарной интеграции в условиях глобальной мобильности.

Для достижения цели в работе решаются следующие задачи:

1. Выявить механизмы формирования символического капитала, обеспечивающего устойчивость “липких мест” как пространств принадлежности и совместной жизни
2. Определить ключевые факторы, способствующие устойчивости “липких мест” в условиях глобальной мобильности и ослабления локальной укоренённости.
3. Проанализировать проблемы и ограничения, препятствующие воспроизводству символического капитала “липких мест”, включая институциональные, инфраструктурные и культурные вызовы

Теоретические подходы и механизмы формирования символического капитала «липких мест»

Первоначальные определения категорий «липких мест» и «скользких пространств» были сформулированы Анн Маркусен в работе *Sticky Places in Slippery Space* (1996) [1]. «Скользкие пространства» характеризуются высокой мобильностью капитала и слабой социальной укоренённостью, что препятствует формированию устойчивых сообществ. «Липкие места», напротив, обладают качествами, которые удерживают людей и деятельность — устойчивыми сетями взаимодействий, значениями, нормами и культурными практиками. Эти понятия стали основой для анализа того, каким образом пространства развивают символический капитал, позволяющий им оставаться средой принадлежности и совместной жизни.

С точки зрения теории символического капитала П. Бурдьё, устойчивость места определяется способностью социальных акторов наделять пространство признанной ценностью и воспроизводить эту ценность через нормы и практики [3, p. 248]. Пространство обладает удерживающей силой не в силу своей изначальной формы или физического наличия, а благодаря тому, что

оно постоянно производится и воспроизводится в повседневных взаимодействиях. Именно этот процесс объясняет возникновение «липких мест». В этом контексте символический капитал является результатом ряда механизмов, делающих территорию значимой, узнаваемой и эмоционально безопасной.

По данным Международной организации по миграции (IOM), число людей, живущих за пределами страны происхождения, достигло 304 млн. человек в 2024 г., увеличившись почти на 60% с 1990 г. [4]. При этом растёт не только международная, но и внутренняя миграция: согласно ООН, 56% населения мира уже живёт в городах, и к 2050 г. этот показатель может превысить 68% [5]. В этих условиях многие территории превращаются в «скользкие пространства», среды временного пребывания, где связи между людьми не успевают укорениться. Появляются города и кварталы, где люди живут «рядом, но не вместе», не разделяя общих норм, памяти и повседневных практик. Это приводит к росту анонимности, снижению гражданского участия и ослаблению локальной идентичности.

На этом фоне особое значение приобретают «липкие места» — пространства, способные обеспечивать переживаемую принадлежность и устойчивые формы совместной жизни. Как отмечается в исследованиях, принадлежность возникает не из физического расположения, а из опыта, отношений и общих практик [2, p. 198]. Пространство в этом случае выступает не территорией, а социальным процессом. «Липкие места» способны удерживать человеческий капитал: по данным OECD (2024), регионы с устойчивой локальной идентичностью демонстрируют на 14–18% более высокие показатели предпринимательской активности и локальной самоорганизации [6].

Формирование символического капитала «липких мест» опирается на ряд взаимосвязанных механизмов, которые обеспечивают устойчивость территорий как пространств принадлежности и совместной жизни. В рамках исследования можно выделить ключевые механизмы:

1. Воспроизводство устойчивых повседневных практик, задающих предсказуемый ритм социальной жизни и укрепляющих доверие между жителями. Повторяемость таких практик формирует плотную структуру взаимодействий, способствующую укоренению и созданию общей смысловой среды [2, p. 183].
2. Поддержание коллективной памяти и локальных символических кодов, включая исторические нарративы, культурные коды и устойчивые интерпретации пространства. Эти элементы формируют уникальность территории и служат фундаментом устойчивой локальной идентичности [7, p. 84].
3. Эмоциональная укоренённость, при которой пространство переживается как безопасное, стабильное и насыщенное значимыми

отношениями. Исследования опыта места показывают, что эмоциональная составляющая играет ключевую роль в удержании людей в конкретной среде [2, p. 200].

4. Совместное участие жителей в воспроизводстве пространства, включающее коллективные инициативы, взаимодействия и формы самоорганизации. Такие практики создают социальную плотность и поддерживают долгосрочное воспроизводство символического капитала [8, p. 116].

Эти механизмы позволяют определить ключевые факторы, способствующие устойчивости «липких мест» в условиях глобальной мобильности и ослабления локальной укоренённости. Во-первых, устойчивость обеспечивается регулярностью социальных практик, которые позволяют сохранять предсказуемость и ритм совместной жизни даже при высокой текучести населения. Во-вторых, важную роль играет наличие коллективной памяти и культурных кодов, поддерживающих смысловую непрерывность места независимо от мобильности жителей. В-третьих, эмоциональная привязанность к пространству — переживание его как безопасного, поддерживающего и значимого — способствует удержанию людей и препятствует превращению территории в «скользкое пространство». В-четвёртых, высокий уровень участия жителей в формировании среды укрепляет локальные связи и делает место устойчивым к внешним изменениям. В совокупности эти факторы обеспечивают способность «липких мест» сохранять социальную связанность, воспроизводить локальную идентичность и поддерживать устойчивость даже в условиях глобальных перемещений и ослабления традиционных форм укоренённости.

Проблемы воспроизводства символического капитала «липких мест»

Воспроизводство символического капитала «липких мест» сталкивается с рядом институциональных, инфраструктурных и культурных ограничений, особенно выраженных в глобальных городах и регионах с высокой мобильностью населения. Анализ примеров Стамбула, Дубая и Бали позволяет выявить, как различные типы давления трансформируют пространства и ослабляют их способность поддерживать устойчивые формы принадлежности и совместной жизни.

Стамбул, принимающий ежегодно около 16–17 миллионов международных туристов [9], демонстрирует существенные трансформации в районах с высокой культурной плотностью, таких как Балат. Согласно данным Центрального банка Турции, индекс стоимости жилья в Стамбуле вырос более чем на 900% в период с 2017 по 2025 годы [10], и этот рост особенно

остро отразился на исторических кварталах. Усиление туристических потоков и расширение краткосрочной аренды приводят к вытеснению местных жителей, сокращению ремесленных практик и фрагментации повседневной городской среды [11, p. 1237]. Эти тенденции снижают устойчивость коллективной памяти и уменьшают способность пространства воспроизводить социальные связи, лежащие в основе символического капитала «липких мест».

Дубай представляет иной тип динамики. При населении около 3,6 млн. человек, из которых приблизительно 90% составляют иностранные резиденты [12], город характеризуется высокой социальной текучестью: средний срок проживания экспатов составляет 2,5–3,2 года [13]. Хотя в Дубае создана развитая инфраструктурная система, социальная структура города остаётся нестабильной, а формы локальной идентичности — фрагментарными. В отсутствие устойчивых ритуалов и коллективной памяти город функционирует как «скользкое пространство» в понимании А. Маркусен, поскольку не формирует достаточной социальной плотности для производства долгосрочного символического капитала.

На Бали международный туристический поток превышает 5 миллионов человек в год [14], что создаёт значительную нагрузку на инфраструктуру острова. Районы Чангу и Убуд переживают интенсивное преобразование: значительная часть жилого фонда выводится под краткосрочные аренды, что ведёт к росту стоимости жилья, в отдельных сегментах достигающему 70–100% в постпандемийный период [15]. Эти процессы сопровождаются ростом конфликтов между мобильными группами и местным населением, а также сокращением локальных практик, формирующих культурную идентичность территорий [16, p. 618]. Наблюдаемая динамика соответствует типичным механизмам культурной коммерциализации, когда экономическое давление вытесняет повседневные формы социальной жизни и приводит к эрозии локальной идентичности.

Рассмотренные примеры позволяют заключить, что институциональные решения, инфраструктурные ограничения и культурные трансформации могут существенно подрывать механизмы воспроизводства символического капитала. Институциональная нестабильность или ориентация на краткосрочные экономические выгоды снижает устойчивость локальных практик; перегруженная или фрагментированная инфраструктура делает социальные взаимодействия прерывистыми; культурная коммерциализация разрушает символическую ткань места, лишая его глубины и устойчивой идентичности. В результате территории постепенно теряют характеристики «липких мест» и превращаются в «скользкие пространства», неспособные удерживать социальные связи и обеспечивать долговременную принадлежность.

Однако именно масштабность этих вызовов демонстрирует, насколько значимой становится способность пространства поддерживать символический капитал. Глобальная мобильность обостряет потребность в средах, способных удерживать социальную связанность и воспроизводить формы принадлежности, несмотря на возрастающую текучесть населения. Анализ показал, что «липкие места» представляют собой не статичные территории, а сложные гуманитарные конструкции, где материальное, символическое и эмоциональное переплетаются в единый ресурс — символический капитал. Он позволяет пространствам сопротивляться фрагментации, ускорению социальных ритмов и распаду локальных сообществ.

Предложенный в работе подход позволяет увидеть «липкие места» как особенности не географии, а режимов совместного проживания, зависящих от способности людей постоянно обновлять смыслы, поддерживать ритуалы и воспроизводить социальную ткань места. Такой взгляд смещает акцент от традиционного понимания локальной идентичности как наследуемого свойства к пониманию её как динамического процесса, возникающего на пересечении мобильных, гибридных и культурно разнородных групп.

Анализ Стамбула, Дубая и Бали подтверждает, что устойчивость мест определяется не уровнем инфраструктуры и не экономическими показателями, а тем, сохраняется ли в них плотность переживаемого опыта — регулярность практик, эмоциональная узнаваемость, способность сообщества удерживать собственные смыслы под давлением глобальных процессов. Там, где эта плотность размывается, пространство теряет «липкость» и превращается в зону временного пребывания.

Таким образом, символический капитал «липких мест» может рассматриваться как современный механизм гуманитарной интеграции — основанный не на стабильности территории, а на способности людей снова и снова создавать условия для совместной жизни в меняющемся мире. Это позволяет переосмыслить роль городов и регионов как узлов социальной сборки, где именно символический капитал становится ключевым условием устойчивости в эпоху высокой мобильности.

Выводы

Исследование показало, что устойчивость «липких мест» формируется за счёт воспроизводства символического капитала, основанного на повседневных практиках, коллективной памяти, эмоциональной укоренённости и участии жителей. Были определены ключевые факторы, поддерживающие эту устойчивость в условиях глобальной мобильности, а также выявлены институциональные, инфраструктурные и культурные ограничения, препятствующие сохранению социальной и смысловой плотности про-

странства. Анализ кейсов Стамбула, Дубая и Бали подтвердил, что способность территории оставаться «липким местом» зависит от того, насколько она может поддерживать эти механизмы даже при высоком уровне внешнего давления. Таким образом, символический капитал выступает важным ресурсом гуманитарной интеграции и основой устойчивой принадлежности в быстро меняющемся мире.

Список источников и литературы

1. Markusen A. Sticky Places in Slippery Space: A Typology of Industrial Districts // *Economic Geography*. 1996. Vol. 72. No. 3. p. 293–313.
2. Tuan Y.-F. *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. 235 p.
3. Bourdieu p. The Forms of Capital // Richardson J. (ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, 1986. p. 241–258.
4. International Organization for Migration (IOM). *World Migration Report 2024*. Geneva: IOM, 2024. URL: https://worldmigrationreport.iom.int/ (дата обращения: 01.12.2025).
5. United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA). *World Urbanization Prospects: 2024 Revision*. New York: United Nations, 2024. URL: https://population.un.org/wup/ (дата обращения: 01.12.2025).
6. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). *Regions and Cities at a Glance 2024*. Paris: OECD Publishing, 2024. URL: https://www.oecd.org/ (дата обращения: 01.12.2025).
7. Halbwachs M. *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 254 p.
8. Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p.
9. Istanbul Provincial Directorate of Culture and Tourism. *Tourism Statistics Report 2024*. Istanbul, 2024. URL: https://kultur.gov.tr/ (дата обращения: 01.12.2025).
10. Central Bank of the Republic of Türkiye (CBRT). *Housing Price Index 2017–2025*. Ankara: CBRT Publications, 2025. URL: https://www.tcmb.gov.tr/ (дата обращения: 01.12.2025).
11. Can A. Gentrification and Displacement in the Historic District of Balat // *Journal of Urban History*. 2019. Vol. 45. No. 6. p. 1234–1256.
12. Dubai Statistics Center. *Dubai Population Bulletin 2024*. Dubai: Government of Dubai, 2024. URL: https://www.dsc.gov.ae (дата обращения: 01.12.2025).
13. PwC Middle East. *Workforce Mobility Survey 2023–2024*. Dubai: PwC, 2024. URL: https://www.pwc.com/m1/ (дата обращения: 01.12.2025).
14. Bali Tourism Office. *Bali Tourism Statistics 2024*. Denpasar: Bali Government, 2024. URL: https://disparda.baliprov.go.id/ (дата обращения: 01.12.2025).
15. Colliers Indonesia. *Indonesia Property Market Report 2023–2024*. Jakarta: Colliers International, 2024. URL: https://www.colliers.com/ (дата обращения: 01.12.2025).
16. Lindsey T. Bali: Tourism, Culture, and Conflict // *Journal of Southeast Asian Studies*. 2020. Vol. 51. No. 4. p. 612–630.

Аникина Алина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

Бирюкова Елизавета Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ БРИКС

CREATIVE INDUSTRIES AS A TOOL FOR INTERCULTURAL INTEGRATION: THE CASE OF BRICS

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить степень влияния креативных индустрий на межкультурную интеграцию в БРИКС. Для осуществления поставленной цели авторами были рассмотрены теоретические основы понятия «креативные индустрии», их экономическое значение в мировой экономике и специфика развития в странах БРИКС. Изучив институциональную базу взаимодействия, конкретные проекты БРИКС, авторы пришли к выводу, что БРИКС необходимо дальнейшее углубление сотрудничества, включая формирование единого рынка креативных индустрий. Это будет способствовать укреплению взаимопонимания между народами, обмену культурными кодами и формированию общего экономического, культурно-гуманитарного пространства.

Ключевые слова: креативные индустрии, БРИКС, «глокализация», межкультурная интеграция, альянсы

Abstract. This article attempts to determine the influence of creative industries on intercultural integration within BRICS. To achieve this goal, the authors examined the theoretical foundations of the concept of "creative industries," their economic significance in the global economy, and the specific development patterns within BRICS countries. Having examined the institutional framework for interaction and specific BRICS projects, the authors concluded that BRICS needs to further deepen cooperation, including the formation of a single market for creative industries. This will contribute to strengthening mutual understanding between nations, the exchange of cultural codes, and the development of a common economic, cultural, and humanitarian space.

Keywords: creative industries, BRICS, glocalization, cultural integration, alliances

Введение

В современном формирующемся многополярном мире все большую роль начинают играть альтернативные центры силы. Страны Глобального Юга выступают за выстраивание справедливой системы международных отношений, лишенной доминирования какого-либо актора, поэтому они стремятся создавать объединения, которые выступали бы с единой позицией в условиях международной турбулентности.

Одним из таких объединений является БРИКС, который включает в себя 10 государств, представляющих разные континенты мира. Такой поликультурной группе особенно важно создать основу для многовекторного сотрудничества, укрепить взаимопонимание, чтобы выступить единым фронтом на международной арене. Так, культурная и гуманитарная дипломатия становятся ключевыми инструментами «мягкой силы», которая способствует поиску точек соприкосновения между странами-участницами и, как следствие, культурной интеграции стран БРИКС и укреплению доверия между ними в процессе поиска и принятия общих решений.

В данном контексте разнообразие культур стран-участниц объединения создает потенциал для взаимного обогащения и развития новых форм сотрудничества, в частности, в таком направлении, как креативные индустрии, которые основаны на творческой деятельности, создании, производстве и коммерциализации продуктов интеллектуальной деятельности. Ключевую роль в производстве этих товаров и услуг играют творчество, инновации и цифровые технологии.

Так, проблематика развития креативных индустрий в странах Глобального Юга, в частности БРИКС, представляется одной из наиболее важных, актуальных для изучения.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении перспектив развития креативных индустрий в рамках БРИКС как механизма межкультурной интеграции.

Для достижения обозначенной цели авторами были поставлены следующие задачи:

1. Определить роль креативных индустрий в современном международном экономическом пространстве, в том числе и в экономиках стран БРИКС;
2. Выявить степень развития креативных индустрий в странах БРИКС;
3. Обозначить ключевые форматы взаимодействия БРИКС в сфере креативных индустрий;
4. Обосновать важность развития сотрудничества БРИКС в сфере креативных индустрий как инструмента межкультурной интеграции.

Феномен креативных индустрий в мировой экономике

Креативные индустрии — сектор экономики, который основан на создании, производстве и коммерциализации продуктов интеллектуальной деятельности, где ведущую роль играют творчество, инновации и цифровые технологии.

Термин «креативные индустрии» начал применяться в сфере менеджмента культурными активистами еще в 1980-е годы. На национальном уровне имплементация данной отрасли в государственную политику была начата в конце 1990-х, в частности, в Великобритании и Австралии. Департаментом культуры, медиа и спорта Великобритании было дано определение креативных индустрий и составлен перечень из 13 отраслей [1]. Работы таких исследователей, как Дж. Хокинс, член Консультационного совета по креативной экономике ООН, и Ч. Лэндри являются основополагающими работами в данной сфере. Авторы рассматривают креативность как ключевой фактор формирования современного образа жизни и необходимый компонент для эффективного развития экономики [2].

По классификации ЮНКТАД [3] креативные индустрии включают в себя рекламу, архитектуру, искусство и ремесла, дизайн, моду, кино, видео, фотографию, музыку, мультимедиа, исполнительское и изобразительное искусство, книги и литературу, культурное и природное наследие, исследования и разработки, программное обеспечение, компьютерные игры, а также телевидение и радио. Данные направления являются основой креативной экономики, сочетая в себе культурную и коммерческую ценность.

Креативная экономика составляет чуть более 6,1% мировой экономики. Исследование ЮНКТАД [4] показывает, что креативная экономика составляет в среднем от 2% до 7% национального ВВП и обеспечивает занятость от 0,5 до 12,5% рабочей силы в странах, по которым имеются данные. На 2022 год объем экспорта креативных услуг достиг рекордных 1,378 трлн. долларов США, что почти вдвое превышает объем экспорта креативных товаров, который достиг 713 млрд. долларов США, что подчеркивает существенный вклад сектора в международную торговлю. В общей сумме это составляет 2,091 трлн. долларов США. Отмечается, что сферы телевидения и изобразительного искусства являются крупнейшими отраслями креативной экономики по доходам, а изобразительное искусство и музыка — крупнейшими отраслями по показателю занятости.

Креативные индустрии и страны БРИКС

Обращаясь к опыту БРИКС, следует отметить, что подход к проектам в области креативных индустрий может быть охарактеризован в рамках кон-

цепции «глокализации» [5], основанной на важности сохранения и защиты культурного суверенитета государств в противовес процессу культурной гомогенизации. Так, сохранение культурной идентичности и трансляция «культурного кода» государств непосредственно отражены в модели культурной интеграции объединения БРИКС, поддерживающего культурное разнообразие и взаимное уважение национальных культур: международное сотрудничество происходит с учетом локальных особенностей и традиций, их продвижения и обмена.

С социокультурной точки зрения сотрудничество в области креативных индустрий влияет на решение социально-демографических проблем путем создания рабочих мест, в том числе для более уязвимых и нуждающихся в поддержке групп населения, внедрения дополнительных возможностей для развития малого и среднего бизнеса, повышения привлекательности территорий для жизни и туризма.

Развитие креативного сектора также позволяет формировать положительный образ отдельных государств-членов БРИКС, влияет на международных имидж всего объединения, проецируя образ альянса как творческого, креативного, нацеленного на инновации и движение вперед.

Степень развития креативных индустрий в странах БРИКС можно охарактеризовать как неравномерную, но динамично растущую и имеющую значительный потенциал для усиления кооперации. Так, вклад креативной экономики в ВВП в странах БРИКС составляет от 1,5% до 4,7% [6]. По данным ЮНКТАД [2] из всех стран БРИКС только Китай входит в топ 10 экспортеров креативных услуг (5 место и 67 млрд. долл. США), а в топ 10 экспортеров креативных товаров входят: Китай (1 место и 250 млрд. долл. США), Индия (7 место и 21 млрд. долл. США), ОАЭ (10 место и 17 млрд. долл. США). В топ 10 экспортеров креативных товаров среди развивающихся стран в 2022 году входит также Индонезия (10 место и 8,5 млрд. долл. США). Учитывая то, что все страны БРИКС признали стратегическую важность развития данного направления для экономики и межкультурного взаимодействия, у БРИКС есть экономическая база для того, чтобы развить сектор креативных индустрий как внутри стран, входящих в объединение, так и внутри всего формата БРИКС.

В 2024 году Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ выпустил Рейтинг инновационной привлекательности мировых городов HSE Global Cities Innovation Index 2024 (HSE GCII 2024), который представляет результаты исследования конкурентных преимуществ городов с наибольшей концентрацией лидеров науки, хайтека и креативных индустрий [7]. В ТОП-200 городов по субиндкексу “креативные индустрии” входят 23 города Китая, 3 города России, 3 города Индии, 2 города Брази-

лии, по 1 городу ОАЭ, ЮАР, Египта, Индонезии. Таким образом, города стран БРИКС обладают потенциалом для развития креативных индустрий и обмена опытом с теми странами, которые не вошли в список с активным развитием креативного сектора.

Нормативно-правовые основы сотрудничества БРИКС в сфере креативных индустрий

Одним из основных типов документов, на которые опираются страны БРИКС в рамках взаимодействия в культурно-гуманитарной сфере, являются Декларации по итогам встреч Министров культуры стран БРИКС.

Тема креативных индустрий и креативной экономики упоминается в каждой Декларации по культурному сотрудничеству БРИКС с 2019 года, особенное внимание этим вопросам уделено в Декларации 2021 года, объявленного в ООН Годом креативной экономики для устойчивого развития. В Декларации Рио-де-Жанейро (2025 г.) [8] также поддерживается инициатива создания платформы БРИКС по культурным и креативным индустриям и экономике в рамках Рабочей группы БРИКС по культуре. В ней также содержится предложение соответствующим культурным организациям и финансовым институтам стран БРИКС разработать программы по поддержке и развитию культурных и творческих экономик стран БРИКС, признавая растущий экономический вес и вклад культурных и творческих секторов в экономику.

Развитие сотрудничества в сфере культуры и креативных индустрий на институциональном уровне проходит под эгидой профильных альянсов стран БРИКС. На 2025 год действуют такие объединения, как Альянс музеев, Альянс музеев и художественных галерей, Альянс библиотек, Альянс детских и юношеских театров, Альянс народной танцевальной культуры и Ассоциация киношкол.

В мае 2022 года министры культуры пяти стран подписали план действий по реализации соглашения о партнерстве в области культуры на 2022–2026 годы [9], направленный на углубление взаимодействия в сфере сохранения и популяризации культурного наследия стран БРИКС, развития сотрудничества в цифровом пространстве и сфере креативных индустрий.

Косвенно регулирование сотрудничества в креативных индустриях также можно проследить в документах, посвященных экономическому партнерству стран БРИКС. Так, в Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года [10] подчеркивается важность углубления торгово-инвестиционных связей внутри БРИКС, содействие сотрудничеству между компаниями стран БРИКС, в первую очередь, микро-, малыми и средними предприятиями, которые составляют основную долю участников креативных индустрий.

Форматы сотрудничества БРИКС в сфере креативных индустрий

В 2025 году на Втором форуме БРИКС "Традиционные ценности" был принят список ценностей, которые разделяет объединение и в рамках которых происходит практическое взаимодействие стран-участниц. БРИКС опирается на такие ценности, как культурный суверенитет, равенство культур, экономическое благополучие, социальная справедливость, многополярный мир, ориентация на развитие, взаимоуважение, солидарность и единство [11].

Ежегодным форматом взаимодействия в рамках креативных индустрий является Кинофестиваль БРИКС. Он проводится с 2016 года, как правило в стране, которая председательствует в БРИКС. На фестивале представляются полнометражные и короткометражные художественные и анимационные картины.

На платформе кинофестиваля проводятся тематические мероприятия, такие как онлайн-форумы по вопросам кинообмена и проектного сотрудничество в странах БРИКС. Цели фестиваля заключаются в расширении и развитии партнерства в области совместного создания кинокартин, укреплении аудиовизуального сектора как пространства для взаимодействия между государственной политикой и культурной сферой [12].

В рамках кинематографической сферы существует взаимообмен и на уровне национальных кинофестивалей. В 2022 году было подписано соглашение, направленное на поощрение взаимных обменов, включение фильмов из стран БРИКС в программу национальных фестивалей, а также показ фильмов о странах БРИКС. Примером такого сотрудничества является Международный кинофестиваль Echo Film Festivals BRICS в Москве («Эхо фестивалей стран БРИКС»), направленный на ознакомление российского зрителя с работами молодых кинематографистов из стран БРИКС, а также создание платформы для культурного обмена [13]. Таким образом, фестиваль способствует расширению культурных обменов и укреплению взаимопонимания между странами БРИКС с помощью фильмов.

По итогам II Форума БРИКС «Традиционные ценности» была подписана декларация о создании Союза писателей БРИКС, который объединяет писателей, литературоведов и издателей из стран-участниц БРИКС, что будет способствовать активизации многостороннего культурного обмена в области литературы и издательской деятельности.

В рамках созданного в 2025 году Союза писателей БРИКС была учреждена также Литературная премия БРИКС, нацеленная на поддержку современных авторов, чьи работы отражают культурные и духовные ценности народов БРИКС. В задачи премии входит привлечение внимания мирового сообщества к литературе стран БРИКС, а также создание коммуникацион-

ной платформы для участников литературного рынка стран БРИКС. Первым лауреатом данной премии стала египетская писательница Салва Бакр.

Индустрия моды развивается под эгидой Саммита моды, на основе которого в 2024 году создана Международная Федерация моды БРИКС с более чем 50 странами-членами [14]. Приоритеты организации заключаются в укреплении партнерских связей между отраслевыми сообществами, содействии устойчивому развитию индустрии, помощи молодым специалистами и поддержке дизайнеров в выходе на международный рынок.

Альянс художественных музеев и галерей развивает партнерство между музеями и культурными пространствами стран БРИКС. В 2018 году в Пекине была проведена выставка «Уникальность и Слияние — Специальная выставка Альянса музеев и галерей искусства БРИКС», где были представлены 62 произведения, отобранные членами альянса, Китайским национальным музеем искусств, музеем Изико в ЮАР, Национальной галереей искусства Бразилии, Государственным музеем Востока и Национальной галереей современного искусства Индии [15]. В рамках развития цифровой сферы был также создан Альянс научно-технологических музеев БРИКС, призванный развивать познавательный туризм.

Выводы

Сотрудничество БРИКС в области креативных индустрий находится на этапе становления и требует дальнейшей интенсификации контактов как в рамках представительских мероприятий, так и на уровне бизнеса и населения.

Так, к перспективным направлениям сотрудничества для укрепления межкультурной интеграции можно отнести создание на пространстве БРИКС в ближайшей перспективе единого рынка креативных индустрий, который будет включать в себя не только площадку для экспорта и импорта товаров, но и необходимые механизмы и инструменты для создания совместных проектов.

Проведение совместных фестивалей уже является традиционной формой сотрудничества для сближения культур стран БРИКС. Ее можно расширить новыми направлениями по всему диапазону креативных индустрий — от фестивалей театральных коллективов до создания Недели моды и Недели дизайна стран БРИКС.

В рамках конференции Российские креативные сезоны экспертами из стран БРИКС также были отмечены такие направления, как совместное продюсирование проектов в области кинематографа, музыкальных, анимационных, урбанистических, гастрономических проектов. Особое значение имеет совместное развитие проектов в области цифровых технологий

и искусственного интеллекта, создание совместных международных выставок в музеях и галереях, проведение профильных конференций для обмена мнениями представителей отрасли, создание креативных кластеров на территории стран БРИКС.

Данные мероприятия будут способствовать наращиванию культурных контактов представителей стран объединения, повышению уровня взаимопонимания, что поможет сформировать чувство принадлежности и лояльности к объединению и товарам, произведенным в странах БРИКС.

Тесное взаимодействие в области креативных индустрий также создает основу для интенсификации сотрудничества в области нормативно-правового регулирования, политических шагов для усиления интеграции, а также финансовой помощи, в том числе посредством экономических инструментов Нового банка развития. Взаимодействие в области креативных индустрий также позволит объединению более осознанно создавать технологии и предлагать творческие решения глобальных проблем, в частности в сфере экологии и устойчивого развития.

Таким образом, сотрудничество такого рода способствует укреплению взаимопонимания между народами, обмену опытом и культурными ценностями, что делает БРИКС уникальной площадкой для развития культурно-гуманитарного взаимодействия стран.

Список источников и литературы

1. *Хестанов Р. З.* Креативные индустрии — модели развития // Социологическое обозрение. 2018. № 3. С. 173–196.
2. *Белокрылова О. С., Дубская Е. С.* Мировой опыт формирования креативной экономики и возможности его использования в России // Пространство экономики. 2013. № 4–2. С. 5–11.
3. Trade and the creative economy // UNCTAD. 2023. URL: https://unctad.org/topic/trade-analysis/creative-economy (дата обращения: 15.11.2025).
4. Creative Economy Outlook 2024 // UNCTAD. 2024. URL: https://unctad.org/publication/creative-economy-outlook-2024 (дата обращения: 15.11.2025).
5. Креативная экономика: как культура, творчество, инновации влияют на финансы и умы // TV BRICS. 21.10.2025. URL: https://tvbrics.com/news/kreativnaya-ekonomika-kak-kultura-tvorchestvo-innovatsii-vliyayut-na-finansy-i-umy/ (дата обращения: 30.11.2025).
6. Перспективы развития креативных экономик в странах БРИКС+ // Kept. 30.05.2025. URL: https://assets.kept.ru/upload/pdf/2024/05/ru-creative-industries-brics-countries-kept-survey.pdf (дата обращения: 30.11.2025).
7. Рейтинг инновационной привлекательности мировых городов – 2024 // ИСИЭЗ ВШЭ. 2024. URL: https://issek.hse.ru/news/963818930.html (дата обращения: 30.11.2025).
8. Declaration of the X BRICS ministers of culture meeting // BRICS Brasil 2025. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

9. Страны БРИКС расширяют культурное сотрудничество // Министерство культуры Российской Федерации. 24.05.2022. URL: https://culture.gov.ru/press/news/strany_briks_rasshiryayut_kulturnoe_sotrudnichestvo/ (дата обращения: 01.12.2025).
10. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. // Сайт председательства России в БРИКС в 2020 году. — URL: https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
11. В список общих ценностей стран БРИКС вошло 12 понятий // ТАСС 17.09.2025. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25077333 (дата обращения: 01.12.2025).
12. Brazil hosts BRICS Film Festival to promote cultural cooperation of the Global South // TV BRICS. 28.11.2025. URL: https://tvbrics.com/en/news/brazil-hosts-brics-film-festival-to-promote-cultural-cooperation-of-the-global-south/ (дата обращения: 01.12.2025).
13. Международный кинофестиваль Echo Film Festivals BRICS пройдет в Москве // Министерство культуры РФ. 03.09.2025. URL: https://culture.gov.ru/press/news/mezhdunarodnyy_kinofestival_ekho_festivaley_stran_briks_proydet_v_moskve/ (дата обращения: 01.12.2025).
14. BRICS International Fashion Federation Established with Signed Declaration in Moscow // BRICS+ Fashion Summit URL: https://fashionsummit.org/news/brics-international-fashion-federation-established (дата обращения: 01.12.2025).
15. BRICS Alliance of Museum: Promote intercultural understanding // CHINA SCIO URL:http://english.scio.gov.cn/internationalexchanges/2019-11/13/content_75402736.htm (дата обращения: 01.12.2025).

Зверева Антонина Алексеевна

МГИМО МИД России
Международно-правовой факультет
Магистратура

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ОТ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ К ИНСТРУМЕНТАМ ГИБКОЙ КООПЕРАЦИИ

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CULTURAL INTEGRATION MECHANISMS FROM SUPRANATIONAL MODELS TO FLEXIBLE COOPERATION TOOLS

Аннотация. Автор статьи доказывает, что устойчивость интеграционных процессов невозможна без развития культурного сотрудничества, которое обычно развито не так, как экономико-правовые аспекты. На основе сравнительно-правового анализа институциональных механизмов и нормативной базы сотрудничества в сфере культуры исследуются три модели культурной интеграции с участием России: Союзное государство (глубокая интеграция на основе общей исторической судьбы стран-членов), СНГ (кооперация с гармонизацией законодательства и разработкой модельных законов) и БРИКС (гибкая кооперация). Делается вывод о том, что интенсивность культурного диалога зависит от политической воли участников, а не от их исходной культурной близости.

Ключевые слова: интеграция в сфере культуры, интеграционные объединения, Союзное государство, СНГ, БРИКС

Abstract: the article proves that the sustainability of integration processes is impossible without developing cultural cooperation, which remains less institutionalized than economic and legal aspects. Using comparative legal analysis of institutional mechanisms and regulatory frameworks, the study examines three models of cultural integration involving Russia: the Union State (deep integration based on a common historical destiny and developed treaty law), the CIS (cooperation through harmonization of legislation and model laws), and BRICS (a flexible network model based on dialogue and declarations). It is concluded that the choice of model depends not on the initial cultural proximity but on the political will of the participants, which determines the desired intensity of cultural dialogue.

Keywords: cultural integration, integration associations, comparative legal analysis, institutional mechanisms, the Union State, CIS, BRICS

Интеграционные объединения и движения современности являются сегодня по большей части площадками по кооперации в вопросах, связан-

ных с политикой и экономикой. Однако растет понимание того, что устойчивость интеграционных процессов совершенно невозможна без культурной составляющей. Культурная интеграция является инструментом укрепления доверия и способствует лучшему пониманию национальных идентичностей, формируя дружескую атмосферу взаимопонимания.

Актуальность исследования заключается в существующем значительном дисбалансе между развитостью экономико-правовых и гуманитарно-культурных механизмов в большинстве интеграционных объединений. **Научной новизной** является проведение сравнительного анализа моделей кооперации именно по критериям нормативной базы и институциональных механизмов, регулирующих культурное сотрудничество в рамках некоторых интеграционных объединений, в которых принимает участие Россия и которые активно реализуют совместную политику в том числе и в области культуры (Союзное государство, СНГ, БРИКС). Основными методами, использованными при написании работы являются сравнительно-правовой метод, метод анализа и логический метод.

Универсальной модели или единых правовых механизмов того, каким образом и какого масштаба будет культурная близость в объединении, не существует. Нельзя также выявить определенную закономерность, ведь обозначать, что эффективность правовых механизмов культурной интеграции прямо коррелирует с тем, какой уровень представлен наднациональным институтам, с тем, насколько близки культурны изначально, было бы неверным. Скорее государства-участники сами определяют, насколько интенсивной будет культурная жизнь в объединении. Таким образом, исследуемые модели представляют собой спектр возможностей: от построения единого пространства до гибкой сетевой кооперации.

На наш взгляд, наиболее глубокая интеграция происходит в Союзном государстве, объединении Российской Федерации и Республики Беларусь [1]. Россия и Беларусь демонстрируют высокую степень культурной и правовой близости. Политика Союзного государства в сфере культуры направлена на сохранение общих исторических ценностей, противодействие фальсификации истории и развитие творческой активности народов России и Беларуси. Правовой базой осуществления российско-белорусского сотрудничества в сфере культуры являются Соглашение между Правительством РФ и Правительством РБ о сотрудничестве в области культуры, образования и науки от 21 февраля 1995 г., а также подписываемые в рамках данного соглашения программы между министерствами культуры Российской Федерации и Республики Беларусь, и, несомненно, Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. Беларусь и Россию связывают общность исторических судеб, что подчеркнуто в преамбуле Договора о создании Союзного

государства [2]. Действующим рабочим документом в области сотрудничества на текущий момент являются Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 г. Основным органом, который реализует совместные программы в области культуры, является Постоянный комитет Союзного государства. Это постоянно действующий наднациональный орган, наделенный реальными координационными, распорядительными и контрольными функциями. Он обеспечивает непрерывность интеграционной политики, осуществляемой обеими странами. Осуществляются масштабные совместные проекты в области сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне (например, реставрация мемориальных комплексов «Брестская крепость-герой» и «Хатынь»), кинематографии, выставок, фестивалей. Значимыми мероприятиями в области культуры являются Международный фестиваль искусств «Славянский базар» в Витебске, Премия Союзного государства в области литературы и искусства и другие мероприятия [3]. Таким образом, в Союзном государстве происходит не просто сотрудничество, а строительство единого гуманитарно-правового пространства, где кооперация в области культуры является цементирующим слоем интеграции.

СНГ — это организация, уровень интеграции в которой предполагает не просто близкую кооперацию, но и гармонизацию законодательства [4]. Правовая база сотрудничества в области культуры очень обширна. 15 мая 1992 г. в Ташкенте было принято Соглашение о сотрудничестве в области культуры, подписанное главами правительств всех государств-учредителей СНГ. Институционализация сотрудничества началась 26 мая 1995 г. с создания Совета по культурному сотрудничеству. СНГ известно изданием своих модельных законов, каким является, например, Модельный закон «О культуре» 2004 г. [5]. Но, хотя правовая база в данном случае очень обширна, она носит скорее декларативный характер. В 2018 г. в Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей была принята новая редакция Модельного закона о культуре. Его уникальность заключается в том, что он охватывает большое количество сфер культуры, которые традиционно разделены на разные законы в правовой системе России и в других близких ей правовых системах или которые вообще не имеют самостоятельного регулирования. Последним из отдельных соглашений было принято Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в области музейного дела 31 мая 2019 г. Несмотря на то, что эти документы не предлагают обширного регулирования, их ценность заключается в закреплении основ совместной работы и ценностной опоры в этой сфере, что дает не просто правовую определенность, но и уверенность в совместных намерениях. Основным органом, действующим в этой области, является Совет по культурному сотрудниче-

ству, а также большое значение имеют базовые организации — институции культуры в государствах-участниках, которые дополнительно занимаются и вопросами продвижения интересов интеграции СНГ [6]. Ими являются, например, Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева, Всероссийский государственный институт кинематографии имени А. С. Герасимова, Таджикский государственный академический театр оперы и балета имени С. Айни и другие. Отдельно следует отметить работу государств-участников по сохранению исторической памяти. 9 мая 2025 г. в Москве выступил Молодежный сводный хор СНГ, созданный по инициативе Российской Федерации. СНГ выработало устойчивую модель сотрудничества в области культуры, опирающуюся на серьезный правово-институциональный каркас, который позволяет сохранить государствам-членам общее ядро и общие ценности [7].

БРИКС, которое еще несколько лет назад по своей правовой природе считалось скорее конференцией, нежели интеграционным объединением, представляет собой пример модели гибкой сетевой кооперации. Интеграция в сфере культуры и креативной экономики является разнородной, но скоординированной, в том числе в рамках иных международно-правовых организаций [8]. Она строится не на единой правовой базе, а на принципах диалога и взаимного уважения. Основу сотрудничества составляют декларации по итогам саммитов, совместные декларации министров культуры. В 2014 г. была принята Форталезская декларация, в которой главы государств и правительств впервые заявили о значимости культурной дипломатии как инструмента укрепления взаимопонимания между народами. 17 июня 2015 г. состоялась первая встреча министров культуры государств-членов БРИКС. Тогда же было принято Соглашение между правительствами стран БРИКС о сотрудничестве в области культуры. Текущим документов, регулирующим деятельность стран БРИКС в этой области является План действий по реализации Соглашения между правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры на 2022–2026 гг. В мае 2025 г. прошла Десятая встреча министров культуры государств-членов БРИКС. По ее итогам была принята Декларация [9]. Ее основными тезисами стали:

1) Культура — основа устойчивого развития, социальной сплоченности и защиты окружающей среды. Стремление к более справедливости и многополярном миру.
2) Создание этичной, безопасной экосистемы ИИ, уважающей культурное разнообразие, языки, авторские права и права человека.
3) Включение культуры как отдельной цели в пост-2030 Повестку дня в области устойчивого развития.

4) Возврат культурных ценностей странам происхождения признается важным для социальной справедливости, исторической памяти и международного сотрудничества.
5) Создание платформы по креативным индустриям в рамках Рабочей группы БРИКС по культуре. Приветствие расширения БРИКС (включая Индонезию) как усиления альянса Глобального Юга.

В БРИКС нет наднациональных органов и жесткий обязательств. Кооперация строится на добровольности и консенсусе. Однако работают профессиональные сетевые альянсы. В области культуры это, например, сетевые альянсы музеев и библиотек. 1 ноября 2025 г. в Музее «АТОМ» на ВДНХ в рамках первого Международного научно-туристического форума Discover АТОМ состоялось подписание меморандума о создании Ассоциации научно-технологических музеев стран БРИКС. Подписанный документ закрепил партнёрство между ключевыми площадками стран и открыл новую главу в развитии научно-популярного туризма [10]. Регулярно проходят мероприятия, посвященные развитию креативных индустрий в странах БРИКС, как, например, Форум креативного бизнеса в 2024 г. Стоит также отметить, что страны БРИКС активно развивают свои арт-рынки, которые тоже становятся площадками кооперации. Главными преимуществами являются в данном случае гибкость в выборе инструментов взаимодействия в силу отсутствия жестких наднациональных структур и необыкновенное разнообразие культур народов стран БРИКС. Именно они обеспечивают нахождение новых решений в сфере культуры в многополярном мире.

Итак, проведенное исследование показывает, что культурная интеграция в объединениях с участием России реализуется через принципиально разные институционально-правовые модели. Союзное государство олицетворяет модель глубокой интеграции с общим наднациональным управлением, СНГ — модель гармонизации с развитым рамочным правом и сетевыми институтами, а БРИКС — сетевую диалоговую модель, ориентированную на проекты и общие принципы. Ключевой вывод заключается в том, что выбор модели и ее эффективность определяются не степенью исходной культурной близости (которая высока в Союзном государстве и СНГ, но минимальна в БРИКС), а политической волей участников, формирующей желаемый уровень интенсивности и институциональной «глубины» культурного диалога. У каждой модели есть свои конкурентные преимущества: стабильность и системность, создание общего правового поля, адаптивность и гибкость. Эти выводы имеют практическую ценность и могут быть учтены при выработке стратегий культурного сотрудничества как в существующих объединениях, так и в формирующихся форматах многостороннего взаимодействия, где культура все чаще признается стратегическим ресурсом устойчивого развития и мягкой силы.

Список источников и литературы:

1. Союзное государство как образец взаимодействия в науке и культуре // Парламентское собрание Союза Беларуси и России. — URL: https://belrus.ru/info/soyuznoe-gosudarstvo-kak-obrazec-vzaimodejstviya-v-nauke-i-kulture/ (дата обращения: 02.11.2025).
2. *Мануилова П. В.* Сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере культуры в рамках Союзного государства // Постсоветские исследования. — 2019. — № 6. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-belarus-v-sfere-kultury-v-ramkah-soyuznogo-gosudarstva (дата обращения: 31.10.2025).
3. Щеткина: политика Союзного государства в сфере культуры направлена на сохранение общих исторических ценностей народов Беларуси и РФ // Официальный информационно-аналитический портал Союзного государства. — URL: https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/shchetkina-politika-soyuznogo-gosudarstva-v-sfere-kultury-napravlena-na-sohranenie-obshchih-istoricheskih-cennostey-narodov-belarusi-i-rf (дата обращения: 01.11.2025).
4. *Савченко Е. А.* Общее культурное пространство стран СНГ: перспектива гармонизации законодательства // Правовая информатика. — 2024. — № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschee-kulturnoe-prostranstvo-stran-sng-perspektiva-garmonizatsii-zakonodatelstva (дата обращения: 01.11.2025).
5. Модельный закон «О культуре»: принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2004 г. // Информационный портал СНГ. — URL: https://eccis.org/page/7842/modelnyj-zakon-o-kulture (дата обращения: 01.11.2025).
6. Нормативно-правовая база сотрудничества в сфере культуры в СНГ // Информационный портал СНГ. — URL: https://e-cis.info/cooperation/3102/ (дата обращения: 31.10.2025).
7. Страны СНГ проявляют взаимный интерес к культуре и традициям, заявил Путин // РИА Новости. — 2024. — 8 октября. — URL: https://ria.ru/20241008/sng-1977026128.html (дата обращения: 02.11.2025).
8. Постпред РФ: формат партнерства БРИКС в ЮНЕСКО вызывает интерес других стран // ТАСС. — 2024. — 11 июня. — URL: https://tass.ru/politika/22477465 (дата обращения: 31.10.2025).
9. BRICS Declaration: X BRICS Ministers of Culture Meeting, July 26, 2025 // Official website of the BRICS. — URL: https://brics.br/pt-br/documentos/people-to-people-p2p/2505_brics-declaration-x-brics-ministers-of-culture-meeting.pdf/@@download/file (дата обращения: 31.10.2025).
10. В Москве подписан меморандум о создании Альянса научно-технологических музеев стран БРИКС // Delarte. — 2023. — 16 ноября. — URL: https://delartemagazine.com/news/v-moskve-podpisan-memorandum-o-sozdanii-alyansa-nauchno-texnologicheskix-muzeev-stran-briks/ (дата обращения: 01.11.2025).

Куликова Ольга Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ АВСТРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АЛЬПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

AUSTRIAN CULTURAL DIPLOMACY AS AN INSTRUMENT FOR INTERCULTURAL INTEGRATION IN THE ALPINE REGION

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа инструментов культурной дипломатии Австрийской Республики в Альпийском регионе. Автор рассматривает многоуровневую систему управления развитием Альп и проекты культурных связей, инициированные среди соседних государств. Исследование демонстрирует, что австрийская культурная дипломатия в регионе трансформировалась от инструмента урегулирования конкретных этнополитических противоречий к механизму формирования общей региональной идентичности, а культурные проекты стали инструментами для интеграции экологической повестки во все сферы сотрудничества.

Ключевые слова: культурная дипломатия; Альпийский регион; межкультурная интеграция; региональная идентичность; Альпийская конвенция

Annotation. The article attempts to analyze the instruments of cultural diplomacy employed by the Republic of Austria in the Alpine region. The author examines the multi-level governance framework for the development of the Alps and the cultural cooperation projects initiated among neighboring states. The research demonstrates that Austrian cultural diplomacy in the region has evolved from a tool for resolving specific ethnopolitical tensions into a mechanism for fostering a shared regional identity, with cultural projects increasingly serving as instruments for integrating the ecological agenda into all spheres of cooperation.

Keywords: cultural diplomacy; Alpine region; intercultural integration; regional identity; Alpine Convention

Введение

Культурная дипломатия Австрии представляет собой многоуровневую систему, являющуюся частью внешней политики, и делает акцент на интеграции культурных ценностей. Культурная дипломатия задаёт методы внешнеполитической деятельности и рассматривается как важнейший элемент международной стратегии любой страны [1]. В рамках Альпийского региона

она демонстрирует изменение от инструмента урегулирования конкретных этнополитических противоречий к механизму формирования региональной идентичности и диалога с государствами.

Настоящее исследование анализирует инструменты культурной дипломатии Австрии, реализуемые через программы приграничного сотрудничества в Альпийском регионе. Целью является анализ влияния и изменения механизмов на межкультурную интеграцию и формирование общего пространства для диалога. Актуальность исследования обусловлена изменением бюджетных и политических приоритетов в регионе, и, следовательно, необходимостью адаптации культурных проектов к новым вызовам и поиска факторов, обеспечивающих устойчивость международного культурного взаимодействия. Австрийский подход рассматривается как процесс совместного создания общих ценностей через кооперацию. Этот подход реализуется в рамках сложившейся многоуровневой системы управления развитием Альп, где различные организации, при схожих приоритетах устойчивого развития, используют разные методы и охватывают разные территории. Фундаментом системы — Рамочная конвенция о защите Альп *(Alpine Convention)*, являющаяся правовой базой, устанавливающей основные принципы устойчивого развития в регионе. Макрорегиональная стратегия ЕС для Альпийского региона *(EUSALP)* обеспечивает политическую координацию между странами. Практическое воплощение этих идей происходит через программы *Interreg (Alpine Space, Italy-Austria)*, финансирующие конкретные трансграничные проекты. В эту деятельность активно включены и неправительственные организации, такие как Международная комиссия по защите Альп *(CIPRA)* и Сеть охраняемых природных территорий *(ALPARC)*. Роль Австрии в этой системе центральна, а именно, будучи одним из инициаторов Альпийской конвенции и активным участником всех структур, государство через своих экспертов влияет на общую повестку.

Методологическую базу исследования представляет качественный контент-анализ порталов *Interreg*, Европейской стратегии в Альпийском регионе и Международной комиссии по защите Альп, направленных на развитие культурной интеграции, а также case-study. Институциональный метод, в свою очередь, позволил выявить иерархию, компетенции и характер взаимодействия между ключевыми акторами, такими как *BMEIA*, правительства земель, структуры ЕС и неправительственные организации. В ходе анализа было определено изменение концепции и приоритетов в программных периодах 2014–2020 и 2021–2027 годов. Более того, культурные проекты перестали рассматриваться автономно, а стали использоваться как инструменты влияния на экологию и цифровизацию.

Концептуальные рамки и институциональная адаптация Австрии в ЕС

Концепция культурной дипломатии как инструмента внешней политики остается предметом научных дискуссий, поскольку в научной литературе отсутствует единое понимание её терминологических границ и содержательного наполнения [2]. Ранее государства периодически обращались к подобным методам, но их поддержка часто была непоследовательной, а официальные лица полагались на более традиционные средства. Однако в эпоху глобализации, развития информационного общества и сетевых коммуникаций значение культурной дипломатии как важного инструмента международного взаимодействия возросло. По своей природе культурная дипломатия является ситуативной и гибкой и полезна для преодоления различий между странами и создания новых каналов для диалога [3]. Хоть она не в силах разрешить глубокие политические противоречия, культурная дипломатия может смягчить напряженность и создать дополнительные возможности для установления контактов и взаимопонимания [4]. Наиболее распространённым и цитируемым остается определение Милтона Каммингса, согласно которому, культурная дипломатия — «обмен идеями, информацией, искусством и другими аспектами культуры между нациями и их народами для содействия взаимопониманию» [5].

В Австрии основной целью внешней политики является развитие международных связей и продвижение национальных интересов, проблем и взглядов в рамках глобальных и региональных организаций, членом которых страна является [6]. Культурная дипломатия служит ключевым инструментом для достижения этой цели в сфере искусства, культуры и науки. Вступление Австрии в Европейский союз в 1995 году и введение в действие Лиссабонского договора в 2009 году стали двумя важнейшими этапами, определившими современную траекторию австрийской дипломатии [7]. Членство в ЕС потребовало от австрийских дипломатов пересмотреть устоявшиеся подходы, особенно принцип нейтралитета, и научиться активно формулировать и отстаивать национальные позиции в рамках сложной системы многосторонних переговоров. Лиссабонский договор, создав Европейскую службу внешних дел (ЕСВД), усилил дипломатическую координацию между государствами-членами [8].

Рассматривая австрийский подход, Б. Маттош подчеркивает уникальность нейтралитета как важной составляющей внешнеполитического профиля Австрии и отмечает значительный потенциал культурной дипломатии, основанный на богатом историческом наследии [9]. Х. Маурер указывает, что австрийская дипломатия в большей степени реактивно приспосабливалась к общеевропейским и глобальным трендам, чем инициировала само-

стоятельные трансформации, при этом сталкиваясь с ограничениями в виде сокращения бюджетного финансирования. Институционально культурная политика Австрии находится в ведении Федерального министерства Европы, интеграции и иностранных дел *(BMEIA)*. В его структуре ключевую роль играет Главное управление по международным культурным делам, которое осуществляет стратегическое планирование и курирует всю международную культурную и научную деятельность. Под его эгидой работают Австрийские культурные форумы, институты, библиотеки за рубежом, формируя разветвленную инфраструктуру мягкой силы. Через эту инфраструктуру реализуются культурные мероприятия, целенаправленно позиционирующие Австрию как центр искусств и инноваций. Стратегические основы этой деятельности закреплены в программном документе «Австрийская международная культурная политика 2020 года». Приоритетными направлениями в настоящее время, согласно ему, являются: 1) культура, инновации и экология, 2) цифровизация, 3) научное сотрудничество и научная дипломатия, 4) межкультурный диалог, 5) культура и права человека, 6) объединение институтов культуры стран Европейского союза *(EUNIC)*, 7) женщины в искусстве, культуре и наук [6].

Роль австрийской культурной дипломатии в урегулировании тирольского вопроса

Показательным результатом влияния австрийской культурной дипломатии в Альпийском регионе является нормализация отношений между федеральной землей Тироль и автономной провинцией Италии, Южный Тироль, которая иллюстрирует успешное применение «мягкой силы». Ключевым инструментом в этом процессе выступил языковой механизм, в частности, реализация двуязычных образовательных программ [10]. Это способствовало не только сохранению языковой идентичности, но и созданию общего культурно-коммуникативного пространства. Его формирование было дополнено проведением совместных мемориальных мероприятий и фестивалей, которые актуализировали общее историко-культурное наследие. Эффективность данных инициатив была обеспечена за счет многоуровневого управления, включающей взаимодействие на межправительственном, региональном и местном уровнях. В то время как федеральное правительство Австрии фокусировалось на выработке правовых гарантий для немецкоязычного меньшинства, правительства земель Тироль и Зальцбург развивали практическое сотрудничество с Южным Тиролем, уделяя особое внимание вопросам культурной интеграции. На местном уровне конкретные проекты реализовывались в рамках местных сообществ *CLLD (Community-Led Local Development)*, например, совместные культурно-исторические выставки,

программы студенческого обмена, музыкальные фестивали и проекты по сохранению архитектурного наследия [11]. Так, признание ценности культурного плюрализма способствовало успешному разрешению противоречий и создало основу для углубления сотрудничества. В настоящее время это сотрудничество не прекращается, а только укрепляется благодаря новым программам и проектам в регионе.

Инструменты культурной дипломатии в Альпах

Программа приграничного сотрудничества Interreg Italy-Austria направлена на преодоление барьеров и стимулирование совместного развития в альпийском регионе, а также способствует поддержанию отношений Южного Тироля и Тироля с помощью проведения культурных и научных мероприятий [12]. Она объединяет шесть регионов-партнеров: с итальянской стороны — Южный Тироль, Венето и Фриули-Венеция-Джулия, с австрийской — Тироль, Зальцбург и Каринтию. В новом программном периоде 2021–2027 годов приоритеты были пересмотрены в сторону большей интеграции и акцента на устойчивость. Основными целями теперь являются создание более конкурентоспособной и «умной» экономики через развитие исследований и инноваций, обеспечение «зеленого» перехода с фокусом на адаптацию к изменению климата и защиту биоразнообразия, а также поддержка социальной инклюзии через развитие культуры и устойчивого туризма. Сравнивая текущую программу с предыдущим периодом (2014–2020), можно отметить концептуальное изменение — в настоящее время экологическая и климатическая повестка приобрела сквозной характер, являясь частью всех сфер [13]. Задачи культурного сотрудничества теперь чаще формулируются через призму устойчивости, цифровизации и социального включения, а не как автономная ценность. Культурная политика становится инструментом для достижения более широких социально-экологических целей. Так проект *«Learn-Out»* превращает культурные объекты в ресурсы для межкультурного образования и изучения экологических особенностей [14]. А инициатива *«E5 Green and Digital»*, в свою очередь, направлена на цифровизацию и экологизацию туристического маршрута [15]. Они демонстрируют, как культурные инициативы напрямую связываются с задачами устойчивого развития, социальной сплоченности и инновационного преобразования всего приграничного пространства.

Европейская макрорегиональная стратегия для Альпийского региона *(EUSALP)* представляет собой инициативу ЕС, направленную на координацию политики и совместное решение трансграничных проблем семи стран (Австрия, Франция, Германия, Италия, Словения, Лихтенштейн, Швейцария) и 48 регионов. Её цель — достичь устойчивого развития через

синхронизацию усилий в таких сферах, как экономическая конкурентоспособность, социальная сплоченность и охрана окружающей среды [16]. Реализуясь через тематические рабочие группы, стратегия создает основу для многоуровневого диалога, способствуя преодолению административных границ и формированию общего видения Альп как модели устойчивого развития. В рамках *EUSALP* культурная дипломатия Австрии изменяется в сторону «дипломатии устойчивого развития». Активно используя свои возможности, особенно в периоды председательства в 2025 году, Австрия продвигает общие альпийские ценности — баланс инноваций и наследия, ответственный туризм и сохранение ландшафта. Через участие в *EUSALP* Австрия укрепляет свою роль как влиятельного участника, формирующего общую повестку устойчивого развития Альпийского региона и предлагающего этот опыт для применения на уровне ЕС.

Interreg Alpine Space является ключевой программой Европейского Союза по поддержке трансграничного сотрудничества в Альпийском регионе. Она была создана в 2000 году и объединяет семь государств: Австрию, Францию, Италию, Германию, Словению, Лихтенштейн и Швейцарию, а также их отдельные регионы. В рамках текущего программного периода с 2021 по 2027 год работа сосредоточена на четырех приоритетах: повышение устойчивости к изменению климата и «зелёное» развитие региона, достижение углеродной нейтральности и рациональное использование ресурсов, внедрение инноваций и цифровых технологий для экологических целей, а также укрепление совместного управления и развития региона [17]. В решении общерегиональных задач значительную роль играют австрийские научные институты, например, исследователи Университета Инсбрука активно участвуют в ключевых проектах программы, связанных с климатическим мониторингом, адаптацией к изменениям окружающей среды, управлением природными рисками и сохранением биоразнообразия [18]. Финансируя проекты, программа обеспечивает применение результатов научных исследований и разработок, например, в сфере адаптации к изменению климата или создании систем оповещения о природных угрозах. Это, в свою очередь, помогает согласовать единые подходы к пространственному планированию и охране природы, способствуя выработке общих принципов трансграничного управления.

Выводы

В заключение необходимо отметить, что культурная дипломатия Австрии в Альпийском регионе перешла от решения локальных конфликтов к формированию общей региональной идентичности, а также способствовала созданию стабильного межкультурного взаимодействия.

Этот процесс осуществляется через многоуровневое сотрудничество, где общерегиональные инициативы сочетаются с местными проектами, хоть. Ключевой особенностью является интеграция экологической повестки во все сферы сотрудничества, включая культурную. Культурные проекты теперь разрабатываются как инструменты для достижения «зеленых» целей, а именно сохранения природного и культурного ландшафта, развития устойчивого туризма, экологического просвещение через искусство и науку. Эта «экологизация» сотрудничества отражается на культурной дипломатии и от демонстрации национальных достижений переходит к совместному созданию и управлению общим ресурсом. Следовательно, успех австрийского подхода заключается в его адаптивности, способности сочетать традиционные инструменты культурного диалога с актуальными глобальными вызовами и умении интегрировать свои инициативы в многоуровневую систему европейского и регионального управления. В результате, культурная дипломатия способствует межгосударственному взаимопониманию и становится практическим механизмом построения альпийского сообщества.

Список источников и литературы

1. *Боголюбова Н.М., Николаева Ю. В.* Проблемы и перспективы международного культурного сотрудничества в XXI веке // Межкультурная коммуникация. 2025. С. 561–576
2. *Goff p.* Cultural diplomacy // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy. 2013. pp. 1–19
3. *Clarke D.* Cultural diplomacy // Oxford Research Encyclopedias: International Studies, Oxford University Press. 2020. P. 1–51
4. *Dewey p.* Power in European Union Cultural Policy // International cultural policies and power. p. 113–127
5. *Cummings M.* Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey // Center for Arts and Culture. 2003
6. The international cultural relations at the Federal Ministry of European and international affairs (BMEIA). Basic Principles, Key Areas and Programmes // Federal Ministry Republic of Austria. 2020
7. *Maurer H.* Austrian Diplomacy in a Changing Global and European Context: Between Innovation, Adaptation and Resilience. Austrian Journal of Political Science, 45(2), 2016. P. 35–47
8. Alecu de Flers N. EU Foreign Policy and the Europeanization of Neutral States // Comparing Irish and Austrian Foreign Policy. 2012
9. *Goda N., Čiefová M.* Cultural Diplomacy Of Selected Countries In A Comparative Perspective // Folia Geographica. Vol. 61, No. 2. 2019, P. 172–189
10. *Freshfield D. W.* The Southern Frontiers of Austria // The Geographical Journal, Vol. 46, No. 6, p. 414–433

11. *Haller M.* South Tyrol — an economic or political success story? An investigation of the factors contributing to the solution of an ethnic-national conflict // Working Group International Comparative Social Research. No 49. P. 131–154.
12. Interreg VI-A Italy-Austria 2021-2027 // Cooperation Programme. URL: https://interreg.net/en/interreg-italy-austria-2021-2027/ (дата обращения: 09.12.2025)
13. Interreg V-A Italy-Austria 2014-2020 // Cooperation Programme. URL: https://interreg.net/en/program-interreg-it-at-2014-2020/ (дата обращения: 09.12.2025)
14. Project «Learn-Out» // Interreg VI-A IT-AT 2021-2027. URL: https://interreg.net/en/projects-interreg-it-at/learnout/ (дата обращения: 09.12.2025)
15. Project «E5 Green and Digital» // Interreg VI-A IT-AT 2021-2027. URL: https://interreg.net/en/projects-interreg-it-at/e5-green-digital/ (дата обращения: 09.12.2025)
16. AG6 work programme for the period 2023-2025// EUSALP. URL: https://www.alpconv.org/en/home/projects/eusalp-action-group-6/ (дата обращения: 09.12.2025)
17. Interreg Alpine Space Programme 2021-2027 // Interreg 2022.
18. Interreg Alpine Space. URL: https://www.alpine-space.eu/ (дата обращения: 09.12.2025)

Лайнберри Сидней Ранкин

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношении
Бакалавриат

РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ЭСТРАДНОЙ ПЕСНИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ В 1950-Е — 1980-Е ГОДЫ

THE ROLE OF SOVIET ESTRADA IN THE FOUNDATION AND DEVELOPMENT OF CULTURAL COOPERATION BETWEEN THE USSR AND SOCIALIST COUNTRIES OF EUROPE FROM THE 1950S TO THE 1980S

Аннотация. В данной статье рассматривается роль советской эстрадной песни как важного культурного и идеологического инструмента, способствовавшего укреплению сотрудничества между СССР и социалистическими странами Европы с 1950-х по 1980-е годы. Исследование, основанное на периодической печати и мемуарах, показывает, как музыка стала формой публичной дипломатии и символом международной солидарности. Фестивали, двусторонние соглашения и гастрольная деятельность превратили таких певцов, как Эдита Пьеха, Тамара Миансарова, София Ротару, Муслим Магомаев и Иосиф Кобзон, в выразителей советской культуры и ценностей. Поскольку Россия вновь находится в конфронтации с западом, сегодня можно извлечь уроки из триумфов и недостатков советской культурной дипломатии.

Ключевые слова: советская эстрадная песня, культурная дипломатия, мягкая сила, СССР, социалистические страны Европы, Интервидение, культурное сотрудничество

Abstract. This article examines the role of Soviet estrada as a major cultural and ideological instrument that contributed to strengthening cooperation between the USSR and the socialist countries of Europe from the 1950s through the 1980s. The research draws on archival sources and memoirs, showing how music became a form of public diplomacy and a symbol of international solidarity. Festivals, bilateral agreements, and touring activities turned singers such as Edita Piekha, Tamara Miansarova, Sofia Rotaru, Muslim Magomaev and Iosif Kobzon into emissaries of Soviet culture and values. As Russia is once again in confrontation with the West, lessons can be learned today from the triumphs and shortcomings of Soviet cultural diplomacy.

Key words: Soviet estrada, cultural diplomacy, soft power, USSR, Warsaw pact, Intervision, cultural cooperation

Вторая половина двадцатого века ознаменовалась ожесточенной борьбой между двумя мировыми системами, где культура играла не менее важную роль, чем политика или экономика. В условиях раскола времен холодной войны Советский Союз активно использовал искусство, особенно музыку и популярную песню, как средство укрепления солидарности между социалистическими странами и продвижения альтернативной модели цивилизации. В этом контексте советская эстрадная песня стала не только формой массового развлечения, но и носителем идеологических ценностей. Актуальность данного исследования заключается в непреходящей важности культурного сотрудничества как инструмента "мягкой силы". Советский опыт использования музыки для создания образа единства социалистических государств дает полезную информацию для современного мира, где международная напряженность вновь угрожает глобальной стабильности. Цель исследования — проанализировать механизмы, с помощью которых советская популярная песня способствовала культурному взаимодействию между СССР и его европейскими социалистическими партнерами в период с 1950-х по 1980-е годы.

После Второй мировой войны СССР заключил двусторонние договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Польшей (1945) [1], Югославией (1945) [2], Румынией (1948) [3], Венгрией (1948) [4] и Болгарией (1948) [5]; Отношения с ГДР были оформлены *Договором об отношениях* 20 сентября 1955 г., а обязательства по взаимной помощи с участием ГДР обеспечивались также многосторонним *Варшавским договором* (май 1955 г.). [6] Эти документы не только закрепляли союзнические отношения, но и предусматривали развитие культурных связей.

В 1949 году был создан Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), а в 1955 году заключён Варшавский договор, ст. 8 которого прямо устанавливала задачу укрепления культурных контактов между государствами-участниками [6]. В 1958 году Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было реорганизовано в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) — организацию, сыгравшую ключевую роль в координации международных культурных контактов [7][8].

Среди всех областей культурного сотрудничества СССР и социалистических стран Европы сфера эстрадного искусства и эстрадной песни имела важное преимущество. Оно состояло в том, эстрадная песня обладала наибольшей доступностью всем слоям населения социалистических стран, независимо от их социального положения, уровня образования, политических настроений, прямо воздействовала на слушателя с помощью слов, музыки и таланта исполнителя.

Первым ярким доказательством этого стал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, прошедший в Москве летом 1957 года. Но у культурного сотрудничества в области эстрадной песни есть много форм: проведение музыкальных фестивалей и участие в музыкальных фестивалях в СССР, направление судей на зарубежные музыкальные фестивали, проведение песенных конкурсов и участие в песенных конкурсах в СССР и за рубежом, направление судей на песенные конкурсы, участие в телевизионных программах в европейских социалистических странах.

Сотрудничество между Советским Союзом и европейскими странами социалистического лагеря через эстраду началось с VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, прошедшего в Москве летом 1957 года. В этом фестивале приняли участие 34 тыс. человек из 131 страны мира, включая и посланцев социалистических стран Европы. Самой актуальной темой была борьба за мир. Даже в лозунге фестиваля, «За мир и дружбу», отражался дух послевоенной эпохи в международных отношениях. Музыка играла большую роль в этом фестивале. К нему советскими авторами были специально написаны песни: «Если бы парни всей Земли…», «Зори московские…», «Звенит гитара над рекою…». Благодаря Фестивалю многие песни, звучавшие в дни его проведения, стали широко популярными: «Гимн демократической молодёжи», «Если бы парни всей Земли…» и другие. Важно отметить, что в Фестивале принимала участие Эдита Пьеха и ансамбль «Дружба», получившие звание «лауреатов фестиваля» с программой «Песни народов мира». На церемонии закрытия Эдита Пьеха и Владимир Трошин пели песню «Подмосковные вечера» и она стала легендарной в СССР и за его пределами. Призывы к миру и высокий уровень организации Фестиваля вызвали благоприятные отзывы за рубежом [9]. VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов стал важным инструментом народной дипломатии. Это событие помогло созданию и укреплению позитивного образа СССР в глазах молодежи всех стран.

В период “оттепели”, вместе с темами Родины, патриотизма и семьи стали более распространенными темы любви и дружбы между людьми. В 1962 был VIII Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Хельсинки. От СССР в нем приняла участие Тамара Миансарова с песней «Пусть всегда будет солнце» (Музыка Аркадия Островского, слова Льва Ошанина) — пример такого рода универсальных темах. Благодаря яркому и талантливому исполнению этой песни, Тамара Миансарова стала широко популярной. Это в значительной степени повлияло на результат ее выступления в 1963 году на 3-м международном песенном фестивале в городе Сопот в Польше. В этом году СССР первый раз участвовал и впервые победил в подобном конкурсе. Тамара Миансарова представляла Советский Союз с песней «Пусть

всегда будет солнце». Припев песни — очень простой, но памятный: «Пусть всегда будет солнце; Пусть всегда будет небо; Пусть всегда будет мама; Пусть всегда буду я». В 1961 году художником Н. П. Чарухиным был создан плакат с этими словами, который и увидел автор песни Лев Ошанин [10]. Эта песня актуальна и сегодня. В 2014 году она была исполнена на Олимпийских играх в Сочи. Певица делилась впечатлениями о влиянии своей песни на слушателей: "И слово это всех людей, переживших войну, объединило в глубоком понимании и переживании нашего общего прошлого." [11]

Новая обстановка в СССР и в мире во время Брежнева вызвала творческий подъем и дальнейшее развитие советской культуры и искусства, включая искусство эстрадной песни. Об этом свидетельствуют дальнейшие творческие успехи советских эстрадных певцов как внутри страны, так и в зарубежных странах, включая социалистические страны Европы. Ярким доказательством таких успехов стало выступление советских эстрадных певцов на IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в столице Болгарии, Софии в 1968 году. Фестиваль проходил под лозунгом «За солидарность, мир и дружбу» [12].

Советский Союз на фестивале был представлен первой женщиной-космонавтом Валентиной Терешковой, которая была председателем жюри музыкальных конкурсов фестиваля. София Ротару участвовала в конкурсе исполнителей народных песен и выиграла в нем золотую медаль и первую премию [13].

Но самой большой победой было выступление на фестивале в Софии Эдиты Пьехи и ансамбля «Дружба». Они пели многие песни: «Это Здорово», «Хорошо!», «Манжерок», — но победителем стала песня «Огромное Небо». Эта песня завоевала первое место на конкурсе политической песни и три золотые медали за стихи, музыку и исполнение [14]. Стихи песни были написаны Робертом Рождественским, а музыка — Оскаром Фельцманом. В основе песни «Огромное небо» лежала история, которая произошла 6 апреля 1966 года в ГДР. Во время тренировочного полета у самолета, которым пилотировали капитан Борис Капустин и старший лейтенант Юрий Янов, отказали двигатели и самолет мог упасть на густонаселенный район Берлина. Летчики ценой своей жизни предотвратили эту ужасную трагедию. В своих мемуарах Эдита Пьеха описала, как рождался замысел исполнения этой песни: «Решение родилось у меня в сердце. В общем, все получилось как мини спектакль» [14]. В последующем Эдита Пьеха получала письма, в которых слушатели спрашивали об ее участии в той авиакатастрофе. Так пронзительно правдиво она спела песню «Огромное небо».

Фестиваль в Софии стал для Эдиты Пьехи важной вехой в ее творчестве: «Тогда, на фестивале в Софии, я впервые поняла, что могу что-то ска-

зать своей песней собравшимся» [14]. Одновременно во время пребывания в Болгарии Эдита Пьеха пришла к выводу, «что на фестиваль приезжают не только те, кто последовательно отстаивает идеи мира и дружбы». Она вспоминала, как в Дом дружбы пришла группа молодежи, довольно шумно и демонстративно противопоставлявшая свои взгляды идеям фестиваля. “И я стала петь, глядя им в глаза: «Никогда хлебам не гореть, миру — мир, смерти — смерть!». И до сих пор помню чувство удовлетворения, когда в зале наступила тишина, — та заинтересованная тишина, когда артист чувствует, когда его понимают” [14].

Многоязычный репертуар Софии Ротару воплощал идеалы советской культурной дипломатии 1970-х годов. Исполняя песни на русском, украинском и молдавском языках, она много гастролировала по социалистическим странам, символизируя единство различных национальных культур СССР в рамках общей идеологии. Ее творчество отражало концепцию пролетарского интернационализма, которую советские власти активно продвигали как альтернативу западной культурной гегемонии.

Триумф Ротару на фестивале “Золотой Орфей” в Болгарии в 1973 году ознаменовал не только личный успех, но и победу советского культурного представительства за рубежом. Своей песней на молдавском языке “Мой город” (музыка Евгения Доги) и произведением на болгарском языке “Птица” Ротару продемонстрировала, что язык советской музыки может преодолевать границы и находить отклик у слушателей по всему социалистическому миру. “Мой город”, который позже стал неофициальным гимном Кишинева, выражал привязанность к родине и гордость за повседневную жизнь — ключевые мотивы советского лирического патриотизма [15].

В 1977 году Советский Союз предложил создать новый международный конкурс песни, который был бы открыт для стран Восточного блока и служил бы аналогом ориентированного на Запад конкурса песни “Евровидение”. организованный Международной организации радиовещания и телевидения (OIRT) в Праге. Задуманный как платформа для художественного обмена между социалистическими странами, он отражал более широкую цель СССР — содействие культурному сотрудничеству и самопрезентации независимо от западных медиа-структур. В конкурсе, который ежегодно проводился в Сопоте, Польша (1977–1980), приняли участие исполнители со всего Восточного блока и некоторых западных стран. В отличие от “Евровидения”, его оценивало профессиональное жюри, и в нем особое внимание уделялось коллективным творческим достижениям, а не коммерческому соревнованию. Однако экономический кризис и политические волнения в Польше, а также снижение единства в социалистическом сообществе привели к его приостановке в 1980 году.

В 1980-х годах советская эстрада достигла завершающей стадии своего становления как инструмент культурной дипломатии и мягкой силы в Восточной Европе. Несмотря на растущие политические и экономические трудности, советские исполнители продолжали доминировать на международных песенных фестивалях, таких как "Золотой орел" в Болгарии, "Сопот" в Польше и "Братиславская лира" в Чехословакии. Такие артисты, как Валерий Леонтьев, София Ротару, Муслим Магомаев and Иосиф Кобзон стали символами советского культурного престижа за рубежом. Десятилетие открылось Московской Олимпиадой 1980 года, где музыка воплотила в себе представление СССР о мире и современности. Песни с Олимпиады до сих пор вспоминают с теплотой. Многие из самых ярких песен были написаны дуэтом мужа и жены Николаем Добронравовым и Александрой Пахмутовой, например, "Темп" в исполнении Софии Ротару. Об этом пишет газета "Культура": "Первые же строчки Добронравова («Старт, рывок и финиш золотой…»), виртуозно нанизанные на встревоженно-волнительную тему Пахмутовой, живописуют саму суть спортивного состязания." [16] Заключительная песня "До свиданья, Москва", также написанная А. Пахмутовой и Н. Добронравовым и исполненная Львом Лещенко и Татьяной Анциферовой, сыграла важную роль в создании ставшей культовой сцены ухода Мишки с Центрального стадиона имени Ленина. По сообщению газеты "Культура", "Существует полулегенда, согласно которой в сценарии закрытия Олимпиады-80 в месте исполнения финальной песни стояла ремарка режиссера церемонии Иосифа Туманова: «Весь зал плачет». На что Александра Николаевна и Николай Николаевич, пожав плечами, спокойно ответили: «Заплачет, если написано»." [16]

Исследование показало, что советская эстрадная песня второй половины XX века превратилась в один из инструментов культурной дипломатии и гуманитарного сотрудничества. Через фестивали, международные конкурсы и телепроекты музыка стала универсальным языком, способным выражать идеалы мира, дружбы и солидарности, закреплённые в официальных документах социалистического содружества. Анализ актовых и нарративных источников — договоров, соглашений, мемуаров, песенных текстов и прессы — позволил проследить, как государственная политика в сфере культуры находила отражение в творчестве исполнителей, превращая искусство в средство укрепления международного имиджа СССР и формирования общего гуманитарного пространства.

Хотя исследование показывает, что советская эстрада играла важную роль в советской культурной дипломатии между социалистическими государствами Европы, в конечном счете она была недостаточно удобоваримой для преодоления гегемонии поп-культуры, созданной Соединенными Штатами, которая просачивалась в Европу на протяжении всего двадцатого века.

Сегодня, Россия извлекает уроки из своего советского прошлого — недавно Россия возродила "Интервидение" как современный международный конкурс, продолжающий наследие культурной дипломатии советской эпохи. В 2025 году в Москве состоялось первое современное мероприятие "Интервидение", в котором приняли участие представители 20 стран участвую, и Вьетнам выходит победителем. Насчёт конкурса заместитель министра иностранных дел РФ Александр Панкин отметил: "«Интервидение» — это не просто конкурс. Это современная форма гуманитарного сотрудничества. Через музыку — а это понятный всем язык — мы демонстрируем многообразие культур, наше взаимное уважение, дань самобытности и национальным традициям, духовно-нравственным устоям и ценностям, нацеленность на равноправное сотрудничество во имя добра и мира." [17]

Таким образом, советская эстрада не только отражала политические и культурные приоритеты эпохи, но и формировала гуманитарное пространство доверия и диалога между народами. Её наследие продолжает служить примером того, как искусство может выполнять дипломатические функции, объединяя разные культуры на основе общечеловеческих ценностей.

Список источников и литературы:

1. Treaty of Friendship, Mutual Assistance and Post-war Cooperation between the Republic of Poland and the Union of Soviet Socialist Republics (Moscow, 21 April 1945) // United Nations Treaty Series. — Vol. 12. — p. 70. — URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%2012/volume-12-II-70-English.pdf (дата обращения: 12.11.2025).
2. Treaty of Friendship, Mutual Assistance and Post-war Cooperation between the USSR and Yugoslavia (Moscow, 11 April 1945) // CVCE.eu by Uni.lu. — URL: https://www.cvce.eu/en/obj/treaty_between_the_ussr_and_yugoslavia_moscow_11_april_1945-en-b038ef09-f6ba-406d-b4ed-e0b57ab72271.html (дата обращения: 12.11.2025).
3. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and Romania (Moscow, 4 February 1948) // CVCE.eu by Uni.lu. — URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/3562fe2d-8744-49c1-ad42-313ac11b6417/publishable_en.pdf (дата обращения: 12.11.2025).
4. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the USSR and Hungary (Moscow, 18 February 1948) // CVCE.eu by Uni.lu. — URL: https://www.cvce.eu/en/obj/treaty_between_the_ussr_and_hungary_moscow_18_february_1948-en-95846c05-e3fe-438c-b7a5-0614c7af6c1a.html (дата обращения: 12.11.2025).
5. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the People's Republic of Bulgaria (Moscow, 18 March 1948) // CVCE.eu by Uni.lu. — URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/d4978963-9a6f-4c84-bdde-d008a492ca53/publishable_en.pdf (дата обращения: 12.11.2025).
6. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the People's Republic of Bulgaria (Moscow, 18 March 1948) // CVCE.

eu by Uni.lu. — URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1997/10/13/b1234dbc-f53b-4505-9d86-277e4f5c20d4/publishable_en.pdf (дата обращения: 12.11.2025).
7. Устав Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. — М.: Издательство агентства печати "Новости", 1981. — С. 5.
8. Материалы к 60-летию Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами / сост. Э. Г. Араслы и др. — М.: Мысль, 1985. — С. 127.
9. *Уварова Е. Д.* Русская советская эстрада 1946-1977. Очерки истории. – М.: Искусство, 1981.- С. 16.
10. Плакаты награды: Советский социальный плакат после 1945г. — Пусть всегда будет небо! Пусть всегда будет солнце! - URL:https://web.archive.org/web/20170701120524/http://softsalo.com/sovet_45_soci/soci_93.html (дата обращения — 17 октября 2025 года)
11. *Миансарова Т. Г.* И в жизни и на сцене. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2012. — С. 79.
12. Historia de los Festivales Mundiales de la Juventud y los Estudiantes // *Granma*. — URL: https://www.granma.cu/granmad/eventos/16festival/historia.html (дата обращения: 12.11.2025).
13. История Всемирных фестивалей молодёжи и студентов // *Известия*. — 2017. — URL: https://content.izvestia.ru/news/658244 (дата обращения: 12.11.2025).
14. Пьеха Э. С. «От Чистого сердца» / Пьеха Эдита. — М.: Издательство «Э», 2017. — С. 215–217 .
15. *Гудкова В.* Фолк, рок и церковный хор: хиты Софии Ротару // *Аргументы и факты*. — 07.08.2012. — URL: https://aif.ru/culture/person/35118 (дата обращения: 12.11.2025).
16. *Бочаров Д.* Весь зал заплачет: вспоминаем пять самых ярких песен Олимпиады-80 // *Портал «Культура.РФ»*. — URL: https://portal-kultura.ru/articles/music/372234-ves-zal-zaplachet-vspominaem-pyat-samykh-yarkikh-pesen-olimpiady-80/ (дата обращения: 12.11.2025).
17. Объявлен полный список стран-участниц музыкального конкурса «Интервидение» // *Известия*. — 12.06.2025. — URL: https://iz.ru/1902818/2025-06-12/obiavlen-polnyi-spisok-stran-uchastnitc-muzykalnogo-konkursa-intervidenie (дата обращения: 12.11.2025).

Ненашева Ксения Евгеньевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента,
Магистратура

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЮЖНОЙ КОРЕИ: ИНСТИТУТ ИМЕНИ КОРОЛЯ СЕДЖОНА КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

SOUTH KOREA'S CULTURAL DIPLOMACY: KING SEJONG INSTITUTE AS A TOOL OF "SOFT POWER" AND HUMANITARIAN INTEGRATION

Аннотация. В условиях геополитической нестабильности культурная дипломатия становится ключевым инструментом поддержания международного диалога. В статье анализируется деятельность Фонда Института имени короля Седжона в целом и филиала в Санкт-Петербурге в частности как инструмента культурной дипломатии Южной Кореи. На основе структурного анализа (ресурсы, акторы, инструменты, механизмы) раскрываются практические аспекты работы Фонда по распространению корейского языка и культуры. Особое внимание уделяется совмещению образовательной функции с формированием позитивного имиджа Республики Корея в других странах через языковые курсы, культурные мероприятия и образовательные лекции.

Ключевые слова: культурная дипломатия, «мягкая сила», Фонд Института короля Седжона, Южная Корея, международное взаимодействие

Abstract. In the context of geopolitical instability, cultural diplomacy is becoming a key tool for maintaining international dialogue. The article analyzes the activities of the King Sejong Institute Foundation in general and the St. Petersburg branch in particular as an instrument of cultural diplomacy of South Korea. Based on a structural analysis (resources, actors, tools, mechanisms), the practical aspects of the Foundation's work on the dissemination of the Korean language and culture are revealed. Special attention is paid to combining the educational function with the formation of a positive image of the Republic of Korea in other countries through language courses, cultural events and educational lectures.

Keywords: cultural diplomacy, "soft power", King Sejong Institute Foundation, South Korea, international cooperation

Введение

Гуманитарное сотрудничество является крайне эффективным и перспективным способом международного взаимодействия, который дает

возможность выстраивать достаточно тесные и прочные отношения вне политического контекста, но с достижением внешнеполитических целей [1]. Актуальность исследования обусловлена международной напряженностью, когда культурная дипломатия, представляющая собой инструмент мягкой силы, приобретает особую значимость и способствует формированию позитивного имиджа государства и развитию международного диалога [2]. Исследование данного феномена на примере деятельности Фонда Института имени короля Седжона раскрывает практические механизмы построения доверия между обществами. Анализ работы Фонда позволяет выявить конкретные пути формирования позитивного восприятия страны в период, когда межправительственное взаимодействие ограничено или нестабильно. Кроме того, учитывая ограничение всестороннего сотрудничества, в частности России и Южной Кореи в политико-экономической сфере, культурная дипломатия становится устойчивым каналом поддержания двусторонних коммуникаций и выступает стабилизирующим фактором, который обеспечивает базовый уровень доверия между обществами для потенциальной нормализации отношений в долгосрочной перспективе.

Опыт Южной Кореи в использовании «мягкой силы» и особенности культурной дипломатии неоднократно становились объектом исследований с целью выявления факторов успеха и возможности применения стратегий для других стран. Новизна данной работы заключается в изучении практических примеров культурной дипломатии Фонда Института имени короля Седжона и его филиала в Санкт-Петербурге.

Цель работы — определить, является ли Фонд актором культурной дипломатии посредством сопоставления деятельности Фонда и практик, присущих актору культурной дипломатии, и оценить эффективность мероприятий по продвижению положительного образа Южной Кореи и поддержанию диалога.

Для достижения поставленной цели были выделены следующие задачи:

1) раскрыть содержание понятий «культурная дипломатия» и «мягкая сила»,
2) систематизировать информацию о структуре и функционале Фонда и филиалов Института им. короля Седжона;
3) применить структурную модель для комплексного анализа деятельности по четырём компонентам: ресурсы, акторы, инструменты и механизмы;
4) систематизировать выводы исследования и определить вклад деятельности Фонда в развитие механизмов культурной дипломатии.

Теоретико-методологические основы исследования: «культурная дипломатия» и “мягкая сила”

Ключевой концепцией работы является культурная дипломатия. Существуют различные определения этого явления, что обусловлено неоднозначностью самого понятия «культура». В данном исследовании культурная дипломатия будет рассматриваться как инструмент «мягкой силы», основной сутью которой являются привлечение и убеждение [3]. Мягкая сила была определена Джозефом Наем как способность достигать желаемого посредством притяжения, а не принуждения [4], что в равной мере характерно для всех инструментов мягкой силы, включающих наряду с инфопотоками, популярностью национального языка в мире, культурным обменом, туризмом и диалогом культур, политический пиар, глобальный маркетинг, позицирование государства в глобальной иерархии, публичную дипломатию, способность вести информационные войны и миграционную политику. В соответствии с определением, предложенным Институтом культурной дипломатии, она представляет собой «курс действий, которые основаны на обмене идеями, ценностями, традициями и другими аспектами культуры или самобытности и используют его, будь то укрепление отношений, расширение социокультурного сотрудничества, продвижение национальных интересов; культурная дипломатия может практиковаться либо государственным сектором, частным сектором, или гражданским обществом… целью культурной дипломатии является содействие миру и стабильности на основе межкультурных отношений» [5].

Поддержка изучения национального языка за рубежом является широко распространенным инструментом культурной дипломатии. Она может проявляться в организации языковых курсов и открытии культурных центров, выпуске учебных материалов, организации конкурсов, стажировок для преподавателей и студенческих обменов. Изучение иностранных языков расширяет возможности специалистов, способствуя укреплению международного взаимодействия и создавая основу для устойчивого сотрудничества [6].

Фонд Институт имени короля Седжона как актор культурной дипломатии

Фонд Института короля Седжона (далее — Фонд) был учрежден в 2012 году. Находясь в ведении Министерства культуры, спорта и туризма, Фонд является ведущим институтом, занимающимся продвижением корейского языка и корейской культуры. Через филиалы Института короля Седжона Фонд знакомит иностранцев с Кореей и корейской культурой и работает над тем, чтобы превратить их интерес к Корее в более глубокое

понимание и любовь к стране. Представленные миссия и видение, определяющие деятельность и долгосрочные цели организации, сформулированы следующим образом:

- миссия: «Вклад в глобальное сосуществование и совместное процветание, а также в национальное счастье путем содействия культурному обмену посредством распространения корейского языка и культуры»,
- видение: «Ведущий международный институт культурного обмена в Корее, который общается со всем миром через корейский язык и культуру» [7].

Деятельность центра представлена широким спектром активностей от базовых языковых курсов и специальных тематических курсов по переводу и иероглифике до мастер-классов по настольным играм и прикладному традиционному искусству и специальных культурно-исторических лекций, проводимых в Санкт-Петербургском филиале совместно с представителями Генерального консульства Республики Корея [8]. На данный момент в 85 странах расположено более 250 филиалов культурно-образовательного центра, восемь из которых находятся на территории России [9].

В предшествующих работах, посвященных культурной дипломатии Южной Кореи, исследователи отмечали, что реализация культурной дипломатии активно поддерживалась на государственном уровне, так что выявить конкретный результат деятельности Института им. короля Седжона не представляется возможным, однако очевидно, что он поддерживает эффект Корейской волны (Халлю, 한류). Отражением роста популярности корейского языка можно считать стабильный спрос на сдачу международного языкового экзамена TOPIK, регистрация на который в последний раз (19 октября 2025 года) была закрыта досрочно из-за большого количества заявок [10].

Помимо популяризации корейского языка и культуры на базе Института проводится образовательно-просветительская деятельность по вопросам истории Кореи и международного сотрудничества с Россией, образования в Корее для иностранцев. Так, например, при участии консула Генерального консульства Республики Корея в Санкт-Петербурге была проведена лекция по проблеме признания островов Токто территорией Кореи и необходимости утвердить название «Восточное море» наряду с другим названием — «Японское море», а также встреча, где студентам Института им. Короля Седжона и другим желающим была предоставлена информация о возможностях получения высшего образования иностранцами в университетах Кореи [11]. Подобные лекции служат инструментом продвижения

официальной историко-политической позиции государства, мягко формируя восприятие ключевых вопросов целевой аудиторией и положительный имидж страны и привлекая лояльных иностранцев, которые могут стать промоутерами корейской культуры в своей стране и поддерживать двустороннюю коммуникацию в условиях ограниченного межправительственного взаимодействия.

Особенностью деятельности Института им. короля Седжона является создание прямых горизонтальных связей между культурными и образовательными учреждениями, что позволяет эффективно продвигать национальные интересы Южной Кореи, минуя формальные дипломатические процедуры. Такой подход обеспечивает непосредственное взаимодействие с целевой аудиторией, способствуя не только популяризации языка и культуры, но и формированию лояльного восприятия официальной позиции Республики Корея по спорным историко-политическим вопросам.

Анализ деятельности Института по структурной модели: ресурсы, акторы, инструменты, механизмы

Методологической основой исследования выступает структурная модель культурной дипломатии [12], включающая анализ деятельности Фонда по следующим четырем критериям:

1) ресурсы, представляющие собой конкретные элементы культуры, знания и ценности, которые страна использует для демонстрации своей привлекательности, налаживания диалога и построения позитивного имиджа за рубежом, и которые в данном случае включают язык, историческо-культурное наследие, образование и изобразительное искусство,
2) акторы в лице самой организации и преподавателей-носителей корейского языка, а также сертифицированных преподавателей, для которых корейский язык не является первым,
3) инструменты, включающие программы культурных и образовательных обменов, фестивали, публичные лекции при поддержке Генерального консульства Республики Корея, мастер-классы и другие мероприятия,
4) механизмы — организаторская деятельность акторов культурной дипломатии, в том числе взаимодействие с иностранной аудиторией через социальные сети Института.

Таблица.

Структурная модель культурной дипломатии на примере Фонда Института имени короля Седжона [13]

Критерий (элемент)	**Описание**
Ресурсы	Элементы культуры, знания и ценности: — корейский язык, — корейская кухня, — Самульнори 사물놀이 (корейский традиционный квартет ударных инструментов), — Пансори 판소리 (корейское традиционное повествовательное пение), — K-beauty, — K-pop, корейские фильмы и драмы, — Ханбок 한복 (корейская традиционная одежда), — корейская каллиграфия, — традиционные боевые искусства и т.д.
Акторы	Типы Институтов: — независимый (самостоятельный): местные управляющие организации, желающие управлять филиалом, получают прямое финансирование от Фонда и самостоятельно осуществляют операции и расчеты, — связанный (партнерский): зарубежный и корейский операторы совместно управляют филиалом, при этом местное учреждение отвечает за управление и распределение средств, — коллаборативный: местные органы власти, зарубежные дипломатические представительства, государственные учреждения в соответствии с «Законом о функционировании государственных учреждений», предприятия и корпорации, представляющие общественный интерес, в соответствии с «Законом о создании и функционировании корпораций, представляющих общественный интерес» управляют филиалами Института, не получая финансовых средств. Сотрудники филиалов: — преподаватели-носители и сертифицированные преподаватели иностранцы, — административный персонал.
Инструменты	— Институт по всему миру предлагает стандартизированную учебную программу по корейскому языку. Учебная программа состоит из "Базовой учебной программы", направленной на улучшение навыков корейского языка, и "Специальной учебной программы", адаптированной к потребностям местных учащихся.

Критерий (элемент)	Описание
Инструменты	— Ежегодные конкурсы устной и письменной речи с предоставлением возможности посетить языковые курсы в университетах Южной Кореи для финалистов. — Пригласительная программа стажировки для выдающихся студентов, которыми являются победители конкурсов и студенты, набравшие наибольшие баллы на экзамене SKA. Программа включает стоимость авиабилетов, расходы на проживание, туристическую страховку и расходы на культурные мероприятия в Южной Корее. — Культурная Академия Седжон: поддержка в проведении лекций и представлений по корейской культуре от экспертов в различных областях. — Программа стажировки в области культуры для студентов, специализирующихся в области корейской культуры или искусства. — Sejong Korean Language Assessment (SKA): оценка уровня владения корейским языком, организованная Фондом. Продвижение: — журналы, — периодические издания, — видео, — амбассадоры.
Механизмы	Передача права на открытие и работу под брендом «Институт им. короля Седжона» в соответствии с форматами, представленными в пункте «Акторы». Фонд оказывает различную поддержку для обеспечения стабильного обучения корейскому языку и эффективной работы. — Оперативная бюджетная поддержка Для обеспечения эффективной работы предоставляет бюджетную поддержку с учетом таких факторов, как размер института, стоимость жизни в месте расположения института и уровень затрат на рабочую силу. — Привлечение профессиональных преподавателей корейского языка Привлекает преподавателей, имеющих сертификат преподавателя корейского языка и опыт работы, чтобы сократить региональные различия в образовании и обеспечить более качественное обучение корейскому языку. — Поддержка специализированных программ со стороны института Поддерживает автономные предложения и программы под руководством института, адаптированные к местным условиям и особенностям, включая специализированные учебные программы для каждого института.

Критерий (элемент)	Описание
Механизмы	— Поддержка в приобретении учебных материалов и оборудования Предоставляет учебные материалы, необходимые для изучения корейского языка и культуры, видеоресурсы, связанные с корейской культурой, традиционные музыкальные инструменты и оборудование. — Предлагает множество возможностей для получения стипендий Организует различные стипендиальные программы, чтобы повысить мотивацию учащихся Института по всему миру. Так, например, на ежегодной основе проводятся конкурсы по письменной и устной речи на корейском языке.

Таким образом, Фонд демонстрирует высокую эффективность как инструмент мягкой силы благодаря системному подходу, сочетающему изучение языка с глубоким погружением в корейскую культуру — от традиционных искусств до современных явлений K-pop и K-beauty. Гибкость моделей управления позволяет адаптироваться к местным условиям в 85 странах присутствия, используя три формата работы: независимый, партнерский и коллаборативный. Мотивационная система со стипендиями, стажировками в Корее и регулярными конкурсами создает эффект «воронки», последовательно вовлекая студентов на всех уровнях. Важной стратегической особенностью является способность обходить политические барьеры через культурно-образовательные каналы, сохраняя диалог даже в периоды межправительственной напряженности. Централизованная поддержка со стороны Фонда обеспечивает единство стандартов при сохранении гибкости локальных программ. Так, Фонд эффективно формирует позитивный образ Южной Кореи и устанавливает прочные межкультурные связи, успешно дополняя и заменяя традиционные дипломатические каналы, тем самым выполняя полный функционал актора культурной дипломатии.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что деятельность Фонда Института короля Седжона представляет собой успешную модель реализации культурной дипломатии, органично сочетающую просветительские задачи с продвижением государственных интересов. Стабильный рост интереса к корейскому языку и культуре, а также расширение сети подобных центров в мире подтверждают эффективность избранной стратегии.

Культурная дипломатия является важным инструментом внешней политики, нацеленным на укрепление глобального влияния государства. Ее роль особенно возрастает в периоды кризиса устоявшейся системы международных отношений. Теоретическое осмысление этой сферы позволяет более

эффективно продвигать национальные ценности в мире и противостоять распространению чуждых идеологических и культурных моделей.

Список источников и литературы

1. *Табаринцева-Романова К. М.* Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 4. С. 31–46.
2. *Василенко Е. В.* Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 1(5). С. 68-80.
3. *Ефанова Е. В.* Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник РУДН. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ. 2018. Т. 20. № 3. С. 417—426
4. Nye, J. S. (1990). Soft Power. Foreign Policy, 80, 153–171. URL: https://doi.org/10.2307/1148580 (дата обращения: 15.11.2025).
5. What is Cultural Diplomacy? // Institute for Cultural Diplomacy (ICD). URL: http://www.culturaldiplomacy.org/index.php?en_culturaldiplomacy (дата обращения: 15.11.2025).
6. *Козлов Л. Е.* Культурная дипломатия как ресурс регионального развития // Ойкумена. 2017. № 1. С. 61-75.
7. About KSIF // The King Sejong Institute Foundation. URL: https://www.ksif.or.kr/com/cmm/EgovContentView.do?menuNo=11101230 (дата обращения: 20.11.2025).
8. Корейский язык | Институт им. короля Седжона СПб URL: https://vk.com/sejonghakdang_spb (дата обращения: 01.11.2025).
9. Корейский культурно-образовательный центр «Институт имени короля Седжона в Санкт-Петербурге» URL: https://sejong-spb.ru/ (дата обращения: 20.11.2025).
10. TOPIK // Центр языкового тестирования СПбГУ. URL: https://testingcenter.spbu.ru/ru/ekzameny/topik.html (дата обращения: 20.11.2025).
11. Генеральное Консульство Республики Корея URL: https://vk.com/cgkorea?from=groups (дата обращения: 20.11.2025).
12. *Табаринцева-Романова К. М.* «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 26–37.
13. 세종학당재단. URL: https://www.ksif.or.kr/index.do?lang=kor (дата обращения: 20.11.2025).

Сацерадзе Тенгиз Годердзиевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Магистратура

ТЮРКСОЙ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ТЮРКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

TURKSOY AS AN INSTRUMENT OF TURKEY'S CULTURAL DIPLOMACY AND A MEANS OF PRESERVING TURKIC IDENTITY IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

Аннотация. В настоящей статье анализируется роль ТЮРКСОЙ в культурной дипломатии Турецкой Республики и выявить ее влияние на формирование и поддержание общей тюркской идентичности в странах Центральной Азии. В рамках исследования анализируются цели, задачи и основные механизмы деятельности организации, выступающей одним из ключевых инструментов гуманитарного присутствия Турции в регионе. Особое внимание уделяется таким проектам, как «Культурная столица тюркского мира» и Всемирные игры кочевников. Более детально фокус исследования направлен на изучение сотрудничества Турции с Казахстаном как основы для институционализации тюркского культурного пространства. На основе конструктивистского и институционального подходов делается вывод о том, что ТЮРКСОЙ выполняет не только культурные функции, но и формирует политико-символическое единство, способствуя укреплению мягкой силы Турции и развитию тюркской интеграции с ключевой ролью Казахстана.

Ключевые слова: ТЮРКСОЙ; культурная дипломатия Турции; тюркская интеграция; Казахстан; культурная идентичность.

Abstract. This article attempts to determine the role of TURKSOY in the cultural diplomacy of the Republic of Turkey and to identify its influence on the formation and preservation of a common Turkic identity in the countries of Central Asia. The study examines the goals, tasks, and key mechanisms of the organization's activities, which serve as one of the primary instruments of Turkey's humanitarian presence in the region. Particular attention is given to projects such as the "Cultural Capital of the Turkic World" initiative and the World Nomad Games. The research places a more detailed focus on the cooperation between Turkey and Kazakhstan as a foundation for the institutionalization of the Turkic cultural space. Based on constructivist and institutional approaches, the article concludes that TURKSOY performs not

only cultural functions but also contributes to the formation of political-symbolic unity, thereby strengthening Turkey's soft power and advancing Turkic integration, with Kazakhstan playing a key role.

Keywords: TURKSOY; Turkey's cultural diplomacy; Turkic integration; Kazakhstan; cultural identity.

Введение

Современная система международных отношений отличается сложным и неоднозначным взаимодействием процессов глобальной интеграции и культурной дифференциации. В данной динамике возрастает роль наднациональных институтов, ориентированных на сохранение культурного многообразия и укрепление гуманитарных и социокультурных связей между государствами. В этом контексте особое значение приобретают инициативы тюркских международных организаций, направленные на развитие культурного взаимодействия и укрепление единой тюркской идентичности. Ключевую роль в данном процессе играет Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), выступающая инструментом культурной дипломатии и платформой для реализации гуманитарных проектов, способствующих сближению тюркоязычных стран.

Научная новизна исследования заключается в том, что ТЮРКСОЙ рассматривается не только как культурная организация, но и как инструмент формирования общей тюркской идентичности и значимого фактора гуманитарной и внешней политики стран Центральной Азии, в частности Казахстана. При помощи ключевых культурно-символических проектов ТЮРКСОЙ можно проанализировать влияние конкретных инициатив на формирование более тесных связей между тюркскими странами, в особенности между Турцией и Казахстаном.

Цель исследования заключается в изучении роли Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) как инструмента культурной дипломатии Турецкой Республики и ее влияния на формирование и укрепление общей тюркской идентичности.

Для достижения заявленной цели автором были поставлены следующие задачи:

1) Рассмотреть общую функцию ТЮРКСОЙ как инструмента культурной дипломатии Турции.
2) Определить роль Казахстана в процессах тюркской интеграции в Центральной Азии.
3) Исследовать проект «Всемирные игры кочевников» как инструмент продвижения тюркской культуры, укрепления межтюркских связей и развития этнокультурного и этноспортивного движения.

4) Проанализировать проект «Культурная столица тюркского мира», его цели, реализацию и влияние на формирование тюркской идентичности и культурного сотрудничества между странами региона.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет теория конструктивизма, в рамках которой культура и идентичность рассматриваются как социально сконструированные категории международных отношений. Данный подход позволяет объяснить, как Турция посредством ТЮРКСОЙ «конструирует» образ тюркского единства и способствует сближению со странами Центральной Азии. Благодаря институциональному подходу, который подразумевает исследование места и роли политических институтов в жизни общества, можно выявить особенную роль ТЮРКСОЙ для продвижения общей тюркской культуры и формирования позитивного имиджа Турции. При помощи системного подхода были проанализированы культурные инициативы как составляющие внешней политики Турции в странах Центральной Азии, а именно в Казахстане, а также основные цели данных инициатив и инструменты их реализации.

ТЮРКСОЙ как инструмент культурной дипломатии Турции

Международная организация ТЮРКСОЙ, которую называют ЮНЕСКО тюркского мира, была основана в 1993 году, в результате соглашения министров культуры Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана и Турецкой Республики. Позднее в ТЮРКСОЙ вошли в качестве государств-наблюдателей: Турецкая Республика Северного Кипра, регионы Российской Федерации — республики Татарстан, Башкортостан, Алтай, Саха (Якутия), Тува, Хакасия, а также Гагаузия в составе Молдовы. Главной задачей ТЮРКСОЙ является содействие духовному сближению и укреплению братского единства тюркских народов, в формировании позитивного имиджа тюркской культуры в мире и передача традиций последующим поколениям [2].

ТЮРКСОЙ является важным инструментом культурной дипломатии Турецкой Республики, поскольку позволяет Анкаре продвигать свои культурные, образовательные и гуманитарные инициативы в тюркоязычных странах Центральной Азии. Турция использует ТЮРКСОЙ для формирования имиджа хранителя тюркского культурного наследия, создавая символическую и институциональную платформу для консолидации тюркских народов. Через организацию реализуются ключевые проекты, такие как «Культурная столица тюркского мира», Всемирные игры кочевников, фестивали, выставки и образовательные программы, которые демонстрируют общие культурные ценности и исторические традиции тюрков [2]. Эти инициативы одновременно выполняют функцию «мягкой силы», усиливая вли-

яние Турции в регионе, формируя положительный международный имидж страны и создавая основу для стратегического партнерства с государствами Центральной Азии. Таким образом, ТЮРКСОЙ функционирует не только как культурный институт, но и как инструмент реализации внешнеполитических целей Турции, способствуя укреплению общей тюркской идентичности и интеграции в гуманитарной и социокультурной сферах [11].

В этом контексте Казахстан выступает ключевым игроком в Центральной Азии, что делает его естественным партнером для более тесного сотрудничества с Турцией через платформу ТЮРКСОЙ. Республика Казахстан, как одна из стран-учредителей организации, активно участвует во всех ключевых проектах и мероприятиях, направленных на сохранение, изучение и популяризацию богатого культурного наследия тюркских народов, включая казахский этнос. На территории Казахстана регулярно проводятся фестивали, выставки, конкурсы и концерты под эгидой ТЮРКСОЙ, представляющие яркие образцы тюркской культуры и способствующие укреплению региональной тюркской идентичности [9].

Роль Казахстана в тюркской интеграции Центральной Азии

Казахстан играет ключевую роль в процессах тюркской интеграции в Центральной Азии, выступая платформой для культурного, образовательного и гуманитарного взаимодействия между странами региона. В условиях глобализации и усиления региональной конкуренции роль ведущих государств, способных выступать центром объединяющих инициатив, становится особенно значимой. Казахстан благодаря своей исторической, культурной и геополитической позиции способен служить связующим звеном между Турцией и другими тюркоязычными странами, способствуя укреплению единой тюркской идентичности и развитию международного культурного сотрудничества [12].

Для успешной тюркской интеграции Анкаре необходим стратегический партнер, обладающий политической и экономической стабильностью, развитой инфраструктурой и культурным наследием, который мог бы выступать центром объединяющих инициатив. Турция рассматривает Казахстан именно в этой роли, учитывая его устойчивую позицию в регионе и способность интегрировать национальные интересы с идеей общего тюркского пространства [1].

Казахстан выделяется на фоне других стран региона по нескольким ключевым причинам. Во-первых, политическая стабильность и экономическая развитость страны создают надежную основу для реализации международных проектов, включая крупные культурные, образовательные и спортивные мероприятия. Во-вторых, курс Казахстана на многовекторность во

внешней политике обеспечивает возможность координации и взаимодействия с различными партнерами, что делает страну идеальной платформой для продвижения интеграционных инициатив [3]. В-третьих, стремление Казахстана закрепиться в качестве регионального лидера усиливает его мотивацию активно участвовать в процессах тюркской интеграции, создавая возможности для совместной реализации проектов с Турцией и другими тюркскими государствами. В-четвертых, участие Казахстана снижает политическую нагрузку на Турцию, поскольку инициативы реализуются через авторитет Казахстана, а не под прямым «патронажем» Анкары, формируя представление, что страны региона добровольно и самостоятельно стремятся к тюркскому сотрудничеству. Казахстан выступает как центр, через который проходит значительная часть интеграционных процессов, обеспечивая платформу для культурного, образовательного и гуманитарного взаимодействия.

Казахстан выполняет стратегическую роль в продвижении общей тюркской идентичности и выступает ключевым партнером Турции в институционализации и практической реализации культурной интеграции в Центральной Азии, обеспечивая устойчивость, легитимность и эффективность этих процессов [8].

Всемирные игры кочевников как инструмент продвижения тюркской культуры

Масштабный проект Всемирные игры кочевников — это международные спортивные состязания по этническим видам спорта. Соревнования получили глобальный статус, охватывая все больше стран и привлекая внимание широкой аудитории не только исконно тюркских народов. В основе соревнований лежат народные игры исторически кочевых тюркских народов Центральной Азии. Игры нацелены на развитие этноспортивного и этнокультурного движения как наследия тюркской цивилизации. Международное спортивное событие впервые реализовано в Кыргызстане в 2014 году. А уже юбилейные пятые Всемирные игры кочевников прошли в Астане в 2024 году под девизом «Встреча в великой степи». ТЮРКСОЙ, наряду с ЮНЕСКО, Министерством туризма и спорта Республики Казахстан, является главным организатором данных игр [10].

Выступление Президента Республики Казахстан ознаменовало открытие игр. Касым-Жомарт Кемелевич Токаев заявил, что игры способствуют возрождению и популяризации традиционных видов спорта, ремесел, фольклора, обычаев тюркских кочевых цивилизаций. Это позволяет сохранить уникальное нематериальное культурное наследие для будущих поколений. Помимо этого, участие в играх кочевников помогает тюркским народам

ощутить свою культурную общность, единые корни и историю кочевого прошлого. Это способствует укреплению национальной идентичности и самосознания. Игры являются международной площадкой для культурного обмена и сближения тюркоязычных стран и народов. Они демонстрируют общие элементы культуры, традиций, ценностей тюрков. Благодаря масштабу и популярности игр повышается интерес к кочевой культуре тюркских народов. Это стимулирует развитие этнического туризма. В рамках игр налаживаются контакты между тюркскими странами, заключаются соглашения о сотрудничестве в культурной, спортивной и других сферах. Таким образом, Всемирные игры кочевников играют важную роль в объединении тюркского мира, поддержании его культурной идентичности в современных реалиях глобализации [7].

Проект «Культурная столица тюркского мира»: цели, реализация и влияние

Немаловажной инициативой ТЮРКСОЙ также является реализуемый с 2012 года проект под названием «Культурная столица тюркского мира», идея которого состоит в предоставлении тому или иному тюркскому городу почетного титула, в результате чего назначенный город становится местом пересечения тюркских культур и народов [11]. Отмечая динамику развития инициативы «Культурная столица тюркского мира», следует подчеркнуть, что на сегодняшний день именно Турция и Казахстан занимают особое положение в ее реализации. С момента запуска проекта в 2012 году только эти страны трижды становились площадками проведения программы. В первый год существования данного проекта именно столица Казахстана, город Астана, получила статус культурной столицы тюркского мира. Также в Казахстане почетный статус получали города Туркестан в 2017 и Актау в 2025 [5].

Присвоение Актау статуса культурной столицы тюркского мира в 2025 году представляет собой значимую инициативу для Казахстана в сфере культурной дипломатии и усиливает его роль как ключевой региональной площадки для институционализации и публичной демонстрации тюркской интеграции. Масштабная программа мероприятий, включающая более тридцати международных событий и участие сотен зарубежных деятелей искусства, создает для страны новые возможности по укреплению культурного влияния, развитию международных связей и формированию долговременных имиджевых «инвестиций» [4]. Одновременно в официальных выступлениях и медиа продвигается дискурс о Мангыстау и Актау как пространстве исторической глубины тюркской цивилизации, что усиливает образ Казахстана и легитимирует его статус лидера в рамках общего тюркского проекта [5].

В Турции почетного звания тюркской столицы удостоились города Эскишехир в 2013, Кастамону в 2018 и Бурса в 2022. Такой количественный паритет имеет важное политико-символическое значение. Это отражает центральную роль Турции и Казахстана в архитектуре тюркской интеграции, где обе страны выступают не просто участниками, а ключевыми институциональными и идеологическими центрами тюркского мира [13, 14].

Турция, являясь инициатором большинства гуманитарных программ и стратегий культурной дипломатии, рассматривает Казахстан как устойчивого партнера и лидера в Центральной Азии, через которого продвигается эталон тюркской интеграции. Такое восприятие Казахстана как проводника общетюркских ценностей усиливает доверие между двумя странами и формирует образ Казахстана как регионального центра тюркской культуры [1].

В свою очередь, Казахстан, принимая на своей территории статус «Культурной столицы тюркского мира», демонстрирует укрепление собственного культурного и политического влияния в Центральной Азии. Регулярное проведение крупных гуманитарных событий способствует росту международного авторитета страны и усиливает роль Казахстана как платформы для диалога между странами тюркского мира.

Интересной инициативой ТЮРКСОЙ можно считать придание городу Туркестан в Казахстане статуса «духовной столицы тюркских народов». Важным для города стал неофициальный саммит ТЮРКСОЙ в апреле 2021 года. Именно на данном саммите официально объявили город Туркестан духовной столицей. На заседании Глава государства Касым-Жомарт Токаев призвал начать модернизацию тюркской цивилизации, прежде всего, с представления всему миру наследия священного Туркестана. Присвоение Туркестану статуса духовной столицы является одним из важных шагов в деле духовной модернизации современного общества, что будет способствовать укреплению единства народов, опираясь на общую историю, язык, культуру и традиции [6].

Для Казахстана данная инициатива укрепляет его региональное лидерство, позиционируя страну как центр духовного и культурного единства тюркских народов, что повышает международный престиж государства. Кроме того, статус духовной столицы создает возможности для расширения «мягкой силы» страны через культурные, образовательные и туристические проекты, способствующие продвижению национального имиджа и формированию позитивного международного образа. Экономические и социальные выгоды проявляются в привлечении инвестиций в инфраструктуру и туристическую сферу, а также в укреплении национальной идентичности, что способствует внутренней консолидации общества на основе общих тюркских ценностей.

Для Турции инициатива представляет собой инструмент расширения влияния в тюркском мире, поскольку она позволяет продвигать турецкие культурные, образовательные и дипломатические проекты через платформу ТЮРКСОЙ. Турция укрепляет стратегические связи с Казахстаном, создавая условия для совместной реализации культурных, спортивных и образовательных программ.

Заключение

На основе анализа деятельности ТЮРКСОЙ можно выделить несколько ключевых моментов, отражающих значение проектов для Турции и Казахстана в контексте тюркской интеграции. ТЮРКСОЙ выступает эффективным инструментом культурной дипломатии Анкары, позволяя продвигать турецкую модель мягкой силы и укреплять влияние Турции в Центральной Азии. Организация способствует формированию общей тюркской идентичности, поддерживает символическое и институциональное пространство тюркской солидарности, а также создает платформу для реализации совместных инициатив, что повышает международный престиж Турции и закрепляет ее роль хранителя тюркского наследия.

Совместная реализация проектов Турцией и Казахстаном является системным проявлением их ведущей роли в процессах тюркской интеграции, при этом обе страны выполняют функции как институциональных, так и идеологических центров данного объединения. Для Турции такие инициативы представляют собой стратегический инструмент закрепления модели многоуровневого партнерства посредством культурной дипломатии и использования механизмов мягкой силы, что позволяет формировать региональный и цивилизационный лидерский имидж страны. Участие Казахстана в этих проектах не только усиливает статус страны как ключевого регионального актора, способного интегрировать национальные интересы с идеей тюркского единства, но и демонстрирует способность формировать многовекторную внешнюю политику.

В этом контексте деятельность ТЮРКСОЙ приобретает не только символическое, но и институциональное значение. Организация формирует системный фундамент тюркской интеграции, обеспечивая структурирование взаимодействия на культурной и политической плоскостях. Это создает предпосылки для долговременного сотрудничества между странами региона, укрепления устойчивых связей и координации в различного рода вопросах экономического развития или культурной политики. Таким образом, взаимодействие Турции и Казахстана через инициативы ТЮРКСОЙ является ключевым фактором в формировании общей тюркской идентичности и демонстрирует стандарты эффективной тюркской интеграции

в странах Центральной Азии. Данная модель сотрудничества способствует продвижению позитивного образа Турции в регионе, а также укреплению роли Казахстана как стабильного, влиятельного регионального лидера и эталонного партнера тюркской интеграции.

Список источников и литературы:

1. Public diplomacy and soft power of Turkey in Kazakhstan // Kukeeva F., Chukubayev E., Sultanmuratov N., Alypkyzy. R. // URL: https://www.researchgate.net/publication/346094774_Public_diplomacy_and_soft_power_of_Turkey_in_Kazakhstan (дата обращения 27.10.2025).
2. TÜRKSOY — Түркі мәдениетінің Халықаралық ұйымы. Тарихы URL: https://www.turksoy.org/kz-KZ/tarihce (дата обращения 27.10.2025).
3. *Аватков В.А, Ерманалиева А. Р.* Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции // Постсоветские исследования. 2024. №1. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/kazahstan-kak-tsentr-stolknoveniya-interesov-globalnyh-igrokov-na-postsovetskom-prostranstve-rossii-kitaya-ssha-i-turtsii (дата обращения 27.10.2025).
4. В рамках программы «Актау-2025 Культурная столица тюркского мира», Генеральный секретарь ТЮРКСОЙ Султан Раев посетил Мангистаускую область Казахстана 2025 // ТЮРКСОЙ [сайт]// URL: https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/v-ramkah-programmy-aktau-2025-kulturnaya-stolica-tyurkskogo-mira-generalnyj-sekretar-tyurksoj-sultan-raev-posetil-mangistauskuyu-oblast-kazahstana (дата обращения 27.10.2025).
5. Высокий статус Актау 2025// Международное информационное агентство «DKnews.kz» [сайт] // URL: https://dknews.kz/ru/chitayte-v-nomere-dk/357151-vysokiy-status-aktau (дата обращения 27.10.2025).
6. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на неформальном саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств 2021 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан // URL: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomartatokaeva-na-neformalnom-sammite-soveta-sotrudnichestva-tyurkoyazychnyh-gosudarstv-312554 (дата обращения 27.10.2025)
7. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на церемонии открытия V Всемирных игр кочевников 2024// Официальный сайт Президента Республики Казахстан [сайт]// URL: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-ceremonii-otkrytiya-v-vsemirnyh-igr-kochevnikov-884029 (дата обращения 27.10.2025).
8. *Желдыбаева А. Т.* Стратегия «мягкой силы» как инструмент политики Турции в отношении Казахстана / А. Т. Желдыбаева // Дневник Алтайской школы политических исследований. — 2018. — № 34. — С. 77–83 (дата обращения 27.10.2025).
9. *Малышева, Д. Б.* Центральноазиатское направление политики Турции // Д. Б. Малышева // Россия и новые государства Евразии. — 2024. — № 2(63). — С. 60-72. — DOI 10.20542/2073-4786-2024-2-60-72. —EDN WZHHWT (дата обращения 27.10.2025).

10. *Мамбеталиев К. У.* Уникальность Всемирных Игр кочевников // Манускрипт. 2017. №12-2 (86). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/unikalnost-vsemirnyh-igr-kochevnikov (дата обращения 27.10.2025).
11. *Мухамеджанова*, С. ТЮРКСОЙ и ее роль в культурной интеграции тюркских стран // С. Мухамеджанова, И. Шахин, А. Шарип // Turkic Studies Journal 2023. — Т. 5, № 1. — С. 98-118. — DOI 10.32523/2664-5157-2023-1-98-118. – EDN MWZQXN (дата обращения 27.10.2025).
12. *Перепелица Е. Ф.* Приоритетные направления казахстано-турецких отношений и перспективы двустороннего сотрудничества // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2005. №4-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-napravleniya-kazahstano-turetskih-otnosheniy-i-perspektivy-dvustoronnego-sotrudnichestva (дата обращения 27.10.2025).
13. Традиционные мероприятия ТЮРКСОЙ- мосты культуры и искусства тюркского мира 2021//Журнал ТЮРКСОЙ. ВЫПУСК 68 / ТЮРКСОЙ [сайт]// URL:https://cdn.turksoy.org/ded89818-751c-48aa-b4f1-e38fa8bbc990?download (дата обращения 27.10.2025).
14. Традиционные мероприятия ТЮРКСОЙ- мосты культуры и искусства тюркского мира 2022//Журнал ТЮРКСОЙ. ВЫПУСК 69 / ТЮРКСОЙ [сайт]// URL:https://cdn.turksoy.org/171700f1-2556-4061-9236-200850ec98ae?download (дата обращения 27.10.2025).

Чирков Матвей Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Бакалавриат

СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И КНР В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПЛОЩАДКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND CHINA IN THE FIELD OF EDUCATION: INTERACTION ON THE PLATFORMS OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

Аннотация. В статье анализируется развитие российско-китайского образовательного сотрудничества в рамках международных организаций, прежде всего ШОС и БРИКС. Рассматривается переход от простых академических обменов к созданию совместных структур (Университет ШОС, Сетевой университет БРИКС). Выявлены ключевые проблемы сотрудничества и предложены пути их решения для углубления интеграции в научно-образовательной сфере.

Ключевые слова: российско-китайское образовательное сотрудничество, ШОС, БРИКС, Университет ШОС, Сетевой университет БРИКС, академическая мобильность, международные организации

Abstract. The article analyzes the development of Russian-Chinese educational cooperation within the framework of international organizations, primarily the SCO and BRICS. The transition from simple academic exchanges to the creation of joint structures (SCO University, BRICS Network University) is being considered. The key problems of cooperation have been identified and ways of solving them have been proposed to deepen integration in the scientific and educational sphere.

Keywords: Russian-Chinese educational cooperation, SCO, BRICS, SCO University, BRICS Network University, academic mobility, international organizations.

Введение

В новую эпоху многополярности и глобальной конкуренции стратегическое партнерство между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой приобретает ключевое значение. Сфера образования является фундаментальным элементом этого партнерства, обеспечивая подготовку кадрового потенциала для реализации масштабных экономических и инфраструктурных проектов (таких как Сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС), инициативы «Один пояс, один путь»). Исследование

механизмов этого сотрудничества на многосторонних площадках, прежде всего в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС, позволяет оценить его устойчивость и потенциал в условиях меняющейся международной обстановки. Несмотря на провозглашенные амбициозные цели и обширную нормативно-правовую базу, сотрудничество РФ и КНР в образовательной сфере сталкивается с рядом вызовов. Научное осмысление практик взаимодействия в рамках ШОС и БРИКС, выявление «узких мест» и точек роста необходимо для выработки конкретных рекомендаций органам власти, университетам и научным центрам обеих стран. Таким образом, комплексное изучение образовательного сотрудничества России и Китая на площадках международных организаций является актуальным и своевременным.

Научная новизна исследования состоит в выявлении и анализе эволюции форматов российско-китайского образовательного сотрудничества — от традиционных академических обменов к созданию гибридных образовательно-научных платформ в рамках ШОС и БРИКС.

Методологическую основу исследования составил комплекс методов: сравнительный анализ для сопоставления образовательных моделей ШОС и БРИКС, институциональный анализ нормативной базы, системный подход к рассмотрению сотрудничества, контент-анализ документов и статистический анализ данных академической мобильности.

Цель исследования заключается в определении специфики и основных векторов развития российско-китайского взаимодействия в образовательной сфере на современном этапе.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи** исследования:

— изучить исторические аспекты образовательного сотрудничества между РФ и КНР и рассмотреть имеющуюся нормативно-правовую базу;
— проследить эволюцию российско-китайского сотрудничества от классических форм академической мобильности к интеграции научно-образовательных структур в форматах ШОС и БРИКС;
— выявить системные ограничения, сдерживающие развитие сотрудничества, и сформулировать рекомендации по их преодолению.

Становление образовательного сотрудничества между РФ и КНР

Образовательное сотрудничество между Россией и Китаем имеет долгую и богатую историю. Достигнув пика в эпоху советско-китайской дружбы, оно пережило период застоя с 1960-х гг. Важными вехами в нормализации отношений стали: 1984 г. — подписание советско-китайского соглашения о сотрудничестве в области образования; 1989 г. — первый за 30 лет визит советского лидера (М. С. Горбачева) в Китай.

После распада СССР в 1991 г. отправной точкой образовательного сотрудничества между РФ и КНР стало подписанное 18 декабря 1992 г. Соглашение между Правительствами государств о культурном сотрудничестве [1]. 26 июня 1995 г. было подписано Соглашение о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях [2]. На его основе китайские и российские студенты получили возможность поступать в вузы двух стран. 16 июля 2001 г. был подписан важнейший исторический документ — Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР [3]. К важным результатам этого договора можно отнести создание в 2001 г. «Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству» и в ее рамках «Подкомиссии по сотрудничеству в области образования». В 2005 г. было принято Соглашение об изучении русского языка в Китае и китайского в России [4].

Рост международного влияния КНР и РФ потребовал дальнейшего развития их образовательного партнерства на межведомственном уровне. 9 ноября 2006 г. Минобрнауки РФ и Минобразования КНР заключили «Соглашение о сотрудничестве в области образования» [5]. Этот документ конкретизировал двусторонний образовательный обмен: были указаны конкретные сроки начала обучения и стажировок; длительность обучения; количество студентов; подчеркивалась важность прямого сотрудничества между университетами.

20 мая 2014 г. в рамках официального визита В. В. Путина в КНР был подписан Меморандум о взаимопонимании между Минобрнауки РФ и Министерством образования КНР о сотрудничестве по проекту создания российско-китайского университета Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова и Пекинским политехническим институтом [6]. 13 сентября 2017 г. состоялась церемония открытия Совместного университета МГУ–ППИ в Шэньчжене [7].

Важно отметить, что на начальном этапе сотрудничество осуществлялось на двустороннем уровне в рамках соглашений между отдельными университетами [8]. Например, одной из старейших является образовательная программа двойного диплома между Байкальским государственным университетом и Шэньянским политехническим университетом по специальности «Мировая экономика» [9]. В 2020 г. между университетами России и Китая было подписано около 300 документов о сотрудничестве, включая соглашения о реализации совместных образовательных программ, языковой подготовке студентов, а также о проведении совместных научно-исследовательских работ [10]. Такая модель взаимодействия остается востребованной и сейчас. В сентябре 2025 г. во время визита В. В. Путина в Китай ведущие университеты двух стран подписали ряд соглашений, включая создание Российско-

китайского Института фундаментальных исследований (МГУ и Пекинский университет), а также договоры о сотрудничестве между ВШЭ и Пекинским университетом, МГТУ им. Баумана и Университетом Цинхуа [11, 12].

Следующим этапом сотрудничества стало создание российско-китайских Ассоциаций университетов, которые объединяют ресурсы университетов-членов Ассоциации в единую платформу для более эффективного их использования. С 2012 по 2019 г. были созданы 11 ассоциаций университетов разного типа: классических, экономических, технических, транспортных, культуры и искусств, медицинских и др., а также 2 региональных ассоциации: Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-восточных регионов КНР и Ассоциация вузов «Волга-Янцзы». Особого упоминания заслуживает Ассоциация комплексных университетов, созданная в сентябре 2017 г. по инициативе МГУ и Пекинского университета, которая включает 40 китайских и 20 российских университетов [13].

Трансформация образовательного сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС

В настоящее время образовательные контакты между РФ и КНР вышли на уровень поликультурных образовательных пространств — евразийского в рамках ШОС и межконтинентального в рамках БРИКС.

15 июня 2006 г., было подписано Соглашение между государствами — членами ШОС о сотрудничестве в области образования [14]. 16 августа 2007 г. на Бишкекском саммите ШОС В. В. Путиным была выдвинута инициатива создания Университета ШОС. В 2008 г. был основан Университет ШОС, который вполне может превратиться в крупнейший центр подготовки высококвалифицированный специалистов для стран — членов содружества [15, 16]. Приоритетными направлениями подготовки УШОС названы регионоведение, экология, энергетика, IT-технологии, нанотехнологии. По информации на 2024 г., в него входили 744 вуза из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Китая и России и 1 из Беларуси. УШОС — это не отдельный университет, а сетевая структура, объединяющая ведущие университеты стран-участниц. Подготовка ведется под конкретные нужды экономик и проектов ШОС (строительство газопроводов, развитие транспортных коридоров, создание совместных IT-парков). Студенты, поступившие в УШОС в своей стране, могут проходить семестры или стажировки в университетах-партнерах других стран ШОС. При этом реализуются совместные образовательные программы, по окончании которых выпускник получает дипломы двух университетов. Вузы-участники работают над сближением учебных планов, систем оценки и требований к качеству образования. Руководящим органом Университета ШОС является Исполнительный

(Постоянный) комитет, в состав которого входят национальные координаторы от каждого государства-члена. Данная модель, объединяющая государственные и академические инициативы, создает прецедент нового формата образовательной интеграции в Евразии.

Создание нормативно-правовой и институциональной основы в рамках БРИКС идет с 2013 г., когда впервые было озвучено предложение о создании Сетевого университета БРИКС (СУ БРИКС) [17]. 18 ноября 2015 г. в Москве представители министерств образования Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики подписали «Меморандум взаимопонимания» — основной учредительный документ Сетевого университета БРИКС. Если УШОС — это создание общего образовательного пространства в регионе, то СУ БРИКС — это сетевой консорциум для совместных научных исследований и подготовки кадров под конкретные вызовы, стоящие перед странами «пятерки». Россия и Китай активно вовлекают свои лучшие вузы в эту сеть. Сотрудничество ведется преимущественно по магистерским и аспирантским (PhD) программам в стратегически важных областях, где у РФ и КНР есть совпадающие интересы: энергетика (где Россия — лидер по ресурсам, а Китай — по потреблению и технологиям); искусственный интеллект; экономика (развитие альтернативных финансовых механизмов и уход от долларовой зависимости); экология и изменение климата (исследования по мониторингу климата, разработке «зеленых» технологий, борьбе с загрязнением воды и воздуха); регионоведение и исследования стран БРИКС [18].

СУ БРИКС работает через Международный управляющий комитет и Национальные координационные комитеты в каждой стране. Формы сотрудничества в рамках СУ БРИКС многообразны. Студенты из российских вузов (например, из УрФУ, ДВФУ, МГИМО) проходят семестровое обучение или стажировки в китайских университетах-участниках (Пекинский университет, Университет Цинхуа и др.) по профильным направлениям, и наоборот. Вузы-партнеры из РФ и КНР работают над созданием программ двойных дипломов, признающих курсы, пройденные в университетах обеих стран, осуществляется совместная публикация статей в международных журналах, выпуск коллективных монографий, организуются совместные тематические школы.

Один из самых перспективных форматов сотрудничества — объединение ученых из российских и китайских университетов в международные исследовательские группы для работы над грантами СУ БРИКС. Например, в 2023 г. Харбинский инженерный университет и МФТИ согласовали участие в совместной научно-образовательной программе Международной арктической станции «Снежинка». В рамках проекта планируется сотрудничество в области чистой энергетики, робототехники, телекоммуникаций,

новых материалов и искусственного интеллекта, а также ведение деятельности по охране экологической среды арктического региона [19].

Таким образом, сотрудничество РФ и КНР в СУ БРИКС носит стратегический и прагматичный характер. Оно направлено не просто на обмен студентами, а на создание совместного научно-технологического задела для укрепления позиций обеих стран в мире.

Россия и Китай: новые вызовы на пути образовательного партнерства

Образовательное сотрудничество между РФ и КНР в начале XXI века сталкивается с рядом системных вызовов [20, 21].

1. Языковой барьер. Это фундаментальная и до сих пор не решённая проблема. Несмотря на рост интереса к изучению русского в Китае и китайского в России, английский остаётся главным языком международного образования и науки. Большинство китайских студентов при обучении в РФ фокусируются на инженерных науках, где языковой барьер преодолевается за счёт технической терминологии. Гуманитарный и социальный обмен страдает от этого значительно сильнее.
2. Бюрократические препоны и взаимное признание документов. Несмотря на наличие межправительственного Соглашения 1995 г. о взаимном признании документов об образовании, процедура нострификации дипломов между РФ и КНР остается сложной и может занимать до полугода [22]. Ключевые проблемы: отсутствие автоматизированной системы взаимной проверки подлинности документов, сложности с установлением эквивалентности дипломов по специальностям с разной учебной программой (медицина, юриспруденция, экономика), расхождения в оценке уровней образования. Оформление учебных виз и сопутствующих документов в обеих странах сопряжено со значительными сложностями. В России ключевыми проблемами являются длительное получение приглашения от УВМ МВД и чрезмерно бюрократизированная процедура оформления ВНЖ с обширным пакетом документов. В Китае затруднения вызывает затянутое получение формы JW201/202, необходимой для получения учебной визы, и обязательная регистрация в полиции в течение 24 ч после прибытия. Все это затрудняет академический и профессиональный обмен между странами.
3. Пандемия COVID-19 обнажила проблему цифрового разрыва. Российские и китайские университеты активно развивают собственные цифровые платформы и образовательные среды, однако их

интеграция затруднена. Такие сервисы, как Zoom, Google Classroom или Microsoft Teams, либо ограничены, либо не используются, а отечественные аналоги (например, «Сферум» или китайские Tencent Meeting) плохо стыкуются друг с другом

4. Идеологический суверенитет. Сотрудничеству препятствует взаимная настороженность в идеологической сфере. Россия опасается влияния китайских образовательных программ, а Китай — содержания российских курсов по истории и политологии. Поиск баланса между сотрудничеством и защитой суверенитета остается сложной задачей.

Вызовы, стоящие перед российско-китайским образовательным сотрудничеством, носят системный характер, но они преодолимы. Для этого необходимы целенаправленные усилия на государственном и университетском уровнях:

1) создание общих образовательных продуктов: разработка совместных магистерских программ на русском, китайском и, что важно, английском языках, с двойными дипломами и упрощённой процедурой признания;
2) создание «зеленого коридора» для признания дипломов выпускников совместных российско-китайских университетов;
3) упрощение визового режима для участников долгосрочных программ обмена, вплоть до выдачи многократных виз на срок обучения;
4) цифровая интеграция: инвестиции в создание совместимых цифровых платформ для дистанционного обучения и совместных исследований;
5) активная работа по преодолению идеологических стереотипов через программы культурного погружения, летние школы и волонтёрские проекты.

Заключение

В современном мире уровень развития образования служит ключевым индикатором способности страны оказывать влияние через «мягкую силу». Для Китая и России, чье партнерство вышло на стратегический уровень, углубление образовательного сотрудничества становится инструментом не только для общего прогресса, но и для укрепления позиций их национальных образовательных систем в условиях глобальной конкуренции. Только перейдя от простого обмена к глубокой интеграции образовательных и научных систем, Россия и Китай смогут построить устойчивое и взаимовыгодное партнерство, способное ответить на вызовы XXI века. Можно констатировать, что такие структуры, как ШОС и БРИКС, вышли за рамки

политико-экономических форумов и стали активными проводниками образовательной интеграции. Создание и развитие Университета ШОС и Сетевого университета БРИКС свидетельствует о формировании новых, гибких форматов взаимодействия. Анализ их эффективности, функциональности и вклада в гармонизацию образовательных систем является важной научной задачей, позволяющей оценить результативность многосторонней дипломатии в гуманитарной сфере.

Список источников и литературы

1. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о культурном сотрудничестве от 18 декабря 1992 года // URL : https://www.mid.ru/ru/foreign_ policy/ international_contracts/international_contracts/2_contract/48731/ (дата обращения: 25.10.2025.)
2. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях. МИД РФ. 26.06.1995. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_ policy/ international_contracts/ international_ contracts/2_contract/ 47900/ (дата обращения: 25.10.2025).
3. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Kremlin.ru. 16.07.2001. URL: http://www.kremlin.ru/ supplement/3418 (дата обращения: 25.10.2025).
4. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР об изучении русского языка в Китае и китайского в России // Консорциум КОДЕКС : электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. 3.03.2005. URL: https://docs.cntd.ru/ document/901959023 (дата обращения:23.11.2025).
5. Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования от 9 ноября 2006 г // Национальный информационный центр [сайт]. URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration/agreemcoop_China_2006 (дата обращения 23.11.2025).
6. Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования и науки РФ и Министерством образования КНР о сотрудничестве по проекту создания российско-китайского университета Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и Пекинским политехническим институтом. 20.05.2014. URL: https://docs.cntd.ru/document/420204349 (дата обращения 01.03.2024).
7. Университет МГУ–ППИ в Шэньчжене. 2014. URL: https://msu.ru/divisions/ filiali/ szmsubit. (дата обращения 23.11.2025).
8. *Медяник Е. И.* Совместные образовательные проекты как инновационная форма сотрудничества России и КНР в XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 55.
9. 9. *Зелезинская Л. А.* Программы двух дипломов как вид совместных образовательных программ России и Китая // Kant. 2024. №3 (52). С. 297–304.
10. Российские и китайские вузы подписали соглашения о сотрудничестве // Посольство России в Китае. 08.09.2021. URL: https://pekin.mid.ru/ru/news/rossiyskie_i_kitayskie_vuzy_podpisali_soglasheniya_o_sotrudnichestve/ (дата обращения 23.11.2025).

11. Крупнейшие вузы РФ и Китая договорились о сотрудничестве // Интерфакс. 02.09.2025.URL: https://www.interfax.ru/world/1045292 (дата обращения 26.10.2025).
12. 中国教育部. 中外联合教育机构及计划一览表(包括中国内地、香港及台湾地区的联合教育机构及计划) 16.12.2025.URL: https://www.crs.jsj.edu.cn/index/sort/1006 (дата обращения 16.12.2025).
13. Современное состояние и перспективы китайско-российского сотрудничества в сфере образования // Газета Жэньминь [сайт]. 13.06.2019. URL: http:// du.people.com.cn/n1/ 2019/0613/c1053-31134853.html (дата обращения: 26.10.2025).
14. Соглашения между правительствами государств – членов ШОС о сотрудничестве в области образования // Консорциум КОДЕКС: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. 15.07.2006. URL: https://docs.cntd.ru/document/902029746 (дата обращения: 26.10.2025).
15. Университет ШОС // URL: https://uni-sco.ru/ (дата обращения: 18.11.2022).
16. *Sá C., Silva L., Pacheco J., Khe S.* Shanghai Cooperation Organization University: A multi-headed dragon or a paper tiger? [Электронный ресурс] // ACA Secretariat Newsletter. — Режим доступа: https://aca-secretariat.be/newsletter/shanghai-cooperation-organization-university-a-multi-headed-dragon-or-a-paper-tiger/ (дата обращения: 17.12.2025).
17. Министры образования подписали основной документ университета БРИКС // РИА Новости. 18.11.2015. URL: https://ria.ru/20151118/1323456809.html. (дата обращения 26.10.2025).
18. Li Yuyun Development of Cooperation in Higher Education in BRICS Countries // Changing Societies & Personalities. — 2018. — Т. 2, № 4. — С. 393–405. URL: https://elar.urfu.ru/ bitstream/10995/66571/1/csp_2018_v2_4_05.pdf (дата обращения: 17.12.2025).
19. Россия и Китай продолжают укреплять научно-техническое сотрудничество [электронный ресурс] / Минобрнауки России. 22.06.2023. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/69523/?sphrase_id=7802907 (дата обращения 23.11.2025).
20. *Чжу Сянюй* Китайско-Российское образовательное сотрудничество и обмены в рамках ШОС // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 9(183). С. 73–81.
21. *У. Тин* Адаптация китайских студентов в российских вузах: проблемы, пути решения // Образование и право. 2020. №11. С. 187–190.
22. 中国教育部. 中外联合教育的政策与规则 16.12.2025 URL: https://www.crs.jsj.edu.cn/index/sort/10 (дата обращения 16.12.2025).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА СНО ФМО: ЛУЧШИЕ РАБОТЫ

Алешкович Александр Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Магистратура

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ КАК ИНСТРУМЕНТ МОБИЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

THE GLOBAL SOUTH AS A MOBILIZATION TOOL IN THE PROCESS OF MULTIPOLARITY FORMATION

Аннотация. Оппозиция «Глобальный Юг — Глобальный Север» в статье рассматривается в связке с оппозицией антигегемонизм — гегемонизм, что позволяет сделать вывод о несоответствии между идеями Глобального Юга и многополярности. Делается попытка объяснения существующей независимо от этого противоречия взаимосвязи между понятиями в современных международных отношениях. Отмечается, что эта взаимосвязь обусловлена значительным мобилизационным потенциалом термина «Глобальный Юг». Делается попытка предположить, какими могут быть трансформации термина, когда текущие причины его использования станут неактуальными.

Ключевые слова: Глобальный Юг, Глобальный Север, гегемонизм, антигегемонизм, многополярность, БРИКС

Abstract. The article examines the “Global South — Global North” dichotomy in conjunction with the “anti-hegemonism — hegemonism” dichotomy, leading to the conclusion that there is a discrepancy between the ideas of the Global South and multipolarity. It attempts to explain the existing interconnection between these concepts in contemporary international relations, which persists despite their contradiction. The article notes that this interconnection is driven by the significant mobilization potential of the term “Global South”. It ventures to suggest potential transformations of the term once the current reasons for its use become irrelevant.

Keywords: Global South, Global North, hegemonism, anti-hegemonism, multipolarity, BRICS

Введение

Актуальность исследования Глобального Юга в контексте многополярности заключается в существующей между этими явлениями связи. Рассмотрение Глобального Юга в его оппозиции с Глобальным Севером в политическом контексте связано с рассмотрением оппозиции антигегемонизм — гегемонизм. По приверженности одному из этих внешнеполитических курсов можно провести разграничение между странами Глобального Юга и Глобального Севера. Оппозиция антигегемонизм — гегемонизм также является одной из главных идейных основ формирования многополярного мира в «постамериканский век», что позволяет рассмотреть взаимосвязь Глобального Юга с многополярностью. Целью работы является выявление этой взаимосвязи.

Задачи:

1. Определить степень идейного соответствия терминов «Глобальный Юг» и «многополярность».
2. Оценить мобилизационный потенциал термина «Глобальный Юг» на примере БРИКС.
3. Рассмотреть перспективы существования термина «Глобальный Юг» в многополярном мире.

Идейное несоответствие многополярности и Глобального Юга

Формирование многополярности — одна из основных тенденций развития современной системы международных отношений. При этом стремление к многополярности является одной из главных характеристик системы международных отношений в целом: сосуществующие в условиях анархии государства стремятся к усилению собственных позиций и недопущению чрезмерного доминирования других. В этой связи «однополярный момент» видится аномалией, всё прочнее уходящей в прошлое. Тем не менее, его влияние на современные процессы формирования многополярного мира велико. Одним из проявлений этого влияния является противопоставление государств бывшего доминирующего блока всем остальным государствам, что находит своё отражение в использовании оппозиции «Север — Юг».

Как следствие, нынешний переход к многополярности осуществляется в рамках дискурса, противоречащего сути идеи многополярности. Оппозиция «Глобальный Юг — Глобальный Север» предполагает наличие двух монолитных общностей: доминирующего Севера и борющегося против его доминирования Юга. Хотя данная оппозиция предполагает существование двух глобальных игроков, она также чётко обозначает, что существует гегемон, против которого необходимо бороться, что указывает на однополяр-

ность. Тем не менее, оппозиция «Север — Юг» является важной для современной мировой политики.

Глобальный Юг — дискурсивное явление, которое не переносится в сферу реальной политики. На это указывают неоднородность Глобального Юга и отсутствие международно-политических структур, по принадлежности к которым можно было бы чётко определить, является ли то или иное государство частью Глобального Юга. Данная неоднородность осложняется соперничеством между странами Глобального Юга, доходящим в некоторых случаях до вражды. В этом смысле страны Глобального Севера обладают большим единством. Предлагая рассматривать успешность международных объединений с точки зрения их идеологической монолитности, Исаев А. К. приходит к выводу, что единые структуры оказываются в проигрыше [1]. В рассматриваемом контексте, на первый взгляд, это означает победу Глобального Юга над Глобальным Севером. Однако в действительности невозможна победа ни Севера, ни Юга. Формирование новых центров силы приведет к исчезновению из дискурсивного поля мировой политики таких понятий как «Глобальный Юг» и «Глобальный Север». Основания такого отхода заметны уже сейчас.

Например, Россия — страна, являющаяся одним из наиболее последовательных сторонников многополярности — на официальном уровне стремится избегать применения понятия «Глобальный Юг». Примечательно, что в Концепции внешней политики РФ 2023 года значительный акцент делается на формировании многополярности, но ни разу не упоминается Глобальный Юг [2]. Объяснение такого подхода к формулировке положений Концепции состоит не только в том, что Глобальный Юг является сложно определимым, но и в том, что, как упоминалось ранее, это понятие противоречит идее многополярности, которая определяет стратегический вектор российской внешней политики. Эта тенденция также находит своё отражение в политической риторике: в российском политическом дискурсе чаще используется понятие Мирового большинства.

Среди причин использования этого термина, несомненно, можно назвать такие как существующие сомнения по поводу возможности отнесения России к Глобальному Югу, а также необходимость отделения в политической риторике недружественных России государств от всех остальных. В рамках данной статьи наибольшее значение имеет другой аспект понятия «Мировое большинство». Оно стремится избежать попыток представить страны, относящиеся к этой группе, как монолитный и неделимый блок. Мировое большинство подвижно и может стать меньшинством или распасться на равные группы в зависимости от конкретных обстоятельств. Мировое большинство, таким образом, больше соответствует идее равенства государств и духу многопо-

лярности, так как основано на количественном критерии и не предполагает обязательное наличие какой-либо общности. Однако оно обладает меньшими возможностями мобилизовать государства на борьбу за многополярность.

Глобальный Юг как инструмент мобилизации

Другие страны БРИКС считают себя принадлежащими к Глобальному Югу, что обуславливает активное использование ими этого термина. Между тем, БРИКС, который иногда именуют «голосом Глобального Юга», не соответствует этому описанию по количественному критерию. БРИКС является форматом, объединяющим 10 государств-членов и 10 государств-партнеров. Кроме того, БРИКС существует как формат, основанный не на противостоянии каким-либо акторам на международной арене, а как формат для развития стран, проявляющих интерес к равноправному сотрудничеству. Глобальный Юг, при этом, немыслим вне его оппозиции с Глобальным Севером, что противоречит продвигаемой БРИКС идеи ненаправленности против кого-либо. Тем не менее, на данный момент только БРИКС может претендовать на то, чтобы быть «голосом Глобального Юга».

Глобальный Юг является дискурсивным явлением, призванным мобилизовать государства на борьбу за многополярность, следовательно, он нуждается в конкретном политическом носителе. Ни одно государство не может быть таким носителем. Легитимным носителем звания «голоса Глобального Юга» могло стать только объединение крупнейших государств не-Севера, способных при этом оказывать влияние на политику стран Севера, а также готовых вести равноправный диалог со всеми странами и отстаивать в этом диалоге справедливое мироустройство. Таким объединением стал БРИКС. Будучи форматом, объединяющим государства различных регионов, он способен предлагать решения всех основных проблемам стран Глобального Юга.

Важно отметить, что понятие «Глобальный Юг», не являются конституирующими для БРИКС. Набирающие силы центры международных отношений объединились для формирования более справедливого многополярного мироустройства. Эта идея нашла своё отражение в совместном заявлении лидеров стран БРИК 2009 года [3], что подтверждает её статус как основополагающей. Однако лежащая в основании БРИКС идея многополярности не обладает достаточной легитимизирующей силой. Проблема состоит в отсутствии чёткого понимания, какую систему многополярности отстаивают государства. Раздел мира на сферы влияния между несколькими глобальными центрами силы также является многополярной моделью, в которой большинству государств отводится незавидная роль сателлитов. Очевидно, такая модель не может быть привлекательной для подавляющего большинства государств. Добавление терминов «справедливость» и «равноправие»

не решает эту проблему, так как справедливые и равноправные отношения могут выстраиваться между центрами при игнорировании прав других государств, что доказали попытки экспорта «справедливого и равноправного» либерально-демократического мироустройства за пределы Запада.

Следовательно, БРИКС необходимо было найти идею, которая смогла бы мобилизовать государства на участие в строительстве нового миропорядка, и такой идеей стал Глобальный Юг, который имеет ряд преимуществ. Во-первых, использование оппозиции «Север — Юг» позволяет чётко определить, что не является ценностями формата — доминирование одного блока. Во-вторых, отсутствие строгости в определении Глобального Юга позволяет придерживаться гибких позиций в вопросе определения потенциальных участников формата. Это, в свою очередь, даёт возможность пересмотреть роль либерализма в международных отношениях в пользу мультикультурализма. В-третьих, мультикультурализм позволяет избежать опасений по поводу замены одной глобальной системы ценностей на другую, так как оставляет за каждым народом право развиваться в рамках собственного культурно-исторического пути.

На основании этого идея Глобального Юга стала центральной для сплочения аморфного «большинства» вокруг реальной политической силы — БРИКС. Контент-анализ деклараций саммитов БРИКС подтверждает этот вывод. Глобальный Юг впервые появляется в тексте деклараций в 2023 году [4], т.е. в год принятия решения о расширении БРИКС. В этот момент трансформация БРИКС в «голос Глобального Юга» становится необходимой. В Казанской декларации БРИКС 2024 года понятие «Глобальный Юг» встречается 6 раз [5], несмотря на российское стремление отмежеваться от этого термина в официальной риторике. В декларации Рио-де-Жанейро 2025 года словосочетание «Глобальный Юг» вынесено в название документа [6], что свидетельствует о значительно возросшем значении этого термина для объединения. Следует отметить, что 2025 год также был отмечен ужесточением гегемонистской риторики со стороны США. Вынесение в заголовок Декларации Рио-де-Жанейро термина, чётко ассоциирующегося с оппозицией гегемонизму, стало ответом БРИКС на эту риторику.

Перспективы существования термина «Глобальный Юг» в многополярном мире

Дальнейшее существование термина «Глобальный Юг» в его нынешнем значении возможно только при сочетании двух условий: сохранение идейного единства Глобального Юга и продолжение Глобальным Севером политики гегемонизма. Первое невозможно без второго, так как стремление к глобальному доминированию порождает ответное стремление к объ-

единению против этого доминирования. Следовательно, при достижении цели создания многополярного мира, в котором существует действительное равенство, использование термина «Глобальный Юг» либо выйдет из употребления, либо трансформируется. Очевидно, точное прогнозирование потенциальной трансформации термина «Глобальный Юг» невозможно. Тем не менее, можно сделать ряд предположений.

Одно из пониманий Глобального Юга основано на дисбалансе социально-экономического развития. В этом смысле Глобальный Юг органично вписывается в неомарксисткую концепцию и выступает политическим аналогом понятий периферии и полупериферии. Встав на место этих понятий, Глобальный Юг стал средством выражения экономических потребностей развивающихся государств. Однако вероятность долгосрочного сохранения этой связки снижается из-за тесной связи между уровнем социально-экономического развития многих стран Глобального Юга с их колониальной историей. Чрезмерная эксплуатация проблем социально-экономического развития в контексте постколониального наследия невыгодна ни бывшим метрополиям, ни бывшим колониям. Для метрополий эта связь, во-первых, несёт репутационные издержки, во-вторых, опасна необходимостью признания ответственности за сложившуюся в колониях социально-экономическую ситуацию. Несмотря на то, что некоторые бывшие метрополии признают некоторую степень своей вины за отсталость своих колоний, они не признают необходимость нести ответственность за это. Для стран Глобального Юга, имеющих колониальное прошлое, чрезмерная эксплуатация этого прошлого мешает усилению голоса этих стран на международной арене. В таких условиях двусторонние или многостороннее сотрудничество бывших метрополий и колоний (например, в рамках Содружества Наций) остается более актуальным и отвечающим интересам их участников.

Более того, экономическое понимание Глобального Юга станет невозможным в многополярном мире, так как центры силы должны обладать значимой экономической мощью. Формирование многополярности приведет к появлению среди государств Глобального Юга таких, которые перестанут отвечать экономическому критерию. Тем не менее, можно предположить, что экономическое понимание Глобального Юга может претерпеть изменения. Например, оно может отклониться в сторону китайского понимания данного термина как идентичности, основанной на экономическом развитии. Однако подобное понимание делает понятие Глобального Юга ещё более аморфным. Экономическое развитие является одним из основных приоритетов всех государств, в том числе и Глобального Севера. Следовательно, построение идентичности Глобального Юга на экономическом развитии также потенциально ведёт к размыванию и исчезновению понятия.

С экономическим пониманием Глобального Юга тесно связана его интерпретация через миграцию. Данные статистики свидетельствуют, что большинство мигрантов перемещается с Юга. Однако количество мигрантов, перемещающихся по направлениям Юг — Север и Юг — Юг, является примерно одинаковым [7]. Следовательно, при определении принадлежности стран к Глобальному Югу через отток населения также возникает проблема: из Глобального Юга необходимо исключать страны, которые являются основными драйверами развития Глобального Юга, что невозможно, так как именно эти страны удерживают дискурс Глобального Юга в повестке международных отношений.

Вместе с тем нельзя отрицать роль средних и малых государств Глобального Юга в поддержании этого дискурса. Глобальный Юг является своеобразным преемником Движения неприсоединения. Однако эта преемственность носит символический характер. Глобальный Юг перенимает у Движения неприсоединения идею невозможности объединения всего мира под единой идеологией и общей политикой, отвечающей интересам блокового гегемона. Глобальный Юг, также как и Движение неприсоединения, стоит на позициях мультикультурализма и невмешательтсва во внутренние дела суверенных государств.

Малые и средние государства, проводящие политику балансирования или нейтралитета, являются ограничителями чрезмерного усиления великих держав. Дискурс Глобального Юга в этих условиях может играть двоякую роль. С одной стороны, термин может использоваться центрами силы как мобилизационный ресурс. С другой стороны, этим им могут пользоваться государства, не являющиеся центрами силы, для указания на свою способность участвовать в глобальной политике, удерживая тот или иной центр силы от попыток гегемонизма. Такое амбивалентное использование термина «Глобальный Юг» логически соответствует его нынешнему пониманию, так как оппозиция Глобальный Юг — Глобальный Север предполагает связку с оппозицией антигегемонизм — гегмонизм.

Тем не менее, ни одно из государств, относящихся к Глобальному Югу, не стремится к глобальному доминированию. Также сложно предположить, что эти страны станут проводить политику гегемонизма. Следовательно, необходимость глобального объединения государств на этой основе отпадет. Вместе с тем нельзя не отметить, что необходимость поддержания баланса сил в многополярном мире не исчезнет. Многополярный мир, понятый как процесс поддержания баланса, требует выдвижения каких-то мобилизационных идей. Идея Глобального Юга, как было показано, обладает мобилизационным потенциалом. Однако её возможности снижаются по мере выравнивания возможностей глобальных центров силы. Можно ожидать, что понимание Глобального Юга будет постепенно сужаться и со временем

выйдет из употребления в международно-политическом дискурсе, так как его сужение перечеркнет его понимание как глобального.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что между понятиями Глобального Юга и многополярности существует идейное несоответствие. Также отмечено, что Глобальный Юг является дискурсивным явлением, что позволяет вписывать его в любые нарративы. Вследствие этого термин смог стать идеей, вокруг которой объединяются государства, стремящиеся к построению справедливого миропорядка, основанного на многополярности. В качестве главной политической силы, объединяющей эти понятия, рассмотрен БРИКС, который смог использовать мобилизационный потенциал понятия Глобального Юга наиболее эффективно. Вместе с тем отмечено, что мобилизационный потенциал, основанный на антигегемонизме, будет снижаться по мере достижения поставленной цели. Это приведет либо к серьёзной трансформации понимания Глобального Юга, либо к исчезновению термина из политической риторики.

Список источников и литературы

1. *Исаев А. К.* Бесконечность истории и конец классических идеологий, или Почему Запад проиграет России. — СПб.: СПбГУП, 2024. — 88 с.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). // Министерство иностранных дел РФ. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/detailmaterial-page/1860586/ (дата обращения: 30.11.2025).
3. Совместное заявление лидеров стран БРИК от 16.06.2009 г. // Президент России. 2009. URL: http://kremlin.ru/supplement/209 (дата обращения: 30.11.2025).
4. Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности от 23.08.2023 г. // Президент России. 2023. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf (дата обращения: 30.11.2025).
5. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности от 23.10.2024 г. // Президент России. 2024. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 30.11.2025).
6. Декларация Рио-де-Жанейро. Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления от 06.07.2025 г. // Президент России. 2025. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 30.11.2025).
7. Global Trends report 2024 // United Nations High Commissioner for Refugees. 2025. URL: https://www.unhcr.org/global-trends-report-2024 (дата обращения: 30.11.2025).

Габдулина Алсу Илдусовна

Удмуртский государственный университет
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

ИНВЕСТИЦИОННОЕ И ИНФРАСТРУКТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ КИТАЯ НА СТРАНЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА: АНАЛИЗ ДОЛГОВОЙ СТРАТЕГИИ КНР В АФРИКЕ НА ПРИМЕРЕ КЕНИИ.

CHINA'S INVESTMENT AND INFRASTRUCTURAL INFLUENCE ON THE COUNTRIES OF THE GLOBAL SOUTH: AN ANALYSIS OF DEBT STRATEGY IN AFRICA USING THE EXAMPLE OF KENYA.

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать влияние Китайской Народной Республики на страны Глобального Юга с развивающейся экономикой. Для более детального анализа были рассмотрены отношения между КНР и Кенией. Для осуществления поставленной цели автором были рассмотрены концепции и статистические данные о внешнеторговых связях Китая со странами Африканского континента. Изучив совокупность авторитетных открытых источников, условия кредитования, сформулированными на основе теоретической модели «Анализ цели, задачи, средств», автор делает выводы о существовании долговой стратегии.

Ключевые слова: Китай, Кения, кредит, экспорт, импорт, «долговая стратегия», инвестиции.

Abstract: This article attempts to characterize the influence of the People's Republic of China on the emerging economies of the Global South. For a more detailed analysis, the relations between China and Kenya were considered. To achieve this goal, the author reviewed concepts and statistics on China's foreign trade relations with the countries of the African continent. Having studied a set of reputable open sources, credit conditions formulated on the basis of the theoretical model «Analysis of goals, objectives, means», the author draws conclusions about the existence of a debt strategy.

Keywords: China, Kenya, credit, export, import, «debt strategy», investment.

Введение

В последние десятилетия Китай утвердился, как доминирующая экономическая и внешнеполитическая сила в странах Глобального Юга, а в особенности в Африканских странах. Стратегия Пекина, преимущественно реализуемая через инициативу «Один пояс- один путь», трансформирует

экономический ландшафт континента путем внедрения инвестиционных и инфраструктурных проектов. Однако на фоне стремительного роста китайского влияния нарастает и международная дискуссия о ее долгосрочных последствиях, в центре которой- концепция «долговой дипломатии»: предоставление крупных займов на развитие инфраструктуры, которые потенциально могут привести к чрезмерной долговой зависимости стран-заемщиков и усилению стратегического влияния Китая.

Детальный анализ данной стратегии был проведен на примере взаимоотношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Кения. Кения, будучи одной из наиболее динамично развивающихся экономик Восточной Африки и ключевым региональным логистическим узлом, является одним из основных реципиентов китайских инвестиций на африканском континенте. Данное партнерство демонстрирует свою сложность и противоречивость: с одной стороны, осуществляется реализация масштабных проектов, имеющих важное значение для модернизации страны, а с другой — возникают существенные риски, связанные с долговой нагрузкой и потенциальной уступкой стратегических активов.

Целью данной статьи является комплексный анализ эволюции и современных тенденций китайско-кенийских экономических и дипломатических отношений, от их истоков до реализации масштабных проектов, с оценкой взаимных выгод и потенциальных рисков.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1) Проанализировать ключевые механизмы и соглашения, определяющие формат сотрудничества, включая ранние договоры о дружбе, соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, а также современную инициативу «Один пояс- один путь».
2) Исследовать конкретные примеры двусторонних проектов (на примере строительства Международного спортивного центра Мои и железной дороги в Кении «Момбаса-Найроби»), чтобы выявить их экономические и стратегические цели для обеих сторон.
3) Оценить финансовые условия сотрудничества и сопутствующие риски, проанализировать структуру финансирования проектов, условия кредитования, а также дискуссию вокруг так называемой «долговой стратегии» и место китайских займов в общей структуре внешнего долга Кении.

История китайско-кенийских отношений

Дипломатические отношения между Китаем и Кенией берут свое начало с 1963, с момента обретения Кенией независимости от Великобритании.

Однако экономические связи между Кенией и Китаем возникли еще до обретения независимости. Будучи британским колониальным государством, несмотря на холодную войну, в 1950-х и начале 1960-х годов Кения экспортировала сырье для переработки в Китай: сизалевое волокно, хлопок-сырец, экстракт коры тростника и пиретрум. В свою очередь, Кения закупала у Китая полуфабрикаты и готовую продукцию: неблагородные металлы, чай, ткани, фруктовые полуфабрикаты и различные промышленные товары. В 1963 году, в последний год пребывания Кении под колониальным правлением объем торговли между двумя странами составил 9,2 миллиона кенийских шиллингов (1,2 миллиона долларов по текущему обменному курсу), и это было в значительной степени в пользу Кении: экспорт Кении оценивался в три раза больше, чем импорт из Китая. [2]

В 1980-е годы страны впервые в истории перешли от государственных визитов к созданию механизмов укрепления доверия на самом высоком уровне правительств обеих стран, которые затем перешли на уровень кабинетов министров, законодателей и лидеров правящих партий в обеих странах. За этим последовали обязательные соглашения о "дружбе", которые были характерны для отношений Китая с африканскими странами в ту эпоху, а затем более подробные договоренности по проектам развития, технической помощи и ограниченной торговле, регулируемой государством. Этап более свободной торговли и инвестиций, который должен был характеризовать экономические отношения между двумя странами в первом десятилетии XXI века, еще не начался, но механизмы укрепления доверия, смягчение революционной и контрреволюционной риторики и новые усилия по содействию торговле и экономическому развитию в 1980-х годах помогли заложить основу для перехода от политически напряженного климата 1960-х и 1970-х годов к взаимовыгодной эпохе первого десятилетия нового века.

С 1978 по 2000 год Кению и Китай связывали активные дипломатические контакты. Кенийские министры иностранных дел Уилсон Ндоло Айя и Бонайя Адхи Годана, а также представители партии КАНУ и парламентарии совершали визиты в Китай. Однако эти визиты были незначительны по сравнению с потоком высокопоставленных китайских делегаций в Кению. С 1980 по 2002 год Кению посетили 20 китайских высших должностных лиц, включая премьер-министров Чжао Цзыяна (1983) и Чжу Жунцзи (2002), министра иностранных дел У Сюэцяня (1987) и президента Цзян Цзэминя (1996). Это свидетельствует о стратегическом значении Кении для Китая как «ворот» в Восточную Африку с наиболее развитой экономикой региона. Частые визиты стимулировали техническое сотрудничество, и к 2000 году новости о китайских проектах в Кении появлялись ежемесячно. Важно отметить, что Китай не только выступал в роли партнера по торговле и сотрудни-

честву, но и стремился перенять кенийский опыт в таких сферах, как сельское хозяйство и туризм, поскольку сам находился в процессе модернизации и перехода к рыночной экономике. [2]

В результате первого визита Мои, президента Кении 1978–2002, в Китай в 1980 году Кения и Китай заключили два соглашения. Первое из них касалось экономического и технологического сотрудничества и охватывало широкий спектр проектов: строительство нового спортивного стадиона Мои (вопрос обсуждался с 1977 года); техническая поддержка двух новых университетов; стипендии; военные и культурные обмены.

Далее было подписано государственное торговое соглашение между Кенией и Китаем, которое во многом напоминало соглашения 1960-х годов. Этот договор предусматривал обмен товарами между китайскими государствами, образование торгового агентства и его аналога в Кении. Однако наиболее важным компонентом соглашения об экономическом сотрудничестве было строительство Международного спортивного центра Мои. Он был построен за 930 миллионов кенийских шиллингов (приблизительно 52 миллиона долларов), 48 процентов из которых были профинансированы Кенией. Он включал в себя спортивный стадион вместимостью 60 000 человек, плавательный бассейн олимпийских размеров и современный тренажерный зал. Строительство планировалось завершить к четвертому Всеафриканскому чемпионату Мира по футболу и, таким образом, продемонстрировать всей Африке новое китайско-африканское сотрудничество. Вклад Китая в покрытие расходов на строительство (52%) был профинансирован за счет беспроцентного займа от КНР, что ознаменовало собой отход от китайских проектов, финансировавшихся за счет сырьевых товаров, в 1960-х и 1970-х годах, таких как закрытая текстильная фабрика в Кении в 1964 году. [2]

Современное состояние китайско-кенийских отношений

В настоящее время страны активно развивают межгосударственное сотрудничество во всех сферах, подписывают новые договоры и соглашения. Экономические отношения государств скреплены несколькими десятками соглашений, основу которых составляют такие договоры, как Соглашения по стандартной колее железной дороги («Момбаса-Найроби»), Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках Инициативы «Один пояс-один путь» (Belt and Road Initiative — BRI), Соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве.

Одним из самых масштабных китайско-кенийских проектов в инфраструктуре является железнодорожный проект «Момбаса-Найроби» в рамках инициативы «Один пояс- один путь». По словам бывшего премьер-министра

Китая Ли Кэцяна, китайские железнодорожные технологии являются «золотыми визитными карточками» и важнейшим компонентом инициативы «Один пояс — один путь», плана Пекина по завоеванию дипломатических союзников и открытию рынков, включая Европу и Восточную Африку путем финансирования и строительства инфраструктуры с тематическим акцентом на «связь». Для многих африканских стран Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк) является единственным доступным источником финансирования развития внутренних железных дорог. Китайские железнодорожные проекты за рубежом часто сопровождаются проектами по модернизации портов и созданию особых экономических зон, которые создают инфраструктуру, ориентированную на производство и экспорт. [8]

Страны видят взаимовыгодные результаты от строительства этой железной дороги. Так, президент Кении Ухуру Кеньята заявил, что эта железная дорога соединит порт в Момбасе с соседней страной Угандой, создаст новые рабочие места и станет стимулом для развития страны в индустриализации. Китай же был направлен на расширение своего экономического и политического влияния через инициативу «Один пояс-один путь», продолжение и расширение строительства железных дорог, портов по всему миру. [7]

По данным Казначейства Кении, первый участок дороги (472 км. от г. Момбаса до г. Найроби) оценивается в 3,8 миллиона долларов, финансировался на 15% правительством Кении и на 85% Экспортно-импортным банком КНР. Второй участок (120 км. железной дороги от Момбаса до Найроби) оценивается в 1,5 миллионов долларов, из которых 15% финансировалось правительством Кении, а 85% Экспортно-импортным банком КНР. [4]

Процентная ставка кредита составляла 2% годовых, что классифицировалось как льготная ставка. Срок выплаты кредита составлял от 15 до 20 лет, при этом соглашение предусматривало льготный период в 5–7 лет. В течение этого времени Кения была обязана выплачивать только проценты по долгу, что должно было снизить финансовую нагрузку на начальном этапе эксплуатации дороги. [5]

Однако некоторые СМИ утверждают, что кредит был обеспечен также залогом порта Момбасы- главного морского порта страны и жизненно важного актива для всей Восточной Африки. Так, в случае невозможности уплаты кредита, к Китаю должен перейти под контроль порт Момбаса и железная дорога Момбаса-Найроби. Так, формально выгодные условия кредита-низкая ставка и долгий срок-сочетались с серьезнейшими рисками. Потенциальная потеря стратегических активов, таких как порт Момбаса и сама железная дорога, в случае экономических трудностей страны стала ярким примером обвинений в адрес Китая в создании «долговых ловушек» для развивающихся стран. [3]

По данным исследовательской группы AidData, Пекин не стремится укреплять свою репутацию всемирного благотворителя: доля его зарубежных займов и грантов, которая квалифицируется как официальная помощь развитию (ОПР), резко сократилась. Он сосредоточен на укреплении своей роли международного кредитора как первой, так и последней инстанции, с которым никакая страна не может позволить себе испортить отношения или вступить в конфронтацию. Анализ данных AidData показывает, что объем китайского зарубежного кредитования не сокращается. Новые собранные данные свидетельствуют о том, что Китай остается крупнейшим в мире официальным кредитором, предоставив в 2023 году заемщикам государственного и частного секторов по всему миру примерно 140 миллиардов долларов. «С момента первого анонса инициативы «Один пояс- один путь» — своего проекта глобальной инфраструктуры — Китай ни разу не опускался ниже порога в 100 миллиардов долларов в год, — сообщил соавтор отчета и старший научный сотрудник AidData Шэн Чжан. — Это означает, что он остается крупнейшим в мире официальным кредитором как минимум уже десятилетие. В 2023 году Пекин тратил больше, чем Вашингтон, более чем в два раза, и опередил Всемирный банк — крупнейший источник помощи и кредитования — почти на 50 миллиардов долларов». [6]

Однако несмотря на всю критику в западных СМИ, Китай не является основной причиной долгового кризиса в Африке. Например, общий объем внешнего долга Кении в 2020 году составил 38 миллиардов долларов, в то время как его двусторонний долг составляет всего 11 миллиардов долларов США. Несмотря на то, что Китай является крупнейшим двусторонним кредитором, долг Кении перед Китаем составляет менее трети от общего долга Кении, поскольку страна также привлекала кредиты у международных организаций, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк, а также у частных кредиторов. [8]

Более того, изучение кредитных договоров показывает, что у Китая не было намерения получать активы в случае дефолта по займам. Исследование Немецкого центра экономической информации им. Лейбница (2022) по договорам о железной дороге

«Момбаса-Найроби» демонстрирует, что вместо преднамеренной «долговой ловушки» с портом Момбаса в качестве залога, контракты по строительству дороги были тщательно разработаны для снижения рисков суверенного дефолта в Кении и повышения инвестиционной привлекательности проекта. [1]

В заключение, теория долговой ловушки утверждает, что Китай является главным кредитором Африки и что целью китайского финансирования было обслуживание стратегических интересов Китая в ущерб Африке. Однако на

самом деле Китай — лишь один из множества кредиторов, у которых африканские государства занимают средства. Аргумент «долговой ловушки» главным образом заключается в том, что африканские страны лишены возможности самостоятельно определять свой внутренний курс развития.

Важно признать способность африканских акторов разрабатывать стратегии, выбирая среди доступных им вариантов внешнего финансирования для стимулирования внутреннего развития и повышения благосостояния народа.

Заключение

С одной стороны, Китай позиционирует себя как незаменимого партнера по развитию, предлагая странам вроде Кении то, что они не могут получить от традиционных западных кредиторов или международных институтов: быстрое финансирование и реализацию амбициозных проектов (железные дороги, стадионы, порты). Это позволяет странам-реципиентам в краткосрочной перспективе совершить качественный скачок в развитии инфраструктуры, что стимулирует экономику и создает рабочие места.

Однако, с другой стороны, эта модель порождает серьезные стратегические риски. Кредиты, выдаваемые под льготный процент, часто обеспечиваются залогом ключевых национальных активов, как в случае с портом Момбаса. Это создает классическую «долговую ловушку»: при невозможности обслуживать долг страна рискует потерять суверенитет над стратегическими объектами, что ставит под угрозу ее экономическую безопасность и ограничивает политический суверенитет. Таким образом, китайский капитал становится не просто инструментом развития, а механизмом глубокого экономического и политического влияния.

При этом Китай искусно позиционирует себя как «кредитор первой и последней инстанции». Как показывает пример Кении, даже будучи крупнейшим двусторонним кредитором, Китай не всегда является главной причиной долгового кризиса, что позволяет ему парировать критику. Однако его доминирующее положение в финансировании делает его ключевым игроком, от воли которого зависит экономическая стабильность страны-заемщика.

Таким образом, экономическое влияние Китая на Кению и другие страны Глобального Юга является двойственным. Оно предлагает им кратчайший путь к модернизации, но одновременно создает долгосрочную структурную зависимость, превращая инфраструктурные активы в рычаг геополитического давления. Это превращает экономическое сотрудничество в инструмент «мягкой силы», где долг становится основой для расширения стратегического влияния Китая в ключевых регионах мира.

Список источников и литературы

1. Brautigam, Deborah; Bhalaki, Vijay; Deron, Laure; Wang, Yinxuan «How Africa Borrows From China: And Why Mombasa Port is Not Collateral for Kenya's Standard Gauge Railway»// working paper, No.2022/52- URL: How Africa Borrows From China: And Why Mombasa Port is Not Collateral for Kenya's Standard Gauge Railway (дата обращения 30.11.2025)
2. *Chege M.* Economic relations between Kenya and China, 1963-2007 // Kenya: The Struggle for Prosperity. — Nairobi : University of Nairobi Press, 2008. — p. 67-89.
3. Kenya Risk Losing Its Port to the Chinese over Increasing Debt // The Kenyan Wall Street [веб-сайт].– URL: https://kenyanwallstreet.com/kenya-risk-lose-its-port-to-the-chinese-over-increasing-debt/ (дата обращения: 30.11.2025).
4. The National Treasury of the Republic of Kenya. Investor Relations : [веб-сайт]. — URL: https://www.treasury.go.ke (дата обращения: 30.11.2025).
5. The National Treasury of the Republic of Kenya. Medium Term Debt Management Strategy 2019. – URL: https://www.treasury.go.ke/wp-content/uploads/2019/03/2019-MEDIUM-TERM-DEBT-MANAGEMENT-STRATEGY.pdf (дата обращения: 30.11.2025).
6. *Parks B., Chee C., Zhang S.* China's massive overseas lending portfolio shifts course, as Beijing eyes the U.S., EU, and sensitive industries // AidData at William & Mary : [веб-сайт].– 2023. – URL: https://www.aiddata.org/publications/chinas-massive-overseas-lending-portfolio-shifts-course (дата обращения: 30.11.2025).
7. The Troubles of Kenya's China-Funded Train // The New York Times : [веб-сайт]. — URL: https://www.nytimes.com/2022/10/15/world/africa/kenya-china-train-debt.html (дата обращения: 30.11.2025).
8. *Wang Y.* The railpolitik: Leadership and Agency in Sino-African Infrastructure Development // Oxford Studies in African Politics and International Relations. — Oxford : Oxford University Press, 2023. — p. 25, 210.

Мирзоев Эмин Эльчинович

Тюменский государственный университет,
Факультет международных отношений,
Бакалавриат

МЕЖДУНАРОДНЫЕ БАНКИ РАЗВИТИЯ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНЫМ ЮГОМ И ГЛОБАЛЬНЫМ СЕВЕРОМ

INTERNATIONAL DEVELOPMENT BANKS AS A CONTINUATION OF THE DEBATE BETWEEN THE GLOBAL SOUTH AND THE GLOBAL NORTH

Аннотация. Настоящее исследование посвящено сравнительному анализу политики и механизмов принятия решений международных банков развития. Цель работы заключается в выявлении различий между проводимой политикой и механизмами принятия решений. Автор сопоставляет структуру управления, принципы голосования и условия предоставления кредитов. Делается вывод, что, несмотря на ограниченный капитал, появление новых банков развития создает конкурентный рынок, предоставляя развивающимся экономикам возможность диверсифицировать заимствования.

Ключевые слова: Международные банки развития, Глобальный Север, Глобальный Юг, Новый банк развития БРИКС, Евразийский банк развития, Азиатский банк развития, Евразийский банк развития и реконструкции.

Abstract. This study focuses on comparative analysis of policies and decision-making mechanisms of international development banks. The objective is to identify differences between policies and decision-making mechanisms. The author compare management structure, voting principles and credit conditions. It is concluded that, despite limited capital, the emergence of new development banks creates a competitive market, allowing emerging economies to diversify their borrowing.

Keywords: International development banks, Global North, Global South, BRICS New Development Bank, Eurasian Development Bank, Asian Development Bank, Eurasian Development and Reconstruction Bank.

Введение

Международные финансовые институты развития играли важную роль в формировании миропорядка после Второй мировой. Именно Всемирный Банк сначала участвовал в восстановлении экономики Европы, а затем как институт при ООН содействовал развивающимся странам.

Сейчас мы можем наблюдать недоверие к глобальным финансовым институтам со стороны мировой общественности, и одновременно с этим попытки создания новых международных финансовых структур развития, ключевую роль в которых будут играть страны Глобального Юга. О серьёзности намерений свидетельствуют высказывания Си Цзиньпина и других высших лиц государств о Новом банке развития БРИКС [1].

Цель настоящего исследования заключается в сравнительном анализе политики принятия решений банков развития, а также оценке проводимой политики. Для анализа были выбраны Азиатский банк развития (АДБ), Новый банк развития БРИКС (НБР), Евразийский банк развития (ЕБР), а также Европейский банк развития и реконструкции (ЕБРР).

Данные банки были выбраны поскольку осуществляют свою деятельность на территории евразийского пространства, и как следствие страны, которым эти банки предоставляют кредиты, часто пересекаются. Помимо этого, данные Банки развития можно разбить на входящие в орбиту Глобального Юга (НБР, ЕБР), а также орбиту Глобального Севера (АДБ, ЕБРР).

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Использовать сравнительный институциональный анализ по двум критериям: системы принятия и исполнения решения о финансировании стран-заёмщиков, а также условия выдачи денег странам-заёмщикам.
2. Выборочно сравнить инициативы Банков развития в схожих сферах по методу case-study;
3. Провести сопоставление инициатив и механизма принятия решений, представить возможное будущее евразийское пространство банков развития.

Механизмы принятия решений в банках развития

Анализируя механизма принятия решений, мы можем отметить похожую структуру банков. Во всех представленных банках присутствуют три основополагающих органа — Президент, Совет Управляющих и Совет Директоров. Однако принципы, условия занятия должности, принципы голосования, а также принципы принятия и исполнения решений значительно отличаются.

Для понимания было составлено две таблицы — одна описывает структуру управления, а вторая принятие решений.

Таблица 1

Организационная структура банков развития

Банки	Верховный орган	Оперативный орган	Лидер	Ключевые особенности
АБР	Совет управляющих. Один представитель на 69 членов: 50 из Азиатско-Тихоокеанского региона, 19 из нерегиональных стран.	Совет директоров. 12 постоянных членов, избираемых Советом управляющих.	Президент — избирается на 5-летний срок с возможностью переизбрания и 6 вице-президентов. Как правило президент японский представитель.	Включает региональные департаменты, отраслевые группы и надзорные органы.
ЕБРР	Совет управляющих. Один управляющий и его заместитель на 77 акционеров.	Совет директоров. 23 члена, избираемых на 3 года.	Президент — избирается на 4-летний срок с возможностью переизбрания и вице-президенты	Директора-нерезиденты; надзорные комитеты. Ориентирован на страны с переходной экономикой.
НБР БРИКС	Совет управляющих. Один управляющий и его заместитель на каждого члена. В совет управляющих входят министры финансов стран-участниц банка.	Совет директоров. До 10 членов-нерезидентов; по одному от каждого члена-учредителя, а также избираемые для остальных.	Президент — избирается поочередно среди членов-основателей на 5-летний срок и вице-президенты по одному от каждого члена-основателя, за исключением президента.	Кредитно-инвестиционный комитет для утверждения проектов; Комитеты по аудиту/рискам и бюджету/кадрам.
ЕБР	Совет банка. Один полномочный представитель и заместитель от каждого государства-члена.	Правление — коллегиальный исполнительный орган, размер устанавливается Советом.	Председатель Правления — избирается Советом на 4-летний срок с возможностью продления.	Наличие комитетов — стратегический, кадровый, бюджетный; Комитет внутреннего аудита и ревизионной службы.

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [2–9]

Таблица 2

Сравнение политик принятия решений

Банк	Ключевые процессы	Мнение большинства	Специальные правила
АБР	Управляющие определяют общую политику; директора утверждают все кредиты, акционерный капитал и техническую помощь; президент контролирует реализацию через департаменты.	Квалифицированное большинство голосов при внесении поправок или изменении капитала.	Ежегодные обзоры деятельности; основное внимание уделяется Стратегии 2030э. Решения не принимаются в случае возражений членов.
ЕБРР	Управляющие делегируют полномочия директорам по вопросам операционной деятельности, такие как кредиты и инвестиции; ежегодным обзорам страны; Президент руководит текущей деятельностью.	Большинство голосов; кворум в две трети; квалифицированное большинство для принятия решений о членстве, увеличении капитала и приостановлении членства.	Принципы разумной банковской деятельности; экологическая устойчивость. Приостановление членства в случае нарушения принципов перехода к рыночной экономике. Требование перехода к демократии.
НБР (БРИКС)	Управляющие сохраняют за собой право принимать ключевые решения; директора утверждают стратегии и кредиты.	Простое большинство для общего голосования; квалифицированное (две трети голосов); специальное (четыре члена-учредителя + две трети).	Только экономические соображения; отсутствие политического вмешательства; диверсификация; 30-дневный срок подачи возражений на решения комитета.
ЕБР	Совет утверждает стратегии, бюджеты и крупные проекты; Правление отвечает за операционную деятельность и финансирование проектов в рамках установленных лимитов.	Большинство в три четверти голосов по ключевым вопросам; простое большинство по остальным вопросам; единогласное голосование по бюджету при наличии ≤2 членов.	Ориентация на интеграцию (≥70% портфеля); внедрение принципов ESG; отсутствие политической активности. Совет проводит заседания ≥2 раз в год.

Примечание — Источник: собственная разработка на основе [2–9]

Основываясь на анализе организационной структуры и механизмов принятия решений, мы можем сделать следующие выводы:

1. Сравнительный анализ уставных документов выявляет дихотомию в подходах к финансированию банков. Если ЕБРР сохраняет за собой право «дисциплинировать» заемщиков за отклонение от рыночных и демократических норм, то НБР и ЕАБР институционализируют принцип невмешательства, позиционируя себя как финансовые, а не политические инструменты;
2. Архитектура корпоративного управления «новых» банков представляет собой попытку преодолеть историческую траекторию распределения ресурсов. В отличие от АБР, где, НБР внедрил механизм ротации руководства и гарантированного представительства всех стран-учредителей;
3. В то время как банки Глобального Севера дрейфуют в сторону климатической повестки и ESG, региональные институты, такие как ЕАБР, сохраняют фокус на физической связанности региона. Закрепленная норма в 70% инвестиций в интеграционные проекты делает ЕАБР ключевым инструментом создания трансграничных коридоров в Евразии.

Таким образом, мы видим, как банки делятся не просто по количеству стран-участниц, количеству учредителей или географическому положению штаб-квартир. Банки значительно отличаются по организационной структуре, подходу к принятию решений и политике финансирования проектов в различных странах.

Сравнительный анализ банковских инициатив по методу case-study

Количество реализованных проектов банков развития разнится по их значимости, срочности, региональному влиянию и задействованию инвестиций. Исходя из этого, для анализа были отобраны четыре инфраструктурных проекта, реализованных в период 2018–2023 гг. и схожих по географическому пространству и технической группы. Выборка разделена на два тематических кластера: энергетика в Центральной Азии и транспортная инфраструктура в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

1. **Энергетический сектор.** В данном кластере сравниваются подходы НБР и ЕБР в модернизации энергосистемы в Центральной Азии.

ЕБРР и «Талимарджанская ТЭС» (Узбекистан). Проект модернизации крупнейшей ТЭС страны стал хрестоматийным примером модели «обусловленного развития». Выделение кредитных средств было напрямую увязано с обязательством правительства Узбекистана провести глубокую корпоративную реформу. ЕБРР фактически курировал процесс разделения государственного монополиста «Узбекэнерго» на независимые структуры [10].

Также можно отметить долгое время согласования проекта и время реализации. По данным сайта ЕБРР, впервые проект выдвигался на обсуждение в 2018 г., был подписан в 2022 г., и был окончательно реализован 30 октября 2025 г [11,12].

Отдельно хочется подчеркнуть, что ЕБРР и АБР работали над проектом совместно — информацию о финансировании и привлечении экспертов можно найти на сайтах обоих структур, что подтверждает нашу идею о том, что ЕБРР и АБР относятся к банкам развития Глобального Севера.

ЕАБР и «Куланакская ГЭС» (Кыргызстан). В 2022 г. ЕАБР профинансировал строительство ГЭС мощностью 100 МВт. В отличие от западного аналога, мандат ЕАБР в этом проекте сфокусирован исключительно на физической инфраструктуре, сокращении регионального энергодефицита и регулировании водных стоков [13].

ЕАБР реализует модель «суверенного развития». Банк не вмешивается в регуляторную политику заемщика, принимая существующие институты как данность, что ускоряет запуск критически важной инфраструктуры.

2. ***Транспортный сектор.*** Второй кластер анализа иллюстрирует различие в административной нагрузке на проекты.

АБР и строительство железной дороги Малолос-Кларк (Филиппины). Реализация проекта скоростной железной дороги продемонстрировала высокую транзакционную стоимость сотрудничества с АБР. Применение наднациональных стандартов потребовало разработки сотен страниц дополнительной документации по переселению жителей, гендерному равенству и экологической устойчивости, превышающих требования филиппинского законодательства, что указывает на большой уровень бюрократизма и вмешательства в законадательство финансируемых стран [14].

НБР и метрополитен Мумбаи (Индия). При кредитовании строительства линий метро 2 и 7, Новый банк развития применил стратегию использования «национальных систем». Банк делегировал надзор за социальными и экологическими рисками индийскому законодательству, признав его достаточным [15].

Таблица 3

Сводная таблица по итогам анализа case-study

Банк	**Проект (Страна)**	**Приоритет**	**Модель взаимодействия**
ЕБРР	Талимарджанская ТЭС (Узбекистан)	Реформа рынка	**Политическая обусловленность:** Деньги в обмен на реформы

Банк	Проект (Страна)	Приоритет	Модель взаимодействия
ЕАБР	Куланакская ГЭС (Кыргызстан)	Физическая инфраструктура	**Проектное финансирование:** Ликвидация дефицитов без вмешательства
АБР	Ж/Д Малолос–Кларк (Филиппины)	Глобальные стандарты	**Нормативный контроль:** Навязывание внешних правил
НБР	Метро Мумбаи (Индия)	Скорость и Суверенитет	**Национальные системы:** Опора на законодательство заемщика

Примечание: Источник — собственная разработка по итогам анализа

Таким образом, анализ реализованных проектов демонстрирует фундаментальное расхождение в проектной философии банков развития. Институты «старой гвардии» используют финансирование как рычаг для институциональной трансформации, тогда как «новые» банки приоритезируют суверенный контроль и скорость реализации.

Синтез моделей и сравнительная оценка

Сравнительный анализ организационных структур выявляет различия в архитектуре финансирования, которую можно оценить по критериям транзакционных издержек и институциональной автономии заемщика.

Эффективность банков развития не может быть измерена только финансовым объемом. Анализ показывает, что традиционные и новые банки предлагают различное соотношение финансовых и политических издержек.

1. Высокие транзакционные издержки. Проекты Глобального Севера обеспечивают низкую стоимость заемного капитала, но навязывают значительные нефинансовые издержки. Пример Талимарджанской ТЭС показывает, что деньги являются инструментом для институциональных изменений внутри страны-заёмщика. Железная дорога Малолос-Кларк демонстрирует, что внедрение жестких наднациональных стандартов АБР замедляет цикл проекта и увеличивает административную нагрузку.
2. Низкие транзакционные издержки. Новые банки предлагают более быстрое развертывание капитала за счет минимизации бюрократии. НБР делегирует надзор за рисками местному законодательству. ЕАБР фокусируется на немедленной ликвидации физического дефицита без вмешательства во внутреннюю политику.

Анализ инфраструктурных проектов в Евразии и АТР выявил четкую корреляцию между мандатом банка и его проектной эффективностью. Сотрудничество с банками Глобального Севера сопряжено с высокими

транзакционными издержками и длительными сроками согласования, но гарантирует глубокую институциональную трансформацию того или иного сектора. В то же время, проекты банков Глобального Юга демонстрируют приоритет скорости реализации и физического создания инфраструктуры над регуляторными реформами. Это делает банки Глобального Юга более адаптивным инструментом для решения острых инфраструктурных дефицитов, хотя и ставит вопросы о долгосрочной устойчивости проектов без внешнего нормативного надзора.

Выводы

В условиях фрагментации мировой экономики новые банки развития (НБР БРИКС, ЕАБР) предлагают странам Глобального Юга альтернативную модель финансирования, основанную на принципе невмешательства во внутреннюю политику, в отличие от традиционных институтов (ЕБРР, АБР), связывающих инвестиции с требованиями либеральных реформ и ESG-стандартами. Однако эффективность «новых» банков пока ограничивается меньшим объемом доступного капитала и зависимостью от кредитных рейтингов, определяемых западными агентствами.

Таким образом, появление НБР и ЕАБР не может привести к вытеснению традиционных институтов, но новые финансовые институты создают ситуацию конкурентного выбора для стран Глобального Юга. Развивающиеся экономики впервые получили возможность диверсифицировать свои заимствования, выбирая между деньгами Глобального Севера и Глобального Юга.

Несмотря на то, что финансовая емкость новых банков пока ограничена зависимостью от западных рейтинговых агентств и меньшим объемом капитала, их существование кардинально меняет переговорную позицию заемщиков, превращая рынок развития из монопольного в конкурентный.

Список источников и литературы

1. Си Цзиньпин посетил Новый банк развития БРИКС // Министерство иностранных дел КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202505/t20250501_11614873.html (дата обращения: 25.11.2025).
2. Board of Governors // Asian Development Bank. URL: https://www.adb.org/who-we-are/organization/board-governors (дата обращения: 25.11.2025).
3. Board of Directors // Asian Development Bank (ADB). URL: https://www.adb.org/who-we-are/organization/board-directors (дата обращения: 25.11.2025).
4. Boards // New Development Bank. URL: https://www.ndb.int/governance/boards/ (дата обращения: 25.11.2025).
5. EBRD Board of Directors // European Bank for Reconstruction and Development. URL: https://www.ebrd.com/home/who-we-are/our-organisation/ebrd-governance-leadership/ebrd-board-of-directors.html (дата обращения: 25.11.2025).

6. President Odile Renaud-Basso // European Bank for Reconstruction and Development. URL: https://www.ebrd.com/home/who-we-are/our-organisation/ebrd-governance-leadership/president-odile-renaud-basso.html (дата обращения: 25.11.2025).
7. Положение о корпоративном развитии Европейского банка развития // Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/211/Polozhenie-o-korporativnom-upravlenii-s-nov.prilozheniyami.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
8. ЕБРР организационная структура // Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/c99/Organisatsionnaya-struktura-EABR_.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
9. Basic documents of the European Bank for Reconstruction and Development // European Bank for Reconstruction and Development (дата обращения 25.11.2025)
10. Report and Recommendation of the President to the Board of Directors: Proposed Loans and Administration of Loans for the Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) Corridors 1 and 6 (Taras-Kyzylorda Section) Road Project [43151-023] // Asian Development Bank. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/project-documents/43151/43151-023-pcr-en.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
11. Notice: Project Information (No. 24262754) // European Bank for Reconstruction and Development. URL: https://ecepp.ebrd.com/delta/viewNotice.html?displayNoticeId=24262754 (дата обращения: 25.11.2025).
12. Project Summary: Financial Institutions Energy Efficiency Project (50116) // European Bank for Reconstruction and Development. URL: https://www.ebrd.com/home/work-with-us/projects/psd/50116.html (дата обращения: 25.11.2025).
13. Строительство и эксплуатация ГЭС «Куланак» мощностью 100 МВт - Евразийский банк развития // Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/projects/in-process/stroitelstvo-i-ekspluatatsiya-ges-kulanak-moshchnostyu-100-mvt/?ysclid=miion6g7td478985016 (дата обращения: 25.11.2025).
14. Resettlement Plan (RP) for the South Asia Subregional Economic Cooperation (SASEC) Highway Improvement Project [52083-001] // Asian Development Bank (ADB). URL: https://www.adb.org/sites/default/files/project-documents/52083/52083-001-rp-en.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
15. Project Summary: Mumbai Metro Line 6 Project // New Development Bank (NDB). URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2018/12/Mumbai-metro-00030-1-pdf (дата обращения: 25.11.2025).

Полушкина Вероника Алексеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Факультет мировой политики,
Магистратура

МИГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ МАРОККО В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕГО СТРАН-ЧЛЕНОВ

MIGRATION AS AN INSTRUMENT OF MOROCCO'S FOREIGN POLICY TOWARDS THE EUROPEAN UNION AND ITS MEMBER STATES

Аннотация. Марокко успешно использует инструментализацию миграции в отношении Европейского Союза, Испании и Франции. На основе теорий секьюритизации и инструментализации миграции анализируются конкретные инструменты марокканской миграционной политики: затягивание заключения соглашения о реадмиссии с ЕС и Францией, управляемое ослабление пограничного контроля испанских анклавов и последовательное морское сотрудничество с Испанией. В обмен на миграционное сотрудничество Марокко добилось поддержки своего плана по Западной Сахаре со стороны Испании и Франции, а также получило значительное финансирование от ЕС.

Ключевые слова: Марокко, Европейский Союз, Испания, Франция, инструментализация миграции, реадмиссия

Abstract. Morocco has successfully instrumentalized migration in its relations with the European Union and its member states Spain and France. Drawing on theories of securitization and instrumentalization, this article examines key tactics in Morocco's migration policy: stalling the readmission agreement's with the EU and France conclusion, deliberate weakening of border control around Spanish enclaves, and maintaining consistent maritime cooperation with Spain. In exchange for its cooperation on migration, Morocco has gained support from Spain and France for its Western Sahara autonomy plan, alongside substantial financial support from the EU.

Keywords: Morocco, the European Union, Spain, France, instrumentalization of migration, readmission

Введение

Географическое положение Марокко делает его своеобразным мостом между двумя континентами, Европой и Африкой. В самом узком месте ширина Гибралтарского пролива составляет около 14 км, поэтому этот путь наиболее удобен для мигрантов из Африки южнее Сахары. Стоит отметить, что Коро-

левство является одновременно страной происхождения и страной транзита мигрантов через Западно-Средиземноморский путь. Марокканская диаспора в Европе насчитывает более трех млн. чел., во Франции и Испании проживает наибольшее количество мигрантов из Марокко. В течение долгого времени академический и политический дискурс сводился к рассмотрению Королевства в качестве объекта миграционной политики Европейского союза, что вынуждало Марокко адаптироваться под стандарты и финансирование Брюсселя. Однако такой взгляд игнорирует возможности Марокко в использовании геополитического положения страны-транзита — возможностью контролировать или, наоборот, допускать потоки людей через свою территорию.

Актуальность и новизна исследования заключаются в смене традиционной точки зрения, в рамках которой Марокко рассматривается преимущественно как объект миграционной политики ЕС. Данная работа предлагает инверсию подхода, анализируя Королевство как актора, который активно и целенаправленно инструментализирует миграционные потоки для достижения собственных внешнеполитических и экономических целей.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать механизмы и оценить эффективность инструментализации миграционной повестки Марокко в отношениях с ключевыми партнерами в ЕС — Испанией и Францией.

Задачи:

1. Изучить теоретические подходы к инструментализации миграции;
2. Выявить конкретные инструменты и тактики, применяемые Марокко в миграционной дипломатии с ЕС, Испанией и Францией;
3. Проанализировать политические и экономические уступки, полученные Марокко от европейских стран в обмен на сотрудничество в миграционной сфере.

Теоретические основы инструментализации миграции во внешней политике

Взаимосвязь понятий «миграция» и «безопасность» относительна нова в научном и практическом поле. Наибольший вклад привнесли реалисты и конструктивисты. Миграция в XXI веке все больше рассматривается не как социальная проблема, а как угроза национальной безопасности, так как она подрывает суверенитет национальных государств, что связано с необходимостью усиления контроля государственных границ, а также национальную идентичность, которая размывается при наплыве носителей другой идентичности.

Переходу миграции в сферу национальной безопасности способствовала теория секьюретизации, предложенная представителями Копенгаген-

ской школы международных отношений Б. Бузаном, О. Вейвером, Я. де Вилдом. Так, одной из активно секьюритизируемых проблем для безопасности государства стала миграция. В Европейском Союзе наиболее ярко этот процесс проявился во время миграционного кризиса 2015 года.

Секьюритизация осуществляется через ряд мер: 1) дискурсивное конструирование угрозы — представление легальных и нелегальных мигрантов как потенциальной опасности для общественного порядка, идентичности и экономики принимающих стран; 2) технологии контроля: внедрение биометрических данных, систем распознавания лиц, спутникового наблюдения и расширенных пограничных инфраструктур; 3) милитаризация границ: привлечение сил безопасности к выполнению охране границ.

В контексте миграционной политики следует отличать позиции трех типов государств: страны назначения, страны происхождения и страны транзита. Первые в качестве рычагов влияния имеют визовую политику, права на проживание и работу. Вторые могут лоббировать свои интересы благодаря диаспорам и ограничительным мерам на своих границах. Сосредоточимся на последних, они имеют особые позиции. С одной стороны, государства-транзита сами сталкиваются с миграционными потоками и вынуждены принимать меры для внутренней безопасности, но и сталкиваться с ограничительными мерами стран конечного назначения мигрантов, что может привести к миграционным кризисам внутри. С другой стороны, управляемая миграция может стать инструментом давления на страны назначения для получения политических или экономических преференций.

Миграция стала инструментом внешней политики. В рамках концепции инструментализации, то есть использование нетрадиционных инструментов для достижения внешнеполитических целей, можно рассматривать, как регулирование и контроль миграции используется государствами во внешней политике [1, с. 107]. Инструментализация миграции охватывает все формы использования миграции в политических целях.

Частным и более агрессивным проявлением инструментализации миграции является её «веапонизация» (от англ. «weapon» — оружие), когда миграционные потоки используются для принуждения и шантажа. Это понятие ввела в научный оборот Келли Гринхилл, американский политолог, в своей книге «Оружие массовой миграции» [2]. Она проанализировала миграционные потоки со второй половины XX века и выявила множество случаев использование этих потоков для достижения конкретных политических, экономических или военных целей за счет «принуждения через миграцию» другое государство [2, с. 11]. Такая стратегия имеет агрессивный характер, поэтому используется термин «принуждение» (от англ. «coercion»), она может использовать любым из трех типов государств. Но в рамках секью-

ритизированности миграции она особенно эффективна в отношении либеральных демократий (стран Севера), для которых вопросы прав человека декларируются приоритетными, но в то же время идут в разрез с поддержанием национальной идентичности.

Можно считать, что транзитные государства, находящиеся на пути миграционных маршрутов с Глобального Юга на Север, хоть и сталкиваются с издержками «проходного двора» остаются в наиболее выгодной позиции. Извлекая выгоду из своего географического положения, они обладают «оружием слабых» — превращением миграции в инструмент давления на более сильных акторов [2, с. 11]. Угроза, подразумеваемая или реализуемая, дестабилизации границ соседа путем ослабления миграционного контроля становится мощным рычагом в политическом диалоге.

Европейский союз обеспокоен инструментализацией миграции с 2021 года в связи с ситуацией на границе с Беларусью. Европейская комиссия предложила принять Регламент о противодействии инструментализации в сфере миграции и предоставления убежища, в котором раскрывается само понятие как «растущее участие государственных акторов в искусственном создании и содействии нелегальной миграции, используя миграционные потоки в качестве инструмента для политических целей, для дестабилизации Европейского Союза и его государств-членов» [3].

На практике инструментализация миграции реализуется в форме миграционной дипломатии, определяемой как «использование государством дипломатических инструментов и процедур для управления трансграничной мобильностью населения» [4, с. 4]. Наиболее эффективно миграционная дипломатия работает на двустороннем уровне, где переговоры носят более гибкий и предметный характер, позволяя напрямую увязывать миграционное сотрудничество с другими вопросами политической и экономической повестки. Этот вид дипломатии используется в основном для краткосрочных целей, но может дополнять политику по достижению стратегических задач. Именно в двустороннем формате, в отношениях с Испанией, Марокко демонстрирует наиболее яркие примеры успешной инструментализации миграции.

Инструменты миграционной политики Марокко в отношениях с ЕС

Сотрудничество Марокко с Европейским союзом началось в 1996 году с подписанием Соглашения об ассоциации [5]. С момента вступления в силу соглашения власти Марокко стараются продвигать свои интересы в европейском экономическом пространстве. Кульминацией политико-экономического сотрудничества между сторонами стало подписание согла-

шение о получении Марокко статуса привилегированного партнера Евросоюза 13 октября 2008 г.

Институционально оформление взаимодействия для решения миграционных проблем на двустороннем уровне оформилось с заключением соглашения в рамках Европейской политики соседства в 2004 г. В обмен на миграционное сотрудничество ЕС финансировал проекты по укреплению инфраструктуры на границе, созданию систем пограничного наблюдения и обучение марокканских внутренних органов по обнаружению фальсифицированных документов. Все эти меры способствовали модернизации Королевства и укреплению экономического сотрудничества с ЕС.

ЕС проводит политику экстернализации границ, то есть сотрудничество с третьими странами для того, чтобы 1) ограничить въезд и пребывание мигрантов в Европе, предотвращая их выезд из стран происхождения или транзита и 2) облегчить их возвращение из ЕС в эти страны. В 2013 году ЕС и Марокко заключили Партнерство по мобильности, которое должно было стать символом «привилегированных» отношений. Оно декларировало четыре цели: эффективное управление трудовой и легальной краткострочной миграцией; выгоды от сотрудничества в области миграции; совместная борьба с нелегальной миграцией, перемещением и торговлей людьми, а также содействие возвращению людей; соблюдение международных договоров о правах беженцев. Стороны договорились о содействии европейских агентств по безопасности, таких как Frontex и Европол, для успешной реализации договоренностей. Ключевым элементом сделки было упрощение визового режима для марокканских граждан в обмен на готовность Рабата подписать всеобъемлющее Соглашение о реадмиссии, которое позволило бы ЕС возвращать в Марокко не только его собственных граждан, но и граждан третьих стран, проследовавших через территорию Королевства [6].

Однако Марокко успешно использует тактику стратегического промедления заключения такого соглашения. Переговоры по реадмиссии тянутся еще с 2000 года и до сих пор не завершены. Королевство, ссылаясь на угрозы суверенитету и экономическим связям со странами Западной Африки, отказывается брать на себя обязательства по приему мигрантов из других регионов. При этом Рабат продолжает получать значительные финансовые вливания от ЕС в обмен на оперативное сотрудничество по сдерживанию потоков, фактически получая плату за невыполнение формальных договоренностей. Эта ситуация — пример миграционной дипломатии Марокко.

Европейский союз стал главным донором Марокко в сфере управления иммиграции. Через такие инструменты, как Чрезвычайный трастовый фонд для Африки и Европейский инструмент соседства (ENI, а теперь NDICI-Global Europe), Брюссель направляет миллионы евро на стабилизацию

Королевства. Фонд реализовал семь проектов по укреплению потенциала по управлению миграцией на общую сумму 234 млн. евро за период 2015–2021 гг. [7] Из данного финансирования бóльшая часть (77%) была направлена на контроль границ и борьбу с незаконной перевозкой людей и торговлей ими. В 2022 году было запущено новое финансирование в размере 150 млн. евро на четыре года на поддержку трудовой и легальной миграции, уменьшении нелегальной миграции, реадмиссии мигрантов.. Таким образом, миграционный контроль стал для Марокко стабильным источником бюджетной поддержки и развития силовых структур.

Марокко активно развивает оперативное взаимодействие с европейскими агентствами, такими как Frontex и Европол. В 2019 году был создан Смешанный совет Frontex–Марокко для обмена разведданными и лучшими практиками. Королевство регулярно отчитывается о своих успехах: так, в 2019 году были предотвращены 135 тыс. попыток нелегального пересечения границы, спасены 38 тыс. человек в море и ликвидированы более 300 преступных группировок.

Эта демонстрация эффективности служит двум целям: во-первых, она оправдывает получаемое финансирование и укрепляет статус Марокко как «надежного партнера»; во-вторых, она создает у европейских партнеров ощущение стабильности, которое может быть в любой момент нарушено «случайным» ослаблением контроля, что и становится главным рычагом давления в кризисных ситуациях.

Межгосударственный уровень: Миграционная дипломатия Марокко в отношении Испании и Франции

На двустороннем уровне инструментализация миграции проявляется наиболее рельефно, поскольку позволяет Марокко играть на специфических уязвимостях каждого партнера.

Приоритетом внешней политики Марокко является признание суверенитета над Западной Сахарой, или Южными провинциями, как их называют в Королевстве. Этот вопрос также являлся камнем преткновения в двусторонних отношениях Марокко с Испанией и частично Францией. Именно тут видна инструментализация миграции Королевством для оказания дипломатического давления на соседей из ЕС. Что касается судьбы Южного испанского Марокко (Западная Сахара), то до 1976 г. эта территория принадлежала Испании. Уходя оттуда, испанцы не определили будущее этих земель. Марокко с момента независимости от Франции и Испании, постоянно заявляло о своих правах на Западную Сахару, что оспаривается движением за независимость Фронтом Полисарио, который получает политическую и материально-техническую поддержку от Алжира. В настоящее время

Марокко контролирует большую часть территории и выступает за автономию под своим суверенитетом.

Для Испании миграционное давление со стороны Марокко имеет непосредственное территориальное измерение, поскольку она обладает африканскими анклавам Сеута и Мелилья, окруженным марокканской территорией. Это делает Мадрид чрезвычайно уязвимым к любым колебаниям в настроениях Рабата. Для Марокко эти города не несут стратегического значения, а скорее имеют тактическую значимость, ведь Рабат может использовать спор в качестве рычага давления на Мадрид по другим вопросам, например, либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией в соглашениях с ЕС.

История сотрудничества в области контроля границ между двумя странами долгая и в целом продуктивная (соглашение о реадмиссии 1992 г., создание координационных полицейских центров в 2012 г., совместные операции). Испания создала одну из самых технологически продвинутых систем пограничного контроля в Европе (Комплексная система внешнего наблюдения SIVE, оперативная сеть «SEAHORSE» [8].

Однако Марокко в 2021 году продемонстрировало, что может в любой момент превратить эту отлаженную систему в неэффективную. В апреле 2021 года Марокко использовало миграцию, ослабив пограничный контроль анклава Сеута. Конфликт между двумя королевствами обострился, когда стала известна информация, что лидер Фронта Полисарио, Брахим Гали, лечился в испанской больнице от COVID-19, что Марокко восприняло как дипломатическое оскорбление. В ответ Рабат ослабил пограничный контроль вокруг испанских анклавов в Северной Африке. За сутки в Сеуту попали около 8 тыс. мигрантов [9]. Мадрид быстро отреагировал, поскольку в целом анклавы милитаризованы, поэтому мобилизовать ответные меры в форме возврата мигрантов в Марокко получилось в течение нескольких дней. Несмотря на продолжающийся политический конфликт, стороны возобновили миграционное сотрудничество через 2 дня, когда марокканские власти снова усилили охрану периметра анклавов. Это был не стихийный прорыв, а тщательно спланированная акция демонстрации силы.

Обстановка между странами накалилась, что привело к отзыву марокканского посла из Мадрида. Для урегулирования отношений Испания предложила поставлять газ в Марокко, поскольку Алжир разорвал контракт с североафриканским королевством, а король Испании Филипп VI официально напомнил о дружбе между государствами. Но марокканская сторона ясно дала понять, что твердо намерена получить испанскую поддержку по сахарскому вопросу [10].

Результат не заставил себя ждать. После этого инцидента Испания официально одобрила план автономии Марокко для Западной Сахары в марте

2022 года, двустороннее сотрудничество возобновилось. Взамен Мадрид получил немедленное восстановление миграционного контроля. С тех пор сотрудничество вышло на новый уровень: Испания стала одним из крупнейших инвесторов в марокканскую пограничную инфраструктуру, направив за 2019–2022 гг. 123 млн. евро [11], и постоянно публично хвалит партнерство с Рабатом. Эти события иллюстрируют механизм, в котором миграция использовалась в качестве инструмента для оказания политического давления на Испанию, а в ее лице и ЕС в целом.

Ключевым инструментом Марокко в отношении Франции стал вопрос реадмиссии. Франция, имеющая на своей территории крупнейшую в Европе марокканскую диаспору (свыше 1 млн. человек), была заинтересована в упрощенных процедурах возвращения нелегальных мигрантов и несовершеннолетних нарушителей. В 2020 году стороны подписали соглашение о возвращении несопровождаемых несовершеннолетних, однако общее соглашение по реадмиссии достигнуто не было.

В 2021 году Франция в одностороннем порядке сократила выдачу виз марокканцам на 50% [12]. Это была попытка силового давления, которая провалилась. Марокко не пошло на уступки, а визовый кризис вызвал волну критики и неудобств для французских граждан и бизнеса. Этот кризис показал ограниченность рычагов давления у Парижа и укрепляющуюся позицию Рабата после признания автономии Испанией. Франция восстановила дружеские отношения с Марокко только в 2024 г., поэтому на несколько лет отстала от Испании в сотрудничестве по ключевым двусторонним вопросам. Но сейчас ведутся переговоры по облегчению депортации нелегально приехавших марокканцев при содействии Рабата. Поддержка плана автономии Парижем стала крупной дипломатической победой Марокко, достигнутой, в том числе, и благодаря умелому использованию миграционного рычага.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод: Марокко осознало выгоды транзитного положения и инструментализирует миграцию в отношении Европейского союза для получения дополнительного финансирования, но не заключая связывающего соглашения о реадмиссии, точно такие же меры Королевство предпринимает в отношении Франции. С Испанией выстроено более взаимовыгодное приграничное сотрудничество, но Испания уязвима из-за имеющихся африканских анклавов. Во многом через миграционную дипломатию Марокко добилось кардинального изменения позиции Испании и поддержки со стороны Франции по вопросу о Западной Сахаре, что является его главным внешнеполитическим приоритетом.

Список источников и литературы

1. *Пагани К.* Инструментализации миграции. Управление миграционными потоками в двухсторонним формате. // Международный процессы. Т. 19, № 1 (64). с. 103–119.
2. *Greenhill K.* Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion, and Foreign Policy. // Ithaca, New York: Cornell University Press. 2010. 342 p.
3. Proposal for a Regulation of the European Parliament end of the Council addressing situations of instrumentalisation in the field of migration and asylum // Official Journal of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52021PC0890 (дата обращения: 29.11.2025).
4. *Adamson F., Tsourapas G.* Migration diplomacy in world politics, International Studies Perspectives, vol. 20, no. 2. 2019. p. 113-128.
5. Council Decision 2000/204/EC of 28 February 2000 on the conclusion of the Euro-Mediterranean Agreement establishing an association between the European Communities and their Member States and the Kingdom of Morocco // Official Journal of the European Union. L 70. 18.03.2000. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32000D0204 (дата обращения: 15.03.2025).
6. Migration and mobility partnership between the EU and Morocco // European Comission. 2013. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_13_513 (дата обращения 25.04.2025).
7. EU migration support in Morocco // European Commission. February 2023. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/document/download/085cf327-1757-4dcb-9983-315edddea878_en (дата обращения: 25.04.2025).
8. *Carrera S, Cassarino JP, Den Hertog L.* EU-Morocco Cooperation on Readmission, Borders and Protection: A model to follow? // Liberty and Security in Europe CEPS. N 87. 2016. Jan. 18 p.
9. España apoya el plan marroquí para el Sáhara para restablecer relaciones con Rabat // La vanguardia. 18.03.2022. URL: https://www.lavanguardia.com/politica/20220318/8135945/marruecos-asegura-espana-apoya-propuesta-autonomia-sahara-occidental.html (дата обращения: 27.04.2025).
10. *Lebovich A., Lovatt H.* Endless concessions: Spain's tilt to Morocco // European Council on Foreign Relations (ECFR). 23.03.2022. URL: https://ecfr.eu/article/endless-concessions-spains-tilt-to-morocco/ (дата обращения: 25.03.2025).
11. Spanish government approves another €30 million for migration control in Morocco // Statewatch. 24.10.2022. URL: https://www.statewatch.org/news/2022/october/spanish-government-approves-another-30-million-for-migration-control-in-morocco/ (дата обращения: 26.04.2025).
12. Coopération franco-marocaine sur les mineurs isolés // Groupe d'information et de soutien des immigré. 12.01.2021. URL: http://www.gisti.org/spip.php?article6543 (дата обращения: 25.04.2025).

Семак Валерия Максимовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений
Магистратура

ИРАН В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА: ДИПЛОМАТИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ И СОЛИДАРНОСТИ

IRAN IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL SOUTH: DIPLOMACY OF CONFRONTATION AND SOLIDARITY

Аннотация. Статья исследует эволюцию внешнеполитического поведения Ирана в контексте концепции Глобального Юга и анализирует факторы, определяющие его неоднозначный статус внутри этой парадигмы. Показано, что, несмотря на участие в Движении неприсоединения и общность с государствами Глобального Юга по историческим и социально-экономическим параметрам, Иран обладает нетипичным профилем, сформированным его политической автономностью, санкционным давлением и сложными региональными отношениями. Эти особенности обусловили развитие особой внешнеполитической траектории и укрепили стремление Тегерана к самодостаточной международной роли. В статье подчёркивается, что Иран активно конструирует образ ключевого актора, продвигающего многополярность и ориентированного на справедливый международный диалог. Отдельное внимание уделяется его участию в многосторонних форматах и взаимодействию с партнёрами в Азии, Африке и Латинской Америке, через которые он стремится закрепить статус самостоятельного центра силы.

Ключевые слова: Иран; Глобальный Юг; многополярность; антиимпериализм; уникальность внешнеполитической идентичности.

Abstract. The article explores the evolution of Iran's foreign policy behavior in the context of the Global South concept and analyzes the factors determining its ambiguous status within this paradigm. It is shown that, despite its participation in the Non-Aligned Movement and commonality with the states of the Global South in terms of historical and socio-economic parameters, Iran has an atypical profile formed by its political autonomy, sanctions pressure and complex regional relations. These features led to the development of a special foreign policy trajectory and strengthened Tehran's desire for a self-sufficient international role. The article emphasizes that Iran is actively constructing the image of a key actor promoting multipolarity and focused on a fair international dialogue. Special attention is paid to its participation in multilateral formats and interaction with partners in Asia, Africa and Latin America, through which it seeks to consolidate its status as an independent center of power.

Keywords: Iran; Global South; multipolarity; anti-imperialism; uniqueness of foreign policy identity.

Введение

В общепринятом понимании к государствам Глобального Юга чаще относят страны Азии, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна. Однако важно учитывать, что данное понятие не ограничивается исключительно географическими рамками и имеет более глубокий и многозначный характер. Концепция Глобального Юга прежде всего определяется историко-политическим контекстом: это государства с колониальным прошлым, имеющие опыт внешнего доминирования со стороны метрополий ради эксплуатации ресурсов, что в дальнейшем формировало их антиимпериалистическую риторику и стремление к независимому развитию. К характеристикам государств Глобального Юга также относят низкий или средний уровень экономического развития; такие страны нередко называют государства с переходной экономикой или развивающимися. Они, как правило, часто зависят от экспорта сырья, являются уязвимыми к внешним кризисам вследствие долговой зависимости или санкций и ориентированы на торговое сотрудничество по линии «Юг–Юг» [1]. Среди других ключевых характеристик эксперты выделяют высокий темп роста населения и сравнительно молодую демографическую структуру, значительное неравенство между регионами. При анализе указанных аспектов становится очевидно, что Исламская Республика Иран соответствует большинству характеристик, присущих государствам Глобального Юга, несмотря на то что не вписывается в его традиционную модель. Более того, Иран был одним из 29 государств-участников Бандунгской конференции 1955 г. — предтечи современного понятия Глобальный Юг.

Автор ставит перед собой задачу выявить факторы, препятствующие восприятию Ирана как типичного представителя Глобального Юга, а также определить его роль в условиях трансформирующегося полицентричного мирового порядка. Особое внимание уделяется вопросу: следует ли относить Исламскую Республику к странам Глобального Юга, или же Иран выступает самостоятельным актором международных отношений, формирующим собственную внешнеполитическую риторику и стратегию.

Формирование внешнеполитической идентичности Ирана через Движение неприсоединения

Позиция Ирана в Движении неприсоединения(ДН) также была неоднозначна и сложна по своему характеру: период можно разделить на номинальное участие 1961–1979 гг. и фактическое с активной полноценной позицией с 1979 г. Дело в том, что после событий 1953 года, когда в результате операции спецслужб США и Великобритании был свергнут премьер-министр Мохаммед Мосаддык, Иран оказался в зоне тесного политического и страте-

гического влияния Запада, что предопределило его прозападную внешнеполитическую ориентацию и фактически исключило возможность проведения независимой линии, соответствующей принципам неприсоединения.

Иран по сути нарушал ключевые критерии для вступления в Движение, сформулированные на саммите в Каире (5–12 июня 1961 г.), поскольку его внешняя политика после переворота 1953 г. стала открыто прозападной, страна вступила в военный блок СЕНТО (Багдадский пакт), заключила ряд обязательных оборонных соглашений с США и допустила на своей территории американские военные объекты и присутствие военных советников, что прямо противоречило принципам проводимой независимой политики [2].

В результате в 1960–1970-е годы поведение Ирана в Движении неприсоединения носило характер скорее номинального присутствия. Тегеран участвовал в мероприятиях и подписывал документы, однако не стремился формировать общую позицию с государствами Азии, Африки и Латинской Америки. Для шахского режима Мохаммеда Реза Пехлеви участие в Движении скорее служило дипломатическим инструментом расширения международных контактов и подтверждения роли Ирана как региональной державы. Шах не приравнивал Иран к «Третьему миру», для него это прежде всего великая Персия — древнейшая цивилизация и будущий региональный лидер. Шах строил модернезированное общество по западным канонам, итоги его «белой революции» — преобразования иранского общества исключительно мирным (белым) путем, по сути своей оказались капиталистическая модернизация по западно-капиталистическим стандартам, проводимая недемократическим, жестко авторитарным режимом шаха. Неудивительно, что резкая ломка традиционных ценностей и попытка их замены чуждыми западными светскими и материальными ценностями породила яростный протест, а проводимая модернизация вызвала огромное социальное расслоение, поделив население на богатых и очень бедных, процент которых во много раз превышал первых.

Ситуация радикально изменилась после исламской революции 1979 г. Новый политический режим во главе с аятоллой Рухоллой Хомейни стремился дистанцироваться от прежнего стратегического курса и сформировать независимую внешнюю политику, основанную на идеях суверенитета, антиимпериализма и отказа от участия в военно-политических блоках. По мнению имама Хомейни, существовавшая система международных отношений была глубоко несправедливой, а мир разделён на две части: «благоденствующих» (мостакберин), к которым он относил США, западные державы и СССР, и «обездоленных» (мостазафин) — страны третьего мира, угнетённые империализмом. Исходя из этой установки, иранское руководство провозгласило два фундаментальных принципа своей внешней политики:

«экспорт исламской революции» и лозунг «Ни Запад, ни Восток — только ислам!». Эти идеи означали жёсткий курс одновременного антизападничества и антисоветизма: если США в официальной риторике именовались «великим сатаной», то СССР — «вторым великим сатаной» [3].

Иран стремился стать центром исламского мира, это была попытка претензии на роль «халифата». Были созданы специальные органы, игравшие роль «исламского Коминтерна», задачей которых было способствовать «экспорту революции» [4]. В 10-й главе новой Конституции 1979 г. были изложены основные принципы внешней политики республики: исламские принципы, братские обязательства перед мусульманами всего мира и безусловная защита угнетенных в исламском мире» [5]. В 1982 г. Иран содействовал созданию в Ливане движения «Хезболла», ставшего первым и наиболее успешным примером экспорта исламской революции, а в период правления Саддама Хусейна активно оказывал поддержку шиитской оппозиции в Ираке, рассматривая её как естественного союзника и инструмент укрепления своего влияния в регионе.

Также новое правительство Ирана разорвало все отношения с Израилем, признало Организацию освобождения Палестины и разрешил ей открыть своё представительство в Тегеране, палестинцам была обещана помощь и поддержка [6]. Палестинскую делегацию встретили с особым радушием: новые власти Ирана передали ей ключи от здания бывшего израильского посольства в Тегеране, которое затем было официально преобразовано в посольство Палестины.

Временное революционное правительство Ирана также заручилось поддержкой ряда государств, среди которых были Куба, Индия и несколько африканских стран. Уже 25 апреля 1979 г. в Тегеран прибыла кубинская делегация — примечательный факт, учитывая, что с Кубой шахский режим вовсе не имел дипломатических отношений. Стремясь подчеркнуть свою солидарность с антиимпериалистическими и освободительными движениями, Иран заявил о поддержке борьбы народа Зимбабве, признал новое революционное руководство Никарагуа и Народную Республику Анголу. Одновременно активизировались контакты с Индией. В этот период Тегеран официально обратился с просьбой о вступлении в Движение неприсоединения [7].

Таким образом, после исламской революции внешнеполитический курс Ирана оказался ориентирован на расширение контактов не только с ближневосточными соседями, но и с новыми партнёрами в Азии, Африке и Латинской Америке, которые, как и Иран, находились в процессе формирования собственной внешнеполитической субъектности после длительного периода внешнего давления и ограниченной самостоятельности. Иран стремился обрести собственную внешнеполитическую идентичность и, в отличие от

многих государств Глобального Юга, сделал это через радикальный разрыв с прежними паттернами поведения. Центральным элементом его новой стратегии стала жёсткая антиимпериалистическая линия, прежде всего направленная против Соединённых Штатов, отношения с которыми были фактически сведены к нулю.

Эскалацию конфликта ускорил захват американских заложников в Тегеране в 1979 г., ставший одним из наиболее резонансных событий того периода. Ответ Вашингтона последовал незамедлительно: были разорваны дипломатические отношения, заморожены иранские активы в американских банках, введён запрет на импорт иранской нефти и прекращены двусторонние экономические связи.

В начале 1980-х годов антиимпериализм занял ключевое место в идеологическом оформлении внешней политики Ирана. Массовые лозунги «Смерть Америке!» отражали не только внутреннюю мобилизацию, но и стремление утвердить новый политический дискурс, основанный на сопротивлении внешнему вмешательству. Одновременно формировалась риторика солидарности с развивающимися странами, в рамках которой Иран позиционировал себя защитником мусульманских народов, опираясь на концепцию «уммы» и идеи исламского единства. Это позволяло Тегерану расширять своё влияние и выступать посредником в региональных конфликтах, укрепляя образ государства, способного отстаивать интересы «угнетённых» и предлагать альтернативу западноцентричным моделям мирового порядка.

Несмотря на радикализм, внешнеполитическая концепция ранней Исламской Республики содержала и рациональное стремление к формированию более многополярного, справедливого порядка, в котором развивающиеся и мусульманские страны могли бы выступить в качестве самостоятельного центра силы. В этом контексте Движение неприсоединения стало для Ирана естественной международной платформой: разрыв с США, дистанцирование от СССР, ориентация на солидарность стран Глобального Юга и провозглашение принципов независимости делали участие в ДН логическим продолжением нового курса [8]. Именно поэтому после 1979 г. Иран перешёл от формального присутствия в Движении к активному и идейно мотивированному участию.

Председательство Ирана в ДН в 2012–2015 гг. стало кульминацией его многолетних усилий по укреплению собственной роли в организации и подтверждением того, что, несмотря на политическую изоляцию и жёсткое санкционное давление Запада, Тегеран сохраняет значительный международный вес. Проведение XVI саммита ДН в Тегеране в августе 2012 г. стало символическим моментом: в условиях разгара кризиса вокруг ядерной программы Ирана в страну прибыли делегации более чем 120 государств. Тегe-

ран преподнёс саммит как подтверждение легитимности Ирана на мировой арене и доказательство того, что санкции не смогли изолировать страну от большинства государств Глобального Юга.

В период председательства в ДН Иран стремился укрепить свои позиции и расширить повестку организации, продвигая реформу международного порядка, усиление роли развивающихся стран и осуждение односторонних санкций как инструмента давления. Тегеран акцентировал важность энергетического и технологического сотрудничества, а также право стран Глобального Юга на собственные пути развития. Саммит 2012 г. и последующие мероприятия стали для Ирана площадкой демонстрации дипломатической устойчивости: в итоговых документах были отражены его ключевые интересы — критика санкций, призыв к реформе СБ ООН и поддержка права на мирное использование ядерной энергии. Этот период укрепил внешнеполитические позиции Ирана и позволил ему предстать не изолированным актором, а выразителем коллективных интересов Глобального Юга.

В постреволюционный период и особенно с начала 2000-х годов Иран последовательно развивал многоуровневую политику взаимодействия с государствами Глобального Юга, рассматривая их как стратегическую опору в условиях международной изоляции и давления западных санкций. Одним из наиболее значимых направлений стала Латинская Америка, где Тегеран обнаружил как идеологических союзников, так и перспективных экономических партнёров. Сотрудничество с Венесуэлой, Боливией и Кубой основывалось на общности антиимпериалистической риторики, а также стремлении к формированию альтернативных моделей развития [9]. Иран и Венесуэла реализовывали совместные проекты в нефтегазовой сфере, нефтехимии и машиностроении, Боливия привлекала иранские инвестиции в добычу лития и развитие энергетической инфраструктуры, а сотрудничество с Кубой включало фармацевтические и биотехнологические инициативы. Отношения с Бразилией имели более широкую и прагматичную основу: помимо экономических контактов, Бразилия выступала посредником в иранском ядерном досье, что подчеркнуло растущую роль Тегерана в дипломатии Глобального Юга.

Африканский вектор внешней политики Тегерана сочетал экономические и гуманитарные элементы. Иранские компании участвовали в инфраструктурных и энергетических проектах в странах Восточной и Западной Африки, продвигали медицинские услуги и поставки фармацевтической продукции. Параллельно Тегеран развивал культурно-религиозные каналы влияния, опираясь на связи с шиитскими общинами Нигерии, Сенегала, Танзании и ряда других государств.

Азиатское направление взаимодействия с Глобальным Югом ориентировано на укрепление экономической устойчивости Ирана и диверсификацию

внешнеполитических связей. Китай, ставший главным торговым партнёром Ирана, играет ключевую роль в энергетических проектах, транспортной инфраструктуре и инвестиционных инициативах, включая программу «Пояс и путь» и подписанное в 2021 г. соглашение о долгосрочном стратегическом сотрудничестве. Индия, в свою очередь, видит в Иране важного партнёра для обеспечения транспортной связи с Центральной Азией и Афганистаном, что проявилось в развитии порта Чабахар и смежных логистических проектов.

Значительную роль в продвижении интересов Ирана играют международные площадки, прежде всего БРИКС, Движение неприсоединения, Организация исламского сотрудничества и Шанхайская организация сотрудничества. Эти площадки позволяют Тегерану артикулировать своё видение международного порядка, основанного на принципах суверенитета и равноправия государств. В рамках БРИКС Иран совместно с единомышленниками выстраивает независимый диалог, направленный на формирование многополярного мира, основанного на многостороннем и равноправном взаимодействии государств. ДН служит Ирану важным форумом для выражения солидарности стран Глобального Юга и критики односторонних санкций. ОИС предоставляет Ирану возможность позиционировать себя как защитника интересов мусульманских народов, прежде всего в контексте палестинского вопроса. В рамках ШОС Тегеран усиливает взаимодействие с Китаем, Россией и странами Центральной Азии, что способствует укреплению его региональных позиций и расширению пространства внешнеполитического манёвра.

Прослеживая историческую траекторию развития Ирана и анализируя его поведение в контексте концепции Глобального Юга, можно утверждать, что по большинству структурных характеристик Иран действительно относится к числу коренных участников этого сообщества. Однако его роль в международной системе оказывается значительно шире и сложнее. Это обусловлено не только противоречивыми элементами исторической и идеологической повестки, но и совокупностью политических, экономических и региональных барьеров, которые затрудняют восприятие Исламской Республики как типичного представителя Глобального Юга.

Выводы

В качестве ключевого барьера автор выделяет, прежде всего, международный имидж Ирана как самостоятельного и принципиально независимого игрока, проводящего собственную внешнеполитическую линию вне рамок внешнего давления и доминирующих центров силы. Такая подчеркнутая автономность и ориентация на суверенную стратегию нередко воспринима-

ются как отличие от образа «кооперативного Юга», который формируется международными организациями и большинством развивающихся государств. Иначе говоря, Иран претендует на роль не периферийного, а одного из ключевых центров силы в многополярном мире, что выводит его за рамки «типичтности».

Во-вторых, существенным препятствием выступают региональные идеологические противоречия. Иранская политическая модель, основанная на принципах исламской революции, вызывает настороженность у значительной части стран Ближнего Востока, преимущественно суннитских, и не совпадает с доминирующими моделями модернизации в других государствах Глобального Юга. Это снижает готовность партнёров воспринимать Иран как элемент единого южного сообщества.

В-третьих, экономическая система Ирана остаётся относительно закрытой и ограниченной санкциями, что препятствует полноценной интеграции в южные экономические сети и международные проекты развития, являющиеся ядром самоидентификации Глобального Юга.

Таким образом, Иран следует рассматривать как самобытную цивилизацию-государство, которая действует в парадигме Глобального Юга: он разделяет ключевые цели и ценности развивающихся государств, однако одновременно формирует собственную внешнеполитическую риторику и стратегию, ориентированную не только на солидарность, но и на пересмотр отдельных норм международного порядка. Эта двойственность — сочетание принадлежности к Глобальному Югу и стремления к уникальной позиции — формирует особый статус Ирана в мировой политике. Именно поэтому в международных отчётах и аналитических исследованиях Иран нередко трактуется как «особый» или даже «проблемный» актор: его политика отличается высокой степенью автономности, принципиальной самостоятельностью и готовностью к жёсткому отстаиванию своих интересов, что выводит его за рамки обобщённого образа стран Глобального Юга, ориентированных преимущественно на кооперацию и развитие.

Иран последовательно реализует стратегию дипломатии «противостояния и солидарности», стремясь объединять государства, заинтересованные в альтернативных моделях мирового порядка. Такая стратегия опирается одновременно на опыт длительного противостояния односторонним санкциям и на идею международной справедливости, которую Тегеран активно продвигает в многосторонних форматах.

Именно эта линия позволяет Ирану двигаться по траектории от преимущественно региональной державы к заметному участнику глобальной южной политики. Укрепляя связи с БРИКС, ШОС, ДН и формирующимися экономическими и политическими коалициями Юга, Иран стремится

трансформировать своё международное положение: не ограничиваться ближневосточным контекстом, а стать частью широкой трансрегиональной платформы государств, которые выступают за многополярность и перераспределение глобального влияния. В этом процессе Иран позиционирует себя как самостоятельный центр политической инициативы, способный не только противостоять давлению, но и предлагать новые модели взаимодействия в рамках Глобального Юга. Перестановка сил в мировой политике представляется неизбежной, вопрос лишь в том, на каких условиях она будет происходить для ключевых акторов, в частности стран Запада. На фоне этой трансформации Иран не только укрепляет собственную международную позицию, но и становится одним из факторов, ускоряющих переход к полицентричной и более сложной структуре мировой системы.

Список источников и литературы

1. *Яковлев П. П.* Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 6–27
2. Non-Aligned Movement // Nuclear Threat Initiative. – Режим доступа: https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/non-aligned-movement (дата обращения: 21.11.2025).
3. *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. - М.: Наука, 1993. - С. 140.
4. *Реза Годс М.* Иран в XX веке: Политическая история. — М., 1994.
5. Constitution of the Islamic Republic of Iran 1979. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7697?utm_source (дата обращения: 23.11.2025).
6. *Юртаев В. И.* Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018. 160 с.
7. *Хуторская В. В.* Атомная энергетика Ирана как одно из стратегических направлений сотрудничества России с ИРИ // Исламская революция в Иране: прошлое настоящее, будущее: сборник статей. М.: ИВ РАН, 1999. С. 310–320
8. *Абдуллаев С. Р.* Внешняя политика Ирана в период Исламской революции // Запад, Восток и Россия: вопросы всеобщей истории. 2024. № 27
9. *Zaccara, L.* Iran's Foreign Policy and South—South Cooperation. Vestnik RUDN. International Relations, 18 (3), 550—564

Подписано к публикации 15.01.2026.
Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 35,5.
Заказ № 17891

Издательство Скифия-принт.
Адрес: 197198, Санкт-Петербург, Большая Пушкарская ул., д. 10
тел.: (812) 982 83 94,
эл. почта: skifia-print@mail.ru